

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были отданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

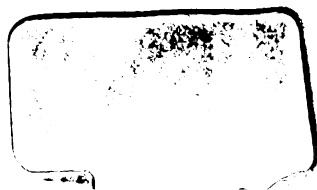
About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Per. 278975 d. 153

480.

ДѢЛО

АВГУСТЪ.

СОДЕРЖАНИЕ.

- I. ВЕЗПРЕДЕЛЬНОСТЬ ГИГИЕНЫ.** . . . . . В. О. ПОРТУГАЛОВА.
- II. ВОЛШОЕ ГОРЕ.** (Стихотворение съ французскаго) . . . . . П. И. ВЕЙНВЕРГА.
- III. МЕЖДУ МОЛОТОМЪ И НАКОВАЛЬНОЙ.**
Романъ (Часть третья, гл. XI—XVIII) . . . . . ФР. ШПИЛЬГАГЕНА.
- IV. РЕТРОГРАДЫ.** (Стихотворение) . . . . . Н. И. КРОЛЯ.
- V. ВЪ РАЗВРОДЪ.** (Романъ въ двухъ частяхъ, гл. I—IV). . . . . А. МИХАЙЛОВА.
- VI. О ДАРВИНИЗМЪ И НАУЧНЫХЪ МНѢНІЯХЪ, НАХОДЯЩИХСЯ СЪ НИМЪ ВЪ СВЯЗИ,**
(Статья вторая. По Шлейдену).
- VII. НА НАШЕЙ УЛИЦѢ ПРАЗДНИКЪ.** (Провансальный очеркъ). . . . . М. А. ВОРОНОВА.
- VIII. ИСТОРИЯ ОДНОГО ТОВАРИЩЕСТВА.** Романъ (Часть третья). . . . . Н. Ф. ВАЖИНА.

См. на оборотѣ.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

IX. ТАЛАНТЛИВАЯ ВЕСТАДАВНОСТЬ . . . . . Н. В. ШЕЛГУНОВА.

«Обрывъ». Романъ П. А. Гончарова. 1869 г.)

X. НОВЫЯ КНИГИ. . . . .

Политико-Экономическіе этюды, Евгенія де-Роберти. Спб. 1869 г.—
«Картины прошедшаго» А. Сухова-Кобылина. Свадьба Кречинскаго, комедія въ 3-хъ дѣйствіяхъ. «Дѣло», драма въ 5-ти дѣйствіяхъ. «Смерть Тарелкина», комедія-шутка въ 3-хъ дѣйствіяхъ. Москва. 1869 г. Учебная русская хрестоматія съ толкованіями. Составилъ П. Полевой. Спб. 1869 г.—Тѣтъ. Критическіе опыты. Перев. подъ редакцію В. Чуйко. Спб. 1869 г. Очерки Яноши М. Венюкова. Спб. 1869 г.

XI. ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ХРОНИКА. ЖАКА ЛЕФРЕНЯ.

Необычайная слабость и отсталость бразильской имперіи.—Періодическій голодъ ея населенія.—Его причины.—Рабство—основное учрежденіе страны.—Бразильская олигархія.—Лѣнь, какъ догматъ національной религіи въ Бразиліи.—Отвратительное положеніе женщины въ Бразиліи.—Историческій очеркъ Бразиліи.—Борьба двухъ партій: унитаріевъ и федералистовъ.—Расы, населяющія Бразилію.—Преобладаніе расы мулатовъ.—Колонизація изъ Европы.—Причины ея неуспѣшности.—Сады акклиматизаціи европейцевъ.—Гибельная для Бразиліи парагвайская война.—Возмутительное лидерство рабовладѣльцевъ.—Смерть Бразиліи, какъ монархіи древняго міра, неизбежна въ близкомъ будущемъ.—Побѣда въ Англіи прогресса.—Смерть маршала Ніеля.—Эйзенбахскій конгрессъ.—Приглашеніе китайцевъ-рабочихъ въ Соединенные штаты.

XII. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ . . . . . Н. Р.

Безжизненность провинціи.—Путешествіе мое отъ стѣра Россіи къ сердцу ея.—Пути сообщенія между Вологдой и Ярославлемъ въ историческомъ состояніи.—Сплошной рядъ кулаковъ, сопровождающихъ путешественника.—Чѣмъ людѣе, тѣмъ бѣднѣе.—Впечатлѣнія, производимыя Москвой.—Сила тяготѣнія назадъ.—Подмосковныя села и мелкая эксплуатація ихъ.—Характеристика ихъ на пригородной каляужской слободѣ Подзавальѣ.—Сапожники Подзавальѣ.—Рознь и бѣдность.—Причины экономического застоя.—

Отъ главной конторы журнала

„ДѢЛО“.

(По Троицкому переулку, д. Гассе, № 13.)

СПИСОКЪ ЖАЛОВЪ НА НЕПОЛУЧЕНІЕ КНИЖЕКЪ „ДѢЛА“:

1. Г. К. Н. Балакшину въ Енисейскѣ. Вы завиди Редакціи о неполученіи Вами нашего журнала, на который Вы подписались чрезъ книжный магазинъ Я. Исакова, въ продолженіи первыхъ 6-ти мѣсяцевъ. Кн. Магазинъ Исакова доставилъ вашу подписку въ Контору «ДѢла» только сего 12 августа, и потому виною невысылки Вамъ журнала былъ Книжный Магазинъ, а не Контора «ДѢла.» Она только чрезъ полгода узнаетъ, что Вы подписались на нашъ журналъ.

2. Г. Соловьевъ, изъ Краснослободска, Пензені губ., не получилъ № 5 «ДѢла» за 1869 годъ.

3. Г. Лутковскій, изъ Верхнеднѣпровска, Екатеринослав. губ., изъ с. Андреевки, не получилъ № 4 «ДѢла» за 1869 г.

4. Г. Новицкій, изъ сельца Быковки, Подольск. уѣзда, Москов. губ. не получилъ № 3 «ДѢла», который высланъ ему *вторично*.

5. Г. Бардинъ, изъ Козьмодемьянска, Казан. губ., не получилъ № 1 и 2 «ДѢла» за 1869 годъ, которые высланы ему *вторично*.

6. Г. Бурдымовъ, изъ Дубно, Волын. губ., не получилъ № 5 «ДѢла» за 1869 годъ, который высланъ ему *вторично*.

7. Малоперекопское волостное правленіе, Самар. губ. Николаев. уѣзда, не получило № 6 «ДѢла» за 1869 годъ.

Всѣ эти жалобы сообщены Газетной Экспедиціи и потребованы отъ нея объясненія, такъ какъ книжки, на неполученіе которыхъ здѣсь выписаны жалобы, были редакціею своевременно сданы на почту.

ОВЪ ИЗДАНИИ
ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКАГО ЖУРНАЛА

„Д Ъ Л О“

въ 1869 году.

Журналь «ДЪЛО» издастся въ 1869 году, при постоянномъ участіи прежнихъ сотрудниковъ, въ томъ же направленіи и по той же программѣ, какъ и въ прошлые два года своего существованія.

Годовое изданіе журнала «ДЪЛО» состоитъ изъ *двѣнадцати* книжекъ, отъ 30—33 листовъ каждая.

ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ „ДЪЛО“ ПРОДОЛЖАЕТСЯ.

ВНОВЬ ПОДПИСАВШИМСЯ ВЫДАЮТСЯ КНИГИ „Д В Л А“ СЪ ПЕРВАГО НУМЕРА.

Подписная цѣна годовому изданію «ДЪЛА».

безъ пересылки и доставки . . . 13 р. 50 к.
съ пересылкою . . . . . 16 р.
съ доставкою въ Петербургѣ . . 15 р.

На полгода:

безъ пересылки и доставки . . . 7 р.
съ пересылкою . . . . . 8 р. 50 к.
съ доставкою въ Петербургѣ . . 8 р.

Подписка принимается въ Главной Конторѣ «ДЪЛА» (въ С.-Петербургѣ, по Троицкому переулку, домъ Гассе) въ почтовыхъ конторахъ подписка не допускается. Книжки журнала «ДЪЛО» высылаются въ заклеенныхъ конвертахъ и съ печатными адресами.

ДѢЛО

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ.

№ 8.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 1869.

ТИПОГРАФІЯ А. МОРШЕРОВСКАГО. ВЪ ТРОИЦКОМЪ ПЕРЕУЛКѢ, ДОМЪ ГАССЕ.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 20 августа 1869 года.

БЕЗПРЕДѢЛЬНОСТЬ ГИГИЕНЫ.

Говорятъ, что король Альфонсъ X кастильскій однажды выразилъ свое неудовольствіе существующимъ порядкомъ и отъ души сожалѣлъ, что съ нимъ не посовѣтовались при сотвореніи міра. Вселенная имѣла бы тогда лучшій и болѣе простой планъ. Современная гигиена имѣетъ гораздо больше правъ претендовать на такое значеніе среди человѣчества. Прочтите любое сочиненіе по гигиенѣ и вы убѣдитесь, что вы во многомъ отступаете отъ правилъ ея, что все васъ окружающее не только не сообразуется съ ея требованіями, а напротивъ того все совершается какъ будто на перекоръ разумнымъ ея началамъ. Еще печальнѣе то обстоятельство, что громаднѣйшее большинство публики смотритъ на правила гигиены, на ея разумныя и опытныя требованія, какъ на вздоръ, какъ на чистѣйшіе пустяки. Врачу въ особенности часто приходится жутко. Каждый разъ, какъ врачу нужно обратить особенное вниманіе на нарушеніе гигиеническихъ условій, онъ становится въ какое-то неловкое, щекотливое положеніе. Попробуйте, будь вы хоть семи пядей во лбу, указать любой барышнѣ на искаженіе и вредъ современной моды, обратите вниманіе хозяйки дома на нелѣпость нѣкоторыхъ установленныхъ обычаевъ, на дурныя послѣдствія общепринятыхъ формъ жизни и вы этимъ наживете себѣ злѣйшихъ враговъ, васъ не послушаютъ, примутъ всѣ ваши толкованія Богъ знаетъ за какой вздоръ и поспѣшатъ обратиться къ тому, кто скромно излагаетъ свои мнѣнія въ формѣ миагуръ, порошковъ, пилюль и «не суется не въ свое дѣло.» А между тѣмъ теперь настало такое время, когда наука видитъ все спасеніе человѣчества лишь въ гигиенѣ въ обширнѣйшемъ значеніи.

этого слова. Мы хотимъ здѣсь познакомить читателя съ далеко не преувеличенными претензіями этой отрасли знаній и указать, какія великія надежды возлагаетъ она на будущее и на развитіе людскаго здраваго смысла.

Всѣ стремленія и побужденія человѣчества направлены къ достиженію возможно большаго благосостоянія. И въ этомъ вся суть прогресса. Замѣчательно еще то, что прогрессъ тѣмъ выше, чѣмъ большее число пидвидуумовъ пользуются житейскими благами, чѣмъ выше благосостояніе массъ. Въ этомъ отношеніи нельзя не видѣть рѣзкой разницы между древней и новой цивилизаціей. Идеаль древней общины—государство. Личность сама по себѣ была ничтожна, не существовала; все приносилось въ жертву государству. Масса голодала, нищенствовала, развратничала, истреблялась эпидеміями, заразами, вымирала—но Римъ процвѣталъ, Римъ утопалъ въ роскоши и нѣгѣ, грабилъ и пировалъ, и великодушно утолялъ голодный народъ хлѣбомъ и зрѣлищами. Идеаль современной общины—личность, наибольшее развитіе ея физическихъ и умственныхъ силъ, наибольшее ея благосостояніе. Вся суть гигиены сводится къ тому же. Принципъ ея—отправленіе и свободное развитіе всѣхъ органовъ человѣческаго тѣла. Отсюда вытекаютъ два главныя стремленія гигиены: съ одной стороны, въ ея интересѣ охранять здоровье какъ отдѣльнаго человѣка, такъ и цѣлыхъ массъ, съ другой стороны, она всячески стремится усовершенствовать человѣческую расу во всѣхъ отношеніяхъ и въ этомъ случаѣ она не знаетъ границъ, она безпредѣльна. Такое значеніе гигиена получила только въ послѣднее время; до сихъ же поръ на нее смотрѣли какъ на ничтожную вѣтвь медицины и смѣшивали ее съ медицинской полиціей. Гигиена была отдана административнымъ порядкомъ въ руки полиціи! Въ древнемъ мірѣ гигиена также имѣла въ виду чисто-государственныя цѣли. Упражненія юношей въ борьбѣ, бѣганьи, развивая ихъ физическія силы, государство заботилось преимущественно о томъ, чтобы приготовить хорошихъ воиновъ, сильныхъ защитниковъ отечества. Съ другой стороны, молодежь упражнялась въ провзошеніи рѣчей, въ ораторскомъ искусствѣ. Все это конечно давало хотя и односторонніе, но все-таки хорошіе результаты. Поэтому древній міръ дѣйствительно можетъ похвастать своими атлетами какъ въ физическомъ, такъ и въ умственномъ мірѣ, и смѣло можетъ подтвердить, что упражненіе какъ тѣлесныхъ, такъ и умственныхъ силъ съ извѣстною снаровкой въ опредѣленномъ наукою направленіи пре-

вращаетъ человѣка изъ животнаго въ разумное существо. Средніе вѣка, погрязшіе въ невѣжество и фанатизмъ, совершенно забыли о настоящей цѣли человѣческаго существованія. Мистицизмъ, возведенный въ идеалъ человѣческаго совершенства, поставилъ задачей своей умерщвленіе плоти. Слѣды этой слѣпоты и теперь довольно осязательны, но это печальное отступленіе отъ законовъ природы съ каждымъ днемъ все больше и больше уступаетъ успѣхамъ и свѣту науки. И въ настоящее время не вся Европа можетъ похвастать всестороннимъ развитіемъ, а главное сколько нибудь разумнымъ примѣненіемъ всѣхъ требованій гигиены. Да это само собою понятно. Полное развитіе гигиены вовсе не такая легкая вещь. Для ея всесторонняго процвѣтанія необходимъ такой социальный порядокъ, который теперь составляетъ лишь *primus deriderium* для большинства европейскихъ государствъ. Между тѣмъ во многихъ мѣстахъ Европы «куда ни кинь—все кинь». Потому-то всякое разумное стремленіе гигиены натывается на такіа непреодолимая преграды и препятствія, что полнѣйшее осуществленіе блестящихъ ея надеждъ до лучшей поры, до иного времени не мыслимо. «Американцы, англичане, французы и голландцы, говоритъ Эдуардъ Рейхъ *), начинаютъ въ широкихъ размѣрахъ изучать и примѣнять правила этой высокой науки. Нѣмцы же еще не поняли значенія гигиены; они смотрятъ на нее, какъ на второстепенное дѣло, смѣшиваютъ ее съ другими отраслями медицины и удѣляютъ ей чуть не послѣднее мѣсто въ своихъ медицинскихъ системахъ.

Познакомить русскую публику съ современнымъ значеніемъ и современными требованіями гигиены, по нашему крайнему разумію—настоятельнѣйшая необходимость. Русское общество отличается отъ другихъ европейскихъ обществъ именно тѣмъ, что въ немъ все наплывное, нѣтъ несокрушимыхъ традицій, оно легко отрѣшается отъ привитыхъ ему ложныхъ понятій, не отстаиваетъ обветшалыхъ формъ жизни, и если не имѣетъ за душой ни твердыхъ убѣжденій, ни великихъ истинъ, то не имѣетъ за собой и многихъ ложныхъ системъ и научныхъ заблужденій. Какъ бы то ни было, но всѣ реформы послѣдняго времени имѣютъ въ виду благосостояніе не отдѣльныхъ классовъ общества, а цѣлыхъ массъ. И если государство беретъ въ основу всѣхъ своихъ задачъ благосостояніе массъ, если оно ставитъ конечною цѣлью всѣхъ своихъ стремленій процвѣтаніе каждой от-

*) Die Hygiene und ihr Studium. Von Eduard Reich. 1868 стр. 3.

дѣльной личности, если оно для достиженія такихъ великихъ цѣлей призываетъ лучшихъ людей своихъ, то эти лучшіе люди должны до тонкостей знать науку общественной жизни—соціологію; они, какъ свои пять пальцевъ, должны знать народное хозяйство и его экономическій бытъ; они подробно должны изучать нравы и обычаи и весь умственный складъ своего народа, его индивидуумныя особенности, его антропологію, они тщательно должны ознакомиться съ окружающею его природою и взаимными межъ ними отношеніями; они должны собирать всѣ свѣденія, касающіяся его общественной и частной жизни—они должны составлять его статистику; они должны заботиться о сохраненіи его здоровья, о предупрежденіи эпидемій, о продолженіи его рода, объ усовершенствованіи его поколѣній. Велика эта задача и трудно ея исполненіе. Мы утверждаемъ, что гигиена даетъ полнѣйшіе и удовлетворительнѣйшіе отвѣты на всѣ эти вопросы, она правдиво и честно разрѣшаетъ всѣ эти задачи. И пусть читатель въ виду такой сложной задачи не подумаетъ, что она ему не подъ силу, что она не его ума дѣло, что она требуетъ спеціальнаго изученія, и спеціально ей посвященныхъ труженниковъ. Это своимъ чередомъ. Хотя въ такомъ предположеніи читателя и есть доля правды, но онъ жестоко ошибется, если онъ на этомъ основаніи будетъ сидѣть сложа руки и откажется отъ всякаго ознакомленія съ необходимымъ для него предметомъ и предоставитъ это дѣло спеціалистамъ. Мы и не намѣрены навязывать ему, чтобы онъ спеціально занялся изученіемъ фолиантовъ по части гигиены какого нибудь Эстерлена или Мишеля Леви. Съ него вполне будетъ достаточно, если онъ на первый разъ прочитаетъ «Популярную Гигиену» профессора Реклама, совершенно справедливо названную «настоющей книгой для сохраненія здоровья и рабочей силы въ средѣ народа.» Книга эта научитъ нашего читателя многому хорошему. Она научитъ его, когда онъ долженъ встать и что онъ, вставши, прежде всего долженъ сдѣлать. Она научитъ его, какъ онъ долженъ одѣться и что посить въ разное время года и при различныхъ обстоятельствахъ; она научитъ его, что и какъ кушать и въ какое время дня, чтобы онъ зналъ что ему полезно, и что вредно для его здоровья и нормальнаго труда; она научитъ его, чѣмъ и какъ заниматься в теченіи дня, когда и какъ отдыхать, когда ложиться спать, какъ поставить свою кровать (извините, читатели, мы убѣждены, что вы и этого не знаете), какую устроить постель, чѣмъ прикрываться, что читать на сонъ грядущій. Она

общественнаго устройства — это не то что близорукость, это просто безуміе!»

Такимъ образомъ гигиена есть наука о томъ, какъ разумно жить на бѣломъ свѣтѣ. И чтобы это опредѣленіе не показалось преувеличеннымъ, мы позволимъ себѣ изложить здѣсь сущность главнаго принципа этой всеобъемлющей науки. Мы выше сказали, что, по нашему крайнему разумѣнію, сущность главнаго принципа гигиены заключается въ томъ, чтобы каждый органъ нашего тѣла получалъ соотвѣтствующую пищу, совершалъ бы соотвѣтствующее управленіе и соразмѣрнымъ упражненіемъ достигалъ бы дальнѣйшаго развитія и совершенствованія. Условіе *sine qua non* этого принципа — уловить и установить норму нашихъ физиологическихъ потребностей, строго помня, что каждое нарушеніе, всякое изнанованіе этой нормы не можетъ пройти безнаказанно, становится гочникомъ большаго или меньшаго ряда физическихъ и нравственныхъ страданій, влечетъ за собою послѣдствія подчасъ непоправимыя. Такъ мы знаемъ, на сколько человѣческое существованіе зависитъ отъ количественнаго и качественного состава пищи. Мы знаемъ, мы увѣрены, что весь вопросъ въ борьбѣ за существованіе челоѣка сводится на пищу. Мы знаемъ, что для питанія организма, для образованія крови существуетъ особый довольно сложный аппаратъ органовъ — пищеварительный аппаратъ. Мы должны доставлять въ этотъ аппаратъ опредѣленное количество пищи во-первыхъ для того, чтобы пища подверглась въ немъ такимъ химическимъ измѣненіямъ, которыя превращаютъ ее въ кровь и вырабатываютъ изъ нея матеріалъ, годный для питанія всего организма, а во-вторыхъ этимъ самымъ доставляется работа аппарату, аппаратъ развивается и совершенствуется, аппаратъ приспособляется ко всѣмъ тѣмъ условіямъ, которыя неминуемо его встрѣтятъ въ жизни. Или лучше сказать, *условія* жизни приспособляютъ себѣ вашъ пищеварительный аппаратъ. Вотъ тутъ и происходитъ борьба. Если условія жизни успѣютъ въ этомъ предпріятіи, если вашъ пищеварительный аппаратъ выдержалъ съ ними борьбу, вы просуществоуете долго и просуществоуете въ добромъ здоровьи, въ противномъ случаѣ вы падаете жертвой борьбы. У васъ родился ребенокъ. Теченіемъ вѣковъ и естественнымъ подборомъ, организація его унаслѣдовала потребность питаться челоѣческимъ молокомъ, и даже въ томъ случаѣ пищеварительный аппаратъ долженъ выдержать нѣкоторую борьбу съ этимъ новымъ невѣдомымъ дотоѣ условіемъ жизни. Но вотъ вмѣсто материн-

скаго молока, въ силу разныхъ обстоятельствъ, вы начинаете кормить его то коровьимъ молокомъ и подѣ часъ прокислымъ, да еще изъ рожка или соской, то хлѣбными крошками, картофелемъ и т. д. Условія измѣнились, стали сложнѣе, борьба запутаннѣе, опаснѣе, побѣда сомнительнѣе, наступаетъ критическій моментъ, пищеварительный аппаратъ не въ силахъ выносить эту работу и несоотвѣтствующую ему пищу, онъ извергаетъ все въ него вводимое, его рветъ и слабитъ и въ большинствѣ случаевъ ребенокъ умираетъ; оттого такая страшная смертность на дѣтахъ въ первые дни ихъ слабаго существованія, особенно въ безпредѣльныхъ дѣб-рахъ нашего обширнаго отечества.

Но вотъ ребенокъ выросъ и сталъ взрослымъ человекомъ, въ силу социальной обстановки онъ трудится физически 12 часовъ въ сутки и потребляетъ количество пищи недостающее на питаніе его организма и невознаграждающее его физическую работу, онъ слабѣетъ, истощается, вымираетъ или прибѣгаетъ къ непитательной качествомъ, но обильной количествомъ пищи, обременяющей пищеварительный аппаратъ излишней работой, или употребляетъ вещества, задерживающія питаніе, какъ алкоголь—и вотъ снова источникъ дѣлаго ряда страданій. Но нѣтъ, вы снабжены всѣмъ нужнымъ; вы владѣете большими капиталами, или множествомъ кабаковъ, или строите желѣзную дорогу—вы спокойны на счетъ питанія; вы даже не знаете, откуда и какимъ волшебствомъ являются на вашъ столъ эти сдобныя булочки и сахарныя печенья, какъ по шучьему велѣнью столъ вашъ покрывается изысканнѣйшими блюдами и лучшими заморскими винами; вы не привыкли садиться за столъ безъ шампанскаго, кажись, чего же лучше?—вашъ органъ вкуса соблазняетъ васъ и увлекаетъ васъ, вы поѣдаете слишкомъ много; вы задаете своему пищеварительному аппарату такую сложную задачу, что онъ съ крайнимъ усиліемъ разрѣшаетъ ее и, едва успѣвъ покончить ее, какъ вы снова налагаете на него ту же обязанность, онъ всячески протестуетъ противъ такихъ насильственныхъ и самовольныхъ распоряженій съ нимъ, и вы становитесь предметомъ постоянной заботливости врача; аптекарскіе счета разстраируютъ вашъ карманъ, а, можетъ быть, и безъ того разстроенное здоровье; вы перебѣгаете отъ одного эскулапа къ другому, отечественныя и заграничныя минеральныя воды записали ваше имя на страницахъ своихъ скудныхъ содержаніемъ лѣтописей, вы съ жадностью читаете всѣ кумысо-воздухо-минерально-лѣчебныя зазыванія и вездѣ являетесь вы ихъ гостемъ и все напрас-

во: пищеварительный аппаратъ вашъ не превозмогъ обиліе матеріала, которымъ вы его нагружали, въ теченіе всей своей жизни вы не знали ни мускульнаго ни мозгового труда, которые научили бы васъ не давать волю органу вкуса; ваша организациа одрябла, вы тяготитесь собственной жизнью, которая была ничто иное какъ ошибка, жалкій продуктъ собственной неумѣренности, незнанія, безполезнаго существованія. Среди этихъ крайностей является благодѣтельная гигиена и своимъ могущественнымъ сводомъ научныхъ завяилъ устанавливаетъ норму, научаетъ васъ регулировать потность пищеварительнаго аппарата съ мышечной работой и укажетъ вамъ «предѣлъ, его же не преидеши.»

трось о пищѣ настолько важенъ и сложенъ, что мы посвяему особенную статью. Здѣсь мы его коснулись лишь ради тепеннаго его значенія. Перейдемъ къ другимъ потребностямъ челоѣческаго организма. Скажите любому гастроному, что онъ имъ потребляемое поддѣльно, что въ немъ есть подмѣси не только вредныя его здоровью, а портящія его вкусъ, и онъ возопіетъ противъ такого зла, онъ проклянетъ администрацію, обязанную заботиться о чистотѣ и безпримѣсности вина, онъ готовъ въ три-дорога заплатить за настоящее цѣльное вино, за отсутствіе всякой подмѣси. Скажите тому же господину, что безъ вина еще можно обойтись и что онъ долженъ употребить нѣсколько лишнихъ рублей для того, чтобы у него въ домѣ воздухъ былъ почище, чтобы его дворъ можно было пройти, не затыкая себѣ носъ и ротъ, и вы легко убѣдитесь, что такой господинъ отнесется ко всѣмъ вашимъ совѣтамъ довольно равнодушно, сочтетъ все это излишнею затѣей. Да и есть ли гдѣ нибудь въ Россіи такое людское мѣстожителство, гдѣ воздухъ былъ бы совершенно чистъ, безъ всякихъ амміачныхъ et tutti quanti примѣсей? мы сомнѣваемся. И сомнѣваемся, конечно, не безъ причины. Собственнымъ опытомъ удалось намъ убѣдиться, что въ нѣсколькихъ городахъ пермской губерніи нельзя пройти ни по одной улицѣ, гдѣ мѣстами не пришлось бы зажать носъ и ротъ отъ нестерпимой вони. Во всѣхъ городахъ пермской губерніи, въ которыхъ намъ пришлось пожить, почти всѣ дома устроены такъ, что ретиреды находятся у главнаго входа въ домъ, рядомъ съ парадными дверьми, и куда бы вы не зашли, васъ прежде всего поражаетъ отвратительнѣйшій запахъ. Въ городѣ Шадринскѣ существуетъ обычай, на улицѣ, передъ домомъ, копать помойную яму, куда сливаютъ всѣ нечистоты и тѣмъ дѣлаютъ улицы бук-

важно неудобопроходимыми. Въ домахъ же постоянная духота и невыносимо чѣмъ-то пахнетъ. Форточка въ окнахъ—величайшая рѣдкость, исключительная досгопримѣчательность; печи непременно чадятъ; постоянно и повсемѣстно слышишь жалобы на головную боль отъ угара, который въ суровыя зимы свирѣствуетъ повально. Если гдѣ есть плита, то вы о существованіи ея узнаете во всякое время дня и отъ передней до гостиной. Несмотря на всѣ наши назиданія, намъ удалось только немногихъ убѣдить устроить у себя печи съ герметическими заслонками. Утверждаютъ, что о цивилизаціи народа легче всего можно судить по его умѣнью удалять свои нечистоты. Мы не знаемъ, на сколько въ этомъ отношеніи далеко ушла западная Европа, но намъ случалось видѣть такія спальни, изъ которыхъ извѣстный сосудъ не выносите цѣлыми днями. Такова повсемѣстная заботливость о воздухѣ. между тѣмъ чистый воздухъ такая же необходимая пища для нашего организма, какъ хлѣбъ и мясо; такая же безусловно-неизбѣжная потребность нашихъ легкихъ, какъ молоко для грудного младенца. Даже трудно опредѣлить, что важнѣе для человѣка—пища или воздухъ. Извѣстны случаи, что люди проводили болѣе или менѣе продолжительное время безъ пищи. Но жизнь невысказима при полномъ отсутствіи воздуха. Здоровая жизнь тоже невысказима при дурномъ воздухѣ. Хорошій чистый воздухъ, освѣжаемый здоровою и роскошною растительностью—неизсякаемый источникъ нашего физическаго благосостоянія. Но воздухъ городовъ, въ которыхъ вѣчно пыль стоитъ столбомъ и вы движитесь какъ въ облакѣ; но воздухъ нашихъ учебныхъ и увеселительныхъ заведеній; но воздухъ нашихъ каменныхъ палатъ съ потными испареніями, перемѣшанными даже французскими парфюмеріями; но воздухъ нашихъ жалкихъ квартиръ, въ которыхъ сушатся дѣтскія пеленки и въ каждомъ углу хранится то мокрая тряпка, то грязное бѣлье; но воздухъ нашихъ ресторановъ, переполненныхъ удушливымъ табачнымъ дымомъ; но воздухъ нашихъ тавернъ, нашихъ кабаковъ, насыщенныхъ спиртными испареніями и дымомъ махорки; но воздухъ нашихъ крестьянскихъ избъ, въ которыхъ гниютъ вонючія онучи, гдѣ все потѣетъ, гдѣ сѣроводородъ и амміакъ и другіе непривлекательные газы оспариваютъ другъ у друга червенство—все это страшно дурной воздухъ, все это убійственный воздухъ, все это такой воздухъ, что избави Богъ всѣхъ хорошихъ людей отъ такого дурного воздуха! Но есть еще болѣе худшій воздухъ, это воздухъ нашихъ мастерскихъ равнаго рода. Вообразите себѣ, какова

атмосфера тѣхъ лабораторій, въ которыхъ работаютъ по нѣсколько сотъ человѣкъ у горновъ и печей, расплавляющихъ желѣзо и мѣдь и при температурѣ вѣшняго воздуха отъ 30 градусовъ тепла до 35 градусовъ холода. Вся фабрика переполнена угольной пылью, или частицами соли, или парами азотной, сѣрной и соляной кислоты, или испареніями ртути, свинца, хлора, брома. Мастеровые работаютъ до величайшаго изнеможенія, рубанка на ихъ мокромъ тѣлѣ покрывается кристаллами пота, и въ такомъ крономъ аду они остаются съ 5 часовъ утра до 6 вечера. Трудная задача для легкихъ. Они и не выносятъ. И вотъ куда протся чахотка, этотъ величайшій бичъ рода человѣческаго, ляжущій людей en masse. И не только чахотка, а теперь по-льно доказанная вещь, что всѣ народныя эпидеміи: тифъ, а, дизентерія, корь, оспа, скарлатина и коклюшъ имѣютъ въ источникѣ происхожденія «дурной воздухъ». Послѣ всего го «кто же станетъ еще сомнѣваться, говоритъ Карлъ Рекламъ*), то въ дурномъ воздухѣ заключается настоящая причина вырожденія человѣческой расы, что *дурной воздухъ*—злѣйшій врагъ человѣческаго рода...» Чуть не каждому врачу приходится выслушивать упреки почтеннѣйшей публики, почему мы до сихъ поръ не изобрѣли и не нашли средства противъ чахотки, противъ холеры. Разные европейскіе и азиатскіе Тамерланы и Наполеоны, которыхъ набѣги на человѣчество были не менѣе опустошительны, чѣмъ эпидемія холеры и чахотки, поназначали даже преміи тому счастливцу, который откроетъ средство противъ чахотки. Рѣдкій годъ проходитъ, чтобы не опубликовали въ газетахъ, что вотъ-де найдено вѣрнѣйшее средство отъ чахотки, отъ холеры, отъ рака. И что же? человѣчество преспокойно продолжаетъ умирать сотнями и тысячами, не взирая на всѣ эти открытія и изобрѣтенія. А между тѣмъ мы готовы были бы поклясться, что противъ всѣхъ этихъ бѣдъ средства въ рукахъ людей, еслибъ были увѣрены, что намъ повѣрятъ, что захотятъ выслушать насъ и выполнить наши требованія. Средства эти съ непогрѣшностью математическихъ доводовъ предлагаетъ человѣчеству — гигиена. «Наука имѣетъ многія средства къ улучшенію воздуха въ загороженныхъ пространствахъ, на открытыхъ площадяхъ; можно было бы даже устраивать фабрики воздуха—большіе магазины, выпускающіе ночью въ

*) Карлъ Рекламъ, Популярная Гигиена стр. 408.

густонаселенные города чистый воздухъ, чтобы вытѣснить испорченный; можно было бы указать многочисленныя средства сдѣлать безвредными нездоровыя примѣси атмосферы, — но прежде чѣмъ человѣческій родъ не расплодится до такой степени, что придется драться за каждую струю воздуха, прежде чѣмъ болѣзни, нужда, отчаянье не заставитъ людей взяться за умъ, прежде чѣмъ многія тысячи не погибнуть, вслѣдствіе недостатка воздуха для дыханія, — до тѣхъ поръ люди не вспомнятъ о рациональномъ удовлетвореніи естественной потребности — потребности дыханія*.

Ко всѣмъ такимъ воззваніямъ, но всѣмъ такимъ разумнымъ научнымъ требованіямъ человечество относится равнодушно; слишкомъ просты эти указанія, чтобы человечество сразу уразумѣло ихъ послѣдовало имъ. Какъ въ самомъ дѣлѣ согласиться вдругъ вести фабрики воздуха—вѣдь это не винокуренные заводы, рые дадутъ огромнѣйшіе барыши. Довольно и того, что забота, чтобы улицы были правильны; довольно и того, что ихъ хотя немножко подметутъ къ пріѣзду начальства. Но, говоритъ Карлъ Рекламъ**), чтобы сохранить городъ въ здоровомъ состояніи и доставить легкимъ его жителей весь нужный воздухъ или, выражая мысль эту еще осизательнѣе для читателя, чтобы спасти часть людей, цѣлыми тысячами помирающихъ ежегодно отъ чахотки въ каждомъ большомъ городѣ, чтобы избавить отъ горя и отчаянья какъ одного больного, такъ и его семью, чтобы сократить число вдовъ и сиротъ, чтобы сдѣлать людей болѣе сильными и болѣе охотливыми къ работѣ, чтобы этимъ путемъ увеличить сумму заработка и житейскихъ радостей каждого, чтобы открыть для государства возможность болѣе значительныхъ доходовъ, наконецъ, чтобы создать довольныхъ и вѣрныхъ гражданъ,—для всего этого недостаточно, чтобы полиція имѣла надзоръ за постройкою жилищъ, запрещала устраивать слишкомъ тѣсныя квартиры, жить въ подвалахъ, предупреждала порчу воздуха и старалась по возможности о сохраненіи его чистоты посредствомъ засыпанья канавъ, очищенія улицъ хорошей системой клоакъ, перенесеніемъ кладбищъ за черту города и другими средствами; нѣтъ, здѣсь прежде всего необходимо, чтобы дома и улицы города были «хорошо вентилированы».

*) Карлъ Рекламъ, «Популярная Гигіена» стр. 200.

**) Карлъ Рекламъ, «Популярная Гигіена» стр. 201.

И такъ, читатель, оставьте хоть на время нашего короткаго лѣта нашъ чумный кабинетъ, вашу удушливую гостиную, вашъ пыльный городъ, поспѣшите въ лѣсъ, подальше отъ большой дороги, гдѣ не несетъ падалю и подышите, широко раскрывъ грудь, на свободѣ, чистымъ непримѣснымъ воздухомъ; вы тогда почувствуете себя инымъ человѣкомъ.

Человѣческій организмъ вполне подтверждаетъ общій всему живущему законъ природы, что движеніе—жизнь и на оборотъ жизнь—движеніе. Сердце человѣка начинаетъ совершать свои правильныя ритмическія движенія въ первые же дни утробной жизни. Малѣйшая остановка его производитъ обморокъ; болѣе продолжительное прекращеніе движенія сердца обуславливаетъ смерть. Кровь находится въ непрерывномъ движеніи и въ постоянномъ обращеніи, малѣйшій застой причиняетъ мучительнѣйшія болѣзни, томительнѣйшія страданія. Всѣ соки нашего тѣла также въ постоянномъ движеніи и обращеніи. Весь обмѣнъ веществъ, обуславливающий жизнь, совершается въ силу закона безостановочнаго движенія. Отъ силы и степени этого движенія зависятъ степенъ и прочность нашего здоровья, энергія нашего характера, направленіе нашихъ стремленій. Вотъ съ этой-то цѣлью человѣческій организмъ снабженъ особымъ, довольно сложнымъ аппаратомъ, которымъ приводится въ движеніе весь механизмъ нашего тѣла. Этотъ аппаратъ состоитъ изъ разнообразнѣйшихъ группъ мускуловъ, дающихъ намъ возможность совершать всякаго рода передвиженія, принимать различныя удобныя позы, даетъ намъ возможность совершать механическую работу и зарабатывать ею кусокъ хлѣба. Отсюда понятно, какъ важно правильное регулированіе этого отправленія. Но что мы видимъ вездѣ? Совершенное искаженіе этой физиологической потребности человѣка. Привилегированныя классы общества въ провинціальныхъ городахъ ведутъ буквально сидячій образъ жизни. Только въ большихъ губернскихъ городахъ высшая публика прогуливается непродолжительное время въ разныхъ загонгахъ или крошечныхъ садикахъ и, разумѣется, вовсе не съ цѣлью удовлетворить физиологической потребности движенія, а совершенно въ иныхъ видахъ. И то это случается лишь въ праздничные дни. Въ будни же считается весьма предосудительнымъ гулять чуть не всею провинціальной публикой за весьма небольшимъ исключеніемъ. Большинство городовъ такъ устроены, что въ нихъ даже нѣтъ ни садовъ, ни парковъ, гдѣ можно бы расправить свои члены, а потому публика средней руки, купечество и мѣщанство отправляются въ

поле попить чайку. Въ поле отправляются, разумѣется, въ экипажахъ, а не пѣшкомъ и пьютъ не одинъ чай, а и вино et cetera и не совершаютъ тамъ движеній, а тоже больше сидятъ. Въ каждомъ уѣздномъ городѣ пермской губерніи рѣдкій домохозяинъ не имѣетъ своей собственной лошади, и ходить пѣшкомъ считается признакомъ дурного тона. У много во флигелѣ живутъ квартиранты въ 10 шагахъ отъ дому, но контръ-визитъ своимъ квартирантамъ хозяина дома дѣлаетъ непременно въ экипажѣ. Нѣкоторые даже въ баню, находящуюся при каждомъ домѣ, отправляются не пѣшкомъ, а на лошади. Какъ тутъ не развѣхаться до размѣровъ египетской пирамиды? Только и слышны жалобы: «докторъ, у меня одышка, совсѣмъ задыхаюсь — Гуляйте побольше, сударыни. «Да гдѣ же гулять-то? По улицѣ неприлично, и скучно, и ноги болятъ.» Весь провінціальный чиновный классъ въ силу своей обстановки обреченъ на сидѣнку, а потому сибирскіе желудки изъ рукъ вонъ что такое. Рѣдкій членъ привилегированнаго сословія въ уральскомъ районѣ не страдаетъ брюшнымъ полнокроемъ, завалами и т. д. Къ этому еще присоединяется, что они не знаютъ никакого физическаго труда; большинство барышень — кѣсейныя; рѣдкая сьумѣетъ сшить себѣ что нибудь. Еслибъ мы позволили себѣ замѣтить иной барышнѣ на ея жалобу, что горничная дура, потому что не умѣетъ выгладить юбку съ плѣсками, что не мѣшало бы ей самой выгладить или, по крайней мѣрѣ, научить горничную, то мы за такое замѣчаніе попали бы въ число самыхъ неприличныхъ господъ.

Говорить и толкуютъ у насъ о женскомъ трудѣ. Нужно бы нѣсколько точнѣе опредѣлять, какимъ именно женщинамъ готовить эту обязанность. Все крестьянское населеніе Россіи, разумѣется, нисколько не нуждается въ этой заботливости. Женское крестьянское населеніе въ потѣ лица *страдаетъ* чуть не круглый годъ, оттого крестьянскія бабы и отличаются хорошею мускулатурой, способной выносить всякій трудъ. Высшаго аристократическаго сословія мы не имѣемъ права коснуться. Во-первыхъ, оно очень малочисленно, во-вторыхъ, всякій трудъ съ ихъ стороны былъ бы лишеніемъ куска хлѣба, отниманіемъ заработка у бѣднаго человѣка. Остается среднее сословіе, женщины котораго дѣйствительно нуждаются какъ въ физическомъ, такъ и въ умственномъ трудѣ. Человѣку средняго сословія дѣйствительно необходимо имѣть жену, которая брала бы на свою долю опредѣленную часть труда. Человѣкъ средняго сословія можетъ внѣ дома лишь зарабатывать деньги; мелкіе чиновники, купцы средней руки, учителя, врачи люди большею частью заняты

въ дома. Полнымъ властелиномъ домашняго хозяйства остается жена. Вовсе не малый трудъ позаботиться о томъ, чтобъ былъ приготовленъ хорошій, удобоваримый, сытный и соотвѣтствующій средствамъ обѣдъ, присмотрѣть за чистотой, одѣть ребятиншекъ, *стиить* для нихъ предметы первѣйшей необходимости, удовлетворить ихъ желаніямъ, во время уложить ихъ спать. Правда, для всего этого есть и стиралка и паянка; но у насъ нѣтъ и не скоро будетъ ни такихъ стиралокъ, которыя знали бы, что именно и какъ приготовить, ни такихъ паянокъ, которыя знали бы правильный уходъ за дѣтьми. Все это женщина средняго сословія при теперешней соціальной обстановкѣ должна умѣть сдѣлать собственными руками. Мы знаемъ безчисленное множество семействъ, гдѣ каждый день происходятъ неприятности изъ за пустяковъ въ родѣ того, что обѣдъ плохъ, что много денегъ истрачено. Правда, все это пустяки, но вѣдь вся жизнь изъ пустяковъ. Женщина средняго сословія необходимо должна еще обладать такими знаніями, которыя дѣлали бы ее независимою отъ всякихъ случайныхъ обстоятельствъ и приключеній. То она вовсе замужъ не выходитъ, то она остается молодой, безпомощной вдовой съ гурьбою ребятъ, то она не можетъ вынести самодурства своего властелина; во всѣхъ этихъ случаяхъ, имѣй она въ рукахъ независимый физическій или умственный трудъ, и она свободна; она не умретъ съ голода, и въ борьбѣ съ окружающими обстоятельствами бодро выйдетъ побѣдительницей. Прибавимъ теперь, что такой трудъ для нея физиологически необходимъ. Трудъ именно даетъ ей здоровье. Она тогда больше будетъ въ движеніи, больше на открытомъ воздухѣ; мускулатура ея будетъ въ постоянной работѣ, не будетъ такой дриблой, какъ у большинства теперь. Такой трудъ возбудитъ у нихъ и установитъ правильный аппетитъ и, при умѣнны удовлетворить его должнымъ количествомъ пищи, предупредитъ у нихъ безкровіе, малокровіе, всякія дѣвичьи немочи, которыя мы потомъ съ трудомъ поправляемъ цѣлыми пудами желѣза.

Если неприятно и печально смотрѣть на праздно-шатающихся тунеядцевъ, если внушаютъ къ себѣ отвращеніе разнаго рода лежебоки и лентяи, то съ другой стороны еще печальнѣе, еще грустнѣе видѣть наше фабричное и заводское рабочее сословіе, истощающее свои физическія силы, свою мускулатуру напряженнымъ 12-часовымъ трудомъ. Всякое физиологическое отправленіе совершается въ предѣлахъ возможнаго, и можетъ длиться лишь определенное время безъ ущерба организму; въ противномъ случаѣ всякое усиленное напряженіе влечетъ за собою ослабленіе, усталость,

истощеніе, изнеможеніе, болѣзнь, смерть. Какъ въ машинѣ опредѣленное количество каменнаго угля даетъ соотвѣтственное количество пара, стало быть и соотвѣтственное количество работы, такъ и организмъ человѣка, потребляя опредѣленное количество пищи, можетъ совершать лишь опредѣленное количество труда, которое еще зависить и отъ степени напряженія. Живая сила ни что иное, какъ переходъ химическаго процесса, превращаемаго пищей въ нашемъ организмѣ въ движеніе. Если человѣкъ въ теченіи года принимаетъ въ свой организмъ около 3,100 фунтовъ матеріала и вѣсь его за это время не увеличивается, потому что такое же количество матеріала имъ и выдѣляется, то изъ этого ясно слѣдуетъ, какъ дважды два четыре, что онъ можетъ дать силу движенія лишь въ 3,100 фунтовъ, которую онъ и заявляетъ соотвѣтственнымъ количествомъ работы. Но живой организмъ отличается отъ машины тѣмъ, что его нельзя заставить потреблять двойное количество пищи и совершать двойное количество работы. Да объ этомъ никто и не думаетъ заботиться, до этого никому равно никакого дѣла нѣтъ. Напротивъ того, всякій нарываетъ взвалить на рабочаго человѣка какъ можно больше труда при возможно меньшей платѣ, лишаящей средствъ возстановить потери организма потребнымъ количествомъ пищи. Отсюда самое неправильное распредѣленіе труда: наилучше питающіеся, наименѣе трудятся и на оборотъ; отсюда та страшная смертность рабочаго класса отъ изнурительныхъ болѣзней. Отсюда, наконецъ, безотлагательная потребность въ правильномъ распредѣленіи труда въ фізіологически-законномъ регулированіи его, въ необходимомъ чередованіи труда и отдыха. Ясно теперь, какъ важна гигиена въ этомъ случаѣ и чему она учитъ. Ясно, насколько вѣрны и справедливы ея требованія. Чтобы расходъ организма не превышалъ его доходовъ она требуетъ вести имъ строгіе счеты, а потому она требуетъ движенія, какъ необходимую фізіологическую потребность организма, требуетъ мышечнаго труда и даетъ возможность совершенствовать мускулатуру для различныхъ случаевъ жизни въ дѣловой системѣ гимнастическихъ упражненій, которыя безусловно должны сдѣлаться однимъ изъ главнѣйшихъ элементовъ воспитанія во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ. Посмотрите, до чего неуклюжъ неотесанъ русскій мужикъ, какимъ чурбаномъ смотритъ подчасъ русскій купчикъ; до чего угловаты и непривлекательны манеры нашихъ ученыхъ, большинства семинаристовъ, огромнаго множества студентовъ. Непріятна также сутуловатость и кривобокость

дѣвицъ; особенно же какъ-то жалко и больно смотрѣть на юную грудь, плоскую, какъ аспидная доска; глаза рѣжетъ отсутствіе тѣхъ выпуклыхъ формъ на ней, которыя придаютъ особую прелесть женщинамъ и указываютъ на ея прекрасное назначеніе быть кормилицей грядущихъ поколѣній. Но вотъ, даже грубая выправка дѣлается изъ мужика-вахлака браваго солдата, посмотрите какимъ молодцомъ возвращается онъ въ родное село и какъ онъ тамъ ловеласничаетъ. Оттого у насъ до сихъ поръ въ обществѣ пользовались преимуществомъ военные, щеголявшіе своею осанкою и удалствомъ. Даже Чичиковъ придавалъ большое значеніе своему умѣнью повернуться на одной ножкѣ съ ловкостью «почти военнаго человѣка». Все это доказываетъ, что извѣстная степень граціи необходима какъ мужчинѣ, такъ въ особенности женщинѣ. Мы ниже объяснимъ, почему это физиологически необходимо. Пока же скажемъ, что граціозность эта достигается лишь систематическимъ упражненіемъ мускуловъ—гимнастикой. Превосходная книга профессора Реклама предлагаетъ наставленія, какъ самымъ удобнымъ образомъ, во всякомъ мѣстѣ, легко и скоро можно научиться гимнастикѣ, вполнѣ достигающей цѣли, употреблять свои мышечныя движенія съ пользой для организма, для жизни.

Однимъ изъ элементовъ для опредѣленія степени культуры и цивилизаціи того или другаго народа, мы между прочимъ взяли бы количество мыла, потребляемаго среднимъ числомъ тѣмъ или другимъ народомъ какъ для обмыванія своего собственнаго тѣла, такъ и для чистки бѣлья. Такія цифры, кажется, могли бы служить приблизительно вѣрнымъ масштабомъ для опредѣленія чистоплотности какого нибудь народа. Къ сожалѣнію, имѣющіяся у насъ нодъ рукою статистики не даютъ намъ отвѣта на этотъ любопытный вопросъ, но личный опытъ убѣдилъ насъ, что въ Россіи дѣло это обстоитъ очень плохо. Кожа, покрывающая наше тѣло, имѣетъ довольно сложное и въ высокой степени важное физиологическое отправленіе. Кровь, въ обиліи притекающая къ кожѣ, обмѣнивается здѣсь газами, то есть окисляется кислородомъ воздуха. Это наожное дыханіе или, какъ оно обыкновенно называется, перспирація имѣетъ столь важное значеніе, что уничтоженіе его убиваетъ животное, еслибъ мы вздумали покрыть кожу животнаго лакомъ; потомъ кожа усѣяна безчисленнымъ множествомъ микроскопическихъ отверстій, такъ называемыми порами, чрезъ которыя выдѣляется потъ, кожное сало et cetera. Выдѣленія эти сопровождаются потерей теплоты въ организмѣ, а потому кожа есть

важнѣйшій релуляторъ температуры въ организмѣ. Такое высокое значеніе и объясняетъ намъ причину, почему она такъ нуждается въ тщательномъ уходѣ. Кожное сало и всѣ выдѣленія пота смываются мыломъ, поры кожи прочищаются, раскрываются, такимъ образомъ облегчается кожная перспирація, а этимъ поддерживается постоянное и правильное соотношеніе между температурой тѣла и температурой внѣшней окружающей атмосферы. Отсюда становится яснымъ, какъ важенъ правильный уходъ за кожей и неизбѣжнымъ спутникомъ ея—волосами. Но и здѣсь, какъ во всемъ остальномъ, касающемся гигиѣны, мы видимъ двѣ рѣзкія противоположности, двѣ грустныя крайности. По всей пермской губерніи почти при каждомъ домѣ баня. Баня, какъ извѣстно, безусловная потребность русскаго человѣка. Но баня у русскаго человѣка далеко не имѣетъ гигиеническаго назначенія. Во-первыхъ, онъ посѣщаетъ ее разъ въ двѣ-три недѣли; во-вторыхъ, онъ парится въ ней, натирается въ ней рѣдечнымъ сокомъ и тому подобными гадостями; въ-третьихъ, никогда почти не отправляется въ баню одинъ, а непременно съ женой. За то русскій человѣкъ носитъ по цѣлымъ недѣлямъ одну рубаху, не переменяя и не сбрасывая ее нерѣдко въ теченіи одной, двухъ и даже трехъ недѣль. Остальное же платье онъ носитъ подчасъ до послѣдней возможности, до гнили. Мастеровые потѣютъ во время работъ до того, что на рубашкахъ образуются кристаллы, выдѣляемые потомъ, какъ кора изъ соли, и все-таки они эту рубаху носятъ на своемъ тѣлѣ цѣлую недѣлю. Утверждаютъ, что негры нестерпимо воюютъ; думая, что простой русскій людъ немногимъ уступить въ этомъ отношеніи неграмъ. Въ качествѣ практикующаго врача, намъ, конечно, нерѣдко приходилось выслушивать грудь, многострадальную грудь большинства хворающихъ русскихъ людей, и подчасъ буквально задыхались въ атмосферѣ, заключающейся между влажной рубашкой и потной грудью. Далѣе извѣстно, какъ любитъ русскій человѣкъ пить чай. Мы знали одного субъекта, который выпивалъ по 40 стакановъ чаю въ сутки, одѣтый притомъ въ полушубокъ, и вотъ, напотѣвшись вдоволь, чаепійца выбѣжить на улицу и т. д. спрашивается, какое значеніе можетъ имѣть при такихъ условіяхъ баня? Какую пользу можетъ она приносить, употребляемая такъ рѣдко и такъ несогласно съ правилами гигиѣны?

Не говоря уже объ отсутствіи всякихъ экономическихъ соображеній, такъ какъ вмѣсто дрянной бани для всякаго домохозяина, можно было бы устроить общія наиболѣе комфортабельныя, не

говоря о томъ, что любая баня служитъ какъ бы *memento mori* пожара, каждая баня какъ будто нарочно приспособлена къ тому, чтобы въ ней удобнѣе простудиться. Но не одно простое сословіе такъ небрежно обращается съ своею кожей, намъ иногда случалось упранивать барышню смыть грязь съ шеи; что же касается до остальной кожи, то намъ очень рѣдко случалось видѣть чистоплотнаго мужчину или женщину изъ купеческаго и чиновнаго класса средней руки. Подчасъ сверху шелки да бархаты, а снизу самая грязная рубашка и еще болѣе грязныя остальныя принадлежности. Естественно, что демократическіе паразиты находятъ себѣ обильную и богатую почву на кожѣ низшаго и средняго сословія. А важныя болѣзни, чесотка et cetera, проникаютъ даже и въ болѣе благородный слой общества.

Другою крайностью мы считаемъ то обиліе духовъ, парфюмерій, помадъ, натираній, пудръ и особенно румянъ и бѣлилъ, къ которымъ прибѣгаетъ извѣстная масса людей обоого пола для придачія своей кожѣ лучшаго лоску, для произведенія искусственнаго румянца и бѣлизны. Это полнѣйшее искаженіе чувства изящнаго мало того что не ведетъ къ цѣли, но приноситъ положительный вредъ. Помада лишь гризнить голову, парфюмеріи лишь заглушаютъ, а не уничтожаютъ тѣ непривлекательные запахи, которые отдѣляются на кожѣ, и въ добавокъ они портятъ воздухъ, румяна же и бѣлила имѣютъ иногда гибельное вліяніе на здоровье чело-вѣка. Недавно одинъ докторъ имѣлъ двухъ пациентокъ, которыя страдали сильнѣйшими болями въ разныхъ мѣстахъ тѣла, и одна изъ нихъ была безплодна. Врачъ послѣ тщетныхъ изысканій убѣдился наконецъ, что пациентки его страдаютъ хроническимъ отравленіемъ. Румяна и бѣлила ядовито дѣйствовали на ихъ организмъ, причиняли имъ невыносимыя страданія и мѣшали дѣтороженію. Съ прекращеніемъ этого злоупотребленія прекратились боли и одна изъ пациентокъ вслѣдъ за тѣмъ сдѣлалась матерью *).

Мы знали одну почтенную даму, которая румянила свою семилѣтнюю дочку каждый разъ, какъ ее нужно было показывать гостямъ.

Гигіена грозно возстаетъ противъ всѣхъ этихъ крайностей, она требуетъ лишь чистоты и утверждаетъ, что чистота и простота—красота и что никакія искусственныя украшенія не могутъ воспол-

*) См. Medicinische Neuigkeiten 1869. № 74.

нить физический, а темъ паче иныхъ недостатковъ. За то она также требуетъ, чтобы человекъ не лишалъ себя естественныхъ красотъ. Мы помнимъ то время, когда всѣ, претендовавшіе на званіе образованнаго, цивилизованнаго человека, брили бороду. Потомъ борода вдругъ стала фигурировать, какъ признакъ либерализма; вслѣдъ за этимъ она опять стала подвергаться гоненію. Все это происходило отъ грубаго непониманія разумныхъ требованій гигиены, отъ иснаженія и профанированія физиологической связи между различными частями нашей организаціи. Профессоръ Рекламъ утверждаетъ, что «борода, согрѣвая небо, предохраняетъ отъ катарральныхъ воспаленій зѣва и отъ опуханія миндалевидныхъ желѣзъ; по опыту извѣстно, что у мужчинъ, носящихъ бороды, болѣзни эти бывають несравненно рѣже, чѣмъ у безбородыхъ и у женщинъ» *). Далѣе онъ снова возвращается къ этому и утверждаетъ, что «въ тѣхъ полкахъ, гдѣ введено общее ношеніе бороды, болѣзни дыхательныхъ органовъ случаются рѣже, чѣмъ въ бритыхъ командахъ **).» Желательно было бы, чтобы борода перестала играть политическую роль и ей возвращено было бы лишь физиологическое ея значеніе, какъ охранительница горла и зубовъ отъ ненужныхъ и мучительнѣйшихъ страданій.

Старое обветшалое положеніе, что человекъ ѣсть для того, чтобы жить, а не живетъ для того, чтобы ѣсть, хотя и оправдывается рѣдко на дѣлѣ, но въ сущности оно, собственно говоря, должно бы быть такъ. Большинство людей главную цѣль своего существованія видятъ въ ѣдѣ, но они во всякомъ случаѣ ѣдятъ и итѣются для того, чтобы подольше продлить эту жизнь, которая доставитъ имъ удовольствіе побольше сѣсть. Самое же незначительное меньшинство поддерживаетъ итаніе своего организма для того, чтобы жить по преимуществу своими мозгами. Мы назывемъ жизнь первыхъ—животною, а вторыхъ—разумною. Приматриваясь къ людямъ, мы пришли къ тому убѣжденію, что въ каждомъ человѣческомъ субъектѣ превалируетъ одинъ какой нибудь органъ, одна такъ сказать функція, для большаго благоденствія которой приспособлена вся остальная организація. Большинство людей имѣють точку своего соприкосновенія въ брюхѣ; меньшинство въ мозгахъ. Слова нѣтъ, что и у первыхъ есть мозги, также какъ у вторыхъ желудокъ. Но у первыхъ функція мозговая относится къ брюшной

*) Рекламъ. Популярная Гигіена, стр. 212.

***) Ibidem, стр. 448.

какъ 1 къ 100; у вторыхъ же на оборотъ, функція мозговая относится къ брюшной какъ 100 къ 1. Читатель жестоко ошибется, если прочтетъ въ нашихъ физиологическихъ размышленіяхъ упрекъ первымъ и похвалу послѣднимъ. Вовсе не это имѣемъ мы въ виду сказать: люди, дѣляхъ 12 часовъ въ сутки тратящіе свою мускульную силу въ физическомъ трудѣ, не могутъ уже быть заняты умственнымъ трудомъ, не могутъ работать мозгами. Имъ остается лишь подумать о питаніи тѣла и о восстановленіи потраченныхъ силъ. Мозги служатъ лишь приходорасходчикомъ физиологическихъ отправленій и рады, если на ихъ долю достается достаточная доза питанія. Они, правда, посредничаютъ между органами чувствъ и внѣшнимъ міромъ, но впечатлѣнія, воспринимаемыя ими этимъ путемъ, остаются голыми впечатлѣніями, не обобщаются, не даютъ выводовъ. Оттого эти люди понимаютъ лишь интересы минуты и неспособны заглядывать въ даль, неспособны къ апіористическимъ воззрѣніямъ. Нервы у нихъ мало развиты и мало впечатлительны. Органъ голоса и даръ слова не соотвѣтствуетъ одинъ другому. Первый неизмѣримо превышаетъ второй; лексиконъ ихъ не богатъ словами, слѣдовательно и понятіями. Въ нихъ больше преобладаетъ первобытный языкъ жестовъ. Все это, конечно, потому, что мозги не получили должнаго развитія, надлежащаго упражненія. Изъ президентовъ, каковое званіе имъ наиболѣе приличествуетъ, они разжалованы въ эконома. Не даромъ говорятъ о многихъ людяхъ, что у нихъ царя нѣтъ въ головѣ. Это вѣрно относительно тѣхъ, которыхъ мозги не самостоятельны, не привыкли къ саморазвитію, рутинны и скорѣе составляютъ продуктъ общественной поверхностности, чѣмъ индивидуальнаго усовершенствованія. Такова крайность, обусловливаемая соціальной рутинной. Но... Тибосанбъ негдѣ написалъ на спинкѣ своего трона большими буквами нѣкъ разноцѣтныхъ камней слѣдующій афоризмъ: «лучше нѣсколько мгновеній существованія молніи, чѣмъ столѣтіе жизни червяка».

Суть жизни, по нашему крайнему разумѣнію, заключается въ стремленіи понимать окружающую природу и извлекать изъ нея всевозможную пользу сколько для себя, столько же и для другихъ. Это высшее благо жизни, это разумѣйшая ея цѣль. Природа дала намъ для этой способности особый органъ—мозги. Мозги отличаются отъ остальныхъ органовъ нашего тѣла особаго рода питаніемъ. Собственно говоря, почти каждый органъ нашего тѣла имѣетъ двойное питаніе: одно заключается въ постоянномъ притокаѣ

свѣжей крови, другое спеціальное для каждаго органа. Такъ желудокъ самолично питается кровью, а спеціальная его потребность пища; легкія питаются кровью, а спеціальная ихъ потребность кислородъ; мускулы питаются кровью, а спеціальная ихъ потребность движеніе, мозги питаются кровью, а спеціальная ихъ потребность понятія или знанія. Алмазъ шлифуется лишь алмазомъ, умъ человѣческой—продуктъ мозговой, шлифуется лишь тѣмъ же умомъ, то есть знаніями, понятіями, приобрѣтенными человѣчествомъ путемъ опыта въ теченія тысячелѣтій. Вы спросите, читатель, неужели всѣ должны быть учеными? Положимъ, нѣтъ, но всѣ *должны* обладать знаніями. Нѣтъ профессіи въ жизни человѣка, шагу нельзя сдѣлать безъ предварительной подготовки, безъ предварительныхъ знаній. Чѣмъ больше знаній, тѣмъ шире пониманіе, тѣмъ возможноѣе пользованіе природою, тѣмъ правильнѣе и справедливѣе отношеніе къ окружающему, тѣмъ развитѣе мозги, тѣмъ они здоровѣе, тѣмъ они лучше функционируютъ. Отсюда ясно, какъ божій день, что знанія такая же фізіологическая потребность нашего организма, какъ хлѣбъ и говядина. Но если это такъ, скажетъ читатель, почему же такъ много людей на свѣтѣ безъ знаній? На это мы отвѣтимъ любознательному читателю, что во-первыхъ, одни лишь кретивы и микроцефалы, люди съ ничтожными мозгами, безъ всякихъ знаній, а во-вторыхъ, вѣдь проводятъ же тысячи людей всю свою жизнь впроголодь, вѣдь питаются же многіе милліоны кореньями, глиной и всякой дрянью. ✕

Такимъ образомъ, чѣмъ большими знаніями обладаетъ каждый индивидуумъ и чѣмъ больше такихъ индивидуумовъ въ массѣ, тѣмъ эта масса считается выше, образованнѣе, цивилизованнѣе, счастливѣе. Такихъ абсолютно-счастливыхъ массъ до сихъ поръ въ природѣ не встрѣчали, но такія относительно счастливыя массы вполне возможны и желательны. Да въ этомъ одномъ и заключается весь прогрессъ. Итакъ мы доказали, что знанія фізіологическая потребность, фізіологическая пища мозговъ. Фізіологія требуетъ для мозга—знаній. Гигіена указываетъ, каковъ долженъ быть выборъ знаній. Какъ не всякая пища пригодна для желудка, такъ не всякія знанія особенно питательны для мозга, хотя потребность эта неизбѣжно должна быть удовлетворяема. Въ такихъ крайнихъ случаяхъ люди прибѣгаютъ иногда къ сплетнямъ, которыя никогда не выражаютъ собою, будто люди интересуются другими людьми, а служатъ дѣйствительнымъ выраженіемъ фізіологической потребности какимъ нибудь матеріаломъ шевелить мозги.

Посмотрите на любое провинціальное общество, прислушайтесь къ предмету и содержанію ихъ разговоровъ и вы скоро убѣдитесь, что въ большинствѣ случаевъ бесѣды страдаютъ полнѣйшимъ отсутствіемъ знаній, и что постоянный ихъ колоритъ самая грустная скудость содержанія. Какъ часто приходилось намъ въ провинціи видѣть полную гостиную дамъ, безмолвно проводящихъ цѣлый вечеръ, считающихъ даже неприличіемъ заявить себя чѣмъ инымъ кромя *да* или *нѣтъ*. У насъ рѣшительно говорить *не умѣютъ* и *не имѣютъ* о чемъ говорить. Нѣтъ знаній и нѣтъ общихъ интересовъ, а потому разговоры быть не можетъ. Нечѣмъ обмѣниваться, нечѣмъ шлѣфовать свои мозги, кромя повторенія въ тысячный разъ какого нибудь изношеннаго анекдота или свѣже-испеченой сплетни. У насъ обыкновенно толкуютъ, что вотъ-де такой-то очень умный человѣкъ, скромно себя держитъ, то есть очень мало говоритъ, но за то много дѣлаетъ, и такой-то вертопрахъ, много глаголетъ, но все это слова, фразы, а на дѣлѣ ничего. Думаемъ, что и то и другое—крайность. Русское общество именно на такой степени историческаго развитія, что ему нужны, во-первыхъ, люди съ знаніями, а, во-вторыхъ, нужно, чтобы эти люди говорили и дѣлали столько, сколько они говорятъ и говорили бы настолько, насколько они дѣлаютъ. Гигіена считаетъ несправедливостью, что одни люди обладаютъ слишкомъ обширными познаніями, не дѣлать ихъ съ другими, загромождаютъ ими мозги и слишкомъ работаютъ ими въ ущербъ другимъ функціямъ, особенно мышечной. Съ другой стороны, гигиена указываетъ на то несправедливое распредѣленіе труда, въ силу котораго рабочій классъ исключительно работаетъ мускулами въ ущербъ мозгамъ. Отсюда гигиена доходитъ до справедливаго и физиологически оправдываемаго требованія, чтобы *«всякій разумный человѣкъ былъ работникомъ»* и чтобы *«всякій работникъ—былъ разумный человѣкъ.»*

Мы разсмотрѣли важнѣйшіе органы нашего тѣла, мы опредѣлили физиологическое отправленіе ихъ, мы обозначили гигиеническія условія ихъ процвѣтанія и благоденствія. Такимъ образомъ, изъ всего вышесказаннаго неминуемо слѣдуетъ, что изученіе или, по крайней мѣрѣ, знакомство съ гигиеной необходимо для всѣхъ слоевъ общества; что гигиена должна лечь въ основаніе всякаго воспитанія, должна быть предметомъ преподаванія во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ какъ мужскихъ, такъ и женскихъ; что для народа и для, такъ называемой, образованной публики должны по преимуществу издаваться популярныя сочиненія по части гигиены. Ни по какой

отрасли знаній популярныя книжки не могутъ быть такъ общедоступны, такъ понятны, такъ полезны, такъ близки интересамъ и сердцу публики, какъ популярныя книги по части гигиены. Известно, что обновленная жизнь Россіи началась съ того момента, какъ она получила самый чувствительный урокъ и, оглянувшись кругомъ, увидѣла въ себѣ полнѣйшаго невѣжу. Вскорѣ затѣмъ обнаружилась потребность и стремленіе ознакомиться съ окружающей природой. Первымъ по времени популярнымъ сочиненіемъ, появившемся на Руси, была Физиологія обыденной жизни Льюиса. Четыре изданія этого сочиненія прочла съ тѣхъ поръ Россія. Съ легкой руки Льюиса пошли переводы и другихъ quasi-популярныхъ сочиненій. Льюиса читали, читали по нѣсколько разъ, читали и не понимали, не понимали и все-таки читали. Не понимали потому, что популярныхъ физиологій нѣтъ и быть не можетъ, а читали потому, что вещь-то была чрезвычайно нова и затрогивала самыя чувствительныя стороны жизни. Хотя провинціальный читатель или читательница, въ жизни ничего другого не читавшіе кромѣ собранія иностранныхъ романовъ, вдругъ по увлеченію людей или по указанію заѣзжаго студента натыкались на Льюиса и прочитывали цѣлыя страницы, ничего не понимая, но за то другія страницы были совершенно понятны, заинтересовывали, вызывали на лицахъ читавшихъ выраженіе «ахъ, какъ пріятно и хорошо все это знать!» Лѣтъ съ десять такъ шутили и забавлялись и все-таки дошутились вѣдь до Сусловыхъ, Гончаровыхъ (ужь, разумѣется, не автора «Обрыва»), Кашеваровыхъ etc. Вотъ, собственно говоря, послѣдствія популярныхъ книжекъ по части естественныхъ наукъ. Классицизмъ этимъ похвалиться не можетъ. Но признаемся откровенно, что и то теперь такъ сказать и минуло время такихъ популярныхъ книгъ, какъ Физиологія обыденной жизни Льюиса. Она была и осталась для большинства книгой не вполне и далеко не вполне понятной. Физиологію безъ руководства, физиологію безъ предварительной подготовки понять нельзя и польза отъ нея лишь настолько существенна, что побуждаетъ къ болѣе подробному и дальнѣйшему изученію предмета. И въ этомъ отношеніи, по личному опыту, мы не знаемъ ни одной вполне удовлетворительной книги. Если Льюисъ для многихъ темная вода, то Физиологическія письма Карла Фогта еще менѣе понятны и еще труднѣе изучать ихъ, а какіе нибудь Физиологическіе эскизы Мошота и подавно. По нашему мнѣнію, всякій, желающій ознакомиться съ строеніемъ человѣка, благоразумно поступитъ, если онъ предварительно прочтетъ при чьей либо по-

мопци «Руководство къ изученію анатоміи, фізіологіи и гігіены» Джона Дрепера въ прекрасномъ и дѣльномъ переводѣ доктора Симонова, а потомъ уже возьмется за Льюиса. Онъ тогда конечно обогатится знаніями, но едва ли еще суждетъ приложить ихъ къ дѣлу, примѣнитъ ихъ себѣ же на пользу. Всю эту рѣчь мы ведемъ къ тому, чтобы выставить превосходство въ этомъ случаѣ популярныхъ книжекъ по части гігіены. Трудно опредѣлить, что у насъ больше пользы и отрезвляющаго здраваго смысла принесло: «Фізіологіи обыденной жизни» Льюиса или «Будьте здоровы» доктора Бока? Думаемъ, что кто читалъ и то и другое, больше вынесетъ отъ второго, чѣмъ отъ перваго. Тоже самое мы должны сказать о «Популярной гігіенѣ» профессора Реклама; книга эта почти не требуетъ предварительной подготовки, читается легко, вполне общедоступна, не грѣшитъ многословіемъ, но съ каждой прочитанной страницей читатель приобретаетъ новыя, полезныя знанія, легко примѣнимыя на практикѣ и богатые своими чуть не чудотворными послѣдствіями.

До сихъ поръ мы говорили о гігіенѣ отдѣльнаго лица, объ индивидуальной гігіенѣ, но есть еще гігіена социальная, общественная, регулирующая отношенія лица къ обществу и обязанности или отношенія общества къ лицу. Какъ первая изъ нихъ или индивидуальная гігіена строго основана и опирается на данныя частной фізіологіи, такъ и вторая или социальная гігіена основана на данныхъ общей фізіологіи. Отсюда вытекаетъ тѣсная связь гігіены съ общей фізіологіей или антропологіей. Мы пояснимъ это примѣромъ. Нѣтъ сомнѣнія, что одинъ изъ важнѣйшихъ моментовъ столкновения отдѣльнаго лица съ обществомъ есть бракъ. Цѣль природы—какъ извѣстно, безостановочное продолженіе всего живущаго. Люди безсознательно повинуются этой цѣли природы, которая для достиженія ея избрала могущественнѣйшее средство, одно лишь бросающееся въ глаза близорукому человѣчеству. Это средство, это всесильное орудіе—любовь. Но далеко не этимъ мотивомъ руководится человѣчество при совершеніи своихъ бракосочетаній. Тутъ господствуютъ совершенно иные законы: экономическіе, фізіологическіе, словомъ соціологическіе. Кетле первый подмѣтилъ, а Бокль провѣрилъ, что ежегодное число браковъ зависитъ вовсе не отъ прихоти людской. «Число браковъ, ежегодно совершающихся, опредѣляется не характеромъ и желаніями частныхъ лицъ, а общими фактами, надъ которыми частныя лица не имѣютъ никакой власти. Теперь извѣстно, что число браковъ находится въ постоянномъ и опредѣлен-

номъ отношеніи къ цѣнамъ на хлѣбъ. Въ Англіи опытомъ послѣдняго столѣтія доказано, что число браковъ вмѣсто того, чтобы имѣть отношенія къ личнымъ чувствамъ, опредѣляется просто уровнемъ заработковъ массы народа; такимъ образомъ это важное общественное и религіозное установленіе находится не только въ зависимости, но въ полномъ подчиненіи отъ цѣны на съѣстные припасы и отъ заработной платы.» (* Но если это физиологическое отправление въ зависимости отъ колебанія рыночныхъ цѣнъ на хлѣбъ, то оно еще больше зависитъ отъ физиологической зрѣлости организма. Такъ какъ большинство браковъ совершается какъ *alliance par coïncidence*, то физиологическая зрѣлость организма вовсе не принимается во вниманіе при совершеніи бракосочетаній. Въ простомъ классѣ общества, гдѣ преимущественно уважается и цѣнится трудъ, тамъ необходимо приобрѣсть работницу и потсму, какъ только парень подростъ, его сейчасъ же женятъ. Здѣсь рѣдко обращаютъ вниманіе на то, что невѣста старше или моложе жениха. Это почти безразлично, лишь бы наплась невѣста и дѣло въ шляпѣ. Въ высшемъ классѣ общества всякую шестнадцатилѣтнюю дѣвицу вамъ охотно отдадутъ замужъ. Мы согласны съ тѣмъ, что каждая 16-лѣтняя барышня, какъ барышня, можетъ быть и очень умна и мила и т. д. Но если дѣвица шестнадцати лѣтъ становится женой и матерью, то мы глубоко убѣждены, что такая особа, какъ жена и мать, положительно глупа. Скажите на милость, что знаетъ, чему успѣла научиться дѣвица въ 16 лѣтъ? Ровно ничему. Часто еще люди здѣсь руководствуются закономъ противоположностей, который утрируютъ до *pes plus ultra*. Такъ, часто старики женятся на молодыхъ дѣвушкахъ, юноши влюбляются въ взрослыхъ дѣвицъ, а старухи любятъ краснощкихъ юношей. Но тутъ-то является статистика и побиваетъ камнемъ всѣхъ этихъ физиолого-отступниковъ. Статистика въ-очію доказала, что слишкомъ ранніе и слишкомъ поздніе браки чрезвычайно губельны и влекутъ за собою или преждевременную смерть молодыхъ супруговъ, или такіе браки безплодны или наконецъ дѣтя, рождающіеся отъ такихъ браковъ, въ высшей степени болѣзненны и недолговѣчны. Такимъ образомъ статистика въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей, какъ Эстерленъ, Кетле и другіе, устанавливаетъ срокомъ для бракосочетаній: для дѣвицъ возрастъ отъ 20 до 26 лѣтъ, а для

*) Бокль. Исторія цивилизаціи, т. 1, стр. 23.

мужчинъ отъ 25 до 35 лѣтъ. Эти данныя статистики поддѣрживаются и получаютъ еще большую силу изысканіями антропологовъ. Вейсбахъ взвѣшиваніями мозговъ пришелъ въ тому заключенію, что у женщинъ мозги достигаютъ полнаго развитія въ 20 лѣтъ, а у мужчинъ въ 30. Отсюда становится яснымъ, что при совершеніи бракосочетаній и при выборѣ невѣсты или жениха нужно обладать нѣкоторыми знаніями, установленными и проверенными наукою. Гигіена является здѣсь полнѣйшей руководительницей. «Частная физиологія изучаетъ процессъ оплодотворенія; общая физиологія или антропологія обнимаетъ этотъ процессъ цѣликомъ и занимается послѣдованіемъ результатовъ и условій скрещиванія разныхъ породъ; а гигиена опредѣляетъ тѣ правила, по которымъ этотъ процессъ должно сохранять въ нормальномъ состояніи, какъ улучшить родъ человѣческой физически и нравственно, какъ предохранить его отъ вырожденій *).» Антропологическія изысканія по вопросу о бракахъ между близкими родственниками и по вопросу о скрещиваніяхъ между различными расами цѣликомъ входятъ въ составъ гигиены. Гигіена положительно воспрещаетъ первыя и одобряетъ нѣкоторыя стороны послѣднихъ. Наслѣдственное расположеніе, по нашимъ личнымъ наблюденіямъ, бываетъ иногда довольно рѣзко-выраженною причиною пьянства, и ничѣмъ инымъ не можетъ быть объяснено. Кромѣ того извѣстно, какъ сильно дѣйствуетъ примѣръ родителей на дѣтей и потому мы думаемъ, что одною изъ хорошихъ мѣръ противъ пьянства, такъ сильно распространеннаго почти во всѣхъ слояхъ русскаго общества, было бы скрещиванье пьющихъ съ непьющими племенами. Кажется, что минуло безвозвратно то классическое время, когда исторія считала чернымъ пятномъ на памяти великаго Казимира, что онъ былъ женатъ на красавицѣ Эстеркѣ. Гражданскіе и церковные законы совершенно воспрещаютъ бракосочетанія между русскими и одноплеменниками Эстерки и, сколько намъ кажется, въ отношеніи гигиены къ полнѣйшему вреду первыхъ. Такимъ же образомъ повсемѣстный упадокъ аристократическихъ семействъ указываетъ на необходимость освѣженія крови, по крайней мѣрѣ, породю средняго сословія. Этими мы имѣли въ виду выразить отношенія гигиены къ антропологіи и ту важную роль, какую играетъ гигиена въ вопросѣ брака.

*) Ed. Reich, Die Hygiene und ihr Studium. Стр. 5.

Послѣдствіями брака обыкновенно бываютъ дѣти, и съ перваго дня рожденія до вступленія въ званіе гражданина они составляютъ предметъ семейной и общественной заботливости, они тотъ матеріалъ, изъ котораго социальная обстановка и та или другая система воспитанія можетъ слѣпить, извѣять, выточить тотъ или другой образчикъ, ту или другую форму хорошихъ или дурныхъ людей. Никто конечно не станетъ сомнѣваться, что въ каждомъ новорожденномъ человѣкѣ имѣются прирожденныя, индивидуальныя, наслѣдственныя свойства, но «уловить ихъ нѣтъ никакой возможности, потому что въ неизмѣримомъ большинствѣ случаевъ характеръ психическаго содержанія на 999 тысячныхъ дается воспитаніемъ въ обширномъ смыслѣ слова и только на одну тысячную зависить отъ индивидуальности». *) Педагогика, какъ наука, занимающаяся воспитаніемъ дѣтей и человѣка, разумѣется, въ конечныхъ результатахъ своихъ стремится создать здоровыхъ, умныхъ, крѣпкихъ и честныхъ субъектовъ. Гигіена стремится во всѣхъ своихъ предназначеніяхъ къ тому же. Понятно, что въ основу педагогика должна лечь гигиена и только гигиена. Но вся система воспитанія, которую намъ самимъ пришлось пережить и вынести, знать ничего не хочетъ о требованіяхъ и правилахъ гигиены и скорѣе предоставляетъ полнѣйшее искаженіе, рѣзкое протѣворѣчіе всѣмъ здоровымъ понятіямъ гигиены. Въ былое время всѣ старанія учителей и родителей направлены были лишь къ тому, чтобы ученики выучали твердо урокъ и хорошо выдержали бы экзамены; какихъ бы это усилій не стоило юношѣ, сколько бы не пострадало отъ этого физическое здоровье юноши, родителямъ и учителямъ почти до этого не было никакого дѣла. Вся суть воспитанія и обученія была не наука, не знанія, а достиженіе цѣли: полученіе диплома и право на служебную карьеру. Воспитанія же въ строгомъ смыслѣ вовсе не существовало. Школа не давала никакого воспитанія; школа служила лишь зазубриваніемъ латинскихъ склоненій и спряженій. Отъ нихъ мало вынесешь нравственныхъ правилъ и честныхъ стремленій. Дома же воспитаніе было самое жалкое. Судите, какое воспитаніе получалъ сынъ, проведшій два-три года въ гимназій и пріѣхавшій на вакаціонное время домой, гдѣ онъ видѣлъ какъ папаша, состоящій на службѣ, ровно ничего не дѣлалъ, по цѣлымъ суткамъ игралъ въ карты, напивался пьянымъ

*) Съченовъ. Рефлексы головного мозга. Стр. 182.

до безобразія, выкуривалъ по четверть табаку; обращался по фельдфебельски не только съ прислугой, но и съ мамашей. Какого толка ждать отъ мальчика, когда онъ видѣлъ, что папаша его, обладая еще меньшими познаніями, чѣмъ онъ самъ, третьяго класса гимназистъ, и, ровно ничѣмъ не занимаясь, тратитъ однакожь большія деньги, не надышется на свою пару лошадей, живетъ припѣваючи и комфортабельно, Богъ вѣсть откуда прибрѣтая все это. Ну, а если мальчикъ подростъ уже, знаетъ, что папаша получаетъ 1500 руб. въ годъ и проигрываетъ въ одну ночь тысячь пять! И рвется бѣдный мальчикъ изъ гимназіи скорѣе домой; цѣлую ночь не спитъ; все зубритъ *шенса, шенсае, шенсагитш*, а въ головѣ домашнія радости и забавы: катанье, ничего недѣланье, жранье, лошади, идиотическое уженіе рыбы и другія соблазны и рюмки водки и т. д., и т. д. Хотите, чтобы ваши дѣти получили хорошее воспитаніе, ведите сами себя лучше и не подавайте дѣтямъ своею жизнью примѣръ всего дурного, въ противномъ случаѣ не взыщите и не пеняйте на учителей, на гимназію, что вашъ мальчишка плохо учится и мало успѣваетъ. Это дома. А хотите, чтобы вашъ сынъ выдержалъ гимназическій курсъ, отдайте его лишь въ то заведеніе, гдѣ учатъ гимнастикѣ и сколько нибудь сообразуются съ правилами гигиены. А если такихъ заведеній нѣтъ, вы какъ членъ земщины просите, чтобы ихъ завели. Докторъ Гиллере (Hillaigé) въ своемъ рапортѣ министру народнаго просвѣщенія во Франціи говоритъ: «Справедливость требуетъ сказать, что гимнастика, наука вразумляющая движеніямъ, обуславливаетъ правильное развитіе тѣла, возрастаніе и равновѣсіе всѣхъ силъ организма». И далѣе онъ говоритъ: «Рациональная педагогическая гимнастика необходима для хорошаго воспитанія; она тѣсно связана съ интеллектуальнымъ воспитаніемъ, котораго она составляетъ полезнѣйшее и неизбѣжное дополненіе. Это до того вѣрно, что всюду, гдѣ народное просвѣщеніе довольно распространено, преподаваніе гимнастики идетъ рука объ руку съ нимъ. Такимъ образомъ, если мы возьмемъ карту Европы, разрисованную различными красками, соответствующими развитію народнаго просвѣщенія, то на первомъ планѣ увидимъ одинаково преуспѣвающими и въ томъ и другомъ Пруссію, Саксонію, Баварію, великое герцогство Баденское, Виртембергъ, Швейцарію, Голландію, Данію и Швецію; въ этихъ странахъ гимнастика въ большомъ почетѣ, она входитъ въ составъ программы большинства учебныхъ заведеній, въ которыхъ она своимъ научнымъ и рациональнымъ направленіемъ возведена на такую же степень, на какой находится интеллектуальное вос-

питаніе. На второмъ планѣ мы увидимъ Францію, Англію, Бельгію, на третьемъ Австрію, Италію и Грецію и наконецъ на послѣднемъ планѣ Россію, Испанію и Папскую область. Всюду одна и таже параллель. Вѣдь это поучительно.» *) Изъ физиологін мы знаемъ, что каждый органъ обнаруживаетъ болѣе значительную склонность къ заболѣванію именно въ то время, когда онъ быстро растетъ и развивается. Въ юношескомъ возрастѣ конечно всѣ органы болѣе или менѣе растутъ и развиваются, а тутъ имъ школа на каждомъ шагѣ помѣха, они дышатъ самымъ тлетворнымъ воздухомъ, не дѣлаютъ никакого движенія, сидятъ по нѣскольку часовъ сряду въ спертыхъ удушливыхъ классахъ, напрягаютъ свои неокрѣпшіе мозги и выходятъ изъ школы валыми, безжизненными, блѣднолицыми, безкровными, страдаютъ сердцебиеніемъ, преждевременнымъ геморроемъ, разстраиваютъ свою грудь, наживаютъ чахотку и становятся жертвой ложной педагогики. «Никогда не надобно забывать, говоритъ профессоръ Рекламъ, что сидѣніе есть противоестественное, ненормальное положеніе, вынужденное тѣснотою нашихъ жилищъ, что вслѣдствіе сидѣнія пищеваарительные органы всегда стѣсняются и отправленіе дыхательныхъ органовъ встрѣчаетъ препятствія, что слѣдовательно сидѣніе при всѣхъ обстоятельствахъ *нездорово* и потому, обнаруживающемуся при немъ напряженію спинныхъ мускуловъ, а также давленію на животъ надобно противодѣйствовать тѣлесными упражненіями, холодными умываніями и купаньемъ.» **) Въ другомъ мѣстѣ онъ къ этому прибавляетъ: «Никогда не должно соединять двухъ-часовыхъ, однѣ за другимъ слѣдующихъ уроковъ, послѣ которыхъ часть времени хорошо посвятить легкимъ тѣлеснымъ упражненіямъ и рекреаціи.» ***) Разсказываютъ, что когда Гумбольду показали программу нашихъ кадетскихъ корпусовъ, то онъ будто выразился, что не въ состояніи былъ бы по ней выдержать экзамена. Анекдотъ этотъ во всякомъ случаѣ доказываетъ, до чего сложно и многообразно было преподаваніе въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ, что конечно никакъ не ведетъ къ цѣли, не даетъ многосторонне-образованныхъ людей, а только набиваетъ голову никому ненужнымъ хламомъ; большинство не выдерживаетъ гимназическа-

*) См. Annales d'Hygiene publique et de Medicine l'egale, Deuxieme serie. Avril 1864. 62 Numero. Стр. 464—467.

**) Карлъ Рекламъ. Популярная Гигіена, стр. 69.

***) Ibidem, стр. 59.

го курса и бросается куда попало, значительное меньшинство едва попадаетъ въ университетъ, гдѣ также большая половина «убоихся бездны премудрости», удаляется вспять и щетъ службы, и рѣдко кто, побывавши въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ, приобретаетъ въ нихъ любовь къ наукѣ, къ занятіямъ, даже къ чтенію. Въ доказательство мы приведемъ, что вездѣ слышны жалобы на недостатокъ людей, десятки кафедръ въ университетахъ некимъ закрѣпить, цѣлыя факультеты закрываются и что провинція почти ничего не читаетъ. Въ провинціи очень рѣдко встрѣтишь домъ, въ которомъ выписывается журналъ и то развѣ для того, чтобы прочесть какой нибудь «Обрывокъ». Серьезныхъ же статей вообще не читаютъ. Еще рѣже въ провинціи встрѣтишь человѣка, который выписывалъ бы и читалъ серьезную книгу, у котораго была бы физиологическая потребность къ чтенію, къ приобретенію знаній. А отчего все это? Да оттого, что наши учебныя заведенія со всѣми своими уроками и зазубриваніями, своими репетиціями и экзаменами, отбиваютъ охоту и отъ науки, и отъ просвѣщенія, и отъ чтенія.

Гербертъ Спенсеръ, рассуждая о вырожденіи современныхъ поколѣній, говоритъ: «Многіе утверждаютъ, что между образованными классами подростящее поколѣніе не такъ хорошо сложено и не такъ сильно, какъ его предки. Сначала мы были склонны отнести это къ одному изъ многихъ проявленій старой тенденціи—превозносить прошлое въ ущербъ настоящему. Вспоминая факты въ родѣ того, что размѣры старыхъ доспѣховъ доказываютъ, что современные мужчины рослѣ древнихъ, что таблицы смертности показываютъ не уменьшеніе, а увеличеніе продолжительности жизни, — мы не обратили вниманія на то, что казалось намъ ни на чемъ не основаннымъ вѣрованіемъ. Но болѣе тщательное наблюденіе поколебало наше мнѣніе. Оставляя въ сторонѣ земледѣльческіе классы, мы замѣтили, что въ большинствѣ случаевъ дѣти не достигаютъ роста родителей; по массивности склада, принимая въ расчетъ различіе возрастовъ, они повидимому тоже отстаютъ. Медики говорятъ, что современный народъ далеко не можетъ переносить тѣхъ кровопусканій, которыя дѣлались въ старину. Преждевременныя лысныя встрѣчаются чаще теперь, чѣмъ прежде. Ранняя порча зубовъ встрѣчается поразительно часто въ возрастающемъ поколѣніи. Въ общемъ складѣ контрастъ также замѣтателенъ. Прошлыя поколѣнія, живя бурно, переносили болѣе нагоящаго поколѣнія, которое живетъ скромно. Люди пили много,

не вели регулярной жизни, не хлопотали о свѣжемъ воздухѣ, мало заботились о чистотѣ, но оставались способны на продолжительныя занятія до пожилыхъ лѣтъ, и безъ вреда для себя: посмотрите лѣтописи суда и адвокатуры. Мы же, которые думаемъ много о нашемъ физическомъ благосостояннн, мы, которые ѣдимъ умѣренно, не пьемъ черезъ мѣру, мы, которые заботимся о вентиляціи и опрятности, мы, которые дѣлаемъ ежегодныя экскурсіи и пользуемся большимъ медицинскимъ званіемъ,—мы постоянно слаимваемся подѣ нашими трудами. Обращая большое вниманіе на законы здоровья, мы кажемся слабѣ нашихъ дѣдовъ, которые во многихъ отношеніяхъ дѣйствовали вопреки законамъ здоровья. А суда по виѣшности и частымъ болѣзнямъ возрастающихъ поколѣній, они повидимому будутъ еще менѣ ярѣики, чѣмъ мы. Отчего же это происходитъ? Не оттого ли, что преждее перекармливаніе какъ взрослыхъ, такъ и дѣтей было менѣ вредно, чѣмъ недокармливаніе, которое мы встрѣчаемъ такъ часто теперь? Не отъ недостаточности ли одежды, введенной ложной теоріей закаливанья? Не отъ того ли, что во вниманіе къ ложной утонченности, мы оставляемъ дѣтскія игры? На основанн нашихъ разсужденій можно заключить, что каждая изъ этихъ причинъ имѣла вѣроятно свою долю участія въ порожденн зла. Но тутъ существуетъ еще другое вредное вліяніе, можетъ быть самое сильное изъ всѣхъ—это чрезмѣрная умственная дѣятельность *) . О, если бы родители знали и видѣли, какой цѣной физическаго здоровья достаются ихъ сыновьямъ золотыя медали, похвальные листы при переходѣ изъ класса въ классъ, еслибы они предвидѣли, какими грустными послѣдствіями ивнemoженія и умственнаго расслабленія угрожаютъ имъ въ жизни ночное бдѣніе и усидчивыя занятія; еслибы они все это взяли въ толкъ, они не гонялись бы тогда за этой мишурой и предпочли бы, чтобъ ихъ дѣти знали поменьше ненужныхъ классиковъ, да обладали бы лучшимъ здоровьемъ и большимъ здравымъ смысломъ. Отъ души желаемъ, чтобъ Популярная Гигіена профессора Реклама пошла въ руки учащейся молодежи. Число отличныхъ, но слабыхъ учениковъ, быть можетъ, уменьшилось бы, но за то увеличилось бы число здоровыхъ и уменьшилось бы число

---

*) Гербертъ Спенсеръ. Умственное, нравственное и физическое воспитаніе. Т. 3, стр. 188 и 189.

тупыхъ педантовъ *). Но гигиена учить, какъ согласить и развить и здоровье и умъ. Изъ вышеприведенной цитаты Герберта Спенсера, читатель легко можетъ понять, что причиною вырожденія современныхъ поколѣній одно лишь нарушение и искаженіе гигиеническихъ правилъ. А потому только гигиена въ силахъ поправить это великое зло. И потому мы снова съ полнѣйшимъ правомъ повторяемъ, что въ основу педагогики должна лечь гигиена и только гигиена.

Теперь мы предположимъ, что девять десятыхъ молодого поколѣнія вступаютъ въ жизнь и составляютъ общину, одни лизнули науки и бросили; другіе вовсе не вступали даже въ предверіе этого храма; третіе достигли высшихъ ея ступеней. Вступая въ общину или составляя ее, человѣкъ на каждомъ шагу приходитъ въ столкновеніе съ соціальною или народною экономіей, съ соціальнымъ устройствомъ. Кто изъ насъ молодъ не бывалъ? Кто, усвоивъ въ университетѣ честныя понятія, убѣжденія и стремленія, при столкновеніи съ дѣйствительною жизнью, не терпѣлъ на каждомъ шагу поражений своимъ самымъ завѣтнымъ мечтамъ, не разочаровывался во всѣхъ своихъ предпріятіяхъ, не уходилъ изъ борьбы истерзаннымъ вопіющими несправедливостями историческаго недоразвитія? Соціальное устройство требуетъ самыхъ точныхъ правилъ гигиены. Раціональное сельское хозяйство, правильное лѣсоводство, улучшенные способы обработки земли — все это имѣетъ въ виду и конечную цѣлью благосостояніе человѣка. Къ тому же несомнѣннымъ образомъ стремится и гигиена. Въ дѣятельности земскихъ управъ не видно и слѣда санитарныхъ мѣропріятій. А казалось бы, что это чуть ли не главнѣйшая ихъ обязанность. Помилуйте, разчистить лѣсъ и сберечь его какъ источникъ очищенія воздуха и добыванія чистаго кислорода, осушить болота и тѣмъ уничтожить заразу, провести хорошую и удобную дорогу сообщенія, снабдить народонаселеніе хорошей, чистой водой, улучшить способы обработки земли, то есть улучшить пищу края, чье же это дѣло, какъ не земщины? У насъ же понадобилось устроить гостинный дворъ и вотъ лучшая площадь въ городѣ, отѣненная деревьями и служившая мѣстомъ отдохновенія, прогулки и для лучшаго обмѣна воздуха застраивается балаганами. Въ иномъ городѣ хорошенькая сосновая роща; вмѣсто того, чтобы ее разчистить,

---

*) Близко намъ знакомый учитель уѣзднаго училища и женской гимназіи утѣрлялъ насъ, что онъ пришелъ къ тому убѣжденію, что «чѣмъ хуже учатся ученики, тѣмъ полезнѣе для ихъ здоровья».

устроить, сдѣлать удобной для прогулокъ, купечеству необходимо расширить рынокъ и вотъ хорошенькая роца падаетъ жертвой купеческаго невѣжества. Такой богатый городъ какъ Казань не имѣетъ воды, пить какую-то муть изъ Кабанскаго озера, въ которомъ водяные вши кишатъ мириадами. Тутъ же подъ носомъ богатѣйшіе ключи, но провести ихъ и сдѣлать хорошіе водопроводы будетъ стоить нѣсколько тысячъ. Гдѣ же ихъ взять? Очень просто, людямъ состыательнымъ привозить хорошей воды отъ 30 до 50 коп. за бочку, люди богатые пьютъ дистиллированную воду, зельтерскую воду, лимонадъ газесъ, шампанское, а масса-то вся пьетъ кабацую воду, переполненную всевозможными гадами.

По нашему крайнему разумѣнію, каждая земская управа должна имѣть своимъ непремѣннымъ членомъ санитарнаго врача. Безъ его совѣта и одобренія ни одно деревцо въ его районѣ не должно быть срублено, никакая площадь не должна быть застроена; ни одно общественное зданіе не должно быть воздвигнуто, ни одна дорога не должна быть проложена безъ совѣта, безъ наблюденія санитарнаго врача. Онъ предлагаетъ управѣ, какъ оберегать лѣса, какъ осушать болота, какъ завести водопроводы, какъ проложить дороги, какъ устроить каналы, какъ истреблять нечистоты и сохранять здоровый воздухъ. Все это дѣло санитарнаго врача, члена земской управы. Такая роль будетъ гораздо существеннѣе и полезнѣе всѣхъ возможныхъ больницъ, на которыя такъ накинулись земскія управы. Если бы въ земскихъ управахъ участвовали врачи, и еслибы они знакомы были съ такими сочиненіями, какъ напримеръ книга Георга Марша «Человѣкъ и природа» или «вліяніе человѣка на измѣненіе физико-географическихъ условій природы» и съ такими капитальными твореніями, какъ начала Военнополевой хирургіи нашего умнаго учителя Н. И. Пирогова, то они съ одной стороны знали бы, какія послѣдствія влекутъ за собою истребленія лѣсовъ, а съ другой стороны знали бы, какой вредъ приносятъ иногда у насъ больницы. Н. И. Пироговъ, завѣдывавшій на своемъ многоопытномъ вѣку сотнями госпиталей, увѣряетъ, что наименьшую смертность даже въ самыхъ важныхъ хирургическихъ операціяхъ и при другихъ самыхъ невыгодныхъ условіяхъ онъ видѣлъ въ своемъ имѣніи въ жалкихъ и бѣдныхъ лачугахъ крестьянъ и именно потому, что никогда въ такой лачугѣ не лежало больше одного больного и воздухъ слѣдовательно не портился, какъ въ нашихъ больницахъ. Въ Красноуфимскую городскую

больницу мы каждый разъ входили, зажимая себѣ и ротъ и носъ. Каково-то было тамъ лежать больнымъ!?

А Георгъ Маршъ говорить, что «съ истребленіемъ лѣса все мѣняется. Одно время земля, испуская свою теплоту въ воздухъ, терпитъ въ ней недостатокъ, а другое время года чрезмѣрно нагрѣвается отъ безпрепятственнаго дѣйствія солнечныхъ лучей. Вслѣдствіе того происходятъ климатическія крайности и земля попеременно страдаетъ то отъ лѣтняго зноя, то отъ зимняго холода. Холодные вѣтры, получивъ безпрепятственный доступъ къ ея поверхности, сметають съ нея снѣгъ, который долженъ былъ бы служить ей охраною отъ морозовъ и осушаютъ ея и безъ того уже скудную влагу. Атмосферическія осажденія становятся также не постоянны какъ и температура; воды, образующіяся отъ тающаго снѣга и отъ весеннихъ дождей, не поглощаются какъ прежде рыхлымъ и губчатымъ растительнымъ слоемъ, а быстро стекають по замерзшей поверхности и вмѣсто того, чтобы увлажнять землю и служить запасомъ для питанія постоянныхъ водныхъ теченій, стремятся въ долины, а изъ долинъ въ моря. Почва, утративъ свое листовое покрывало и лишившись той сѣти корней, которая прежде ее скрѣпляла, сохнетъ и обращается въ порошокъ. Ручьи мельчаютъ, испаряются отъ дѣйствія солнца и сохнутъ. Большія рѣки перестаютъ быть судоходными, устья ихъ заваливаются и въ гаваняхъ, гдѣ прежде находили убѣжище большія суда, образуются опасныя мели».

«Лишаясь своего растительнаго слоя, земля становится все менѣе и менѣе производительна, а вслѣдствіе этого и менѣе способна охранять сама себя посредствомъ новой растительности и мало-помалу дѣлается совершенно голою. Воды смываютъ съ бесплодныхъ камней горъ покрывавшую ихъ богатую органическую почву и заносятъ ее въ сырыя низменности, гдѣ вслѣдствіе этого является роскошная водяная растительность, *разложеніе которой производитъ михорадки и друія болѣзни* и такимъ образомъ земля становится непригодной служить мѣстомъ обитанія для человѣка».

«Но природа мститъ за нарушеніе своихъ порядковъ рано или поздно, и неразсчетливое истребленіе лѣсовъ должно неминуемо сопровождаться своимъ естественнымъ послѣдствіемъ т. е. ухудшеніемъ почвы и климата *).»

*) Георгъ Маршъ, «Человѣкъ и природа» стр. 227—229.

Таковы послѣдствія истребленія лѣсовъ и невѣжественнаго обращенія съ ними. Отсюда также очевидно, насколько здѣсь важна гигиена, какъ необходимы земщинѣ санитарные врачи. Да и не только по отношенію къ лѣсамъ, а и вообще вся соціальная обстановка нуждается въ улучшеніяхъ. Возьмите любой уѣздной городокъ, вы въ немъ не найдете куска хорошаго бѣлаго хлѣба, вы по цѣлымъ недѣлямъ будете сидѣть безъ куска говядины, безъ куска рыбы; въ единственной лавкѣ, эксплуатирующей весь околodoкъ только послѣ Макарьевской арморки найдете свѣжій товаръ, къ концу же года и сыръ швейцарскій испортился и икра испортилась, колбаса заплеснѣвала, всѣ мучные припасы и разнаго рода крупа протухли; сушеные фрукты, какъ винныя ягоды, финики, черносливъ погнили, конфеты поиспортились. Вина всѣ отъ безчисленнаго множества подмѣсей и подкрашиваній перекисли и отвратительны. Извольте тутъ лакомиться и радоваться. Да въ уѣздныхъ пакостныхъ городишкахъ положительно бываютъ времена, гдѣ буквально ѣсть нечего. Въ городкѣ же живетъ 20, или 30 чиновныхъ семействъ, пить ѣсть нужно; потребности болѣе или менѣе все-таки развиты и—ничего, большею частью сидятъ сложа руки, беспомощные, не умѣя взяться за умъ и пособить горю. Вся надежда лишь на эксплуататора-купца, который за всякую малость деретъ съ нихъ въ три дорога, а они въ свою очередь тоже ужъ никакъ не остаются въ долгу у него: берутъ все въ кредитъ и благо если заплатятъ десять процентовъ по принципу, высказанному Бомарше, что кто долговъ не платитъ, тотъ ихъ не имѣетъ. Противъ всѣхъ этихъ бѣдствій мы видимъ спасеніе лишь въ учрежденіи сколько нибудь порядочныхъ обществъ потребленія, въ устройствѣ ассоціацій, которыя въ состояніи будутъ вести дѣло для общей пользы какъ съ экономической, такъ и съ гигиенической точки зрѣнія и предохранять своихъ членовъ и ихъ семейства отъ отравленія мышьяковыми конфетами, колбаснымъ ядомъ, гнилой рыбой, тухлой говядиной, дурно прокопченной ветчиной, отъ которой въ свѣтлое Христова Воскресенье вретъ всѣхъ отъ мала до велика. Ассоціація путемъ усовершенствованія и развитія сдѣлается наконецъ современемъ такимъ центромъ, такой средой, гдѣ каждый образованный человѣкъ обезпечитъ себѣ кусокъ насущнаго хлѣба и отъ безуспѣшныхъ заботъ, отъ вѣчнаго патанья по переднимъ чело его не покроется преждевременными морщинами. Ассоціація оцѣнитъ способности и трудъ cadaго и приспособитъ ихъ въ дѣлу. А то эта вѣчная погоня за кускомъ хлѣба подламываетъ

не одну жизнь. «Едва ли есть обстоятельство, которое такъ быстро подрывало бы жизнь образованнаго человѣка, какъ забота о кускѣ хлѣба. Пролетарій переноситъ эти заботы съ чувствомъ какого-то рокового неизбѣжнаго фатализма, въ нѣмомъ и глухомъ раздумьи; для образованнаго же человѣка эти заботы — червь зловредный, который его постоянно гложетъ, разъѣдаетъ и подтачиваетъ корни самаго цвѣтущаго здоровья до основанія» *).

Мы кончили. Мы старались показать фізіологическое значеніе каждаго органа нашего тѣла, мы намекнули на гигиеническія условія ихъ цвѣтущаго развитія. Мы пробовали доказать, что человѣкъ долженъ употреблять хорошую пищу, дышать чистымъ воздухомъ, упражнять свои мускулы, обмывать свою кожу, шлифовать знаніями свои мозги, развивать свой органъ рѣчи, во время застатье женой, разумно воспитать дѣтей, быть членомъ ассоціаціи и хорошимъ гражданиномъ. И чѣмъ лучше будутъ условія и обстоятельства его окружающія для достиженія этой цѣли, тѣмъ лучше, тѣмъ выше, тѣмъ совершеннѣе будетъ его организація; тѣмъ вѣрнѣе онъ предохранитъ себя и избавитъ свое потомство отъ всякихъ напастей, отъ злыхъ недуговъ, отъ болѣзней. Ясно, что гигиена безпредѣльна. И такой усовершенствованный организмъ будетъ обладать хорошими и честными убѣжденіями, въ силу своихъ положительныхъ знаній имѣть твердый характеръ и здравую волю, потому что, говоритъ Фейербахъ, «мое существо не есть слѣдствіе или продуктъ моей воли, а напротивъ того моя воля есть слѣдствіе, есть продуктъ моего существа.» **) Бернгардъ Котта въ своихъ геологическихъ картинкахъ рисуетъ намъ планъ зданія, въ которомъ зритель сразу могъ бы обозрѣть всѣ фазы геологическаго развитія земли и который былъ бы украшенъ принадлежностями различныхъ формацій: плесіозаврами, ихтіозаврами и птеродактилями. Увлеченные этой картиной, мы намѣрены съ нашимъ читателемъ пуститься въ идеальныя страны. Мы знаемъ, какое мизерное единство былъ человѣкъ въ эпоху пещерныхъ животныхъ, въ эпоху свайныхъ построекъ и кухонныхъ объѣдковъ. Посмотримъ теперь на идеаль будущаго усовершенствованнаго человѣка. Предъ нами мужчина среднихъ лѣтъ, красавецъ собою съ черными какъ смоль волосами, съ черными красивыми, выразительными глазами,

*) De Neufville. Lebensdauer und Todesursachen 22 verschiedene. Stände in Francfurt. стр. 28.

**) Feuerbach. Gottheit, Freiheit und Unsterblichkeit. Стр. 106.

съ рѣзкими, характеристическими чертами лица. Онъ высокаго роста, физически хорошо сложенъ, голосъ у него звучный, рѣчь его плавная, движенія граціозны, станъ осанистый, мускулы его крѣпки и превосходно развиты: онъ можетъ поднять большія тяжести, онъ безъ усталы можетъ пройти нѣсколько верстъ. На немъ нѣтъ жира и фигура Бентинга ему противна. Онъ родился отъ здоровыхъ и крѣпкихъ родителей, мать его сама вскормила своею грудью, ни разу не пеленала его, каждый день сама его купала, обмывала, чесала, зубы у него прорѣзались безъ малѣйшей боли и безъ всякихъ поносовъ. Онъ сталъ на ноги, постоянно проводилъ время на воздухѣ съ своею матерью; его научили гимнастикѣ и грамотѣ. Такъ онъ росъ, выросъ и сталъ человѣкомъ. Теперь онъ владѣетъ хорошимъ кускомъ земли, которую обрабатываетъ сообща съ другими при помощи разныхъ машинъ, онъ членъ управы и завѣдуетъ техническою частью своей общины, онъ специально знаетъ свое дѣло, но онъ хорошо знакомъ съ окружающею природой. Всѣ явленія ея ему понятны, ему они также знакомы, какъ характеръ родной матери. Онъ членъ разныхъ ученыхъ обществъ; онъ пайщикъ разныхъ ассоціацій и обществъ потребления. Онъ питается хорошей пищей съ нѣкоторымъ избыткомъ, шампанскаго не пьетъ, въ карты не играетъ, табаку не курить, онъ большею частью въ движеніи на открытомъ воздухѣ, занятъ дѣломъ, онъ живетъ трудомъ рукъ своихъ, онъ техникъ, механикъ и землеробническъ. Онъ не владѣетъ капиталомъ и не копить его. Ему капиталы не нужны, ему нуженъ трудъ. Ему 28 лѣтъ. Настала пора жениться. Онъ встрѣтилъ блондинку, хорошо сложенную съ округленными формами, съ свѣтло-голубыми глазами и съ поразительно-бѣлыми и чистыми зубами. Ей 22 года. Онъ женился, не получивъ приданнаго. Онъ любитъ ее до глубины своей честной, благородной души. Ихъ связываетъ физическое здоровье и прелесть тѣлесныхъ формъ; ихъ сплотили во едино общность понятій, идей, убѣжденій, стремленій. Онъ любитъ ее въ силу одинаковости интеллектуальнаго развитія. И вотъ предъ ними рѣзвится коренастый, краснощокій мальчишка-кудряшка съ материнскими глазами и съ отцовскимъ складомъ головы и съ нимъ шалитъ сестричка, стройная, гибкая брюнетка. Жена его не надоедаетъ ему семейными дразгами; ей не нужно шиньоновъ и другихъ дикообразныхъ украшеній. Онъ доставляетъ ей лишь средства. Она хорошо знаетъ арифметику и умѣетъ распредѣлить эти средства. Она знаетъ ухотъ за дѣтьми лучше самаго Комба. Онъ человѣкъ открытый, прямой непоколе-

бимой твердости въ убѣжденіяхъ и каждый свой шагъ совершаетъ въ силу извѣстныхъ принциповъ. Его познанія естественны; его понятія — реальны; его выводы — строго логичны. Онъ не спорить никогда, онъ убѣждаетъ, онъ снисходителенъ къ людскимъ несправедливостямъ, онъ все понимаетъ физиологически. Онъ въ жизни никогда не хворалъ и никогда не лечился, для него аптеки не нужны, кастороваго масла въ глаза не видалъ. Врачъ—его лучший другъ, но врачъ этотъ санитарный, гигиенистъ, членъ земской управы. Они оба вмѣстѣ самые полезныя дѣятели земства. Онъ проживетъ сто лѣтъ и хворать не намѣренъ. Вы поражены, читатель, вы увѣрены, что это невозможно, что это небожитель? Ошибаетесь! этотъ субъектъ именно и заслуживаетъ, чтобы вы на него указали пальцемъ и сказали бы: *Esse homo!*

Человѣческія заблужденія, суевѣрія, предрасудки, несправедливости, погрѣшности! Ваша участь рѣшена. Наука произнесла надъ вами свой строгій неумолимый приговоръ. Вамъ исчезнуть — ей цвѣсти. И гдѣ бы вы не спрятались, куда не скрылись бы, въ какихъ трущобахъ ни коснѣли бы, вездѣ разыщутъ васъ лучи науки и вытѣснятъ васъ, сокрушатъ васъ. Не устоять вамъ противъ критики разума, противъ анализа науки. Вездѣ и всюду побѣда надъ вами несомнѣнна, потому что рано или поздно но тьма должна уступить свѣту.

В. Португаловъ.

БОЛЬШОЕ ГОРЕ.

(Съ французскаго.)

Снесъ жену въ сырую землю онъ
И, тоской тяжелой удрученъ,
Прямо путь направилъ къ кабаку
Разгонять тяжелую тоску.
Все, увы, непрочно на землѣ:
Вотъ и штофъ, стоящій на столѣ,
Опустѣлъ, и трубочка къ концу
Подошла... невесело вдовцу.
Два его сосѣда въ уголкѣ
Разговоръ ведутъ о бѣднякѣ:
«Горя онъ не вынесетъ, она
«Вѣдь была сокровище—жена!»
А вдовецъ льетъ слезы въ свой стаканъ,
Ахъ, о томъ, что вотъ, мертвецки-пьянъ,
Онъ домой воротится,—и тамъ
Не найдетъ занятя кулакамъ...

И. Вейнбергъ.

МЕЖДУ МОЛОТОМЪ И НАКОВАЛЬНОЙ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

ГЛАВА XI.

Проснувшись на слѣдующій день еще на разсвѣтѣ, я зналъ, надъ чѣмъ расхохотался наканунѣ. Надъ вышитой лентой, найденной мною вечеромъ въ букетѣ цвѣтовъ, на шкафчикѣ розоваго дерева, въ простѣнкѣ, и въ которой я со сна нашелъ пріятную и милую разгадку всѣхъ окружавшихъ меня загадокъ. Утромъ же съ свѣжей головой, конечно, во всемъ этомъ я видѣлъ только сентиментальную глупость фрейлейнъ Дуфъ. Но какъ бы тамъ ни было, меня охватило такое безпокойство, что я вскочилъ съ своего шелковаго ложа и живо одѣлся. Какая-то парочка воробьевъ, гдѣ-то не далеко гнѣздившихся подъ крышей, начали чирикать, и потомъ вдругъ смолкли—они запѣли слишкомъ рано.

И я тоже. Когда я подошелъ къ окну съ ленточкой, то не могъ отличить золотой бисеръ буквъ отъ голубого фона. Я нѣсколько разсердился на свое ребяческое любопытство, развѣ я пріѣхалъ сюда разгадывать загадки?

Тѣмъ не менѣе я продолжалъ держать ленту въ рукѣ, когда стало свѣтать и на востокѣ показались первыя розовыя утреннія облака. Внизу въ саду я сталъ отличать дорожки отъ куртинъ и лужаекъ, и желтый крокъ отъ голубыхъ гіацинтовъ. Но въ

то же время взгляд мой обратился на магическую ленту и я еще разъ ясно прочелъ извѣстный девизъ.

— Ну, сказалъ я самъ себѣ, серьезно это или нѣтъ, сентиментальная-ли это глупость дуэньи, или капризная шутка хорошенькой дѣвушки—слова эти хороши и я съ удовольствіемъ слушаю ихъ. Я буду искать, а найду-ли, о томъ не буду долго ломать голову.

Я спряталъ ленту, чтобы она не попалась какъ нибудь въ любопытныя руки Вильгельма Клукугна и вышелъ изъ комнаты. Пройдя по обширному дому, гдѣ повсюду по корридорамъ и лѣстницамъ, покрытымъ коврами, царствовали темнота и тишина, я нашелъ дверь, черезъ которую вышелъ изъ сѣней въ садъ.

Это была небольшая боковая дверь въ родѣ той, что выходила изъ стараго дома на обрушившейся задній дворъ. Задній дворъ конечно исчезъ и вообще все такъ измѣнилось, что я очутился въ совершенно незнакомой мнѣ мѣстности съ совершенно новой обстановкой. Вскорѣ я увидѣлъ, что здѣсь создано не то что нѣчто новое и другое, но нѣчто представлявшее полнѣйшій контрастъ прежнему. Какъ старый замокъ былъ колосаленъ и видимо непріятенъ и тянулся громадной безвкусной массой, такъ теперешній домъ былъ относительно малъ, но очевидно удобенъ и хорошенкаго, хотя, можетъ быть, не совершенно чистаго стиля. Хозяйственныя службы, прежде касавшіяся одной стороною господскаго дома, были теперь отдалены на нѣсколько сотъ шаговъ. Вокругъ господскаго дома было теперь открытое мѣсто, обсаженное вокругъ молоденькими деревьями. Очевидно было намѣреніе создать маленькій цвѣтушій садикъ, въ центрѣ котораго долженъ былъ находиться домъ, и такимъ образомъ отдѣляться отъ остальной мѣстности, предназначенной для полезной разработки. Мысль хорошая, но для осуществленія ея нужны нѣсколько лѣтъ.

Тутъ вводилось новое время. Какимъ блескомъ новизны горѣли черепичныя кровли службъ между молодыми тополями! Вправо отъ хозяйственныхъ построекъ на паровомъ полѣ, такъ долго ждавшемъ обработки, зеленѣли теперь молодые всходы; и новое, почти невѣроятное для этихъ мѣстъ зрѣлище, представляли вправо зданія изъ

краснаго кирпича, въ центрѣ которыхъ возвышалась громадная труба, а изъ нея поднималась туча чернаго дыма. Это былъ винокуренный заводъ, выстроенный два года тому назадъ, и для котораго мы приготавливали машину еще въ нынѣшнюю зиму. По моему соображенію, паркъ доходилъ прежде до этого мѣста. Теперь не было ни одинаго деревца, и не было деревьевъ вокругъ дома и въ части сада, что я видѣлъ изъ своихъ оконъ. Я убѣдился, что это было мѣсто большой поляны парка, но тщетно искали теперь взоры чудной зеленой стѣны, которую прелестные буки окружали громадное пространство колыхавшейся травы. До самой вершины холма гордый лѣсъ былъ вырубленъ, и пни всюду еще покуда оставленные, придавали этому мѣсту видъ громаднаго беспорядочнаго кладбища. Тамъ и сямъ на нѣкоторыхъ очищенныхъ мѣстахъ начались новыя насажденія, но молодыя деревца врядъ-ли достутъ до такихъ толстыхъ стволовъ, какіе лежали тутъ срубленными между пнями.

Я пошелъ далѣе по хорошо-устроенной дорогѣ, вверхъ на холмъ. Дорога шла почти по тому же направленію какъ старая, черезъ лѣсъ къ пруду. И вотъ, вѣроятно, гдѣ былъ прудъ: я нашелъ почти круглое углубленіе, на днѣ котораго тамъ и сямъ видѣлись еще лужи темной воды. Господи Боже мой! таинственный лѣсной прудъ, который считался совершенно бездоннымъ, оказался всего въ тридцать футовъ глубины! Вода изъ пруда была выпущена очень просто черезъ канаву, прокопанную отъ пруда къ морскому берегу, чтобы воспользоваться удобреніемъ, копившемся на днѣ пруда отъ падавшихъ въ теченіи нѣсколькихъ столѣтій въ него сухихъ листовъ. И такое удобреніе не могло не принести пользы истощеннымъ полямъ; но за то мѣстность тутъ стала отвратительна, ужасно отвратительна, тутъ гдѣ прежде такъ приятно было предаваться въ лѣсу уединенію. На серединѣ склона холма было оставлено только одно дерево. Громадный, четырехвѣковый букъ, стоявшій теперь одиноко, показался мнѣ знакомымъ. И я точно не ошибся. На грубой корѣ можно было прочесть, облетѣвшія, частью разросшіяся буквы моего имени и фамили и

число того дня, когда я въ первый разъ увидалъ именно подъ этимъ деревомъ Констанцію фонъ-Церентъ!

Какимъ страннымъ случаемъ именно это дерево сохранилось изъ всѣхъ прелестныхъ деревьевъ.

На душѣ у меня появилось чувство скорби и печали, но я храбро поборолъ его, и тяжело вздыхая взглянулъ на ясное небо. Утро было слабое, но листья начинали уже падать, и зима должна была уничтожить все хорошее, и ждала тогда уже у дверей; нынѣшнее утро тоже хорошо, и теперь весна, и длинные лѣтніе дни, свѣтлые и солнечные только наступаютъ, наступаютъ тоже и дни труда, а за ними и сборъ жатвы!

„Да“, говорилъ я самъ съ собою, бодро шагая на холмъ, — „да, тотъ міръ долженъ погибнуть вмѣстѣ съ своимъ таинственнымъ шелестомъ лѣсовъ, и плескомъ лѣсныхъ прудовъ изъ темнаго прошедшаго, съ своими растреснувшими зѣмками, развалившимися службами и заброшенными полями. Даже и тебѣ пришлось исчезнуть темной развалинѣ башни, и уступить свое мѣсто маленькому павильону, изъ оконъ котораго такъ удобно и пріятно смотрѣть на вѣчное море.

Вотъ гдѣ стояла башня! Пестрая бабочка сѣла на то мѣсто, гдѣ такъ долго гнѣзился хищный орелъ. Я обошелъ вокругъ хорошенькаго зданія, двери котораго были заперты, а свѣтлыя окна занавѣшены съ внутренней стороны шелковыми занавѣсами. Съ южной стороны, подъ далеко выступавшемъ навѣсомъ, стояло множество скамеекъ и столовъ.

Пока я сидѣлъ тамъ и, подперѣвъ голову, смотрѣлъ вдаль, вышло солнышко. Сверкая своимъ блескомъ, вышло оно изъ моря, но глаза закрылъ я не потому, что былъ ослѣпленъ имъ. Разъ я уже видѣлъ восходъ его именно съ этого самаго мѣста, и тутъ, гдѣ сидѣлъ я, сидѣлъ покойникъ, и смотрѣлъ поблекшими глазами, на вѣки потухшими, на всю прелесть этой картины.

Мнѣ было грустно, хотѣлось плакать; но нѣтъ, я не заплакалъ! Это было, и не должно было возвращаться, и не должно было омрачать мнѣ дня, яснаго дня, который я давно встрѣчалъ уже, какъ даръ боговъ.

Я всталъ и пошелъ къ оврагу, черезъ который мы въ ту страшную ночь пробрались съ дикимъ Цереномъ по едва замѣтной тропинкѣ и гдѣ теперь шла лѣстница со множествомъ удобныхъ ступеней къ самому лѣсопильному заводу. О заводѣ этомъ коммерціи совѣтникъ говорилъ мнѣ наканунѣ, и стукъ его колесъ началъ долетать до меня снизу. Заводъ былъ маленькій, но отлично устроенный и дѣло свое онъ дѣлалъ такъ хорошо, что весь Церендорфскій лѣсъ до послѣдней вѣтки былъ распилень его пилами.

— Лучше было бы, если бы мы не такъ торопились, сказалъ смотритель, котораго я встрѣтилъ на заводѣ, — вмѣстѣ съ лѣсомъ мы уничтожили и воду, такъ что можемъ работать только треть времени и не можемъ выполнять заказовъ, стекающихся со всѣхъ сторонъ. Коммерціи совѣтникъ началъ, а теперь всѣ потянулись за нимъ и рубятъ все, что только годится на срубъ, такъ что скоро въ этой части нашего острова не останется ни одного деревца. Я не разъ говорилъ объ этомъ господину коммерціи совѣтнику, но онъ и слышать не хотѣлъ, а теперь самъ пѣняетъ на себя.

— Можетъ быть, дѣло можно поправить не большой паровой машиной, сказалъ я.

— Это такъ, сказалъ смотритель, но только вода дешевле пара; но человѣку всего мало и онъ готовъ заколоть курицу, чтобы достать изъ нея яйцо. Всѣ мало-мальски понимающіе дѣло совѣтовали нашему хозяину не рубить сразу лѣсъ, хоть бы для того, чтобы онъ могъ быть защитой для молодыхъ саженцевъ противъ вѣтровъ, здѣсь весьма сильны. Ну, а на голой почвѣ, совершенно открытой вѣтру, не растетъ ровно ничего, какъ вы вѣроятно видѣли, если ѣхали изъ замка верхомъ. Нѣтъ, нѣтъ, съ природой нельзя играть такимъ образомъ, она не такъ терпѣлива, какъ люди.

Говорившій со мной такимъ образомъ, былъ человѣкъ съ серьезнымъ, унылымъ лицомъ. Онъ объяснилъ мнѣ, что родился въ другой части острова и потому зналъ природу и свойство страны, зналъ народъ, но въ этой жѣстности былъ въ первый разъ. Я сказалъ ему, что я машинистъ, пріѣхавшій ставить новую машину въ жѣловыхъ ломкахъ, и спросилъ его, что онъ думаетъ объ этомъ предпріятіи.

— Оно пойдет не лучше этого, отвѣчалъ смотритель, — хотя совершенно по другой причинѣ. Ломки съ самаго начала были обильны, но нашъ хозяинъ слышалъ отъ кого-то, что надо копать глубже и что тамъ будетъ еще больше матерьялу. Ну да, было больше, только воды и вода эта зальетъ все, если не помогутъ ваши машины.

— Дѣло не казисто, сказалъ я, серьезно огорченный всѣмъ, что слышалъ.

— Конечно, сказалъ мой собесѣдникъ.

— Ну, а винокуренный заводъ? снова началъ я, — неужели и тѣмъ вы недовольны?

Смотритель пожалъ плечами.

— Ну, объ этомъ можно многое сказать, отвѣчалъ онъ. — Постройки конечно хороши, но только обошлись онѣ слишкомъ дорого и кромѣ того транспортъ слишкомъ труденъ зимою по нашимъ сѣвернымъ дорогамъ. И даже иногда и лѣтомъ онъ не слишкомъ-то хорошъ, потому что здѣсь на островѣ нѣтъ удобной пристани, хотя господинъ коммерціи совѣтникъ и выстроилъ изъ камней старой башни большой молъ. Его видно отсюда; вонъ тамъ, гдѣ разбиваются волны. Ну да все-таки дѣло пошло бы на ладъ, если бы господинъ коммерціи совѣтникъ сумѣлъ заслужить расположеніе жителей.

— Какъ такъ? сказалъ я.

Смотритель съ нѣкоторою боязнью подыалъ на меня глаза изъ подъ густыхъ бровей.

— Вы можете со мною говорить совершенно откровенно, сказалъ я; — нѣсколько дней тому назадъ я былъ простымъ работникомъ въ механическомъ заводѣ коммерціи совѣтника и въ это короткое время не разучился сочувствовать своимъ товарищамъ.

— Ну, въ такомъ случаѣ, сказалъ смотритель, если я могу говорить откровенно, то вотъ что: весь здѣшній народъ — какъ рыбаки, такъ и земледѣльцы и въ деревняхъ и въ прибрежныхъ и въ нагорныхъ — всѣ смотрятъ на господина коммерціи совѣтника, какъ на человѣка, который втерся и сидитъ тамъ, гдѣ сидѣли или должны сидѣть лучшіе люди. Относительно улучшеніи

дѣло тутъ совѣтъ иное, и я говорю это не изъ своей головы, а высказываю народное мнѣніе. Кромѣ того, многіе изъ здѣшнихъ понимаютъ, что коммерціи совѣтникъ не всегда былъ богачемъ, и— что всего хуже—многіе изъ нихъ знаютъ, какъ преступно нажито это богатство, потому что сами работали для такихъ дѣлъ, и не жалѣли своей шкуры въ эти года, когда шла неурядица и здѣсь на берегахъ до самаго Узелина и Вальдома. Еще недавно, не много лѣтъ тому назадъ здѣсь произошла настоящая травля на контрабандистовъ—вы, можетъ быть, слышали объ этомъ. Ну, и коммерціи совѣтникъ погрѣлъ тутъ руки, но любя жить самъ, давалъ бы и другимъ возможность жить, старался бы вознаградить за сдѣланное прежде зло, и не лишалъ бы бѣдняковъ ихъ доли. Но онъ объ этомъ и не помышляетъ. Онъ рѣжетъ и давитъ, гдѣ только можетъ, и думаетъ: вѣдь они нуждаются въ работѣ, и изъ нихъ работаютъ только тѣ, которымъ дѣться некуда, а что это за работники и какъ они работаютъ—вы вѣрно знаете сами.

— Конечно, конечно! сказалъ я.

Къ вамъ подошелъ работникъ; надо было вложить новыя бревна и смотритель нуженъ былъ при работѣ. Я пожалъ ему руку. Онъ взглянулъ на меня какъ-то грустно и улыбаясь сказалъ:

— Теперь я у васъ въ рукахъ, если вы расскажете господину коммерціи совѣтнику, что слышали отъ меня. Но мнѣ все равно; во всякомъ случаѣ я долго тутъ не останусь.

— Ну это жалко! вскричалъ я, — напротивъ того, я думалъ, что мы съ вами не разъ еще потолкуемъ и подумаемъ вмѣстѣ о дѣлахъ. Еще не отчаявайтесь, всему этому будетъ конецъ, и все пойдетъ къ лучшему.

Смотритель посмотрѣлъ на меня съ удивленіемъ, по ничего не сказавъ повернулся чтобы идти на заводъ; я сталъ спускаться внизъ по лѣстницѣ на самый берегъ.

Тамъ опять увидалъ я свое море, свое возлюбленное море, которое я привѣтствовалъ всегда со слезами радости, даже когда любовался его красотою въ воображеніи! Тамъ увидалъ я прелестные зеленые валы съ бѣлыми гребнями, брызги отъ перелива которыхъ чуть не долетали до моихъ ногъ; и когда валы откатыва-

лись назадъ, за ними раздавался точно громъ между милліонами катившихся камешковъ. Надо мною на мѣловомъ утесѣ летало нѣсколько чаекъ, и далеко на морскомъ горизонтѣ бѣлѣли на рублибацкихъ лодокъ, возвращавшихся послѣ тяжелой работы. Какъ радъ я былъ, думая, что могу наконецъ все это увидѣть, а теперь, когда все это было предо мною, я былъ равнодушенъ.

Но вина тутъ была не моя. Чувства мои были свѣжѣе, чѣмъ когда либо, и сердце мое не слишкомъ состарѣлось въ эти восемь, девять лѣтъ—но я не могъ выбросить изъ головы безпокоившихъ меня мыслей, возбужденныхъ во мнѣ словами честнаго и умнаго смотрителя завода.

Какъ совпадали его взгляды съ наблюденіями, сдѣланными мною во время моей сегодняшней утренней прогулки! Какими мѣткими чертами обрисовалъ онъ коммерціи совѣтника, и именно такимъ, какимъ зналъ я его всегда, и какимъ видѣлъ не далѣе какъ наканунѣ вечеромъ! Какъ много онъ хвастался, что въ короткое время утроилъ, упятерилъ стоимость имѣнія, и чего не сдѣлалъ для мѣстныхъ жителей! Онъ хотѣлъ показать всѣмъ дворянамъ, отставшимъ въ сельскохозяйственномъ отношеніи лѣтъ пятьдесятъ или около того, что можетъ сдѣлать дѣловой человѣкъ съ запущеннымъ имѣніемъ. Что это только и руководило имъ, и что если теперь молодой принцъ хочетъ купить, то пусть покупаетъ теперь же, а потомъ будетъ слишкомъ поздно!

Пятьсотъ тысячъ! полъ-милліона! Какъ разсчитать это. Большое это имѣнье, конечно совершенно запущенное, стоило и тогда полтора ста тысячъ талеровъ, за что и купилъ его коммерціи совѣтникъ. Теперь же, когда оно во всякомъ случаѣ было поправлено, когда службы были выстроены заново, и красивый господскій домъ былъ тоже готовъ, и фабричныя заведенія, какъ имъ мало приносили доходу, должны были тоже идти въ счетъ, цѣна на имѣнье могла удвоиться; но за то дорогой лѣсъ былъ срубленъ и проданъ—итогъ не подходилъ, какъ я ни считалъ и ни пересчитывалъ; все недоставало болѣе чѣмъ половины. Если разсказы коммерціи совѣтника о его состояніи были всегда такъ неточны—наканунѣ вечеромъ онъ точно въ такой же пропорціи уве-

личивалъ стоимость своего берлинскаго завода — если только онъ притворялся богачемъ, какимъ, можетъ быть, когда нибудь былъ; если онъ... я остановился, обратясь лицомъ къ морю и нѣсколько разъ глубоко вздохнулъ. И снова, въ такое ясное утро на свѣжестъ морскомъ воздухѣ, у меня явилось грустное предчувствіе, которое наканунѣ вечеромъ въ жаркой комнатѣ я приписалъ разгоряченному отъ вина воображенію, и точно также какъ наканунѣ мнѣ тотчасъ же пришла въ голову хорошенькая дѣвушка, возбуждающая зависть, гордая наследница богатства, можетъ быть, существовавшего только въ мечтахъ ея отца.

— Но что мнѣ до этого за дѣло, говорилъ я самъ себѣ, идя быстрыми шагами по глубокому песку прибрежной дороги, — никакого нѣтъ мнѣ до этого дѣла, ровно никакого!

У ногъ моихъ лежала большая рыба, только-что выброшенная волнами. Она казалась уснувшей, но не поврежденной; широко раскрытыя жабры были красны; можетъ быть, приливъ слишкомъ сильно ударилъ ее о какой нибудь береговой камень или ее ошеломили клыки какого нибудь тюленя. Я снесъ ее, промочивъ при этомъ себѣ ноги, чрезъ крупные камни и бросилъ въ глубь моря. Она повернулась вверхъ бѣлымъ брюхомъ. „Вѣдное животное, сказалъ я; — я съ удовольствіемъ помогъ бы тебѣ; теперь тебя заклюютъ чайки, твоя смерть — ихъ сытный обѣдъ!“

— И что мнѣ за дѣло до уснувшей рыбы, продолжалъ я философствовать, идя по дорогѣ, и страшивая съ ногъ мокрый песокъ; — никакого, ровно никакого. Въ груди надо имѣть сердце чайки, и острые когти и крѣпкій острый клювъ, и ливовать при видѣ важной добычи, выброшенной на берегъ. Георгъ, Георгъ! постыдись! все это вѣдь ни къ чему не ведетъ! Вѣдь не могу же я сдѣлаться другимъ. Но точно также не могу я сдѣлать людей не такими, какъ они есть. Напримѣръ, коммерціи совѣтника — развѣ обращу я его когда нибудь къ принципамъ моего покойнаго учителя? къ ученію о любви, къ обоюдной готовности подать помощь? Никогда, или только въ томъ случаѣ, когда ему можно будетъ доказать, что его выгода идетъ съ рабочими рука объ руку; что напротивъ ему невыгодно только думать о самомъ себѣ и о своихъ ба-

рыскахъ. Развѣ покойный директоръ не предсказывалъ этого? Чередъ дошелъ до него и его братій; теперь они рыцари молота; это старая игра въ нѣсколько новой формѣ! И онъ прибавилъ — и при этомъ въ глазахъ его блеснулъ чудный огонь: долго это не продлится, а потомъ наступитъ нашъ чередъ, чередъ людей, понявшихъ, что существуетъ справедливость, съ которой нельзя шутить!

— Это время, наше время, никогда не наступитъ, говорить докторъ Виллибродъ, — или наступитъ только для тѣхъ, кто завладѣетъ имъ и будетъ твердо держать его.

Надо мною крикнула чайка, и взглянулъ на верхъ, и увидѣлъ, что на краю обрывистаго берега въ пятьдесятъ футовъ вышины, за кустами, росшими по краю, развѣвалось что-то бѣлое — какъ конецъ знамени. Это не было знамя; это былъ вуаль, развѣвавшійся на шляпѣ наѣздницы, такъ какъ я увидалъ на нѣсколько минутъ и шляпу и вуаль, и кивавшую лошадиную голову, и даже увидѣлъ на одинъ мигъ наѣздницу, или, по крайней мѣрѣ, ея голову и плечи, когда она наклонилась, чтобы заглянуть внизъ въ обрывъ.

У меня забилось сердце — мѣсто было опасное, хотя я зналъ, что въ сущности оно вовсе не такъ опасно, какъ казалось снизу; я закричалъ на верхъ, чтобы она была осторожнѣе, но врядъ ли она слышала мой голосъ, потому что бѣлый вуаль исчезъ и... сердце мое все еще билось; Паула была виновата, что я не могъ спокойно видѣть хорошенькую Герминію надъ обрывомъ въ пятьдесятъ футовъ, куда она могла слетѣть, и слетѣть прямо въ мои объятія.

— Ну вотъ! смѣялся я надъ собою, стараясь освободиться отъ глупой тяжести, не знаю почему давившей мнѣ грудь.—Ну вотъ! нѣтъ ли и тутъ опять кого спасти, защищать?—Старога хитраго коммерціи совѣтника—уснувшую, глупую рыбу—хорошенькую, гордую дѣвушку—не все ли мнѣ равно? Давно ли на самомъ этомъ мѣстѣ я съ дикимъ Цереномъ торопливо поднимался на берегъ, а таможенные слѣдили за нами по пятамъ? Можно было бы видѣть еще слѣды, если бы вѣтеръ и волны не стерли ихъ; но я, Ванюшка-дурачекъ, несмотря на вѣтеръ и волны, могу найти старые слѣды.

Такъ бранилъ я себя и рѣшилъ идти прямо домой и сказать

коммерціи совѣтнику, что я хочу вернуться и не останусь у него ни за что на свѣтѣ, и въ то самое время, какъ я принималъ это рѣшеніе, конечно измѣнявшее все направленіе моей жизни, я смотрѣлъ съ живымъ любопытствомъ на устройство ломокъ, открывшихся передо мною при крутомъ поворотѣ берега. Ломки шли внизъ крутымъ обрывомъ. Хорошо ли было бы оставить дѣло, для котораго я былъ призванъ и пріѣхалъ, недоконченнымъ.

Такимъ образомъ, я поднялся по деревяннымъ ступенямъ, вѣданнымъ въ мѣловой утесъ, до небольшой платформы, гдѣ за домикомъ сторожа былъ входъ въ штольню, устроенную горизонтально въ скалѣ, куда нельзя было теперь спуститься, потому что далѣе работники наткнулись на жилу и тщетно старались выкачать воду простыми помпами.

— Еще вопросъ: помогутъ ли ваши машины? сказалъ старый, загорѣлый смотритель, водившій меня по ломкамъ.

— Но какъ же это случилось, спросилъ я.

— Какъ обыкновенно случается, отвѣчалъ смотритель, пожимая плечами.— Вотъ видите, за мѣловымъ слоемъ, который доходитъ до этихъ поръ—мы вошли на возвышенность и онъ взялъ палку, вбитую въ почву въ видѣ значка — идетъ песчаный слой стараго песку отъ моря и бугровъ почти на одинаковой глубинѣ съ мѣловымъ, и который другимъ концомъ упирается прямо въ болото, какъ губка всасывая въ себя его воду. Все это мы отлично знали, но хозяинъ не хотѣлъ вѣрить и даже думалъ, что мы хотимъ лишитъ его выгоды, совѣтуя найдти въ эту сторону, гдѣ между прочимъ мѣлъ былъ необыкновенно хорошъ. Теперь самъ пусть пѣняетъ на себя!

— Теперь самъ пусть пѣняетъ на себя!

Совершенно тоже самое сказалъ мнѣ смотритель лѣсопильнаго завода и оба смотрителя казались мнѣ хорошими, честными людьми, принимавшими участіе въ успѣхѣхъ дѣла, и не менѣе того огорчавшіеся теперь неудачей. Зачѣмъ онъ не послѣдовалъ совѣту, когда еще было время? Зачѣмъ? По той же причинѣ, по которой онъ постоянно оставалъ противъ предложенія доктора Снелліуса учредить кассы для больныхъ, инвалидовъ и сиротъ, и другія бе-

зусловно необходимыя учрежденія для благосостоянія фабричныхъ работниковъ. По той же причинѣ, почему онъ всегда съ насмѣш-кой отвѣчалъ на совѣтъ нашего директора—возвысить плату рабочимъ, согласно съ требованіемъ времени. Все по одной же причинѣ: по безмѣрной жадности, которая смотритъ такими слѣпыми глазами на свою единственно-желанную цѣль, что ничего не видитъ по сторонамъ и наконецъ сама себя ослѣпляетъ.

— Теперь пусть самъ пѣнаетъ на себя, повторилъ старикъ, какъ будто въ подтвержденіе моихъ умозаключеній, и пошелъ тяжелыми шагами внизъ по деревянной лѣстницѣ, ведущей къ ломкѣ.

Я остался одинъ и такъ задумался, какъ будто мнѣ надо было создать міръ. Да развѣ и дѣйствительно тутъ не надо было создать міръ, которому было уже положено основаніе? Лѣсопильный заводъ, мѣловыя ломки, винокуренный заводъ, осушка дренажами большого болота... что можно бы было сдѣлать изъ всѣхъ этихъ учрежденій, что могло бы выйти изъ нихъ, если бы они предпринимались, совершались, улучшались и продолжались съ намѣреніемъ и желаніемъ открыть для бѣдняковъ новые постоянные источники заработка. Если бы сумѣть заслужить ихъ довѣріе и сумѣть доказать имъ, что, работая на хозяина, они работаютъ сами на себя!

— Если бы я былъ тутъ хозяиномъ!

Съ того мѣста, гдѣ я стоялъ, виднѣлось громадное пространство, поднимавшееся влѣво къ Церендорфу, и спускавшееся вправо, къ большому болоту и къ длинной береговой окраинѣ до самаго Цановица, жалкія хижины котораго кое-гдѣ пестрѣли между голыми буграми. И въ воображеніи мнѣ представилась эта голая страна, покрытая золотой жатвой; мнѣ представилась болото это осушеннымъ, съ пасущимися на немъ стадами и представилась нарядная суда, вышедшія изъ жалкой рыбачей деревушки, превратившейся въ гавань богатой и плодородной мѣстности.

Когда-то я предавался точно такимъ же мечтамъ, когда-то взоры мои съ благословеніемъ обращались къ этой мѣстности и создали бы рай, если бы во взорахъ и желаніяхъ могло быть столько силы. Съ тѣхъ поръ прошло много лѣтъ, я сталъ дру-

гимшъ, созрѣлъ разумомъ, взглядами и силой воли... Неужели и теперь останусь я при одномъ желаніи. Неужели и теперь случится тоже, что такъ часто случалось въ моей жизни; что мнѣ прійдется стоять съ пустыми руками передъ голоднымъ, просящимъ хлѣба?

И въ то время, какъ я въ страшномъ волненіи ходилъ взадъ и впередъ по высокому берегу и все думалъ и думалъ, что мнѣ дѣлать, что мнѣ слѣдуетъ дѣлать, какъ вдругъ увидѣлъ бѣлый вуаль подъ кустарникомъ, граничившимъ съ правой стороной берега. Я услышалъ легкій топотъ скачущей лошади по песчаной дорогѣ за кустарникомъ; въ ту же минуту изъ за угла показалась всадница на статной лошадеѣ, рядомъ съ которой точно такъ же скакала огромная желтая собака. Всадница, увидавъ меня, приостановила отлично выѣзженную лошадь, но собака продолжала скакать прямо на меня, очевидно съ дружескимъ намѣреніемъ броситься мнѣ на шею. Но такъ какъ я къ этому приготовился, то мнѣ не трудно было схватить звѣря, дѣйствительно скакнущаго на меня, за горло и откинуть его, толкнувъ въ плечо.

— Лео! Лео! кричала Герминія, торопливо заставляя хлыстомъ и поводьями бѣжать лошадь, — Лео, назадъ, сюда!

Но Лео и самъ уже счелъ за лучшее отступить, послѣ своего неудачнаго нападенія. Казалось, что я въ торопяхъ сдалъ ему слишкомъ сильно; бѣдняжка, съ пронзительнымъ визгомъ, побѣжала, поднявъ переднюю лапу, къ своей госпожѣ.

— По дѣломъ тебѣ, сказала Герминія, низко нагибаясь къ собакѣ, — можно ли быть такой глупой, и нападать на этого господина! Развѣ ты не знаешь, что онъ можетъ укрошать львовъ?

Она проговорила это тономъ, съезвъ который ясно слышалась насмѣшка, и на прелестномъ ея ротикѣ появилось выраженіе насмѣшки или неудовольствія или гордости или всего этого вмѣстѣ, и когда я влкаясь подошелъ къ ней, она строго взглянула на меня своими большими голубыми глазами и сказала:

— Впрочемъ, сударь, вамъ нечего удивляться, собака такъ ужъ выучена защищать свою госпожу; и я не знаю, за кого она васъ приняла.

Эти недружелюбныя слова были произнесены кромѣ того такимъ тономъ, который вовсе не звучалъ добродушіемъ, и я вовсе не увѣренъ, что какой нибудь изящный молодой человекъ сохранилъ бы свойственное ему спокойствіе, при подобномъ съ нимъ обращеніи хорошенькой дѣвушки.

Я же видѣлъ въ этой гордой амазонкѣ маленькую голубоглазую дѣвочку за десять лѣтъ тому назадъ, когда мы дразнили другъ друга своими особами, и поэтому что бы тамъ ни случилось, я не могъ оскорбиться, и, кажется, довольно спокойно отвѣчалъ ей, что собака въ крайнемъ случаѣ могла принять меня развѣ за работника, но что я никакъ не смѣю думать, чтобы она была приучена бросаться на такой многочисленный и полезный классъ людей.

Послѣ такого отвѣта, вовсе для нея неожиданнаго, она бросила на меня смущенный, злобный взглядъ, и сказала скорѣе злобно, чѣмъ логично, измѣряя меня съ головы до ногъ:

— Не знаю, почему бы можно было принять васъ за что нибудь другое, такъ какъ вы постоянно заняты такими серьезными вещами, при которыхъ вовсе не заботятся о своей внѣшности, не то, что мы жалкіе обыкновенные люди. Послѣдній разъ, какъ я имѣла удовольствіе васъ видѣть, сколько мнѣ помнится, вы походили на трубочиста, а теперь—вѣроятно для контраста—являетесь мельникомъ.

При этихъ словахъ я невольно оглянулъ себя и конечно замѣтилъ, что, осматривая по узкимъ штольнямъ шѣловые ломен, я черезъ чуръ часто терся своими широкими плечами и другими членами о стѣны, и потому дѣйствительно все платье мое было въ бѣлыхъ пятнахъ, что придавало мнѣ чрезвычайно странный и смѣшной видъ. Я снялъ шляпу и, обратившись съ низкимъ поклономъ къ собакѣ, сидѣвшей на заднихъ лапахъ съ печально свѣсившейся больной передней ногой, сказалъ:

— Прошу прощенія и торжественно обещаю, что если буду имѣть еще когда нибудь счастье встрѣтить васъ, явится въ такомъ опрятномъ видѣ, въ какой меня приведутъ мыло и щетка, вслѣдствіе чего я надѣюсь, что вы не будете сомнѣваться въ моихъ къ вамъ дружескихъ чувствахъ, точно также какъ и я въ вашихъ.

— Allons, Лео, ну, догонишь ли ты меня, а нѣтъ, такъ оставайся, гдѣ хочешь!

Она подняла лошадь, уже нетерпѣливо стучавшую копытомъ по песку и кивавшую взадъ и впередъ головою, и подняла ее такъ сильно, что та испугалась и, вспрыгнувъ, помчала галопомъ. Собака побѣжала изо всѣхъ силъ за нею.

Я остался, не чувствуя себя побѣжденнымъ послѣ этой странной встрѣчи, похожей на поединокъ. Кажется, я посмотрѣлъ на ухватшую, бѣлый вуаль которой скрылся за кустами, съ нѣкотораго рода торжествующей улыбкой и прошепталъ: „Ну, право, я не пожалѣю того, кого ты выберешь себѣ!“

Пора уже было возвращаться домой, гдѣ вѣроятно меня ждалъ коммерціи совѣтникъ. Такимъ образомъ, я торопливо пошелъ отъ берега по давно знакомой мнѣ тропинкѣ къ Трантовицу, оставляя влѣво болото, а вправо пустошь. Около Трантовица тропинка эта поворачивала направо чрезъ поля въ Церендорфъ. Не знаю отчего, встрѣча съ хорошенькой дѣвушкой, выказавшей мнѣ такое недружелюбіе, которому мнѣ, однакожъ, не очень-то вѣрилось, возвратило мнѣ мое хорошее расположеніе духа. Все непріятное и грустное, слышанное мною поутру, представилось мнѣ въ хорошемъ свѣтѣ. Если коммерціи совѣтникъ и злой, то, во всякомъ случаѣ, онъ былъ умный человѣкъ, который не сталъ бы дѣйствовать противъ выгоды другихъ, еслибъ ему можно было доказать, что эта выгода совпадаетъ съ его собственной пользой. А кто лучше могъ доказать это, какъ не я—такъ какъ въ моемъ безкорыстіи онъ былъ убѣжденъ и кромѣ того, Богъ знаетъ почему, выказывалъ ко мнѣ расположеніе, насколько такое чувство могло имѣть мѣсто въ его высохшей груди. Онъ былъ радъ мнѣ потому, что я ему былъ нуженъ, или ему казалось, что я ему нуженъ. Ну, такъ мнѣ надо сдѣлать себя ему необходимымъ, и мнѣ казалось, что сдѣлать это я могу; и тогда, какъ бы ни обращалась со мною прелестная Герминія, я стоялъ бы твердо на своихъ ногахъ и могъ бы по своему обыкновенію прямо смотрѣть всѣмъ въ глаза.

Такимъ образомъ торопливо шелъ я по узкой тропинкѣ, лежавшей между болотомъ и пустошью, по той самой тропинкѣ, по ко-

торой въ ту страшную ночь, девять лѣтъ тому назадъ бѣжали мы съ дикимъ Цереномъ. Мнѣ становилось грустно, когда я припоминалъ эту мѣстность; но я твердо рѣшился смотрѣть на настоящее, какъ оно есть, и забыть прошедшее. Какъ могъ я безъ этой рѣшимости оставаться въ тѣхъ мѣстахъ! А кромѣ того, солнце на голубомъ небѣ свѣтило такъ ярко и птицы пѣли такъ весело на вѣткахъ деревьевъ, только-что начинавшихъ распускаться, и въ кустахъ уже мѣстами совершенно распустившихся. Въ темной водѣ канавъ и лужъ торопливо плавали долгоногіе водяные жуки, а вдали, вѣроятно, въ трантовичскомъ лѣсу куковала кукушка. Грусть никакъ не могла ужиться съ такимъ яснымъ днемъ; а прелестное гнѣвное личико хорошенькой дѣвушки возбуждало скорѣе смѣхъ, чѣмъ слезы, и я дѣйствительно началъ хохотать, и хохотать отъ души и такъ громко, что въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня, какой-то человекъ, спавшій подъ вѣтвями ивы, на молодой травѣ около канавы, приподнялся на локтяхъ и смотрѣлъ на меня, проходившаго въ то время мимо него, большими удивленными голубыми глазами. Едва я взглянулъ въ эти добрые, большіе глаза, какъ вскричалъ: „господинъ фонтъ-Трантофъ! Гансъ, милый Гансъ!“ и я протянулъ обѣ руки старому другу, который между тѣмъ всталъ и, дружески улыбаясь, подалъ мнѣ свою большую, загорѣлую, рыцарскую руку.

— Какъ поживаете, дорогой другъ? сказалъ я.

— Какъ всегда, отвѣчалъ Гансъ.

Тонъ голоса былъ прежній, но Гансъ не былъ прежнимъ. Голубые глаза стали еще выпуклѣе; смуглыя щеки обвисли; а носъ... ахъ носъ! Этотъ благородный, прелестный носъ сталъ красенъ и некрасивъ; и когда мы пошли рядомъ около рва и онъ снялъ шапку, я увидѣлъ, что его блестящіе, густые, темные волосы очень порѣдѣли на темени.

— Я зналъ, что вы пріѣдете, сказалъ онъ, доставая изъ ягдташа огниво и кремьнь, и закуривъ добрую сигару трутомъ, все это подалъ мнѣ;—сегодня меня звали туда обѣдать; но я не знаю, попаду ли, и потому я очень радъ, что мы съ вами здѣсь встрѣтились, здѣсь мнѣ гораздо пріятнѣе.

Онъ пустиль цѣлое облако дыма и смотрѣлъ на воду рва, гдѣ взадъ и впередъ шныряли долгоногіе водяные жуки.

— Гораздо пріятнѣе, повторилъ онъ.

— Вы живете такъ же уединенно, какъ и тогда? спросилъ я.

— Ну само собою разумѣется, сказалъ Гансъ.

— Я вовсе не нахожу, чтобы это могло само собою разумѣться, отвѣчалъ я съ нѣкоторою живостью, такъ какъ въ манерахъ и голосѣ Ганса замѣтна была безнадежность, кольнувшая меня прямо въ сердце, — вовсе не само собою разумѣется. Чортъ возьми, неужели такой человѣкъ, какъ вы, такой добрый, хорошій, честный долженъ губить свою жизнь въ одиночествѣ, потому что какой-то кокеткѣ захотѣлось года два поводить его за носъ. Да, господинъ фонъ-Трантофъ, безсердечной кокеткѣ, никогда нестоившей, чтобы честный малый шелъ за ней въ огонь и воду и которая теперь совершенно... нѣтъ, да она една стоитъ нашего сожалѣнія! Я могу сказать вамъ, что испыталъ это на своихъ костяхъ.

— И я тоже, сказалъ Гансъ.

— Я знаю это.

Гансъ покачалъ головой, какъ будто хотѣлъ сказать, что это не то. Я зналъ хорошо его движенія.

— Развѣ вы ее видѣли потомъ? спросилъ я.

Онъ кивнулъ головой.

— Гдѣ же, когда?

— Дѣтъ восемь или девять тому назадъ въ.... какъ называется это проклятое гнѣздо.... въ Неаполѣ.

— Это было въ то время, какъ вы исчезли отсюда и никто не зналъ, гдѣ вы?

— Ну да, сказалъ Гансъ.

— И въ Неаполѣ.

— Такъ, сказалъ Гансъ.

Странно было представить себѣ Ганса фонъ-Трантофа на берегу неаполитанскаго залива; сѣвернаго медвѣдя между южными шакалами; и только какія нибудь особенныя обстоятельства могли заставить Ганса въ первый и послѣдній разъ его жизни покинуть пещеровъ его разваливагоса дома, и родныя пустоши, и болота.

Это было въ декабрѣ, девять лѣтъ тому назадъ — черезъ мѣсяцъ послѣ того, какъ я былъ посаженъ въ городской острогъ. — Гансъ получилъ письмо, заставившее его положить въ сторону ягдтажъ и ружье, такъ какъ въ ту минуту онъ собирался на охоту, приказалъ запречь сани и поѣхалъ въ Фердорфъ, а оттуда въ Узелинъ, откуда, не останавливаясь ни днемъ, ни ночью, добрался онъ только черезъ три недѣли въ вышеупомянутый городъ. Онъ думалъ сначала, что Неаполь надо ему искать въ Турціи, и потому дорога его не была лишена ни затрудненій, ни препятствій. Тамъ онъ тоже не безъ труда распросилъ — добрый Гансъ, какъ истый нѣмецъ, говорилъ только по нѣмецки — гдѣ отель, указанный ему въ письмѣ, и нашелъ ту, которую искалъ, но не въ такомъ положеніи, въ какомъ онъ ожидалъ ее найти, и въ какомъ думалъ найти, судя по письму! Она называла себя обманутой, оставленной, и видѣла въ немъ свою послѣднюю надежду, своего спасителя въ несчастіи и избавителя отъ смерти. Гансъ конечно принялъ все это буквально и былъ въ нѣкоторомъ родѣ изумленъ, найдя ее въ одномъ изъ самыхъ роскошныхъ отелей толедской улицы, въ богато-убранныхъ комнатахъ, въ прелестнѣйшемъ нарядѣ, прелестнѣе чѣмъ когда либо. Она при появленіи его нѣсколько смутилась и даже поблѣднѣла. Она вѣроятно думала, что просьба ея не будетъ исполнена тотчасъ же, или, по крайней мѣрѣ, что ее предувѣдомятъ о пріѣздѣ, и потому не приготовилась къ его встрѣчѣ. Какая-то нѣмецкая принцесса, дѣйствительно жившая тогда въ Неаполѣ, принимала въ ней участіе и особенно настаивала на томъ, чтобы дочь такого древняго и знатнаго рода приняла ея покровительство и помощь. Но милость такихъ высокихъ особъ ненадежна, и часто зависитъ отъ условій, трудно выполняемыхъ для гордаго сердца. Принцесса требовала въ замѣнъ своей милости, чтобы Констанція тотчасъ же вышла замужъ за одного молодого барона, кажется, бывшаго въ большомъ почетѣ у самой принцессы, а она, Констанція, хотя и принадлежала къ числу людей способныхъ заблуждаться и сильно заблуждаться, но никогда не стала бы дѣйствовать противъ голоса своего сердца!

Прелестная сирена рассказала эту басню добродушному Гансу

со слезами и вздохами, краснѣя и улыбаясь и судорожно рыдая, а онъ, не обладавшій скептицизмомъ опытныхъ людей, повѣрилъ всему на слово, и воротился въ свою скромную харчевню, раздумывая и ломая себѣ голову, какъ помочь ей. Жениться на ней казалось ему невозможнымъ.

Потомокъ Трантофовъ не могъ взять въ жены дѣвушку, не настолько цѣломудренную, насколько самъ онъ храбръ, хотя бы она была еще во сто разъ прекраснѣе, и онъ любилъ бы ее еще во сто разъ болѣе. Но раздѣлить съ нею все свое состояніе, заботиться о ней и защищать ее и сдѣлать для нея все, что сдѣлалъ бы братъ для несчастной, но милой сестры—Гансъ могъ и хотѣлъ, и для этого онъ на слѣдующее утро снова отправился къ ней. Но продолженіе ночи спрена надумалась и покинула свой палаццо въ сопровожденіи вышеупомянутаго молодого барона, который, конечно, никогда не былъ ни въ какихъ отношеніяхъ съ высокорожденной принцессой, но за то былъ очень коротокъ съ принцемъ Прора, и, со времени отъѣзда принца Прора, уѣхавшаго изъ Неаполя по приказанію отца, съ самой Констанціей. Констанція же досталась ему за полную сумму, проигранную принцемъ Прора. Такъ рассказывалъ, по крайней мѣрѣ, одинъ нѣмецкій кельнеръ, вмѣстѣ со многими другими, чего Гансъ знать не хотѣлъ и о чемъ вовсе не спрашивалъ. Кельнеръ случайно находился въ томъ отелѣ, и очевидно принималъ дѣятельное, хотя, можетъ быть и не совсѣмъ благородное, участіе во всей этой интригѣ. Такъ какъ Гансъ пріѣхалъ въ Неаполь вовсе не для того, чтобы разгуливать по толедской улицѣ, или ѣхать въ Капри или подниматься на Везувій, то онъ отряхнулъ прахъ отъ ногъ своихъ и направился на родину. Но добродушный Гансъ уѣхалъ не далеко. Непривычное утомленіе отъ такого долгаго и постоянного путешествія, переменна климата и образа жизни, крѣпкое итальянское вино, питое имъ, по его обыкновенію, въ большомъ количествѣ, и, конечно, болѣе всего этого, глубокая скорбь объ этомъ второмъ, коварномъ обманѣ, гораздо худшемъ, чѣмъ первый—всего этого было слишкомъ много для такой сильной натуры, и однажды какой-то милосердный ветурино привезъ къ воротамъ

монастыря, не вдалекѣ отъ Рима, путешественника, захворавшаго дорогой, и дѣйствительно недалекаго отъ смерти. Ну, доброму Гансу не было весело отводить душу свою въ узкой кельѣ римскаго монастыря; но онъ все-таки, несмотря на мало рациональное леченіе Фра-Антонія, знаменитаго монастырскаго врача, выздоровѣлъ и черезъ шесть недѣль могъ гулять въ саду. Садъ былъ прелестный, съ чуднымъ видомъ на вѣчный городъ, а монахи добры и услужливы, хотя нѣсколько грязны. Они предлагали доброму Гансу не возвращаться, ради спасенія его души, на свою варварскую родину, а остаться подъ защитою единоспасающей церкви, и умереть по милости божіей и Пресвятой Дѣвы святыми и отправиться прямо на небо. Странное предложеніе для добраго Ганса! Впродолженіе своей жизни онъ еще ни разу не думалъ о настоящемъ или о будущемъ спасеніи своей души; но какъ ни хорошо было предложеніе этихъ отцовъ для безсмертной половины его, тѣмъ не менѣе ему тотчасъ же стало ясно, что при этомъ ему придется заботиться и о благосостояніи своего тѣла. Монастырское вино было въ своемъ родѣ хорошо, но имѣло какой-то особенный вкусъ, къ которому Гансъ никакъ не могъ привыкнуть, точно также какъ не могъ привыкнуть, что деревья цвѣли въ концѣ февраля, какъ будто бы въ цѣломъ свѣтѣ не было тогда сѣверо-восточныхъ вѣтровъ, и вѣтви сосноваго лѣса не гнулись подъ тяжестью инея. И разъ ночью, увидавъ во снѣ, что онъ воротился въ Трантовиць, и стрѣлялъ изъ окна своей спальни въ шестерыхъ зайцевъ, бѣгавшихъ по саду, при яркомъ свѣтѣ звѣздъ и снѣга, проснувшись, онъ не могъ оставаться долѣе, и пожавъ поочередно своимъ дружелюбнымъ хозяевамъ загорѣлыя, грязныя руки, и принявъ благословеніе настоятеля на свою грѣшную голову, воротился туда, откуда пріѣхалъ.

Такъ рассказывалъ Гансъ своимъ монотоннымъ голосомъ, въ то время, какъ мы сидѣли у рва. И долгоногіе жуки шныряли въ темной водѣ, птицы пѣли на деревьяхъ, а вдали буковала кукушка.

Мнѣ стало очень грустно. Кажется, мнѣ было бы легче, если бы Гансъ выказалъ хотя малѣйшее волненіе, рассказывая о самомъ

странномъ и, разумѣется, самомъ печальномъ времени своей жизни; но волненія не было и слѣда. Онъ не чувствовалъ ни малѣйшей ненависти къ Констанціи, ни злобы противъ молодого принца, жившаго теперъ опять въ Россію въ его близкомъ сосѣдствѣ — во всемъ, что онъ говорилъ слышалось такое смиреніе и полная безнадѣжность — и это-то навѣяло на меня глубокую тоску.

Сзади насъ, въ кустахъ что-то зашелестило, и оттуда вышла старая охотничья собака; она поласкалась сначала къ Гансу, а потомъ подошла ко мнѣ меланхолически помахивая хвостомъ.

— Боже мой, неужели это Каро? спросилъ я.

— Ну, конечно, сказалъ Гансъ; — кажется, онъ узналъ васъ.

— Ахъ ты, старикашка, сказалъ я, лаская собаку; — и онъ все еще исправляетъ свою службу?

— Ну, какъ придется, сказалъ Гансъ; — на охоту за лѣсной птицей онъ давно уже не годится, а за утками еще можетъ, хотя не охотно идетъ въ воду, такъ что за утками я по большей части хожу самъ. Но вѣдь какъ же иначе; мы оба уже не такъ молоды, какъ прежде.

Каро сѣлъ на край рва и, поднявъ уши, смотрѣлъ въ воду на жуковъ, и очевидно ни о чемъ не думалъ; Гансъ сидѣлъ, облокотившись лѣвымъ локтемъ на колѣно и, пуская густыя облака сигарнаго дыма, точно также смотрѣлъ въ ровъ, и точно также, вѣроятно, ни о чемъ не думалъ. Мнѣ становилось все грустнѣе и грустнѣе. Контрастъ между дѣятельною жизнью, о которой я только-что мечталъ, и этимъ меланхолическимъ бездѣйствіемъ былъ слишкомъ великъ.

— Ну, пора домой, сказалъ я, быстро вставая.

— Да, пора, сказалъ Гансъ, медленно слѣдуя моему примѣру.

Мы мало говорили, идя по дорожкѣ почти до Трантовича, строенія котораго еще болѣе обвѣтшали, гдѣ я долженъ былъ повернуть въ Церендорфъ.

— Ну и вы останетесь тутъ навсегда? спросилъ Гансъ прощаясь.

— Навсегда? спросилъ я; — откуда это вы взяли?

— Я? отвѣчалъ Гансъ, видимо удивленный, что я заподоз-

рилъ его, что онъ могъ взять это изъ своей собственной головы;—не откуда, мнѣ сказала это фрейлейнъ Дуффъ.

— И она сказала вамъ, почему я останусь здѣсь навсегда? опять спросилъ я.

— Ну, конечно, отвѣчалъ Гансъ;—и я отъ всего сердца желаю вамъ счастья.

— Но въ чемъ? спросилъ я, съ нетерпѣніемъ, пожимая ему руку.

Гансъ вспыхнулъ и забормоталъ:

— Извините, я вовсе не хотѣлъ быть нескромнымъ; я думалъ, что это уже не тайна, или, по крайней мѣрѣ, не тайна между нами.

— Но скажите же ради Бога, о чемъ вы говорите? спросилъ я, и, кажется, покраснѣлъ при этомъ еще сильнѣе самого Ганса.

— Да развѣ вы не женихъ фрейлейнъ Герминіи? проговорилъ Гансъ.

Я громко расхохотался, громче чѣмъ слѣдовало бы при чисто-сердечномъ хохотѣ. Гансъ, принявъ смѣхъ этотъ за подтвержденіе его словъ, снова взялъ меня за руку и сказалъ:

— Я радъ этому отъ всей души, никому въ цѣломъ мірѣ не былъ бы я такъ радъ, какъ вамъ. А здѣшнимъ поселянамъ надо хорошаго помѣщика.

Онъ еще разъ пожалъ мнѣ руку и пошелъ дальше въ сопровожденіи Каро, съ опущенной головой бѣжавшаго за нимъ. Я посмотрѣлъ имъ вслѣдъ и подумалъ: „Ну точно, въ такомъ случаѣ, моя участь была бы лучше твоей, хорошей, честной малы.“

Я повернулъ. Передо мной красовался новый господскій домъ и новыя службы въ Церендорфѣ, а ближе ко мнѣ едва выглядывали изъ-подъ земли старыя обвѣтшалыя лачужки, и прежде мнѣ знакомыя, а на роскошныхъ весеннихъ поляхъ работали тѣ же ободранные, мрачные работники. При видѣ всего этого, и при мысли обо всемъ мною видѣнномъ и слышанномъ въ то утро, я подумалъ: „да точно имъ нуженъ хорошей помѣщикъ!“

И вздохнувъ глубоко, тихо и какъ-то нерѣшительно пошелъ я по тропинкѣ черезъ зеленныя поля въ Церендорфъ.

ГЛАВА XII.

Я жилъ уже съ недѣлю въ Церендорфѣ. Это время напоминаетъ мнѣ лежащее теперь передъ мною письмо, на нѣсколькихъ страницахъ, покрытое кое-гдѣ пятнышками, какъ будто бы на него капали слезы, а между тѣмъ письмо это веселое и шутовское, и вотъ его содержаніе.

„Никто лучше тебя не знаетъ, милая Паула, что я пріѣхалъ сюда не для того, чтобы веселиться, но если бы я сказалъ, что всѣ эти дни я дѣлалъ что нибудь другое, а не веселился или, по крайней мѣрѣ, не показывалъ вида, что веселюсь, — то я солгалъ бы. Здѣсь могутъ поразсказать о томъ, какъ я ловко управляю лодкой, какъ на танцевальныхъ вечерахъ изобрѣтаю очаровательныя фигуры въ котильонѣ, какъ на прогулкахъ пѣшкомъ или въ экипажахъ сосновыя рощи оглашаются днемъ моимъ аугавьемъ и пѣнями, а послѣ захода солнца достопочтенныя вершины ихъ освѣщаются бенгальскими огнями, которые долгомъ считаетъ готовить мнѣ другъ мой и пріятель Фритцъ Амсбергъ, горбатый аптекарскій ученикъ. Да, да, существуютъ люди, которые помнятъ о моихъ геройскихъ подвигахъ прежнихъ дней, и что всего хуже, существуютъ люди, и даже живутъ со мною стѣна объ стѣну, которые при встрѣчѣ со мною вѣчно встать и не встать вздыхаютъ, и говорятъ: „Помните, Георгъ — простите, что я по старому называю васъ просто вашимъ милымъ именемъ — помните, какъ мы славно тогда веселились, когда вы устроили то-то и то-то.“ Я конечно десять разъ уже забылъ обо всемъ этомъ, и только удивляюсь необыкновенной памяти женщинъ на нѣкоторыя событія изъ жизни, которыя у насъ мужчинъ безжалостно тотчасъ же стираются — бѣдная Эмилія!

„Какъ она явилась сюда? Совершенно для меня неожиданно, и, увѣряю тебя, появленіемъ своимъ не доставила мнѣ большого удовольствія. Мой давнишній врагъ, ея отецъ, повѣренный по дѣламъ принца Прора, тоже странчій коммерціи совѣтника; а такъ какъ принцъ и коммерціи совѣтникъ все еще ведутъ переговоры отно-

сительно Церендорфа, то дѣло и не обходится безъ главнаго дѣятеля высшей юридической власти. А гдѣ находится эта власть, тамъ недалеко всегда бываетъ и фрейленъ Эмилиа, въ особенности если надѣется, что между дѣломъ будетъ и удовольствие. У насъ вѣдь въ странѣ удовольствие и дѣла весьма часто идутъ рука объ руку. Достоянная же жена юстицрата поступила вовсе не по матерински и оставила Эмилию безпомощной и беззащитной сиротой!— это собственное выраженіе Эмилиа. А гдѣ находится Эмилиа, тамъ недалеко слѣдуетъ искать и милую дочку нашего бургомистра; такимъ образомъ и на этотъ разъ Элиза Коль явилась вмѣстѣ съ своимъ закадычнымъ другомъ. Праведный Боже! мнѣ въ сущности не слѣдовало бы смѣяться надъ бѣдными дѣвушками, потому что вѣдь онѣ родились въ добромъ Узелинѣ, и никогда не бывали дальше трехмильного пространства, занятаго различными дворянскими помѣстьями, и не знаютъ ни свѣта, ни людей. Фрейленъ Эмилиа вѣрно не виновата въ томъ, что не нашла того, кого искала, право нѣтъ. Мнѣ не слѣдовало бы смѣяться, а между тѣмъ я никогда не думалъ, чтобы мускулы мои на лицѣ могли до такой степени стягиваться въ смѣхъ, какъ они стягивались, когда объ дѣвушки—прозванныя здѣсь кѣмъ-то Элеонорами—объявись входили въ дверь гостиной, отворяемую для нихъ услужливо Вильгельмомъ Клукугномъ съ насмѣшливой улыбкой на дерзкихъ устахъ. Безъ сомнѣнія эта поза заучена ими передъ зеркаломъ, а иначе она не могла бы быть всегда одинаковой до мельчайшихъ отгѣнковъ. Эту группу совѣтую тебѣ написать для твоихъ прелестнѣйшихъ салонныхъ картинъ! Эмилиа, какъ не столь высокая и болѣе смѣлая, представляетъ вторую Элеонору и играетъ роль свѣтской опоры для своей приятельницы, на цѣлую голову переросшей ее и бывшей еще въ мое время въ романическихъ отношеніяхъ съ однимъ юнымъ, поэтическимъ школьнымъ учителемъ, сошедшимъ съ ума. Маленькая Элеонора—повѣренная всѣхъ тайвъ своей подруги, еще десять лѣтъ тому назадъ аллегорическими стихами ждалавшейся на свою судьбу, что она въ цвѣтѣ лѣтъ клонится къ могилѣ.

„Эта злосчастная, приговоренная въ смерти мученица, обвиваетъ правую рукою плечи друга и смотритъ на нее съ добродушной

улыбкой, какъ будто желая сказать: ты можешь пѣть и веселиться, счастливый ребенокъ! а счастливый ребенокъ поднимаетъ на нее свои небесные глаза, отважно и плутовски улыбаясь. Право, это трогательное зрѣлище, въ особенности, когда подумаешь, что обѣ Элеоноры вмѣстѣ составляютъ, по крайней мѣрѣ, лѣтъ шестьдесятъ или шестьдесятъ три года, такъ какъ я очень хорошо помню, что бывши еще мальчикомъ, никогда не хотѣлъ играть съ Элизой, потому что она была слишкомъ много меня старше, что же касается Эмилии, то я увѣренъ, что она увидѣла въ первый разъ колокольню святого Николая въ Узелинѣ годомъ ранѣе меня, и къ тому же въ одинъ день со мною, и рожденія наши праздновались всегда вмѣстѣ.

Да, память фрейленъ Эмилии хороша, но существуетъ время, которое, какъ она увѣряетъ, она помнитъ точно сквозь какой-то туманъ. А я именно это-то время и помню, и помню такъ ясно, что, кажется, могъ бы сказать сколько было папильетокъ на бѣлокурой головкѣ пріятельницы моей юности, когда она, поднявъ мои руки, умоляла меня, чтобы я пощадилъ ея стараго отца, того самаго стараго отца, который теперь привѣтливо киваетъ мнѣ головою черезъ столъ, поднявъ полный стаканъ вина, а послѣ обѣда говорить мнѣ: „Мнѣ такъ хотѣлось, милый молодой другъ мой, чокнуться съ вами, но я сидѣлъ такъ далеко, по крайней мѣрѣ, теперь позвольте мнѣ позжать вамъ руку“—послѣ чего слѣдовали полныя объятія! Право я часто хватаюсь за голову, чтобы убѣдиться, что все это я вижу не въ странномъ снѣ, послѣ котораго проснусь съ предлинными ушами. Надо тебѣ сказать, милая Паула, что если я не играю здѣсь роль шута, то весьма не далеко отъ роли короля, такъ стараются всѣ угодить мнѣ, такъ льстятъ мнѣ всѣ, такъ заискиваютъ мое расположеніе—за исключеніемъ конечно одной особы! Право это очаровательно! Здѣсь теперь старый другъ мой, маленькій господинъ фонъ-Гранофъ, сдѣлавшійся съ годами еще круглѣе прежняго, такъ что онъ совсѣмъ ужъ не можетъ приводить голову съ плечъ. Въ особенности же не можетъ приподнять ее, когда при этомъ присутствуетъ его супруга, плотная, высокая, дочь пивовара изъ С., принесшая ему въ приданое двѣсти.

тысячъ талеровъ, чѣмъ онъ гордится не мало, и пару башмаковъ, подъ полновѣсными ударами которыхъ человѣчекъ этотъ вѣроятно пролил не мало горькихъ слезъ. Но какъ ни расходилась эта чета относительно другихъ предметовъ, тѣмъ ни менѣе она обыкновенно единодушно строить мнѣ куры. Маленькій человѣчекъ трогательно вспоминаетъ о „хорошихъ, чудныхъ дняхъ“, проведенныхъ имъ когда-то со мною, и со вздохомъ жалѣетъ, что нельзя воротить прошлаго, и жалѣетъ даже въ присутствіи своей полновѣсной супруги, которая при этомъ съ милой угрозой поднимаетъ палецъ и восклицаетъ: „Ахъ вы, злодѣи! но вѣдь я понимаю что для такого друга, какъ вы, можно пожертвовать и спокойствіемъ семейнаго очага!“

„А штейerratъ и урожденная! Я писалъ тебѣ, какъ они встрѣтили меня; но съ тѣхъ поръ вѣроятно у нихъ было чрезвычайное засѣданіе совѣта, и было рѣшено держаться другой методы. Эта метода заключается въ томъ, что штейerratъ лишь только завидитъ меня, какъ тотчасъ же протягиваетъ руку, и восклицаетъ: „Здравствуйте, Георгъ! Надѣюсь, что я могу называть просто по имени сына стараго, слишкомъ рано умершаго друга и сослуживца!“ послѣ чего урожденная пріятно улыбается, и если представляется какойнибудь случай взять меня подъ руку, то она тотчасъ же увлекаетъ меня въ сторону, и начинаетъ говорить о возлюбленномъ сынѣ Артурѣ. Ахъ, ея возлюбленный опять такъ огорчаетъ ее, и даже сердитъ, и сердитъ до такой степени, что, если вѣрить ей, она готова бываетъ иногда разцарапать его аристократическое лицо. Но вѣрить ей нельзя, и потому я не вѣрю ей. Это та же пѣсня, которую я слышалъ еще въ дѣтствѣ: что Артуръ самый милый, умный, красивый, любезный юноша въ мірѣ, но что у него одинъ только недостатокъ, а именно вѣтреность, которая конечно мѣшаетъ выставиться его достоинствамъ въ настоящемъ свѣтѣ. Но только куплетъ пѣсни, гдѣ рѣчь идетъ обо мнѣ значительно измѣнился. Прежде была полная увѣренность, что въ сущности я причина всѣхъ шалостей, за которыя приходилось отвѣчать Артуру. Теперь же урожденная совершенно убѣждена, что я, и только я одинъ въ состояніи вывести изъ пропасти заблудшуюся овцу.— „Кто, какъ не вы одержали надъ собою самую трудную по

бѣду, кто какъ...“ ну я не сомнѣваюсь, что она серьезно беспокоится о будущности своего сына, и на это у нея есть причины; но за то я тѣмъ болѣе сомнѣвался въ ея расположеніи ко мнѣ. Развѣ я не знаю, чего хочеть отъ меня и она, и штейерратъ! Знаю очень хорошо, чего хочеть и Артуръ, ежедневно на продолжительное время являющійся изъ Россофа, когда онъ разливаетъ на меня всѣ источники своей любезности, и обдаеть меня градомъ лстивыхъ словъ и увѣреній въ дружбѣ. А что всего хуже—я можетъ быть и лучше—что я знаю, чего хотять отъ меня всѣ; знаю, что маленькій господинъ фонъ-Гранофъ охотно купилъ бы Церендорфъ, и за него я долженъ замолвить словечко у коммерціи совѣтника; что Вильгельмъ Клукугунъ, которому отказано къ Святой, охотно остался бы на мѣстѣ, и я долженъ устроить ему это; и такимъ образомъ у всѣхъ есть какія нибудь причины строить куры бѣдному Георгу, такъ какъ онъ умный и вліятельный человекъ, и за его расположеніе можно покривить душою. Seriously говоря, дорогая Паула, положеніе мое очаровательно, и я право боюсь, чтобы оно не вскружило мнѣ голову, хотя это трудно, такъ какъ есть одна особа, специально занимающаяся, кажется, тѣмъ, чтобы удержать голову мою на мѣстѣ. Я впрочемъ не такъ выразился;—чтобы вертѣть мою голову въ другую, въ противоположную сторону;—это будетъ вѣрнѣе, такъ какъ я ничуть не важная особа, на которую стоило бы обращать вниманіе, а незначительный, темный человекъ, приглашенный отцомъ, по какой-то прихоти, и котораго только поэтому нельзя вытолкать за дверь, но которому однакожъ надо дать понять, что подобные ему люди должны знать свое мѣсто. И такимъ образомъ мнѣ даютъ понять это на всѣ лады, и даже на самыя странныя. Я расскажу тебѣ кое-что объ этомъ, когда вернусь назадъ; на бумагѣ же, я боюсь, что тебѣ покажутся далеко не такими хорошенькими глаза, которыя мнѣ тутъ дѣлають, и какъ они есть въ дѣйствительности, а странности напротивъ того могутъ показаться тебѣ почти сумасшедшими. Да развѣ онѣ и не сумасшедшія? Мнѣ иногда это кажется, и часто я не довѣряю себѣ, и не знаю, что обо всемъ этомъ думать. Хорошо, если бы Венно былъ тутъ со мною, или я самъ былъ бы Венно

съ его девятнадцатью годами, съ его темными задумчивыми глазами и его прекрасными иллюзіями. Вѣроятно, ему легче было бы разгадать эту голубоокую загадку, чѣмъ мнѣ, старому, неуклюжему тридцатилѣтнему мужчинѣ съ моими грубыми руками и трезвымъ разумомъ. Ну, надо полюбить стараго Ванюшку такимъ, каковъ онъ есть, а не угодно, то можете сердиться и надувать губки сколько угодно; мнѣ до этого дѣла нѣтъ. Не такъ ли, Паула?"

Такъ говорилось въ письмѣ, которое я считалъ веселымъ, даже шутивнымъ, а было ли оно въ дѣйствительности таково—въ этомъ могутъ засвидѣтельствовать слезы, падавшія на него изъ глазъ Паулы.

Да, конечно у ней были причины плакать надъ этимъ письмомъ! Заслуживала ли она того, чтобы я такъ тщательно, такъ искусно скрывалъ отъ нея то, что меня такъ сильно теперь волновало? И развѣ письмо это не было съ начала до конца попыткой, неловкой, неудачной попыткой обмануть ее относительно состоянія моей души.

Что было правдой въ этомъ письмѣ?—Ровно ничего!

Водоворотъ увеселеній, въ который меня втокнули тамъ, вовсе не оставилъ меня равнодушнымъ, какъ я старался выказаться. Мнѣ казалось, что на меня повѣялъ тотъ же воздухъ, которымъ я дышала юношей, десять лѣтъ тому назадъ, то же желаніе жить и наслаждаться. Прелестный, богатый домъ, обширное, удобное помещеніе, праздная легкая жизнь, пребываніе на чистомъ воздухѣ, гулянье по полямъ, по берегамъ, по лѣсамъ, и къ тому же чудные весенніе дни, иногда уже похожіе на лѣтніе, все это очаровывало, отуманивало меня. Нѣтъ, я вовсе не былъ спокойнымъ, невозмутимымъ хитрецомъ, какимъ хотѣлъ представить себя Паулѣ, и какимъ вѣроятно старался казаться въ обществѣ. Нѣтъ, я не былъ спокоенъ, и еще менѣе того веселъ и беззаботенъ; напротивъ того. Душа моя находилась подъ вліяніемъ какого-то безпокойнаго, страстнаго, то гнетущаго, то раздражающаго чувства, такъ что сонъ, мой милый, дорогой товарищъ съ дѣтства, теперь покинулъ меня, какъ покинулъ въ первое время слѣдствія, когда я сидѣлъ въ острогѣ. Это происходило, можетъ быть, оттого, что

тeнepь я былъ въ такомъ же настроеніи какъ тогда, въ настроеніи чeлoвѣка, cознaвшaгo, что онъ на волось отъ рѣшенія своей судьбы.

Что писалъ я обо всемъ этомъ Цаулъ? Но могъ ли я писать ей это? Могъ ли я писать ей, что, кажется, угадываю причину, почему Герминія продолжала эту странную игру, которую начала съ самаго перваго моего появленія въ Церендорфъ, и продолжала самыми невѣроятнымъ образомъ? И если бы во мнѣ и было что нибудь, мѣшавшее вѣрно объяснить поведеніе Герминіи относительно меня, то могъ ли я дѣйствительно ничего не видѣть, когда всѣ старались по своему показать мнѣ, разъяснить мнѣ то, чего я никакъ не хотѣлъ видѣть, или, по крайней мѣрѣ, представлялся, что не вижу.

Да, положеніе было странное и непріятное. оно было такое, въ какое именно пишутъ друзьямъ веселыя письма, надъ которыми друзья эти проливаютъ слезы.

ГЛАВА XIII.

Я возвратился съ мѣловыхъ ломокъ, гдѣ былъ занятъ все утро постановкой только-что прибывшей машины. Работа шла подъ моимъ руководствомъ хорошо, благодаря ловкости и стараніямъ работниковъ, такъ что вялый старикъ, горный инженеръ, сказалъ наковецъ съ какимъ-то воодушевленіемъ: „Кажется, дѣло пойдетъ таки на ладъ!“ Я былъ въ самомъ отличномъ расположеніи духа. Прeжнiй сонъ мой воротился, и въ то время, какъ я поспѣшно шелъ по полямъ, обдумывая то тотъ, то другой планъ, и изобрѣтая средства, чтобы привести ихъ въ исполненіе, я снова пришелъ къ тому заключенію, что все это могло бы случиться и исполниться, если бы была сила воли, и я снова во второй разъ сказалъ: „Если бы я былъ тутъ хозяиномъ!“

Но сказалъ это я не такъ, какъ недѣлю тому назадъ. Тогда это было желаніе безъ всякой примѣси личнаго, и цѣль казалась

мнѣ совершенно непостижимою. Тутъ сердце мое было не менѣе взволновано, но оно билось не такъ свободно, какъ тогда, и цѣль не казалась мнѣ столь недостижимою; часто она казалась мнѣ такъ близка, что стоило протянуть мнѣ только руку, чтобы ухватиться за нее. И когда мнѣ пришла эта мысль, мнѣ вдругъ представилось прелестное милое личико, съ гнѣвнымъ выраженіемъ на блѣдномъ челѣ, окаймленномъ бѣлокурными вудрями, съ капризнымъ алымъ ротикомъ, и я остановился и сталъ смотрѣть на зеленую пашню, гдѣ хлѣбъ покачивался отъ утренняго вѣтерка, на голубую морскую даль, видѣвшуюся за береговыми утесами, и не видѣлъ ничего, кромѣ прелестнаго гнѣвнаго личика, и потомъ, тяжело вздохнувъ, я вспомнилъ, что коммерціи совѣтникъ присылалъ за мною и вѣроятно давно нетерпѣливо ждетъ меня.

Я засталъ его въ его комнатѣ въ такомъ жаркомъ спорѣ съ юстициратомъ, что слышала голоса обоихъ спорившихъ, говорившихъ въ одно и тоже время еще прежде, чѣмъ Вильгельмъ Клукугунъ отворилъ мнѣ двери. Оба они сидѣли за круглымъ столомъ, заваленнымъ планами, чертежами и различными бумагами.

— Наконецъ-то вы явились! крикнулъ мнѣ коммерціи совѣтникъ такимъ тономъ, что я счелъ необходимою оглянуться на дверь и замѣтить кричавшему, что Вильгельма уже нѣтъ въ комнатѣ.

Коммерціи совѣтникъ бросилъ мнѣ одинъ изъ тѣхъ сердитыхъ взглядовъ, столь частыхъ у старыхъ тигровъ, когда они колеблются, слѣдуетъ ли имъ преклониться передъ плетью въ рукахъ зрителя или нѣтъ, и вскричалъ потомъ болѣе ласковымъ тономъ:

— Да, да, чортовъ сынъ, вотъ уже цѣлый часъ, какъ я его послалъ за вами и онъ наконецъ-то привелъ васъ. А мы тутъ безъ васъ ничего сдѣлать не можемъ, по крайней мѣрѣ, я ничего не могу. А этотъ господинъ охотиѣ обошелся бы безъ васъ.

— Позвольте, господинъ коммерціи совѣтникъ, сказалъ юстициратъ.

— Нѣтъ, ничего не позволю, вскричалъ тотъ;—а менѣе всего чтобы вы дѣйствовали въ этомъ дѣлѣ, какъ мой другъ.

— Я тоже, такъ сказать другъ съ другой стороны, отвѣчалъ юстициратъ, съ большимъ достоинствомъ поднимая съ висковъ на макушку свои сильно посѣдѣвшіе волосы и образуя тамъ родъ гребня.

— Такъ, по крайней мѣрѣ, вы должны быть непристрастны, вскричалъ коммерціи совѣтникъ.

— А вотъ спросите у нашего молодого друга, зналъ ли онъ меня когда-либо другимъ, спросилъ юстициратъ, бросивъ на меня взоръ, полный достоинства.

— Что тутъ толковать, вскричалъ коммерціи совѣтникъ, — соловья баснями не кормятъ, а мой соловей, чѣмъ больше говоритъ съ вами, тѣмъ становится тощѣе. Недѣлю тому назадъ, т. е. передъ вашимъ пріѣздомъ, принцъ хотѣлъ дать мнѣ четыреста тысячъ талеровъ; а послѣ того, какъ вы три раза побесѣдовали съ нимъ, онъ сбавилъ пятьдесятъ тысячъ, что составляетъ на каждую конференцію шестнадцать тысячъ пятьсотъ шестьдесятъ шесть и двѣ трети талеровъ. Благодарю васъ! Вы всегда были для меня дорогимъ гостемъ, но я никогда не думалъ, чтобы вы могли стоить мнѣ такъ дорого.

Отецъ Эмилии сдѣлалъ такое движеніе, какъ будто хотѣлъ защититься отъ острыхъ стрѣлъ своего противника, запахиваясь въ халатъ съ большими цвѣтами. Но вспомнивъ, что онъ не дома и потому одѣтъ въ черный сюртукъ, онъ схватился только за воротникъ, а потомъ, оцупавъ, не помялся ли его хохолъ, онъ взглянулъ на меня съ плутовской улыбкой, какъ будто бы хотѣлъ сказать: кто хочетъ имѣть дѣло съ юстициратомъ Гекенфенигомъ, тотъ долженъ держать ухо востро, какъ вы сами это испытали молодой человѣкъ?

— Да да, любезный другъ, вотъ какъ обращаются со мною здѣсь, продолжалъ коммерціи совѣтникъ, обращаясь ко мнѣ и для разнообразія впадая въ плачевный тонъ. — Право, съ ума сойти можно; а вы знаете это отлично, Георгъ, и понимаете, — что къ сожалѣнію не обо всякомъ можно сказать — вы знаете, что имѣніе стоитъ пятьсотъ тысячъ талеровъ и въ особенности теперь, когда мы увѣрены, что одолѣемъ воду въ мѣловыхъ ломкахъ.

Коммерціи совѣтникъ сопровождалъ эти слова взглядомъ, брошеннымъ на меня, которымъ, казалось, хотѣлъ сказать: теперь Георгъ, загребай его.

— И это очень скромное требованіе, продолжалъ онъ, — если вспомнить, что мы при этомъ случаѣ открыли секретъ, какимъ образомъ осушить большое болото, — а именно: проведя трубы до песчаного слоя, чуть-чуть не сгубившаго мѣловыя ломки и предназначеннаго въ сущности природою въ проводники болотной воды.

Тутъ коммерціи совѣтникъ взглянулъ на меня съ бѣшенствомъ, вѣроятно за то, что я не выступаю къ нему на помощь.

Такъ какъ послѣднее высказанное имъ предположеніе было моимъ предположеніемъ, то я счелъ своимъ долгомъ замѣтить, что точно полагаю большія надежды на этотъ проектъ осушки болота, но что результата придется ждать довольно долго и наконецъ, что если онъ будетъ благоприятный, то осушенное мѣсто вѣроятно замѣнитъ лѣсъ, безъ котораго цѣнность Церендорфа врядъ ли можетъ значительно увеличиться.

— Да вы съума сошли, сударь, вскричалъ коммерціи совѣтникъ, вскочивъ и забѣгавъ по комнатѣ. — Развѣ вы за этимъ сюда пришли? Что? Какъ?

— Я пришелъ сюда, господинъ коммерціи совѣтникъ, потому что вы позвали меня, отвѣчалъ я спокойно, сидя въ то время, какъ онъ бѣгалъ передо мною поспѣшными и мелкими шагами, постоянно бросалъ на меня ядовитые взгляды и наконецъ, вдругъ бросившись въ кресло, громко расхототался и вскричалъ:

— Ахъ вы шутникъ, ахъ вы, Георгъ Гартвигъ! Право шутникъ. За словомъ въ карманъ не лѣзете! Пришелъ сюда потому, что я звалъ его! Шутникъ, право шутникъ!

И старикъ хлопнулъ меня ладонью по колѣни, и заговорилъ снова въ серьезномъ тонѣ.

— Но возвратимся къ нашимъ дѣламъ. Дѣло въ томъ, что я могу, когда только захочу продать Церендорфъ господину фонъ-Гранофу за пятьсотъ тысячъ. Не правда ли, Георгъ? Вѣдь онъ это говорилъ вамъ еще вчера вечеромъ?

Господинъ фонъ-Гранофъ не думалъ говорить мнѣ этого, а на-

противъ того говорилъ, что онъ готовъ согласиться на разумную цѣну, а цѣна коммерціи совѣтника не только неразумная, но можно сказать просто сумасшедшая.

Такъ какъ я не могъ сдѣлать удовольствія коммерціи совѣтнику сказать неправду, и въ то же время не хотѣлъ доставить удовольствіе юстицрату, подтвердить его мнѣніе, чего онъ ожидалъ, то я всталъ съ своего мѣста и сказалъ, что если присутствіе мое не нужно, то я прошу позволенія удалиться къ себѣ въ комнату, гдѣ мнѣ надо еще кое-чѣмъ позаняться.

— Нѣтъ, останьтесь, останьтесь! живо вскричалъ коммерціи совѣтникъ;— мнѣ необходимо поговорить съ вами. Что же касается до васъ, милый мой старый другъ, то вы теперь можете отправиться къ его сіятельству и сказать ему, что угодно; но если вы ему скажете, что мы не можемъ справиться съ водою въ мѣловыхъ ложкахъ, то я пошлю къ нему Георга, и онъ сообщитъ ему другое. Ну, а теперь съ Богомъ отправляйтесь, старый другъ мой, а къ обѣду пріѣзжайте назадъ. Я нашелъ еще нѣсколько бутылокъ гохгеймера двадцать второго года, мы попробуемъ его, вѣдь вы знатокъ.

И коммерціи совѣтникъ дружески толкнулъ толстаго юстицрата пальцемъ въ бокъ, и такимъ образомъ выпроводилъ его въ дверь, потомъ быстро повернулся на каблучкахъ, подбѣжалъ ко мнѣ мелкими шагами, остановился передо мною, и закричалъ такимъ голосомъ, что кровь прилила къ его голымъ вискамъ.

— Теперь, скажите мнѣ, угодно вамъ помочь мнѣ въ этомъ дѣлѣ, или не угодно?

— Вы сначала скажите мнѣ, господинъ коммерціи совѣтникъ, угодно вамъ говорить со мною другимъ тономъ, или не угодно? отвѣчалъ я.

— Ахъ, право, оставьте ваши шутки! Мы теперь не при стороннихъ. Мнѣ вовсе нѣтъ охоты играть съ вами въ жмурки, сударь, понимаете ли вы?

— Все не понимаю, отвѣчалъ я, — или понимаю настолько, что не хочу ни минуты болѣе быть гостемъ человѣка, такъ мало,

или, лучше сказать, вовсе непонимающаго обязанностей относительно своихъ гостей.

Я сказалъ это очень спокойнымъ тономъ; но въ душѣ у меня вовсе не было спокойно. Напротивъ того, мысль, что въ ту минуту великіе планы, роившіеся у меня въ голоуѣ, разлетаются, можетъ быть, прахомъ, что молодые, зеленые всходы моихъ лучшихъ надеждъ, растаптываются ногами взбѣшеннаго, глупаго, стараго эгоиста — мысль эта заставляла сердце мое биться сильнѣе, и я высказалъ послѣднія слова съ большею горечью, чѣмъ говорилъ обыкновенно.

Коммерціи совѣтникъ вѣроятно понялъ, что довелъ меня до границы моего терпѣнія, и когда я подошелъ къ двери и ваялся уже за ручку, то вдругъ почувствовалъ, что кто-то держитъ меня за платье, и обернувшись, я увидѣлъ такое смущеніе на лицѣ старика, что не могъ не расхохотаться, хотя на душѣ у меня было вовсе нелегко.

— Ну, вотъ и хорошо, посмѣйтесь хорошенько, злой человѣкъ, и садитесь опять. Еще этого не доставало, чтобы вы выскользнули у меня изъ дому! Сегодня, за обѣдомъ, тогда задали бы мнѣ славнаго суну! Нѣтъ, нѣтъ, садитесь! Мнѣ необходимо съ вами поговорить, и я хочу поговорить съ вами, какъ съ роднымъ сыномъ. Господь Богъ, къ сожалѣнію, не далъ мнѣ сына, и мнѣ приходится обращаться къ постороннимъ, которые конечно не хотятъ прощать старику его горячность.

Я давно уже примирился, и коммерціи совѣтникъ могъ и не говорить такимъ жалобнымъ тономъ. Но тонъ этотъ онъ не перемѣнилъ и тогда, когда говорилъ мнѣ, что Церендорфъ онъ купилъ для того, чтобы потомъ съ выгодною продать, что теперь время это наступило, и что ему нужны деньги, до крайности нужны, что я долженъ помочь ему сторговаться съ принцемъ. Что въ этихъ вещахъ я понимаю болѣе его, или юстицрата, или молодого принца, и что послѣдній постоянно говорилъ ему, и еще въ то утро писалъ ему, что желалъ бы вести переговоры черезъ меня, а черезъ стараго осла, юстицрата, „и дѣйствительно, кричалъ коммерціи совѣтникъ, это настоящій старый осель.“

— Отъ чего это молодой принцъ хочетъ вести переговоры черезъ меня? съ удивленіемъ спросилъ я.

— Потому что онъ вамъ интересуется, какъ вообще всё. Ахъ вы, шутникъ! вскричалъ коммерціи совѣтникъ.—Ну такъ желаете вы, желаете?

— Признаюсь вамъ, господинъ коммерціи совѣтникъ, сказалъ я, предварительно сосредоточившись на одной мысли, — мнѣ грустно думать, что Церендорфъ можетъ попасть въ руки человѣка, который пожалуй опять запуститъ все, что тутъ сдѣлано съ такимъ трудомъ и съ такими затратами, такъ что бѣдные мѣстные жители будутъ еще въ худшемъ положеніи, чѣмъ прежде. Тѣмъ болѣе, что ваши предпріятія привлекли сюда многихъ, которые не могутъ тотчасъ же уѣхать и потому будутъ еще болѣе увеличивать общую нищету. Не разъ позволялъ я себѣ замѣчать вамъ, господинъ коммерціи совѣтникъ, что вовсе не считаю васъ хорошимъ хозяиномъ, желательнымъ для Церендорфа, и если предпочитаю васъ кому нибудь другому, то только потому, что вы ради своей собственной выгоды будете стараться докончить все начатое, и потому, что я не повинулъ надежды сдѣлать васъ сторонникомъ своихъ воззрѣній. Но такъ какъ вы говорите, что должны продать имѣніе, и рѣшеніе это кажется твердымъ, то я готовъ оказывать вамъ содѣйствіе, но только при двухъ условіяхъ. Во-первыхъ, чтобы вы мнѣ дозволили, какъ вашему другу и какъ честному человѣку, дѣйствовать при этой продажѣ, то есть взять хорошую или лучшую цѣну, а не дѣлать предложеній, которыя принцъ приметъ только въ томъ случаѣ, если онъ дуракъ, или съ насмѣшкой отвергнетъ, если онъ не дуракъ. Прошу терпѣнія еще на минуту, господинъ коммерціи совѣтникъ! Я сказалъ, что у меня два условія, второе состоитъ въ томъ, что когда продажа Церендорфа будетъ окончена, вы согласитесь на расширеніе вашей фабрики въ городѣ, и дадите мнѣ для этого деньги, необходимыя по моему расчету.

— Что вы съума сѣшли, сударь? крикнулъ коммерціи совѣтникъ, ударивъ кулакомъ по ручкѣ кресла, — что говорите мнѣ по-

добныя вещи, здѣсь, въ моемъ собственномъ домѣ, въ моей собственной комнатѣ, какъ будто вы какой нибудь пана, а не...

— Вашъ поворнѣйшій слуга, сказалъ я, вставая и низко кланяясь коммерціи совѣтнику.

— Ахъ право! вскричалъ онъ, — не хотите ли вы напугать меня. Вѣдь вы не уйдете, ну такъ къ чему шутить?

— А вы вѣдь сознаетесь, что я правъ, такъ къ чему шумѣть? смѣясь отвѣчалъ я.

— А я въ сотый разъ говорю вамъ, что какъ бы дорого я ни продалъ Церендорфъ, деньги мнѣ нужны на другое, а никакъ не на вашу паршивую фабрику! вскричалъ коммерціи совѣтникъ.

Я пристально посмотрѣлъ ему въ глаза и сказалъ:

— Знаете, что мнѣ недавно приснилось, господинъ коммерціи совѣтникъ?—что вы вовсе не такъ богаты, какъ васъ считаютъ.

— Ахъ вы шутникъ! шутникъ! Гороховой вы шутъ! вскричалъ старикъ. Пожалуй вы наконецъ скажете, что я укралъ сапоги, что у меня на ногахъ? Право! Не одолжите ли вы мнѣ на нѣсколько дней талеровъ пять? А?

И онъ пальцемъ ткнулъ меня въ бокъ, и самъ захохоталъ надъ своей шуткой.

— Ну если вы богаты, продолжалъ я серьезно—а быть серьезнымъ мнѣ было не трудно,—то скажите: „да“ и дѣло наше въ шляпѣ.

Я протянулъ ему руку, по которой онъ ударилъ, не переставая хохотать, какъ съумасшедшій.

— Ну такъ условіе заключено, сказалъ я, глубоко вздыхая.

— Заключено! вскричалъ онъ.

— И я сдержу свое слово, господинъ коммерціи совѣтникъ, можете положиться на это.

— И я свое, отвѣчалъ онъ, все еще держа мою руку въ одной изъ своихъ, а другою тихо похлопывая по моимъ пальцамъ,—если бы вы не были такъ бойки, неужели я сталъ бы такъ долго кобяться. Ой больно!

Вѣроятно я отъ волненія слишкомъ сильно пожалъ руку старику, потому что онъ громко закричалъ и сдѣлалъ страдальческое

лицо. Я извинился, а онъ засмѣялся и еще разъ вскричалъ: „Ой больно! Ахъ вы шутникъ, ахъ вы силачъ!“ и выпроводилъ меня въ двери точно также пальцемъ, какъ прежде выпроводилъ юстицрата.

ГЛАВА XIV.

Остальное утро я провелъ у себя въ комнатѣ, и былъ занятъ вычисленіемъ постановки машины для мѣловыхъ ломокъ. Но никакъ не могъ ничего сообразить. Новая, почти вѣрная надежда исполнить мое пламенное желаніе расширить нашу фабрику совершенно вскружила мнѣ голову. Мнѣ уже представлялось новое мѣсто, гдѣ я жилъ, застроенное фабричными зданіями; пламя въ горнилѣ и дымъ въ высокихъ трубахъ; я слышалъ уже стукъ молота по наковальнѣ и будто видѣлъ темныя кучки работниковъ, проходившихъ праздничными вечерами по большимъ дворамъ и разсыпавшихся по улицамъ новаго квартала, гдѣ въ одномъ изъ самыхъ чистыхъ домовъ они находили очагъ, около котораго могли отдохнуть отъ трудовъ дневныхъ. А заброшенный домъ, гдѣ я жилъ, не походилъ болѣе на развалины; на площадкѣ передъ лѣстницей была дѣйствительно трава, а въ каменномъ бассейнѣ тритонъ высоко бросалъ на верхъ струю воды, падавшую внизъ въ полный бассейнъ, гдѣ весело играло множество золотыхъ рыбокъ. Золотыя рыбки, собравшіяся у края, вдругъ всѣ отбросились, потому что къ бассейну подошли два человѣка держась за руки, и наклонились, чтобы посмотрѣть на свои лица, качавшіяся на водѣ, такъ что мужчина не могъ хорошенько рассмотреть лица женщины, и видѣлъ только голубые глаза и розовыя губки, но не зналъ, выражали ли эти глаза любовь или ненависть, и складывались ли эти губки, чтобы сказать дерзость или чтобы поцѣловать.

— Столъ накрываютъ, господинъ инженеръ, сказалъ Вильгельмъ Клукугунъ, — не помочь ли мнѣ вамъ одѣваться.

У Вильгельма было обыкновеніе постоянно дѣлать мнѣ это любезное предложеніе, хотя я никогда не принималъ его. Но въ

тотъ день онъ никакъ не хотѣлъ уступить и съ такимъ жаромъ помогалъ мнѣ надѣвать сюртукъ, и чистилъ меня такъ тщательно, что я спросилъ его, нѣтъ ли у него какой новой просьбы.

— Нѣтъ, нѣтъ, отвѣчалъ Вильгельмъ,—но вы были такъ ко мнѣ добры, и умилоствовали ко мнѣ барина, который вовсе не правъ, потому что если я и милъ шампанское...

— Хорошо, хорошо, Вильгельмъ, сказалъ я.

— Я еще хотѣлъ сказать вамъ, таинственно продолжалъ Вильгельмъ,—что они только-что ужасно ссорились и я ясно слышалъ...

— Но я не хочу слышать, Вильгельмъ.

— Что же вы можете сдѣлать, если я вамъ расскажу, и что вамъ до того, что я подслушалъ у дверей, и я въ сущности вовсе не виноватъ, потому что дверь была отворена и я ясно слышалъ, какъ барышня говорила, что никогда не проститъ вамъ...

— А, пробормотала я.

— И у ней сдѣлалось такое лицо...

— Такъ вы ее и видѣли?

— Вѣдь дверь была отворена, сказала Вильгельмъ и пожалъ плечами,—я порядочно стучалъ тарелками, но барышня была въ такой ярости ..

И Вильгельмъ скорчилъ такую рожу, вѣроятно желая, чтобы она походила на лицо, которое онъ видѣлъ въ щелку, что я не могъ удержаться и громко расхохотался.

— Ну и отлично! сказалъ Вильгельмъ,—лучше и не надо; гнѣвомъ тутъ ничего не возьмешь. Смѣйтесь, благо смѣется!

И Вильгельмъ тяжело вздохнулъ и бросилъ на меня умоляющій взглядъ.

— Что дальше? сказалъ я.

— Я еще хотѣлъ попросить васъ, сказалъ Вильгельмъ,— что когда вы... ги!.. Вы знаете о чемъ я говорю—вы тоже помогли бы намъ съ Луизой, потому что мы ждемъ уже шесть лѣтъ, а вамъ-то удалось сразу, господинъ инженеръ! Не такъ ли, милый господинъ инженеръ?

— Кажется, вы помѣшались, Вильгельмъ! сказалъ я, бросивъ

на Вильгельма взглядъ, который долженъ былъ выразить величественный гнѣвъ, и прошелъ мимо его къ двери.

Но Вильгельмъ слышалъ хорошо, въ чемъ я убѣдился во время обѣда. Общество было не велико: были только домашніе, за исключеніемъ Артура, прїѣхавшаго вмѣстѣ съ юстицратомъ въ его экипажъ изъ Россофа и поздоровавшася со мною съ обычною изысканною любезностью. По случаю жары, обѣ Элеоноры явились въ дѣвственныхъ бѣлыхъ платьяхъ и, разумѣется, вошли обнявшись. Геринія заставила немного ждать себя. Коммерціи совѣтникъ отвалъ меня въ сторону, и шепотомъ сообщилъ мнѣ, что принцъ прислалъ ему сказать съ юстицратомъ, что желаетъ знать положеніе мѣловыхъ ложекъ, прежде, чѣмъ вести дальнѣйшіе переговоры. И сегодня послѣ обѣда приплеть за мною экипажъ, чтобы я поѣхалъ въ Россофъ.

Мнѣ нѣкогда было отвѣчать на это извѣстіе, которое мнѣ по многимъ причинамъ было неприятно, потому что въ залу вошла Геринія. Я ясно видѣлъ, что она плакала, хотя она употребляла всевозможныя усилія, чтобы казаться какъ можно веселѣе и развязнѣе. Вѣдь погода была такъ хороша, такъ чудно хороша, а завтра будетъ еще лучше и прогулка къ озеру удастся вполне. Она находила, что общество очаровательно, и лучшаго желать нечего: все молодежь, а старики ни въ какомъ случаѣ не будутъ приняты. Послѣ обѣда всѣ отправятся изъ Церендорфа черезъ Трантовицъ, чтобы взять Ганса, безъ котораго никакъ не слѣдуетъ отправляться, потомъ черезъ Сулицъ, гдѣ къ обществу приквуютъ фонъ-Царретинъ и его прелестная жена, потомъ около пятишести часовъ общество доберется до прибрежной деревни Загицъ, и пройдетъ по буграмъ и буковому лѣсу къ озеру. Ужинъ подадутъ тамъ при лунномъ свѣтѣ, а послѣ ужина можно пройти лѣсомъ до перекрестка въ пустоши, гдѣ будутъ ожидать экипажи. Наконецъ все общество, не оставляя никого по дорогѣ, прибудетъ при лунномъ свѣтѣ въ Церендорфъ, гдѣ напьется чаю и пуншу, и закончитъ вечеръ танцами.

— Bravo! bravo! вотъ такъ планъ! bravo! вскричалъ Артуръ, съ восторгомъ хлопая въ ладоши.

— Я знала, что онъ заслужитъ твое одобреніе, милый Артуръ, сказала хорошенькая Герминія, протянувъ ему черезъ столъ руку и ласково улыбаясь, — ты знатокъ этихъ вещей и я особенно разсчитываю на тебя. — На васъ я не разсчитывала, прибавила она, быстро повернувшись ко мнѣ.

— Я и не говорилъ этого, и не думалъ даже, фрейлейнъ Герминія, отвѣчалъ я.

— Вотъ поэтому-то въ подобныхъ вещахъ на васъ не разсчитываютъ, да и не должно разсчитывать. Вы объ этомъ не думаете! Еще бы! Какъ же можно думать, когда голова полна серьезныхъ плановъ!

Герминія не имѣла обыкновенія особенно дружески обращаться со мною; но тутъ обращеніе ея было такъ поразительно неприязненно, и злоба ея такъ видимо непонятна, что могла поразить каждаго безпристрастнаго слушателя, не говоря уже о штейерратѣ и урожденной, вовсе не безпристрастныхъ: они стали бросать Артуру многозначительные взгляды, какъ бы поощряя его ковать желѣзо, пока оно горячо. Очевидно, что и Артуръ имѣлъ это похвальное намѣреніе, но не зналъ хорошенько, какъ привести его въ исполненіе, и удовольствовался тѣмъ, что бросилъ на Герминію масляный взглядъ и покрутилъ свои черные усыки. И другимъ послѣднія слова Герминіи, или лучше сказать раздражительный тонъ, какимъ они были произнесены показался, знакомъ, что происходитъ что-то необыкновенное. Фрейленъ Дюффъ, которая съ самаго начала обѣда была особенно блѣдна и смущена, подняла какъ бы въ отчаяніи глаза свои къ потолку, въ то время, какъ юстицратъ пристально уставилъ глаза на салатникъ съ салатомъ и короткими пальцами лѣвой руки барабанилъ по столу; Эмилія взоромъ своимъ спрашивала свою подругу Элизу, а Элиза Эмилію; Эмилія спрашивала этимъ взоромъ: „Слѣдуетъ ли мнѣ, невинному ребенку, знать эти вещи, а Элиза отвѣчала: забавляйся, забавляйся, кроткій ангелъ, и предоставь это уже намъ, опытнымъ!“ Даже самъ Вильгельмъ Клувгунъ, стоявшій съ салфеткой у буфета, изобразилъ недоумѣніе на своемъ лицѣ, и показывалъ, что оборотъ, который принимаетъ дѣло, ему вовсе не нравится, и толь-

во коммерціи совѣтникъ, такъ занялся съ другимъ лакеемъ, откупоривавшемъ бутылку знаменитаго гохгеймера, что ничего не слышалъ и не зналъ, почему вдругъ наступило всеобщее молчаніе. Онъ съ самымъ невиннымъ видомъ посмотрѣлъ на всѣхъ и кротко проговорилъ: „Прошу извиненія, о чемъ это шла рѣчь?“

Странное выраженіе, замѣченное мною въ различныхъ отбѣнкахъ на лицахъ присутствующихъ, стало еще мрачнѣе. Тишина стала еще мертвеннѣе. Другой лакей Іоганнъ, только-что хотѣвшій откупорить гохгеймеръ двадцать второго года, остановился, а тарелки какъ-то безпокойно загремѣли въ вообще привычныхъ рукахъ Вильгельма, когда штейerratъ, налившій дрожашей рукою стаканъ вина, сказалъ: „Наша милая Герминія замѣтила, что въ невинныхъ удовольствіяхъ, столь пріятныхъ юношеству, нельзя разсчитывать на нашего Георга—простите Георгъ, что я все зову васъ по старому, по имени—такъ какъ у него въ головѣ такъ много другихъ важныхъ вещей, съ чѣмъ нельзя не согласиться.“

Коммерціи совѣтникъ налилъ собственноручно въ большія рюмки драгоцѣннаго вина—только на палецъ отъ дна, а иначе не слышно было бы настоящаго букета—и такъ былъ этимъ занятъ, что только спустя нѣкоторое время отвѣтилъ ему какъ-то особенно протяжно:

— Важныя вещи? Ахъ, что за вино!—важныя вещи?—право, цвѣтъ Рейна!—въ головѣ?—Конечно, сегодня утромъ мы заключили условіе: онъ продастъ мнѣ Церендорфъ, а я куплю ему мѣсто, что подлѣ нашей фабрики въ Берлинѣ,—я думаю, что такія вещи займутъ хоть какую угодно голову!

Я былъ крайне удивленъ, что коммерціи совѣтникъ, котораго я зналъ всегда за чрезвычайно осторожнаго человѣка, вдругъ говорилъ тутъ въ кругу своихъ знакомыхъ о дѣлѣ, рѣшенномъ нами только часа два тому назадъ и которое я считалъ кромѣ того тайной, и говорилъ при юстицратѣ, для котораго мое внимательство никакъ не могло быть лестнымъ. Я былъ такъ удивленъ такимъ недѣловымъ и непостижимымъ поведеніемъ вообще благоразумнаго старика, что краска бросилась мнѣ въ лицо.

Молчаніе наступило снова и снова появилось странное выраже-

ніе на лицахъ присутствующихъ. На этотъ разъ молчаніе это было прервано голосомъ Герминіи:

— Развѣ я не говорила вамъ, Эмилиа, что господинъ Гартвигъ ужасный аристократъ? Онъ никакъ не можетъ согласиться, чтобы такое старое помѣстье попало не въ дворянскія руки. Оно не для насъ, плебеевъ. Но что намъ придется ухъать изъ мѣста, къ которому мы привязались втеченіе семи лѣтъ, ему нѣтъ никакого дѣла. Мы должны быть довольны, куда бы насъ ни сунули.

Голосъ ея дрожалъ, а вѣки покраснѣли, какъ будто бы она съ трудомъ удерживала слезы. Молчаніе все увеличивалось, и коммерціи совѣтникъ совершенно напрасно возвысилъ голосъ, говоря:

— Иначе и быть не можетъ. Нельзя же и Богу свѣчу и чорту кочергу; Георгъ служить своему дѣлу и заботится о каждой лишней копѣйкѣ, которую можетъ доставить бѣднымъ работникамъ, и потому невнимателенъ къ женщинамъ.

— Это не то, что ты, Артуръ; твой девизъ иной, сказала урожденная одобряющимъ тономъ.

— *Noblesse oblige!* многозначительно вскричалъ штейнerratъ.

— *Mon coeur aux dames!* сказалъ Артуръ, приложивъ свою изящную руку къ сердцу, и наклонился къ Герминіи.

Юстицратъ и спутницы его ничего не сказали, и только значительно посмотрѣли другъ на друга, какъ бы говоря, что это дѣло семейное, въ которое постороннимъ мѣшаться не слѣдуетъ.

Послѣ этого снова наступило тяжелое молчаніе, прерванное на этотъ разъ, — когда положеніе сдѣлалось уже до крайности неловкимъ, — Вильгельмомъ Клубкуномъ, сморкнувшимъ слишкомъ громко, что было непристойно благовоспитанному лакею даже въ минуту всеобщаго смущенія. Фрейленъ Дуффъ, судорожно сложившая при послѣднихъ словахъ коммерціи совѣтника свои сухія руки на груди и поблѣднѣвъ, какъ человекъ лишающійся своей лучшей надежды, истерически зарыдала, а Герминія вдругъ встала и, прижимая кружевной платокъ свой ко лбу и щекамъ, попросила извиненія, что произвела непріятное впечатлѣніе на общество дурнымъ расположеніемъ духа, но что у ней такъ сильно болитъ голова, что она принуждена уйти къ себѣ въ комнату.

Не думаю, чтобы ктонибудь изъ присутствующихъ повѣрилъ ей головной боли, что однакожь не помѣшало обвинить Элеонорамъ включить съ мѣсть. Онѣ подонили съ обѣихъ сторонъ съ очевиднымъ намѣреніемъ составить группу, но Герминія взяла уже подъ руку рыдавшію гувернантку и вышла изъ комнаты, болѣзненно улыбаясь всѣмъ — за исключеніемъ меня.

За исключеніемъ меня, мимо котораго взгляды ея промелькнули, какъ будто бы стулъ мой былъ не занятъ, что замѣтило и все остальное общество. Никто болѣе не говорилъ и не смотрѣлъ на меня, и я никогда не могъ забыть, что у Вильгельма Клукуна достало въ эту роковую минуту храбрости стать за моимъ стуломъ и спросить меня не вполне конечно твердымъ голосомъ:

— Неудобно ли, господинъ инженеръ, еще рюмке гохгеймеру?

Я взглянулъ на рюмку и сталъ пить, медленно глотая съ видомъ знатока; но я солгалъ бы, если бы сталъ утверждать, что дѣйствительно наслаждался превосходнымъ виномъ. Какъ ни старался я казаться неразстроеннымъ, я все-таки былъ смущенъ. Неприятная вещь подвергнуться гнѣву молодой дѣвушки при цѣломъ обществѣ!

Въ счастію, мнѣ не пришлось долго испытывать свою силу. Обѣдъ скоро кончился, общество поспѣшно разошлось, я пошелъ въ садъ, чтобы подумать, покуривая сигару, обо всемъ, что случилось.

Всего тягостнѣе для меня было поведеніе общества. Оно бросило мнѣ какъ только замѣтило, что игра моя проиграна. Я зналъ, что родители Артура не отказались отъ надежды, что сынъ ихъ выйдетъ когданибудь на своей богатой кузинѣ; что ихъ тупая жестъ и лживыя увѣренія Артура въ его дружбѣ были только средствомъ скрыть отъ меня по возможности ихъ намѣренія, и крокъ еще дѣйствовать на меня ласкою, такъ какъ они вѣроятно боялись открытой враждой испортить все дѣло.

Юстицратъ и обѣ Элеоноры унеслись вмѣстѣ съ потокомъ! Все это было очень и очень понятно; но коммерци-то совѣтники? Развѣ не было похоже, что тяжелую обѣденную сцену онъ подготовилъ или намѣренно допустилъ? Вообще онъ очень хорошо умѣлъ вести иное направленіе разговору, который ему не нравился! И

если ему дѣйствительно необходимо было мое содѣйствіе при продажѣ, то зачѣмъ же онъ говорилъ съ Герминіей о дѣлѣ, которое еще было невѣрно? Говорилъ именно съ нею, зная, какъ она противъ этого проэкта, и зная, какъ она будетъ недовольна тѣмъ, кто приведетъ его въ исполненіе? Зачѣмъ предалъ онъ меня, связаннаго по рукамъ и по ногамъ, ея гнѣву? Не хотѣлъ ли онъ мной прикрыться? Такая штука очень походила на него; онъ любилъ сваливать тяжести на другихъ; или все это было нѣчто другое? Не игралъ ли старый хитрецъ въ свою обычную игру, и не прикрывался ли полнымъ незнавіемъ, что вокругъ него дѣлалось, до такой степени, что будто бы не зналъ, что я уже полгода работалъ у него на фабрикѣ? И теперь, неужели онъ случайно поставилъ своего „молодого друга“ въ такое непріятное положеніе относительно его прекрасной и вспыльчивой дочери? Или онъ игралъ со мной въ предательскую игру, отдавъ меня съ самаго начала моего пребыванія въ Церендорфѣ на произволъ капризамъ своей дочери?

Кровь бросилась мнѣ въ голову, когда я пришелъ къ этому заключенію, и мною все болѣе и болѣе овладѣвало совершенно новое чувство. Вообще мнѣ бывало легко прощать своимъ обидчикамъ, такъ что я часто называлъ себя слабохарактернымъ, чловѣкомъ безъ сердца и желчи; а тутъ мнѣ никакъ не удавалось забыть обиду. Отчего же тутъ припомнились мнѣ каждый взглядъ, брошенный мнѣ за обѣдомъ, презрѣніе и равнодушіе, постоянно выказываемыя мнѣ — отчего все это припомнилось мнѣ до мельчайшихъ подробностей? И отчего я чуть не задыхался отъ происшествія, которое прежде перенесъ бы совершенно спокойно? Оттого что во мнѣ явилась новая жила, на которую я вдругъ наткнулся, жила, изъ которой полилась въ мою вообще спокойную кровь кровь черная, желчная, горячая и страстная. Я почувствовалъ первый приступъ, первое сильное волненіе честолюбія, страстное желаніе добиться своего безъ посторонней помощи, почувствовалъ униженіе и стыдъ при мысли о неудачѣ, и отчаянную рѣшимость достигнуть цѣли, несмотря ни на какія препятствія!

Достигнуть цѣли! Но какой? Той ли, о которой я думалъ, ког-

да ѣхалъ сюда или другой? Или и той и другой въ одно и тоже время? Въ ту минуту мнѣ конечно могла прійти въ голову глубокая и грустная мудрая истина, что трудно служить въ одно и тоже время и Богу и Мамону.

Я сѣлъ на скамейку, стоявшую въ густыхъ кустахъ. Мѣстечко было прелестное. Птички щебетали такъ весело, легкій вѣтерокъ, летѣвшій изъ сада, приносилъ съ собой чудный запахъ цвѣтовъ, на ясномъ голубомъ небѣ свѣтило также теплое солнышко, мѣсто было такъ хорошо и погода такъ очаровательна, что я не могъ устоять противъ увлеченія, какъ ни пытался. Кровь моя начала течь спокойнѣе, вниманіе мое было привлечено двумя дятлами, устроившими свое гнѣздо въ отверстіи дерева, недавно пересаженнаго изъ россосфскаго парка, и безпрестанно выбѣгавшими изъ своего гнѣзда и снова убѣгавшими въ него. Это было такое мирное, хорошее зрѣлище; птички торопились и работали прилежно, очевидно только изъ любви, и свѣтъ показался мнѣ не такимъ дурнымъ, какъ казался часъ тому назадъ.

Съ этой мыслью я закрылъ глаза и вѣроятно заснулъ, потому что увидѣлъ, какъ вдругъ кусты, за которыми шла тропинка, передо мною раздвинулись, и въ отверстіе показалось лицо, лицо хорошенькой дѣвушки, освѣщенное солнцемъ, и по которому играла тѣнь отъ вѣтовъ, вслѣдствіе чего, или можетъ быть оттого, что это былъ сонъ, я не могъ хорошенько рассмотреть, выражали ли голубые глаза гнѣвъ или любовь. Когда же я открылъ глаза, то я увидѣлъ совершенно ясно въ кустахъ то мѣсто, но конечно прелестнаго личика въ немъ не было; но за то до слуха моего донеслись въ это же самое время громкій смѣхъ, крики и удары бича и вскрикиванье отъ боязни и мольбы, и наконецъ вдругъ такой крикъ отчаянія, что я вскочилъ съ своего мѣста и бросился къ мѣсту, откуда долетали голоса.

Это былъ кружокъ, обсаженный кустами, въ родѣ манежа, гдѣ я самъ въ продолженіи своего пребыванія въ Церендорфѣ постоянно упражнялся въ наѣздничествѣ подъ руководствомъ стараго кучера Антона, бывшаго прежде кавалеристомъ. Въ первое утро я упражнялся втихомолку, потому что зналъ, что Герминія, стра-

стная наѣздница, постоянно въ продолженіи утра учится верховой ѣздѣ. Недавно же Антонъ сообщилъ мнѣ, что и фрейленъ Дуффъ принимаетъ участіе въ этихъ упражненіяхъ по желанію Герминія, которая вдругъ вбила себѣ въ голову, что ей надо нѣтъ въ ея прогулкахъ по окрестностямъ когонибудь провожатымъ кромѣ конюха, часто оставляемаго ею дома. Эта прихоть казалась мнѣ невѣроятною, хотя Антонъ, вовсе не похожій на шута, рассказывалъ мнѣ объ этомъ совершенно серьезно. Вскорѣ однакожь мнѣ пришлось убѣдиться въ истинѣ его словъ.

Въ серединѣ манежа стояли Артуръ, постоянно хлопавшій огромнымъ бичомъ; Герминія, громко хохотавшая, и обѣ Элеоноры—все еще въ безпорочномъ бѣломъ цвѣтѣ — въ граціозной позѣ, и наконецъ Антонъ, очевидно незнавшій, исполнять ли ему постоянно отдаваемый приказъ Артура: „Не троньте!“ или уступить мольбамъ фрейленъ Дуффъ и снять несчастную съ лошади. Должно быть лошадь въ первый разъ не вела въ поводу, и потому неловкая и трусливая наѣздница пришла отъ этого въ смертельный страхъ. Она въ совершенномъ отчаяніи охватила обѣими руками лошадь за шею, которая, съ своей стороны, старалась освободиться отъ съѣхавшей съ сѣдла наѣздницы, и откидывала назадъ голову. Хотя эта картина была невыразимо смѣшна, но я не могъ ни минуты видѣть пріятельницы своей въ подобномъ положеніи и не подать ей помощи, и потому быстрыми шагами подбѣжалъ къ ней, остановилъ лошадь и снялъ потерявшуюся всадницу съ сѣдла. Я хотѣлъ осторожно поставить ее на землю, и умолялъ не дѣлать сценъ. Но какъ прежде охватывала она шею лошади, такъ точно теперь охватила мою и находила, казалось, огромное удовольствіе лишиться чувствъ въ моихъ объятіяхъ и у меня на груди. Подобное положеніе могло бы быть пріятно для рыцаря при другихъ обстоятельствахъ, но оно непріятно, если ноша уже въ почтенныхъ лѣтахъ, и невыносимо, если присутствующіе вмѣсто того, чтобы освободить его отъ нея, хлопаютъ въ ладоши какъ пошпаннанные, и во все горло хохочутъ.

И Герминія и Артуръ хохотали безъ умолку, а изъ двухъ Элео-

норъ вторая взглянула на первую, какъ бы спрашивая: можно ли ей захохотать?

— Дуффочка! Дуффочка! кричала Герминія, — вѣдь я всегда говорила тебѣ, чтобъ ты остерегалась его!

— Фрейленъ Дуффъ! вскричалъ Артуръ, — зажмурьте глаза покрѣпче.

— Можно? нетерпѣливо спрашивала вторая Элеонора, на что первая отвѣчала: „Смѣйся, невинный ангелъ!“ и послѣдовала сама доброму примѣру.

— Идите, и оставите ихъ однихъ, имъ вѣроятно надо еще о многомъ переговорить! вскричала Герминія, и побѣжала, неистово хохоча. За ней послѣшила и вся компанія, тоже смѣясь во все горло. Смѣялся даже и серьезный Антонъ, уходившій съ лошадыю, которая въ свою очередь громко фыркала, что вѣроятно тоже означало и ея смѣхъ. Вскорѣ я очутился одинъ съ ношей на рукахъ, пристыженный, оскорбленный, разсерженный, даже взбѣшенный, какъ не бывало со мною во всю мою жизнь. Будь тутъ какойнибудь лотокъ, мнѣ кажется, я безъ дальнѣйшихъ разсужденій бросилъ бы въ него несчастную гувернантку. Къ счастью, потока тутъ не было, и фрейленъ Дуффъ очулась лишь только смѣхъ удалявшейся молодежи сталъ слабѣе доноситься къ намъ, и, освободивъ мою шею отъ своихъ объятій, прошептала: „Ричардъ, вы мой спаситель!“

Но Ричардъ вовсе не былъ расположенъ сочувствовать сантиментальностямъ бѣдной гувернантки; въ ту минуту въ груди Ричарда было не львиное сердце, а напротивъ того, мелочное, невеликодушное, истительное, тщеславное сердце, и поэтому онъ безъ всякихъ церемоній опустил на землю фрейленъ Дуффъ и стоялъ передъ бѣдняжкой нахмуривъ брови и бросая сердитые взоры, такъ что она всплеснула руками и боязливо прошептала: „Ричардъ, ради Бога не приходите въ отчаяніе, хотя туча и налетѣла, но солнце тѣмъ не менѣе осталось на небѣ.“

— Фрейленъ Дуффъ, сказалъ я, — мнѣ не хотѣлось бы огорчать васъ, но я долженъ сознаться, что въ настоящую минуту вовсе не имѣю желанія шутить, и еще менѣе желаю служить для другихъ предметомъ шутокъ. Поэтому прошу извинить меня.

И я высвободилъ, не безъ труда однакожь, руку свою изъ ея рукъ. Но отойдя на нѣсколько шаговъ, я услышалъ за собою такой горькій плачь и рыданія, что не могъ утерпѣть и вернулся. Она стояла въ зеленой амазонкѣ, длинный шлейфъ которой спутался вокругъ ея ногъ, а надъ свѣтложелтыми разтрепаннѣшими локонами возвышалась измятая шляпа съ зеленымъ вуалемъ, свѣсившимся не назадъ а впередъ на лицо.

— Милая, дорогая фрейленъ! сказалъ я. — Идите! Вѣдь у васъ было доброе намѣреніе!

И я, взявъ подъ руку плававшую гувернантку, тихо повелъ ее съ мѣста приключенія, стараясь успокоить дружескими словами, и привелъ къ скамейкѣ, гдѣ сидѣлъ прежде, и посадилъ ее уже совершенно обезсиленную. Такъ сидѣли мы нѣкоторое время рядомъ. Я мрачно смотрѣлъ себѣ подъ ноги, а она рыдала все тише и тише и наконецъ, поднявъ на меня заплаканные глаза, сказала:

— Какъ благодарить мнѣ васъ за вашу доброту, вѣрный, благородный другъ?

— Не говорить объ этомъ болѣе ни слова, отвѣчалъ я, — вы отблагодарите меня, если ни однимъ словомъ не будете напоминать мнѣ объ этой смѣшной сценѣ, вѣланусъ, послѣдней въ печальной комедіи, которую, къ несчастію, я такъ долго позволялъ играть съ собой.

— Комедія! сказала фрейленъ Дуффъ, прижимая одной рукою платокъ къ глазамъ, а другою удерживая меня, такъ какъ я вскочилъ съ своего мѣста. — Вамъ надо успокоиться, милый Карлъ — кровь ваша волнуется — садитесь тутъ — и прогоните лихорадочный мрачный бредъ!

Какъ ни былъ я взбѣшенъ, но расхохотался и снова сѣлъ подлѣ нея.

— Ахъ! вскричала фрейленъ Дуффъ, — вы добры и снисходительны, и знаете людей — и неужели можете обмануться въ душѣ дѣвушки, душѣ, которая для меня такъ же ясна, какъ это небо, проговорила она и восторженно подняла руки вверхъ, гдѣ сквозь густые, цвѣтущіе кусты виднѣлось голубое небо, озаренное весеннимъ солнцемъ.

— Какже можно знать то, что само себя не знаетъ?

— Вы ошибаетесь, другъ мой, отвѣчала гувернантка, — вы принимаете безпокойный полетъ безкорыстной, дѣвственной души за попытку унестиcя совсѣмъ, но она стремится къ вамъ, робкая птичка, только къ вамъ однимъ!

— Ради Бога и ради всѣхъ святыхъ замолчите! Этими рѣчами вы сводите меня съ ума, вскричалъ я, вскочивъ дѣйствительно, какъ сумасшедшій, и забѣгавъ въ волненіи по маленькой площадкѣ, — я не хочу и не хочу болѣе ни о чемъ знать и ничему вѣрить, если даже услышу изъ ея собственныхъ устъ!

— И услышите! сказала фрейленъ Дуффъ.

Я насмѣшливо захохоталъ.

— И услышите! повторила она, — только терпѣніе, Ричардъ, терпѣніе!

— Къ чорту терпѣніе! вскричалъ я.

— О чемъ идетъ пари? сказала гувернантка, поднимая указательный палецъ прозрачной руки и лукаво улыбаясь, — я напоми^ю вамъ старину, да старину — развѣ я не помню, какъ будто бы это было вчера, какъ она плакала восьмилѣтней дѣвочкой, что прекраснаго, красиваго юношу, котораго она такъ цѣнила, посадили въ тюрьму; какъ она называла Георгами всѣхъ своихъ куколъ и сажала ихъ въ клѣтку къ попугаю, я, стоя передъ клѣткой, говорила, что любимецъ ея сидитъ въ темницѣ, и что Жюко, тюремщикъ, хочетъ клювомъ своимъ оторвать ему голову. И когда я, какъ хорошая воспитательница, стараясь облечь такое странное проявленіе горя въ поэтическую форму, рассказала ей о Ричардѣ Львиное сердце, и о вѣрномъ пѣвцѣ Блонденѣ, то она облекла идеалъ свой въ образъ Ричарда, и всюду васъ искала, пока дѣйствительно не нашла. Случаю, или лучше сказать, богу любви угодно было, чтобы она увидѣла васъ въ заключеніи, хотя блѣднѣющъ, но по-прежнему красивыиъ и величественнымъ, и такъ сохранился образъ вашъ въ ея душѣ впродолженіи шести, семи лѣтъ, и ни одной минуты не измѣнила она своему Ричарду. Вы щодовѣрчиво улыбаетесь, другъ мой! Вы не знаете, какъ драгоценна душа истой женщины. Семь лѣтъ! Это кажется вамъ вѣч-

ностью! Другъ мой, я знаю сердца, любившія тридцать пять лѣтъ, и любившія безнадежно.

И добрая дѣвушка прижала платокъ къ глазамъ и громко зарыдала, но потомъ скоро оправилась и сказала:

— Но теперь не до этого; въ настоящую минуту я не хочу еще болѣе отягощать ея прекрасное сердце и безъ того уже удрученное своей собственной тяжестью, трагизмомъ чужой жизни, для которой вслѣдствіе недоразумѣнія наступила вѣчная ночь. На вашечъ же горизонтѣ не ночь, а только проходящая туча, а недоразумѣніе вышло отъ невѣрнаго слова, потому что вы понимаете другъ друга, какъ вотъ эти двѣ птички, — и фрейленъ Дуффъ показала въ кусты, гдѣ сидѣла пара зябликовъ, — но только вы люди съ людскимъ тщеславіемъ и людскимъ высокомеріемъ. А она, право, вовсе не то, чѣмъ кажется! Какъ она унижалась передъ вашей любовью, когда оставалась одна, или со мною, отъ которой у нея нѣтъ тайнъ. Какъ часто стояла она передо мною на колѣняхъ, спрятавъ лицо у меня на груди, и говорила, что ея милый недосыгаемъ для нея какъ звѣзда; что она никогда не надѣется быть достойной его, челоуѣка мужественнаго, сильнаго, непоколебимаго. Ахъ, другъ мой, она гордится вами! Какъ мечтала она, когда милая фрейленъ Паула написала ей, какъ вы отличились въ ночь бури, и восклицала, что нѣтъ на свѣтѣ другого подобнаго вамъ челоуѣка, и бредила вами, когда прошлой осенью вы явились нашимъ спасителемъ на пароходѣ. Да, другъ мой, она сознается въ этомъ всѣмъ, — но только не вамъ. Развѣ она не пожелала имѣть портретъ своего Ричарда, несмотря на всѣ возраженія безсердечнаго отца! Развѣ она не хранила, какъ святыню, этотъ портретъ, и не устроила достойной ему обстановки, убравъ по-восточному свою комнату, — ту самую комнату, въ которой вы теперь живете? Ей казалось, что другія недостаточно хороши для ея Ричарда. И ея Ричарда надо было помѣстить въ этой комнатѣ, хотя прислуга покачивала головами, а тиранъ-отецъ скверно бранился, и даже я, должна сознаться, дѣлала скромныя замѣчанія. Другъ мой, для этого — для такого поступка, который могъ бы казаться легкомысленнымъ, еслибъ не былъ возвышеннымъ, нужно му-

жество, увлеченіе, нужно искреннее убѣжденіе, нужна высокая идеальная любовь. Въ мірѣ многое свѣтлое затемняется — это вѣковая истина, и на долю Герминіи, повѣрьте мнѣ, выпало тоже мученичество; не каважный трудъ ужиться съ подобнымъ отцомъ. Я не хочу дурно говорить о немъ, и ничего не скажу о немъ, потому что въ этомъ дѣлѣ не знаешь, гдѣ начать, гдѣ кончить? А тѣмъ не менѣе она сдѣлала невозможное: волкъ теперь ползаетъ у ногъ овечки.

— Это я видѣлъ сегодня за обѣдомъ, сказалъ я.

— Не напоминайте мнѣ, вскричала фрейленъ Дуффъ, — объ этомъ несчастномъ обѣдѣ, за которымъ она снова доказала любовь свою. Не улыбайтесь такъ горько! развѣ съ давнихъ поръ самой любимой мечтой ея не было жить съ своимъ Ричардомъ здѣсь, въ мѣстности столь для нея дорогой, и вдругъ узнать, что изъ этого рая ее изгоняютъ, и что изгоняющій ангелъ съ огненнымъ мечомъ есть никто иной, какъ желанный повелитель этого рая?

— Но развѣ я изгоняю? Какъ можетъ она сваливать на меня отвѣтственность въ дѣлѣ, объ осуществленіи котораго, какъ ей извѣстно, мечтаетъ ея отецъ, вѣроятно нарочно подготовившій сегодняшнюю сцену.

— Очень можетъ быть, отвѣчала фрейленъ Дуффъ, — кто пойметъ намѣренія хитраго старика? Сколько я помню, она сама говорила нѣчто подобное, когда, прійдя къ себѣ въ комнату, облегчила сердце свое потокомъ слезъ.

— Что кажется ей хорошо удалось, если судить по тому, что сейчасъ произошло, сказалъ я.

— Другъ мой, сказала гувернантка, — будьте такъ же терпѣливы, какъ я. На всѣ капризы влюбленной дѣвушки я отвѣчаю слезами участія и улыбкой.

— Всякому воля позволять себя мучить, милая фрейленъ.

— Мнѣ нечего болѣе говорить, сказала фрейленъ Дуффъ, прижимая ко лбу свою плоскую руку, — всѣ мои старанія разбиваются объ васъ.

— Ну, такъ прекратите этотъ разговоръ, мнѣ давно уже пора отправляться въ Россюфъ.

Я всталъ, гувернантка тоже встала, смѣло перекинула хвостъ

своей амазонки черезъ лѣвую руку и взяла меня правою подѣ руку.

— Ричардъ, не отправляйтесь въ Россофъ; это нехорошо, послушайте меня, у меня есть предчувствіе Кассандры.

— Я самъ, хотя и совершенно по другимъ причинамъ, неохотно отправляюсь туда, отвѣчалъ я; — но я рѣшился исполнить свою обязанность и сдержать обѣщаніе, которое далъ коммерціи совѣтнику, взялъ ли онъ его съ меня съ добрымъ или дурнымъ намѣреніемъ, и что бы изъ этого ни вышло.

— Гордъ, какъ испанецъ! отвѣчала фрейленъ Дуффъ, мечтательно поднимая глаза къ небу, — но не всегда гордый увозить невѣсту, иногда цѣли достигаетъ скорѣе и хитрый. Руки ея просить смѣлый юноша — развѣ вы не боитесь Артура?

— Чтобы бояться даже его, надо сначала надѣяться или желать; сколько мнѣ извѣстно, я не утверждалъ ни того, ни другого.

Фрейленъ Дуффъ со страхомъ вырвала свою руку изъ моей, и, остановившись, вскричала:

— Боже мой, что я слышу? И какъ слѣдуетъ понимать это? Ради всего, Родерихъ, на что ты только надѣнешся на небесахъ: развѣ вы ее не любите? Неужели вы дѣйствительно любите Паулу, какъ хитрый Артуръ постоянно увѣряетъ ее?

Отвѣтъ на такой неловкій вопросъ остался за мною, потому что въ эту самую минуту черезъ садъ прошелъ Вильгельмъ, и сказалъ, что экипажъ изъ Россофа уже ждетъ меня съ полчаса, и что онъ всюду искалъ меня.

— Прощайте, фрейленъ Дуффъ, сказалъ я.

— И нѣтъ отвѣта — нѣтъ? вскричала гувернантка, лицо которой выражало боязливое ожиданіе.

— Вотъ мой отвѣтъ, отвѣчалъ я, указывая на экипажъ.

Кассандра находила вѣроятно, что загадки часто трудно разрѣшить и самой ясновидящей, потому что, когда экипажъ выѣзжалъ изъ воротъ, я видѣлъ ее все на томъ же мѣстѣ, гдѣ оставилъ, и гдѣ она стояла въ позѣ молящагося мальчика, съ поднятыми къ небу очами и руками.

ГЛАВА XV.

Когда по отличной просалочной дорогѣ меня несла изъ Церендорфа черезъ Трантовницъ въ Россофъ породистая превосходная пара лошадей, запряженная въ легкую колясочку, я на себѣ испытывалъ, что не всегда легко исправлять должность оракула. День былъ прелестный. Тамъ и сямъ по свѣтлому голубому небу носились бѣлые облака, тѣнь отъ которыхъ придавала нѣкоторое разнообразіе нѣскольکو монотонному ландшафту. Изъ обширнаго поля молодого зеленого посѣва, колыхавшагося отъ легкаго западнаго вѣтерка, поднимались и пѣли жаворонки, а черезъ пустоши, прорѣзанныя торфяными канавами, между буками Трантовница и соснами Россофа, пролетали пиголицы, а гдѣ-то вдали безъ усталы куковала кукушка. Вся эта картина до мельчайшихъ подробностей вѣздалась мнѣ въ память, можетъ быть, потому, что она составляла такую противоположность съ мрачностью моей души. Нескромный вопросъ гувернантки заколыхалъ завѣсу тайны моего сердца, до которой я самъ не дотрогивался все это время. Заколыхалъ, но не приподнял! У меня не было мужества или силы — что въ сущности одно и то же — докончить начатое, и какъ всегда, въ подобныя минуты смущенія, человекъ, чтобы не растеряться, хватается за какую нибудь цѣль, такъ и я ухватился за рѣшимость не доволять голосу сердца своего виѣшиваться въ дѣло, за которое я взялся, хотя бы отъ этого оно разбилось. Вслѣдствіе такой рѣшимости, я ждалъ переговоровъ съ спокойствіемъ, самого меня изумляющимъ, въ особенности когда я припоминалъ, гдѣ и какъ я встрѣтился съ молодымъ принцемъ, и при какихъ странныхъ обстоятельствахъ всегда сталкивался съ нимъ. Но думалъ я объ этомъ не много и, безпокойно ворочаясь на своемъ мѣстѣ, говорилъ самъ себѣ, что здѣсь я попалъ въ такой лабиринтъ, что одной встрѣчей болѣе или менѣе ровно ничего не измѣнится. И надо идти впередъ, потому что возврата быть не можетъ!

Насъ окружили россоефіскія сосны чуднаго стараго высокаго лѣ-

са и дорога пошла песчаная, заставившая кучера ѣхать шагомъ; я выскочилъ и пошелъ крупными шагами подлѣ экипажа, который вскорѣ оставилъ далеко за собою. Деревья становились все громадѣе, тишина увеличивалась и торжественный полумракъ дѣлался таинственнѣе, пока наконецъ я вдругъ не вышелъ на сравнительно небольшую лужайку, окруженную прелестными деревьями, посреди которой стоялъ потемнѣвшій отъ старости небольшой замокъ, съ крутой высокой кровлей, со всевозможными башенками, выступами, заросшими плющомъ, и горѣлъ отъ вечерняго солнечнаго освѣщенія. Это былъ охотничій замокъ Россофъ, гдѣ временно жилъ молодой сосланный принцъ.

Старый слуга, сѣдой, какъ дунь, сидѣвшій въ готическихъ воротахъ, подошелъ ко мнѣ и вѣжливо спросивъ, что мнѣ нужно, сказалъ, что его сіятельство давно уже ждутъ меня, и повелъ черезъ небольшія сѣни, странно убранныя всевозможными гербами и оружіями, по нѣсколькимъ ступенямъ къ готической, искусно убранной желѣзными украшеніями, двери, которую онъ отворилъ, и, низко кланяясь, прошепталъ, что его сіятельство приказалъ впустить меня безъ доклада. Я прошелъ нѣсколько шаговъ по комнатѣ и очутился передъ молодымъ принцемъ.

Онъ приподнялся съ широкаго дивана, на которомъ вѣроятно заснулъ, ожидая моего прибытія; по крайней мѣрѣ, его нѣжное, блѣдное и пріятное лицо приняло выраженіе смущенія, и онъ не сразу сообразилъ, что вокругъ него происходитъ.

— Ахъ, да, сказалъ онъ наконецъ, — господинъ.....извините пожалуйста.....у меня такая плохая память на имена.....Гартвигъ?.... Ахъ! извините....Гартвигъ! такъ, такъ! Какъ любезно съ вашей стороны, что вы пріѣхали! очень любезно! Прощу садиться! Вы курите? Вотъ сигары! Закуривайте! Право очень любезно!

Онъ снова сѣлъ въ уголокъ дивана и полузакрывъ глаза, какъ будто желалъ снова заснуть. Я воспользовался этимъ, чтобы бѣглымъ взглядомъ осмотрѣть комнату.

Это была большая, не очень высокая, старинная комната съ темными дубовыми карнизами, по стѣнамъ которой, тоже обдѣланнымъ дубомъ, висѣли портреты мужчинъ и женщинъ. Она освѣщалась

однимъ широкимъ окномъ съ маленькими пестрыми стеклами, пропускавшими слабый свѣтъ. Мебели было много и все въ томъ же старинномъ вкусѣ; широкія кресла, шкафы и столы, богато украшенные перламутромъ и слоновою костью. А на каминѣ, между кубками изъ стариннаго серебра и вазами изъ хрустала, стояли большіе часы, чрезвычайно искусно сдѣланные съ различными причудливыми затѣями, — чудо искусства во вкусѣ рококо.

На большомъ коврѣ изъ медвѣжьей шкуры, передъ каминомъ, лежала славная длинношерстая собака, приподнявшая немного голову при моемъ входѣ, и потомъ снова положившая ее между двухъ переднихъ лапъ. Часы на каминѣ тихо стучали; передъ окномъ цѣлъ черный дроздъ; шаги стараго слуги раздавались по каменному полу сѣной, и молодой принцъ, отерывъ большіе, утомленные глаза, сказалъ: — О чемъ же мы говорили?

— Мы? съ удивленіемъ спросилъ я.

— Да, да! сказалъ онъ, — мы еще совсѣмъ не говорили. Извините меня, но право ничего нѣтъ удивительнаго, если я совсѣмъ разучился говорить; вотъ уже два мѣсяца, какъ я сижу въ этомъ противномъ гнѣздѣ, точно слѣпой филинъ! Иногда я рассматриваю свои ногти, страшась убѣдиться не превратились ли они въ когти, какъ у филина. Ахъ, какая скука! Ну, а теперь намъ надо приняться за наше дѣло. Будьте такъ добры, подвиньте мнѣ ящикъ съ сигарами, и если васъ не затруднитъ, дерните за звонокъ, что около васъ на лѣво.

Я исполнилъ его желаніе; старый лакей принесъ бутылку и два стакана.

— Можешь отправляться, сказалъ принцъ, — мы сами нальемъ себѣ.

Старикъ поставилъ подносъ передъ нами на столъ и снова удалился.

— Наливайте себѣ, сказалъ принцъ, — и мнѣ также, если осмѣлюсь попросить; намъ надо промочить горло для сухого дѣла.

Несмотря на такія приготовленія, онъ не спѣшилъ приняться за дѣло, и такъ внимательно осматривалъ свои ногти, какъ будто действительно отерылъ первые признаки когтей филина. По-

томъ онъ подавилъ зѣвоту и, казалось, приготовился снова сказать: такъ о чемъ же мы говорили? но къ счастью скоро опомнился и сказалъ, вертя на пальцѣ большой перстень съ печатью:

— Мнѣ давно хотѣлось видѣть васъ у себя; вы вѣроятно знаете, что я особенно интересуюсь вами.

— Право! сказалъ я.

— Да, да, особенно, повторилъ принцъ.— Я запомнилъ васъ съ перваго раза, какъ васъ увидѣлъ, что, надо признаться, рѣдко со мною случается. Мнѣ казалось и теперь кажется, что вы оригиналь, а я особенно интересуюсь оригиналами.

Я слегка поклонился и, пользуясь наступившимъ молчаніемъ, сказалъ:

— Не угодно ли вамъ выслушать отъ меня, что я личнымъ опытомъ убѣдился, что мѣловыя ломки...

— На свѣтѣ мало оригиналовъ, продолжалъ молодой принцъ, какъ будто я ничего не говорилъ — чрезвычайно мало. Нашему брату это извѣстнѣе, чѣмъ кому либо, потому что мы съ юности толкаемся по свѣту. Вѣчное однообразіе: все одни стереотипныя лица, одни стереотипныя манеры, одни стереотипныя рѣчи! Я врядъ ли могу назвать двухъ-трехъ человѣкъ, которые произвели на меня какое нибудь впечатлѣніе, и я видѣлъ, что они люди, а не куклы. Одинъ изъ нихъ — вы, а другой, старый, оборванный дervишъ, котораго я встрѣтилъ, сколько мнѣ помнится, въ Иерусалимѣ, и который сказалъ мнѣ, что отыскивалъ впродолженіи ста четырехъ лѣтъ камень премудрости, и теперь, найдя его, увидѣлъ, что трудъ не стоитъ цѣли, а третій — это бѣдная Констанція фонъ-Церонъ.

Я безпокойно зашевелился на стулѣ и снова началъ:

— Мѣловыя ломки, о которыхъ ваше сіятельство...

— Вѣдь она была посредницей нашего перваго знакомства, сказалъ принцъ, вѣроятно не слыхавшій моихъ словъ, — весьма естественно, что она пришла мнѣ въ голову именно теперь, когда я имѣю удовольствіе такъ пріятно бесѣдовать съ вами. Это странное, какое-то особенное существо, во многихъ отношеніяхъ до сихъ поръ остается для меня загадкой, и вѣроятно останется навсегда. Какое-то смѣшеніе совершенныхъ противорѣчій: она горда, но во

уважаетъ себя, смѣла, даже безумно отважна и вмѣстѣ съ тѣмъ труслива, какъ кошка, благородна и низка, фантазерка и расчетлива — однимъ словомъ, я никогда не могъ понять, какъ такія противорѣчія могутъ уживаться въ одномъ человѣкѣ. Вы, какъ человѣкъ тоже знавшій ее, согласитесь со мною въ этомъ и можете быть даже въ томъ, что прежде чѣмъ обвинять когонибудь, имѣвшаго счастье или несчастье вступить съ подобной женщиной въ связь, которую можно назвать, какъ французы называютъ *liaison dangereuse*, прежде чѣмъ обвинять его въ послѣдствіяхъ такой *liaison dangereuse*, надо многое принять въ соображеніе.

Молодой человѣкъ все еще сидѣлъ, уткнувшись въ уголъ дивана, и игралъ перстнемъ, изображая собою картину скуки и равнодушія. Я былъ въ самомъ непріятномъ положеніи, проблиная случай, наведшій принца на этотъ разговоръ. А, можетъ быть, это было вовсе не случай? Въ тонѣ, какимъ онъ произнесъ послѣднія слова, слышалось нѣкоторое искреннее волненіе; но тѣмъ не менѣе я не могъ прійти ни къ какому заключенію, и только-что хотѣлъ въ третій разъ рѣшительно заговорить о дѣлѣ, какъ принцъ началъ еще съ большимъ жаромъ:

— Я не виноватъ, что все такъ случилось. Можетъ быть, у меня на совѣсти и есть кое-что, чего я не желалъ бы помнить, въ особенности здѣсь, гдѣ я живу такъ уединенно, что отъ скуки не могу даже спать, но въ этомъ дѣлѣ, право, главная вина не на моей сторонѣ. Когда я въ первый разъ ее увидѣлъ, я былъ еще молодъ, она была далеко старше меня не по годамъ, а по всему, касавшемуся опыта и знанія жизни. Откуда это она взяла, я не знаю — вообще неизвѣстно, откуда берутъ это женщины, а опыта у Констанціи было много. Не легко было ослѣпить меня насчетъ моей гибели, ясно мнѣ представлявшейся, насчетъ гнѣва моего отца, принца, отъ котораго я совершенно завишу, заставить меня отказаться отъ руки благородной, прелестной женщины, обѣщанной мнѣ, — да, это было не легко, но все это она сумѣла сдѣлать. Хотя я никогда не могъ бы жениться на незаконной дочери какого-то.... ну, все равно!... я никогда не могъ бы сдѣ-

лать ее принцессой Прора;—но, честное слово дворянина, я никогда не бросилъ бы ее, и на вѣки сохранилъ бы къ ней чувство благодарности, какъ къ возлюбленной своей юности.... если бы.... мнѣ тяжело говорить объ этомъ, но такъ какъ мы уже коснулись этого, то я скажу: если бы фрейленъ фонъ-Церенъ отнеслась ко мнѣ такъ, какъ долженъ былъ и могъ желать всякій человѣкъ, въ какомъ бы положеніи онъ ни находился. Кто можетъ обвинять меня въ томъ, что я разошелся съ женщиной, вступившей въ связь съ однимъ изъ моихъ друзей, и долгое время обманывавшей меня.

Последнюю фразу принцъ, казалось, снова произнесъ въ полуснѣ; но какъ бы тамъ ни было, я не могъ болѣе вполне вѣрить этой дремотѣ. Напротивъ того, мнѣ все болѣе и болѣе казалось, что мой сѣятельный хозяинъ игралъ съ замѣчательнымъ умѣньемъ заранѣе обдуманную роль. Вслѣдствіе этого его признанія удивляли меня, и я рѣшился выждать съ сдержанностью, вовсе мнѣ несвойственною, до конца, куда приведетъ этотъ разговоръ. Принцъ, съ своей стороны, вѣроятно ждалъ другого впечатлѣнія, потому что онъ спросилъ, какъ бы мимоходомъ, съ полуощущенными вѣхами:

— Развѣ васъ не интересуеетъ эта дѣвушка?

— Ни мало! отвѣчалъ я.

— Въ самомъ дѣлѣ! сказалъ онъ, открывъ на минуту свои большіе, утомленные глаза, и внимательно посмотрѣвъ мнѣ въ лицо;—въ самомъ дѣлѣ! Это совершенно противно тому, что Церенъ сообщилъ мнѣ.

— Я не думаю, чтобы Артуръ.... чтобы господинъ фонъ-Церенъ.... могъ сообщить чтонибудь касающееся меня съ малѣйшею вѣроятіемъ, отвѣчалъ я.

— Очень можетъ быть, замѣтилъ принцъ,—очень можетъ быть; его правдивость вовсе для меня не несомнѣнна; часто я позволяю себѣ даже вѣрить совершенно противоположно тому, что онъ говоритъ мнѣ. Такъ, на примѣръ, я убѣжденъ, что онъ рѣшительно ошибался, увѣряя меня, что милая, молодая художница, у которой я имѣлъ удовольствіе встрѣтить васъ, будетъ рада моему посѣщенію; а на дѣлѣ вышло, кажется, противное.

Принцъ посмотрѣлъ на меня, какъ будто въ ожиданіи отвѣта, а я только пожалъ плечами.

— Точно также я убѣжденъ въ томъ, что онъ задержалъ нѣкоторую сумму, врученную мною ему для известной цѣли, я помню очень хорошо, въ тотъ же самый день. Пожалуйста, не говорите; теперь я въ этомъ увѣренъ; добрый Церенъ бываетъ иногда не очень церемоненъ!—принцъ съ видомъ презрѣнія махнулъ рукою—не очень церемоненъ! Дѣйствительно, пора ему остепениться; люди, подобные ему, безнадежно погибаютъ отъ сквернаго положенія. Ну, а теперь ему предстоитъ отличный случай остепениться; желаю ему всякаго счастья!

Я чувствовалъ, какъ при этихъ словахъ принца, имѣвшихъ только одно значеніе, краска бросилась мнѣ въ лицо, тѣмъ не менѣе, я совладалъ съ собою и сказалъ только:

— Мнѣ кажется, ваше сіятельство, только-что сказали, что вѣрите въ нѣкоторыхъ случаяхъ противоположно тому, что говорить вамъ Артуръ.

— Если такъ, сказалъ принцъ,—то мнѣ очень жаль; жаль его, хочу я сказать, хотя нельзя поздравить съ такой партіей молодую дѣвушку, которой я не имѣю чести знать. На этотъ разъ я повѣрилъ Церену, потому что обстоятельства не противорѣчили этому. Я имѣлъ много дѣлъ съ старикомъ; онъ страшный, какъ бы вамъ сказать.... *goturier*, и люди этого сорта очень падки на отличія и связи съ дворянствомъ. Еще сегодня утромъ онъ прислалъ мнѣ сказать съ юстицратомъ, что сдѣлаетъ мнѣ кое-какія уступки при продажѣ Церендорфа, если я достану ему черезъ отца „тайнаго“ или „третій классъ“, такъ какъ четвертый онъ уже черезъ кого-то выклянчилъ. Для подобныхъ людей нѣтъ большаго счастья, какъ отдать дочь, да въ особенности единственную, какого нибудь дворянина древняго рода. А вѣдь Церены родъ древній; въ этомъ ужъ нельзя сомнѣваться. Что думаетъ объ этомъ сама молодая особа, я не знаю, но думаю, что тоже, что и всякая другая дѣвушка ея сословія. Мнѣ, право, было бы очень нещпрятно, если бы Церенъ въ этомъ мнѣ опять-таки наггалъ; я это не такъ-то скоро прощу ему. Вѣдь въ счетъ этихъ будущихъ

благъ я заплатилъ его долги и, кромѣ того, что еще для меня важнѣе, онъ обѣщалъ мнѣ употребить все свое вліяніе на своего будущаго тестя, чтобы дѣйствительно устроить продажу Церендорфа. Тоже относительно васъ, господинъ Гартвигъ.... Гартвигъ, извините!... это было бы мнѣ непріятно! А именно, я рассчитывалъ на васъ въ дѣлѣ, которое, можетъ быть, займетъ васъ, и для сообщенія котораго я собственно и желалъ имѣть честь говорить съ вами сегодня. Я полагалъ, что вы согласитесь и будете, можетъ быть, даже довольны, если я попрошу васъ, въ случаѣ, если покупка Церендорфа состоится, помочь мнѣ управлять имъ и другими имѣніями. Принцъ, отецъ мой, требуетъ непременно, чтобы я занялся сельскимъ хозяйствомъ, а потомъ онъ уже помирится со мною. Примиреніе съ нимъ, мнѣ, разумѣется по многимъ причинамъ, чрезвычайно важно; а занятія сельскимъ хозяйствомъ меня не такъ затруднять, если я приобрету человѣка, о которомъ слышалъ такъ много хорошаго, который сумѣлъ сохраниться при такихъ трудныхъ обстоятельствахъ, и котораго самъ я знаю, какъ джентльмена, какъ истаго джентльмена—приобрѣтеніе такого человѣка было бы для меня важно, чрезвычайно какъ важно.

Въ первый разъ въ продолженіи нашего разговора, принцъ заговорилъ съ нѣкоторымъ жаромъ, произведшимъ впечатлѣніе на мое чувствительное сердце, кромѣ того, при послѣднихъ словахъ, онъ ласково ко мнѣ наклонился, и его пріятное блѣдное лицо озарилось дружеской улыбкой. Это было, съ его стороны, великодушное, хорошее предложеніе; я сознавалъ это, и сознавалъ еще, что при другихъ обстоятельствахъ я безусловно согласился бы на него, но тутъ, но тутъ....

— Вы человѣкъ осторожный, сказалъ принцъ, вѣжливо подождавъ немного моего отвѣта,—вы думаете: сдержитъ ли принцъ Прора то, что обѣщаетъ, и въ состояніи ли будетъ сдержать? Мнѣ кажется, относительно этого я могу успокоить васъ. Отцу моему, принцу, не менѣе меня самого хочется примириться со мною; при первомъ же моемъ шагѣ къ нему, онъ встрѣтитъ меня съ распростертыми объятіями, и великодушно вознаградитъ меня за самые незначительные результаты моихъ стараній; я думаю, что

онъ немедленно передасть мнѣ всѣ наши имѣнья въ здѣшнихъ мѣстахъ. Я думаю, что для начала это будетъ кругъ дѣятельности, который удовлетворить и ваше честолюбіе—а вѣдь вы честолюбивы,—не такъ ли? Что касается до меня, то мною вы будете довольны. По природѣ я нѣсколько горячъ, а воспитаніемъ мало поправили во мнѣ этотъ недостатокъ; но вы будете распоряжаться совершенно полновластно или, по крайней мѣрѣ, найдете меня всегда готовымъ исполнять ваши разумныя желанія. Я ни въ какомъ случаѣ не буду черствымъ владѣльцемъ, и такъ какъ вы, къ сожалѣнію, не имѣете возможности, какъ бы мнѣ сказать это?—вы знаете о чемъ я говорю.... то почему бы вамъ не помочь мнѣ такъ же охотно, или даже, смѣю льстить себя надеждою, охотнѣе, чѣмъ этому ужасному плебею?

Впродолженіе рѣчи принца, я уже задавалъ себѣ вопросъ, который онъ сдѣлалъ въ заключеніи, и отвѣтилъ на него, что дѣйствительно въ этомъ новомъ положеніи я могъ бы дѣйствовать такъ же полезно, какъ и въ старомъ. И тѣмъ не менѣе согласіе не сходило съ устъ монахъ. Людямъ такъ трудно отказываться отъ мечтаній о спасеніи.

— Я вижу, что предложеніе мое ставитъ васъ въ затрудненіе, сказалъ принцъ не безъ чувства.—Но я не хочу торопить васъ; подумайте объ этомъ дѣлѣ, слово свое я вамъ далъ, и я подожду нѣсколько дней; развѣ я здѣсь не для того, чтобы учиться терпѣнію! Итакъ, черезъ нѣсколько дней я, можетъ быть, буду имѣть удовольствіе...

Онъ поклонился мнѣ, продолжая сидѣть въ углу дивана, какъ будто подавая знакъ, что разговоръ нашъ конченъ, какъ вдругъ на площадкѣ передъ окномъ раздался быстрый топотъ копытъ.

— Кто бы это могъ быть? сказалъ принцъ, и позвонилъ въ серебряный колокольчикъ, стоявшій на столѣ.

Но въ то время въ комнату вошелъ старикъ въ сопровожденіи конюха, который держалъ въ рукѣ запечатанное письмо. Старикъ былъ очень блѣденъ, а конюхъ очень красенъ; но оба казались смущенными, такъ что принцъ воскликнулъ съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ:

— Ну, чертъ возьми! что случилось?

— Письмо отъ его сіятельства... то есть отъ господина канцелярята Гензеля, сказалъ старикъ, взявъ отъ конюха письмо и, вмѣсто того, чтобы положить его на серебряный подносикъ, который онъ держалъ для этой цѣли въ лѣвой рукѣ, подалъ его принцу безъ всякой церемоніи. Онъ вѣроятно узналъ отъ нарочнаго о содержаніи письма.

Принцъ сломалъ большую печать, и во время чтенія письма руки его сильно задрожали. Потому онъ поднялъ глаза и проговорилъ голосомъ, которому тщетно старался придать твердость:

— Съ его сіятельствомъ сдѣлался ударъ; вели сдѣлать Леди, или лучше Браунлока, онъ быстрѣе, а Альбертъ пусть тоже ѣдетъ, онъ можетъ взять Эссекса. Ну, скоро ли?

И онъ нетерпѣливо топнулъ ногой.

Конюхъ бросился изъ комнаты, а старый слуга поспѣшно вошелъ въ другую дверь, которую я и не замѣтилъ, вѣроятно для того, чтобы собрать вещи принца.

Такъ какъ принцъ заходилъ по комнатѣ невѣрными шагами и, казалось, не замѣчалъ моего присутствія, то я хотѣлъ потихоньку удалиться, какъ вдругъ онъ передо мною остановился и, посмотрѣвъ на меня съ какой-то странной улыбкой, сказалъ:

— Ну, вотъ видите ли, какъ трудно нашему брату сдѣлаться порядочнымъ человѣкомъ. Только-что я принялъ доброе намѣреніе, какъ меня влечетъ въ другую сторону. Отправляйтесь съ Богомъ, и дайте поскорѣ отвѣтъ! Еще разъ повторяю вамъ: теперь, можетъ быть, вы мнѣ нужнѣе, чѣмъ прежде. Прощайте!

Онъ протянулъ мнѣ руку, которую я пожалъ съ чувствомъ.

Черезъ пять минутъ, когда я шелъ по сосновому лѣсу домой, — такъ какъ я отказался отъ экипажа, ожидавшаго меня, — я услышалъ за собою конскій топотъ. Это ѣхали принцъ и конюхъ, который едва поспѣвалъ за своимъ баринномъ. Провѣзжая мимо меня во весь опоръ, онъ еще разъ дружески махнулъ мнѣ рукой, и почти въ ту же минуту всадники исчезли за густыми деревьями, и въ темномъ лѣсу раздавался только топотъ ихъ лошадей.

ГЛАВА XVI.

Слѣдующій день былъ необычайно зноенъ и тяжелъ для этого времени года. Еще при восходѣ солнца на востокѣ были видны сѣрыя дождевыя тучи, грозно скоплавшіяся на горизонтѣ, тогда какъ блестящее свѣтило поднималось по свѣтлому небу. Я съ дѣтства странно чувствовалъ всегда атмосферное состояніе и беспокоился отъ накопленія электричества въ воздухѣ. Какой-то гнетъ давилъ мнѣ мозгъ, и нервы мои были напряженно-безпокойны, а кровь обращалась неровно. Конечно, причиною такого состоянія была не одна атмосфера.

Въ воздухѣ было нѣчто другое, другое, болѣе непріятное, чѣмъ наступавшая гроза; нѣчто другое, чего опредѣлить я не могъ: смутное сознаніе, что положеніе, въ которомъ я находился, невыносимо, и что оно должно кончиться такъ или иначе и, можетъ быть, даже уже кончилось.

Но каково бы оно ни было, въ тотъ же день мнѣ было достаточно времени подумать обо всемъ.

Размышленіямъ моимъ мѣшать было некому: Церендорфъ точно вымеръ. Предполагаемая наканунѣ прогулка на озеро состоялась въ десять часовъ не безъ нѣкоторыхъ измѣненій прежней программы. Потому ли, что послѣдняя попытка сдѣлать изъ фрейленъ Дуффъ наѣздницу, такъ положительно не удалась, или по другой какой причинѣ, но Герминія отложила намѣреніе свое ѣхать къ озеру верхомъ съ Артуромъ и гувернанткой, и вся компанія была разбитъена въ три экипажа. Штейerratъ и урожденная тоже отправились на прогулку. Это также было уклоненіемъ отъ программы въ угоду двумъ Элеонорамъ, единогласно — онѣ говорили всегда единогласно — объявившимъ, что они никакъ не могутъ принять участіе въ прогулкѣ на цѣлый день, состоявшій только изъ однихъ молодыхъ людей. Штейerratъ и урожденная живо возстали противъ предложенной имъ чести, но, разумѣется, наконецъ согласились. Какъ же было не согласиться? Вѣдь не скоро встрѣтится еще такой случай исполнить свое любимое желаніе!

Потомъ произошло еще третье измѣненіе, произведенное мною, если вѣрить фрейленъ Дуффъ. Но могъ ли я вѣрить ей?

Правда, что факты, казалось, были на ея сторонѣ, но вѣдь только казалось!

Когда я, наканунѣ, возвратясь изъ Россофа, былъ у коммерціи совѣтника, то, идя отъ него къ себѣ въ комнату, долженъ былъ проходить черезъ гостиную, гдѣ сидѣло все общество. Гермина сидѣла за роялемъ и играла какую-то грустную пьесу, которую она прервала, когда я, молча раскланявшись со всѣми, уже взялся за ручку выходной двери. Я невольно обернулся при невѣрномъ аккордѣ, которымъ она кончила, и почти въ то же время она очутилась передъ мною. Лицо ея было блѣдно, большіе голубые глаза какъ-то странно блестя, а губы дрожали, и что-то говорили, что пришлось имъ повторить во второй разъ для того, чтобы я понялъ. Она надѣялась, что я принялъ сцену во время сегодняшняго обѣда за шутку, и не лишю завтра общество своего присутствія, на которое всѣ рассчитывали. — Вся компанія до настоящей минуты говорила особенно живо и почти не замѣтила моего присутствія, но тутъ вдругъ всѣ смолкли и потому, вѣроятно вслѣдствіе этого, я самъ слышалъ отвѣтъ свой такъ ясно, какъ будто говорилъ его не я, а какой нибудь совершенно незнакомый мнѣ голось:

— Благодарю васъ, фрейленъ; но вы дѣйствительно были правы, что на меня нельзя рассчитывать въ подобныхъ случаяхъ.

Послѣ этого я очутился въ сѣняхъ, дрожа всѣми членами моего массивнаго тѣла, и почувствовалъ такую острую боль въ сердцѣ и такую потребность плакать, что я прижалъ обѣ руки къ груди, и, тяжело, тяжело вздохнувъ, прошепталъ дрожащими губами: „Слава Богу, прошло!“

Прошло!

Въ этотъ я былъ убѣжденъ, несмотря на долгую, долгую ночь проведенную мною безъ сна, когда я ходилъ взадъ и впередъ по своей комнатѣ, устланной ковромъ, или останавливался у отвореннаго окна и освѣжалъ свою пылавшую голову, или бросался на диванъ и погружался въ грустныя думы.

Прошло, прошло! несмотря на записку, присланную около полуночи фрейленъ Дуффъ черезъ вѣрнаго Вильгельма ко мнѣ въ комнату, въ которой она увѣряла меня, что Герминія уже двѣ недѣли съ нетерпѣніемъ ждала этой прогулки, именно потому, что надѣялась раздѣлить ее со мною; и устроила ее только съ этой цѣлью, и неужели злоба не уступить мѣсто добротѣ, и неужели любовь не простить все, въ особенности, какъ она увѣрена, если всѣ мученія происходятъ отъ любовныхъ же страданій.

Любовь? Развѣ это любовь? Развѣ это можетъ быть любовью? Любовь все выносить, всему вѣрить! Такъ! Но она не чванится, не отклоняетъ отъ себя любимый предметъ съ негодованіемъ и не гонится за словомъ! Развѣ это любовь? Развѣ это скорѣе не самолюбіе, тщеславіе, капризы — капризы избалованнаго ребенка, который то цѣлуетъ свою куклу, то тотчасъ же бросаетъ ее, и для котораго весь міръ кажется пестрымъ мыльнымъ пузыремъ, летающимъ на солнце его счастья только ради удовольствія. Ну, это можетъ быть и любовь, любовь особаго рода; но я не хочу такой любви, и теперь все прошло!

Развѣ я никогда не зналъ другой любви? — сильной, искренней, животворной, возвышающей любви! хоть на мою долю ея и не досталось, но отъ этого я зналъ тѣмъ не менѣе, что она возможна, что она существуетъ! И хотя она меня никогда не любила такъ, какъ она могла любить, какъ она, можетъ быть, полюбитъ когда нибудь другого — но развѣ я не почерпнулъ въ каплѣ этого источника, чистаго, какъ сердце, развѣ я не почерпнулъ въ этой каплѣ силу и успокоеніе, гораздо болѣе чѣмъ въ потокѣ, сегодня стремящемся въ такомъ обиліи, для того, чтобы завтра высохнуть безслѣдно на пескѣ, — на пескѣ ея эгоизма, ея капризовъ! Нѣтъ, и тысячу разъ нѣтъ! Все это должно пройти, и все это уже прошло!

Такъ въ продолженіи цѣлой ночи пылало у меня въ головѣ и сердцѣ. Потомъ наступилъ день, солнечный, тяжелый, знойный день, который еще болѣе обезсилилъ меня, проведшаго безсонную лихорадочную ночь; но я оправился и сказалъ себѣ съ твердою рѣшимостью: „Все равно, что разъ прошло, то прошло! Можетъ, все это

случилось къ лучшему, и теперь я опять свободенъ, и возвращусь къ своему долгу.

Я спокойно остался у себя въ комнатѣ, пока не наступило время отправиться на мѣловыя ломки, гдѣ въ тотъ день въ первый разъ должна была дѣйствовать машина. Потомъ, часамъ къ десяти я возвратился, чтобы дать отчетъ коммерціи совѣтнику, какъ онъ желалъ наканунѣ, что все сверхъ ожиданія удалось отлично, и что надежда одолѣть воду превратилась теперь въ увѣренность.

Общество между тѣмъ уже ушло, какъ сообщилъ мнѣ Вильгельмъ, оставшійся для прислуживанія мнѣ, и прогулка началась со множествомъ приключеній, замѣченныхъ соколинымъ взоромъ плута, и выболтанныхъ его нескромными устами. Что барышня была въ самомъ веселомъ расположеніи духа, пока наконецъ Лео, собака ея, не изъявила нежеланія, несмотря ни на какія угрозы и мольбы, отправиться на прогулку. „Въ послѣднее время съ нимъ обращались слишкомъ дурно, сказалъ Вильгельмъ, — а вѣдь нашъ братъ, то есть, я хотѣлъ сказать, животное это замѣчаетъ.“ Кроме того, передъ самымъ отъѣздомъ пріѣхали господинъ и госпожа фонъ-Гранофъ, вовсе неприглашенные, и которыхъ хочешь не хочешь, а пришлось взять.

— Право, господинъ инженеръ, все это походило скорѣе на погребальное шествіе, чѣмъ на гулянье. Но молодья барышни зато, — тутъ Вильгельмъ Клувгунъ улыбнулся — стоило взглянуть на нихъ, господинъ инженеръ! Всѣ въ бѣломъ съ зелеными кушаками, цвѣта надежды, право точно поденъжники.

Я вовсе не былъ расположенъ выслушивать до конца болтовню Вильгельма, и спросилъ гдѣ коммерція совѣтникъ.

— Уѣхалъ, съ четверть часа тому назадъ съ старымъ юстицратомъ въ городъ по дѣлу, и врядъ ли вернется раньше вечера.

Это извѣстіе нѣсколько удивило меня. Коммерціи совѣтникъ еще наканунѣ ничего не зналъ объ этомъ дѣлѣ, для котораго понадобилось ѣхать въ городъ на цѣлый день и, напротивъ того, хотѣлъ утромъ поговорить со мною о вещахъ весьма важныхъ. Неужели извѣстіе о вѣроятной близкой кончинѣ стараго принца, при-

везенное мною вчера, отсрочило покупку Церендорфа и даже сдѣлало ее вовсе невозможною! Что значило для молодого принца, когда онъ наслѣдуетъ послѣ отца, и вступить во владѣніе имѣніями, однимъ помѣстьемъ больше или меньше? „Въ сущности старому принцу до этого все равно, часто говорилъ коммерціи совѣтникъ;—но молодого надо подзадоривать на покупку, чтобы онъ показалъ, что можетъ справляться съ такими дѣлами. Онъ самъ отлично это знаетъ, и потому пойдетъ въ свѣти, какова бы ни была приманка, повѣрьте мнѣ.“

Такъ разсчитывалъ коммерціи совѣтникъ, и, судя теперь по ходу дѣлъ, разсчитывалъ, кажется, невѣрно. Вчера, извѣстіе, принесенное мною, очевидно очень испугало его. Странно было, что именно сегодня ему надо было отправиться въ городъ!

Или ему просто хотѣлось избѣгнуть меня, послѣ того, какъ онъ такъ удачно достигнулъ своей цѣли, разсорилъ меня съ Герминіей? Или я ему былъ болѣе не нуженъ послѣ постановки машины, и когда сдѣлка съ принцемъ, кажется, не удастся?

Очень могло быть, и было очень вѣроятно; но, можетъ быть, я нуждался въ немъ еще менѣе, можетъ быть, я могъ проститься съ нимъ прежде, чѣмъ онъ откажетъ мнѣ. Это отсутствіе старика, имѣвшее видъ бѣгства отъ меня—казалось мнѣ какимъ-то указаніемъ принять заманчивое предложеніе принца! Чего я достигъ до сихъ поръ отъ коммерціи совѣтника для своихъ цѣлей? Обѣщаній въ будущемъ, кучу комплиментовъ—и больше ничего! При этомъ очевидно, что если продажа Церендорфа не состоится, то онъ не обязанъ держать слово, данное имъ мнѣ относительно берлинской фабрики, а, можетъ быть, не сдержитъ слова, если даже продажа и состоится.

У коммерціи совѣтника немногое было свято, и у меня были причины думать, что въ числѣ этого немногаго не было его честнаго слова. Такъ онъ обѣщалъ мнѣ не отказывать управителю лѣсопильной мѣльницы, а утромъ, когда я шелъ мимо, мельница не работала, и работникъ сказалъ мнѣ, что наканунѣ вечеромъ, когда я былъ въ Россофѣ, приходилъ коммерціи совѣтникъ и, поговоривъ немного съ управителемъ, отказалъ ему отъ мѣста.

Это былъ новый случай, но я не разъ ловилъ его на подобныхъ обманахъ! Нѣтъ, нѣтъ, человекъ этотъ не былъ способенъ сочувствовать вѣрѣ моей въ гуманность!

А принцъ? Чѣмъ яснѣе припоминалъ я подробности нашего разговора, тѣмъ яснѣе представлялся мнѣ этотъ человекъ, тѣмъ открывалъ я въ немъ лучшія и достойнѣйшія черты, и тѣмъ болѣе находилъ возможнымъ согласиться на его предложеніе. Трудно остаться совершенно равнодушнымъ, если ктонибудь относится къ намъ съ особеннымъ расположеніемъ, въ особенности если этотъ ктонибудь лицо высокопоставленное и вліятельное. Я не могу сказать, чтобы тогда, или вообще когданибудь, считалъ земнымъ благомъ милость какогонибудь принца, но не могу тоже отрицать, что, по крайней мѣрѣ въ то время, уваженіе передъ земными властями—остатокъ юношескихъ дней—способствовало тому, что поведеніе принца казалось мнѣ освѣщеннымъ самымъ благопріятнымъ свѣтомъ. Мнѣ казалось, что я открылъ тогда разгадку его поведенія, казавшагося мнѣ накануне столь загадочнымъ, и я глубоко благодарилъ его за вниманіе, съ какимъ онъ оттолкнулъ камень, бывший между нами, прежде чѣмъ сообщилъ мнѣ о своихъ намѣреніяхъ. Онъ ни единымъ словомъ не намекнулъ на печальную сцену, случившуюся девять лѣтъ тому назадъ въ лѣсу; но, тѣмъ не менѣе, онъ не забылъ, что я пощадилъ его тогда, и потому теперь онъ пытался загладить свой долгъ передо мною.

Надо было сознаться, что вообще онъ дѣйствовалъ благородно и по-рыцарски. Кромѣ того онъ объяснилъ мнѣ причину нашей второй встрѣчи въ мастерской Паулы, какъ бы извиняясь передо мною въ своемъ тогдашнемъ поведеніи; и если попытка разсчитаться со мною въ тотъ же вечеръ была не ловка, то за то теперь своимъ великодушнымъ и значительнымъ предложеніемъ, онъ совершенно сглаживалъ ее.

Да, это было великодушное и значительное предложеніе: великодушно, если принять въ соображеніе, какъ прямо оно было мнѣ сдѣлано, безъ всякой прѣмиссы намековъ и торговли; значительно, потому что надо было сознаться, что если принцъ дѣйствительно хотѣлъ мнѣ доставить большой кругъ дѣятельности, то и былъ въ

состояніи исполнить свои обѣщанія. Положимъ, что коммерціи совѣтникъ былъ тѣмъ, чѣмъ онъ выдавалъ себя — хотя сомнѣнія мои въ этомъ отношеніи не уменьшились, а скорѣе увеличились — положимъ, что онъ былъ богачъ, вліятельный богачъ, но что значило его богатство и его вліяніе сравнительно съ силою принца Прора-Викъ! Еще будучи мальчикомъ на школьной скамейкѣ, я зналъ, какъ и всякій житель въ Х., какъ я думаю всякій житель нашей провинціи, что у принца было на одномъ только нашемъ островѣ сто двадцать помѣстій, потомъ городокъ Прора—резиденція, — теперь вторично приведенный въ волненіе болѣзнью принца, гдѣ всѣ дома отъ перваго до послѣдняго стояли на землѣ принца: потомъ охотничій замокъ Викъ съ лѣсами, тянувшимися на цѣлыя мили, потомъ графство Россофъ близъ Х. — гдѣ жители Х. гуляютъ въ лѣтніе дни — потомъ прелестный дворецъ въ резиденціи, мимо котораго я часто ходилъ, волнуемый какимъ-то страннымъ чувствомъ; владѣнія въ Силезіи съ желѣзными рудами, стоимость которыхъ цѣнилась въ два милліона; — что же былъ Крезъ Х — а, въ сравненіи съ этимъ дѣйствительнымъ Крезомъ, двухгодовой доходъ котораго равнялся, можетъ быть, всему состоянію коммерціи совѣтника, взятому вмѣстѣ.

Конечно, конечно, не о такомъ жизненномъ пути мечталъ я! не отраднo было думать, что мнѣ надо отказаться отъ склонности своей къ математическимъ наукамъ, къ механикѣ, отъ надеждъ принести пользу развитію желѣзнодорожнаго дѣла, отъ плановъ, составленныхъ съ добрымъ докторомъ Снелліусомъ для блага рабочаго класса. Но развѣ надо было отъ всего этого отказываться? Развѣ въ сущности было не все равно дѣйствовать тутъ или тамъ, такъ или иначе, только бы дѣйствовать, только бы работать въ духъ незабвеннаго учителя, моего добраго друга! Да, да, конечно, ради его ученія мнѣ слѣдовало принять предложеніе принца, и Паула не будетъ недовольна мною, такъ какъ ея мысли и убѣжденія были тѣ же самыя, что и отца ея, и направлены во всѣхъ отношеніяхъ на добро. Я чувствовалъ, что мнѣ будетъ не трудно показать ей, какъ въ новой сферѣ я найду возможнымъ остаться достойнымъ ея и улучшать себя. А потомъ!.. я всегда хотѣлъ

скрыть это отъ себя самого, потому что это слишкомъ болѣзненно задѣвало уязвленное мѣсто въ моемъ сердцѣ; но тутъ, въ бессонную ночь, это и еще многое другое выступило передо мною яркой, неопровержимой дѣйствительностью; она хотѣла выдвинуть меня не потому только, чтобы доставить мнѣ большій кругъ дѣятельности, но услала меня изъ чувства состраданія потому, что знала, что моя глубокая, искренняя, почтительная любовь не встрѣтитъ отголоска въ ея сердцѣ, а такъ какъ хорошій человѣкъ не беретъ ничего, не предлагая и съ своей стороны чего нибудь взамѣнъ, то она и указала моему сердцу, полному любви, стремившемуся къ взаимности на привлекательную, хорошенькую дѣвушку, на молодую, своеправную вакханку, которая поиграла со мною, какъ она играла съ тиграми и леопардами и другими животными, возившими ея колесницу, и играла уже года два, три. А ея чистое сердце, что знало оно о такой игрѣ? что знало оно объ искусствѣ ласкать одной рукой, а другой махать бичомъ; о томъ, что можно восхищаться прыжками своего любимца, и тотчасъ же запереть его въ самую тѣсную клѣтку! Что знала она объ этомъ?

И если бы она знала это, развѣ она первая не отозвала бы меня и не сказала бы: „Можно жертвовать собою, и должно жертвовать собою, если это необходимо, но гибнуть не надо и не должно, и то, чего я для тебя желала, и чего ты самъ желать и къ чему стремился, то прошло и прошло!

Такъ горѣла моя голова и билось мое сердце въ продолженіи цѣлаго дня, въ то время, какъ солнце проходило по небу, а за нимъ тянулись густыя, сѣрыя тучи, скоплавшіяся на горизонтѣ еще при восходѣ его. Я инстинктивно безпрестанно поглядывалъ на небо, гуляя безъ усталости по полямъ, утомленный своими тяжелыми думами и душливымъ воздухомъ, и блуждая по пустошамъ, такъ углубился въ то, что во мнѣ происходило, что потерялъ всякое сознание мѣстности и времени, и когда начало смеркаться, очутился вдругъ по дорогѣ въ Трантовицъ, той самой дорогѣ, по которой наканунѣ ѣхалъ въ Россофъ, и по которой вѣстѣ съ тѣмъ должно было возвращаться съ прогулки все общество. Какъ попалъ я туда и зачѣмъ, я и самъ не зналъ. Конечно не для того,

чтобы посѣтить Ганса, такъ какъ онъ былъ тоже на прогулкѣ. Тѣмъ не менѣе я шелъ далѣе, и добрелъ до разваливагося, дырваго забора, отдѣляваго отъ дороги выхваляемый садъ Ганса съ уродливыми фруктовыми деревьями, съ запущенными лужайками и голыми картофельными и капустными огородами. Посмотрѣвъ черезъ заборъ, я замѣтилъ въ одномъ концѣ этой унылой мѣстности фигуру, похожую на добрѣйшаго Ганса. Я перелѣзъ черезъ заборъ—что было не трудно—и пошелъ прямо къ фигурѣ. Это былъ дѣйствительно Гансъ.

— Я думалъ, что вы тоже на прогулкѣ, сказалъ я.

— Боже меня упаси, отвѣчалъ Гансъ, пожимая мою руку.

— Но вѣдь вы приглашены?

— Да, сказалъ Гансъ.

— И что же?

— И когда сегодня утромъ я увидѣлъ, что компанія входитъ ко мнѣ на дворъ, я выскочилъ въ окно, — онъ указалъ на окно своей спальни, — и сидѣлъ въ лѣсу до тѣхъ поръ, пока воздухъ снова не очистился. А вы?

— Мнѣ тоже не захотѣлось, сказалъ я.

— Еще бы! подтвердилъ Гансъ.

Мы ходили нѣкоторое время молча взадъ и впередъ по заросшимъ дорожкамъ. Сумерки уже не позволяли различать цвѣта. Воздухъ былъ чрезвычайно тяжелъ и удушливъ, на востокъ по временамъ блистала молнія, а изъ трантовичаго лѣса, уголь котораго выдавался не вдалекѣ отъ насъ, слышалось пѣніе соловья, въ какомъ-то уныломъ, протяжномъ тонѣ.

— Задохнуться можно! сказалъ я, когда мы подошли къ какой-то старой, развалившейся бесѣдкѣ, и я, бросившись на ветхую скамейку, снялъ сюртукъ и жилетъ.

Гансъ не отвѣчалъ ни слова, онъ молча направился къ окну своей спальни, куда и исчезла его громадная фигура, и отсюда черезъ нѣсколько минутъ она снова появилась. Онъ поставилъ передъ нами на ветхій столъ двѣ бутылки и два стакана, которые онъ несъ подъ мышкой, потомъ изъ кармановъ пальто досталъ еще двѣ другія бутылки, положилъ ихъ на песокъ, а охотничьимъ но-

жомъ разкупорилъ двѣ первыя, и, подвинувъ мнѣ одну изъ нихъ, сказалъ:

— Выпейте-ка всю или половину, это поможетъ.

Это былъ старый Гансъ, въ полномъ значеніи слова, съ своимъ всемірнымъ средствомъ противъ всѣхъ стрѣлъ и ударовъ роковой судьбы! Господи! какъ мало помогло оно доброму Гансу, и вѣроятно не поможетъ и мнѣ; но тѣмъ не менѣе я чувствовалъ, съ какимъ добрымъ намѣреніемъ онъ сказалъ это, и потому рука моя дрожала, когда я наливалъ стаканы, и голосъ мой дрожалъ, когда я говорилъ, чокаясь съ нимъ:

— За ваше здоровье, любезный Гансъ, и желаю намъ обоимъ лучшаго будущаго.

— Ну, мнѣ неоткуда ждать лучшаго будущаго, сказалъ Гансъ, выпивъ залпомъ свой стаканъ и наливая въ свою очередь.

— Гансъ, милый, добрый Гансъ, вскричалъ я,—ради Бога, не говорите въ такомъ грустномъ тонѣ; сегодня я не могу этого слышать; мнѣ самому такъ тяжело, какъ будто бы сердце у меня хочетъ лопнуть.

Гансъ снова хотѣлъ подать мнѣ бутылку, но вспомнивъ, что я разъ уже отказался отъ его всемірнаго средства, подумалъ съ минуту и потомъ тихо сказалъ: „Сигары тоже хороши, очень хороши, я попробовалъ ихъ.“ И онъ подаль мнѣ черезъ столъ полную сигарочницу.

Черезъ минуту во мракѣ свѣтились гдѣ горяція точки и слабо освѣщали повременамъ мгновеннымъ свѣтомъ качавшійся столъ съ бутылками, быстро опустошаемыми, и лица двухъ мужчинъ, до вѣрчиво бесѣдовавшихъ черезъ столъ.

— Такъ вотъ какъ! сказало наконецъ одно лицо.

— Вы вѣроятно ошибались точно также, какъ и я, сказало другое.

— Не думаю, снова сказало первое; — вотъ еще недавно, третьяго дня, а можетъ быть, еще днемъ ранѣе—я вѣчно мѣшаю дни—я встрѣтилъ ее по дорогѣ въ Россофъ, и мы съ полчаса ѣхали рядомъ, и все время она говорила мнѣ только о васъ.

— Вѣроятно ей не о чемъ было болѣе говорить, сказало второе лицо.

— И она кромѣ того плакала, продолжало первое, — бѣдняжка! Мнѣ такъ было жаль ее, и я все собирался вамъ сказать, чтобы вы ужь положили конецъ этому дѣлу.

За этимъ послѣдовало продолжительное молчаніе. Третья бутылка была откупорена, огненные точки тихо вспыхивали, въ то время какъ мракъ становился все гуще и гуще, а молнія блистала все чаще и чаще.

— А вы не пьете? сказала Гансъ.

Я не отвѣчалъ; дѣйствительно, я едва слышалъ, что говорилъ Гансъ; я едва сознавалъ, что онъ сидѣлъ передо мною, едва сознавалъ, гдѣ я. Изъ мрака, окружавшаго насъ, свѣтились мнѣ глаза; въ шорохѣ вѣтра и листьевъ слышала я ея голосъ. А глаза, большіе, голубые глаза смотрѣли на меня съ упрекомъ, а голосъ казался грустнымъ и прелестный ротикъ улыбался болѣзненно, точно также какъ вчера, когда она просила меня не отказываться отъ прогулки.

— Куда вы? спросилъ Гансъ.

Я всталъ и направился къ выходу бесѣдки. Глаза мои горѣли и я сумрачно смотрѣлъ внизъ. Только съ западной стороны на горизонтѣ виднѣлась свѣтлая узенькая полоска, а все небо лежало надъ землею точно гробовая крышка. Все было тихо, и только по временамъ слышался какой-то страшный гулъ и шумъ, а между тѣмъ изъ лѣсу долетали рыданія соловья, какъ будто бы онъ оплакивалъ погибель прекраснаго міра свѣта и любви. А потомъ вдругъ во мракѣ виднѣлся электрической свѣтъ, и грозно пробѣгалъ по краямъ тяжелыхъ черныхъ тучъ. Грома еще не было, и освѣжающій дождь не падалъ на жаждущую почву.

— Куда вы? спросилъ еще разъ Гансъ.

— Гдѣ они теперь?

— Почему знать, сказалъ онъ, — вѣрно еще не дома, потому что они проходили бы здѣсь.

— А на пустоши между вашими буками и рософскими соснами, въ такой темнотѣ, не найти и дороги.

— Конечно, сказалъ Гансъ, — я самъ разъ нѣсколько часовъ блуждалъ тамъ и вертѣлся все на одномъ мѣстѣ, а ночь была

тогда не такъ тсмна какъ сегодня. Конечно мы вышли тогда у Фрица Царентина. Пойдите! что это такое?

Я только-что хотѣлъ броситься впередъ, но когда Гансъ вскрикнулъ я схватился за голову и почувствовалъ сильное бѣненіе сердца.

— Очень можетъ быть, что они именно тамъ, прошепталъ я.

— Такъ возьмите же меня съ собою! вскричалъ Гансъ, когда я бѣжалъ черезъ садъ.

Я остановился, когда онъ подошелъ и, тихо похлопывая меня по плечу своей широкой рукой, говорилъ: „Ну, ну! вотъ и хорошо!“ Онъ похлопывалъ меня, какъ будто я былъ лошадыю, которую онъ хотѣлъ успокоить. Я взялъ его за руку и сказалъ: „Идемте со мной, Гансъ!“

— Еще бы! отвѣчалъ Гансъ;—но намъ надо взять съ собой человѣкъ двухъ съ фонарями, непременно надо взять!

— Это задержать насъ!

— И пяти минутъ не задержать!

Гансъ пошелъ рядомъ со мной, прямо чрезъ картофельный огорокъ, чтобы не терять времени, влѣзъ въ окно спальни и прошелъ черезъ домъ; я не отставалъ отъ него, — давно зная всю мѣстность! Дойдя до двора, Гансъ началъ изъ всей мочи звонить въ разбитый колоколъ, висѣвшій тамъ у ветхаго столба, которымъ сзывали людей на работу или призывали съ работы. Люди тотчасъ же вышли изъ людской и изъ конюшни, и не прошло и пяти минутъ, какъ мы вышли уже со двора въ сопровожденіи нѣсколькихъ человѣкъ съ фонарями и торопливо направились по дорогѣ къ трантовичскимъ букамъ. Съ западнаго горизонта исчезла свѣтлая полоска; мракъ былъ такъ великъ, что въ лѣсу не было темнѣе, чѣмъ въ полѣ. Духота стала еще тяжелѣе, и глухіе раскаты грома прерывали грозную тишину, на вершинахъ бука тоже зашумѣли листья; соловьи смолкли въ ожиданіи приближавшейся грозы. Я такъ спѣшилъ, что оставилъ далеко за собою людей съ фонарями, и только Гансъ пытался еще не отставать отъ меня, но не могъ, и, оставшись назади, кричалъ, что я бѣгу, какъ сумасшедшій, и что это ни къ чему не ведетъ, потому что люди

съ фонарями не могутъ поспѣть за мною. Я былъ съ нимъ согласенъ; но меня влекло какой-то силой, а какой, я самъ не понималъ. Чего я хотѣлъ, я самъ не могъ бы сказать; да я объ этомъ вовсе и не думалъ; я спѣшилъ впередъ такъ, какъ будто бы дѣло шло о жизни или о смерти. Какъ удалось мнѣ пробраться по скверной лѣсной дорогѣ, въ темную ночь, не сломавъ себѣ ногъ или руки и не разбивъ головы о деревья, я до сихъ поръ не знаю.

Помогла ли мнѣ въ этомъ мелькавшая молнія, иногда освѣщавшая лѣсъ, или странное свойство моихъ глазъ, потерявшихъ зрѣнія и во мракѣ, или страсть, пробуждающая въ извѣстные моменты скрытыя въ насъ силы — не знаю. Знаю только, что я прошелъ въ необыкновенно короткое время лѣсъ, и по ослабѣвшему шесту деревьевъ, по усилившемуся вѣтру, освѣжавшему мои пылавшія щеки, по раскатамъ грома, и наконецъ при свѣтѣ одной изъ молній, я увидѣлъ, что нахожусь въ пустоши. Пустошь эта была шириною съ четверть мили, окруженная съ трехъ сторонъ рософскими соснами и трантовичскими буками. Съ четвертой, нѣсколько полѣвѣе, шло болото до самаго берега моря и мѣстами выдавалось узкими и широкими полосами. На всемъ этомъ плоскомъ пространствѣ не росло ни одного дерева; и замѣчалась только единственная возвышенность въ родѣ холма, обсаженнаго кустами и обложеннаго большими камнями — вѣроятно какая нибудь древняя могила — холмъ этотъ лежалъ на полпути и считался послѣдней границей къ болоту. О дорогѣ не могло быть и рѣчи, потому что она мѣнялась съ каждымъ временемъ года и съ каждой погодой, тутъ ходили и вѣздили гдѣ попало и гдѣ было лучше. Не разъ случались тутъ несчастія; еще въ мое время одинъ работникъ, отправившись тутъ ночью съ пустой телѣгой, потонулъ вмѣстѣ съ своими лошадьми и телѣгой въ широкой и глубокой торфяной канавѣ.

Въ то время, какъ я шелъ по пустоши, всѣ обстоятельства этого несчастія, о которомъ я никогда прежде не думалъ, пришли мнѣ въ голову до мельчайшихъ подробностей. Я вспомнилъ, какъ работника этого звали, и что у него была невѣста въ Тран-

товлицѣ, хорошенькая бѣлокурая дѣвушка, которая никакъ не могла утѣшиться въ смерти своего возлюбленнаго, и долгое время потомъ видѣли, какъ она сидѣла на холмѣ, устремивъ взоры на то мѣсто, гдѣ онъ утонулъ. Мнѣ казалось, что хорошенькая бѣдная дѣвушка нѣсколько походила на Герминію.

Мною овладѣлъ совершенно безумный страхъ, и я остановился съ страшно-бьющимся сердцемъ и сталъ прислушиваться. Мнѣ слышались не вдалекѣ какіе-то глухіе крики. Но откуда? Спереди ли? справа ли? слѣва ли? или я ошибся? Или я обманулся вслѣдствіе волненія и принялъ жалобный вой вѣтра за голоса, призывающіе на помощь? Но я услышалъ еще разъ! и теперь не ошибался и зналъ, съ какой стороны слышались крики: они неслись спереди! нѣтъ слѣва! нѣтъ, нѣтъ справа! Да, крики неслись съ правой стороны! И приближались все ближе и ближе, но опять съ другой стороны, какъ будто голоса всѣхъ погибнувшихъ на пустоши перекликались со всѣхъ сторонъ другъ съ другомъ. А между тѣмъ, темнота была такая, что хоть глазъ выколи; даже молнія на нѣкоторое время перестала сверкать и мракъ сдѣлался непрогляднымъ. Я съ отчаяніемъ обернулся и увидѣлъ къ невыразимой своей радости свѣтъ фонарей, хотя еще довольно далеко, но тѣмъ не менѣе приближавшійся ко мнѣ. Я изо всѣхъ силъ крикнулъ, чтобы они поспѣшили; потомъ я бросился на удачу впередъ и въ отчаяніи остановился, потому что при свѣтѣ молніи увидѣлъ передъ собою высокихъ бѣлыхъ лошадей, тяжело дышавшихъ. Я наткнулся на экипажъ, давно покинутый сѣдоками. Кучеръ же стоялъ и успокаивалъ лошадей.

— Гдѣ же другіе? спросилъ я, безсознательно начавъ помогать ему.

— Богъ знаетъ, отвѣчалъ онъ.—Мнѣ не мало было дѣла и тутъ.

— Сейчасъ принесутъ фонари.

— Ужь пора! Да стой же, проклятая животиная!

Въ это время подошелъ Гансъ съ нѣкоторыми изъ людей. Лошади остановились, дрожа отъ страха и, широко раздувая ноздри, смотрѣли на огни.

Въ каретѣ кто-то лежалъ вытянувшись, свѣтъ фонаря упалъ на блѣдное, измятое лицо. Это былъ Артуръ.

— Что это значитъ? спросилъ я.

Гансъ ничего не спрашивалъ; онъ зналъ, что значитъ, когда молодые люди, незнающіе мѣры, лежатъ въ каретѣ, возвращаясь съ веселой прогулки, и когда никакой ревъ бѣшеной бури не можетъ пробудить ихъ отъ сна.

— Оставьте его, сказалъ кучеръ, — онъ не вывалится.

— Ктонибудь изъ васъ долженъ тутъ остаться, вскричалъ я людямъ съ фонарями, — а остальные впередъ.

Мы поѣхали дальше, и люди, которыхъ было пятеро или шестеро, высоко надъ собою держали фонари, а мы кричали изъ всей мочи, чтобы всѣ собирались къ намъ.

Намъ отвѣчали со всѣхъ сторонъ. Тутъ намъ стало ясно, что вся компанія растерялась. Только экипажи держались нѣсколько вмѣстѣ, черезъ минуту я наткнулся на вторую карету, опрокинутую и разбитую взбѣсившимися лошадьми. Кое-какъ удалось намъ ихъ выпрячь. Потомъ подошли мы и къ третьей, увязшей въ грязь по самыя оси, и кучеру едва удалось обрѣзать у нея постромки.

Тутъ началась странная и чрезвычайно непріятная сцена. Молніи заблестали такъ часто, что мы точно будто были окружены этимъ грознымъ свѣтомъ. При этомъ со всѣхъ сторонъ неслись крики и возгласы перепуганныхъ людей, сходящихся со всѣхъ сторонъ, проклятіе кучеровъ и работниковъ, фырканье и ржаніе оробѣвшихъ лошадей, трескъ и раскаты грома, свистъ вѣтра, завывавшаго съ страшной силой по пустоши, и разносившаго дождь, такъ что онъ падалъ неровно тяжелыми каплями. Вся компанія, собравшаяся тутъ, походила на шайбу, препровождаемую на казнь: мужчины съ смущенными физиономіями, а женщины съ несомнѣнными слѣдами ходьбы по пустоши и болоту.

Трудно было собрать всѣхъ, но труднѣе было, какъ я увидѣлъ, удержать ихъ вмѣстѣ. Всѣ спѣшили скорѣе, скорѣе впередъ! Къ чему же терять время! вѣдь всѣ собрались! Дождь польетъ сильнѣе, затушитъ фонари и что будетъ тогда?

— Впередъ! впередъ, господа! восклицалъ штэйerratъ.

Господинъ фонъ-Гранофъ тоже вскричалъ:

— Идите! идите!

И все общество двинулось впередъ.

При всеобщемъ смятеніи, крикахъ, возгласахъ, бѣготнѣ столькихъ людей мнѣ невозможно было провѣрить, правда ли что всѣ собрались какъ утверждали тутъ. Въ одномъ только я былъ совершенно увѣренъ, что ту, которую я собственно и исключительно искалъ, я еще не видѣлъ, и точно также не видѣлъ фрейленъ Дуффъ. Не знаю, откуда я слышалъ, отъ кого нибудь изъ присутствующихъ или просто мнѣ показалось, что я слышалъ, что обѣ онѣ въ четвертомъ экипажѣ, что ѣдетъ сзади и ничуть не поврежденъ. Въ ту минуту, какъ общество двинулось, подѣхалъ и четвертый экипажъ.

Я бросился къ нему: въ каретѣ—это была большая дорожная карета коммерціи совѣтника—кромя цѣлой кучи шалей и бурн усовъ, оставленныхъ въ попыхахъ, сидѣла въ углу фрейленъ Дуффъ и смотрѣла на меня бессмысленно, точно мертвая. Тщетно старался я добиться отъ нея, гдѣ Герминія. Она точно въ бреду шептала: „Ищи и обрящешь!“ и потомъ разразилась въ истерическихъ рыданіяхъ.

Антонъ, поправившій между тѣмъ постройку, сообщилъ, что нѣтъ еще и десяти минутъ, какъ фрейленъ выскочила изъ кареты, въ то время какъ фонари были уже близко. Зачѣмъ она выскочила, онъ не знаетъ, потому что фрейленъ вовсе не боялась такъ, какъ другіе, и не задолго передъ тѣмъ говорила фрейленъ Дуффъ, что не броситъ ее. Ему казалось, что она пошла влѣво, но навѣрное утверждать онъ не можетъ, потому что занятъ былъ съ лошадьми. Лошади, до сихъ поръ стоявшія довольно смирно, начали выказывать нетерпѣніе.

Тутъ онъ снова сѣлъ на возлы и сталъ догонять передовые экипажи. Я закричалъ ему вслѣдъ, чтобы онъ непременно остался. Не слышалъ онъ меня, или не хотѣлъ слышать, или не могъ удержать лошадей—не знаю; но я остался одинъ, а все общество пошло съ фонарями подъ предводительствомъ Ганса, черезъ пустошь въ лѣсъ.

ГЛАВА XVII.

Я хотѣлъ броситься назадъ къ людямъ и силой взять кого нибудь на помощь, какъ довольно продолжительный свѣтъ молніи освѣтилъ влѣво холмъ, котораго я до тѣхъ поръ не замѣчалъ, и который лежалъ отъ меня шагахъ во ста. Хотѣлъ ли я осмотрѣть съ холма мѣстность или пошелъ туда по предчувствію, или вслѣдствіе того и другого, но только черезъ нѣсколько минутъ я стоялъ у подножія холма между громадными камнями. Блеснула ослѣпительно-яркая молнія, и я весь вздрогнулъ и волосы мои поднялись дыбомъ. На верху подлѣ куста, разметаннаго бурей, стоялъ призракъ, таинственно освѣтившійся, призракъ бѣдной дѣвушки съ распущенными волосами, смотрѣвшей на то мѣсто, гдѣ утонулъ ея возлюбленный. Послѣ этого снова наступилъ мракъ, и разразился громовой ударъ, заглушившій крикъ мой. Не сошелъ ли я съ ума? И не успѣлъ еще прекратиться трескъ грома, какъ меня точно озарило небесное нѣитіе, такъ что сердце затрепетало, и я громко закричалъ и очутился на верху, гдѣ нашелъ ее, высоко приподнялся и снова закричалъ. Она же обвила шею мою руками, крѣпко, крѣпко прижалась ко мнѣ на грудь, и когда я опустился передъ нею на колѣни, она наклонилась ко мнѣ и сказала:

— Скорѣе, скорѣе, тутъ въ потьмахъ, гдѣ я тебя не вижу: я люблю тебя, я люблю тебя!

— И я тебя!

— Одну меня?

— Одну.

— Совершенно одну? Совершенно одну? и если бы земля разверзлась и поглотила насъ, совершенно одну?

— Да, да!

Снова блеснула молнія, и освѣтила все какъ днемъ. Она засмѣялась и, радостно вскрикнувъ, бросилась ко мнѣ въ объятія.

— Ну, теперь я вижу тебя и могу видѣть! Какъ это хорошо!

какъ самъ ты хорошъ! Теперь снеси меня съ холма, туда до каменной! Теперь пусти, силачъ мой, герой мой, все мое!

— Дай я понесу тебя дальше, вѣдь я могу!

— Я знаю! За что же я и люблю тебя? Ну, а теперь пусти меня, я не хочу, чтобы ты думалъ, что я слабая!

Я поставилъ ее на большой камень; она положила мнѣ руки свои на плечи, и я на минуту увидѣлъ ея прелестное, сердитое личико и прежніе гнѣвные глаза. Потомъ она проговорила сквозь зубы:

— Не забудь, и никогда не забывай, что я не слабая, какъ другія женщины, и что если бы ты не пришелъ искать меня, или не напелъ бы меня, я утопилась бы тутъ въ болотѣ, и что я утоплюсь въ ту минуту, какъ ты разлюбишь меня! Ну, а теперь идемъ!

Она бросилась ко мнѣ на грудь, а изъ моихъ рукъ соскочила на землю, и мы пошли, взявшись за руки, черезъ пустошь, гдѣ молнія постоянно освѣщала намъ путь. Громъ гремѣлъ, а дождь сначала пошелъ ровнѣе, а потомъ полилъ, какъ изъ ведра. Но что было намъ за дѣло до бури и грозы? Что было намъ за дѣло, что мы были покинуты всѣми на пустоши, и шли одни?

Напротивъ того, это было наслажденіемъ: знать, что я могъ защищать и смѣлъ защищать ее, что я дѣйствительно, въ случаѣ нужды, могъ донести свою милую до Трантовица и до Церендорфа. Она тоже находила наслажденіе въ томъ, что могла быть защищена мною, котораго она такъ давно любила, и который принадлежалъ теперь ей, и сталъ принадлежать именно при тѣхъ обстоятельствахъ, какихъ требовало ея капризное сердце и причудливая голова. Все это высказала она отрывочными смутными фразами, мыслями и картинками, которыя то вспыхивали, то исчезали, какъ молнія, вызывая то одно воспоминаніе, то другое, подобно тому, какъ освѣщались вокругъ насъ различные предметы и потомъ опять скрывались во мракѣ: темная пустошь, мерцавшая болотная вода, потомъ кусты въ лѣсу вправо и влево, гигантскіе стволы деревьевъ, массивные сучья которыхъ бились отъ вѣтра другъ о друга, такъ что стоялъ трескъ, стоишь и скрипъ, какъ будто при

свѣтопредставленіи. Но чѣмъ сильнѣе становилась буря, тѣмъ громче радовалась и хохотала она, и когда слова совершенно дѣлались неслышными, то мы передавали ихъ другъ другу поцѣлуями. Когда же, почти перейдя лѣсъ, мы замѣтили приближавшіеся къ намъ фонари, она совершенно разсердилась и серьезно сказала:

— Не убѣжать ли намъ?

Но потомъ, услышавъ могучій голосъ добраго Ганса, кричавшаго: „Ау! гдѣ вы?“ она захлопала въ ладоши и вскричала: ♣

— Это онъ, добрый мой Гансъ, милый мой Гансъ, чудный мой Гансъ! Онъ первый долженъ все узнать. Онъ имѣетъ на это болѣе всѣхъ правъ.

Это былъ Гансъ, опередившій своихъ работниковъ; онъ освѣтилъ фонаремъ наши лица и во всю мочь крикнулъ: „Ау! ау!“ но крикнулъ на этотъ разъ отъ радости, что встрѣтилъ насъ такими веселыми, такими счастливыми, что онъ поставилъ фонарь на землю и сначала пожалъ руки Герминіи, потомъ мнѣ, потомъ опять Герминіи и опять мнѣ и постоянно повторялъ при этомъ:

— Такъ, такъ, отлично! такъ, такъ! какъ будто мы были молодыя упрямыя лошади, съ которыми онъ долго возился и наконецъ образумѣлъ.

Оба работника тоже подошли въ это время.

— Бѣдняги! сказала Герминіа;— пусть и у нихъ повеселѣютъ лица. Дай-ка мнѣ скорѣе все, что у тебя съ собой, и вы, Гансъ, тоже; ну давай же, давай!

Я высыпалъ все изъ своего, весьма слабо набитаго кошелька, ей въ руки, и Гансъ, порывшись у себя въ карманахъ, отыскалъ измятыя бумажки, которыя она взяла и отдала работникамъ, разинувшимъ ротъ и непонимающимъ, что это значить. При этомъ упало нѣсколько талеровъ и работники заявили, что грѣшно оставлять на землѣ даръ божій и начали искать, въ то время, какъ мы отправились дальше и Гансъ сообщилъ намъ, что все общество у него въ домѣ и что онъ уже велѣлъ запретъ телѣги — другихъ экипажей у Ганса не было — чтобы везти въ Церен-

дорфъ, куда онъ уже послалъ верховаго, для того чтобы тамъ все приготовили.

— А мы пойдемъ пѣшкомъ! вскричала Герминія, — не правда ли, Георгъ? но сначала мы взглянемъ на всю компанію; зрѣлище должно быть странное, и мнѣ теперь охота позабавиться. Ахъ, я такъ счастлива, такъ счастлива!

Дѣйствительно зрѣлище, представившееся намъ, когда мы пришли въ развалившійся господскій домъ въ Траптовичъ, было странное. Въ большихъ пустыхъ сѣняхъ, въ узкой комнатѣ Ганса, даже въ его спальнѣ, въ кухнѣ, ходъ въ которую шелъ изъ сѣней, ходили и бродили несчастные гости, крича, ворча, ругаясь, плача, хохоча, смотря потому, кто какъ былъ настроенъ. Къ самымъ веселымъ безъ сомнѣнія принадлежали Фрицъ фонъ-Царентинъ и его крошечная жена, вообще люди любезные, веселые и вмѣстѣ съ тѣмъ кротчайшія существа, хотя во время бури на пустоши они вели себя не лучше другихъ. Тутъ же Фрицъ, варя въ кухнѣ съ помощью кухарки тунисъ, хвалился героизмомъ, который выказалъ во время возвращенія съ прогулки, а его маленькая, вертлявая хохотунья жена хлопотала около дамъ, которыя безъ нея конечно впади бы въ самое мрачное расположеніе духа и во всякомъ случаѣ были бы печальны.

Урожденная сидѣла въ креслахъ Ганса, подобно королевѣ, которая при борьбѣ съ бурей революціи разтрепала свои фальшивые волосы и стерла румянецъ со щекъ. На диванѣ сидѣли обнявшіеся обѣ Элеоноры и плакали, положивъ головы другъ другу на плечи, плакали самыми горькими слезами, и никто изъ присутствующихъ и вѣроятно и сами онѣ не знали о чемъ онѣ плачутъ. Вѣроятно онѣ плакали о своихъ измятыхъ соломенныхъ шляпахъ, о выпачканныхъ платьяхъ, превратившихся изъ непорочно бѣлыхъ въ какой-то сомнительный цвѣтъ. Грубая госпожа фонъ-Гранофъ стояла передъ фрейленъ Дурффъ, сидѣвшей въ полубезпамятствѣ на сундукѣ съ сапогами Ганса, и доказывала ей, что въ подобныхъ случаяхъ своя рубашка ближе къ тѣлу, и что если фрейленъ Герминія дѣйствительно утонула въ болотѣ, то ее, то есть гувернантку, никто не можетъ упрекать.

— Нѣтъ, Дуффочка, никто не станетъ упрекать! вскричала Герминія, входя съ нами въ раскрытую настежь дверь и подслушавъ послѣднія слова.— Дуффочка, милая, родная Дуффочка!

И взволнованная дѣвушка упала на шею своей старой вѣрной гувернантки, и прижимала и цѣловала ее страстно рыдая.

Если бы такой впечатлительной женщиной, какъ фрейленъ Дуффъ, понадобилось объясненіе этихъ ласкъ и слезъ, то она нашла бы его въ фигурѣ высокаго мужчины, стоявшаго въ дверяхъ и смотрѣвшаго на нихъ страстнымъ взоромъ. Она протянула ему обѣ руки, и забывъ прошедшее несчастье, вскричала:

— Развѣ не говорила я, Ричардъ: нищи и обрящешь.

Слова эти, произнесенныя гувернанткою тономъ герольда, провозглашающаго исходъ турнира, заставили вострепешуться присутствовавшихъ въ комнатѣ. Обѣ Элеоноры разцѣпились, посмотрѣли на насъ, потомъ другъ на друга, и вторая, склонивъ голову къ плечу первой, прошептала что-то, изъ чего до меня долетѣло только слово: „Измѣнникъ.“

Можетъ быть, вообще это была трогательная картина, но страшную картину подготавлиала намъ урожденная. Предчувствіе грозившей бѣды видѣлось на ея узкомъ лбу, на ея впалыхъ, вымазанныхъ щебахъ, въ ея выпученныхъ, круглыхъ змѣиныхъ глазахъ; она ждала его въ продолженіи цѣлаго дня. Тщетно материнскія руки ея старались оградить возлюбленнаго сына отъ стрѣлъ гнѣва, которыми осыпала его гордая раздосадованная дѣвушка; тщетно пытался Артуръ почерпнуть въ ананасной наливкѣ свѣжихъ силъ для такого труднаго положенія, и твердости, чтобы перенести свои страданія—бѣдствіе совершилось, и тутъ, тутъ передъ ея глазами, урожденной Киппенрейтеръ, матерью любезнѣйшаго сына, родной тетки неблагодарной дѣвушки, стояла она. Это было уже слишкомъ, слишкомъ! Развѣнчанная королева вскочила, дрожа всѣмъ тѣломъ, и не въ силахъ будучи произнести чтонибудь она бросила убійственный взглядъ на Герминію, которая съ хохотомъ бросилась мнѣ на шею. Урожденная, между тѣмъ, шатаясь, пошла въ другую комнату, гдѣ, какъ я узналъ потомъ, дряхлый отецъ сидѣлъ у изголовья своего наслѣдника, жалкая дума

котораго, въ ту минуту не была даже въ состояніи понять, чего лишился онъ и вся семья его.

Прочь, прочь, темныя картины и образы, не затемняйте мнѣ прекраснаго воспоминанія о томъ вечерѣ! Я не хочу совершенно выбросить васъ, тѣмъ болѣе, что если бы даже и хотѣлъ, то не могъ бы! но все-таки не затемняйте! Не хотите ли вы увѣрить меня, что мы живемъ для васъ и думаемъ для васъ! Конечно вы должны существовать! и благо тому, кто понялъ это, и беззаботно смѣется и подшучиваетъ надъ вами, когда вы не хотите сторониться! Вы должны существовать, какъ черноземъ для прелестной розы, которую мы осторожно высаживаемъ и переносимъ въ свой тихій мирный домъ, чтобы ходить тамъ за нею! — Кто знаетъ, долго ли придется намъ ходить за нею.

ГЛАВА XVIII.

Кто знаетъ, долго ли придется ходить за нею? Можетъ быть, — не долго, можетъ быть, очень и очень не долго! Это грустная фраза и къ несчастью весьма справедливая относительно этого періода исторіи моей жизни, періода, который я начинаю писать дрожащей рукой. Но читателю нечего бояться! Когда я рѣшился писать эту книгу, я не хотѣлъ наводить унынія на него, и безъ того, можетъ быть, уязвленнаго стрѣлами и ударами судьбы. Я не хотѣлъ бы уменьшать его мужества разсказами о томъ, какъ бѣсновался и какъ страдалъ юноша, а напротивъ того, хотѣлъ бы научить его терпѣнію, и пережить вмѣстѣ съ нимъ тяжелыя воспоминанія. Нѣтъ, читатель, если ты, слушая меня, сдружился со мною, то идемъ спокойно по пути моей жизни!

Сначала идемъ въ кабинетъ коммерціи совѣтника, куда я вошелъ на слѣдующее утро въ десять часовъ съ сердцемъ нѣсколько неспокойнымъ, но уже никакъ неоробѣвшимъ. Трусу я не посоветовалъ бы подходить въ это утро къ старику, который бѣгалъ какъ сумасшедшій взадъ и впередъ по комнатѣ, потомъ ос-

танавливался передо мною, съ яростью смотрѣлъ на меня и снова принимался бѣгать, потомъ опять останавливался и кричалъ:

— Такъ, такъ! Такъ вы хотите жениться на моей дочѣри?

— Десять лѣтъ тому назадъ, вы не пугались этого желанія, господинъ коммерціи совѣтникъ, помните на палубѣ „Пингвина“, когда мы ѣхали кататься.

— Сударь, оставьте ваши дурацкія шутки! Спрашиваю васъ еще разъ: вы... вы осмѣливаетесь желать сдѣлаться моимъ зятемъ!

— Извините, господинъ коммерціи совѣтникъ, вы сначала спрашивали, хочу ли я жениться на вашей дочери?

— Это все равно.

— Вы совершенно правы и потому, господинъ коммерціи совѣтникъ, вы поступите гораздо лучше, если немедленно станете считать меня своимъ зятемъ или своимъ будущимъ зятемъ, и обходиться со мною какъ съ зятемъ.

Я сказалъ это твердо и серьезно, и зналъ по опыту, что такой способъ разговора всегда производитъ дѣйствіе на трусливую душу старика. И тутъ онъ инстинктивно отступилъ шага на два отъ меня, сѣлъ на кресло, для разнообразія смѣнилъ насмѣшливое выраженіе лица пасмурнымъ и сказалъ дѣловымъ тономъ:

— Итакъ, вы дѣлаете мнѣ честь, господинъ Георгъ Гартвигъ, и просите руки дочери моей Герминіи. Слѣдовательно намъ надо прежде всего поговорить о положеніи, занимаемомъ вами въ свѣтѣ, и вашихъ личныхъ отношеніяхъ и о надеждахъ въ будущемъ. Сколько мнѣ извѣстно, вы сынъ мелкаго чиновника, молодой человѣкъ, никогда нежелавшій въ юности дѣлать чтонибудь порядочное, и который, вслѣдствіе этого, былъ присужденъ за отвратительное преступленіе на восемь лѣтъ...

— На семь, господинъ коммерціи совѣтникъ...

— Считаю время слѣдствія и продолженіе наказанія, — на восемь лѣтъ работы...

— Заключенія, господинъ коммерціи совѣтникъ...

— И который благодаря только снисхожденію властей, смотрѣвшихъ севозъ пальцы...

— Бумаги мои всё въ порядкѣ, господинъ коммерціи совѣтникъ...

— Впродолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ выучился кузнечному ремеслу, и теперь владѣя средствами въ...

— Въ пятьдесятъ талеровъ наличнаго капитала и сто шестьдесятъ отданнаго въ долгъ, но безъ надежды получить ихъ когданибудь обратно, господинъ коммерціи совѣтникъ...

— И, прибавлю я, не имѣя никакихъ надеждъ на будущее, потому что я не вѣрю въ то, что вы рассказывали мнѣ третьяго дня о предложеніи, сдѣланномъ вамъ его сіятельствомъ, и который такимъ образомъ, съ подобнымъ прошедшимъ, въ подобномъ положеніи, съ подобными средствами и съ такой перспективой въ будущемъ, просить руки дочери коммерціи совѣтника Штребера.

— Къ вашимъ услугамъ, коммерціи совѣтникъ!

Будущій тестъ мой бросилъ изъ подлобья испытующій взоръ на мое лицо, которое должно было объяснить ему, что попытка унижить меня такъ же мало удалась, какъ и метода запугиванья, которымъ онъ началъ. Онъ положилъ лысую голову свою на руку, и закрылся тучей молчанія, прерваннаго имъ внезапно рѣзкими словами:

— Ну, а что, если я вовсе не миллионеръ, вовсе не богачъ, за какого вы, какъ и всё, до сихъ поръ считаете меня... что тогда, сударь, что?

Коммерціи совѣтникъ вскочилъ и остановился передъ стуломъ, куда я сѣлъ, заложивъ руки за спину, и наклонившись ко мнѣ, смотрѣлъ мнѣ прямо въ глаза своими свѣтлыми, пронизательными глазками.

— Въ такомъ случаѣ обстоятельства останутся для меня въ томъ же видѣ, какъ и прежде, тѣмъ болѣе, что мнѣ давно уже сомнительно ваше прославляемое богатство, господинъ коммерціи совѣтникъ.

Пронизательный взоръ облекся мутнымъ, непроницаемымъ туманомъ, а коммерціи совѣтникъ снова бросился на кресло, и похло-

пывая по ручкамъ кресла, разразился старческимъ хохотомъ, перешедшимъ въ кашель, и, смѣясь и кашляя, вскричалъ:

— Это хорошо!... этотъ молодой человѣкъ... сомнительно... давно уже... это хорошо... право отлично!

Кашель сталъ такъ силенъ, что я вскочилъ и началъ тихо хлопывать старика по спинѣ. Вдругъ онъ схватилъ мои руки, и заговорилъ жалобнымъ плачевнымъ тономъ:

— Георгъ, милый мой Георгъ, вѣдь это единственное мое дитя! Вы не знаете, что это значить: опора, радость дряхлаго старика, который завтра можетъ умереть! а вы не хотите подождать эти нѣсколько часовъ! Это жестоко! жестоко! И мнѣ приходится пережить это!

Да, Кассандра была права, говоря, что трудно разгадать намѣренія этого дряхлаго старика. Онъ приберегъ къ концу лучшее свое средство. Если нельзя было испугать или смутить, то, можетъ быть, можно было меня тронуть, и я точно былъ тронутъ и, взявъ неуклюжія, морщинистыя руки старика, пожалъ ихъ и сказалъ:

— Я не отнимаю у васъ ваше дитя!

— Такъ точно не отнимаете? Господь пошлетъ вамъ благодать! вскричалъ коммерціи совѣтникъ, вспрыгнувъ точно отъ электричества съ своего мѣста.— Вы честный человѣкъ, я всегда былъ въ этомъ увѣренъ, я ловлю васъ на словѣ!

— Да, если вы вполнѣ его поняли, господинъ коммерціи совѣтникъ! Я сказалъ, что не отнимаю у васъ ваше дитя, потому что Герминія, сдѣлавшись моей женой, не перестанетъ любить и уважать своего отца, какъ любить и уважаетъ теперь, и что кромѣ того во мнѣ вы приобретете сына, въ которомъ нуждаетесь, если дѣйствительно богаты. Мнѣ кажется я уже говорилъ вамъ, что кромѣ простого кузнечнаго ремесла я знаю кое-что другое, чѣмъ могу замѣнить недостатокъ средствъ.

„Дряхлый старикъ“ посмотрѣлъ на меня взглядомъ, доказывавшимъ, что искусство его истощено. Вѣроятно у него никогда не было намѣренія наотрѣзъ отказать мнѣ въ рукѣ Герминіи, потому что мнѣ кажется я не ошибусь, сказавъ, что онъ не рѣшился бы

на такой энергической поступокъ противъ гордой, твердой дочери, а въ особенности теперь, когда скромный, прелестный, трезвый молодой человѣкъ очень кстати являлся ему въ зятя. Но не въ его духъ было согласиться на чтонибудь, какъ вообще соглашались добрые люди, — прямо, не торгуясь и не чванясь. И такимъ образомъ онъ торговался и чванился и снова торговался и чванился, и тайлся отъ меня, такъ что я уйдя отъ него черезъ часъ зналъ менѣе чѣмъ прежде, о томъ, что долженъ былъ знать, то есть о положеніи его дѣлъ. Но я все-таки достигнулъ своего и вполне разъяснилъ, что Герминія будетъ моею, а такъ какъ это безъ сомнѣнія было главной моею цѣлью, то мнѣ и не казалось легкомысленнымъ считать все остальное неважнымъ.

Въ самые тяжелые дни моей жизни пріучился я переносить многое; что же значили мнѣ непріятности теперь, когда я былъ такъ счастливъ! Какъ могли огорчать меня теперь, когда я видѣлъ блиставшіе отъ радости голубые глаза Герминіи, завистливые и насмѣшливо дружескіе взоры другихъ особъ! А недостатка въ такихъ взглядахъ не было, какъ не было и въ словахъ, сопровождавшихъ эти взгляды.

— Я вѣдь давно зналъ и часто говорилъ вашему покойному батюшкѣ, моему дорогому другу и товарищу, что изъ васъ выйдетъ чтонибудь замѣчательное. Да, да, милый Георгъ... вѣдь я могу все-таки называть васъ по-старому, по-дружески... Пророчества мои сбылись, хотя и не въ томъ отношеніи, какъ я предполагалъ. Ну, всему этому суждено было случиться, и, можетъ быть, все это случилось къ лучшему. Вы всегда были хорошимъ человѣкомъ, и рука ваша всегда была готова къ услугамъ угнетенныхъ. И вы вѣроятно не отнимете эту руку отъ бѣднаго старика, который смотритъ на васъ, какъ на свою послѣднюю надежду.

И штейерратъ потеръ пальцемъ съ громаднымъ перстнемъ вѣкъ лѣваго глаза, и оберъ батистовымъ платкомъ свое блѣдное, аристократическое лицо.

— Я всегда ставила васъ въ примѣръ своему Артуру, говорила урожденная, — знаете еще когда вы были оба въ школѣ, и

когда учителя не могли нахвалиться вами? Боже мой! я какъ теперь вижу васъ, рѣзвыхъ мальчиговъ, какъ привязаны вы были другъ къ другу, и какъ вступались всегда другъ за друга. Если бы это могло такъ остаться, думала я тогда въ глубинѣ своего материнскаго сердца, потому что я предчувствовала, какъ будетъ нуждаться мой добрый, слабохарактерный Артуръ въ сильномъ, благоразумномъ другѣ. Да, предчувствіе мое оправдалось! Дай Богъ, чтобы молитва моя была услышана: чтобы вы, Георгъ, никогда не забыли, чѣмъ онъ когда-то былъ для васъ, чтобы вы никогда не забыли товарища своихъ дѣтскихъ игръ!

И урожденная судорожно пожала мнѣ обѣ руки и подняла лицо свое такъ близко къ моему, какъ будто бы желала доставить мнѣ случай, наконецъ, основательно рассмотреть весь аппаратъ ея фальшивыхъ волосъ, зубовъ, красокъ, улыбокъ и взглядовъ.

— Я не теперь узналъ, какой ты былъ всегда въ продолженіи всей твоей жизни счастливецъ, говорилъ Артуръ, — счастливецъ во всемъ, въ особенности же относительно женщинъ. Ты могъ бы дѣлать изъ нихъ все что угодно. Помнишь, въ танцклассахъ Анюту Лахмундъ и Элизу Коль и Эмилию! ха! ха! ха! Эмилию! Помнишь, какъ мы изъ за нея чуть не вицѣпились другъ въ друга на „Пингвинѣ“? Бѣдная дѣвушка! Вонъ идетъ она подъ руку съ Элизой, тоскуя о потерянномъ счастіи. Надо будетъ мнѣ заняться бѣдняжкой, я, какъ экс-поручикъ, какъ экс-секретарь посольства, какъ эксъ всего, долженъ быть доволенъ всѣмъ.

И Артуръ громко захохоталъ и, ударивъ себя кулакомъ по лбу, объявилъ, что хотя онъ и ни куда негодный человѣкъ, но что онъ все-таки имѣетъ право пустить себѣ пулю въ лобъ.

Эмилиа Гекепфенигъ въ то же утро хотѣла убѣжать отъ извѣстника и уѣхать, но принуждена была тѣмъ не менѣе остаться, потому ли, что мѣсто ея несчастья было для нея привлекательнѣе, или потому, что юстицратъ еще не вернулся изъ Узелина, и написалъ ей, чтобы она непремѣнно осталась до тѣхъ поръ, пока онъ не пріѣдетъ за нею. Въ ожиданіи его пріѣзда несчастная дѣ-

вушка ходила, какъ будто бы она приготовлялась служить натурщицей для сентиментальной картины „Покорность судьбѣ“, постоянно опираясь на руку своей подруги, такъ что я постоянно удивлялся силѣ мускуловъ Элизы, которая, какъ извѣстно, впродолженіи двадцати лѣтъ стояла на краю могилы. При этомъ она смотрѣла на меня взглядомъ умирающей лани, послѣ чего вдругъ бросала взоръ, въ которомъ ясно выражалось: когда нибудь ты расквѣешься въ этомъ!

Я не ошибался въ значеніи этого взора и въ чемъ меня убѣдилъ разговоръ съ юстициратомъ, начатый имъ съ какой-то таинственной довѣрчивостью, когда онъ возвратился черезъ нѣсколько дней изъ города. Почтенный юстициратъ пожималъ мнѣ руки и увѣрялъ меня, что и послѣ моего смѣлаго поступка мы все-таки останемся съ нимъ друзьями, какими были и прежде. Потомъ онъ вдругъ поднялъ пѣтушій гребень свой вверхъ, принявъ озабоченное выраженіе лица — выраженіе это было мнѣ знакомо еще со времени слѣдствія — и сказалъ:

— Молодой человекъ! простите, любезный мой, молодой другъ! Несмотря на вашу молодость, жизнь научила уже васъ, что всякая вещь имѣетъ двѣ стороны, и что не все то золото, что блеститъ. Позвольте старому, испытанному другу вашего семейства дать вамъ совѣтъ, которому по искреннему моему убѣжденію вамъ надо послѣдовать. Во всякомъ случаѣ совѣтъ этотъ дается вамъ отъ чистаго сердца. Примите предложеніе, сдѣланное вамъ его сіятельствомъ, примите во что бы то ни стало, во что бы то ни стало!

Онъ хотѣлъ удалиться послѣ этихъ словъ, но я удержалъ его и сказалъ:

— Вы поймете сами, господинъ юстициратъ, что мнѣ очень любопытно попросить у васъ объясненія этого совѣта, непредвѣщающаго мнѣ ничего хорошаго.

— Не спрашивайте меня ничего болѣе, сказалъ юстициратъ, махнувъ рукою.

— Вы съ своей стороны столько спрашивали меня, и спра-

шивали болѣе, чѣмъ я желалъ, такъ что мнѣ можно позволить нѣкоторую отплату, улыбаясь отвѣчалъ я.

— Неужели вы потребуете отъ стараго дѣльца, чтобы онъ выболталъ вамъ довѣренныя ему дѣловыя тайны? вскричалъ юстициратъ, и гребень его задрожалъ отъ гнѣва.

Но я рѣшился добиться своего и сказалъ:

— Я помогу вамъ, господинъ юстициратъ. Я буду имѣть основаніе предполагать, что дѣла коммерціи совѣтника вовсе не находятся въ такомъ блистательномъ положеніи, какъ думаютъ, если вы такъ скрытны, что не хотите дать объясненія совѣту, который такъ сильно можетъ вліять на все мое будущее и на положеніе самого принца.

Юстициратъ сдѣлалъ видъ, какъ будто самъ онъ жертва своего инквизиторскаго генія и не видитъ другого исхода, какъ сознаться передъ строгимъ судьей.

— Скажу вамъ только одно, отвѣчалъ онъ. — Въ прошлую пятницу коммерціи совѣтникъ былъ со мною въ городѣ, для устройства дѣла съ векселемъ во сто тысячъ талеровъ, и съ этимъ векселемъ я обѣгалъ эти четыре дня весь городъ, и наконецъ мнѣ дисконтировалъ его жидъ въ Гафенгасъ на весьма короткій срокъ и съ очень значительной наддачей. *Sapiente sat*, какъ говоримъ мы, классики!

И юстициратъ обѣими руками пригладилъ пѣтушій свой гребешокъ и поднялъ его вверхъ и направился къ двери, но остановился, снова подошелъ ко мнѣ на нѣсколько шаговъ и сказалъ мнѣ съ видомъ человѣка, который не можетъ оторваться отъ надежды своей:

— Не думайте обо мнѣ дурно, за то, что я высказалъ довѣрчивость столь несоотвѣтствующую ни моему званію, ни моимъ лѣтамъ, и, смѣю сказать, ни моему направленію; но вѣдь я сказалъ вамъ только то, что вы уже знали, или узнали бы рано или поздно, и Георгъ — тутъ юстициратъ вздохнулъ и грустно улыбнулся — Георгъ, то что вы не простили бы слабому дѣльцу, то простите, можетъ быть, отцу. У меня тоже только одна дочь, и я, слава Богу, человѣкъ богатый.

Богатый человекъ, у котораго была только одна дочь, вышелъ въ дверь въ ту самую минуту, какъ въ нее входилъ Вильгельмъ съ письмомъ, принесеннымъ только-что почтальономъ. Это письмо я распечаталъ дрожащими руками.

„Милый мой Георгъ, братъ мой! И такъ наконецъ исполнилось то, чего я такъ давно желала и на что надѣялась, и такъ какъ для полноты твоего счастья надо, чтобы и я была въ числѣ лицъ подносящихъ цвѣты, то прими и мой букетъ въ числѣ другихъ. Я все связала въ немъ, все, что любовь и расположеніе одного человекъ можетъ желать другому, все благословеніе, какое находится у меня въ сердцѣ для тебя, моего друга, моего брата, нашего брата, такъ какъ и молодые люди кланяются своему старшему урату, наконецъ увѣнчанному по своимъ заслугамъ. Съ гордостью носи свой блаженный вѣнецъ, и дай Богъ, чтобы никогда ничья рука не коснулась его, рука, которая была бы не столь священна, какъ рука женщины, опирающейся въ настоящую минуту о мое плечо. Она наклоняется надъ моимъ письмомъ, глаза ея не видятъ его, и тихо говоритъ мнѣ: Все-таки для насъ онъ останется тѣмъ же, чѣмъ былъ.“

На этомъ письмѣ видны тоже слѣды слезъ, но слезы эти капали изъ моихъ глазъ и были слезами радости. Когда я поднималъ благодарный взоръ свой, то облако исчезло, единственное облако, стоявшее на моемъ небѣ. Вокругъ меня все сдѣлалось ясно, какъ весеннее небо, чудно освѣщавшее въ эти дни и землю, и море.

Да, въ эти дни, въ эти чудные дни мнѣ казалось, будто не было и ночи, не было никогда мрака, а вѣчный день, свѣтъ и блаженная жизнь. Дней этихъ не слишкомъ много, но, можетъ быть, это было и къ лучшему.

Кто изъ насъ смертныхъ, несмотря ни на какую силу, могъ бы долго и безнаказанно вкушать яства боговъ.

Но долги или коротки были эти божественныя минуты, пусть онѣ свято хранятся въ моемъ воспоминаніи, какъ свято хранится все, касающееся того времени. Свято для меня ты, красное солнышко, вы, шумящія лѣса, въ которыхъ я блуждалъ рядомъ съ своей ми-

лой, и вы, туманныя поля, гдѣ я ходилъ съ ней въ такомъ блаженствѣ, какъ будто бы поля эти были елисейскія; и вы, милые жаворонки, уносившіеся подъ небеса такъ высоко, такъ высоко, что терялись наконецъ изъ нашихъ взоровъ, и вы, пѣжныя соловьи, хотѣвшіе увѣрить насъ, что вы счастливѣе насъ. Да, пусть будетъ свято воспоминаніе обо всѣхъ васъ, тѣмъ болѣе, что вромѣ воспоминанія у меня ничего не осталось о тѣхъ блаженныхъ дняхъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ.)

РЕТРОГРАДЫ.

Назойливъ, въ регрессивномъ станѣ,
Разлить стремясь безсильно ядъ, —
Въ какомъ-то нравственномъ туманѣ
Ждетъ поворота ретроградъ.

Напрасно, выросшій въ прогрессѣ,
Мыслитель честный возстаетъ; —
И съ жалкой грустью желчно пресѣ
Застой глупцовъ передаетъ.

Временъ боярщины безправой
Таковъ въ мозгу у нихъ желвакъ,
Что всѣ погромы мысли здоровой,
Не прошибуть его никакъ.

И лишь года сотрутъ въ рутинѣ
И замѣтутъ послѣднй слѣдъ.
Такъ древле странствовалъ въ пустынѣ
Народъ несчастный много лѣтъ.

Когда жъ все вымерло гнилое,
Что за тупую старину; —
Вступило племя молодое,
Въ обѣтованную страну!

И Кроль.

ВЪ РАЗВРОДЪ.

(Изъ исторіи нашей семьи.)

I.

Радости и огорченія капитана Хлопко.

Капитанъ Хлопко жилъ со мною...

Впрочемъ, лучше я начну съ того времени, когда капитанъ Хлопко жилъ одинъ, а я совсѣмъ не имѣлъ счастья жить. Это было давно, слишкомъ сорокъ лѣтъ тому назадъ. Я не сталъ бы говорить о такой отдаленной отъ насъ эпохѣ, если бы исторія моей послѣдующей жизни была понятна безъ исторіи моего дѣтства и если бы исторія моего дѣтства, въ свою очередь, была понятна безъ описанія личности капитана Хлопко.

Итакъ начинаю сначала.

Мирное затишье жизни сорокалѣтняго холостяка, капитана Петра Акимовича Хлопко, было нарушено въ послѣдніе два года совершенно необычайными и, въ нѣкоторомъ родѣ, торжественными событіями. Они отчасти сбили добраго старика съ толку и съ ногъ. Въ эти два года онъ сталъ такъ рѣдко появляться на своемъ обычномъ мѣстѣ въ англійскомъ трактирѣ Бека среди холостяковъ — товарищей, что они махнули на него рукою, какъ на человека пропащаго, утратившаго способность поддерживать честь стараго флота и показывать молодежи, какъ умѣютъ на

слаждаться жизнью старые моряки. Теперь и пирушки старыхъ моряковъ, и ихъ толки о преимуществѣ старыхъ судовъ передъ новыми и насмѣшки надъ молодежью-кислятиной и бабьемъ, все это совершалось безъ капитана Хлопка. У него шла другая жизнь, явились другіе интересы. Флотъ и все флотское отошло куда то не только на второй, а совсѣмъ на задній планъ и не интересовало его, въ свою очередь не интересовалъ и имъ самимъ. Утративъ связь съ собратьями по службѣ, онъ утратилъ и долю своихъ старыхъ привычекъ, пріобрѣтенныхъ чуть ли ни въ теченіе двадцати пяти лѣтъ морской жизни. Такъ, напримѣръ, рѣдко находилъ онъ теперь удобную минуту, чтобы по своему прежнему обычаю, сидя въ безмолвномъ созерцаніи, накуриться до горечи, до огорченія крѣпкою сигарою. Даже постоянный другъ и спутникъ капитана въ его земныхъ странствованіяхъ—стаканъ грога, похожій на добрую кружку, не всегда являлся теперь на капитанскомъ столѣ. Однимъ словомъ, капитанъ пошелъ въ разныя стороны и со старою жизнью и со старыми пріятелями. А между тѣмъ онъ по прежнему любилъ и флотъ, и крѣпкія сигары, и грогъ. Но дѣло въ томъ, что нашлись люди, которыхъ капитанъ полюбилъ болѣе флота, крѣпкихъ сигаръ и грога, и которые совсѣмъ не любили этихъ трехъ друзей стараго холостяка. Капитанъ покорился своей участи; сначала отказался отъ плаванія, чтобы не покидать любимыхъ людей, потомъ вышелъ въ отставку, чтобы имѣть возможность постоянно быть съ любимыми людьми; далѣе сталъ рѣже курить крѣпкія сигары, чтобы не возбуждать головныхъ болей у любимыхъ людей, и наконецъ отсталъ почти отъ всего, съ чѣмъ свыкся въ двадцать пять лѣтъ. Сдѣлать иначе было невозможно, когда вся его жизнь перемѣнила теченіе, когда новая жизнь и старыя привычки не могли существовать рядомъ. Такъ не могутъ существовать рядомъ безкорыстѣ бѣднаго служаки и его семья, состоящая изъ пяти, шести членовъ; бѣднякъ долженъ отказаться или отъ своего стараго честнаго друга—безкорыстья, или отъ своего новаго вѣчно аячущаго и жаждущаго товарища—семьи. Тѣмъ или другимъ нужно пожертвовать, съ тѣмъ или съ другимъ нужно идти въ разныя стороны, въ разбродъ. Такіе разрывы со старымъ нерѣдко

встрѣчаются въ жизни и переносятся нелегко. Но у капитана былъ ясный и спокойный умъ, была нѣжная и любящая душа. Если онъ чему нибудь отдавался, то отдавался всецѣло, безъ сожалѣній, безъ раскаянья, какъ рыцарь, промѣнявшій шумные пиры своего праѣдовскаго замка на трудное скитаніе и кровавыя битвы за освобожденіе христова гроба. Въ капитанѣ было много рыцарскаго чувства. Вотъ почему и теперь онъ выглядѣлъ бодрымъ и веселымъ, освоившись вполне съ своимъ новымъ положеніемъ: Положеніе же было вотъ какого рода: въ одинъ прекрасный день капитанъ вдругъ сдѣлался отцомъ семейства; черезъ полгода послѣ этого непредвидѣннаго событія онъ имѣлъ несчастіе потерять одного изъ своихъ дѣтей, а еще черезъ мѣсяць былъ обрадованъ появленіемъ на свѣтъ здоровка-внука. Дѣла шли, какъ видите, немного быстро. Читатель, любящій скандалезныя сцены и событія, можетъ воздержаться отъ преждевременнаго восторга и не восклицать про милѣйшаго капитана: «А старикашка-то, видно, былъ не промахъ!» Капитанъ оставался по прежнему холостякомъ и отчасти до сихъ поръ чуждался слишкомъ близкихъ отношеній съ прекраснымъ поломъ. Причина неожиданныхъ событій въ его жизни была вовсе не скандалезная, а даже трогательная.

Въ теченіе пяти или шести лѣтъ капитанъ постоянно имѣлъ обыкновеніе во время пребыванія на сушѣ отправляться по воскреснымъ днямъ въ одинъ изъ петербургскихъ пансіоновъ. Нарядившись въ самый новый мундиръ, сидѣвшій на его угловатыхъ плечахъ мѣшкомъ, пригладивъ тщательно свои полусѣдые волосы, все-таки стоявшіе торчкомъ, и разгладивъ полусѣдые усы, которые по прежнему топорщились въ разныя стороны, какъ щетина, капитанъ являлся въ пріемный залъ. Онъ старался пройти по залу очень осторожно и тихо, при чемъ его приплюснутыя, громадная ноги помимо его воли производили необычайный шумъ. Самымъ любезнымъ и мягкимъ голосомъ, немного походившимъ на звуки непрочищеннаго рупора, онъ обращался къ дежурной классной дамѣ и, предварительно справившись о ея драгоценномъ здоровьѣ, просилъ ее вызвать къ нему Машеньку Серпуховскую. вполне довольный и своею щеголеватостью, и своею любезностью, капитанъ начиналъ не

безъ волненія расхаживать по залу, поправляя, то есть ероша еще болѣе свои чубастые волосы и щетинистые усы. Не безъ пріятной гордости начиналъ онъ замѣчать, что взоры всѣхъ пансіонскихъ посѣтительницъ съ любопытствомъ обращались на его шикарную особу. Видя, что всѣ лорнеты окончательно направлялись въ его сторону, онъ выпрямлялся, поднималъ плечи и шумѣлъ ногами еще болѣе, дѣлаясь вполнѣ развязнымъ и привлекательнымъ. Ему, какъ человѣку добродушному и общежительному, иногда очень хотѣлось въ эти минуты заговорить со всѣми пансіонскими посѣтительницами тѣмъ дружескимъ тономъ, которымъ онъ привыкъ говорить въ обѣдненныхъ залахъ европейскихъ гостинницъ, гдѣ, можетъ быть, никто не понималъ словъ другъ друга, но за то всѣ были дружны и веселы. Иногда капитану становилось даже грустно, что всѣ эти дамы сидятъ и шепчутся по уголкамъ, отдѣльно одна отъ другой, какъ будто у нихъ, отдавшихъ въ одно училище своихъ дочерей, нѣтъ общихъ интересовъ, общилъ вопросовъ, какъ будто ихъ дочери не составляютъ одну семью, готовящуюся вмѣстѣ наслаждаться и страдать въ жизни. Вспоминалось капитану, какъ его шумныя и веселыя рѣчи собирали около него за границею въ одинъ кружокъ даже чопорныхъ англичанокъ и думалъ онъ:

— А что, если бы я всталъ по срединѣ зала и сказалъ бы: милостивыя государыни, въ виду этихъ дѣтей, соединившихъ насъ въ одну семью, мы...

Капитанъ задумывался, что бы сказать далѣе.

Но прежде, чѣмъ онъ рѣшался обратиться съ торжественною рѣчью ко всѣмъ пансіонскимъ посѣтительницамъ, къ нему неслась мнеленькая, живая дѣвочка, рѣзко отличавшаяся отъ всѣхъ другихъ дѣвочекъ отсутствіемъ на ней пелеринки и на-рукавничковъ. Капитанская шея обвивалась красненькими, угловатыми рученками и капитанъ даже не успѣвалъ разглядить своихъ усовъ для поцѣлуя. Но дѣвочка, кажется, не замѣчала, что эта щетина колется и цѣловала по десятку разъ стараго дядю. Въ эти минуты гордость капитана не имѣла границъ. Онъ ясно видѣлъ, какъ всѣ дѣвочки, а за ними и ихъ родственницы, указывали и поглядывали на него и на его Марусю.

Онъ сознавалъ, что не только онъ самъ чрезвычайно ловокъ и щеголеватъ, но что и его Маруся выгладитъ красивѣе всѣхъ своихъ подругъ.

— Ты отлично дѣлаешь, Маруся, что этихъ больничныхъ рукавовъ и пелеринокъ не носишь, говорилъ онъ, поглаживая усы.

Маруся конфузилась. Капитанъ, какъ нарочно, каждый разъ забывалъ, что это отличіе есть признакъ наказанія.

— Это за шалости ихъ съ меня сняли, дядя, замѣчала дѣвочка, потушля глазенки.

— Въ наказаніе? Bravo! Да ты въ тысячу разъ красивѣе безъ нихъ. Хороши у васъ наказанія, чортъ возьми! Ха, ха, ха!

Капитанъ раздражался громкимъ хохотомъ и самодовольно обводилъ глазами пріемный залъ. Потомъ они сѣли гдѣ нибудь въ углу; дѣвочка рассказывала о пансіонскихъ происшествіяхъ; капитанъ заливался звучнымъ смѣхомъ или громкогласно негодовалъ, забывая, что громкія изъявленія не только негодованія, но и восторга не дозволены обычаями пансіона. Наконецъ дежурная классная дама подзывала къ себѣ Серпуховскую и замѣчала ей:

— Скажите вашему родственнику, что такъ хохотать нельзя. Если всѣ начнутъ такъ шумѣть, то намъ придется бѣжать отсюда.

Маруся, ругая въ душѣ классную даму, сообщала объ этомъ замѣчаніи дядѣ и онъ начиналъ удивляться.

— Странныя у васъ женщины, очень странныя! высоко поднималъ онъ плечи и ерошилъ свой чубъ.—Я, кажется, видѣлъ свѣтъ и знаю общество, а такихъ вещей не видывалъ, чтобы людямъ смѣхъ и веселость мѣшали. Вѣдь если бы я въ дамскомъ обществѣ не бывалъ, ну, такъ можно бы подумать, что это непринято, что я вести себя не умѣю. А то у меня, слава Богу, чортъ возьми, сотни знакомыхъ женщинъ есть, даже могу сказать безъ хвастовства, въ высшемъ кругу знакомыя есть. Да вотъ, въ бытность мою въ Портсмутѣ самъ командиръ шорта, его превосходительство адмиралъ Дондерсъ, познакомилъ меня съ тремя первыми аристократками города, когда я былъ на балу въ Crown—Inn'ѣ. Это знаешь, дитя, такой трактиръ

есть въ Портсмутѣ, балы тамъ даются съ платою по три съ половиною шиллинга за билетъ. Ну ужъ и хохоталъ же я на этомъ балу, глядя, какъ тамъ экосезъ танцуютъ тамошніе танцоры!

Увлечшись воспоминаніемъ объ аристократкахъ, бывшихъ на трактирномъ балу, и объ экосезѣ, капитанъ снова начиналъ хохотать и шумно рассказывалъ свои приключенія на портсмутскихъ балахъ, оиуть забывая, что такъ громко смѣяться нельзя.

Но какъ бы то ни было, капитанъ былъ весьма доволенъ своими воскресными походами и даже въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ сдѣлалъ въ институтѣ не мало знакомствъ. Такъ онъ спрашивалъ о здоровьѣ всѣхъ классныхъ дамъ, иногда пугая ихъ фамиліи; онъ расшаркивался передъ подслѣпватою княгинею Запольскою, презрительно оглядывавшею его особу въ лорнетъ, какъ какое-то новое, еще невиданное насѣкомое, впервые попавшееся подъ микроскопъ естественнаго испытателя; онъ подсаживалъ въ карету старую, дрожавшую на вышедшихъ изъ повиновенія ногахъ, графиню Трегубову и съ соболѣзнованіемъ выслушивалъ, какъ она говорила ему: «спасибо, родной, спасибо; стара стала, слаба стала, такъ молодые-то вертопрахи и въ карету не подсаждать;» онъ сирավлялся «о дѣлишкахъ» у бѣдной вдовы умершаго подъ судомъ полковника Костина и даже иногда при встрѣчахъ со всѣми этими дамами вступалъ съ ними въ длинныя разговоры, не безъ глубокомыслія замѣчая, что нынче очень дурная погода стоитъ.

— Она мнѣ напоминаетъ то время, когда я былъ въ Копенгагенѣ, рассказывалъ капитанъ. — Бросили мы якорь на большомъ рейдѣ, верстахъ въ 14 отъ города. Вѣтеръ былъ свѣжій, противный, намъ пришлось бороться на веслахъ, противъ...

— Pardon, monsieur, on vous attend! отвѣчали ему его короткія знакомыя и отходили прочь.

Не падая духомъ, капитанъ расшаркивался и, не успѣвъ сообщить о своемъ пребываніи въ Копенгагенѣ, по-прежнему довольный собою, снова путешествовалъ по пріемному залу въ ожиданіи своей Маруси.

— Какой чудакъ! презрительно говорили про него велико-свѣтскія барыни и объясняющіяся на французскомъ языкѣ классныя дамы.

Любила съ нимъ побесѣдать только бѣдная полковница Костина, которой онъ прислалъ, передъ выпускомъ ея старшей дочери изъ пансіона, чуть не возъ различныхъ принадлежностей женскаго туалета.

— Помилуйте, за что, за что! весело восклицалъ капитанъ, разглаживая усы, когда Костина со слезами на глазахъ стала благодарить его. — Вѣдь я буду же Маруськѣ приданое при ея выпускѣ дѣлать, а вашу дочь и всѣхъ другихъ пансіонерокъ я сестрами Маруськи считаю. Такъ отчего же мнѣ и объ нихъ не позаботиться, если ихъ родители—ну, тамъ по разнымъ случайностямъ фортуны—не могутъ многого сдѣлать для нихъ.

— Вы добрый человѣкъ, капитанъ! Богъ васъ не оставитъ за это! шептала съ чувствомъ растроганная Костина.

— Надѣюсь, надѣюсь, на его великую милость! торжественно заключилъ Хлопко.

Всѣ остальные пансіонерскія знакомыя капитана обвиняли его въ навязчивости и никакъ не помышляли, что этотъ неуклюжій, взерошенный чудакъ, съ припомаженными въ видѣ шоръ волосами на вискахъ, представляетъ собою образецъ вполне общежительнаго европейца, что онъ смѣло разговариваетъ съ каждымъ встрѣчнымъ, какъ съ короткимъ знакомымъ, видя въ каждомъ человѣкѣ своего брата, члена одной большой семьи—человѣчества, что онъ не можетъ молчать, стоя рядомъ съ мыслящимъ существомъ и кипя избыткомъ чувствъ, впечатлѣній и мыслей.

Долго и много путешествовалъ капитанъ и не только на корабляхъ, но даже и сухимъ путемъ, возвратившись однажды вмѣстѣ съ своими собратьями по службѣ на родину пѣшкомъ и познакомившись съ неприморскими городами Европы. Это было въ 1809 году. Во время этихъ скитаній по бѣлу свѣту онъ потерялъ способность видѣть въ комъ нибудь незнакомаго и чужого. Англичане, французы, шведы, греки, люди, имена которыхъ онъ затвердилъ съ дѣтства, и люди, которыхъ имена онъ слышалъ только разъ въ жизни, всѣ они были его близкіе, родные, братья по человѣчеству.

— Помилуйте, говаривалъ онъ,—да на что это похоже, чтобы люди были людямъ чужды? Вы на послѣднюю дворняжку взгля-

ните, вѣдь и та тотчасъ сводитъ знакомство съ какимъ нибудь ньюфаундлендомъ. А мы, слава Богу, умнѣе, человѣчнѣе, такъ сказать, чѣмъ собаки!

Не умѣя говорить по-голландски и по-шведски, онъ тѣмъ не менѣе легко объяснялся съ голландцами и шведами и даже, во время общихъ пировъ, поощрялъ ихъ на какомъ-то человѣческомъ языкѣ.

— Бравъ! бравъ! похлопывалъ онъ по плечу своихъ друзей на одинъ день, распивая съ ними вино.

Друзья, конечно, понимали его и тоже трепали его по плечу, вступая съ нимъ въ очень продолжительные и жаркіе разговоры и споры.

— Славный народъ эти голландцы! восхищался капитанъ, возвращаясь въ веселомъ настроеніи духа изъ общества голландцевъ на фрегатъ.

— А молодцы эти шведы! Право молодцы! разсуждалъ онъ, отпировавъ со шведами и немного пошатываясь въ стороны.

Въ концѣ концовъ онъ былъ вполне искренно убѣжденъ, что каждый народъ—славный народъ, и всѣ люди—молодцы-люди.

— И вѣдь какъ подумаешь, философствовалъ онъ,—у каждаго народа своя исторія, свои герои, свои мученики и свое вино, чортъ возьми! Отличныя вина бываютъ на свѣтѣ! прибавлялъ онъ, весело смѣясь и ерзая руками по усамъ.

За то всѣ народы и всѣ люди, за исключеніемъ десятка классныхъ дамъ и великосвѣтскихъ барынь, тоже были убѣждены, что самъ капитанъ Хлопко славный человѣкъ и молодець. По крайней мѣрѣ, онъ часто слышалъ, какъ и ему говорили, хлопая его по плечу:

— Brave! Brave!

Такъ проводилъ капитанъ годы своей жизни съ сигарою въ зубахъ, съ стаканомъ грога въ рукѣ, съ оживленными и шумными рѣчами на устахъ, среди своей общечеловѣческой семьи, принимая тосты за Россію, предлагая тосты за Англію, Францію или какую нибудь другую страну, не пересчитывая грошей, покупая, гдѣ что понравилось, и съ дѣтской наивностью не считая контрабандой какую нибудь фарфоровую чашку за то,

что она сдѣлана гдѣ нибудь въ Севрѣ, а не въ какомъ нибудь родномъ городишкѣ, не признавая запрещенною книгу за то, что она издана безъ нашего согласія гдѣ нибудь въ Брюсселѣ, а не одобрена цензурою гдѣ нибудь въ Россіи. Правда, и фарфору и книгъ капитанъ вывозилъ немного и ужь конечно не для продажи, но умѣлъ п это небольшое отстоять передъ таможенными досмотрщиками, отчасти вслѣдствіе настоячивости, отчасти вслѣдствіе ненависти ко всякимъ таможнямъ и ихъ агентамъ. Всѣмъ было извѣстно, что капитанъ участвовалъ въ двухъ знаменитыхъ продѣлкахъ одного командира корабля. Однажды этотъ командиръ спустилъ чуть не весь экипажъ на берегъ и пронесъ среди строя матросовъ запрещенные товары къ ужасу двухъ таможенныхъ досмотрщиковъ, тщетно суетившихся около марширующихъ моряковъ. Въ другой разъ этотъ же командиръ причалилъ на шлюпкѣ къ берегу и пригласилъ досмотрщиковъ осмотрѣть шлюпку; досмотрщики вошли въ нее; командиръ скомандовалъ и шлюпка отчалила, доплыла до первыхъ свай и здѣсь остановилась; командиръ вѣжливо попросилъ досмотрщиковъ высадиться на свай и потомъ благополучно перевезъ свои вещи на берегъ. Обѣ эти продѣлки привели въ восхищеніе капитана Хлопко и онъ долго, долго рассказывалъ о нихъ.

Капитанъ уже давно привыкъ къ своимъ воскреснымъ посѣщеніямъ пансіона, когда его послали снова въ заграничное плаваніе. Это было величайшемъ несчастіемъ для Маруси, но капитанъ старался выглядѣть бодро и утѣшалъ ее, ежеминутно отирая слезы и шутливо объясняя, что онъ ѣдетъ за ея приданымъ. Насталъ день разлуки, насталъ день отплытія эскадры, а за нимъ понеслись надъ капитаномъ сотни дней съ бурями, съ шквазами, со штилемъ, съ высадками на берегъ, съ служебными хлопотами и невзгодами. Какъ только бросали якорь, капитанъ нетерпѣливо взбивалъ свой хохоль и спѣшилъ на берегъ, ожидая какихъ нибудь вѣстей съ родины. Иногда вѣсти приходили, иногда ихъ не было; подчасъ онѣ были утѣшительны, подчасъ печальны;— все это отражалось на настроеніи духа капитана, какъ отражается погода на простуженномъ организмѣ. Чѣмъ больше проходило дней, тѣмъ пасмурнѣе становился капитанъ.

Вѣсти изъ Россіи дѣлались съ каждымъ днемъ все безотраднѣе.

«Дядя, писала Маруся, жить у отца мнѣ было бы не скучно, еслибы онъ не былъ въ ссорѣ со всѣми сосѣдами и родными (Знаю, знаю, что это неуживчивый человѣкъ! мысленно восклицалъ капитанъ. Не даромъ же онъ былъ отправленъ на Кавказъ, не даромъ же сестру развели съ нимъ и отдали Марусю въ институтъ). Изъ за его ссоръ мнѣ приходится или сидѣть дома или выѣзжать одной и слушать, какъ всѣ ругаютъ его (Ему-то по дѣломъ, а каково ей-то, дочери, каково слушать эти вещи про отца! вздыхалъ капитанъ). Я бы и не выѣзжала, пожалуй, никуда, но дома такъ скучно! Отецъ, какъ мужикъ, все возится въ поляхъ, все толкуетъ съ крестьянами, ругаетъ всѣхъ помѣщиковъ, хотя они, сколько я знаю, люди приличные. Мнѣ приходится сидѣть одной, или слушать болтовню Федосьи Никоновны (Это что за краля? задумывался капитанъ). Но я не люблю ее. Мнѣ странно даже, что эта толстая, простая баба всѣмъ распоряжается въ нашемъ домѣ. Она и на меня смотритъ такъ, какъ смотрѣли на насъ классныя дамы, и замѣчаетъ мнѣ, какъ маленькой, что я должна чѣмъ нибудь заняться. Но чѣмъ же я займусь? Читать нечего, у отца много книгъ, но въ нихъ такія слова употребляются и такія вещи говорятся, что я покраснѣла, заглянувъ въ нихъ. Папа же за одно съ Федосеей Никоновной тоже говоритъ, что я должна трудиться и хоть за больными бабами ходить или дѣтей крестьянскихъ учить. Но вѣдь я не готовилась въ сидѣлки или въ гувернантки къ мужикамъ (А, каковъ родитель! Дочь хочетъ сдѣлать служанкой мужиковъ! сердился капитанъ. Конечно, мужикамъ надо помогать. Да вѣдь она-то еще дитя). Папа конечно не сталъ бы совѣтовать такихъ глупостей, еслибы ему не сплетничала на меня Федосья Никоновна. Она совсѣмъ необразована, но папа сажаетъ ее за одинъ столъ съ нами и велитъ мнѣ учиться у нея хозяйству, точно я въ кухарки готовлюсь, и совѣтуетъ не спорить съ ней. А она говоритъ глупости, увѣряетъ, что Илья пророкъ на колесницѣ ѣздитъ, когда громъ гремитъ; говоритъ, что собака передъ покойникомъ воетъ и что для отвращенья бѣды нужно башмаки подошвой къ стек-

лу выставить. Когда я заспорила съ нею, папа обратился ко мнѣ и съ насмѣшкой своимъ язвительнымъ голосомъ сказалъ мнѣ: А ты лучше не объ Ильѣ пророкъ, да не о громѣ думай, а заботься о развитіи своего характера на пользу ближнихъ. Громъ-то хоть взъ навозной кучи греми, это тебя не должно заботить, пока ты не узнаешь, какъ около тебя живутъ люди, да въ чемъ они нуждаются. — Ну, папа, я глупостей не могу слушать, не дѣлая возраженій, замѣтила я. — А ты думаешь, сама не говоришь съ три короба глупостей при каждомъ словѣ? Эхъ, Маша, прибавилъ онъ, прикинувшись грустнымъ, испортили тебя совсѣмъ въ пансіонѣ. Старайся забыть все, чему тебя учили. Тебя учили только лжи. Не знаешь ты, сколько я вынесъ, чтобъ удержать тебя при себѣ. Подлецы побѣдили!.. Отецъ сдѣлался страшнымъ въ эту минуту и началъ ругать такихъ людей, которыхъ я обожаю, за которыхъ я молюсь. Немного поуспокоившись, онъ опять посоветовалъ мнѣ учиться у Федосьи Никоновны. — Она хотя и вретъ по части громовъ, замѣтилъ онъ, а все-таки баба умная и честная. (Видишь, онъ самъ понимаетъ, что она просто баба!) Она и грошъ сберечь умѣетъ, и хозяйство отлично ведетъ, и мужику при случаѣ поможетъ, хоть и выругаетъ его. Папа долго еще читалъ мнѣ наставленія, но я расплакалась и ушла въ свою комнату. Я дня три не могла говорить съ нимъ. О! какъ я страдала въ эти дни, а онъ, кажется, даже и не замѣтилъ этого. (Извергъ, извергъ рода человѣческаго! Ну, переломилъ бы себя, уступилъ бы ребенку! чуть не плакалъ капитанъ за свою Марусю.) На дняхъ я серьезно посоветовала отцу отпустить Федосью Никоновну и обѣщала сама хозяйничать и дѣлать все, что нужно для него. Я заговорила съ нимъ объ этомъ, потому что онъ былъ въ этотъ день особенно ласковъ со мною и даже грустенъ. Выслушавъ меня, онъ только улыбнулся и шутливо спросилъ: — Ну, а какъ капусту кислую готовятъ?.. Почему же я знаю, дядя, какъ ее готовятъ. (Скажите пожалуйста ему нужно, чтобы дочь капусту кислую умѣла готовить! Да лавочники-то на что же существуютъ? обозлился капитанъ). Это, дядя, было низко съ его стороны. Я говорила о серьезномъ дѣлѣ, а онъ

все обратилъ въ шутку! Я долго плакала послѣ этого. Развѣ я не сдумѣла бы все то же сдѣлать, что дѣлаетъ Федосья Никонкина? А капусту кислую приготовилъ бы и поварь... Я теперь веду дневникъ своихъ страданій...»

— Гмъ, гмъ! Плохо. Дневникъ страданій ведетъ! Очень плохо! восклицалъ капитанъ, ероша волосы. Погубить онъ мою Маруську. Въ разные стороны они смотрятъ. И зачѣмъ ломать, ну передѣлывалъ бы ее исподволь. Да и передѣлывать-то зачѣмъ? Она цвѣтокъ, она птичка, пусть красуется своимъ нарядомъ, своей внешней красотой. Не всѣмъ же черноработными быть! Мы черноработные, мы будемъ работать и въ часы отдыха любоваться ею. . Эхъ, кабы теперь домой!

Капитанъ смотрѣлъ на число, которымъ помѣчено письмо, ужасался, что вѣсти такъ долго не доходятъ до него, и сердился, что фрегатъ не снимается съ якоря. Наконецъ эскадра отправлялась въ дальнѣйшій путь. Капитанъ, стоя у борта по цѣлымъ часамъ, глядѣлъ угрюмыми глазами въ безбрежную даль моря, озаренную кроткимъ свѣтомъ луны. Ему снизася на яву далекая деревня. Въ тихомъ плескѣ волнъ ему слышались кроткій, призывный плачь его Маруси.

— Что, капитанъ, моремъ залюбовались? Чудная картина! подходилъ къ нему кто нибудь изъ товарищей.

Капитанъ приходилъ въ себя.

— Да, сверху пусто, а внизу мокро! хмуро отвѣчалъ капитанъ, поворачиваясь спиною и къ морю и къ непрошеному собесѣднику.

Капитанъ разлюбилъ море. Капитанъ всецѣло отдался своимъ симпатіямъ сушѣ.

Черезъ долгое время получаетъ новыя вѣсти.

«Дядя, дядя, что я узнала, голубчикъ, писалось въ новомъ письмѣ. Какая это низость, какой это грѣхъ! У этой женщины отъ моего отца есть дѣти! Они мужики! Мои братья—мужики! Дѣти моего отца—мужики! (Подлецъ, подлецъ! ужасался капитанъ). И можешь себѣ представить, она не вѣнчана съ отцемъ; у нихъ какъ-то такъ безъ вѣнчанья родились дѣти. Ей Богу, я тебѣ не лгу это! (Дитя чистое, дитя чистое! умилялся капитанъ до слезъ). Я по поводу этого говорила съ отцемъ.

—Что-жь тутъ удивительнаго, что у меня дѣти, сказалъ онъ. Вѣдь ты не удивляешься, что ты моя дочь?—Но она не вѣнчалась съ тобою! воскликнула я. — Не для чего вѣнчаться, отвѣтилъ онъ. Она въ дворянки не лезетъ. Умру я, у нея кусокъ хлѣба будетъ, у дѣтей тоже и хаты будутъ, и земля. — Но они мужики, мои братья—мужики! взволновалась я отъ негодованія. — А ты думаешь, дворяне изъ другого тѣста сдѣланы, засмѣялся отецъ. Былъ бы хлѣбъ, да воля, такъ умный человекъ и думать не станетъ о дворянствѣ. Не даромъ говорятъ: что твоя честь, коли нечего ѣсть. Я не вынесла этого разговора и чуть не слегла въ постель. О, какъ бы я хотѣла идти теперь въ гувернантки! Но отецъ не хочетъ доставить мнѣ и этого утѣшенія. Когда онъ узналъ о моемъ намѣреніи, онъ прикинулся грустнымъ и сталъ меня уговаривать:—Неужели ты думаешь въ самомъ дѣлѣ идти въ гувернантки? сказалъ онъ. Подумай, сколько бѣдныхъ дѣвушекъ ищутъ мѣстъ и не находятъ. Имъ нужны мѣста для куска насущнаго хлѣба, а ты хочешь отбивать у нихъ этотъ хлѣбъ, котораго у тебя и безъ того слишкомъ много. Ты должна здѣсь приносить пользу тѣмъ, которые тебя кормятъ. Пойми, Маша, что кругомъ тебя голодаеть необразованный, придавленный народъ. — Я жить здѣсь не могу, отвѣтила я.—Ну, а въ гувернантки я тебя не отпущу. Лучше поѣзжай къ теткѣ въ Москву, бездѣльничай, вертись на балахъ, а на мѣсто и не думай идти... О, дядя, дядя, какой онъ деспотъ! Его и сосѣди деспотомъ называютъ и Михаилъ Николаевичъ Теплицынъ такъ же его зоветъ. Михаилъ Николаевичъ мнѣ и въ гувернантки посоветовалъ идти, говоря, что лучше жить у чужихъ, чѣмъ въ этомъ притонѣ разврата и деспотизма. Ахъ, какой милочка Михаилъ Николаевичъ, ты просто влюбился бы въ него! Жаль только, что онъ такой больной и слабый. Но у него препоэтическое блѣдное лице. И вообрази себѣ: отецъ называетъ его «слаксивой тряпкой». Это низко, это низко! И что такое слаксивая тряпка? Тутъ и смысла-то нѣтъ!»

— Это кто же такой Михаилъ Николаевичъ? А? Любопытно узнать, рассуждалъ въ раздумьѣ капитанъ. Надо бы ему написать, чтобы онъ ее какъ нибудь избавилъ изъ этого омута.

И когда это мы вернемся въ Россію, чортъ возьми. Носимся, носимся по бѣлу свѣту, а дома хоть трава не рости! Ну служба! Бобылей бы безродныхъ брали, а то тамъ семья, близкіе люди гибнуть, а ты стой на вахтѣ. Не все же служить государству, нужно и о себѣ, и о своихъ подумать. Или мы государству служить будемъ, а оно намъ службу отслужить! Держи карманъ шире, чтобы не просыпалось!

— А вы все мечтаете, капитанъ? подходили къ нему товарищи.

— Да вотъ думаю о томъ, что бы вы стали здѣсь дѣлать, если бы вашихъ женъ и дочерей кто нибудь вздумалъ опозорить въ эту минуту, сердито отвѣтилъ капитанъ, выразившись болѣе нецензурнымъ образомъ, и отошелъ отъ изумленныхъ сослуживцевъ.

Капитанъ разлюбилъ морскую службу. Капитанъ всецѣло отдался семейнымъ интересамъ.

А между тѣмъ получилось еще письмо.

«Дядя, милый дядя, какъ я тебя люблю! (Да развѣ я сомнѣваюсь въ твоей любви, голубка, что ты вздумала мнѣ писать теперь объ этомъ, думалъ капитанъ.) Добрый мой, золотой, какъ я счастлива, какъ добръ мой Миша! (Господи, Господи, что тамъ случилось, задрожалъ капитанъ). Какъ онъ меня любитъ! Я тебѣ писала въ прошломъ письмѣ, что я ухожу отъ отца и выхожу замужъ за Мишу, хотя отецъ и не совѣтуетъ мнѣ выходить за него. (Чортъ возьми, ничего этого я и не знала! И кто это прошлое ея письмо слопалъ? сердился капитанъ). Теперь мы обвѣнчаны и ѣдемъ въ Петербургъ. Приѣжай скорѣе, голубчикъ мой. Цѣлую тебя миллионы разъ. Миша, какъ я писала тебѣ, хочеть тоже поскорѣе увидеть тебя. Онъ такъ восторженно говоритъ про тебя: «человѣкъ это!» Милочка ты, вотъ какъ я тебя называю».

— Писала, писала, да я то ничего этого не читала! въ волненіи шагала капитанъ по палубѣ. Скорѣе возвращайся! Да, скоро воротись тутъ! Черти, черти! Однимъ бы глазомъ взглянуть на ея счастье, ну а тамъ хоть и въ могилу... А какой благородный человѣкъ этотъ Миша! Ей Богу, чортъ возьми, благородный! Должно быть душа-человѣкъ! Домой, домой!

И какъ это люди могутъ шататься за границей? Неужели они не помнятъ отвѣтаThemistocles Ксерксу: «Все, о Государь, прахъ отцевъ монаховъ, законы, боги, языкъ, обычаи, труды, для него подъяты, слава, для него пріобрѣтенная, деревья, земля, стѣны, камни и самый дымъ отечества намъ сладокъ и пріятенъ».

Капитанъ подошелъ къ толпѣ своихъ товарищей.

— Что вы, бобыли, толкуете? ~~всегда~~ проговорилъ онъ. О новыхъ пирушкахъ въ кругу иностранцевъ? О новыхъ пляскахъ съ чужими женами? И вы думаете, это счастье, это радость? Ложь это, основанье отъ скуки! Дома, у семейнаго очага, въ кругу друзей по радостямъ и горю, вотъ гдѣ таится и счастье и радость человѣка. А здѣсь мы выкидыши, фангалы, дрессированныя собачонки, на которыхъ ходитъ глазѣтъ праздная толпа зѣвакъ!

Товарищи въ недоумѣніи взглянули на капитана и пожали плечами; зная, что онъ выше всего ставилъ до сихъ поръ не узкій семейный кружокъ, а широкое братство-человѣчество.

Взволнованный капитанъ прошелъ въ свою каюту и сѣлъ писать. Передъ нимъ помѣщалось небольшое туалетное зеркало. Долго просидѣвъ за писаньемъ, онъ случайно взглянулъ въ зеркало и удивился, увидавъ, какъ постарѣло его лицо, какъ сильно посѣдѣли его волосы, какъ много морщинъ прибавилось на лбу во время этого похода.

— Ну, теперь отъѣдаться буду, помолодѣю! весело промолвилъ онъ черезъ минуту и снова вытащилъ изъ кармана письмо своей Маруси. Вотъ оно — мое здоровье, вотъ она — моя жизнь! говорилъ онъ, принимаясь за перечтыванье дорогихъ ему строкъ...

— Эхъ, шаль забылъ купить! внезапно вскочилъ капитанъ и бросился изъ каюты.

На палубѣ онъ осмотрѣлся кругомъ изумленнымъ взоромъ. Фрегатъ въ открытомъ морѣ летѣлъ при десяти узлахъ хода: Капитанъ только теперь вспомнилъ, что они уже нѣсколько часовъ тому назадъ снялись съ якоря.

— Ну чортъ съ ней, съ шалью! Славный вѣтеръ. Домой несетъ, домой! пробормоталъ онъ, въ восторгѣ потирая руки...

Прошло еще нѣсколько недѣль, еще нѣсколько дней, еще нѣсколько часовъ и капитанъ, нагруженный, какъ верблюдъ, едва помѣщаясь среди поклажи въ наемной коляскѣ, летѣлъ по мостовой Петербурга.

— Экая краса Петербургъ-то! бормоталъ онъ, сіяя отъ радости.

— Славный братецъ, городъ! обратился онъ къ извозчику.

— Ничего городъ! равнопрительно отвѣтилъ возница.

— Первый въ мірѣ, первый, братецъ, въ мірѣ! увѣрялъ капитанъ. Я, слава Богу, посмотрѣлся на города, знаю, что лучше его нигдѣ нѣтъ.

Извозчикъ молчалъ, должно быть не раздѣляя восторговъ своего сѣдока.

— Дядя, милый, голубчикъ! кричала черезъ нѣсколько минутъ Маруся, обвивая руками шею капитана.

— Ну, чортъ возьми, пріѣхалъ! Уфѣ! взъерошилъ капитанъ свои волосы, бросивъ фуражку и нѣсколько узелковъ. Сюда, братецъ, сюда, командовалъ онъ дворнику, тащившему чемоданъ и два картона. Это, знаешь, тебѣ покуда немного, не успѣлъ всего захватить, говорилъ капитанъ, наклоняясь къ чемодану... Ахъ да, вотъ деньги, братецъ, извозчику, сунулъ онъ дворнику деньги. Остальное себѣ возьми за то, что барыню бережешь... Вотъ тутъ платье... Ахъ ты, голубка моя, голубка! вдругъ воскликнулъ капитанъ и весь въ слезахъ, рыдая какъ ребенокъ, опустился на чемоданъ.

— Дядя, милый, о чемъ же ты плачешь?

— Ну вотъ, ну вотъ, не выдержалъ. Глаза слабы стали!.. Маруська, ты не смотри на меня!.. Вотъ и ты расплакалась!..

Капитанъ притянулъ къ себѣ Марусю и, какъ младенца, усадилъ къ себѣ на колѣни.

— Такъ это оттого у тебя слезы, что глаза стали слабы? А? Еще о платьяхъ вздумалъ говорить. Даже не взглянулъ на меня! А у самого слезы такъ и катились! теребила старого дядю Маруся.

— Голубка, голубка! прижималъ капитанъ къ своей груди голову племянницы и оба снова плакали и смѣялись. У обоихъ было такъ свѣтло, такъ отрадно на душѣ.

— Здравствуйте, дядя! произнесъ мягкій мужской голосъ за спиною капитана. Капитанъ обернулся и немного нахмурилъ брови, чтобы скрыть слѣды своей чувствительности.

— Здравствуйте! Возьмите вотъ эту плаксу, сдаю вамъ ее съ рукъ на руки, проговорилъ онъ и пожалъ свободною рукою руку незнакомаго ему молодого человѣка, въ которомъ онъ тотчасъ же узналъ по поэтической блѣдности Мишу.

— Ну вотъ насъ и благословили послѣ свадьбы! засмѣялся Михайлъ Николаевичъ. А это за что же тебя плаксою называютъ? обратился онъ къ женѣ.

— Не вѣрь ему, не вѣрь! Онъ самъ первый расплакался! засмѣялась Маруся.

— Да, есть объ чемъ плакать! бойко промолвилъ расхраб- рившійся капитанъ. Ну пріѣхалъ; всѣ живы, здоровы... Ты замужемъ. Миша... то бишь... Михайлъ... Михайлъ... Да чортъ побери, какъ же васъ по батюшкѣ-то зовутъ.

— Ну да ужъ зовите Мишей, коли забыли мое отчество, смѣясь, отвѣтилъ Михайлъ Николаевичъ.

— А и то правда, вѣдь все равно... Спасибо вамъ за нее, промолвилъ капитанъ, еще разъ сжимая руку Михаила Николаевича, когда Маруся вышла, чтобы велѣть приготовить завтракъ.

— За что, капитанъ? за то, что я женился по любви.

— Нѣтъ за то, что вы спасли ее изъ дома разврата. Тиранъ, тиранъ ея батюшка!.. Я вѣдь все это долженъ былъ предчувствовать... Не долженъ былъ оставлять ее... Вѣдь онъ и мою сестру загубилъ... Разошлась съ нимъ, пала, умерла... Да, вотъ за вещами для Маруси надо еще съѣздить, вдругъ переѣхавъ капитанъ разговоръ и отвернулся въ сторону: по его щекамъ опять катились слезы.

— Дядя, ты, кажется, сегодня все за мое приданое прячешься, засмѣялась возвратившаяся въ комнату Маруся. Пріѣхалъ, у самого слезы, а онъ о платьяхъ толкуетъ. Теперь опять на глазахъ слезы, а онъ...

— Ну да, ну да, толкуй еще больше! Вотъ сяду на фрегатъ и уѣду! угрожалъ капитанъ.

Много дѣтски шаловливаго, много трогательнаго было во

всей болтовни перваго свиданія послѣ разлуки. О прошломъ, о тяжеломъ никто не вспоминалъ; всѣ были рады, что все это пережито и не возвратится снова.

Съ этого дня началось у капитана спокойное существованіе. Семейная жизнь Маруси, какъ онъ говорилъ самымъ равнодушнымъ тономъ, нисколько не касалась до него.

— Ну женились, живутъ себѣ своимъ домомъ, а мнѣ-то что за дѣло до нихъ? Мое дѣло сторона! разсуждалъ онъ среди своихъ сослуживцевъ, дѣлая суровое лицо, и каждое воскресенье, обложенный мѣшками, корзинками, банками, ѣхалъ въ домъ Маруси.

Съ каждымъ днемъ тянуло его все болѣе и болѣе въ Петербургъ, все тяжелѣе и тяжелѣе было исполненіе служебныхъ обязанностей. Скоро онъ рѣшилъ, что онъ уже не служака, что онъ уже поработалъ на своемъ вѣку и не остается въ долгу у государства, такъ какъ за всѣ его труды, за все его рвеніе, вмѣсто награды, его же обошли два раза чиномъ.

— Нужно и молодымъ уступить дорогу, говорилъ онъ. Я былъ честный служака, попрекнуть меня никто не посмѣетъ. Служить же изъ за чиновъ — поздно, да и не нашему брату на грудь летять теперь ордена и звѣзды!

Капитанъ разставался со службой съ извѣстной горечью. Онъ чувствовалъ, что онъ годился бы на что нибудь лучшее, но что его прямота не нравилась нѣкоторымъ лицамъ, что его честность мозолила глаза подлоцамъ. Все это онъ чувствовалъ и прежде, но теперь это чувство стало болѣзненнымъ, живымъ. Капитанъ готовился взять отставку и переѣхать въ Петербургъ, какъ вдругъ надъ его счастливой семьей, надъ его «дѣтскими» разразился одинъ изъ тѣхъ тупыхъ и безсмысленныхъ ударовъ судьбы, передъ которыми человѣкъ сознаетъ все свое обидное ничтожество. Какъ то Михаилъ Николаевичъ поѣхалъ по дѣламъ, на дорогѣ его засталъ проливной дождь. Слабый здоровьемъ Теплицынъ простудился, схватилъ горячку и черезъ нѣсколько дней умеръ, пролежавъ все время въ полнѣйшемъ безпамятствѣ ..

Въ тупомъ отчаяніи жалась Маруся къ капитану, какъ будто ее бросало въ дрожь отъ сознанія этой безпомощности и

беззащитности челоѣка передъ безмысленнымъ случаемъ. Суровый, угрюмый капитанъ хмурилъ брови, обнявъ одною рукою свою голубку, и не имѣлъ силъ утѣшать ее. Что-то злобное, необычайное было въ его глазахъ, въ его нахмуренныхъ бровяхъ, въ его стиснутыхъ зубахъ. По его полусѣдымъ усамъ текли слезы, но онъ не замѣчалъ ихъ и только крѣпче прижималъ къ себѣ свое дитя, сжимая въ безсиьной злобѣ въ кулакъ опущенную руку. Ни одного креста не положилъ онъ во время панихиды. Не молилась и Маруся, все по прежнему вѣмая, неподвижная, припавшая въ изнеможеніи къ плечу дяди. Съ одной изъ панихидъ, не обращая вниманія на постороннихъ посятителей, капитанъ унесъ Марусю, какъ ребенка. Кто-то хотѣлъ помочь ему, но онъ молча и угрюмо раздвинулъ толпу людей и пронесъ на мускулистыхъ рукахъ эту дорогую для него ношу. Казалось, онъ ненавидѣлъ и презиралъ въ эту минуту весь этотъ ничтожный міръ. Безъ слезъ, безъ криковъ, какъ-то вполнѣ безнадежно простились онъ и Маруся съ покойникомъ и снова капитанъ на рукахъ донесъ свое сокровище до кареты.

— Она помѣшалась, говорили одни

— Ее лечить надо, говорили другіе.

Капитанъ молчалъ и на третій день послѣ похоронъ выпи-салъ къ себѣ одного изъ своихъ старыхъ друзей, отставного матроса, Лаврентья Осипенко, когда-то спасаго жизнь ка-питана.

— Поѣзжай къ себѣ въ Ораніенбаумъ и принци домикъ, говорилъ капитанъ. Съ садомъ, отдѣльный... Веселенькій, знаешь, долженъ онъ быть.. Обои свѣтлые... Да, да, свѣтлые!.. Черное, темное, трауръ, напоминаетъ о... О, чортъ возьми, чортъ возьми, анафема! капитанъ стиснулъ и приподнялъ кулаки, вспоминая о смерти.

Осипенко молча покачалъ головой.

— За цѣной не стой! Уютно чтобъ было. Хлопчи, хлопчи, дружище! Самъ заслужи! Хлопко пожалъ мозолистую и шаршавую руку своего стараго, молчаливаго пріятеля, угрюмо смотрѣвшаго въ землю.

Дней черезъ семь или восемь капитанъ Хлопко уже перево-

зялъ въ Ораніенбаумъ свою Марусю. Дѣча близъ моря была дѣйствительно веселенькая, свѣтловская, уютная. Мебель, занавѣсы, цвѣты, — все было новое. Изъ петербургской квартиры Маруси капитанъ не взялъ ничего. Онъ хотѣлъ вычеркнуть изъ памяти своей племянницы все прошлое. По цѣлымъ днямъ ухаживалъ онъ за ней, поднималъ ее иногда на руки, укладывалъ въ постель, помилъ какъ ребенка чаемъ, гулялъ съ ней, читалъ ей книги. Она, какъ больное дитя, повиновалась ему, иногда говорила, иногда слабо улыбалась, иногда тяжело вздыхала, иногда тихо, словно безсознательно плакала, — но это бывало рѣдко. Наконецъ насталъ великій день въ жизни Маруси: она услышала крикъ ребенка — своего ребенка. Ея жизнь была спасена.

II.

Капитанъ Хлопко стоитъ у руля своего семейнаго корабля.

Семья капитана Хлопко оживилась со дня рожденія малютки. Весь народъ, собранный на ораніенбаумской дачѣ и переселявшійся въ зимнее время въ Кронштадтъ, былъ собранъ для новорожденного Володи; всѣ заботы и хлопоты, занимавшія дни и ночи этого народа, были вызваны Володей; всѣ радости и печали, тревожившія душу этого народа, имѣли своимъ источникомъ все того же Володю. Мать ребенка заботилась во время накормить его грудью и не поручала этой обязанности комунибудь другому, хотя всѣ другія заботы, всѣ другія обязанности она со дня своего рожденія привыкла возлагать на другихъ людей. Четырнадцати-лѣтняя няня малютки, любимица его матери, выдѣлывала всевозможныя гримасы, пѣла безчисленные пѣсни, хлопала въ ладоши, прыгала по комнатамъ, все для того, чтобы не плакалъ Володя. Капитанъ постоянно торопился съ прогулокъ и изъ гостей домой, постоянно торопливо пилъ чай, постоянно поспѣшно обѣдалъ, чтобы имѣть возможность понанячить Володю, и серьезно увѣрялъ всѣхъ, что только онъ одинъ умѣетъ укачать ребенка и прекратить его плачь.

— Да вы просто носить его не умѣете! сердито говорилъ онъ, нося плачущаго ребенка на рукахъ чуть не внизъ головой. Онъ понимаетъ, что на моихъ рукахъ ему и мягче, и удобнѣе. Да и страху у него нѣтъ, что я его уроню Васъ самихъ вѣтеръ качаетъ, какъ флюгера. Онъ меня знаетъ. Вы посмотрите, посмотрите, какъ онъ начинаетъ смѣяться у меня на рукахъ!

Неизвѣстно, дѣйствительно ли смѣялся при видѣ капитана трехлѣтній ребенокъ, но исторически вѣрно только то, что вся остальная команда корабля и во главѣ его четырнадцати лѣтняя смѣшливая Настя прыскала отъ смѣха, глядя на капитана, столь удачно превратившагося въ няньку. Но какъ бы ни нянчилъ ребенка капитанъ или ктонибудь другой, какъ бы ни смѣялась остальная команда надъ импровизированными няньками, а все-таки сразу можно было замѣтить, что у всѣхъ этихъ людей съ рожденіемъ Володи вдругъ явилась цѣль существованія и эта цѣль была въ жизни маленькаго, смѣшно морщившагося и смѣшно сопѣвшаго существа. Это существо была игрушка, отъ которой въ будущемъ ожидали чудесъ: въ одинъ прекрасный день она должна сама стать на ноги, потомъ она бойко безъ всякой поддержки пойдетъ по полу, радостно улыбаясь, еще не зная, что такое опасность, и вызывая и смѣхъ, и страхъ въ зрителяхъ своими пошатываньями изъ стороны въ сторону; еще немного дней и она заговоритъ, станетъ называть «куклу» — «сукколей,» будетъ говорить вмѣсто «гляди, гляди» — «гильди, гильди». И какими гармоническими, какими чудными голосомъ будутъ произноситься эти еще безразличныя, неясныя, какъ мысль ребенка, человѣческія слова! Не будетъ въ этомъ голосѣ ни слѣдовъ катарровъ, ни слѣдовъ пьянства, ни слѣдовъ разврата, это будутъ такіе же чистые, молодическіе звуки, какіе слышатся въ пѣніи птицъ. Это звуки, которыми говоритъ, поетъ, смѣется и плачетъ каждое безгрѣшное дитя природы. А тамъ начнетъ работать мысль, зароятся вопросы: мама, отчего громъ гремитъ? почему радуга бываетъ? откуда бабочки рождаются? Боже мой, Боже мой, найдутся ли у матери отвѣты!.. Рядомъ и одновременно съ вопросами появится стремленіе къ ломкѣ и разрушенію. Что это: проявде-

нѣ злой воли или первые проблески духа изслѣдованія, стремленія къ знанію? Вглядитесь попристальнѣ въ это явленіе и вы найдете утѣшительный отвѣтъ на свой вопросъ: ребенокъ не ломаетъ безцѣльно старой, знакомой ему мебели, не мараетъ умышленно своего платья, не бросаетъ во время голода принесенной ему пищи: онъ ломаетъ новую игрушку, онъ выводитъ безобразныя контуры на картинкахъ, онъ вертитъ, треплетъ и отбрасываетъ купленную ему, но еще вѣмую и интересную для него книжонку... Онъ похожъ на молодую бѣлку, на молодую обезьяну, которыя грызутъ каждый шарикъ, отыскивая въ немъ, какъ въ орѣхѣ, питательное зерно. Полюбовавшись своей картонной лошадкой, маленькій чародѣй безжалостно свертываетъ ей голову и узнаетъ, что эта лошадка сдѣлана изъ толстой сѣрой бумаги и пуста внутри: вознагражденный этимъ открытіемъ, онъ не плачетъ, что сломалъ игрушку и словно сознаетъ, что для игры годится и безголовая лошадь. Онъ обрываетъ листья съ деревьевъ и цвѣтовъ, пробуетъ ихъ и узнаетъ, что у кислицы, у барбариса, и щевеля кислые листья, что въ цвѣтахъ клевера, сирени, фуксій есть сладкій, какъ сахаръ, сокъ, что душистый александръ отвратительно горекъ, а горечь настурціи пріятна на вкусъ. Онъ пробуетъ набивать пескомъ свои игрушечныя ведерки, опрокидываетъ ихъ на скамейку и радуется, что у него выходятъ песочныя горки, имѣющія форму его ведеръ; однако солнце быстро высушиваетъ песокъ и онъ разсыпается въ разныя стороны. Ребенокъ печально глядитъ на свое разрушенное произведеніе, дѣлаетъ новыя опыты и снова терпитъ неудачу; но вотъ ему попадается какая-то сѣрая, свинцоваго цвѣта масса сырой земли, онъ выдавливаетъ изъ нея форму своихъ ведеръ и эти формы сохнутъ, но не разваливаются,—онъ спрашиваетъ, узнаетъ, что это глина, и радостно сообщаетъ всѣмъ, что изъ глины можно дѣлать формочки. Не смѣйтесь надъ его открытіями: съ его запасомъ знанія, съ его умственнымъ развитіемъ это великія открытія. Сдѣлайте во время помочи ему своими свидѣніями, сообщите ему при удобномъ случаѣ, что не одни цвѣты клевера, фуксій и сирени сладки, что сахаръ заключается и въ другихъ растеніяхъ; замѣтите кстати, что и какъ и изъ

какой глины дѣлается; ищите случая сообщить ему и другія знанія ѿ, можетъ быть, изъ этого ребенка выйдетъ великій ботаникъ, отличный ваятель, смышленный механикъ. Мало ли что можетъ выйти изъ этого маленькаго чародѣя!

Если трудно было навѣрное утверждать, что Володя, эта игрушка-человѣкъ, оправдаетъ въ будущемъ великія ожиданія ближнихъ, то, по крайней мѣрѣ, никто не могъ отрицать того, что въ настоящемъ игрушка уже совершила одно великое чудо: ободрила и сплотила въ тѣсный союзъ нѣсколько разнохарактерныхъ личностей.

Читая эти строки, вы вѣроятно и не подозреваете, что этотъ маленькій довольно пухленькій и порядочно крикливый чародѣй былъ никто иной, какъ я, бесѣдующій съ вами теперь слишкомъ черезъ сорокъ лѣтъ послѣ своего рожденья. Сходства между мной и этимъ маленькимъ ребенкомъ нѣтъ никакого, за исключеніемъ развѣ того, что у меня теперь такъ же рѣдки волосы, какъ они были рѣдки въ ту пору, и что ихъ цвѣтъ почти такой же сѣрый, какимъ онъ былъ въ то время. Темнорусыя, густыя пряди мягкихъ и тонкихъ волосъ, покрывавшія мою голову весною моей жизни, давно разлетѣлись по вѣтру, давно переищались съ сѣдиною, какъ когда-то яркіе и свѣжіе листья разлетаются и мѣшаются съ своими сухими собратьями среди осеннихъ непогодъ. Какъ тяжело переживается жизнь и какъ коротка кажется она, когда пройдешь трудный и длинный путь и вдругъ оглянешься назадъ! Что сдѣлано, изъ за чего перенесено все?—Изъ за того, чтобы устроить наконецъ свое гнѣздо, научиться жить, научиться именно тогда, когда не надъ чѣмъ прилагать свое знаніе...

Но не желая быть выскочкой, — я всегда чувствовалъ обращеніе къ мѣщанамъ въ дворянствѣ и къ невѣждамъ на профессорскихъ кафедрахъ, — я постараюсь встать на задній планъ и выдвину впередъ близкихъ мнѣ людей, смиренно ожидая, когда сама жизнь выведетъ меня на сцену и такъ или иначе заставитъ представиться обществу, то есть вамъ. Конечно, я первый понимаю всѣ выгоды такого смиренія, такъ какъ первокласснымъ артистомъ въ дѣлѣ жизни мнѣ никогда не удавалось быть и на этомъ поприщѣ я постоянно признавалъ прево-

сходство надъ собою съ одной стороны такихъ честныхъ добряковъ-философовъ, какъ капитанъ Хлопко, и съ другой стороны такихъ черствыхъ и себялюбивыхъ практиковъ, какъ Бубновъ,—однѣ изъ вашихъ будущихъ знакомыхъ. Итакъ обращаюсь къ нашему семейному кораблю.

Начальство и команда на нашемъ семейномъ кораблѣ—на ораніенбаумской дачѣ и въ зимней кронштадтской резиденціи — состояли изъ капитана Хлопко, изъ моей девятнадцатилѣтней матери, изъ нашей крѣпостной четырнадцатилѣтней Насти, игравшей роль няньки, изъ нашей вольноотпущенной толстой ключницы, Аграфены Карповны, приготавливавшей отличныя варенья и наливки, изъ Лаврентья Оспенко, старожившаго дачу и завѣдывавшаго ванной, изъ повара, судомойки, прачки, кучера, дворника и Барбоса. Себя я не считаю: я былъ несовершеннолѣтній наследный принцъ, состоящій подъ бдительной опекой своихъ возлюбленныхъ подданныхъ и помѣстившійся на одномъ кораблѣ съ ними въ качествѣ почетнаго пассажира. Мои подданные—въ этомъ я долженъ сознаться—очень хорошо управляли моимъ государствомъ и нашъ корабль ни разу не становился на мель, то есть въ нашемъ бюджетѣ никогда не было дефициту, ни разу мы не испытывали страха передъ банкротствомъ, никогда не увеличивали податей въ нашемъ наследственномъ имѣніи, иногда даже торжественно прощали недомки своимъ отдаленнымъ подданнымъ. Съ сосѣдями мы жили мирно, не мѣшались въ ихъ дѣла, не запутывали своихъ отношеній съ ними различными дипломатическими сплетнями и хитростями, войны ни съ кѣмъ не вели, тѣлесныя наказанія въ своихъ владѣніяхъ уничтожили и такъ какъ всѣ были сыты, обуты, одѣты, и имѣли приличныя помѣщенія, то о преступленіяхъ въ родѣ воровства и чрезмѣрнаго пьянства въ статистическихъ отчетахъ нашего государства не упоминается. Конечно привольнѣе всѣхъ, какъ и слѣдовало ожидать, жилось мнѣ: дѣла никакого, а наслажденій сколько угодно. Но, вполне довольный своею судьбою, я все-таки, вслѣдствіе свойственной человѣку слабости или, что еще вѣроятнѣе, вслѣдствіе избалованности, иногда поддавался искушенію и дѣлалъ попытки захватить власть въ свои руки. Въ эти минуты на кораблѣ дымъ шелъ

корамыеломъ: въ саду клумбы засыпались пескомъ; аллеи сада покрывались землею; вездѣ валялись безъ нужды оборванные или вырытые и увядшіе цвѣты; стулья въ залѣ выставлялись на середину и переставали быть стульями, а играли вполнѣ не свойственную имъ роль, изображая нѣчто въ родѣ длиннаго поѣзда; няня—милое и веселое созданіе—превращалась въ почтовую лошадь, то есть въ самое скучное изъ всѣхъ животныхъ; капитанъ Хлопко, ничѣмъ никогда не умѣвшій управлять, дѣлался кучеромъ и даже, вопреки своему характеру, вооружался кнудомъ; наконецъ я самъ, объѣвшійся вареньемъ, выпачканный въ землѣ, утомленный, покрытый потомъ, напившійся слишкомъ много холодной воды, дѣлался боленъ. Тогда начиналась бѣготня: кучеръ гналъ лошадей за докторомъ; нянька неслась за лекарствомъ; Аграфена Карповна плакала, что она погубила меня, давъ мнѣ въ волюшку набѣсться варенья; капитанъ Хлопко растиралъ горчицу, Лаврентій ворчалъ, а Барбось, видя необыкновенную бѣготню, слыша поминутное хлопанье калитки, лаялъ безъ умолку и иногда даже взывалъ отъ досады, окончательно повергая въ ужасъ набожную Аграфену Карповну, уже называвшую себя мысленно «душегубкою».

Но я выздоравливалъ, снова отрекался отъ управленія и сдавалъ власть своимъ подданнымъ, сознавая, что это время мнѣ еще не подъ силу. Вообще я въ дѣтствѣ былъ довольно необыкновеннымъ человѣкомъ и умѣлъ сознать многое, чего не втолкуешь другимъ дѣтямъ. Послѣ подобныхъ неудачныхъ съ моей стороны попытокъ къ управленію, мои опекуны-подданные снова брали власть въ свои руки, засыпали пескомъ покрытыя землею аллеи и заваливали землей песокъ на куртинахъ, подбирали погубленные мною цвѣты и сажали на ихъ мѣсто свѣжія растенія, устанавливали на приличныя мѣста приведенные въ безпорядокъ стулья, возстановляли мое разстроенное здорье и наше семейное государство принимало тотъ веселый и спокойный видъ, какой пріятно видѣть и во всякомъ другомъ, даже болѣе обширномъ государствѣ.

Довольно рано началъ я присматриваться къ правленію нашего домашняго государства; можетъ быть, въ качествѣ наследнаго принца я сознавалъ, что это изученіе нужнѣе всего для

меня въ будущемъ; можетъ быть, смотрѣлъ я и на это дѣло съ тѣмъ же бессознательнымъ любопытствомъ, съ какимъ смотрѣлъ и на все остальное, но вѣрно только то, что слѣды, оставленные во мнѣ строемъ нашей домашней жизни, очошь глубоко врѣзались въ мою память. Ярко возникаютъ въ моей головѣ воспоминанія о прошлыхъ дняхъ дѣтства. Представляется мнѣ, какъ бы озаренное яркимъ блескомъ солнца утро. Я сижу на высокомъ стулѣ за круглымъ столомъ въ столовой комнатѣ и допиваю чай. Около меня Настя, стройная, развившаяся красавица, съ особенною поспѣшностью моетъ чашки. Матушка въ розовой распашной блузѣ сидитъ у отвореннаго окна и пристально читаетъ романъ госпожи Ратклиффъ.

— Допивайте, допивайте чай, Володя, говоритъ недовольнымъ тономъ Настя. Нечего ножками-то болтать. Мнѣ надо еще гладить... Капотъ сохнетъ...

Матушка слышитъ послѣднія слова Насти, исправляющей уже и должность горничной, и опускаетъ на колѣни книгу.

— Развѣ ты еще не выгладила мой бѣлый капотъ? спрашиваетъ она.

— Нѣтъ еще. Съ воротничками возилась все утро, озабоченно отвѣчаетъ Настя.

Мнѣ кажется страннымъ, что Настя могла возиться все утро съ глаженьемъ воротничковъ, когда по моему мнѣнію утро едва началось, такъ какъ я и матушка, наша вдовствующая принцесса, встали только за нѣсколько минутъ передъ чаемъ.

— Ахъ, ты пожалуйста кончи глаженье до завтрака, говоритъ матушка. Мнѣ нужно надѣть этотъ капотъ сегодня...

— Да сегодня сыро въ саду, тихо замѣчаетъ Настя.

— Нѣтъ. Я увѣрена, что сегодня будетъ хорошій день... Да и у насъ гости, отвѣчаетъ матушка. А гдѣ дядя? я его еще не видала...

— Не знаю-съ, Петръ Авимычъ...

Настя говоритъ отрывисто: она не въ духѣ.

— Здѣсь, здѣсь голубка! Что случилось? произноситъ запыхавшійся дядя, шумно входя при послѣднихъ словахъ Насти въ столовую.

— Ничего не случилось, но я удивилась, что ты пропагъ.

— А!.. Ну, выбрали мы мѣстечко! восклицаетъ дядя съ негодованиемъ въ голосѣ.—Чортъ бы побралъ этотъ Рамбовъ! Ты вообрази, чего въ немъ нѣтъ... Ну угадай, угадай, чего я не могъ достать!

— Право, не знаю, задумчиво отвѣчаетъ матушка, ломая себѣ голову, чтобы угадать, чего нѣтъ въ Ораніенбаумѣ.

— Да и не угадаешь. Никто не угадаетъ. Это курамъ на смѣхъ! Поди въ любой магазинъ въ какомъ нибудь вороньемъ гнѣздѣ въ Нѣмецкиѣ и тебѣ ворохъ навалитъ того, чего здѣсь ни за какія бѣды не достанешь. Ванили, ванили, матушка, здѣсь нѣтъ! Это на что же похоже? За что же я вчера Петра распекъ? Знаешь, посылаю я его вечеромъ за ванилью, а онъ говорить: «здѣсь ее ни за какія деньги не достанешь!» Я на него и напустился. Знаешь вѣдь я горячъ, сейчасъ чортъ знаетъ, что человѣку наговорю. «Ахъ, ты, говорю, лѣбитай, лѣбитай, поискать ванили для барыни не можешь, вотъ ужъ я самъ схожу.» Ну, матушка и пошелъ: шишъ, а не свѣчка—ванилью нигдѣ и не пахнетъ!

Дядя разводитъ руками.

— Что же мы станемъ дѣлать, дядя? тревожно говоритъ матушка. Какъ же мы подадимъ кремъ безъ ванили? Вѣдь это просто срамъ! Ужъ лучше бы намъ отказаться отъ гостей..

— Да ты не тужи, Маруська, успокоиваетъ ее дядя.—Я сегодня штуку удралъ; утромъ ранехонько откомандировалъ свою особу въ Кронштадтъ и...

Дядя внезапно умолкаетъ.

— Ну и что же? съ замираніемъ въ сердцѣ перебиваетъ мать.

— И не досталъ ванили!, торжественно заканчиваетъ дядя, дѣлая угрюмое лицо.

— Ахъ! вырывается жалобное восклицаніе изъ груди матери.

Дядя раздражается густымъ, веселымъ смѣхомъ,

— У, злой, злой, вѣчно дразнить! весело смѣется мать и, взявъ изъ рукъ дяди драгоцѣнную ваниль, съ наслажденіемъ вытягиваетъ ее запахъ.

Я гляжу на раскраснѣвшееся, покрытое потомъ лицо дяди и сознаю, что для него, какъ и для Насти, утро началось гораздо раньше, чѣмъ для насъ.

— А что чай еще есть? спрашиваетъ онъ у Насти.

— Сейчасъ самоваръ скипитъ! Долить велѣла, отвѣчаетъ она.

Черезъ четверть часа самоваръ снова является на столѣ. Настя завариваетъ чай.

— Настя, Настя, ты ужь лучше не хлопочи съ чаемъ, говорить матушка. — Позови Аграфену Карповну, а сама ступай гладить.

Аграфена Карповна является на зовъ и за Настю разлиываетъ чай. Глядя на дядю, истребляющаго чай, я матушка снова чувствуемъ охоту напиться этой душистой и присаживаемся къ столу. За столомъ идутъ безпечные, веселые разговоры. Аграфена Карповна стоитъ между тѣмъ у стола, переминается съ ноги на ногу и подперевъ рукой щеку, ждетъ, когда мы кончимъ и наши бесѣды и наше чаепитіе. Видно что ей, по ея выраженію, «сосеть душеньку», такъ какъ и ее ждетъ дѣло. Въ это время тихонько отворяется дверь столовой и въ нее просовывается голова въ бѣломъ бумажномъ колпакѣ. Это Петръ—поварь. Онъ молча дѣлаетъ таинственные знаки Аграфенѣ Карповнѣ. Она не замѣчаетъ его или только дѣлаетъ видъ, что не замѣчаетъ, чтобы не смущать себя еще болѣе воспоминаніями о кладовой. Онъ слегка кашляетъ.

— Что тебѣ? недовольнымъ шепотомъ спрашиваетъ она, подходя къ дверямъ, какъ по горячимъ угольямъ, едва касаясь пола.

— Лимоновъ нѣтъ! шепчетъ Петръ.

— Не можешь подождать! Видишь, чай разливаю.

— Холодное не успѣю застудить!

— А прахъ тебя побери и съ холоднымъ!

Аграфена Карповна обращаетъ къ намъ свое тѣстоподобное лицо и говорить:

— Я сейчасъ; лимоны надо выдать.

На нѣсколько минутъ мы остаемся въ безпомощномъ, достойномъ сожалѣнія состояніи и ждемъ, когда снова явится Аграфена Карповна для разливанья чаю и для мытья чашекъ. Еще черезъ нѣсколько времени слышатся торопливые шаги Насти. Она является въ столовую, шурша объ дверь накрахмаленнымъ и выглаженнымъ капотомъ, высоко поднятымъ ею въ воздухѣ.

Какое чудное это произведеніе модистки: вышитыя гладью оборки окаймляютъ подолъ и передъ капота, гдѣ вставленъ расширяющійся къ низу трехугольникъ, состоящій изъ мелкихъ буффъ и прозрачныхъ прошивокъ. На груди вставленъ такой же трехугольникъ широкимъ концомъ вверхъ и около него и около ворота тоже идутъ вышитыя гладью оборки. Все это расправлено, разглажено, сплюснено. Какъ рано нужно было встать Настѣ, чтобы справиться со всѣми этими волнами батиста. Какъ понятно, что Настя какъ сердито разливала чай, оторвавшій ее отъ утюга, застывшій ее снова вспрыскивать высохшія во время ея отсутствія оборки капота.

— Прелестно, восклицаетъ матушка, любуясь своимъ нарядомъ.—Я, дядя, пойду одѣваться... Ты загляни пожалуйста въ садъ... Вымелъ ли его кто нибудь...

— Охъ, ужь этотъ садъ всѣмъ до зла горя! говоритъ дядя.— Кучеръ на дворника его сваливаетъ, дворникъ на Лаврентья, Лаврентій чуть не на меня самого!

— Надо бы садовника взять, замѣчаетъ матушка и идетъ вѣстѣ съ Настей въ свою уборную, чтобы присѣсть къ туалету и распустить свои пышные волосы, отдавъ ихъ въ распоряженіе искусныхъ рукъ всему научившейся, смышленной Насти.

Я хочу бѣжать за дядей, услышавъ, что онъ идетъ въ садъ. Но это не такъ легко сдѣлать. Всѣ возстаютъ противъ меня, увѣряя, что я промочу ноги и простужусь. Я кричу громче всѣхъ, протестуя противъ наслія. Споры разрѣшаются тѣмъ, что Аграфена Карповна спѣшитъ за монми калошами и за суковнымъ армячкомъ. Цѣлый часъ хожу я съ дядей по саду, по двору, около ванной, по конюшнѣ и по экипажному сараю. Здѣсь дворникъ мететъ дворъ и оправдывается, что не успѣлъ вымести сада, проѣздивъ все утро за водой,—тамъ кучеръ чиститъ лошадей и тоже оправдывается, что онъ не вымелъ сада, провозившись все утро съ мытьемъ экипажей,—даже наконецъ Лаврентій, хмурый и шаршавый, чинитъ нашу лодку и не оправдывается ни въ чемъ, а сухо отвѣчаетъ дядѣ:

— Садовникъ я, что-ли?

Дядя, махнувъ рукой, отходитъ прочь, а Лаврентій очень безцеремонно ворчитъ намъ въ слѣдъ:

— Огурцы бы еще заставили разводить!

Наконецъ, упросивъ кого-то изъ прислуги вымести садъ, мы возвращаемся домой и проходимъ въ гостиную, откуда несутся тихіе звуки фортепiano. Комната полна цвѣтовъ и аромата. Какъ свѣтлое видѣніе, вся въ бѣломъ батистѣ, цѣнного склопивъ на пышную грудь свою головку, затѣйливо красующуюся въ безчисленныхъ волнахъ кудрей и косъ, сдерживаемыхъ большою рѣзной гребенкой, матушка сидитъ за фортепiano; ея тонкіе, красивые пальцы едва касаются клавиш; изъ ея груди едва вылетаютъ мелодическіе звуки: это «стонетъ сизый голубочекъ, стонетъ онъ и день и ночь»... Дальше вы знаете, о чемъ пѣлось. Теперь другія птицы, другія пѣсни. Я и дядя тихо усаживаемся въ гостиной и ловимъ эти грустные, нѣжные звуки.

— Чудный голосъ! Чувство, чувство въ немъ слышится, бормочетъ дядя.

— А вы здѣсь! оборачивается матушка.

— Здѣсь голубка! Все готово, теперь только гостямъ стоитъ пріѣхать.

Пріѣзжали и они. Шли толки и рассказы. Молодой, худощавый морякъ, Григорій Даниловичъ Бубновъ увивался около матушки, увѣряя ее, что она прекрасна, какъ пери. Марфа Трофимовна Бубнова—его мать—разсказывала, что Трегубскіе, выведенные ею въ люди, наворовали огромные капиталы и теперь подъ судъ попались; что Двоглазovy дочь при ея помощи хотѣли выдать замужъ, а оказалось, что она давно находится въ связи съ совѣтъ другимъ человѣкомъ, который, вообразите себѣ, давно женатъ; что Синебрюховы, попавшіе съ ея легкой руки въ подрядчики, вышли изъ мужиковъ, а лезутъ въ высшій кругъ общества и только вызываютъ всеобщія насмѣшки. Старый адмиралъ Геймъ молчаливо смаковалъ новыя сигары дяди и иногда поглядывалъ на свою жену, прямую и сухую нѣмку изъ Риги, дававшую ежеминутно новыя порученія своему мужу даже и въ гостяхъ. Воздушныя бѣдобрысенькія дочери Гейма, преслѣдуемая, какъ Макбетъ тѣнью Банко, своею гувернанткою, потуляли нѣмецки-сантиментальные глазки и сжимали и безъ того крошечные ротыки. Столь же бѣлобрысенькіе сыновья Гейма изображали собою верб-

ныхъ херувимовъ и съ ловкостью невидимыхъ духовъ крали у меня лакомства и даже картинки, не измѣняя своихъ невинныхъ по-ангельски улыбающихся физиономій. Еще двое-трое гостей вели ожесточенные, чисто-русскіе споры, постоянно доходя до колкостей и совѣмъ не двусмысленныхъ личныхъ намековъ: «Вы молъ что?—неучъ!»—«Ну да, я учился на мѣдные деньги, да за то ужъ взятокъ, какъ другіе, не стану брать съ нищаго!» Въ кухнѣ, въ людской и въ столовой между тѣмъ шла возня. Поваръ, Аграфена Карповна, Настя, судомойка, всѣ были въ хлопотахъ, всѣ укоряли другъ друга въ недосмотрахъ, въ оплошностяхъ, всѣ были красны, какъ вареные раки. Въ кухнѣ пахло чадомъ, паръ носился клубами, жара и сквозной вѣтеръ были нестерпимы. Наконецъ оканчивался завтракъ и всѣ гости и хозяйка въ веселомъ настроеніи духа разсыпались по саду. Я игралъ съ бѣлобрысыми Геймами, сразу покорившими своею небесною кротостью мое сердце. Матушка ходила и тайно разговаривала съ молодымъ Бубновымъ, Геймъ садился съиграть партію въ карты со старухой Бубновой, своей женой и дядей. Дѣвнцы Геймъ, сантиментально обнявшись, о чемъ-то шептались и обрывали листки полевого цвѣтка съ тихимъ лепетомъ: *Er liebt, von Herzen, mit Schmerzen, ein wenig, garnicht.* А за ними слѣдовалъ молчаливый призракъ гувернантки. Часы до обѣда проходили незамѣтно, хотя и въ этотъ небольшой промежутокъ времени я уже успѣвалъ окончательно разсориться съ юными Геймами, уличить ихъ въ кражѣ, надавать имъ тумаковъ въ спины и убѣжать подъ защиту матери. Лаская меня, она готовилась вести гостей къ обѣденному столу, но вдругъ ей приходила въ голову великолѣпная мысль, что въ такой чудный день было бы отлично отобѣдать на террасѣ. Я летѣлъ въ столовую вѣстникомъ этой счастливой идеи, но увы! эта идея встрѣчалась прислугою съ видимымъ неудовольствіемъ.

— Экъ, когда вздумали! ворчали Аграфена Карповна и дворникъ, наряженный официантомъ въ какой-то кудрый фракъ съ воротникомъ въ видѣ хомута.—Столъ накрыли, а теперь тащи все на террасу.

Начинался шумъ быстро и сердито собираемой посуды, отрывистыхъ рѣчей и угловатыхъ, говорившихъ о внутреннемъ раз-

драженіи, передвиганій стола. Черезъ полчаса мы весело и шумно сѣли за столъ на террасѣ и даже бѣлобрысенькія дочери Гейма по-дѣтски хлопали пухленькими и коротенькими ручками отъ восторга. «Das ist eine göttliche Idee!» «Обѣдъ на террасѣ, это такъ поэтично!» Обѣдъ оканчивался благополучно, за нимъ слѣдовалъ отдыхъ на той же террасѣ, отдыхъ за кофе и громомъ. Всѣ дѣлались особенно добродушны, у всѣхъ подрумянивались щеки, у всѣхъ соловѣли глаза, дядя начиналъ рассказывать анекдоты не безъ сальца, адмиралъ Геймъ силлся сказать остроу, — очень жаль, что это ему никогда не удавалось, такъ какъ острота придумывалась втеченіе всей жизни и навѣрное развеселила бы все общество. Прислуга, между тѣмъ торопливо убравшая въ гостиную обѣденный столъ и подавшая на террасу маленькіе столики для кофе и грога, хлопотала надъ приведеніемъ въ порядокъ всего, что было смято и запачкано во время обѣда. Настя сердито складывала салфетки, скатерть, прибирала на мѣста графинны и чистые стаканы; Аграфена Карповна, вѣчно скупая на наше добро, покачивая головой, осматривала и закупоривала бутылки; импровизированный официантъ-дворникъ, пыхтя, тащилъ въ кухню тарелки, ножи и вилки; въ кухню опять шла возня. Но возня начиналась и въ конюшнѣ. Кучеръ, уже давно вычистившій лошадей и вымывшій экипажи, предчувствовалъ близкую работу. Дѣйствительно, послѣобѣденное умиленіе господъ доходило до того, что они начинали искренно вѣрить во все, даже въ прекрасную погоду и чувствовали непреодолимую любовь къ матери-природѣ. Начинались приготовленія къ катанью. Матушка звала въ свою уборную Настю, чтобы переимѣнить бѣлый капотъ на другое платье, такъ какъ песокъ въ саду и обѣдъ на террасѣ оставили слѣды на батистѣ, порядочно смявшемся и потемнѣвшемъ.

— Ты, Настя, послѣ подгладишь его, говорила матушка своей горничной.

— Чего тутъ грязь подглаживать. Перестирать надо, сухо отвѣчала Настя.

— Ну да, немножко, добродушно отвѣчала матушка.

Настя молчала.

— Ты, Настя, скучная такая сегодня! Здорова ли ты? спра-

шивала матушка съ озбоченнымъ видомъ. Она давно привыкла и любила видѣть Настю веселою.

— Здорова-съ! отвѣчала Настя, силясь принять свой обычный веселый видъ, и сообщала барынѣ, что бубновскій кучеръ говоритъ: «Нашъ-то молодой баринъ врѣзался въ вашу барыню.»

Матушка улыбалась, слушая эту болтовню, и потомъ вздыхала.

— Нѣтъ, Настя, я никогда не выйду замужъ, никогда! Я для Володи буду жить.

— Да и Богъ съ вами, съ женихами! И Григорій-то Давиловичъ вамъ не пара, строгъ онъ очень, говорила Настя.

Переодѣтая въ сѣрое шелковое платье, матушка снова вышла къ гостямъ и всѣ ѣхали кататься. Даже наша водовозка—лошадь во всѣхъ отношеніяхъ премилая—шла въ дѣло и щеголяла своимъ быстрымъ бѣгомъ, то галопомъ, то рысью унося вслѣдъ за другими лошадьми небольшую щеголеватую телѣжечку, гдѣ помѣщались юные Геймы, я и дядя въ роли кучера. Не знаю, кто испытывалъ больше мученій въ несвойственныхъ имъ роляхъ: дядя-ли, превратившійся въ кучера, или водовозка, исполнявшая роль бѣговой лошади. Я думаю, что дядя. По крайней мѣрѣ онъ терялъ всякое присутствіе духа, когда изъ передняго экипажа ему кричали: «Э, капитанъ, да вы все отстаете!» и когда онъ долженъ былъ пускаться въ ходъ свой кнутъ.

— Ну, Васька, Васюкъ, чтожъ ты оплошалъ? А? Нехорошо, братъ, нехорошо! Покажи-ка имъ себя: н-ну! разговаривалъ онъ съ водовозкой, подергивая возжи. Видя бесплодность своихъ увѣщаній, видя, что водовозка имѣетъ явное поползновеніе остановиться, онъ пускалъ наконецъ въ дѣло кнутъ и бормоталъ себѣ подъ носъ:—Несутся, точно на пожаръ, угорѣлые! И выдумали не кстати катанье. Дождь сейчасъ пойдетъ Ваську только измучаютъ!

А дождь дѣйствительно начиналъ накрапывать и дядѣ приходилось еще чаще пускаться въ дѣло кнутъ, чтобы поспѣть за другими экипажами, летѣвшими обратно на дачу.

— Ну, говорилъ, что не во время катанье выдумали, бормоталъ дядя.—Вотъ теперь и у праздника. Перепростудятся всѣ, начнутся насморки и кашли. А все гулянье, дома не сидится,

Порядочно измокшіе, мы возвращались домой. Матушка то-ропливо звала Аграфену Карповну, поручая ей поскорѣе переодѣть меня и напоить горячимъ; сама же въ сопровожденіи Насти шла переѣмнить немного измокшее платье, и потомъ являлась въ новомъ нарядѣ въ гостиную и садилась по просьбѣ гостей за фортепьяно. Долго еще долетали до меня и звуки фортепьяно, и звонъ тарелокъ, и щелканье пробокъ отъ шампанскаго. Еще позже могъ я услышать сквозь сонъ, какъ возилась въ столовой прислуга, какъ хлопали дѣвери въ кладовой и погребѣ. Далеко за полночь утихали всѣ эти звуки, и только слышалось постукиванье палки объ доску. Это Лаврентій, сторожившій дачу, гремѣлъ въ затишѣ безмолвной ночи. Это были отчетливые и рѣдкіе звуки, какъ будто производимые тяжелою рукой суроваго и разгнѣваннаго человѣка. Помню я, какъ однажды ночью я взглянулъ въ ту сторону, гдѣ билъ палкою въ доску Лаврентій. Я увидалъ въ полумракѣ весенней ночи какое-то странное, похожее больше на звѣря, чѣмъ на человѣка, существо въ нахлобученной на глаза овчинной шапкѣ и такомъ же накинутаго на плечи тулупѣ. Изъ подъ шапки торчали въ разныя стороны косматые волосы, изъ подъ тулупа выглядывали большія, неуклюжія ноги, мѣрно и тяжело шагавшія по землѣ. Толстая, тяжелая дубина была закинута на плечо, какъ будто готовая для обороны. Я такъ испугался, что долго не могъ уснуть и потомъ ночью мнѣ снился страшный медвѣдь, шумно пробиравшійся, ломая на пути сучья, по темному лѣсу.

Этотъ-то звѣрь не принималъ никакого участія въ тревогахъ нашей будничной жизни и оставался безстрастнымъ зрителемъ всѣхъ сейчасъ описанныхъ заботъ и волненій, повторявшихся съ небольшими измѣненіями почти каждый день. Жаловалась ли матушка съ нервною раздражительностью на погоду, или сидѣла цѣлый день за книгой или за фортепьяно; радовалась ли она ясному дню и выѣзжала на гулянье съ гостями; шила ли, гладила ли, разливала ли чай или чесала голову матушки разцвѣтшая, какъ роза, Настя; варила ли варенья, приготавливала ли наливки, переваливалась ли изъ кладовой въ погребъ и изъ погреба въ кухню, везла ли меня приобщать въ церковь «пава» Аграфена Карповна; ларился ли поваръ въ кухонномъ жару за

печеньемъ бленовъ, мерзъ ли онъ на ледникѣ за приготовленьемъ крема; потѣлъ ли кучеръ за чищеньемъ лошадей, ругался ли онъ за мытьемъ экипажей, — всегда и во всякое время одинъ Лаврентій оставался безмятежно спокоенъ. Онъ какъ будто не признавалъ ни нашего государственнаго устройства, ни нашихъ государственныхъ потребностей.

Это не мало удивляло меня во дни моего дѣтства. Я могъ приказывать всѣмъ, могъ всѣхъ поднимать на ноги и только не могъ я ничего приказывать Лаврентью и при каждомъ моемъ приказаніи слышалъ отъ него какойнибудь отвѣтъ въ родѣ того, что это не его, а кучерово или дворниково дѣло. Видя такое упорное непослушаніе и такую стойкую самостоятельность, я началъ робѣть передъ Лаврентьемъ и почувствовалъ къ нему нѣчто въ родѣ уваженія.

Это было хмурое, шаршавое, небритое и нечесаное созданіе. Когда-то онъ служилъ въ матросахъ. Впервые познакомился онъ съ дядею довольно оригинальнымъ образомъ: священникъ сообщилъ начальству, что матросъ Лаврентій Осипенко не знаетъ ни одной молитвы и повидимому не имѣетъ никакого понятія о религіи. Начальство поручило молодому мичману Хлопко наставить на путь истины матроса Лаврентья. Хлопко призвалъ къ себѣ Лаврентья Осипенко.

— Я, братецъ, слышалъ, что ты молитвъ не знаешь? сказалъ Хлопко.

— Точно такъ, отвѣтилъ Лаврентій Осипенко, вытянувшись въ струнку передъ юнымъ начальникомъ.

— Какъ же это, братецъ! Не хорошо, не хорошо! Вѣдь ты ходишь въ церковь?

— Хожу-съ! отвѣтилъ Лаврентій Осипенко.

— Ну, что же ты тамъ дѣлаешь?

Лаврентій Осипенко посмотрѣлъ на своего юнаго начальника недоумѣвающими глазами и промолчалъ. Начальникъ повторилъ свой вопросъ.

— Стою-съ, отвѣтилъ нехотя Осипенко.

— Стою-съ, стою-съ! Знаю, братецъ, что не сидишь, а стоишь! У насъ въ церквахъ не сидятъ, а стоятъ! Мы не ка-

толики, не протестанты! разсердился юный мичманъ. — Да стоишь-то ты зачѣмъ?

— Начальство велитъ-съ!

— Да ты на исповѣдь ходилъ?

— Ходилъ-съ!

— Ну, да для чего же ты ходилъ на исповѣдь?

— Начальство приказало.

При этомъ отвѣтъ юный начальникъ въ свою очередь посмотрѣлъ на Лаврентья Осипенко недоумѣвающимъ взглядомъ

— Да ты, братецъ, знаешь ли, что такое грѣхъ?

— Не могу знать-съ!

Юный офицеръ только руками развелъ и въ волненіи прошелся по комнатѣ

— Давно у тебя отецъ и мать померли? спросилъ онъ ласковымъ тономъ.

— У меня нѣтъ ни отца, ни матери.

— Ну да, теперь нѣтъ, а давно ли они померли?

Матросъ молча глядѣлъ на офицера, опустивъ руки по швамъ.

— Что же ты, братецъ, молчишь? Давно ли они померли, спрашиваю я?

— У меня не было ни отца, ни матери.

— Гмъ, гмъ, не было!... Странно, очень странно! борюталъ юноша. — Ну, родные были... Были у тебя родные?

— Никакъ нѣтъ-съ!

— Да ты откуда же?

— Изъ лѣсу-съ.

Офицеръ вытаращилъ глаза и остановился лицомъ къ лицу передъ Лаврентьемъ Осипенко, вглядываясь въ черты лица этого страннаго созданія. Осипенко, весь шаршавый, косматый, замаранный дегтемъ, стоялъ въ угрюмомъ безмолвіи и дѣйствительно походилъ на звѣря. Нѣсколько минутъ Хлопко и Осипенко стояли молча другъ передъ другомъ.

— Гдѣ же ты, братецъ, жилъ прежде? спросилъ не безъ грусти добродушный Хлопко.

— Въ деревнѣ-съ.

— Да, но у кого же, въ чьей семьѣ?

Матросъ молча и угрюмо посмотрѣлъ на офицера. Тотъ повторилъ вопросъ.

— Я не въ избѣ жилъ. Я въ деревнѣ жилъ, отвѣтилъ Осипенко.

— Какъ, такъ-таки просто въ деревнѣ, на чистомъ воздухѣ?

— Въ полѣ свиной пасъ... Лошадей тоже стерегъ...

— Ну, а зимою?

— По дрова въ лѣсъ ѣздилъ...

— Ну, а спаль-то, спаль-то ты, братецъ, гдѣ?

Матросъ опять посмотрѣлъ на юнаго офицера недоумѣвающимъ взглядомъ и, угрюмо усмѣхаясь, немного поежился.

— Разно-съ спаль. . Мало ли гдѣ спать... Осипенко какъ-то странно захихикалъ и тотчасъ же снова принялъ серьезный видъ.

— Ну, а примѣрно-то гдѣ же?

— Шалашку дѣлалъ... тоже въ хлѣву... на мельницѣ вотъ .. Не упоминаю-съ всего, ваше благородіе!.. Увольте!..

— Тебя такъ въ солдаты по очереди сдали, или за какуюнибудь вину?

— Надо полагать, по очереди...

— На службѣ ни за что не попадался?

— Никакъ нѣтъ-съ!

— Не воровалъ здѣсь?

— Всѣмъ доволенъ-съ!

Юный Хлопко снова заходилъ по комнатѣ и о чемъ-то думалъ.

— Ты не грамотный?

— Чего-съ?

— Читать умѣешь?

— Никакъ нѣтъ-съ!

— Приходи ко мнѣ завтра, я тебя стану молитвамъ учить.

— Слушаю-съ.

Съ этого дня мячманъ Хлопко полюбилъ матроса Осипенко. Онъ выучилъ его тремъ молитвамъ и десяти заповѣдямъ и на этомъ покончилъ религіозное образованіе матроса. Юный офицеръ иногда давалъ матросу денегъ, иногда кормилъ его и по-

стоянно изъ любознательности распрашивалъ о его прошлой жизни. Матросъ отвѣчалъ на вопросы коротко, положительно, принималъ подарки и милости, вытянувшись въ струнку, не измѣняя выраженія на своемъ вѣчно хмуромъ и рано состарѣвшемся лицѣ. Ни малѣйшаго чувства, ни одного порыва не прорывалось изъ этой суровой и одеревенѣлой души. Это былъ дикій звѣрь, выученный людьми разнымъ фокусамъ въ родѣ маршировки, лазанья по мачтамъ, повиновенія начальству, отвѣтовъ на вопросы и т. п. Несмотря на это юный мичманъ любилъ его и считалъ глубокою и честною натурой. Прошло нѣсколько лѣтъ, когда Лаврентью Осипенко удалось еще болѣе скрѣпить свои дружескія отношенія съ Хлопко. Мичманъ Хлопко, купаясь въ морѣ, пошелъ ко дну. Спасеніе уже казалось невозможнымъ, когда на фрегатѣ увидали вынырнувшаго Осипенко съ обезпамятѣвшимъ Хлопко. Когда мичманъ пришелъ въ себя и сталъ горячо благодарить Осипенко, тотъ нахмурилъ еще болѣе свое лицо и грубо пробормоталъ:

— Чего не видали въ водѣ, что сами въ нее лѣзете? ●

Съ этой минуты въ отношеніяхъ двухъ друзей явилась новая характеристичная черта: Осипенко сталъ ворчать и дѣлать выговоры юному Хлопко. Втеченіе многихъ лѣтъ два друга были неразлучны. Осипенко наконецъ получилъ отставку, у него въ это время уже были оторваны два пальца на лѣвой рукѣ. Бывшій мичманъ, теперешній капитанъ Хлопко, нашелъ ему мѣсто въ Ораніенбаумѣ при одной изъ дачъ, которая потомъ и сдѣлалась нашою собственностью. Осипенко, поселившись на дачѣ, по прежнему не выражалъ никакихъ нѣжныхъ чувствъ къ капитану Хлопко, хотя и считалъ своею непремѣнною обязанностью являться на квартиру капитана, по крайней мѣрѣ, разъ въ недѣлю. Теперь же они каждое лѣто жили вмѣстѣ и потому Осипенко могъ избавить себя, по крайней мѣрѣ, на три мѣсяца даже отъ этихъ слабыхъ изъявленій своей привязанности къ Хлопко.

Это-то странное, косматое, почти коричневое существо съ небритымъ подбородкомъ, въ порванной и запачканной одеждѣ имѣло смѣлость не принимать никакого участія въ радостяхъ своихъ подданныхъ, восхищавшихся, что они могутъ быть ра-

бами вдовствующей принцессы и ея наслѣднаго принца неагляднаго Владиміра Михайловича. Лаврентій Осипенко простираѣлъ свою дерзость до того, что не только среди сіяющихъ радостью и счастіемъ людей смотрѣлъ до прежнему мрачно и угрюмо, но даже осмѣливался бормотать себѣ подъ носъ: «Ишь сами-то словно малыя ребята съ куклой возятся». Это безучастное и почти враждебное отношеніе Лаврентья ко мнѣ очень разнообразно дѣйствовало на моихъ добрыхъ подданныхъ. Моя мать холодно и брезгливо смотрѣла на старика и терпѣла его присутствіе на дачѣ только за то, что онъ спасъ когда-то ея дядю, да еще за то, что старикъ имѣлъ счастливую способность не спать по ночамъ и лучше кого нибудь другого караулить дачу. Подъ его защитой можно было спать спокойно. Аграфена Карповна вообще не уважала Лаврентья и раздражительно замѣчала ему:

— Ну да, ты ужь, извѣстно, въ Бога не вѣруешь и дѣтей, Божьяго благословенія, не можешь любить.

— Тебя, пава, видно не благословлялъ никто, что до сихъ поръ дѣтей не рождаешь, хмуро замѣчалъ Лаврентій.

— Тьфу ты, окаянный! Да я и замужемъ не была! отплевывалась Аграфена Карповна.

— То-то ты и не знаешь чье они благословеніе.

Настя просто грызлась съ Лаврентьемъ изъ за меня и въ концѣ концовъ тоже плевала передъ носомъ старика, восклицая:

— Статуй, статуй безчувственный!

— Ну, значить, и отстань, крыса! И приставать, значитъ, нечего! сурово отвѣчалъ старикъ, забивая большіе гвозди въ каблукъ топорно сшитаго имъ самимъ сапога.

Но, по странному стеченію обстоятельствъ, Лаврентью постоянно приходилось дѣлать нянжкѣ замѣчанія насчетъ ухода за ея воспитанникомъ.

— Ты это куда бѣжишь, крыса, спрашивалъ онъ у Насти.

— Гулять съ Владиміромъ Михайловичемъ иду, отвѣчала она гордымъ тономъ.

— Гулять съ Владиміромъ Михайловичемъ иду! насмѣшливо передразнивалъ ее старикъ. — А ты глотку-то ему повязала платкомъ?

— Ахъ, бабушки, а я недосмотрѣла! восклицала Настя и бѣжала домой за платкомъ.

— Нѣжатъ, нѣжатъ, а потомъ возись съ нимъ, какъ сяжетъ! ворчалъ Лаврентій.—Нажили себѣ заботу.

Исполняя добросовѣстно должность ночного стража и смотрителя при ванной, Лаврентій на этомъ поканчивалъ всѣ отношенія къ нашему государственному управленію. Его конура около ванны была чѣмъ-то въ родѣ государства въ государствѣ, гдѣ не было ни подданныхъ, ни начальниковъ и былъ только одинъ онъ, и слуга и господинъ своей особы. Прокарауливъ ночью нашу дачу, осмотрѣвъ ванну, онъ забирался въ свою конуру и принимался за шитье для себя сапогъ, за починку для себя одежды, за изготовленіе сѣтей, за исправленіе лодки. Всѣ эти занятія сопровождалось пожевываньемъ хлѣба, понюхиваньемъ табаку, покуриваніемъ коротенькой трубки и иногда чѣмъ-то въ родѣ пѣнія, болѣе похожаго на ворчанье или на вой, чѣмъ на настоящее пѣніе. Нароботавшись вдоволь на свою особу, онъ растягивался на спину, какъ настоящій свободный гражданинъ, у себя въ конурѣ или на берегу залива. Пососавъ съ четверть часа трубку, онъ въ полуснѣ придавливалъ въ ней большимъ пальцемъ огонь, засовывалъ ее съ пепломъ въ карманъ штановъ, забивалъ носъ большой понюшкой табаку, поворачивался на бокъ и засыпалъ на два, на три часа. Потомъ, сваривъ себѣ каши или рыбы, — Лаврентій же бралъ съ нашей кухни обѣда, — онъ посвящалъ время ѣдѣ и, сбросивъ остатки кушанья на берегу, отправлялся на лодкѣ ловить дрова или рыбу. Брошенные на землю обѣдки собирали у конуры Лаврентія разныя птицы и собаки. И дровъ и рыбы налавливалъ онъ много. Иногда осенью заливъ приносилъ къ нему и болѣе цѣнные дары; такъ иногда Лаврентію удавалось съ мартишкинскими крестьянами привести къ вамѣ разбитую барку съ грузомъ затонушаго хлѣба. Въ этихъ случаяхъ Лаврентій по цѣлымъ днямъ не выходилъ изъ воды и, стоя въ ней по поясъ, съ топоромъ или ломомъ въ рукѣ, въ своей овчинной шапкѣ, походилъ на какого-то угрюмаго повелителя водъ. Самая поздняя осень, самые сильные холода выгоняли старика изъ воды, но онъ все-таки бродилъ около своего скованнаго

льдами царства и сторожилъ, не просить ли гдѣ нибудь помощи какой нибудь смѣльчакъ, рано вздумавшій прокатиться по льду, не сблалась ли гдѣ нибудь съ пути повозка, вѣхавшая изъ Петербурга. Заливъ былъ знакомъ Лаврентью, какъ черты съ дѣтства любимаго имъ друга. И не только заливъ, но и все льнувшее къ заливу смѣло могло разчитывать на участіе, на помощь или на совѣтъ старина: каждый мартышкинскій крестьянинъ, каждый извозчикъ изъ Капорья, пріѣзжавшій зимой въ Ораніенбаумъ, каждая птица, селившаяся въ камышахъ, каждый рыболовъ, проплывавшій, гоняясь за рыбой, отъ тверской губерніи или отъ остзейскихъ береговъ до Ораніенбаума, были извѣстны Лаврентью. Рыболовы изъ тверской губерніи нерѣдко останавливались около нашей ванны и разводили огонь у конуры Лаврентья, развѣсивъ и починая на этомъ мѣстѣ свои сѣти. Рыболовы съ остзейскихъ береговъ тоже посѣщали его, приплывая на лайбахъ съ женами и дѣтьми. Видя этихъ старыхъ знакомыхъ, старикъ оживлялся, хлопоталъ о сбытѣ ихъ товара, бродящимъ по берегамъ Стрѣльны, Петергофа и Ораніенбаума продавцамъ рыбы, давалъ имъ бесплатно дровъ и щепокъ для разведенія огня и по цѣлымъ часамъ бесѣдовалъ съ ними о разной рыбѣ, о надеждахъ на уловъ, о предстоящей погодѣ. Въ этой сферѣ онъ являлся почти пророкомъ и казалось, зналъ каждое облачко, предвѣщавшее грозу или бурю.

Робко и боязливо подходилъ я къ этому существу съ первой моей дѣтской просьбой «покатать меня на лодочкѣ».

— А что дома-то скажутъ, пѣтушекъ? хмуро спросилъ онъ, покуривая трубку.

Мнѣ было тогда шесть лѣтъ.

— Я не скажу никому, что я катался, отвѣтилъ я.

— Ну пойдѣмъ, промолвилъ онъ. Загасивъ пальцемъ огонь въ трубкѣ и сунувъ ее въ карманъ панталонъ, онъ потащился своей медвѣжьей походкой къ лодкѣ. О, какъ сильно билось мое сердце, когда шаршавыя, грубыя руки Лаврентья подняли меня со ступеней ванны и перенесли въ лодку

— Только не ерзай, пѣтушекъ, не то лодка перевернется. Съ водой шутки плохія! промолвилъ онъ и, плюнувъ на ладони, взялся за весла.

Лодка понеслась, ловко и быстро минуя разбросанные под водой большіе камни. Лаврентій зналъ мѣсто каждаго изъ нихъ.

— Гляди! кивнулъ онъ головою вверхъ.

Я поднималъ голову. Надо мной, вытянувъ впередъ шею, низко над водой летѣли одинъ за другимъ четыре гуся, тревожно махая крыльями.

— Отсталие! пробормоталъ Лаврентій.—Ишь, какъ устали, сердечные. Вѣрно болѣзнь приключилась въ дорогѣ.

— А это видишь? указалъ онъ глазами въ другую сторону неба.

— Это туча? спросилъ я, видя длинныя, дымчатые столбы въ воздухѣ.

— Комары. Слышишь, какъ жужжать.

Лаврентій на минуту пересталъ грести.

Я прислушался: въ воздухѣ дѣйствительно раздавались звуки, похожіе на журчанье горнаго ручья по камнямъ. Дымчатый столбъ то расширялся, то принималъ формы настоящаго облака и разстилался по небу, то снова суживался и опускался сверху внизъ.

— Что же это они такъ летаютъ? спросилъ я у Лаврентья.

— Свадьбу правятъ! отвѣтилъ онъ, принимаясь за весла и поворачивая назадъ.

— Лаврентій, голубчикъ, подвези къ камышамъ. Я нарву ихъ, сладко умолялъ я старика.

— Зачѣмъ попусту рвать? Пусть растутъ. Птица тутъ живетъ. Вонъ къ осени цвѣсти будутъ, тогда метелокъ пожалуй нарвемъ, отвѣтилъ старикъ, подавая мнѣ надежду на новое катанье въ лодкѣ.

— А ты, Лаврентій, любишь море? спросилъ я старика, восхищенный катаньемъ и блескомъ заходящаго солнца, залившаго золотомъ все пространство зеркально-гладкой воды.

— Чего его не любить. На морѣ здорово жить, отвѣтилъ Лаврентій, снова поднимая меня на руки и вынося на лѣстницу ванны. Я невольно, чтобы не упасть въ воду, обнялъ рукою шею старика и въ этомъ положеніи мы достигли берега.

Съ этой минуты началась моя дружба съ Лаврентьемъ. Я привязался къ нему, какъ собачонка; можетъ быть и онъ по-

чувствовалъ ко мнѣ ту привязанность, которую мы иногда питаемъ къ ласкающемуся щенку. Но каковы бы ни были его чувства въ отношеніи ко мнѣ, я все-таки вспоминаю о нихъ съ самой теплой, съ самой глубокой благодарностью. Онъ первый познакомилъ меня съ природою, онъ первый отучилъ меня отъ излишней изнѣженности, онъ первый свелъ меня съ простыми ребятами, бѣгавшими ловить рыбу съ «дѣдушкой» Лаврентьемъ, наконецъ—и это главное—онъ первый безсознательно научилъ меня по возможности обходиться безъ услугъ постороннихъ людей и видѣть наслажденіе въ трудѣ.

Еще не понимая всей неизмѣримой разницы между образомъ жизни моей матери и Лаврентья, я сразу почувствовалъ, что быть около Лаврентья веселѣе. Онъ вѣчно былъ за работою, вѣчно копошился, вѣчно что нибудь соображалъ на счетъ будущихъ занятій и, несмотря на свою постоянную суровость и наружную мѣшковатость, былъ бодръ и оживленъ. Матушка, напротивъ того, постоянно скучала и за чтеніемъ романовъ и за пѣніемъ «голубка»; ея молодость, ея оживленіе были только кажущимися, въ сущности это была вѣчная хандра, недовольство жизнью и апатія, для временнаго изцѣвленія которой нужны были обѣды съ гостями, катанье съ знакомыми и танцевальныя вечера. Все лѣтнее время я пропадалъ теперь на берегу около ванны и значительно поздоровѣлъ, повеселѣлъ и пересталъ лнуть къ вреньямъ Аграфены Карповны. Послѣ перѣзда въ Кронштадтъ мнѣ уже стало окончательно скучно въ обществѣ матери и я началъ посѣщать людскую и Настю. Здѣсь также шла постоянная возня, стирка, страпня, глаженье, чистенье посуды. Особенное удовольствіе доставляла мнѣ прислуга, позволивъ почистить какую нибудь зелень, кострюлю или тазъ. Иногда я возвращался въ комнаты совершенно выпачканнымъ и матушка давала за это выговоръ и мнѣ, и Настѣ. Но въ этихъ случаяхъ дядя вступался за насъ и говорилъ, что не нужно мѣшать мнѣ пачкаться.

— Пусть всему научится. Это хорошо, если человѣкъ и страшать умѣетъ, рассуждалъ онъ.

— Ахъ дядя, не будетъ же онъ поваромъ! восклицала матушка.

— Ну поваромъ не приведетъ Богъ быть, такъ мало ли что можетъ случиться. На необитаемый островъ попадетъ.

— Я его ни за что не сдѣлаю морякомъ, вздрагивала моя мать въ испугѣ и прижимала меня къ себѣ.

— Ты не сдѣлаешь, самъ сдѣлается! говорилъ дядя. — Будущее не въ нашей волѣ.

А я въ это время мысленно уже давалъ обѣтъ быть морякомъ.

Къ концу зимы матушка начала серьезно ревновать меня къ Настѣ, видя, что я большую часть времени провожу въ людской. Начала она подумывать и о гувернанткѣ для меня, и о переѣздѣ въ Петербургъ. Онъ теперь сталъ уже менѣе ненавистенъ для нея, чѣмъ семь лѣтъ тому назадъ. Но не рѣшившись покуда ни на что, наша семья снова собралась на дачу, и я сладостно мечталъ о своей встрѣчѣ, о своихъ катаньяхъ по заливу съ Лаврентьемъ. Мои ожиданія скоро сбылись и мнѣ казалось, что моему счастью не будетъ конца.

III.

Капитанъ Хлопко лишается своего экипажа и переходитъ на другой корабль въ качествѣ простаго пассажира.

Въ это лѣто со мной случилось одно изъ тѣхъ происшествій, которыя нерѣдко бывають въ жизни шаловливыхъ и бойкихъ дѣтей. Несмотря на всю свою незначительность, оно какъ бы послужило началомъ цѣлаго ряда новыхъ, печальныхъ для меня событій, и потому сильно врѣзалось въ мою память со всѣми мельчайшими подробностями. Дѣло было лѣтомъ. На дворѣ стоялъ жаркій день. Моя мать гуляла со мною въ ораніенбаумскомъ саду. Съ нами былъ нашъ неизмѣнный въ послѣднее время спутникъ Григорій Даниловичъ Бубновъ. Матушка, какъ многія слабыя отъ природы, изнѣженные и нервныя молодыя женщины, очень быстро утомлялась во время жара и впадала въ то состояніе, при которомъ человѣку трудно двигаться и говорить, при которомъ во всемъ тѣлѣ чувствуется истома, а умъ полудремотно предается смутнымъ и безотчетно-

тоскливымъ, хотя и нелишеннымъ сладости мечтаніямъ. Въ этомъ состояніи женщина дѣлается похожею на больного ребенка, пригрѣтаго солнцемъ и дремлющаго подъ волшебныя сказки старой няни: она готова при первой ласкѣ преклонить на чье нибудь плечо свою усталую голову, ничтожное огорченіе или малѣйшій испугъ вызываютъ изъ ея глазъ слезы. После получасовой прогулки, когда я еще по-прежнему бойко подпрыгивалъ по аллеямъ и забѣгалъ въ траву, завидѣвъ въ ней какой нибудь полевой цвѣтокъ, моя мать уже окончательно утомилась и не могла идти далѣе. Мы приближались въ это время къ пруду, окруженному тѣнистыми деревьями и рѣдко посѣщаемому дачниками. Григорій Даниловичъ предложилъ моей матери отдохнуть. Она сѣла на скамью и впала въ безмолвное, созерцательное настроеніе, слушая рѣчи своего спутника. Я продолжалъ бѣгать около пруда. Съ обычной своей нервною мать начала беспокоиться за меня.

— Володя, Володя, не бѣгай, тутъ вода близко, обратилась она ко мнѣ.

— Ничего, мамочка! Тутъ цвѣты желтенькіе, я только ихъ нарву, крикнулъ я ей въ отвѣтъ и продолжалъ нырять въ высокую, свѣжей травѣ.

Мать съ тайною тревогою слѣдила за мною. Она уже не слушала Григорія Даниловича и отвѣчала ему разсѣянно. Онъ сильно досадовалъ на меня, какъ на виновника невнимательности его спутницы.

— Володя, что же вы бѣгаете, если ваша татаа бонится за васъ?—крикнулъ онъ мнѣ недовольнымъ тономъ. Но я и ухомъ не повелъ. Я не привыкъ слушаться постороннихъ, а свои дѣлали все такъ, какъ хотѣлось мнѣ.

Мать замѣтила, что Бубновъ сердится за мое непослушаніе и поспѣшила по своему обыкновенію оправдать меня и обвинить одну себя.

— Оставьте его, сказала она.—Я вѣдь и сама знаю, что ребенку нужно движеніе, что его не должно стѣснять. Излишняя осторожность обабить его и сдѣлаетъ трусливымъ... Но что вы станете дѣлать съ нервами! Я и сама не рада, что я такая трусиха... Вы не можете себѣ представить, что со мною

дѣлается, если онъ гдѣ нибудь на прогулкѣ запоздаетъ или съ Лаврентьемъ на лодкѣ далеко заѣдетъ... Я знаю, что съ нимъ ничего не сдѣлается, но...

Въ эту минуту я тянулся за водянымъ цвѣткомъ въ прудъ и поскользнулся. На аллеѣ раздался пронзительный крикъ моей матери и почти въ то же мгновеніе сильная рука вытащила меня изъ воды, гдѣ я бесплодно барахтался у берега.

— Негодяй, мать чуть не уморилъ! злобно прошепталъ мой спаситель и, съ свирѣпымъ взглядомъ, погрозивъ мнѣ пальцемъ, устремился на помощь къ моей матери, лежавшей на скамьѣ съ закрытыми рукой глазами. Съ ней, кажется, сдѣлалось дурно.

Меня не столько взволновало мое паденіе въ воду, какъ испугалъ грозный видъ и глухой шепотъ Бубнова. Если бы я могъ себя представить, что меня смѣютъ когда нибудь высѣчь, то именно теперь мнѣ слѣдовало бы ждать тѣлеснаго наказанія. Бубновъ хлопоталъ около моей матери. Черезъ нѣсколько минутъ она очнулась.

— Володя! Что съ Володей? были ея первыя слова.

— Ничего, вонъ онъ стоитъ, произнесъ Бубновъ, плохо скрывая свое негодованіе. — Но какъ вы себя чувствуете? Я такъ испугался за васъ!

— Благодарю... Ахъ, что было бы безъ васъ! вздрогнула мать при воспоминаніи о моемъ паденіи и прижала меня къ груди. — Но, Боже мой, онъ весь мокрый, онъ можетъ простудиться.

Она торопливо начала снімать съ себя платокъ, чтобы окутать меня имъ.

— Что вы хотите дѣлать? спросилъ Бубновъ.

— Я раздѣну его, заверну въ свой платокъ и донесу до дому...

— Помилуйте, зачѣмъ же? Онъ добѣжитъ до дачи и согрѣется... Притомъ же теперь такъ тепло...

— Нѣтъ, нѣтъ, онъ простудится!

Бубновъ пожалъ плечами.

— Но нести-то его я вамъ не позволю. Вы и безъ того такъ слабы, а онъ уже не грудной младенецъ, слава Богу. Давайте ого мнѣ.

Мать покраснѣла.

— Вы такъ добры, мнѣ право совѣстно!...

— Ничего!

Бубновъ уже былъ готовъ раздѣть меня, закутать въ платокъ и взять на руки, но я оказалъ сопротивленіе и бойко заявилъ, что я добѣгу до нашей дачи, что я не маленькій. Мои отговорки не повели ни къ чему и вызвали только новый упрекъ со стороны Григорія Даниловича.

— Кажется, хоть теперь-то можно перестать упрямиться, сухо замѣтилъ онъ и началъ меня раздѣвать.

Я инстинктивно чувствовалъ, что онъ меня ненавидѣлъ въ эту минуту заботливыхъ ухаживаній за мною, болѣе, чѣмъ когданибудь. Мнѣ казалось, что онъ охотно бы утопилъ меня въ этомъ прудѣ, откуда за минуту вытащилъ меня, если бы только такой поступокъ не произвелъ дурного впечатлѣнія на мою мать.

— Зачѣмъ это онъ меня вытащилъ? думалось мнѣ.—Это онъ для мамашы, а не для меня сдѣлалъ. А вотъ я, значить, меньше, чѣмъ онъ, люблю мамашу, я ее не берегу и огорчаю ее, а онъ угождаетъ ей.

Эти мысли вызвали во мнѣ горькое раскаянье за мое дурное поведеніе и возбудили еще болѣе сильную злобу на Бубнова за то, что онъ смѣетъ любить мою мать больше, чѣмъ я люблю ее. Впродолженіе всей дороги я досадовалъ, что моя мать то прикрывала платкомъ мои ноги, то изъявляла Бубнову, что ей совѣстно беспокоить его, и такимъ образомъ какъ бы связывала насъ вмѣстѣ въ своей заботливости. Я негодовалъ, что жготъ человѣкъ занялъ мѣсто въ ея сердцѣ. Прежде она не заботилась ни о комъ въ мірѣ кромѣ меня. Повидимому, до сихъ поръ матери и въ голову не приходило, что я, ея Володя, могу когонибудь стѣснить или обезпечить. Ни дядѣ, ни Лаврентю, ни Настѣ мать не говорила, что я тревожу ихъ, когда они возились со мною, недоѣдая за обѣдомъ, недосыпая ночью. Теперь же она стѣснялась и заботилась о томъ, что я беспокою какого-то Бубнова. Была ли у матери эта тревога просто слѣдствіемъ того, что Бубновъ былъ мало знакомъ съ нами, или были тутъ слѣды инстинктивнаго пониманія той

нелюби ко мнѣ, которою былъ исполненъ Бубновъ—не знаю. Но я склоненъ предполагать послѣднее, такъ какъ моя мать, видя меня вѣшающимся даже на незнакомыхъ людей, повидимому предполагала, что я доставляю имъ величайшее блаженство, ероша ихъ волосы своими руками и марая ихъ платья своими сапогами.

Когда меня принесли домой, мать начала хлопотать, чтобы Настя скорѣе согрѣла меня, хотя я нисколько не озябъ, и тутъ же замѣтила дядѣ:

— Дядя, сойди въ залъ и предложи доброму Григорію Даниловичу переодѣться; онъ, кажется, промочилъ ноги. Мнѣ было неловко спросить его объ этомъ, но я замѣтила, что его сапоги были мокры.

Потомъ, оставивъ меня въ дѣтской за чаемъ, она поспѣшила въ столовую и я слышалъ, какъ она предлагала Бубнову рому къ чаю, боясь за его здоровье. Бубновъ, вѣроятно, понималъ, что въ этотъ день онъ сталъ въ сердцѣ моей матери на первый планъ послѣ меня. Она посылала дядю за платьемъ для него, она велѣла Аграфенѣ Карповнѣ принести ему рому, она сама двадцать разъ, отрываясь отъ меня, начинала благодарить его. Когда я уснулъ, Бубновъ предложилъ моей матери пройтись по нашему саду, чтобы освѣжиться.

— Какъ вы нервны, какъ вы волнуетесь изъ за пустяковъ, говорилъ онъ ей.

— Какъ? вы считаете пустяками жизнь Володи? обидѣлась мать.

— Сохрани меня Богъ! произнесъ Бубновъ.—Но тутъ дѣло шло не объ его жизни, а только объ его купаньѣ въ одеждѣ, улыбнулся онъ.—Вѣдь не могъ же онъ утонуть, когда съ вами былъ я. Правда, вы могли растеряться, съ вами могъ сдѣлаться обморокъ, но ничто не могло помѣшать мнѣ вытащить его изъ воды. И вѣдь безъ этихъ приключеній не проходитъ ни одно дѣтство. Особенно бояться изъ нечего: ушибется малютка—до свадьбы заживетъ; выкупается въ одеждѣ—на солнцѣ высушится; побьетъ его ктонибудь—такъ вѣдь битая посуда два вѣка живетъ.

Мать улыбнулась.

— Хорошо вамъ говорить! Вы мужчины, — тверже насъ, нервныхъ женщинъ!

— Да вѣдь у васъ нервы не потому слабы, что вы женщина, а потому что вашъ сынъ—это весь вашъ міръ, ваша *idée fixe*.

— Вы упрекаете мать за ея любовь къ сыну!

— Нисколько! Любите его еще больше, если это возможно, но не дѣлайте его той картой, на которую ставится вся жизнь. Это слишкомъ азартная и неразсчетливая игра,—неразсчетливая уже потому, что вы не можете въ ней хладнокровно думать и, ставя всю жизнь на одну карту, имѣете больше шансовъ къ проигрышу, чѣмъ къ выигрышу.

Мать молча куталась въ шаль, ей становилось какъ-то не по себѣ.

— Вотъ хоть бы этотъ испугъ, продолжалъ Бубновъ, замѣтивъ, что матери какъ будто нездоровится.—Онъ можетъ стоить вамъ здоровья. Но захворайте вы—это отзовется и на Володѣ. Еще два, три подобные испуга—и вы можете поплатиться жизнью: въ проигрышѣ будете и вы и Володя,—Володя даже болѣе васъ.

Мать готова была заплакать. Я уже представлялся ей круглымъ сиротой.

— Что же дѣлать? Я не могу передѣлать себя.

— Передѣляйте обстоятельства и вы передѣляетесь сами, замѣтилъ Бубновъ вкрадчивымъ тономъ.

Мать мелькомъ взглянула на него, не вполне понимая его мысль.

— Вы и вашъ дядя, продолжалъ Бубновъ,—вы оба поставили свою жизнь на карту семейной жизни или даже не семейной жизни, а жизни Володи. Но вѣдь вы такимъ образомъ принесете только вредъ мальчику. Онъ будетъ воспитанъ какимъ-то китайскимъ божкомъ, которому кланяются, котораго убажуютъ, но который не видитъ дѣйствительной жизни и не будетъ имѣть средствъ бороться противъ ея невзгодъ, когда она настанетъ для него. Когда нибудь онъ поступитъ въ школу и тамъ начнется его первый разладъ съ обществомъ: онъ захочетъ, чтобы общество, учителя, школьники—все плясало по

его дудкѣ, какъ все повиновалось ему въ его родномъ домѣ. Онъ будетъ неспособенъ понимать, что общество въ теченіе тысячъ лѣтъ выработало извѣстные обычаи, правила, законы и будетъ требовать, чтобы эта тысячелѣтняя мудрость склонилась передъ нимъ, уступила мѣсто его капризу, воспитанному десяти, двѣнадцатилѣтнимъ поклоненіемъ семьи. Какъ вы думаете, чьи силы возьмутъ перевѣсъ въ борьбѣ: силы-ли тысячеглаваго общества, пережившаго и войны, и чуму, и сотни пытокъ, или избѣженный ребенокъ, боящійся сквознаго вѣтра, плачущій, если у него нѣтъ лишняго яблока, неумѣющій защититься отъ нападенія какой нибудь шавки, если около него нѣтъ няни?

Мать не говорила ни слова. Григорій Даниловичъ, окончивъ свою рѣчь, тоже нѣсколько времени шелъ молча. Мать первая прервала молчаніе.

— Знаете ли, начала она тихимъ и смущеннымъ голосомъ, — до сихъ поръ мнѣ казалось, что вы не любите Володю... Вы меня извините...

— Я не умѣю выражать любовь къ дѣтямъ страстными поцѣлуями,—хладнокровно, почти холодно отвѣтилъ Бубновъ.

— Ради Бога, не сердитесь на меня за это предположеніе! съ полной искренностью протанула мать ему руку. Она была вполне увѣрена, что каждому человѣку должно быть обидно, если его подозрѣваютъ въ нелюбви къ ея Володѣ.

Бубновъ крѣпко пожалъ протянутую ему руку.

Съ этого дня начались довольно близкія дружескія отношенія между моею матерью и Григоріемъ Даниловичемъ. Эти отношенія были вызваны мною, поддерживались и подогревались при помощи общей темы для разговоровъ, т. е. при помощи толковъ о моей судьбѣ. Но именно я болѣе всѣхъ досадовалъ на эти отношенія. Я не безъ негодованія видѣлъ, что мать моя все чаще и чаще оставляетъ меня съ дядей, съ Лаврентіемъ, съ няней и уходитъ гулять или просиживаетъ по цѣлымъ часамъ вдвоемъ съ Бубновымъ; я даже нѣсколько разъ доходилъ до сильнаго гнѣва, когда она, смѣясь, говорила при мнѣ Бубнову:

— А Володю надо бы пожурить, онъ опять капризничаетъ.

Эта фраза пробуждала во мнѣ нестерпимую боль и оскорбляла

ною дѣтскую гордость и чувство независимости. Однажды, услышавъ отъ матери эти слова, я не выдержалъ и вспылнлъ.

— Григорій Даниловичъ не родной мнѣ, чтобы я сталъ его слушаться, проговорилъ я, краснѣя до ушей.

— А развѣ только родныхъ надо слушаться? спросилъ Бубновъ, пристально смотря на меня.

— Да, родныхъ. Другіе не смѣютъ бранить и наказывать, смѣло возразилъ я и взглянулъ на Бубнова, вызывающимъ на бой взглядомъ.

— А еслибы тебя отдали ко мнѣ?

— Это зачѣмъ? перебилъ я Бубнова.—Такъ бы я и пошелъ къ вамъ! Очень мнѣ нужно!

— Но еслибы тебѣ велѣли идти?...

— А я взялъ бы, да и убѣжалъ къ мамашѣ! рѣшилъ я.

Мать улыбнулась моей сообразительности.

— Несмотря на желаніе мамыши, чтобы ты жилъ у меня? продолжалъ допрашивать Бубновъ.

— Мамаша никогда не отдала бы меня...

Мать вѣжно взглянула на меня, радуясь, что я такъ твердо увѣренъ въ ея любви, и уже хотѣла обнять меня въ награду за эту увѣренность, но Бубновъ удержалъ ее отъ изліяній материнской вѣжности, слегка покачавъ головою.

— Ну, а еслибы мамаша отдала? настойчиво продолжалъ онъ допросъ.—Еслибы она захотѣла, чтобы ты жилъ у чужихъ и слушался ихъ?

Я взглянулъ на мать: она сидѣла неподвижно и не опровергала предположеній Бубнова, стараясь не встрѣчаться со мною глазами. У меня дрогнули губы отъ слезъ, которыя я тщетно старался удержать.

— Я... я... я убѣжалъ бы къ дядѣ! уже рыдая, произнесъ я.

— Молодецъ, братъ, молодецъ! восторженулся дядя, дружески хлопнувъ меня по плечу.—Такъ и надо, чортъ побери!

Бубновъ не обратилъ ни малѣйшаго вниманія на восторгъ дяди, конечно не раздѣляя этого восторга, и мелькомъ промолвилъ матери:

— Вы видите, что я правъ.

— Какъ тебѣ не стыдно плакать, сказала мать и потянула

меня къ себѣ. Я сердито вырвался изъ ея рукъ и убѣжалъ изъ комнаты. Дядя послѣдовалъ за мною, ворча себѣ подъ носъ:

— Глушья шутки, очень глупыя шутки! Доводятъ ребенка до слезъ, чортъ знаетъ, зачѣмъ. Самихъ бы постращать отъ правленіемъ въ острогъ, что бы тогда зашѣли!

Бубновъ пропустилъ мимо ушей эту воркотню старика и обратился къ моей матери.

— Видите ли, одно только предположеніе, что его отдадутъ въ чужія руки, заставляетъ его плакать, а что же будетъ, когда его въ самомъ дѣлѣ отдадутъ въ школу? Вамъ надо подумать, серьезно подумать о немъ. Жаль, если онъ погибнетъ, вооруживъ всѣхъ людей противъ себя.

Черезъ нѣсколько минутъ мать и Бубновъ гуляли вдвоемъ въ саду. Мать была задумчива и грустна.

— Мой другъ,—моя мать уже нерѣдко называла Бубнова этимъ именемъ,—что же мнѣ дѣлать? говорила она.—Неужели нужно поскорѣе отдать его въ чужія руки.

— Зачѣмъ? Развѣ вы не можете предположить, что можетъ найтись постороннее лицо, которому стануть близки, какъ свои, всѣ ваши интересы и интересы Володи?

Мать молчала.

— Неужели вы думаете навсегда остаться въ томъ положеніи, въ какомъ вы находитесь теперь? Оно станетъ со временемъ тяжело для васъ, когда Володя подростетъ и будетъ отсутствовать по цѣлымъ днямъ, преданный новымъ интересамъ, новымъ друзьямъ и товарищамъ ..

— Я не думаю о себѣ, вскользь замѣтила мать.

— Нужно и о себѣ думать, потому что и для Володи не составитъ особеннаго счастья ваше одинокое, безотрадное положеніе. Вы его свяжете по рукамъ и по ногамъ въ будущемъ, когда онъ увидитъ, что вся ваша жизнь заключается только въ немъ, въ его присутствіи около васъ. Онъ пойметъ, что отдаваясь своимъ интересамъ, вращаясь вѣдъ своего дома, въ кружкѣ юныхъ друзей, онъ похищаетъ часть вашихъ радостей, и ему станетъ тяжело, онъ не будетъ знать, чѣмъ пожертвовать: долею вашихъ радостей или своими инстинктивными стремленіями къ молодой жизни, къ юному поколѣнію людей...

Мать задумалась и опустила на грудь голову.

— Вамъ нуженъ сильный товарищъ-мужчина, который могъ бы долго, долго идти съ вами однимъ путемъ, и согрѣвая ваше сердце, и раздѣляя съ вами заботы объ этомъ ребенкѣ...

Мать не произносила ни слова: она чувствовала, что съ каждой минутой ея лицо горѣло все сильнѣе и сильнѣе, что передъ нею начиналъ разсѣваться туманъ, заслонявшій будущее.

— Вы не рѣшаетесь? спросилъ Григорій Данпловичъ тихимъ и вкрадчивымъ голосомъ.

Мать подняла голову и взглянула на Бубнова: ого глаза горѣли, на его смуглыхъ, худыхъ щекахъ пробивался румянецъ. Мать какъ бы сквозь сонъ потеряла рукою свой лобъ.

— Такъ вотъ что!.. Любовь!.. прошептала она въ смущеніи.

— Да, да, любовь, страстная, горячая любовь! задыхающимся голосомъ проговорилъ Бубновъ и такъ крѣпко обнялъ мою мать, что она невольнo вскрикнула и хотѣла освободиться отъ его неожиданныхъ объятій. Но онъ уже покрывалъ поцѣлуями ея лицо, забывая и то, что ихъ могутъ увидать, и то, что онъ не получилъ еще никакого права ни на объятія, ни на поцѣлуй. Мать въ невольномъ страхѣ дрожала въ его рукахъ, но не отталкивала его.

— Знаешь ли ты, я думалъ иногда, что я съума сойду, если это неизвѣстное положеніе продолжится еще,—страстно шепталъ Бубновъ.—Иногда я готовъ былъ, Богъ знаетъ, на что рѣшится, чтобы ты была моею или ничьею.

Мать впервые стояла лицомъ къ лицу съ подобною любовью, совѣмъ непоходившею на тихую и спокойную привязанность моего болѣзненного отца, который и женился на моей матери только изъ желанія спасти ее отъ семейнаго гнета. Мать и боялась страсти Бубнова, и въ тоже время ей было пріятно находиться подлѣ этого энергичнаго человѣка, шептавшаго ей:

— Обопрись на мою руку—это крѣпкая рука. Ты совѣмъ ребенокъ, беззащитный, слабый ребенокъ. Но со мною тебѣ нечего будетъ бояться. Я съумѣю вынести тебя на рукахъ изъ толпы враговъ. Мой здоровый, выносливый разумъ съумѣетъ разогнать ложные призраки твоей фантазіи. Ты ищешь любви,

ты обожаешь своего ребенка, но, дитя, ты не замѣчаешь, что этой любви мало, что ребенокъ позволяетъ любить себя *покуда*, но настанетъ пора, когда онъ полюбитъ болѣе чѣмъ тебя, и свою охотничью собаку, и перваго друга-юношу, и первую женщину, можетъ быть, дрянную, развратную женщину, но такую, которая откroетъ передъ нимъ впервые новую сторону наслажденій, затронувъ въ немъ еще непробуждавшіяся до той поры страсти...

Моя мать находилась какъ бы въ чадѣ отъ этихъ рѣчей, ей грезилась и толпа невѣдомыхъ до сихъ поръ грозныхъ враговъ, изъ среды которыхъ ее выносятъ могучія руки Бубнова; ей грезился и, незнакомый покуда, страшно тернистый путь, по которому она, изнеможенная, идетъ опираясь на сильнаго Бубнова; ей грезилась и та пора, когда я, бросивъ ее, веселюсь среди новыхъ дорогихъ мнѣ друзей, а она, одинокая, забытая мать, плачетъ и тихо успокаивается на теплой груди Бубнова, ласково шепчущаго ей: «погоди, онъ, нашъ Володя, снова вернется къ намъ!» — и она инстинктивно склоняла свою голову на плечо этого спасителя нашего дальнѣйшаго счастья. Онъ, въ свою очередь—да спасетъ меня небо отъ клеветы на стараго врага!—тоже не лгалъ передъ нею въ эту минуту и страстно желалъ быть счастливымъ съ этой женщиной-ребенкомъ и даже думалъ составить ей счастье.

Вечеромъ я уже дремалъ въ своей постелькѣ, когда матушка вошла въ мою комнату и встала на колѣни передъ моею кроваткой.

— Милый, дорогой, я тебя никогда ни на кого не промѣняю, я тебя буду любить больше прежняго, буду разумно любить, не мучая своей любовью, не ревнуя къ другимъ! шептала она, полагая, что я сплю.

Я услыхалъ эти слова, я увидалъ ея слезы и не выдержалъ.

— Мама, ты плачешь? тихо спросилъ я, открывая удивленные глаза.

— Милый мой, я вполне счастлива! проговорила она въ бытность и прильнула къ моей груди головою, кажется, не сознавая, что все это происходитъ на яву, что мы оба не спимъ. Я обвилъ руками ея шею и мнѣ было такъ хорошо, такъ слад-

ко уснуть въ эту ночь. Мнѣ снилось, что я большой, что я несу на рукахъ ребенка, и что этотъ ребенокъ—моя мать.

Ни я, ни дядя не подозрѣвали, что происходило около насъ. Мать по-институтски совѣстилась открыть свою тайну и, какъ всѣ слабыя натуры, ждала, что дѣло объяснится само собою. Она просила и Бубнова не сообщать пока ничего дядѣ. Григорій Даниловичъ немного нахмурился и замѣтилъ, что надо же когда нибудь сказать обо всемъ старику, такъ какъ не можетъ же старикъ предполагать, что его племянница похоронить свою молодость въ четырехъ стѣнахъ. Но прежде, чѣмъ Бубновъ и моя мать посвятили дядю въ свою тайну, онъ случайно узналъ о ней. Однажды, проходя по нашему саду, онъ увидалъ, что Бубновъ сидитъ съ моею матерью, обнявъ ея талью. Дядя прошелъ тихонько стороною, не будучи замѣченъ ими, и вошелъ въ домъ необычайно серьезнымъ. Въ это же время я вбѣжалъ со двора въ комнату и быстро сталъ сообщать дядѣ о походеженіяхъ нашего новаго корабля, сдѣланнаго Лаврентьемъ и спущеннаго мною утромъ у ванны. Дядя не слушалъ меня и шагалъ по комнатѣ, ероша свой хохолъ и приглаживая виски, что, какъ извѣстно, было яснымъ признакомъ дешвнаго волненія.

— Да что съ тобой, дядя? топнулъ я съ досадою ногою, видя, что онъ не обращаетъ никакого вниманія на такое великое въ нашемъ семейномъ государствѣ событіе, какъ спускъ моего корабля.

— Ничего, ничего, не тужи, Володя! похлопалъ онъ меня рукой по плечу, не понимая, о чемъ я говорю и за что сержусь.—Къ берегу причалили. Ну что-жь, и прекрасно.

— Да нѣтъ же, не причалили...

— Ну да, ну да, не причалили еще. Причалимъ! И отлично! Не все же по морю плавать, надо когда нибудь ж якорь бросить. Въ томъ-то вся и штука, чтобы лавировать, лавировать, подъ бурей, подъ грозой плыть и все-таки придти къ тихому пристанищу и бросить якорь. Ну вотъ мы и бросаемъ якорь.

— Да ты объ чемъ, дядя, толкуешь? Съума ты сошелъ, что ли, такъ ты мнѣ скажи! началъ я дергать его за полы сюртука, ничего не понимая изъ его рѣчей.

Онъ посмотрѣлъ на меня изумленнымъ и тупымъ взглядомъ, точно до сихъ поръ онъ и не подозрѣвалъ не только о моихъ рѣчахъ, но даже о моемъ присутствіи въ комнатѣ, и сѣлъ на кресло. Онъ поставилъ меня передъ собою, раздвинувъ коѣнни, положилъ мнѣ на плечи свои руки и сталъ любовно смотрѣть на меня.

— А вѣдь мы, братъ, съ тобой поплывемъ дальше, заговорилъ онъ, добродушно улыбаясь.— Половину команды на берегъ спустимъ, въ отставку, поднимемъ якорь и на всѣхъ парусахъ валай дальше въ открытое море!

Я, разинувъ ротъ и вытаращивъ глаза, не безъ страха смотрѣлъ на дядю.

— А! испугался небось? ободрительно ударилъ онъ меня изо всей силы по плечу.— Все за чужой спиной привыкъ жить! Нѣтъ, а ты попробуй-ка самъ закрѣпить паруса, да и плыви!

Я немного попятился отъ дяди, онъ всталъ и снова зашагалъ по комнатѣ, ворча что-то себѣ подъ-носъ. Когда мать возвратилась въ комнату, дядя уже успѣлъ отчасти успокоиться и началъ разговаривать о разныхъ разностяхъ. Среди разговора о пустякахъ онъ вдругъ принялъ самое серьезное выраженіе и спросилъ у матери:

— Ты не знаешь купчихи Пятибрюховой? Въ Кронштадтѣ есть такая.

— Нѣтъ, отвѣтила мать, стыдливо улыбнувшись надъ фамиліей купчихи.

— Говорятъ, на ней Бубновъ женится, хмуро продолжалъ дядя.

— Это неправда! быстро перебила мать и вся покраснѣла.

— Ну вотъ еще! Я отъ вѣрныхъ людей слышалъ, всѣ кронштадскіе говорятъ.

— Лгутъ, лгутъ! загорячилась мать.—Я тебя увѣряю, что это неправда!

— Да, можетъ быть, онъ отъ насъ скрываетъ, стыдится сказать, что беретъ купчиху, да еще вдобавокъ Пятибрюхову. Вѣдь чортъ знаетъ и выкопалъ-то какую! усмѣхнулся дядя.— Вотъ я его самъ пораспрошу...

— Ахъ, пожалуйста, не спрашивай! испугалась мать за то, что дядя откроетъ ея тайну.

— Отчего же? Я вообще хочу поговорить съ нимъ насчетъ женитьбы. Пора ему за умъ взяться. Я, знаешь, обиняками намекалъ ему не разъ, ну, а теперь напрямикъ поговорю.

Мать смутилась окончательно и просила дядю не вмѣшиваться въ дѣла Бубнова, такъ какъ онъ совсѣмъ посторонній намъ человекъ.

— Ну, маточка, если онъ себя постороннимъ считаетъ, пребывая у насъ по цѣлымъ днямъ, такъ ужъ я, конечно, не стану говорить съ нимъ, обидчиво замѣтилъ дядя — Странные нынче люди, всѣ посторонніе, всѣ чужіе, ничего между ними дружескаго, родственнаго нѣтъ. Все у нихъ тайны да секреты.

Дядя хранилъ серьезный видъ и брюзжалъ на молодежь.

Мать сильно взволновало извѣстіе, сообщенное дядей. Она была почти вполне увѣрена, что это одна изъ обычныхъ кронштадскихъ сплетень, неимѣющихъ никакого серьезнаго основанія. Но въ то же время ей казалось страннымъ, почему это вдругъ всѣ стали говорить объ этой женитьбѣ. Размышленія объ этомъ важномъ предметѣ мѣшали моей матери уснуть ночью, но на слѣдующій день она все-таки не рѣшилась объясниться съ Бубновымъ. Ей казался щекотливымъ и самый вопросъ объ этихъ слухахъ и еще болѣе щекотливымъ казалось произнесеніе фамиліи бубновской невѣсты. Институтская стыдливость или, лучше сказать, щепетильность уцѣлѣла у моей матери вполне.

Но этимъ дѣло не кончилось. Черезъ два дня дядя довольно сурово замѣтилъ матери, что онъ хочетъ попросить Бубнова ѣздить къ намъ порѣже.

— Оно, знаешь, нехорошо, говорилъ онъ, хмурия брови. — Ты женщина молодая, онъ мужчина тоже не старій, мало ли что стануть толковать люди!

— Какое намъ дѣло до толковъ? — отвѣтила мать, до сихъ поръ боявшаяся сплетень, какъ огня. — И кто толковать станеть?

— Ахъ, маточка, да всѣ! Первая встрѣчная Акулька ста-

нетъ нашу Настю обо всемъ распрашивать, да еще и при Володѣ пожалуй!

Мать вспыхнула.

— Да почему знать... можетъ быть, уже и толкуютъ, продолжалъ дядя.— Не даромъ же Володя такъ ревнуетъ тебя къ Бубнову... Нѣтъ, нѣтъ, надо сказать, чтобы онъ не ѣздаль такъ часто. За одну сватается, а за другой ухаживаетъ. Ты вѣдь замужъ не пойдешь никогда, сама говорила, а только наживешь дурную славу. Я на отрѣзъ ему такъ и скажу, что ты ужь не замужница...

— Дядя! тихо произнесла мать.

— И пусть онъ и носу сюда не показываетъ...

— Дядя! слышался снова голосъ матери.

— А то обиваютъ пороги у молодой, честной женщины, которая и вниманія-то на нихъ не обращаетъ никакого...

— Дядя! въ третій разъ повторила мать тихимъ и смущеннымъ голосомъ.

Горячившійся до этой минуты дядя взглянулъ на ея раскраснѣвшееся лицо и не выдержалъ, залился густымъ и продолжительнымъ смѣхомъ.

Мать, кажется, поняла, въ чемъ дѣло и по-дѣтски расплакалась: ей показалось, что дядя насмѣхается надъ нею. Съ трудомъ успѣлъ онъ успокоить ее, объявивъ ей, что все это въ порядкѣ вещей.

— Да чтожъ въ самомъ дѣлѣ, чортъ побори, горячился дядя, — не вѣкъ же тебѣ въ дѣвкахъ сидѣть. Ты дѣвушка молодая...

— Какая же я дѣвушка, дядя, перебила его мать сквозь слезы.

— А чортъ побори! Ну не дѣвушка, ну вдова. Не все равно! Есть о чемъ спорить! разсердился дядя.— Молодая вдова, и потому надо же было когда нибудь бросить якорь. Я очень радъ, очень доволенъ, что все такъ случилось. Мы съ Володей старые моряки, старые холостяки, поплывемъ дальше.

Мать слушала эту рѣчь довольно серьезно, но мало-по-малу выраженіе ея лица дѣлалось веселѣе и развеселилось окончатель-

тельно, когда дядя дошелъ до «старыхъ холостяковъ», причисливъ къ ихъ сонму и меня.

— Только смотри, маточка, пара ли онъ тебѣ? замѣтилъ дядя.—Строгъ онъ, суровъ...

— Онъ добрый, очень добрый, перебила матушка.—Онъ такъ любить меня и Володю...

— Ну, Володю-то онъ не любитъ...

— Ахъ нѣтъ, дядя, ты ошибаешься. Я сама ошибалась прежде...

— Дай Богъ, дай Богъ, чтобы любилъ. .

Матушка обняла дядю и шепотомъ замѣтила:

— Я безъ него не могу жить!

— А вотъ увидимъ, что Пятибрюхова-то скажетъ! вдругъ воскликнулъ дядя и нахмурилъ брови.

— Да . скажи пожалуйста, начала мать, принимая озабоченный видъ.—Что это за купчиха?

— Пятибрюхова-то? Ха, ха, ха! разразился дядя смѣхомъ.— Это, братъ, я самъ такую гениальную штуку придумалъ!

Старикъ снова залился неудержимымъ хохотомъ, цѣлуя мою мать въ голову.

Втеченіе всего дня онъ обращался и къ знакомымъ, и къ Бубнову и даже ко мнѣ съ новостью, что моя мать возымѣла непреодолимое желаніе познакомиться съ купчихой Пятибрюховой, и что это желаніе тревожило ее нѣсколько дней. Мать краснѣла до ушей и, можетъ быть, сознавалась въ душѣ, что дѣйствительно эта купчиха беспокоила ее съ того памятнаго дня, когда дядя произнесъ выдуманную имъ фамилію мѣфической невѣсты Бубнова.

Не такъ просто и не такъ легко было объясненіе съ главою нашего семейства. Втолковать юному самодуру, въ чемъ дѣло, заставить его дружелюбно отнестись къ Бубнову, все это было почти невозможно, и моей матери вторично приходилось выйти замужъ безъ согласія старшаго въ семьѣ. Она такъ и сдѣлала: предупредивъ меня, что мы будемъ зимою жить вмѣстѣ съ Бубновымъ, она приготавлилась къ свадьбѣ, скрывая эти приготовления отъ меня и задабривая меня поцѣлуями. Я и счетъ потерялъ этимъ поцѣлуямъ! Черезъ нѣсколько времени мнѣ объ-

явили, что мамаша уѣдетъ гостить на нѣсколько дней въ Кронштадтъ. Потомъ мнѣ, сказали уже безъ матери, что у меня новый папаша теперь есть, что я скоро поѣду къ этому папашѣ, что мы жить съ нимъ будемъ.

— Гришка, Гришка мойиъ отцемъ будетъ? Не хочу, не хочу я этого! крикнулъ я, вспомнивъ, что мать говорила о нашемъ скоромъ переселеніи въ одну квартиру съ Бубновымъ.

— Полноте, Владиміръ Михайловичъ, батюшка, нехорошо такъ говорить! уговаривала меня Настя.—Что вы говорите, *они* сердиться будутъ и васъ накажутъ, если узнаютъ ..

Я топалъ ногами и кричалъ, что меня никто не смѣетъ наказывать, и что Гришку любить я не стану.

— Дядя, я съ тобой буду жить. Я къ Гришкѣ не поѣду, объявилъ я дядѣ взволнованнымъ голосомъ, появляясь въ его комнатѣ со слезами на глазахъ.

— Вотъ тутъ-то, братъ, и загвоздка! произнесъ онъ съ глубокомысленнымъ видомъ.—Я и самъ думалъ, что не зачѣмъ намъ съ тобою ѣхать туда. Вполнѣ былъ въ этомъ увѣренъ до сегодняшняго дня. Такъ нѣтъ! говорятъ, что безъ тебя жить не могутъ. Ну, пересѣли на другой корабль и оставили бы насъ въ покоѣ, а то нѣтъ, давай имъ и тебя!

— А ты развѣ не поѣдешь къ нимъ жить? спросилъ я.

— Гм! откашлянулся дядя, хмуря брови.—Ну, я тамъ лишній! Оно и то сказать, я и здѣсь теперь лишній!

— Лишній! изумился я, не понимая дядю.

— Да. Что же я свиней пасти буду тутъ, что ли? Мать твоя уѣхала, ты уѣдешь. Для кого же я тутъ буду жить, хлопотать? Вотъ эти розы развелъ я для себя, что ли? Что мнѣ въ нихъ? Для твоей матери развелъ я ихъ, она ихъ любила! Ну, ее нѣтъ теперь здѣсь, къ чорту розы! Вотъ эта телѣжка—мнѣ въ нее не усѣсться. Тебѣ она только была подъ ростъ. Ну, а ты уѣдешь, пропадай и телѣжка! Вотъ оно каково намъ, старымъ холостякамъ, Володя! Живешь, служишь, сначала около тебя пріятеля, сослуживцы, родные, ты вездѣ первый, вездѣ распорядителемъ—весело! Вдругъ, глядишь, вышелъ въ отставку, — старые сослуживцы службой заняты, не могутъ съ тобой возиться. Ты на старости пересталъ плясать,—

молодежь завербовала другихъ распорядителей для баловъ, считаетъ тебя липниимъ бревномъ, мѣшающимъ плясунамъ. Женившіеся при твоей помощи сторонятся отъ тебя, ты мѣшаешь ихъ семейному миру. Пригрѣтые тобою какіе нибудь дальніе родственники ушли, имъ веселѣе жить безъ тебя, ты одинъ. Песъ, потерявшій глаза и голосъ, ты озираешься и видишь, что все кругомъ живетъ не для тебя, что и ты самъ не для себя жилъ, а жилъ для другихъ.

Я плохо понималъ или, лучше сказать, совсѣмъ не могъ понять смыслъ рѣчей дяди, но сознавалъ одно то, что ему тяжело жить одному, и поспѣшилъ успокоить его.

— Дядя, голубчикъ, я тебя не оставляю; мы вмѣстѣ будемъ жить, говорилъ я.

— Вотъ и я тоже думаю. Мы съ тобой старые холостяки. Отчего же бы намъ не жить вмѣстѣ? Да и такое время теперь, ты учиться станешь, а у нихъ пойдутъ дѣти, мѣшать тебѣ станутъ...

— Какія дѣти? спросилъ я въ недоумѣніи.

— Ну да, дѣти... У матери твоей будутъ теперь еще дѣти...

Эти слова произвели удивительный эффектъ: я разрыдался. Дядя никакъ не могъ успокоить меня. Я все плакалъ и повторялъ, что вѣрно мамѣ мало меня одного, что она перестала меня любить. Съ этой минуты я замѣтно охладѣлъ къ матери, она казалась мнѣ измѣнницей. Мать, съ своей стороны, тоже вела себя передъ свадьбой такъ странно, какъ будто сознавала, что измѣняетъ мнѣ: она какъ бы заискивала во мнѣ, какъ бы совѣстилась меня. Въ мои дѣтскіе и юношескіе годы я приписывалъ эту совѣстливость именно тому, что мать обманула меня и вышла замужъ безъ моего и «родительскаго» благословенія. Прости меня, моя слабая, неопытная, несчастная матушка! Въ скорбные дни моей тревожной юности перѣдко обвинялъ я тебя за то, что ты вышла замужъ безъ моего сыновьяго согласія и благословенія. Можетъ быть, я страшно ошибался, но всѣ твои и мои несчастія я приписывалъ именно этому браку, заключенному противъ воли твоего сына. Я часто говорилъ себѣ: зачѣмъ спрашиваютъ дѣти согласія отцовъ на бракъ? Вѣдь не отцамъ жить съ женами и мужьями дѣтей? Отцы должны да

вать не согласіе на бракъ, а свои совѣты, купленные долголѣтнею опытностію. Но возможно ли, честно ли выходить замужъ безъ согласія, то есть наперекоръ симпатіямъ дѣтей? Вѣдь этимъ дѣтямъ придется подчиняться новымъ личностямъ, имъ придется жить въ новыхъ условіяхъ. А между тѣмъ ихъ, несчастныхъ, не спрашивая, вводятъ въ новую, можетъ быть, ненавистную имъ, семью, навязываютъ имъ новыхъ, можетъ быть, враждующихъ съ ними, родственниковъ, окружаютъ ихъ новыми условіями жизни, можетъ антипатичными этимъ дѣтямъ. Давнымъ давно прошли тѣ годы, когда я при каждомъ новомъ событіи гордо являлся неутомимымъ судьейю людей, давно сталъ я спокойно и трезво подвергать безощадному суду только свою личность, только свои поступки и потому я старался даже позабыть, насколько была виновата ты, моя мать, вводя меня въ домъ противной мнѣ личности. Но помню я и стараюсь помнить до сихъ поръ, какъ страшно ты заплатила за этотъ поступокъ. Ты такъ горячо любила меня, что мое несчастіе должно было сдѣлаться твоимъ несчастіемъ. И Богъ знаетъ, кто былъ изъ насъ несчастнѣе въ тѣ минуты, когда на меня обрушивались удары, а на тебя сыпались одиѣ ласки, — знаю я только одно, что мой юный и еще свѣжій организмъ перенесъ все, а ты, слабая и безпомощная, растаяла и догорѣла какъ свѣча. Но твой образъ, освященный страданіемъ, является и чище и свѣтлѣе прежняго передо мною.

И какъ предчувствовали всѣ будущія невзгоды мы съ дядей, когда наконецъ рѣшились переѣхать къ тебѣ, — я въ твою квартиру, дядя въ мезонинъ того же дома, гдѣ жила ты.

— Ну, братъ, я теперь пассажиромъ ѣду! говорилъ мнѣ дядя, осматриваясь въ своемъ новомъ жилищѣ. — Смотрите, правьте умнѣй, глядите, гдѣ подводные камни, гдѣ мели; главное, справляйтесь откуда и куда вѣтеръ дуетъ!

IV.

Капитанъ Хлопко и я—пассажиры на чужомъ кораблѣ.

На первыхъ же порахъ при поступленіи въ жилище Бубнова мнѣ не понравилась фамильярность въ его обращеніи съ моею матерью, а потомъ и со мной. Я не могъ понять, что онъ получилъ право на это. Во-первыхъ, онъ говорилъ ей *ты*, что до сихъ поръ было исключительнымъ правомъ для меня и дяди. Во-вторыхъ, онъ сидѣлъ съ нею на диванѣ, обнявъ ее, — онъ постоянно обнималъ ее, — и такимъ образомъ мѣшалъ мнѣ пріютиться около нея. Въ третьихъ, онъ, въ видѣ ласки, смазалъ меня указательнымъ пальцемъ по носу и, въ видѣ ободренія, или ужь въ видѣ я и не знаю чего, говорилъ мнѣ: «Ну что ты подѣлываешь, шишъ гороховый?» или: «Ну что ты, гусь лапчатый, перестанешь теперь капризничать?» или просто: «Ахъ ты, фигюлька московская!» Я рѣшительно былъ обиженъ и никакъ не могъ постичь, какія значенія могутъ имѣть всѣ такіа прозвища; должны ли они означать ласку или брань и какова вообще степень этихъ прозвищъ въ томъ или другомъ случаѣ: больше ли ласки въ словѣ «голубчикъ», чѣмъ въ словахъ «фигюлька московская», или если послѣднія слова ругательныя, то равняются ли они словамъ «свьяня», «негодяй» или означаютъ нѣчто еще болѣе скверное. Вообще я ломалъ себѣ голову въ теченіе долгаго времени и не пришелъ ни къ какому заключенію. Спросить у матери или у дяди разрѣшенія этихъ вопросовъ я почему-то не рѣшался. Позже я пришелъ къ тому убѣжденію, что Бубновъ самъ не знаетъ значенія этихъ прозвищъ и произноситъ то или другое изъ нихъ только потому, что оно подвернулось ему на языкъ. Такъ мою мать, въ видѣ ласки, онъ называлъ «козявкой», хотя ужь конечно въ этомъ словѣ не было ничего ласкательнаго.

Мои долгіа размышленія въ позднѣйшее время насчетъ характера Бубнова привели меня къ такимъ заключеніямъ: прежде всего Бубновъ былъ человѣкъ черствый, сангвиничный, страстный. Его сухощавая, костлявая, жилистая фигура съ загорѣ-

лымъ, бронзоваго цвѣта лицомъ, съ острымъ носомъ, съ тонкимъ и большимъ ртомъ, съ выдающимися скулами, съ сверкающими, какъ воспаленными, глазами, съ натанувшимися, тревожно бившимися кровью жилами, немного напоминала проголодавагося въ весеннее время волка. Онъ, умѣя отлично толковать объ отвлеченныхъ предметахъ и дѣлахъ, не умѣлъ ласкать или порицать человѣка на словахъ: въ томъ и въ другомъ случаѣ у него и любовь и злоба выражалась какъ-то смѣшно въ безсодержательныхъ названіяхъ, въ родѣ «гуса лапчатого», «щиша гороховаго», «культяпки», «солуха царя небснаго», «чертовой перечницы» и т. д. Только интонація голоса могла дать почувствовать, что должны были означать эти слова: ласку или брань. Ему нужно было и любовь и злобу выражать дѣйствіями. Но и тутъ не всякій сразу понималъ, что выражаютъ его дѣйствія. Такъ онъ при мнѣ иногда, въ видѣ ласки, щипалъ щеку моей матери или, захвативъ обѣ ея щеки большимъ и указательнымъ пальцами, трясъ ея лицо, издавая при этомъ что-то въ родѣ ласковаго рычанья, похожаго на лошадиное ржанье. Послѣ такой ласки у моей матери оставались на щекахъ на нѣсколько минутъ бѣловатая пятна. Такое же пятно осталось у меня на ухѣ, когда одинъ разъ Бубновъ потрясъ мое ухо почти такъ же, какъ трясъ онъ лицо моей матери; при этомъ онъ издавалъ тоже нечеловѣческіе звуки, но что-то похожее на шипѣнье змѣи, въ родѣ словъ; «ишшь ты!» Не знаю, за что считала мать расточаемые ей щипки, но, что касается до меня, то я, не задумываясь, разревѣлся и побѣждалъ жаловаться на Бубнова дядѣ.

Внѣ этихъ минутъ, когда выражались страстные порывы, Бубновъ выглядѣлъ хмуро и въ своихъ рѣчахъ и въ поступкахъ являлся холоднымъ, твердымъ и отчасти хитрымъ практикомъ, немного напоминая своей фигурой солдатскую одеревенѣлость и выправку. Онъ, удобно пріютившись на берегу и не пускаясь въ трудныя и опасныя плаванія, поддерживалъ связи съ полезными людьми, не особенно унижаясь передъ ними, не особенно суетаясь въ ихъ присутствіи, но держа себя ровно, почтительно, немного натянуто-оффиціально, однимъ словомъ, съ тактомъ. По всему было видно, что онъ уже давно созналъ выгоды своего положенія и необходимость этихъ лицъ и выработалъ извѣ-

стныя правила, дающія ему возможность не лебезить, не суетиться, не трусить за промахи въ обществѣ этихъ лицъ. Нельзя было не полюбоваться, глядя со стороны, какъ Бубновъ ловко и спокойно приглашалъ сѣсть этихъ особъ, не садясь прежде ихъ; какъ онъ неторопливо вынималъ и зажигалъ спичку именно въ то время, когда особа не только вынула, но и успѣла обрѣзать сигару; какъ, гуляя съ особой, онъ умѣлъ уступить ей полшага впередъ и немного нагнуть свою голову для слушанія умныхъ рѣчей особы, такъ что особа казалась бы и массивнѣе и выше его, если бы ихъ срисовать въ эту минуту en face. Такъ же выработаны были его отношенія къ низшимъ. На службѣ и дома онъ обходился съ низшими не особенно грубо, но холодно. Никогда не восхищался онъ, не изъявлялъ удовольствія, если они чтонибудь исполняли особенно удачно, потому что это ихъ обязанность. Никогда не прощалъ онъ ихъ, если они дѣлали чтонибудь плохо, потому что «простить одного—нужно простить и другого; простить за одну вину—нужно простить и за другую. Ну а станешь прощать всѣхъ и за все—тогда самъ иди къ нимъ въ слуги или по міру». Онъ дѣлалъ вычеты изъ жалованья своей прислуги за каждую мелочь,

— И съ меня казна вычитаетъ, если я чтонибудь утрачу говорилъ онъ въ этихъ случаяхъ.

Онъ сажалъ подъ арестъ и сѣкъ подчиненныхъ за каждую вину, за которую предписывались эти наказанія.

— Я по закону поступаю, объяснялъ онъ въ отвѣтъ на просьбы провинившихся.—И меня посадятъ на гауптвахту, и меня выгонятъ изъ службы или разжалуютъ, если я чтонибудь противозаконное сдѣлаю.

Его никто не любилъ, но боялись и слушались всѣ. Большая часть его сослуживцевъ, равныхъ съ нимъ по чину, относилась къ нему съ затаенною злобою и искала только случая, чтобы подкопаться подъ него. Эти люди были его естественными конкурентами и завидовали и его успѣхамъ, и его умѣнию спрятать въ карманъ лишнюю копѣйку. Бубновъ это зналъ и держалъ ухо востро, пристально слѣдилъ за своими поступками и старался тщательно хоронить предательскіе концы. А концовъ

было не мало. Онъ самъ не любилъ никого изъ конкурентовъ-сослуживцевъ, но поддерживалъ со всѣми сношенія. Онъ въ сущности не любилъ и службу, но былъ однимъ изъ ревностнѣйшихъ слугъ, такъ какъ въ службѣ видѣлъ единственную возможность для составленія карьеры и приобрѣтенія капитала и значенія.

— Мы всѣ машины на одномъ заводѣ, философствовалъ онъ въ своемъ семейномъ кружкѣ.—Хочешь, не хочешь, а долженъ работать за одно съ другими машинами, иначе тебя выбросятъ вонъ. Подчиненные—это винты и колеса каждой отдѣльной машины. Если дать имъ потачку, если позволить воляничать хоть одному,—испортится вся машина, весь заводъ.

— Но, другъ мой, все это такъ, только вѣдь тутъ въ машинѣ вѣсто колесъ люди, они хотятъ тоже пожить, у нихъ есть слабости, вступалась моя мать за человѣчество.

На первыхъ порахъ ее возмущала или, лучше сказать, смущала эта философія.

— Конечно, конечно, моя хозяйка, есть и у этихъ людей—колесъ, и у этихъ людей—машинъ свои слабости, свое желаніе пожить, снисходительно соглашался Бубновъ.—Вотъ почему, пиголица ты этакая, и существуешь ты у меня, вотъ почему и иду я къ тебѣ посидѣть послѣ работы. И у каждаго замазаннаго смолой матроса, когда онъ перестаетъ быть винтомъ машины, есть свой хоть грязный уголокъ, есть своя хоть сальная дульщина. Семейная жизнь—это масло колесъ, вмятовъ и машинъ завода. И также, какъ я, радъ матросъ, что онъ можетъ въ волю насладиться съ своею возлюбленной. И если онъ находитъ во всякую свободную минуту ласку въ своемъ углѣ, если его семейная жизнь не нарушается никакими посторонними вѣшательствами, если она течетъ съ глазу на глазъ у него и у его жены или любовницы, если у нихъ нѣтъ никакихъ соглядатаевъ, лишнихъ спиць въ колесницѣ, торчащихъ какъ бѣльмо на глазу, то онъ счастливъ....

По какому-то странному обстоятельству я съ этой же минуты сталъ считать соглядатаемъ, лишней спицей въ колесницѣ, бѣльмомъ на глазу никого другого, какъ себя, дядю и мать Бубнова. Я не ошибся. Бубновъ видѣлъ въ семьѣ нѣчто въ

родѣ оборонительнаго и наступательнаго союза, состоящаго изъ мужа, жены и ихъ дѣтей. Всѣ другія личности, не только чужіе люди, но и родственники, считались имъ врагами или, по крайней мѣрѣ, лишними спицами въ колесницѣ. Меня онъ долженъ былъ ненавидѣть еще до своей свадьбы съ моею матерью, такъ какъ я по необходимости долженъ былъ явиться неизбѣжной лишней спицей въ предполагавшемся союзѣ. Кромѣ того онъ считалъ меня врагомъ и за то, что я долженъ былъ со временемъ законнымъ образомъ похитить часть имущества, переходившаго, при замужествѣ моей матери, во владѣнія Бубновскаго союза. Ненависть должна была быть тѣмъ сильнѣе, чѣмъ неизбѣжнѣе было мое вторженіе въ союзъ и его капиталы. Я сначала инстинктивно, а потомъ вслѣдствіе опыта, чувствовала эту ненависть и самъ ненавидѣлъ Бубнова. Дядя, кажется, раздѣлялъ со мною это чувство, по крайней мѣрѣ, онъ и я, мы оба спѣшили въ мезонинъ, гдѣ жилъ старикъ, оставляя Бубнова кричать на прислугу или развивать свои солдатско-философскіе взгляды на жизнь передъ моею матерью. Въ своемъ мезонинѣ дядя закуривалъ крѣпкую сигару, снова получившую право не разлучаться съ нимъ, и тоже начиналъ, сидя противъ меня, философствовать на ту тему, что мужъ моей матери удивительно умный человѣкъ.

— И какъ это у него все сложилось такъ кругло! говорилъ дядя, пуская густые клубы душистаго дыма.—И заводъ, и машины, и колеса, и винты, и все это спаяно, свинчено, разомъ вертится, разомъ останавливается. А хоть бы на счетъ масла, что онъ замѣтилъ. Хе, хе, хе! Вѣдь недурная это тоже штука: масло—это семейная жизнь! А? Сухъ онъ, суровъ, а все-таки умнѣйшій человѣкъ! Далеко онъ пойдетъ! Ему бы не здѣсь киснуть, въ министрахъ бы быть!

Но мало-по-малу восхищеніе дяди начинало остывать и онъ, усиленно высасывая сигару, задавалъ мнѣ глубокомысленные вопросы:

— Ну, а какъ ты думаешь, Володька, что такое мы съ тобой? Ну, они машины, колеса, винты, а мы-то съ тобою что такое?

— Соглядатаи! мрачно отвѣчалъ я, хмурия свои дѣтскія брови.

— Гмъ! Недурно сказано! сердито затыгивался дядя своею сигарою.—И-да, соглядатаи, лишнія спицы въ колесницѣ! Такъ, такъ! Это въ отношеніи къ ихъ семейному кораблю. Ну, а такъ вообще-то, что мы съ тобой такое? А?

Я молчалъ, плохо понимая глубокую философію дяди, хотъ эта философія начинала въ послѣднее время развиваться передо мною ежедневно.

— Нѣтъ, ты не отвиливай, ты прямо отвѣчай на вопросъ, говорилъ онъ.—Что мы такое вообще?

— Люди, угрюмо произносилъ я, чувствуя скуку и утомленіе отъ непонятныхъ мнѣ разсужденій.

— Люди! Отлично придумано! восхищался дядя моею сообразительностью.—Они машины, колеса, винты, а мы люди! А, нѣтъ, ты подумай, какая это философія-то выходитъ! Они вотъ вертись, какъ имъ на заводѣ приказано? ихъ вотъ сейчасъ и выкинуть за невѣрный поворотъ, а мы—чортъ поberi! — мы люди и знать не хотимъ никакихъ заводовъ!

Очень довольный своей философіей, сознавая съ гордостью, что на этомъ пути и мы съ нимъ не уступимъ Бубнову, дядя окончателно затыгивался сигарою до огорченія и потомъ снова уже совсѣмъ весело обращался ко мнѣ:

— А какъ ты думаешь, Володька, мать Бубнова что такое!

— Лишняя спица въ колесницѣ, отвѣчалъ я, уже смѣясь.

Мать Бубнова съ перваго моего свиданія съ нею получила отъ меня названіе «потѣшной.»

— А вѣдь ей Богу такъ. Ей Богу, чортъ возьми! въ восторгъ потиралъ дядя руки.—А она этого и не знаетъ, вездѣ хочеть быть главнымъ колесомъ, ко всѣмъ машинамъ приткнуться хочеть! Я съ боку-съ, я съ боку-съ! говорилъ дядя жиденькимъ голосомъ и въобразалъ приткнувшуюся съ боку мать Бубнова.

Мы начинали взапуски хохотать надъ этой толстой, курносой, немного подрумяненной и подбѣленной барыней, довольно двусмысленнаго поведенія и весьма темнаго происхожденія. По ея словамъ, она была женщина болѣзненная и нервная; на видъ это, было существо здоровенное, потопившее свои нервы въ жиру. Ей, какъ она говорила, было сорокъ три года; по слухамъ она пережила подстолѣтіе. Она говорила, что вышла замужъ тринад-

цати лѣтъ, что въ былыя времена было возможно; по рассказамъ кронштадтскихъ старожилокъ ее благословили лѣтъ двадцати во время одного подсмотрѣннаго ея родителями свиданія съ покойнымъ мичманомъ Бубновымъ, который на мѣстѣ преступленія заявилъ ея родителямъ, что нужно бы было въ сущности не его благословить, а кого-то другого по праву первенства. Такіе казусы случались въ Кронштадтѣ нерѣдко и родители часто поспѣвали во время съ образомъ въ рукахъ для благословенія своихъ невинныхъ дѣтей. Какъ бы то ни было, вѣжныя любовники были благословлены родителями и плодомъ благословенія былъ мой отчимъ. Жена мичмана Бубнова, Марфа Трофимовна, какъ до замужества, такъ и послѣ брака, отличалась именно тѣмъ, что стремилась сдѣлаться однимъ изъ главныхъ колесъ того завода, въ видѣ котораго представлялось ея сыну человѣческое общество. Какъ женщина, она, разумѣется, не могла состоять на дѣйствительной службѣ, но, какъ женщина, она умѣла косвенно вліять на ходъ дѣлъ: близкія, очень близкія отношенія къ начальству мужа, давали ей возможность оказывать протекцію юношамъ, находившимся съ ней тоже въ довольно близкихъ отношеніяхъ. Близость отношеній съ этими юношами давала ей право, даже налагала на нее обязанность заботиться объ ихъ семейномъ счастьи и устраивать свадьбы. Постоянная жизнь въ одномъ и томъ же городѣ, постоянное отсутствіе путешествующаго мужа, постоянное стремленіе расширить кругъ близкихъ сношеній сдѣлали Марфу Трофимовну колесомъ въ машинѣ,—но, къ сожалѣнію, лишнимъ, пятымъ колесомъ.

— А чортъ возьми эту бабу, обо всѣхъ хлопочетъ, всякую дрянъ хочетъ въ люди вывести, говорили начальники, которымъ уже отчасти надоѣли близкія отношенія съ Марфой Трофимовной.

— Ну, дала мѣсто — прекрасно, и отвязалась бы, а то вѣшается на шею, сѣтовали юные protégés, которымъ и прежде были не особенно дороги близкія отношенія съ Марфой Трофимовной.

— Вотъ мужа негодяя навязала, да еще и теперь семейную жизнь растраниваетъ! жаловались облагодѣтельствованныя, то есть выданныя замужъ Марфой Трофимовной женщины.

Но она не падала духомъ и, непризнанная, вертѣлась около машинъ, приткнувшись гдѣ-то съ боку и мѣшая стройному ходу признанныхъ колесъ завода. Точно также вмѣшалась она и въ жизнь прежде брошеннаго ею сына. Но онъ съ перваго же дня своей женитьбы далъ ей понять, что жить онъ съ нею не намѣренъ, что отдавать ей отчетовъ въ своихъ домашнихъ дѣлахъ онъ не будетъ, что она можетъ только посѣщать его домъ въ качествѣ простой зрительницы. Все это онъ далъ ей понять настолько ясно, насколько онъ умѣлъ это дѣлать, то есть высказалъ все хладнокровно, не забывъ поставить ни одной точки на і, не оставилъ ни одного мѣста для вопроса или недоумѣнія, ни одной лазейки для атаки. Вслѣдствіе этого Марфа Трофимовна съ первой же минуты взглянула на мою мать, какъ на личного врага. Была и другая причина для вражды: самое замужество матери огорчило Марфу Трофимовну, обѣщая сдѣлать ее черезъ годъ бабушкою.

— Удивительно рано люди женятся, говорила старуха, забывая, что ея сыну почти тридцать лѣтъ.—Вѣдь этакъ и я въ бабушки скоро попаду. Правда, я вѣдь тринадцати лѣтъ была выдана замужъ родителями и на тридцатомъ году могла быть бабушкою, если бы у меня была дочь. Бабушка тридцати лѣтъ! Прабабушка сорока семи! *C'est charmant!*

Моя мать въ простотѣ души своей не понимала ни желчнаго тона рѣчей свекрови, ни причины этого тона и имѣла неосторожность еще болѣе испортить дѣло, когда привезли меня.

— Вотъ мамаша твоего папа, отрекомендовала мнѣ моя мать Марфу Трофимовну.—Подойди же къ рукѣ бабушки.

— Ахъ, ненужно, ненужно, гадливо воскликнула Марфа Трофимовна.—Я ненавижу дѣтей! Это что-то такое слюнявое! И притомъ я тебѣ совсѣмъ не бабушка, *mon petit*, прибавила она и ушла къ гостямъ, сидѣвшимъ въ гостиной.

— *C'est affreux*, заговорила она съ грустью,—когда женщина выходитъ за второго мужа, имѣя отъ перваго брака ребенка. Я вообще никакъ не могу себѣ представить женщину, которая забыла бы перваго мужа, первую любовь, эту поэзію нашей жизни, и не дѣлала бы обидныхъ сравненій между мужьями. Но все же безъ ребенка это воспоминаніе не такъ живо, а тутъ

оно живетъ, двигается, говоритъ. Il est palpable, pour ainsi dire. Подобные браки рѣдко бываютъ счастливы. Конечно, я рада, что моя невѣстка является въ этомъ случаѣ счастливымъ исключеніемъ, но я боюсь за будущее, я боюсь за дѣтей моего сына...

Съ этой минуты старуха Бубнова окончательно возненавидѣла и мою мать и меня. Но, къ счастью, она ничего не могла сдѣлать для вооруженія своего сына противъ моей матери.

— Твоя жена какая-то вялая, сказала она ему, улучивъ свободную минуту и желая изслѣдовать почву, гдѣ ей придется дѣйствовать. Марфа Трофимовна давно убѣдилась, что изслѣдованіе почвы очень важно въ этихъ случаяхъ.

— Слава Богу, что она не похожа на кронштадтскихъ барынь. Я, по крайней мѣрѣ, покойно изъ дому ухожу, отвѣчалъ Бубновъ, ненавидѣвшій кронштадтскихъ барынь, съ которыми онъ очень бурно провелъ свою юность.

— А, Боже мой, il n'y a point de pire eau que celle qui dort. Конечно, я ничего про нее не могу и не хочу говорить, невиннымъ тономъ произнесла старуха.—Я такъ рада, что ты счастливъ! Но вѣдь бойкость—не развратъ, а откровенность характера.

Бубновъ презрительно усмѣхнулся.

— Знаю я эту откровенность по опыту. Я могъ бы вамъ назвать нѣсколькихъ очень откровенныхъ барынь, которыя только въ тѣхъ случаяхъ бывали неоткровенны, когда было бы интересно узнать объ ихъ отношеніяхъ,—ну хоть ко мнѣ.

Старуха Бубнова сдѣлала гримасу.

— Это мило, увлечь женщину и потомъ ее же чернить!

— Ну не я увлекалъ ихъ, да я и не умѣлъ увлекать, когда мнѣ было пятнадцать лѣтъ. Тогда меня увлекали, меня развращали!.. Впрочемъ я позволяю каждому чернить даже мою жену, если она будетъ увлечена. Да и я, — я первый очерню ее.

— Фи! гадливо воскликнула Марфа Трофимовна.—On lave le visage sale en famille, какъ говорилъ Наполеонъ.

Бубновъ не могъ удержаться отъ улыбки.

— Ну, Наполеонъ совсѣмъ не эти отношенія имѣлъ въ ви-

ду, высказывая свою мысль, отвѣтилъ онъ. — Впрочемъ у всякаго свои взгляды на эти вещи. Вы знаете, что для меня совершенно равны проступки, совершенные по увлеченію и по злому умыслу. Что мнѣ за дѣло, какъ подожгли мой домъ, — случайно или нарочно, — я все-таки лишился его и требую возмездія отъ того, кто виноватъ въ этомъ. Что мнѣ за дѣло — по увлеченію или по испорченнымъ нравамъ моя жена принесетъ въ мой домъ незаконнаго ребенка, — я его вышвырну и не стану кормить на счетъ своихъ дѣтей.

— Какъ жаль, что у твоей жены законный мальчикъ, идю-вито усмѣхнулась Марфа Трофимовна и тотчасъ же сдѣлала самое невинное лицо. — Я боюсь, что онъ будетъ пользоваться правомъ притѣснять твоихъ дѣтей.

Бубновъ нахмурился.

— Ну, это мы посмотримъ!

— Конечно, но вѣдь онъ, кажется, идолъ дома.

— Ну, это передѣляется!

Марфа Трофимовна подмѣтила, что ея сынъ хочетъ передѣлать это, и поняла, что ей удобно будетъ на этомъ пути виѣшаться въ семейную жизнь сына и завертѣться въ качествѣ пятого колеса этой маленькой машины. Она начала ухаживать за моею матерью и мать приняла за чистую монету эту лицемерную любовь. Матушка вообще, какъ неопытная институтка, почти невидавшая людей и свѣта, плохо отличала подъ надѣтой человѣкомъ маской его настоящую физиономію и вѣрила словамъ. Ей показалось бы страннымъ заподозрѣть во лжи человека, которому не было видимой надобности лгать, а между тѣмъ люди и лгутъ и лицемерятъ большею частію именно безъ всякой серьезной необходимости. Стяжавъ довѣріе моей матери, старуха рѣшилась давать мнѣ при своемъ сынѣ нѣжныя наставленія. Какимъ нѣжнымъ, родственнымъ тономъ обращалась она ко мнѣ, какими ласкательными именами называла она меня и какъ часто вѣрила ей моя бѣдная мать!

— Вольдемаръ, Володечка, au nom de Dieu не вѣшайся такъ на мамашу. Это ей нездорово, говорила она мнѣ однажды молящимъ голосомъ, умильно закатывая глаза и обратилась къ

своему сыну:—Твоя ѳбдная жена въ такомъ положеніи, что это можетъ ей повредить.

— Ничего, замѣтила моя мать, лаская меня, — онъ не тяжелъ.

— Ну все же и не легкокъ, возразила Марфа Троѳимовна.— Вы такая слабая!

— Поди прочь! законически произнесъ Бубновъ.—И что у тебя за привычка вѣшаться на людей?

Мать взволновалась.

— Оставь его, вступилась она за меня.—Я люблю, когда дѣти ласковы.

— Ты знаешь, что я для его же пользы хочу приучить его порядочно держаться въ обществѣ, сказалъ Бубновъ по-французски, вѣроятно полагая, что я еще очень плохо знаю этотъ языкъ.—У него манеры деревенскаго мальчишки; онъ то волчкомъ смотритъ, то лѣзетъ лизаться и вѣшается ко всѣмъ на шею.

Мать промолчала; ей было очень тяжело сознаться, что я дѣйствительно похожъ на деревенскаго мальчишку, но спорить съ мужемъ она не могла и не смѣла, такъ какъ онъ заботился о моей же пользѣ. Кромѣ того онъ былъ такъ уменъ, такъ твердо и вѣрно умѣлъ цѣнить людей и ихъ поступки, что было невозможно съ нимъ не согласиться. Но, сдержавъ себя разъ, другой при мужѣ, моя мать вознаграждала и себя и меня за это воздержаніе, она баловала и ласкала меня въ отсутствіе Бубнова, позволяя мнѣ дурачиться и вѣшаться ей на шею, сколько мнѣ было угодно. Вслѣдствіе этого я очень скоро понялъ, что Бубновъ дѣйствительно мой врагъ, и что сама мать понимаетъ это. Потому, какъ только приходилъ онъ домой, я убѣгалъ къ дядѣ, гдѣ для меня было такое же временное пристанище, какъ и въ жилищѣ моей матери. Я въ сущности не имѣлъ своего угла и скитался по двумъ палубамъ нашего семейнаго корабля.

— Гмъ! командиръ вѣрно пришелъ, говаривалъ дядя сквозь зубы, завидѣвъ меня и пускался въ длинные разговоры со мною о разныхъ «подлецахъ-командирахъ», «регатахъ», путешествіяхъ и славныхъ народахъ, то есть обо всѣхъ народахъ, которые встрѣчались ему на жизненномъ пути.

Стоитъ мнѣ на нѣсколько минутъ закрыть глаза при воспоминаніи объ этихъ оживленныхъ бесѣдахъ и передо мною воскресаетъ изъ тумана прѣшедшаго маленькая, убого-убранная гостинная стараго холостяка въ мезонинѣ бубновскаго дома. Около окна стоятъ большое вольтеровское кресло; противъ кресла помѣщается маленькая скамѣчка; здѣсь я и дядя просиживали цѣлыя часы въ глубокихъ философскихъ размышленіяхъ и въ мысленныхъ путешествіяхъ по бѣлу свѣту. Всѣ народы въ своей будничной, общественной и боевой жизни то проходили передъ нами церемоніальнымъ маршемъ, то проносились въ карьеръ и мы дѣлали имъ генеральный смотръ. Переносился я мысленно въ окруженный почти со всѣхъ сторонъ моремъ Копенгагенъ, гдѣ большая часть бѣдныхъ, непрочныхъ домовъ, по словамъ дяди, построена изъ жиденькихъ плахъ, снаружи обитыхъ досками, а внутри парусиною. Здѣсь добродушные, бѣлокурые, голубоглазые люди, немного флегматичные по натурѣ, не знаютъ роскоши и въ простыхъ нарядахъ, доставшихъ внукамъ по наслѣдству отъ дѣдовъ, ходятъ пѣшкомъ, разсираясь во всю ширину улицъ и не боясь попасть подъ шальныхъ рысаковъ: ѣздятъ здѣсь немногіе и то въ крайнихъ случаяхъ. Тихо и сонливо идетъ здѣсь жизнь подъ безрадостный шумъ неугомоннаго и угрюмаго моря; государство мало и потому неохотно мѣшается въ кровопролитныя войны; нѣтъ у него великихъ героевъ и многіе простодушные бѣдняки даже не знаютъ, за что и кому поставленъ на ихъ площади тяжеловѣсный монументъ: они привыкли къ нему и имъ цѣтъ дѣла до этого толстаго всадника, сидящаго на бронзовомъ конѣ, нѣтъ дѣла до его давно забытыхъ подвиговъ. Ихъ собственная жизнь, полная лишеній, горя и геройски-хладнокровнаго самоотверженія на морѣ есть тоже сплошной подвигъ, но они свыклись и съ нею и переносятъ ее съ свойственною имъ флегмою, напиваясь до забвенія спиртными напитками, одуряя себя табачною жвачкою, и ужъ повѣрно не просятъ за тяжелую долю ни монументовъ, ни славы, а только куска насущнаго хлѣба. Едва успѣвъ взглядѣться въ этотъ скромный бытъ у домашняго очага скромнаго государства, я былъ какъ бы оглушаемъ шумнымъ смѣхомъ, говоромъ и звучными пѣснями: передо мной выра-

стали затѣйливыя, какъ кружева, кокетки зданія, разстиралась великолѣпная площадь, какъ бы предназначенная для народныхъ сходокъ, тянулись сотни каналовъ съ разукрашенными гондолами. Посреди всего этого великолѣпія волновалась пестрая толпа арлекиновъ, монаховъ, пѣвицъ, гондольеровъ, таинственныхъ масокъ, — всѣ они кипѣли въ жгучемъ опьяненіи чудною жизнью подъ лазурнымъ небомъ и просили свободы, свободы и свободы, потому что въ виду этого лазурнаго моря, въ виду этого яркаго неба, въ виду этой вѣчно-юной вѣчно-свободной природы, вдвое болѣе душной кажется тюрьма и вдвое болѣе рѣзкими кажутся звуки цѣпей. Это Venezia la bella. Но какъ ни шумна эта толпа, какъ ни чудно это небо, какъ ни пышны эти зданія, а все-таки легко живется здѣсь только аристократія и монахамъ. Да и тѣ втеченіе столѣтій, уснѣвъ подавить народъ, подчинились и подъ себя, вѣчно враждующь другъ съ другомъ, вѣчно добываясь власти, вѣчно поддаваясь побужденіямъ необузданнаго тщеславія. О, какія мрачныя картины и сцены видѣлъ я подъ сводами этихъ дворцовъ! Мнѣ казалось, что я долго, долго самъ своими глазами смотрѣлъ въ большомъ залѣ дворца дожей на то мѣсто, гдѣ виситъ въ рамѣ черная доска съ надписью: «Мѣсто обезглавленнаго Марино Фальери.» Мнѣ казалось, что я слышалъ зловѣщій плескъ волнъ въ каналѣ Орфано, когда ночью порою въ немъ топили инквизиторы не уличенныя ни въ чемъ свои жертвы. Долгое время я не находилъ лучшихъ книгъ для чтенія, чѣмъ разнообразный живой дневникъ и изустные рассказы дяди. И когда я, увлеченный его рассказами, спрашивалъ его, откуда онъ все это узналъ, онъ отвѣчалъ мнѣ:

— Видѣлъ я все это, спрашивалъ обо всемъ. Сидишь бывало гдѣнибудь въ кофейной или гуляешь съ друзьями за границей и все это тебя интересуешь, все забавляетъ. Ну и спрашиваешь, записываешь. Многое изъ книгъ вычиталъ. Тамъ вѣдь все это напечатано.

— Неужели, дядя, все это въ книгахъ напечатано! удивлялся я.

— То-ли еще тамъ есть! говорилъ онъ.

«Дѣло», № 8.

— А отчего Бубновъ не рассказываетъ такихъ исторій? спрашивалъ я.—Онъ, я думаю, тоже много знаетъ.

— Ничего они не знаютъ! сердито возражалъ дядя.—Они знаютъ, только одно какъ изъ копѣйки рубль сдѣлать можно.

— А развѣ это можно? удивлялся я.

— Можно: у тебя копѣйка, а украдешь девяносто девять копѣекъ—рубль будетъ! серьезно пояснялъ дядя.—Это, братъ, не моряки, это бобры рѣчные, около берега они все больше себя домики строятъ, каждую былинку, каждую щепочку про запахъ тащутъ? А знаешь ли ты, на что они тащатъ? Затѣмъ, чтобы ихъ же, шельмецовъ, такіе же, какъ они, распротоканальи теною ночью ограбили. Копи только умственное богатство, знанія копи, людей изучай,—этого никто не отниметъ, съ этимъ никогда не погибнешь

Я рѣшился учиться читать, чтобы прочесть все, что напечатано въ книгахъ. И прежде чѣмъ Бубновъ позаботился о моемъ образованіи, я уже бѣгло читалъ по-русски и начиналъ учиться читать по-французски, произнося французскія слова съ тѣмъ же малороссійскимъ акцентомъ, какъ произносилъ изъ дядя. Чѣмъ хуже мнѣ становилось жить въ «трюмѣ», то есть въ жилищѣ Бубнова, чѣмъ скорѣе мнѣ хотѣлось научиться читать, тѣмъ чаще являлся я на «верхнюю палубу», то есть въ мезонинъ дяди. Но кромѣ занятій на верхней палубѣ, кромѣ проказъ и шалостей въ трюмѣ во время отсутствія отчима, я наслаждался еще прогулками съ моей милой няней. Изъ всей нашей прежней прислуги осталась при насъ только она. По прежнему и даже болѣе прежняго была она запряжена въ работу, но все-таки находила время гулять со мной. Ей шелъ въ это время двадцать третій годъ. Какъ она разцвѣла, какъ горѣли ея пышныя щеки, какъ весело, иногда насмѣшливо смѣялись ея синіе, глубокіе глаза и полный пунцовый ротъ, постоянно выказывавшій два ряда бѣлыхъ и ровныхъ зубовъ! Она была такъ хороша, такъ оживлена, что даже я, ребенокъ, не могъ не любоваться ею и постоянно твердилъ ей:

— Ты, няня, хорошенькая!

— Такія ли бываютъ хорошенькія, смѣялась она. У меня вонъ носъ курносый. Вотъ ваша мамаша, такъ та хорошенькая.

Это меня ставило втупякъ: мнѣ было неприятно сознаться, что кто нибудь могъ быть лучше моей матери, а между тѣмъ мнѣ трудно было сказать, что Настя хуже моей матери. Мать никогда не выглядѣла такимъ здоровымъ, живымъ и веселымъ существомъ, какимъ была Настя. У матери не было такихъ розовыхъ щекъ и яркихъ губъ. У матери не было такихъ бойкихъ, бойкихъ даже въ минуту застѣнчивости, глазъ, какіе были у Насти. Глаза матери были такъ томны, такъ утомлены, что казались сонными. Мать, особенно въ послѣднее время, не была такъ стройна, какъ Настя.

Но если я любовался Настей, то еще болѣе любовались ею молодые люди, начиная съ солдатъ и деньщиковъ и кончая мичманами и пѣхотными прапорщиками. Нерѣдко я очень радовался и чувствовалъ гордость, когда кто нибудь изъ нихъ, встрѣчая насъ на гуляньѣ, говорилъ Настѣ:

— Какая вы милочка! или:—Душка!

Меня очень удивляло, что Настя дѣлала сердитые глаза и отвѣчала:

— Милочка, да не про васъ! или:—Ишь безстыдники, хотъ бы посмотрѣли, что со мной ребенокъ идетъ!

— За что ты ихъ бранишь, няня? спрашивалъ я ее.—Ты вѣдь хорошенькая, они правду говорятъ.

— Прощалыги они! замѣчала она.—Имъ только бы подмазаться. Вы не слушайте, что они брешутъ.

Но хотя я и слушалъ ихъ, а все-таки не могъ ничего понять изъ ихъ рѣчей, не могъ понять, почему Настя пугала ихъ иногда даже полиціей и общаніемъ пожаловаться на нихъ господамъ. Не понималъ я и того, почему, браня всѣхъ за непрошенныя любезности, не бранила няня нашего деньщика, когда онъ, завидѣвъ, что мы идемъ гулять, подносилъ ей то леденцовъ, то цареградскихъ стручковъ. Эти приношенія, употребляемая мною вмѣстѣ съ Настею, ласки и поцѣлуи, расточаемые мнѣ нашимъ деньщикомъ, когда онъ забирался со мной въ переднюю и строгалъ мнѣ игрушки, подкупили меня въ пользу Василья — такъ звали деньщика. Съ каждымъ днемъ этотъ худенькій, задумчивый человекъ, съ весноватымъ лицомъ, съ впалую грудью, страдавшій тоской по родинѣ и

негодный къ строевой службѣ, все чаще и чаще выходилъ къ намъ, все ласковѣе и ласковѣе становился со мной и съ Настей. Съ нею ему приходилось по обязанности очень часто быть вмѣстѣ; онъ долженъ былъ, по приказанію Бубнова, помогать ей отнескою корзины при полосканьи, при катаньи и азвѣшиваніи на чердакѣ мелкаго бѣлья. Что могли говорить и чувствовать эти два молодые существа, находясь и работая вдвоемъ, то на плоту, то въ сараѣ, то на чердакѣ,—это никого не заботило. Никого не занимало и то, какъ дѣйствовали на слабого тоскующаго парня рѣчи Насти, весело говорившей ему:

— Ну, ужъ куда ты-за корзиной тянешься! Донесемъ и безъ васъ. И безъ того лица на тебѣ нѣтъ, а еще надсаживаться хочешь! Васъ вѣрно и на службу-то затѣмъ берутъ, чтобы изъ подъ пушекъ гонять лягушекъ! въ этихъ простыхъ, со смѣхомъ сказанныхъ словахъ, слышалось своеобразно высказанное участіе, слышалась ласка.

И какъ бы ни былъ шутивъ тонъ этихъ рѣчей, но Василий понималъ, что эта дѣвушка избавляетъ его отъ лишняго труда и тащитъ на своихъ здоровыхъ плечахъ непосильную для него ношу. Невесело шла его жизнь въ нашемъ домѣ. Нерѣдко во время большихъ обѣдовъ Бубновъ безцеремонно при гостяхъ ругалъ Василья за то, что тотъ не умѣетъ порядочно подать блюда. Какъ сейчасъ помню я обѣдъ перваго апрѣля въ день именинъ моей матери. Василий подавалъ блюдо съ жаркимъ и уронилъ плохо положенную кѣмъ-то изъ гостей ложку на платье старухи Бубновой. Мой отчимъ вспылилъ.

— Олухъ, блюда подать не умѣешь! крикнулъ онъ.

Марфа Трофимовна приподняла платье и посмотрѣла на то мѣсто, куда упала ложка. Ея сосѣдка, жена адмирала Гейма, тоже наклонилась посмотрѣть зачачканную юбку.

— Какъ шаль, всѣ полотнищъ теперь испорченъ! замѣтила Геймъ, коверкая русскія слова.

— И вообразите, въ первый разъ надѣла! Осенью изъ-за границы привезли матерію, жаловалась Марфа Трофимовна.

— И вѣдь сдѣсь не прикупить! Платье бросить нато.

Покуда шелъ этотъ заупокойный разговоръ о скоропостижной смерти платья, Бубновъ вышелъ изъ за стола. Черезъ

минуто онъ вернется снова, и я замѣтилъ, что его глаза были налиты кровью, а на лбу натянулись жилы. Онъ хмуро сѣлъ за столъ и залпомъ осушилъ стаканъ вина. Слѣдующее блюдо подавала Настя. У нея были заплаканные глаза. Меня мучило любопытство. Какъ только кончился обѣдъ, я выбѣжалъ въ переднюю, но Василья тамъ не было. Я выбѣжалъ на черную лѣстницу и тамъ на крыльцѣ увидалъ своего любимца. Онъ сидѣлъ на ступеняхъ съ подвязанною щекой, еще болѣе блѣдный, чѣмъ онъ бывалъ обыкновенно.

— Василій, что съ тобой? спросилъ я.

Онъ только рукой махнулъ:

— Избили!

Я стиснулъ отъ злобы кулакъ.

— Вы взгляните, чуть глазъ не выбили.

Щека Василья выглядела страшно. Вечеромъ онъ куда-то исчезъ и на другой день Бубновъ ругалъ его за пьянство, обѣщаясь выпороть его.

Безъ гостей церемоній съ Васильемъ было еще меньше. Мой отчимъ билъ его прямо за столомъ. Это повторялось такъ часто, что я привыкъ видѣть и подбитые глаза, и человѣческую кровь.

— Гриша! восклицала въ эти минуты моя мать молящимъ тономъ.

— Ахъ, матушка, не мѣшайся не въ свое дѣло! рѣзко отвѣчалъ Бубновъ. — Не ручки же цѣловать у этихъ скотовъ.

Иногда Василій, натерпѣвшись горя, наработавшись вдоволь, вычистивъ и сапоги, и платье, и мѣдную посуду, сбѣгавъ десять разъ по разнымъ порученіямъ, сиживалъ, пригорюнясь, на крыльцѣ. Настя качала головою и говорила:

— Опять тоску напустилъ на себя!

— Эхъ, Настасья Максимовна, еслибъ вы знали, какъ подъ сердцемъ сосеть! вздыхалъ онъ.

— Да вѣдь легче не будетъ, коли горевать станешь.

— Такъ-то оно такъ, вздыхалъ онъ. — Да все-то думается, что тамъ, какъ у насъ дома-то... Мать тоже, сестренки остались...

— Эхъ ты, парень, сердце-то у тебя доброе! замѣчала Настя и уже безъ смѣха на лицѣ, немного поблѣднѣвшая, проходила въ комнаты.

Глядя на этихъ людей, особенно вида больное, изнуренное, вѣчно покрытое синяками лицо деньщика, я думалъ: отчего это моя мать, дядя и Бубновы почти ничего не дѣлаютъ, а Настя и Василій не знаютъ отдыха; отчего моя мать, дядя и Бубновы спать такъ долго, а Настя и Василій ложатся позже всѣхъ, а встаютъ съ пѣтухами; отчего моя мать и старуха Бубнова говорятъ, что очень грѣшно не ходить въ церковь и работать въ праздники, а между тѣмъ Настю и Василья—точно у нихъ другая вѣра и другія заповѣди—не пускаютъ въ церковь въ эти дни и заставляютъ еще больше работать, называя къ себѣ гостей; отчего у моей матери и у Бубновыхъ такъ много комнатъ и платья, а Настя и Василій не имѣютъ ни угла, ни порядочной одежды? Всѣ эти вопросы долго, долго занимали мой дѣтскій умъ и пережили мое дѣтство, мою юность и часто потому приходило мнѣ на умъ, что, толкуя о рабочихъ англійскихъ фабрикъ, разсуждая объ американскихъ невольникахъ, многіе изъ насъ въ то же время угнетали сильнѣе всѣхъ плантаторовъ свою прислугу.

Шелъ второй годъ моей жизни у Бубнова. Наставала весна. Въ воздухѣ повѣяло тепломъ и запахомъ березъ. Въ садахъ идетъ неугомонная возня, хлопоты и пѣніе птицъ. Вездѣ начались постройки и передѣлка домовъ. По улицамъ тянутся возы переѣзжающихъ на дачу. Изъ-за границы приходятъ корабли съ товарами. Въ портахъ кипитъ приготовленія судовъ къ плаванію. У насъ въ домѣ идетъ спѣшное шитье пеленокъ, свивальниковъ, дѣтскаго бѣлья. Все суетится и хлопочетъ объ устройствѣ своего гнѣзда, своего угла, своего имуществва. А тутъ еще подъ бокомъ море весело шумитъ освобожденными волнами, разбивая и унося послѣдніе остатки своихъ ледяныхъ оковъ. Дню конца нѣтъ, давно прошли часы работы, а ночь все не наступаетъ, въ небѣ все еще свѣтло и какъ-то не хочется спать при этомъ свѣтѣ, хочется подольше насладитсѣ имъ, давно невиданнымъ. Въ эту пору рождается любовь. Какъ она зародилась въ сердцахъ Насти и Василья, въ то-ли время, когда они сушили въ саду бѣлье, смѣясь молодымъ смѣхомъ, что шаловливый вѣтеръ вырываетъ и уноситъ его у нихъ изъ подъ рукъ; въ ту-ли пору, когда они отдыхали на крыльцѣ

черной дѣстницы отъ дневныхъ трудовъ, чутко, молчаливо слушали первый пискъ птицъ въ саду и вспоминали про родныя деревни, или пришла къ нимъ любовь въ ту минуту, когда и соловей не пѣлъ и луна не свѣтила, а просто охалъ Василій отъ побоевъ, плакалъ о своей горькой сиротской долѣ, думалъ выпить съ горя, а Настя вышла къ нему, красивая, стройная, съ доброй улыбкой на лицѣ и промолвила: «Полно, парень,— слезами горю не поможешь»,—Богъ знаетъ! Но только тутъ была и чистая любовь, и чистая поэзія.

Наконецъ насталъ одинъ день, когда Настя явилась къ моей матери и, упавъ ей въ ноги, начала просить, чтобы ее отдала замужъ за Василья. Матушка подняла ее и сказала, что она поговоритъ съ мужемъ.

— Василій, кажется, человекъ хорошій, замѣтила моя мать.

— Наша сестра съ нимъ не поровняется! вырвалось у Настя.

— Баринъ вѣроятно позволитъ отдать тебя за него, успокоила ее матушка.

— Будьте мать родная, похлопочите! проговорила Настя.

— Хорошо, хорошо! ты не безпокойся!

Вечеромъ въ тотъ же день моя мать завела объ этомъ дѣлѣ рѣчь съ Бубновымъ, но выразила мысль о свадьбѣ Настя и Василья стороною, какъ свое предположеніе.

— Этого нельзя сдѣлать, замѣтилъ Бубновъ. — Она крѣпостная и намъ не для чего лишаться лишней крестьянки, тѣмъ болѣе, что она все привыкла дѣлать, а тутъ придется выписывать изъ деревни, чортъ знаетъ какое бревно. Знающую горничную и няньку трудно найти.

— Да вѣдь она же будетъ жить съ мужемъ у насъ.

— Ну, матушка, во-первыхъ, либо будетъ либо нѣтъ,—это ее воля, а во-вторыхъ я не терплю семейной прислуги, возразилъ Григорій Даниловичъ.—Держать мужа и жену въ услуженіи—это значитъ завести организованную шайку воровъ, прикрывающихъ другъ друга.

— Ахъ да, ma chère, воскликнула Марфа Трофимовна.—Вы не можете себя представить, что это за народъ! Вы въ этомъ неопытны, mon enfant...

— Я думаю, и они любить хотять! замѣтилъ дядя.—Хуже будетъ, если развратничать будутъ и незаконныхъ дѣтей наплодятъ

— Ah, mon Dieu, противъ этого можно принять мѣры! проговорила старуха Бубнова.

— Какія, сударыня? Медицинскія, что-ли? заспорилъ дядя.

— Вотъ мило!

— Ну такъ какія-же?

Мать не обращала вниманія на начавшійся рѣзкій споръ между дядею и свекровью. Она взволновалась и обидѣлась за Настю и Василья.

— Они не воры, это грѣхъ говорить! обратилась она къ мужу.

— Не воры, потому что чужіе, а женятся и будутъ воровать дѣтишкамъ на молочишко, переставъ бояться взаимныхъ доносовъ, отвѣтилъ мой отчимъ.—Прислуга только тогда и служить вѣрно, когда у нея страхъ передъ своей братьей есть. Какъ только они породнятся, такъ тотчасъ же этотъ страхъ пропадаетъ и начинаются укрывательства. Ни государство, ни частныя лица не должны терпѣть совмѣстнаго служенія родственниковъ. Чѣмъ больше враждуютъ слуги, тѣмъ выгоднѣе господамъ.

— Да вы поймите, что они тоже люди! вмѣшался дядя.

— И я-съ человекъ, а человекъ свойственно беречь свое добро, рѣзко проговорилъ Бубновъ.—Васька, вы это очень хорошо знаете, не помретъ безъ женитьбы, слава Богу въ Кронштадтѣ для успокоенія нѣжныхъ чувствъ этого народа есть приличные притоны на каждомъ шагу. Ну, а Настасья выйдетъ еще замужъ за кого нибудь изъ нашихъ крѣпостныхъ, когда я выпишу изъ деревни и приучу къ дѣлу другую няньку и горничную. Впрочемъ, я не совѣтовалъ бы никому мѣшаться въ мои домашнія распоряженія!

— Но, другъ мой, сдѣлай это для меня! попыталась магушка еще разъ попросить мужа.

— Ты сама не знаешь, чего просишь, раздражительно произнесъ Бубновъ.

— Она его любитъ...

— Тѣмъ хуже, потому что онъ-то ее вѣрно не любить и только видитъ выгоды жениться на барской любимицѣ. Неужли ты думаешь, что тутъ какая-то идиллія совершается, что это его первая любовь? Онъ, я думаю, съ десяти лѣтъ развратничать началъ. Ты только посмотри на его испитую рожу. Карамзина вы начиталась... Да они развѣ уже говорили тебѣ объ этомъ? прибавилъ, нахмуривъ брови, Григорій Даниловичъ.

Мать испугалась.

— Нѣтъ, нѣтъ! Но мнѣ кажется... Они оба молоды, замаялась она.

— Ахъ, ты, сваха непрошенная! усмѣхнулся Бубновъ.—Впрочемъ я поговорю съ нимъ.

— Пожалуйста, я тебя прошу объ этомъ!

— Хорошо, хорошо, не заботься! отвѣтилъ мой отчимъ и перемѣнилъ разговоръ.

Передъ отходомъ ко сну онъ, вмѣсто всякихъ объясненій, лаконически сказалъ Василью, когда они были одни:

— Ты у меня смотри, шашень въ домѣ не заводи! Лучше рубль у меня спроси и гуляй, гдѣ хочешь. Бабъ много. На сторонѣ дѣлай, что угодно, а если здѣсь—запору тебя!

Бубновъ погрозилъ пальцемъ и прошелъ въ спальню моей матери.

На слѣдующій день у Насти были заплаканные глаза. Она сказала матери, что баринъ пригрозилъ Василью и, кажется, не позволитъ ей выйти замужъ.

— Погоди Настя, утѣшала мать мою няньку.—Я еще поговорю. Ну не позволитъ, тогда поищемъ другого...

— Барыня, не могу я ни за кого кромѣ Василья выйти, упала къ ногамъ матери Настя.

— Ну хорошо, хорошо, проговорила моя мать.—Все уладится. Настя съ поникшей головой пошла изъ комнаты. Матери стало ее жаль.

— Настя! позвала она няню.

Настя воротилась.

— Ну не плачь! Все уладила заговорила матушка. Да!.. Вотъ что я хотѣла еще сказать. Ты знаешь мой голубой кисейный капотъ, возьми его себѣ, щеголай лѣтомъ...

Настя, всхлипывая, цоцѣловала руку моей матери и вышла. Матушка сѣла къ окну и задумчиво стала глядѣть на дорогу. Ей было не по себѣ. Она чувствовала, что ей нужно какъ-то иначе поступить, что-то другое сдѣлать, но что и какъ сдѣлать—этого она не знала. Она принялась за шитье рубашечекъ и пеленокъ для ожидавшагося ребенка. Въ послѣднее время эта работа не выходила изъ ея рукъ и все въ домѣ было полно ожиданія, когда наступитъ великій и радостный день для бубновскаго союза.

Черезъ недѣлю она снова попробовала поговорить съ мужемъ о дѣлѣ Настя. Онъ нахмурилъ брови и ушелъ въ кабинетъ, пожавъ плечами. Онъ повѣялъ, что мать говорить не отъ себя, а по просьбѣ другихъ.

— Что, Маруся, тебѣ Настя говорила о своемъ желаніи замужъ выйти, или ты это сама придумала? спросилъ дядя.

— Нѣтъ не сама... Она просила, отвѣтила мать печально.

Дядя молча покачалъ головой и прошелъ въ кабинетъ Бубнова. Лицо дяди было хмуро и озабоченно. Бубновъ изумился необычайному приходу капитана.

— Я къ вамъ по дѣлу, проговорилъ дядя.

Бубновъ указалъ на кресло, оставивъ начатую работу.

— Вы сколько возьмете за Настю? спросилъ дядя.

— Я ее не продаю, отвѣтилъ Бубновъ.

— Ну да, не продаете, но я васъ попрошу ее продать, проговорилъ дядя.

Бубновъ пристально взглянулъ на дядю и усмѣхнулся.

— На что это она вамъ понадобилась?

— Не мнѣ-съ.. Но я хотѣлъ бы, чтобы эта дѣвушка, выросившая Володьку, ходившая во время болѣзни за Маруськой, была счастлива, горячо заговорилъ дядя — Вы не принадлежали еще къ нашей семьѣ, мы еще не знали вашего лица, когда мы привыкли любить и семью Настя, и ее. Мы сжились, сроднились съ ней и съ нашей стороны было бы подло дѣлать ее несчастною.

— Ужъ не думаете ли вы, что она умретъ съ горя, не выйдя замужъ за Василья? спросилъ Бубновъ.

— Думаю-сь, думаю-сь, потому что вижу въ ней такого же человѣка, какъ я.

— Ну, а я не думаю, холодно возразилъ Бубновъ.—И во-первыхъ не продамъ ее, а во-вторыхъ не отдамъ замужъ, по крайней мѣрѣ, теперь, когда у насъ родится ребенокъ и намъ будетъ нужна вѣрная нянька. За Ваську же не отдамъ и послѣ.

Бубновъ всталъ.

— Васъ же, капитанъ, я еще разъ попрошу не мѣшаться въ мои дѣла, сурово промолвилъ мой отчимъ.—Если я что дѣлаю, то дѣлаю обдуманно и наставленій не люблю, особенно, если наставленія такъ ребячески непрактичны, какъ ваши.

— Григорій Даниловичъ, мягкимъ голосомъ промолвилъ дядя, не обращая вниманія на рѣзкія слова Бубнова,—я прошу васъ, именемъ вашего будущаго ребенка прошу, исполнить мою просьбу. Я дамъ вамъ, сколько вы хотите за нее... Вѣдь ея горе—это горе Володи и Маруси... о себѣ я не говорю...

Бубновъ сдѣлалъ нетерпѣливое движеніе.

— У васъ все драмы и трагедіи!

Дядя выпрямился и заерзалъ рукою по вискамъ, приглаживая волоса.

— Ну такъ помните же мое слово, отзовется этотъ отказъ и на васъ, и на дѣтяхъ вашихъ! проговорилъ онъ потрясеннымъ голосомъ.—За грѣхи и пороки отцевъ дѣти раслачиваются.

— Капитанъ! крикнулъ Бубновъ, выходя изъ себя отъ этого пророчества.

— Вы сѣрдитесь, что я люблю и жалѣю вашихъ будущихъ дѣтей? Или вы ненавидите ихъ прежде ихъ рожденія? Стыдно и грѣшно вамъ, Григорій Даниловичъ.

Дядя неторопливо, въ раздумьи вышелъ отъ Бубнова.

— Что? спросила его матушка, инстинктивно угадавшая, зачѣмъ ходилъ дядя къ ея мужу.

— Подлецъ! отвѣтилъ дядя и ушелъ къ себѣ въ мезонинъ.

Вечеромъ въ тотъ же день Бубновъ призвалъ къ себѣ въ кабинетъ деньщика.

— Ты это въ самомъ дѣлѣ себя вздумалъ? рѣзко спросилъ онъ деньщика.

Василій былъ пораженъ этимъ неожиданнымъ вопросомъ и откровенно отвѣтилъ:

— Точно такъ, ваше высокоблагородіе, если милость будетъ позволить.

— Ну а если не позволю? сухо спросилъ Бубновъ.

Василій поблѣднѣлъ, какъ полотно.

— Не погубите, ваше высокоблагородіе.

— Отъ этого, братъ, не гибнуть!

— Дѣвка ни за грошъ пропадетъ, прошепталъ деньщикъ, уже совсѣмъ смущенный и испуганный.

— А, такъ значитъ у васъ тутъ не на шутку шашни завелись! крикнулъ Бубновъ.—Признавайся!

Въ комнатѣ раздался звукъ оплеухи.

Василій повалился въ ноги.

— Виноватъ!.. Самъ не знаю . Лукавый попуталъ .. Люблю я ее очень... шепталъ онъ лежа на полу.

Бубновъ пришелъ въ ярость.

— Въ казармы, мерзавецъ! крикнулъ онъ, ткнувъ ногою въ лицо деньщика. Въ казармы, бестія!

— Ваше высоко... прошепталъ Василій.

— Въ казармы, говорятъ тебѣ! сжалъ кулаки Григорій Даниловичъ и прибавилъ крѣпкое слово.

Василій тяжело поднялся съ полу и, шатаясь, крадучись, вышелъ изъ комнаты. На немъ лица не было. За вечернимъ чаемъ Бубновъ былъ угрюмъ и говорилъ мало.

— Долей стаканъ водою, пробормоталъ онъ, подвигая стаканъ къ моей матери.—Вѣчно пересластись.

— Я только два куска положила, оправдалась матушка.

— Ну, значитъ одинъ нужно было положить! Къ сиропамъ привыкли!

Моя мать замѣтила, что онъ не въ духѣ и молчалъ. Допивая чай, она рѣшилась робко спросить его по-французски:

— Ты говорилъ съ Васильемъ?

Бубновъ оставилъ стаканъ и повернулся лицомъ къ матери.

— Да, представьте себѣ, началъ онъ, говоря ей *см*, что означало сильную степень *см*. Ваша хваленая, любимая дѣвушка скоро сама будетъ матерью!

— Возможно-ли! ужаснулась моя мать, нетерпѣвшая разврата и гадливо относившаяся ко всѣмъ незаконнымъ связямъ. — Надо поторопиться свадьбою добавила она.

— Ну вѣтъ-съ! Теперь-то и не должно быть свадьбы. Она развратничала, можетъ быть, при вашемъ сынѣ развратничала, чтобы принудить васъ освободить и выдать ее замужъ, а вы хотите, чтобы она васмѣялась надъ вами же, доказала бы, что вы хотя и госпожа ея, а все-таки она можетъ и развратничать, и развращать вашего ребенка, и выходить безъ вашего согласія замужъ. И прекрасное время выбрала, когда у насъ скоро будетъ дитя, когда намъ будетъ нужна нянька. Подлая!

Мать была взволнована.

— Другъ мой, не сердись! Это увлеченіе!

— Послѣ этого, сударыня, всякая женщина, дѣвушка или замужняя—это все равно,—вступившая въ незаконную связь, невинна, должна быть награждена за это? Это прекрасно, если вы сами будете руководствоваться такими взглядами!

Оскорбленная этими словами, моя мать горько заплакала.

— Я не думалъ васъ оскорблять, спохватился Бубновъ.—Но я нарочно привелъ этотъ рѣзкій примѣръ, чтобы вы знали, до чего можетъ довести то или другое идеальное воззрѣніе на вещи. Надо или прощать всѣ промахи или не прощать ни одного.

Мать продолжала плакать. Бубновъ прошелся по комнатѣ, чтобы успокоиться и потомъ подошелъ къ женѣ

— Ну позно же, козявка, ласково промолвилъ онъ, ущипнувъ мою мать за щеку.—Ты должна знать, что я не сомнѣваюсь въ тебѣ.

— Я... я не о себѣ плачу! рыдая, отвѣтила мать и вышла изъ комнаты, не допивъ чаю.

Григорій Даниловичъ встревожился, онъ боялся вредныхъ послѣдствій отъ этой сцены для своего будущаго ребенка. Это, еще не явившееся на свѣтъ существо уже успѣло сдѣлаться идоломъ Бубнова. Насмотрѣвшись на всѣ близкія сношенія своей матери, Григорій Даниловичъ такъ провелъ свою юность, что разрушилъ окончательно свое сердце. За два года передъ женитьбой онъ рѣшился остепениться, возненавидѣлъ дорого стоявшій ему развратъ юности и мечталъ только о семейномъ

счастіи, и о томъ, что и онъ можетъ сдѣлаться отцемъ. Теперь его мечта начинала сбываться и онъ усердно старался, чтобы никто не помѣшалъ осуществленію его завѣтнаго желанія. Малѣйшій испугъ матушки, внезапный шумъ въ домѣ, все это выводило теперь Бубнова изъ себя. Онъ, кажется, хотѣлъ, чтобы прислуга не отворяла дверей, входя въ комнату, чтобы по улицѣ никто не ѣздилъ, чтобы все смолкло до рожденія его ребенка. Но такая заботливость о спокойствіи жены нисколько не удерживала самого Григорія Даниловича отъ вспышекъ и сценъ. Конечно за этими вспышками слѣдовало чаркаваніе и ухаживанье за женою. И теперь огорченіе моей матери, вызванное его вспышкой, испугало его не на шутку и онъ пошелъ за женою, чтобы успокоить ее и пзвиниться передъ нею, передъ матерью его будущаго божества.

Я между тѣмъ легъ спать. Утромъ я услышалъ у своей постели рыданія. Я открылъ глаза и увидалъ стоящую передо мною Настю. Она была вся въ слезахъ.

— Няня, няня, что ты? воскликнулъ я, вскочивъ на постель и протирая глаза.

Мнѣ показалось, что въ домѣ случилось несчастіе. Я такъ привыкъ въ послѣднее время къ тревожному ожиданію рожденія брата, что испугался за мать.

— Батюшка, голубчикъ, Володенька, рыдала она.—Хоть вы заступитесь за меня передъ мамашей.. Погубили они меня. душегубцы!.. Замужъ я хотѣла за Василья выйти. . А они... они... его высѣкли... въ казармахъ... высѣкли... Живодеры!

Я дрожалъ всѣмъ тѣломъ. Я не понималъ всего ужаса происходившей около меня драмы, но я видѣлъ слезы Насти, я слышалъ, что моего любимца высѣкли, я зналъ, что его больно высѣкли, такъ какъ онъ наказывался по приказанію Гришки, этого врага моей матери, моего дяди, нашего общаго врага. Этого было довольно. Я быстро одѣвался. Мои глаза горѣли гнѣвомъ, тѣмъ неуправимымъ гнѣвомъ, на который была способна моя горячая, молодая душа.

— Стыдно барынь... но!.. говорила Настя, подавая мнѣ одѣваться и утирая пер... мѣ слезы.—Я имъ вѣрой и правдой служила... Я ночей не спала, я отдыха не знала... Бары

ню, какъ мать родную любила. Развѣ я виновата, что и у меня душа есть... что Василій мнѣ полюбился... Сами же вышли замужъ... во второй разъ вышли... Мы тоже люди...

Я былъ уже одѣтъ. Я почти не понималъ, что говоритъ Настя.

— Да вы при папашѣ не говорите ничего, умоляла она... Тогда и вамъ и мнѣ будетъ худо... Подождите, какъ онъ уйдетъ...

Я уже ничего не слушалъ и лѣгълъ въ столовую, какъ сумасшедшій.

— Такъ вотъ ты какая! проговорилъ я, появляясь въ столовой передъ матерью и задыхаясь отъ гнѣва. — Сама второй разъ замужъ вышла, а Настяного Василья съчъ велѣла!

Мать поднялась со стула, вся блѣдная и трепещущая, слабо вскрикнула, пошатнулась и упала безъ чувствъ на полъ. Дрожая всѣмъ тѣломъ, какъ въ лихорадкѣ, не перемѣняя своей позы, я стоялъ съ сверкающими глазами надъ ея неподвижнымъ тѣломъ, какъ грозный судья, поразившій своимъ приговоромъ преступника. Въ эту минуту вошелъ мой отчимъ.

— Чего ты осовѣлъ? спросилъ онъ меня грубо, не замѣтивъ моей матери, лежавшей на полу и отдѣленной отъ него столомъ. Не можешь поздороваться?

Я молчалъ, по мнѣ пробѣгалъ морозъ. Онъ, обойдя столъ, подошелъ ко мнѣ, чтобы взять меня за ухо и вдругъ увидалъ лежавшую на полу жену.

— Это что? крикнулъ онъ. — Погоди я съ тобой раздѣлаюсь. Это твое дѣло!

Черезъ минуту мою мать перенесли въ спальню. Отчимъ разослалъ людей и дядю за докторомъ, за бабкой, за своею матерью, привелъ кое-какъ въ чувство жену и потомъ, черезъ долгое время, возвратился въ столовую, гдѣ я безмолвно стоялъ у окна, сдвинувъ брови и закусивъ губы. Въ моемъ умѣ не было ни раскаянья, ни сожалѣнья, и только одна давящая, безсильная злоба волновала мою кровь. Онъ взялъ меня за ухо. Я хотѣлъ крикнуть, но онъ зажалъ мнѣ ротъ рукою и потащилъ меня на верхъ. Мы поровнялись съ дверями дядиной квартиры, но отчимъ тащилъ меня дальше. Наконецъ мы достигли чердака.

— До сихъ поръ у тебя не было квартиры, проговорилъ онъ шипящимъ голосомъ, вталкивая меня въ чуланъ, сдѣланный на чердакѣ.—Ты слонялся изъ угла въ уголъ, какъ блудливая кошка. Теперь у тебя будетъ комната. Сиди въ ней! Но помни, если твоя мать умретъ или умретъ мой ребенокъ, то я. .

Онъ не договорилъ отъ удущья и только рванулъ меня за ухо, такъ что я свалился къ его ногамъ. Потомъ онъ тихо вышелъ, заперъ на ключъ сперва дверь чулана, потомъ двери чердака и тяжелыми, медленными шагами удалился съ лѣстницы...

А. Михайловъ.

О ДАРВИНИЗМѢ

И НАУЧНЫХЪ МНѢНІЯХЪ, НАХОДЯЩИХСЯ СЪ НИМЪ
ВЪ СВЯЗИ. *

(Статья вторая.)

(По Шлейдену).

«Какъ въ новыя формы пр-
вращаются тѣла—здѣсь пока-
жу я...»

Овидій, Превращенія, 1, 1—2.

Въ существующей на землѣ органической природѣ мы находимъ необозримо-большое число особей, индивидовъ. Для цѣли наблюденія они распределяются по группамъ, причемъ болѣе или менѣе значительное число особей сходствуютъ между собою по многимъ (никогда по всѣмъ) признакамъ, которыми они также отличаются отъ особей другой группы. Для болѣе нагляднаго представленія этой мысли, можно сказать, что въ основаніи всѣхъ особей одной группы положенъ извѣстный планъ, по которому построены всѣ отдѣльные индивиды съ большею или меньшею, но никогда съ совершенно строгою точностью. Эти группы мы называемъ формами **)

* См. 7 № «Дѣла».

** По нашему мнѣнію, слово species гораздо лучше можно переводить словомъ форма, чѣмъ «видъ» (Art), такъ какъ последнее выраженіе, вслѣдствіе самыхъ грубыхъ злоупотребленій имъ, сдѣлалось для естествознанія совершенно непригоднымъ.

живой природы, организмами (живыми тѣлами). Формы эти остаются постоянными въ означенныхъ признакахъ предѣлахъ только до тѣхъ поръ, пока жизненныя условія ихъ остаются одни и тѣ же. Но они немедленно подвергаются измѣненію, т. е. нѣкоторые отличительные признаки исчезаютъ, другіе появляются на ихъ мѣсто, чуть только жизненныя условія (напр., климатъ, питаніе, отношеніе къ другимъ организмамъ) измѣняются совершенно или только отчасти. Но изъ исторіи земли намъ извѣстно, что жизненныя условія организмовъ непрерывно подвергались измѣненіямъ какъ на всемъ пространствѣ земного шара, такъ и въ отдѣльныхъ частяхъ его поверхности, притомъ съ того времени, когда вообще земля приобрѣла способность производить организмы. Сообразно съ этимъ мы дѣйствительно видимъ, что формы живой природы послѣдовательно измѣнились, что однѣ изъ нихъ исчезли, другія образовались вновь. При этомъ неизбѣжно самъ собою возникаетъ вопросъ: „какимъ образомъ происходило это превращеніе формъ?“ Для всякаго здравомыслящаго естествоиспытателя, пытавшагося отвѣчать на подобный вопросъ, было, по крайней мѣрѣ, несомнѣнно то, что превращеніе это происходило по законамъ природы; онъ долженъ былъ сказать себѣ при этомъ, что всякое явленіе творчества, въ смыслѣ чуда, т. е. всякое образованіе, неопирающееся на достаточную естественную причину, не есть понятіе, которое могло бы найти мѣсто въ естествознаніи и вести къ какому бы то ни было объясненію. Въ римскомъ правѣ приурочивалось категорически-недобросовѣстное правило: „In dubio pro fisco“ (въ сомнительныхъ случаяхъ должно высказываться въ пользу казны). Въ естествознаніи исключительно прилагается другое золотое правило, по внѣшней формѣ сходное съ первымъ: „In dubio pro lege naturali“ (при всякомъ сомнѣніи надобно отдавать преимущество естественному закону). Вслѣдствіе своего ограниченія во времени и пространствѣ, человекъ далеко не все можетъ сдѣлать предметомъ опыта; но гдѣ только это ему не по силамъ, онъ долженъ ограничиться удостовѣреніемъ, что то или другое было возможно по законамъ природы, и на этомъ долженъ успокоиться, пока дальнѣйшее развитіе науки, быть можетъ, не покажетъ ему, что рассматриваемое

явленіе (такъ или иначе) дѣйствительно происходило естественнымъ путемъ. Вотъ положенія, которыми мы безусловно должны руководствоваться въ слѣдующихъ нашихъ соображеніяхъ, посвященныхъ рѣшенію выставленнаго выше вопроса.

Ученіе Дарвина, возбуждившее при своемъ распространеніи въ болѣе обширныхъ кружкахъ такую суматоху, какъ нѣчто совершенно новое и неслыханное, уже просуществовало въ коренныхъ своихъ началахъ около столѣтія, созрѣвало при постепенномъ развитіи и было даже высказано точь въ точь словами Дарвина задолго до него, такъ что неоспоримую заслугу его надобно искать въ чемъ нибудь другомъ, но никакъ не въ новости теоріи. Нѣмцы въ особенности имѣютъ право похвалиться тѣмъ, что сѣмя къ успѣхамъ естествознанія было положено однимъ изъ ихъ наиболѣе передовыхъ дѣятелей, если не прежде, то во всякомъ случаѣ одновременно съ французами и англичанами. При сомнительности права преемства да позволено намъ будетъ начать исторію предшественниковъ Дарвина съ того необыкновеннаго человѣка, который умѣлъ такъ гениально соединять горячее сочувствіе къ точному знанію видѣтъ съ высшею степенью поэтическаго вдохновенія. Мы говоримъ о Гете.

Добрый геній открылъ для Гете всѣ тайны вѣчной красоты; ея познаніе, ея воплощеніе въ самомъ себѣ было для него потребностью, элементомъ его духовной жизни; въ вѣчномъ бытіи онъ искалъ красоту покоя, въ зиждательномъ процессѣ — красоту мѣрнаго, постояннаго органическаго развитія. Поэтому-то онъ такъ ненавидѣлъ неуклюжее болѣзненно-мистическое явленіе романтики и мгновенныя катастрофы, какъ въ политическомъ, такъ и въ физическомъ мірѣ. Что представлялъ онъ высшимъ идеаломъ для своего я, для своей жизни и своего развитія, — то онъ искалъ постоянно и дѣйствительно нашелъ, когда внесъ свою нравственную дѣятельность въ особыя сферы и между ними также въ область естествознанія. Отсюда родилось его мнѣніе о превращеніи растеній, его предположеніе о первичномъ растеніи, отсюда открытіе нѣтъ промежуточной челюсти, какъ посредствующаго члена между человѣкомъ и животнымъ, открытіе позвоночнаго составленія чере-

па, объясненіе частей рта у насѣкомыхъ видоизмѣненными ногами, отсюда его антипатія къ ученію о насильственныхъ переворотахъ въ исторіи образованія земли, отсюда, наконецъ, его понятіе о всей совокупно-взятой органической природѣ, какъ образовавшейся изъ одного и того же простого основанія путемъ постепеннаго и спокойнаго развитія, — то понятіе, которое онъ такъ опредѣленно высказываетъ въ слѣдующихъ словахъ: „если разсматривать растенія и животныхъ въ ихъ первичномъ состояніи, то они едва различны между собою. Какой либо одинъ начальный пунктъ жизни — стоячій, подвижный или полуподвижный — есть нѣчто совершенно недоступное нашимъ чувствамъ. Переходятъ ли эти первыя начала опредѣленно по двумъ направленіямъ — вліяніемъ свѣта въ растенія, а дѣйствіемъ теплоты въ животныя — мы рѣшать не беремся, хотя и здѣсь нѣтъ недостатка въ особыхъ примѣтахъ и аналогіи. Можно съ достовѣрностью сказать только, что тѣла, мало-по-малу выступающія изъ почти безразличнаго родства, постепенно совершенствуются по двумъ противоположнымъ путямъ, такъ что растеніе пріобрѣтаетъ, наконецъ, неподвижную, остановившуюся прочность — въ деревѣ, тогда какъ животное достигаетъ въ человѣкѣ наибольшей подвижности и свободы“. Здѣсь уже съ достаточной опредѣленностью высказывается общее происхожденіе растений и животныхъ изъ безразличнаго основанія, постоянное развитіе высшаго продукта изъ самыхъ несовершенныхъ началъ, родственная зависимость и происхожденіе человѣка — по его физической природѣ — отъ животнаго. Приведенныя строки напечатаны еще въ 1807 году, въ первой тетради „Морфологіи и естествознанія“, стр. XIII, — слѣдовательно, гораздо прежде, чѣмъ какое либо изъ этихъ положеній было — не говоримъ уже признано или примѣнено, но только высказано въ специальныхъ отрасляхъ естествознанія. Такимъ образомъ починъ знаменитой теоріи Дарвина принадлежит Гете, хотя его гениальныя мысли были приняты во вниманіе и одобрены уже гораздо позже, да и то съ большою неохотою. Припомнимъ себѣ, что его ученая дѣятельность приходилась къ тому времени, когда надменная профессорская неприступность и цеховое скудоуміе академикомъ находились въ полномъ цвѣтѣ. Вскорѣ послѣ

(1794 г.) Эразмъ Дарвинъ старшій, дѣдъ нынѣ прославившагося Чарльза Дарвина, высказалъ въ своей „Зоономіи“ возрѣнія, во многомъ сходствовавшія со взглядами Ламарка, о которыхъ мы также упомянемъ въ этой статьѣ. Но всѣ подобныя смренленія не нашли въ Англіи достаточно сочувственнаго отклика. Гораздо удачнѣе пошло это дѣло у французовъ, и возрѣнія эти если и подвергались нападкамъ, все-таки, по крайней мѣрѣ, обратили на себя должное вниманіе! Еще въ 1795 году Этьенъ Жоффруа Сентъ-Илеръ, если вѣрить свидѣтельству его сына Исидора, высказалъ то предположеніе, что всѣ такъ называемые виды произошли отъ одной и той же основной формы путемъ постепенныхъ измѣненій, однако въ то время онъ не опубликовалъ еще ничего объ этомъ предметѣ. Уже Ламаркъ, какъ надо полагать, первый выступилъ въ своей „Философской зоологіи“ (въ 1801 году, вѣрнѣе въ 1809 году) и въ своей „Естественной исторіи безпозвоночныхъ животныхъ“ (1815) съ тѣмъ ученіемъ, что высшіе организмы вообще произошли отъ другихъ низшихъ видовъ и пр., что они являются, какъ дѣйствія измѣненныхъ жизненныхъ условій, помѣсей, употребленія или неупотребленія извѣстныхъ частей тѣла, что, напр., длинная шея жирафа образовалась вслѣдствіе ея постоянно-принужденнаго вытягиванья для ощипыванья листьевъ съ высокихъ деревьевъ. Но растенія и животныя онъ еще считалъ, по ихъ началу, строго разграниченными. Къ этимъ возрѣніямъ Ламарка слѣдовало бы собственно присоединить и мнѣнія Окена, если бы только мы съ достоинствомъ могли сказать, что въ его запутанныхъ, естественно-философскихъ фразахъ заключается какое нибудь ясное міросозерцаніе. Все что онъ толкуетъ, въ смыслъ серьезнаго ученія, о первичной слизи, о пузырькѣ первичной слизи, какъ о наливочномъ животномъ, о строеніи высшихъ животныхъ изъ соединяющихся инфузорій—все это лишь одна теоретически-туманная и фактически-ложная мечта, а никакъ не естествознаніе. Но за то въ пользу возрѣній Ламарка съ совершенной опредѣлительностью и ясностью высказались въ Германіи д'Альтонъ (1821 г.) и Берте, въ Англіи Грантъ по отношенію къ растеніямъ (1826 и 1834 гг.); Пуарé во Франціи и Эліась Фрисъ въ Швеціи также, повидимому,

держались подобныхъ воззрѣній. Но Этьенъ Жоффруа Сентъ-Илеръ первый открыто выступилъ съ тѣмъ взглядомъ, что формы живыя природы постепенно преобразовались одна въ другую, и процессъ этотъ онъ ставитъ въ существенную зависимость отъ вліяній атмосферы, постоянно измѣнявшейся со времени перваго возникновенія организмовъ; такъ, напр., онъ полагалъ, что вслѣдствіе жара и сухомъ воздухѣ легочный мѣшокъ пресмыкающагося постепенно преобразовался въ легкое птицъ, которыя такимъ образомъ произошли отъ названнаго класса животныхъ. Омалиусъ д'Аллау — Несторъ жиду нѣмецкими геологами, высказалъ (въ 1831 и 1846 гг.) такого рода мнѣніе: „вмѣсто повторяющихся періодовъ творенія гораздо вѣроятнѣе предположить, что новыя формы, несомнѣнно возникавшія въ исторіи развитія земли, прямо произошли отъ другихъ формъ вслѣдствіе измѣненія ихъ характеристическихъ признаковъ.“

Вскорѣ затѣмъ Леопольдъ фонъ-Бухъ (въ „Описаніи Канарскихъ острововъ“, 1836 г.) высказалъ ясно свое убѣжденіе, что разновидности мало-по-малу сдѣлались постоянными и такимъ образомъ превратились въ новые виды. Въ томъ же смыслѣ, хотя съ очень нелогическою робостью, высказался Рафинескъ въ своей „Сѣвероамериканской флорѣ“ (1836 г.). Подобныя воззрѣнія мы находимъ также у Бурдаха и Бронна. Здѣсь же мы должны упомянуть, — хотя это и не касается непосредственно образованія видовъ, — о гениальномъ Эдуардѣ Форбесѣ („О соотношеніи между флорой и фауной британскихъ острововъ и геологическими измѣненіями ихъ поверхности“, 1846 г.), принадлежащемъ къ числу первыхъ ученыхъ, которые съ энергіей вооружились противъ мнимыхъ насильственныхъ переворотовъ въ концѣ и началѣ геологическихъ періодовъ, и показали, что перестроенія одного періода въ другой происходили съ строгой постепенностью, безъ внезапнаго разрушенія предыдущаго, безъ нежданнаго-негаданнаго появленія новаго міра. Его, съ сожалѣніемъ, кратковременная дѣятельность имѣла громадное вліяніе на развитіе науки. Далѣе, въ пользу происхожденія видовъ путемъ постепеннаго измѣненія совершенно опредѣленно высказался въ 1850 году Исидоръ Жоффруа Сентъ-Илеръ (въ своихъ лекціяхъ). Быть

можетъ, мнѣ позволено будетъ здѣсь упомянуть о моемъ собственномъ участіи въ разсматриваемомъ ученіи.

Когда я обратился къ изученію природы, наставники мои, заведеннымъ обычаемъ, вколачивали въ меня, что все въ природѣ красиво расчерчено и разгорожено по строго-постояннымъ видамъ. Я говорю именно вколачивали, потому что никому не приходило въ голову разъяснить, какими это судьбами въ человѣкѣ вообще рождается видовое понятіе (этому выучила меня психологія) и еще менѣе, какъ это человѣкъ умудрился найти видовому понятію объективную дѣйствительность въ природѣ. Итакъ, предрасудокъ этотъ, весьма естественно, засѣлъ во мнѣ до тѣхъ поръ, пока самъ ходъ моихъ занятій не привелъ меня къ самостоятельной работѣ также и въ этой области знанія. Тогда мнѣ вскорѣ стало ясно, что тутъ дѣло происходитъ что-то не такъ, какъ мнѣ рассказывали, что образованіе понятія вообще и вмѣстѣ съ тѣмъ видоваго служить только вспомогательнымъ средствомъ для мыслящаго ума, что видовое понятіе было занесено въ дѣйствительную природу только догматико-мистическимъ предрасудкомъ, наконецъ, что еще никто не потрудился доказать существованіе постоянныхъ видовъ въ природѣ индуктивнымъ путемъ, почему о видахъ въ природѣ, по крайней мѣрѣ теперь, не можетъ быть и рѣчи въ научномъ смыслѣ. Въ этомъ, какъ и во многихъ другихъ частныхъ вопросахъ, мнѣ помогли мои прежнія юридическія занятія и именно — ученіе о силѣ доказательствъ. Въ естественныхъ наукахъ какъ-то заурядъ принято ссылаться на то, что то или другое изъ существующихъ возрѣній еще не было опровергнуто, какъ будто это вообще такъ необходимо. Въ естествознаніи всякое положительное утвержденіе должно быть доказано живымъ фактомъ или построено на индукціи, иначе, въ научномъ смыслѣ оно — нуль и не нуждается ни въ какомъ опроверженіи. Во всемъ историческомъ развитіи органическаго міра нельзя указать ни одного постояннаго вида, слѣдовательно, о постоянствѣ видовъ въ точномъ знаніи не можетъ быть и рѣчи до настоящаго времени. Такимъ образомъ въ такъ называемыхъ видахъ въ природѣ я видѣлъ только группы недѣлимыхъ, которыя лишь временно характеризуются извѣстными признаками.

Но исторія развитія этихъ недѣлимыхъ повела меня далѣе. Я увидѣлъ, что вслѣдствіе перемѣны жизненныхъ условій само недѣлимое измѣняется очень мало, но что оно немедленно передаетъ дѣйствіе измѣненныхъ жизненныхъ условій своимъ потомкамъ, которые болѣе или менѣе разнятся какъ между собою, такъ и отъ родившаго ихъ типа, — образуютъ разновидности. Сравнивъ скудную флору богатой черноземомъ торфяной и песчаной почвы съ роскошной растительностью въ садахъ, гдѣ изобилуетъ черноземъ, и въ альпійскихъ мѣстностяхъ, бѣдныхъ черноземомъ, я пришелъ къ тому заключенію, что перемѣна жизненныхъ условій, благопріятствующая превращенію формъ, заключается въ большемъ или меньшемъ содержаніи землею растворимыхъ минеральныхъ частицъ. Наблюдая продолжительное однообразіе очень скудной флоры въ пустынныхъ мѣстностяхъ и долгую неподвижность вновь возникшихъ формъ, при вліяніи неизмѣняющихся условій произрастанія, — какъ это мы видимъ на нашихъ воздѣлываемыхъ растеніяхъ, — я понялъ, какимъ образомъ, вслѣдствіе измѣненій, накапливающихся съ теченіемъ генераций, могли образоваться изъ простѣйшихъ основаній всѣ формы живой природы, которыя для недолговѣчнаго человѣка при поверхностномъ (но не при научномъ) наблюденіи представляютъ нѣкоторое постоянство. Такимъ образомъ во мнѣ выработалось воззрѣніе о постепенномъ превращеніи формъ живой природы на землѣ, чрезъ рядъ постоянно измѣняющихся генераций, что было впервые опубликовано мною въ 1850 году — во второмъ изданіи моей книги: „Растеніе и его жизнь“, а также въ моей „Физиологіи растеній и животныхъ, составленной для сельскихъ хозяевъ.“ Дальнѣйшія занятія наукою еще болѣе укрѣпили во мнѣ эти воззрѣнія и сообщили мнѣ большую ясность.

Въ 1866 году профессоръ Овенъ выразилъ притязаніе на то, что основанія дарвиновской теоріи были будто бы доведены имъ до свѣденія публики еще въ 1850 году. Но мѣсто, на которое онъ ссылается, даже находится въ рѣшительномъ противорѣчій съ этимъ заявленіемъ. Упоминаю объ этомъ обстоятельстве только для того, чтобы показать, что этотъ профессоръ относительно Дарвина, такъ-

же, какъ и въ своемъ спорѣ съ Гексли, выказалъ себя мелочнымъ, придирчивымъ характеромъ; вѣсть съ тѣмъ это служить однимъ изъ множества примѣровъ того, что можно быть одареннымъ отъ природы умомъ проникательностью и памятью, можно играть нѣкоторую роль въ наукѣ и въ тоже время, въ смыслѣ человѣка, быть весьма печальнымъ явленіемъ. *)

Вѣра въ виды и ихъ постоянство, какъ уже справедливо замѣтилъ А. Декандоль, ослабѣваетъ по мѣрѣ большого накопленія матеріала для той или другой области изслѣдованія. То, что оказалось справедливымъ въ извѣстной части знанія, неизбѣжно проявляеть во все его содержаніе и потому неудивительно, что голова, отвергавшіе постоянство видовъ и объяснявшіе происхожденіе формъ живого міра путемъ измѣненія съ теченіемъ послѣдовательныхъ генераций, раздавались все слышнѣе съ каждымъ столѣтіемъ, наконецъ съ года на годъ. Отъ Кука и до нашего времени путешествія, предпринимаемыя съ ученой цѣлю, собрали для естествоиспытателей матеріалъ въ чрезвычайномъ обиліи, многочисленныя труженики науки, изслѣдуя мѣстныя области флоры и фауны, накопили неизмѣримый запасъ фактовъ, усердіе геологовъ при раскапываніи земной коры съ каждымъ днемъ доставляетъ намъ новыя неожиданныя открытія и показываетъ, что и по этой части мы стоимъ еще въ самомъ преддверіи знанія и можемъ ожидать еще богатой добычи невѣдомыхъ сокровищъ.

Здѣсь же мы должны указать на то, сдѣланное уже Дарвиномъ, замѣчаніе, что къ приверженцамъ мнѣнія объ измѣняемости видовъ принадлежать вовсе не сухіе теоретики или поверхностные дилетанты, но люди, изучавшіе природу въ самой природѣ, а не въ музеяхъ, и своими основательными трудами въ большей или меньшей научной сферѣ, сдѣлавшіе себя извѣстными въ зоологіи или ботаникѣ.

Происхожденіе всѣхъ органическихъ тѣлъ отъ одной первичной формы излагалъ (по Дарвину) также д-ръ Фреке въ 1851 году, хотя въ своемъ способѣ онъ совершенно расходился съ Дарвиномъ.

*) Сравн. замѣчанія Дарвина въ предисловіи къ его сочиненію. «О происхожденіи видовъ», 4 изд. (по нѣмецкому переводу В. Каруса, стр. 7—3).

Его сочиненіе объ этомъ предметѣ осталось нѣгдѣ неизвѣстнымъ. Постоянное превращеніе видовъ, почти совершенно въ дарвиновскомъ смыслѣ, развивалъ въ 1852 году Гербертъ Спенсеръ, и въ томъ же году Ноденъ высказалъ въ „Revue horticole“ то мнѣніе, что виды растеній образовались въ природѣ по точной аналогіи разновидностей,—однако при этомъ онъ все-таки держится совершенно мистическихъ, ненаучныхъ воззрѣній, предполагая, что все развивается вслѣдствіе внутренняго побужденія и для міровой цѣли такимъ образомъ, чтобы въ строгой точности прилаживаться къ великому цѣлому и къ каждому частному мѣсту, отведенному для единичной формы. Человѣкъ нигдѣ будто-бы не долженъ видѣть вырождковъ. Постепенное превращеніе видовъ въ другія, новыя формы отстаивалъ въ 1852 году также Унгеръ въ своемъ „Опытѣ исторіи растительнаго міра.“

Остроумный естествоиспытатель графъ Кейзерлингъ (1853), само собою разумѣется, признавалъ естественное происхожденіе всѣхъ вновь возникающихъ видовъ, но считалъ нужнымъ прибѣгать къ особеннымъ теллурическимъ вліяніямъ, чтобы объяснить внезапное появленіе новыхъ формъ. Онъ полагалъ съ необыкновенной остроумной находчивостью, что свирѣпствовавшимъ въ различныя времена болѣзнями противодѣйствовала такая же ненормальная, періодически-наступавшая воспроизводительная сила, при которой теллурическія вліянія внезапно вызвали значительныя различія между прежнимъ типомъ и произшедшими отъ него потомками. Но самъ остроумный творецъ этой теоріи найдетъ ее несостоятельною по мѣрѣ накопленія доказательствъ въ защиту той истины, что вообще во всемъ развитіи земной поверхности не было ничего похожего на такіе рѣзкіе переходы или скорѣе скачки, какъ это предполагалось прежде на основаніи недостаточнаго матеріала. Съ другой стороны извѣстный антропологъ д—ръ Шафгаузенъ въ томъ же году высказалъ въ „Трудахъ естественно-историческаго общества рейнско-прусскихъ провинцій“ слѣдующее мнѣніе: „Нынѣшнія водящіяся растенія и животныя все не различаются отъ вымершихъ, какъ новые продукты творенія, но скорѣе должны быть признаваемы ихъ потомками, произшедшими путемъ безостановоч-

наго воспроизведенія. „Въ томъ же году явилось также десятое изданіе книги „*Vestiges of Creation*“ (Слѣды творенія), возбуждавшее въ Англіи горячее сочувствіе, послѣ того какъ въ 1844 году было выпущено первое ея изданіе. Сочиненіе это по шестому ея изданію было обстоятельно переведено въ 1851 году Карломъ Фогтомъ подъ заглавіемъ „Естественная исторія сотворенія міра“ и пр. Въ этомъ серьезномъ трудѣ законъ постояннаго превращенія видовъ высказывается уже съ совершенной опредѣленностью (стр. 150—151). Всѣ изданія, предшествовавшія шестому, мнѣ неизвѣстны, и потому я не могу сказать, содержались ли уже въ нихъ такія воззрѣнія или нѣтъ; но такъ какъ Дарвинъ ссылается только на десятое изданіе оригинала, то я хотѣлъ упомянуть здѣсь объ этомъ сочиненіи ради хронологическаго порядка. Въ 1854 году Лекокъ заявилъ въ своихъ «*Etudes sur la geographie botanique*,» что его изысканіе по вопросу о постоянствѣ и измѣняемости видовъ привели его къ тѣмъ же представленіямъ, какія были высказаны Гете и Жоффруа Севтъ-Илеромъ. Въ слѣдующемъ году (1855) Бадень-Пауэлль объявилъ, что возрожденіе новыхъ видовъ подчиняется законамъ природы, а не есть какое нибудь случайное (чудесное) явленіе.

Въ 1858 году первыя выдержки изъ дарвиновскихъ изысканій были сообщены въ обществѣ Линнея (*Linnean Society*), а въ 1859 году вышло изъ печати первое изданіе по истинѣ великаго, дѣлающаго эпоху, труда: «*On the Origin of Species by means of natural selection on the preservation of the favoured races in the struggle for life.*» (О происхожденіи видовъ путемъ естественнаго подбора или о предохраненіи избранныхъ породъ въ борьбѣ за жизнь). Книга была переведена на нѣмецкій языкъ съ третьяго изданія Г. Бронномъ въ 1863 году, а съ четвертаго — В. Карусомъ въ 1867 году, съ прибавленіями автора. Еще въ томъ же самомъ году, когда явилась въ свѣтъ книга Дарвина, К. Э. Вэръ высказался въ томъ смыслѣ, что въ видахъ, которые представляются намъ совершенно разнѣкими, мы должны признавать потомковъ одной и той же первоначальной формы. Въ болѣе общемъ смыслѣ, хотя и съ оттѣнкомъ сомнѣнія и нетвердости,

Гексли высказалъ въ то же время свой взглядъ о происхожденіи различныхъ видовъ одинъ отъ другого. И почти одновременно съ книгой Дарвина (только однимъ мѣсяцемъ позже) явился въ свѣтъ въ высшей степени важный трудъ д-ра Гукера: „Введеніе къ изученію флоры Вандименовой земли“ (Тасманія), гдѣ происхожденіе видовъ путемъ измѣненія потомковъ и постепенное установленіе этихъ различій утверждаются положительно и подкрѣпляются многочисленными примѣрами.

До сихъ поръ мы говорили о предшественникахъ Дарвина въ той только мѣрѣ, въ какой они были противниками совершенно ненаучныхъ бредней о внезапныхъ катастрофахъ и новыхъ періодахъ творенія, настаивая на происхожденіи новыхъ формъ естественнымъ путемъ, слѣдовательно чрезъ рядъ послѣдовательныхъ измѣненій.

Относительно вопроса, какъ это происходило, одни совершенно не высказываются, другіе сильно разногласятъ, а многіе изъ прежнихъ ученыхъ, какъ Ламаркъ и Сентъ-Илеръ, предлагаютъ такіе взгляды, которые, рядомъ съ новѣйшими научными воззрѣніями, оказываются рѣшительно несостоятельными. Но Дарвинъ очень рано уже имѣлъ своихъ предшественниковъ даже въ томъ, что по справедливости признается лозунгомъ дарвиновскихъ мнѣній, — въ мысли о „естественномъ подборѣ“ (natural selection), означающемъ, что вновь возникающія формы рѣзче охарактеризовались и установились преимущественно чрезъ совокупленіе однородныхъ индивидовъ.

Уже въ 1813 году д-ръ У. К. Уэлльсъ читалъ въ королевскомъ обществѣ записку, гдѣ онъ совершенно ясно развиваетъ законъ естественнаго подбора, хотя и примѣняетъ его только къ человѣческимъ племенамъ и ихъ характерамъ. Съ наибольшей полнотою и опредѣленностью ученіе это было развито въ 1831 году Патрикомъ Матью, но въ такой книгѣ, въ которой никто не могъ искать ничего подобнаго, такъ какъ она носила заглавіе: „Naval timber and Arboriculture“ (Корабельный лѣсъ и разведеніе деревьевъ). Последнему обстоятельству должно приписать, что воззрѣнія эти не обратили ничего вниманія и самъ Дарвинъ узналъ о нихъ уже по выходѣ въ свѣтъ своей книги. Притомъ же от-

дѣльными замѣчанія относительно указываемаго закона разбросаны порознь по всей книгѣ, и кромѣ того авторъ, какъ истый англичанинъ, чуждый всякой истинной философіи, выпустилъ изъ вида многія философскія неясности, при всемъ томъ Матью употребилъ даже самое выраженіе «natural selection,» если только я правильно понимаю письмо его къ профессору Э. Галлеру.

Въ 1843 году д-ръ Г. Бронья предложилъ во второмъ томѣ своей „Исторіи природы“ рядъ замѣчаній, въ которыхъ законъ естественнаго подбора высказывается совершенно ясно и во многомъ подтверждается примѣрами. Нѣкто Уоллесъ также читалъ въ обществѣ Линнея записку (1858 г.), въ которой принципъ свободнаго подбора развивается имъ съ возможной отчетливостью и ясностью.

Изъ предлагаемаго историческаго перечня всякій несомнѣнно увидить, что дарвиновы воззрѣнія только совершенно незнакому съ ходомъ науки могутъ показаться чѣмъ-то новымъ и неслыханнымъ. Можно даже спросить, за что, съ другой стороны, Дарвина такъ расхвалили, если онъ самъ не придумалъ ничего новаго? Дать новую опору ученію рядомъ своихъ собственныхъ основательныхъ изысканій—это, разумѣется, составляетъ уже большую заслугу въ ученюмъ дѣятелѣ. Не малая заслуга и въ томъ, что вопросъ представленъ имъ въ яркомъ свѣтѣ. Ни одинъ изъ предшественниковъ Дарвина не излагалъ своихъ мнѣній съ такою основательностью и полнотою фактовъ, съ такимъ осторожнымъ устраниеніемъ всякаго противорѣчія, съ такимъ спокойнымъ и точнымъ выводомъ теоретическихъ началъ изъ открытыхъ опытомъ основаній, какъ это сдѣлалъ самъ Дарвинъ, такъ что его по всей справедливости можно считать творцомъ и основателемъ указываемыхъ доктринъ, и потому не будетъ ничего страннаго, если мы станемъ называть на будущее время развитый имъ принципъ образованія формъ — „дарвиновскимъ закономъ“.

Когда Дарвинъ приступилъ къ своей задачѣ, опытомъ было уже положительно дознано, что при постепенномъ развитіи земной поверхности всѣ формы живого значительно измѣнились съ теченіемъ времени, что безчисленные формы вымерли, а другія, въ та-

комъ же безчисленномъ множествѣ заступили ихъ мѣсто. Для всякаго ясно мыслящаго естествоиспытателя было далѣе совершенно несомнѣнно, что новыя формы должны были произойти путемъ естественныхъ законовъ. Сверхъ того каждому физиологу достовѣрно извѣстно, что всякое недѣлимое, служащее представителемъ извѣстной формы, неизбежно должно — посредствомъ той или иной особенности процесса размноженія — находиться въ связи съ другимъ недѣлимымъ.

Это положеніе мы должны представить еще рѣзче и опредѣленнѣе. Неясныя, запутанныя мысли коварно воплощаются въ языкѣ, и тогда языкъ опять дѣлается тираномъ духовно-разумной способности. Каковы бы ни были мнѣнія людей о „видѣ“, все-таки онъ останется бессмысленнымъ, мистическимъ выраженіемъ, если, напр., говорится, что „виды возникаютъ и исчезаютъ“. Это чепуха, потому что виды ни въ какомъ случаѣ не имѣютъ самостоятельнаго реальнаго существованія. Въ дѣйствительности же на землѣ возникаютъ и исчезаютъ только недѣлимныя, единичныя существа, какъ бы мы ни представляли себѣ ихъ отношеніе къ видовому понятію. Но въ наукѣ теперь уже неопровержимо подтверждено, что всякое дѣйствительное недѣлимое происходитъ отъ другого недѣлимаго путемъ процесса размноженія, что оно можетъ развиваться только изъ зародыша, образуемаго первымъ индивидуомъ, — или, какъ выразился бы Гарвей, „*omne vivum ex ovo*“ (все живое происходитъ изъ яйца). Вся мысль о самопроизвольномъ зарожденіи (*generatio aequivoca*) или образованіи единичныхъ существъ изъ неживого безформеннаго вещества, безъ всякаго посредства материнскаго организма, — вся эта странная теорія есть ничто иное, какъ предразсудокъ, оставшійся изъ того скуднаго естествознанія временн, когда люди еще фантазировали, вмѣсто того, чтобы изучать, вѣря, будто крысы, мыши, змѣи, раки, черви рождаются изъ грязи и сора, въ которомъ ихъ находили, — предразсудокъ, котораго въ наше время устыдился бы точный естествоиспытатель (а вѣдь всякій другой не имѣетъ права называться естествоиспытателемъ). Такъ называемое самопроизвольное зарожденіе никогда не было подтверждено ни однимъ доказательствомъ, напротивъ, вся-

вѣй опытъ, произведенный съ должною точностью и вниманіемъ, несомнѣнно обнаруживалъ, что при совершенномъ удаленіи уже готовыхъ живыхъ зародышей не можетъ образоваться самая крохотвая и простѣйшая инфузорія. Всякое недѣлимое на землѣ происходитъ путемъ размноженія отъ другихъ недѣлимыхъ — родителей. Когда Дарвинъ хотѣлъ узнать, какимъ образомъ произошли вновь возникающія формы, то онъ могъ обратиться только къ процессу размноженія, и подвергнуть болѣе тщательному наблюденію тѣ его стороны, которыя допускаютъ измѣняемость формъ.

Для растений и животныхъ намъ извѣстны до сихъ поръ два способа размноженія: правильный, путемъ полового воспроизведенія, и неправильный — чрезъ прививныя клѣточки, почки и отводки. Оба способа находятся въ такомъ между собою соотношеніи, что при послѣднемъ вновь-образуемое недѣлимое втеченіи болѣе продолжительнаго времени остается подъ непосредственнымъ вліяніемъ материнскаго организма и всего вѣрнѣе (хотя и не съ абсолютной вѣрностью) воспроизводитъ физиологическіе и морфологическіе признаки прежняго типа, тогда какъ при первомъ способѣ — при половомъ размноженіи — зародышевая клѣточка (яичко) изолируется уже очень рано, приобрѣтаетъ нѣкоторую самостоятельность относительно материнскаго организма и оттого въ жизненномъ процессѣ и сформированіи можетъ развиваться свободнѣе. Уже лѣтъ двадцать тому назадъ я заявилъ, что неправильное размноженіе, вопреки общепринятому взгляду, служитъ къ предохраненію существующихъ формъ, тогда какъ половое воспроизведеніе, на оборотъ, содѣйствуетъ преимущественно уклоненію отъ родительскаго типа и свободному образованію формъ. Итакъ, отъ проницательнаго англичанина, при заглавствіи его изысканій, не могли скрыться блестящіе успѣхи, сдѣланные его практическими соотечественниками въ разведеніи растений и животныхъ для роскоши и пользы. Добытые при этомъ результаты, собранные имъ впродолженіи многихъ лѣтъ съ неутомимымъ усердіемъ и терпѣніемъ, онъ привелъ въ связь съ своими заключеніями. Во-первыхъ, онъ увидѣлъ, что относительно воздѣлываемыхъ растений и домашнихъ животныхъ измѣненіе характеристическихъ признаковъ и качествъ допускаетъ несравненно

болѣ широкія границы, чѣмъ обыкновенно предполагали прежде. Вообще измѣненія эти касаются всѣхъ условій физическаго строенія, даже самыхъ важнѣйшихъ. Такъ у растеній измѣняются расположеніе волосковъ, форма листьевъ, число цвѣточныхъ частей. Такъ у молса и борзой собаки, принадлежащихъ къ одному и тому же такъ называемому виду, черепъ представляетъ во всѣхъ частяхъ гораздо большее несходство, чѣмъ у борзой, волка и лисицы, признаваемыхъ тремя различными видами. Точно также измѣняются и физиологическія отправления, также наиболѣ существенныя. Такъ у растеній измѣняется продолжительность жизни (однолѣтнія дѣлаются многолѣтними или на оборотъ) и время лѣтенія относительно времени года; такъ, по Натузіусу, для различныхъ породъ овецъ измѣняется время плодошенія, тогда какъ это служитъ единственнымъ сколько нибудь уважительнымъ признакомъ для разграниченія волка отъ собаки. Хищныхъ животныхъ—какъ собаку и хорька—можно приучить къ одной растительной пищѣ, а куръ сдѣлать плотоядными птицами. Впрочемъ подобныя примѣры встрѣчаются даже и въ природномъ состояніи: охотники неоднократно видѣли плотоядныхъ бѣлокъ и зайцевъ.

Другое обстоятельство, представившееся наблюденію Дарвина, заключалось въ томъ, что измѣненія въ растеніяхъ и животныхъ, при неограниченномъ совокупленіи, хотя и легко теряются въ послѣдующихъ генераціяхъ, но за то не только сохраняются, но продолжаютъ и далѣе въ разъ обозначившемся направленіи, если опредѣленная черта измѣненія замѣчается въ каждомъ изъ избранныхъ для размноженія недѣлимыхъ. У занимающихся скотоводствомъ это называется „расплодомъ“, и выраженіе это удобно можетъ быть примѣнено и къ воздѣлываемымъ растеніямъ. Такъ, напр., изъ простыхъ цвѣтовъ георгинъ, астръ и т. д. въ первомъ поколѣніи получаютъ до половины наполненные и, наконецъ, при тщательномъ подборѣ сѣмянныхъ растеній, совершенно полныя цвѣты; изъ сухого деревянистаго корня дикой моркови, при постоянномъ уходѣ, образуется толстый сочный овощъ, вѣсомъ въ нѣсколько фунтовъ (Altringhamröbe) и т. д. Точно также жесткая, почти щетинистая шерсть дивихъ овецъ, при выборѣ лучшихъ племенныхъ живот-

ныхъ въ цѣломъ ряду генерацій превращается наконецъ въ тонкую, курчавую волну мериносовъ, а изъ костлявой дикой лошади съ грубымъ, жесткимъ волосомъ выходитъ благородный, статный, блестящій кровный жеребецъ англійской породы. Всю эту послѣдовательность мы находимъ въ самой природѣ: отъ глубокой ложбины до альпійской высоты чрезъ постепенное развитіе и путемъ смежныхъ генерацій форма долинъ переходитъ въ альпійскую форму; точно также въ Корнваллисѣ бѣлые зайцы (альбиносы), бывшіе сначала тамъ только разновидностью, развились и распространились какъ совершенно самостоятельная порода, безъ всякаго вмѣшательства челоуѣка — чрезъ совокупленіе однородныхъ (сходственныхъ) недѣлимыхъ *). Такое упроченіе и распространеніе опредѣленныхъ формъ чрезъ совокупленіе однородныхъ индивидовъ Дарвинъ назвалъ естественнымъ подборомъ или расплодомъ (natural selection).

Выраженіе это можетъ подать поводъ къ двоякому недоразумѣнію, что, при поверхностномъ взглядѣ на предметъ, дѣйствительно уже имѣло мѣсто. Во-первыхъ Дарвину возражали, что при искусственномъ разведеніи плодовыхъ растений и домашнихъ животныхъ онъ, быть можетъ, и правъ, но что теорія его не находитъ въ природѣ никакого приложенія. Но въ томъ-то и дѣло, что здѣсь выраженія „природный“, „искусственный“ не имѣютъ никакого смысла. Садовникъ, желающій получить цвѣты съ другою окраскою, не разрисовываетъ ихъ самъ, сельскій хозяинъ, имѣющій въ виду развести ковороторгій скотъ, не отпиливаетъ быкамъ до половины роговъ или не привѣшиваетъ своимъ простымъ овцамъ тонкорунныхъ шиньоновъ, когда желаетъ имѣть тонкую шерсть; вотъ это было бы искусственно, но съ такимъ искусствомъ, конечно, далеко не уйдешь. И сельскій хозяинъ, и садовникъ могутъ только заставить работать самую природу и помощь ихъ только поддерживаетъ работу эту въ извѣстномъ направленіи, да и самая эта помощь обусловливается тѣми средствами, какія находятся въ распоряженіи

*) Froiep's Neue Notizen (1841), XX, 56.

«Дѣло», № 8.

природы. Возьмемъ такой примѣръ: извѣстно, что водящіеся въ большихъ равнинахъ волки, выше, проворнѣе и снабжены болѣе длинными ногами, чѣмъ волки, живущіе въ горахъ. Если же между молодыми горными волками найдутся такіе, которые отъ природы случайно получили длинныя ноги, то весьма понятно, что они будутъ въ состояніи далѣе преслѣдовать звѣрей равнины, чѣмъ ихъ неуклюжіе родичи; очевидно также, что за длинноногимъ волкомъ можетъ поспѣть только длинноногая волчица, и такимъ образомъ ко времени совокупленія, онъ находитъ вблизи себя только такую самку. Потомки, по всей вѣроятности, также будутъ имѣть длинныя ноги. Такъ какъ при меньшей конкуренціи эти волки находятъ болѣе достаточную пищу, то никакая потребность не заставляетъ ихъ вернуться къ главной стаѣ, и такимъ образомъ мало-по-малу, вслѣдствіе естественнаго (т. е. необходимаго по самой природѣ) подбора, развивается длинноногая порода. Подобнымъ же способомъ сельскій хозяинъ могъ бы развести длиннорогую породу какого угодно животнаго, но для этого онъ всегда долженъ былъ бы употреблять естественныя, т. е. заимствованныя у самой природы, средства.

Съ другой стороны, слово „подборъ“, понятное и прилагаемое въ мистическомъ смыслѣ, породило нареканія, какъ будто бы Дарвинъ желалъ олицетворить природу въ значеніи существа, обладающаго волей и дѣйствующаго сознательно. Но при должномъ вниманіи къ тому, что хочетъ выразить и дѣйствительно выражаетъ Дарвинъ этимъ словомъ, при мало-мальски серьезномъ соображеніи можно избѣжать всякихъ по этому поводу недоразумѣній. Каждый естествоиспытатель хорошо сознаетъ, что подобныя слова, въ приложеніи къ природѣ, имѣютъ не какое нибудь реальное, а только образное значеніе, и если мы, напр., за нѣсколько строчекъ выше сказали, что извѣстныя средства находятся въ распоряженіи природы, то это значитъ только, что въ природѣ, совершенно согласно съ ея законами, встрѣчаются такія комбинаціи, изъ которыхъ въ силу самой необходимости вытекаетъ извѣстный результатъ. Другими словами, онъ вытекаетъ всегда вслѣдствіе опредѣленнаго сдѣленія причинъ, но это не значитъ, чтобы самыя силы комби-

нировались опредѣленнымъ образомъ для получения заранѣе предложеннаго результата. Напротивъ, Дарвинъ, какъ мы это увидимъ, исключилъ изъ познанія организмозъ все ученіе о цѣляхъ или, если угодно, придавъ ему настоящей смыслъ, какъ руководству къ наглядному или, пожалуй, назидательному представленію.

Измѣняемость формъ между потомками, — особенно если родители должны были жить въ условіяхъ, уклонившихся отъ прежнихъ вліяній, — далѣе упроченіе и дальнѣйшее развитіе измѣненій путемъ естественнаго подбора, открываютъ намъ, какимъ образомъ одна форма могла породить совершенно естественно одинъ новый типъ или нѣсколько такихъ типовъ. Такъ какъ процессъ этотъ происходилъ въ неограниченномъ теченіи времени и не перестаетъ продолжаться, то это уже объясняетъ, съ какою постепенностью изъ простѣйшихъ формъ могли развиться самыя сложныя, какъ изъ инфузорій, чрезъ миллионы генерацій, могло, даже должно было образоваться, наконецъ, позвоночное животное, если только внѣшнія условія, при которыхъ жили и размножались существа, благоприятствовали переходамъ въ этомъ направленіи.

Здѣсь намъ самъ собою представляется еще одинъ важный вопросъ. Если, какъ мы видимъ, измѣненія не имѣютъ предѣла ни въ какой особенности жизни (ни относительно внѣшняго вида, ни въ проявленіи дѣятельности, ни въ анатомическомъ, ни въ физиологическомъ смыслѣ), если развитіе измѣненій, чрезъ рядъ генерацій, до самыхъ крайнихъ феноменовъ ничѣмъ не ограничено, то почему же на землѣ мы видимъ относительно такое ничтожное число формъ живой природы? Вѣдь самый умѣренный расчетъ двухъ измѣненій на генерацію даетъ въ короткое время для различныхъ формъ такія числа, которыя далеко оставляютъ позади цифру живыхъ недѣлимыхъ на землѣ и которыя мало объясняются даже значительнымъ вымираніемъ формъ съ теченіемъ времени. Чтобы съ достаточной ясностью представить себѣ это отношеніе и правильно понимать его, мы должны наблюдать зависимость живыхъ существъ (организмовъ) отъ окружающаго ихъ міра. Для существованія всякаго живого существа нужна строго-опредѣленная комбинація жиз-

ненныхъ условій во внѣшней природѣ, — тѣхъ условій, которыя мы называемъ климатомъ въ наиболѣе обширномъ смыслѣ, почвою (куда принадлежать также вода и воздухъ) и враждебнымъ отношеніемъ къ другимъ организмамъ. У этихъ условій организмъ долженъ исторгать свою жизнь, долженъ бороться съ ними за свое существованіе. Человѣкъ, употребляющій въ пищу картофель, ведетъ войну за свое существованіе съ вдыхаемымъ имъ кислородомъ, который, при медленномъ горѣніи, разрушилъ бы тѣло, если бы ему не подкладывали сжигаемаго матеріала. Такое отношеніе Дарвинъ назвалъ вообще „борьбою за существованіе.“ Но если его безтолковые противники приняли выраженіе это въ самомъ узкомъ смыслѣ, размышляя только о томъ, какъ двѣ собаки грызутся изъ-за брошенной кости, то вѣдь Дарвинъ-то тутъ ни при чемъ—онъ высказался совершенно ясно. Борьба за существованіе заключается не въ той или другой частности, но въ отношеніи организма ко всей окружающей его природѣ и къ ея внутренней связи, насколько отсюда могутъ произойти благопріятныя или неблагопріятныя для благосостоянія организмовъ обстоятельства. Позволяемъ себѣ привести здѣсь одинъ примѣръ, объясняющій связь между тѣлами, повидимому, нисколько независящими другъ отъ друга. Лепестки круговаго трилистника сростаются въ трубочку, которая такъ длинна и узка, что не позволяетъ пчеламъ пробраться къ меду, лежащему у основанія цвѣтка. Но и здѣсь, какъ у многихъ другихъ растений, оплодотвореніе зависитъ отъ посредства насѣкомыхъ, безъ содѣйствія которыхъ растеніе не производитъ сѣмянъ. Но болѣе крупный и сильный шмель умѣетъ найти доступъ къ меду трилистника и такимъ образомъ помогаетъ его размноженію.

Шмели, строящіеся въ землѣ, имѣютъ своихъ злѣйшихъ враговъ въ полевыхъ мышяхъ, пожирающихъ молодое племя. Мыши, въ свою очередь, дѣлаются добычею кошекъ. Если бы образовалась разновидность трилистника по запаху листьевъ сходная съ валеріаномъ или кошачьей травой, то разновидность эта привлекала бы кошекъ, кошки еще усерднѣе стали бы душить мышей, шмели пло-

дѣлились бы привольнѣе и трилистникъ давалъ бы обильныя сѣмена, слѣдовательно, разрастался бы съ большей быстротою. Такимъ образомъ, предполагаемая разновидность трилистника, развивая характеристическій запахъ, очевидно будетъ имѣть преимущество передъ другими разновидностями въ борьбѣ за свое существованіе. Но Крауфурдъ и Боскъ (1) поняли дарвиновское выраженіе именно въ томъ узкомъ смыслѣ, въ какомъ мы представили выше, и въ особенности я не могу постичь, почему Боскъ бракуетъ выраженіе „борьба за существованіе“ и вмѣсто его подставляетъ свое выраженіе: „переживание способнѣйшихъ,“ — т. е. именно способнѣйшихъ въ борьбѣ за существованіе, что и хотѣлъ сказать самъ Дарвинъ.

Если, въ связи съ сказаннымъ выше, мы станемъ разсматривать замѣчаемыя въ каждой генераціи измѣненія, то они распадаются на три класса: измѣненія эти могутъ ставить растеніе или животное въ благопріятныя отношенія къ даннымъ жизненнымъ условіямъ, или они не оказываютъ никакого дѣйствія на эти явленія или, наконецъ, дѣйствіе ихъ неблагопріятно. Въ первомъ случаѣ известное живое тѣло будетъ легче выдерживать борьбу за существованіе, слѣдовательно, долѣе жить и обильнѣе размножаться; второй случай не имѣетъ для насъ здѣсь никакого значенія, такъ какъ онъ остается безъ всякаго дальнѣйшаго вліянія; наконецъ, въ третьемъ случаѣ вновь возникшая форма, неимѣющая силы выдерживать борьбу за существованіе, должна непременно погибнуть. Когда сѣмяна какого нибудь растенія заносятся вѣтромъ въ такую мѣстность, которой климатъ разнится отъ климата, окружавшаго жизнь материнскаго растенія, то растенія, развивающіяся изъ этихъ сѣмянъ, будутъ представлять нѣкоторое различіе по времени цвѣтенія; если раньше-развивающіеся цвѣты будутъ застигнуты временемъ непрерывныхъ ночныхъ холодовъ, то они дѣлаются безплодными, и растенія вымираютъ, тогда какъ поздне-цвѣтущія растенія, благопріятствуемыя климатомъ, размножаются и мало-по-малу образуютъ позднюю, по времени цвѣтенія, форму. Если гусеница какой ни-

1) Засѣданіе этнографическаго общества въ Лондонѣ.

будь бабочки, напр. березницы (*Amphidasis betularia* Hüb.), смотря по тому, живет ли она на березѣ, дубѣ, вязѣ или ивѣ, имѣетъ свойство принимать цвѣтъ своего жилища, то это очевидно даетъ ей возможность легче укрываться отъ враговъ, тогда какъ гусеницы того же вида, быть можетъ, ранѣе лишившіеся этого свойства, давно уже должны были сдѣлаться жертвою своихъ недруговъ. Если бы изъ яйца гремучей змѣи развилось такое пресмыкающееся, у котораго кольца хвостовой гремучки были бы соединены неподвижно, то такая порода очевидно не могла бы сохраниться, потому что издающія шумъ кольца позволяютъ обонямъ полазъ сходиться вмѣстѣ для совокупленія. Слѣдовательно, то только и удерживается, какъ форма, что можетъ удержаться. Всякій крестинъ, всякій глуховѣмой, всякій уродъ — куда мы можемъ отнести всѣ формы, неблагоприятно поставленныя относительно жизненныхъ условій по своему образованію — все это дѣлаетъ фанатальное ученіе о цѣляхъ измышленіемъ филистеровъ. Все, что не принаровлено къ даннымъ жизненнымъ условіямъ, — неизбежно погибаетъ, только то и можетъ существовать, что сформировалось благоприятнымъ и соответствующимъ образомъ.

Если мы оглянемся назадъ въ исторіи земли, то увидимъ, что жизненныя условія въ ту эпоху, когда образовались первые организмы, были неизмѣримо различны отъ современныхъ намъ на землѣ явленій, такъ что едва ли на всемъ земномъ шарѣ можно отыскать хотя бы одинъ крошечный уголокъ, гдѣ бы до сихъ поръ могли удержаться древнѣйшія вліянія. Все, что мы назвали выше жизненными условіями, носило иной характеръ. Вліянія эти переходили мало-по-малу въ другія и другія съ самой строгой постепенностью и не на всей землѣ одновременно, пока жизнь не обставилась нашими настоящими условіями. Этимъ объясняется, почему древнѣйшіе организмы, о которыхъ мы знаемъ, были совершенно различны отъ нынѣ живущихъ, быть можетъ, за немногими исключеніями, и почему многочисленные организмы, неприспособленные къ существенно измѣнившимся условіямъ жизни, должны были погибнуть и уступить мѣсто другимъ или тѣмъ, которые по измѣне-

ніямъ въ ихъ организаціи лучше приспособлялись къ новымъ жизненнымъ требованіямъ.

Здѣсь мы должны выставить еще рядъ возраженій, которыя отчасти противопоставилъ себѣ и опровергъ самъ Дарвинъ, тогда какъ другія были предложены его противниками. Первое возраженіе, о которомъ мы будемъ говорить, принадлежитъ къ обѣимъ этимъ категоріямъ. Если формы живого міра развились одна изъ другой чрезъ постепенныя измѣненія въ генераціяхъ, то почему же въ извѣстныхъ намъ окаменѣlostяхъ мы не встрѣчаемъ никакихъ переходовъ между такими рѣзко различными формами, какія мы видимъ въ природѣ? Еще въ 1850 году *) мною было высказано, что палеонтологія доставляетъ намъ слишкомъ отрывочный матеріалъ для того, чтобы мы гдѣ бы то ни было могли возстановить послѣдовательный рядъ развитія и этимъ же замѣчаніемъ, подкрѣпленнымъ обстоятельными доводами, Дарвинъ устраиваетъ возраженіе, сдѣланное имъ же самому себѣ. Дѣйствительно, если растеніе или животное и попадаетъ въ ископаемое состояніе, то это, по большей части, зависитъ отъ многихъ и очень рѣдко соединяющихся между собой условій, и потому число дошедшихъ до насъ формъ совершенно ничтожно по сравненію со всѣмъ, что когда-то существовало въ дѣйствительности. Если далѣе, въ связи съ этимъ, исторія палеонтологіи отрываетъ намъ, какъ скудно число изслѣдованныхъ областей сравнительно съ малозвѣстными или совершенно неизвѣстными, если мы знаемъ, что даже въ наиболѣе изслѣдованныхъ странахъ Европы дѣлаются съ каждымъ годомъ новыя, совершенно неожиданныя открытія, то становится очевиднымъ, что мы не имѣемъ права дѣлать безумно-поспѣшныхъ заключеній въ родѣ того, что если какая нибудь форма до сихъ поръ не была находима въ ископаемомъ состояніи, то слѣдовательно она никогда не существовала. Кто же можетъ думать, что археоптериксъ, древнѣйшее изъ птицеобразныхъ животныхъ, существовало только въ одномъ экземплярѣ, потому что въ ископаемомъ

---

*) Растеніе и его жизнь, по нѣмецкому изданію, стр. 328.

видѣ былъ найденъ единственный его экземпляръ? Не долженъ ли каждый палеонтологъ, въ видѣ предостереженія, всегда помнить примѣръ Кювье, утверждавшаго, что обезьяны появились только послѣ третичнаго времени, между тѣмъ какъ спустя шесть дѣтъ послѣ его смерти были открыты въ третичныхъ формаціяхъ первыя ископаемыя обезьяны, изъ которыхъ теперь уже извѣстно около дюжины видовъ. Между тѣмъ, что „не существовало“ и „чего не видѣли“ довольно большая разница, и мы рѣшительно не имѣемъ права заключать о первомъ по второму. А между тѣмъ, какъ мнѣ кажется, все что Мурчисонъ ни говорилъ противъ Дарвина въ лондонскомъ этнографическомъ обществѣ, опирается именно на такое ложное заключеніе. Пока это говорилось, было найдено много, чего прежде никто не видалъ. Уже были открыты цѣлыя ряды переходовъ и, безъ сомнѣнія, подобныя примѣры, при дальнѣйшемъ ходѣ изысканій, будутъ доставляться въ большомъ числѣ и съ каждымъ годомъ. Такъ постепенный переходъ отъ одной формы къ другой, чрезъ различные геологическіе наносы былъ открытъ для такихъ трехъ разнохарактерныхъ группъ, какъ аммониты, руконогія и раковины.

Въ 1866 году Гильддорфъ—о которомъ мы упоминали въ предыдущей статьѣ—предложилъ довольно интересный примѣръ переходныхъ формъ по отношенію къ катушкамъ (*Planorbis multiformis*)—одному изъ видовъ улитокъ. При этомъ былъ обнаруженъ тотъ интересный фактъ, что въ срединѣ явственно-различимыхъ наносовъ изслѣдуемой прѣсноводной извести вездѣ находимы были только главныя формы въ ихъ чистомъ видѣ, тогда какъ въ чертѣ соприкосновенія слоевъ и въ нѣкоторыхъ узкихъ среднихъ наносахъ располагались безчисленныя переходныя формы, такъ что образованіе различій очевидно совпадало съ измѣненіемъ жизненныхъ условій, тогда какъ при неизмѣнности этихъ условій формы также оставались постоянными. Кажется, ненужно быть пророкомъ для того, чтобы предсказать обильное накопленіе такихъ примѣровъ въ будущемъ. Мысль о постепенномъ переходѣ живыхъ формъ одна въ другую, путемъ естественнаго подбора и вслѣдствіе

борьбы за существованіе, вызвала двойное недоразумѣніе, которое уже послужило поводомъ къ нападкамъ противъ Дарвина. Имѣя въ виду одну прямую линію прогресса, нѣкоторые заявляли, что, согласно съ дарвиновскимъ воззрѣніемъ, всѣ первобытныя несовершенныя формы давнымъ-давно должны были бы уже вымереть, такъ что теперь должны бы были оставаться только совершенныя формы; съ другой стороны, существованіе самыхъ несовершенныхъ растений и животныхъ выставляли, какъ доказательство противъ той теоріи, что въ природѣ тѣла дѣлаются болѣе и болѣе способными къ борьбѣ за существованіе. То и другое—лишь результатъ непониманія, потому что и здѣсь Дарвину навязывается то, чего онъ не имѣлъ надобности утверждать и никогда не утверждалъ. Ошибка заключается въ высшей степени ложномъ понятіи о совершенствѣ, и мы должны нѣсколько остановиться на этомъ обстоятельствѣ. Какое-то внутреннее сознаніе, чтобы не сказать высокоуміе чловѣка, побуждаетъ его считать себя самымъ совершеннымъ животнымъ на землѣ. На самомъ дѣлѣ, однако, нельзя сказать, чтобы онъ былъ чѣмъ нибудь совершеннѣе или несовершеннѣе самонаиболѣе инфузоріи, а что онъ—только другое животное, противъ этого, конечно, никто не станетъ спорить. Спрашивается, какимъ же масштабомъ онъ руководствуется, строя свою лѣстницу совершенства? Ужь не свѣточемъ ли своего разума!?!..

Но если разумъ составляетъ исключительное преимущество чловѣка, то въ этомъ отношеніи не можетъ быть никакой послѣдовательной лѣстницы животныхъ, въ которой онъ занималъ бы мѣсто. Тогда онъ стоитъ одиноко, самъ по себѣ и не имѣетъ съ животными ничего общаго. Но если и въ животныхъ признавать разумную сторону, то и она, какъ общій признакъ, подлежитъ одинаковому сужденію наравнѣ съ тѣлесными приимѣтами. Но для оцѣнки тѣлесныхъ (а когда случится также и душевныхъ) качествъ организмовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ для ихъ послѣдовательной ранжировки я не знаю никакого другого масштаба, кромѣ слѣдующаго: всѣ существа, имѣющія возможность нормально жить и размножаться при отведенныхъ имъ жизненныхъ условіяхъ, одарены наиболѣе

совершеннѣйшими качествами и могутъ имѣть притязаніе на высшее совершенство. Но это неизбежно ведетъ къ тому заключенію, что всѣ „благородныя“ растенія одинаково совершенны, что между ними нѣтъ ни „высокоблагородныхъ“, ни „высокородныхъ“, и что только „уроды“, по отношенію къ правильно-родившимся недѣлимымъ одного съ ними вида, могутъ быть названы несовершенными тѣлами. Водяная нитчатка (*Sprungia*), безъ сомнѣнія, организована очень несовершенно, если мы станемъ отъ нея требовать, чтобы она, подобно буку, образовала тѣнистые лѣса, но и букочный лѣсъ также долженъ былъ бы неизбежно погибнуть, если бы принужденъ былъ плавать подъ водою. Бросьте бѣлку въ воду, посадите карпа на дерево — и вы скоро увидите, какъ несовершенно организованы оба эти животныя, тогда какъ каждое въ своей стихіи представляется вполне совершеннымъ. Даже большее разнообразіе жизненныхъ условій и приспособленныхъ къ нимъ органовъ не даетъ еще никакого права говорить о большемъ совершенствѣ строенія, такъ какъ съ одинаковой справедливостью можно утверждать, что тотъ аппаратъ будетъ самый совершенный, при которомъ одна и таже цѣль достигается съ наименьшей затратою средствъ. Но одноклѣтчатая инфузорія, очевидно, достигаетъ той же цѣли — цѣли „жизни“ — съ несравненно меньшими средствами, чѣмъ орангъ-утангъ, и потому должна бы быть поставлена неизмѣримо выше этого четырехрукаго. Совершеннымъ имѣть право называться всякое живое тѣло, съ возможной точностью удовлетворяющее своимъ жизненнымъ условіямъ, распределеніе же по лѣстницѣ развитія служить только систематической поддержкой, чтобы при общемъ обзорѣ облегчить работу памяти, а потому еще блаженный Иеронимъ совершенно справедливо замѣтилъ: „если существа и многоразличны, то всѣ они сотворены одинаково хорошо“. Еще неудачиѣе было выбрано слово „облагороженіе“; напримѣръ Крауфордъ довольно часто прибѣгаетъ къ этому выраженію, говоря о тѣхъ организмахъ, которые были измѣнены, часто изуродованы человекомъ ради его корысти или просто изъ прихоти. Эстетическій взглядъ на вещи, который, однако, имѣетъ чисто-субъективный характеръ, еще, по-

жалуй, можетъ иногда сообщать этому слову что-то похожее на смыслъ. Признаюсь, однако, я никакъ не понимаю, почему астра, у которой всѣ цвѣты имѣютъ губовидные вѣнчики (такъ называемые полные) должна назваться благороднѣе той, у которой только вѣнчики крайнихъ цвѣтовъ имѣютъ такое строеніе (простые вѣнчики). Если масштабомъ принять типъ семейства, къ которому принадлежитъ растение, то вѣнская, стекловидная, толстая брюква, какъ бы она сочна, нѣжна и питательна ни была, представится жалкимъ, горбатымъ уродомъ, у котораго (если бы это было возможно въ медицинскомъ отношеніи) въ полномъ цвѣтѣ замѣчаются *Kyphosis*, *Lardosis* и *Skoliosis* *).

Броликъ съ длинными ушами ужь во всякомъ случаѣ отвратительнѣе дикаго. Мекленбургская гарибальдійская свинья на международной сельско-хозяйственной выставкѣ въ Гамбургѣ, быть можетъ, очень годилась для окороковъ и сала, но эта, по виду, уродливо-безформенная масса ничуть не прелестнѣе или благороднѣе дикаго кабана. А кто можетъ назвать эту „скрофулезную расу“ — маленькихъ комнатныхъ астматическихъ собачекъ, съ закислыми глазами, съ ожирѣвшими брюшками — кто можетъ величать такихъ уродовъ облагороженіемъ ньюфаундлэндской или сенбернардской породъ, которыя ужь непременно ближе подходятъ къ первоначальному типу собаки, чѣмъ эти малелькіе уродцы?... Однимъ словомъ, кромѣ полного примѣненія къ даннымъ жизненнымъ условіямъ мы не имѣемъ никакого другого естественнаго мѣрила для идеи о „совершенствѣ“. Но такъ какъ условія эти во все время распредѣлялись въ разнообразнѣйшихъ комбинаціяхъ, то также точно во всѣ времена могли существовать многоразличные организмы. Когда жизненные условія на землѣ представляли первоначально болѣе равномѣрный характеръ, организмы также должны были сходствовать между собою по многимъ признакамъ. Тѣ организмы, жизнь которыхъ была обставлена простѣйшими и наиболѣе

---

*) Три формы искривленія позвоночнаго столба — впередъ, назадъ и въ стороны.

всеобщими условіями, т. е. простѣйшіе организмы могли возникнуть уже въ самомъ началѣ и сохраниться до нашего времени. Но по мѣрѣ того, какъ климатическія условія и качества почвы обозначались разнообразіемъ, средства къ питанію стали обильнѣе и разнохарактернѣе, съ тою же постепенностью могло развиваться большее разнообразіе живыхъ формъ; многочисленныя формы и комбинаціи жизненныхъ условій позволяли многочисленнымъ формамъ и комбинаціямъ жизни существовать рядомъ другъ возлѣ друга безъ всякой взаимной помѣхи. Наконецъ, мы скажемъ прямо и опредѣленно, что въ борьбѣ за существованіе рѣшаетъ вовсе не это мнимое совершенство, потому что, смотря по мѣсту, такъ называемые несовершенные организмы могутъ также часто одолевать совершенныхъ, какъ и на оборотъ. Если сверху песчаной почвы влажная или болотистая мѣстность станетъ совершенно высыхать—вслѣдствіе какого нибудь естественнаго явленія, напримѣръ, сильнаго дождеваго ливня, который сноситъ плотину, удерживавшую стокъ воды—то начинается борьба за существованіе, въ которой чѣмъ болѣе высыхаетъ почва, тѣмъ дѣятельнѣе такъ называемыя низшія растенія—верескъ, колючки и особенно сухіе лишай—вытѣсняють такъ называемыя высшія растительныя формы—деревья, кустарники, сочныя кормовыя травы, красивые зеленые мхи—и, наконецъ, исключительно заступаютъ ихъ мѣсто. Когда извѣстная мѣстность постепенно погружается подъ воду моря, то всѣ млекопитающія, птицы, пресмыкающіеся и насѣкомыя гибнутъ въ борьбѣ за существованіе, тогда какъ низшія животныя—рыбы, ракообразныя, черви, полипы, одержавъ побѣду, разводятся на ихъ прежнемъ мѣстѣ жительства. Итакъ, о необходимомъ и всюду происходящемъ прогрессивномъ движеніи къ болѣе совершеннымъ формамъ, по ученію Дарвина, не можетъ быть и рѣчи, да оцъ этого дѣйствительно, никогда и не утверждалъ; но что въ мѣстномъ и временно-опредѣленномъ случаѣ формы, обладающія хотя бы сколько нибудь болѣе благоприятной организаціей, сохраняются и распространяются легче, чѣмъ другія формы, менѣе благоприятно орга-

низованныя для той же комбинаціи жизненныхъ условій—это такъ понятно, что не требуетъ никакого дальнѣйшаго доказательства.

До сихъ поръ мы развивали дарвиновское ученіе въ той послѣдовательности мыслей, которая кажется намъ наиболѣе естественной, непосредственно приводя къ главнымъ положеніямъ Дарвина. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, мы вовсе не желаемъ утверждать, чтобы такимъ же порядкомъ идей руководствовался самъ Дарвинъ, потому что при неистощимомъ богатствѣ человѣческаго ума вспомогательными средствами, различные люди могутъ достигать одной и той же цѣли разнообразнѣйшими путями. При этомъ развитіи ученія, мы опять отвѣчали на рядъ возраженій, поднятыхъ противъ Дарвина, не называя по именамъ оппонентовъ, за что многіе, по крайней мѣрѣ, должны благодарить насъ. Вообще такой способъ изложенія очень хорошъ, такъ какъ никакое имя не сообщаетъ при этомъ незаслуженнаго значенія слабому доводу и само не приводится въ рядъ съ какимъ нибудь нелюбезнымъ мнѣніемъ. Затѣмъ, изъ уваженія къ Дарвину, слѣдуетъ изложить ходъ и содержаніе двухъ его трудовъ по этому предмету; мы имѣемъ ихъ два, которые, однако, появились въ обратномъ порядкѣ, такъ какъ вышнія обстоятельства заставили Дарвина начать съ конца. Эта непослѣдовательность также подѣйствовала очень вредно и затруднила признаніе его принциповъ. Вмѣсто того, чтобы выступить сначала съ тяжелой артиллеріей фактовъ, чтобы ею привести въ замѣшательство и раздѣлить своихъ противниковъ, онъ началъ атаку легкой кавалеріей результатовъ, противъ которой непріятель составилъ каре изъ предрасудковъ, педантизма и непониманія, часто выдерживалъ и отражалъ нападенія. Если бы Дарвинъ могъ выступить прежде съ своимъ вторымъ произведеніемъ, въ которомъ содержался богатый запасъ фактовъ, собранныхъ втеченіи тридцати лѣтъ съ такимъ неутомимымъ усердіемъ, то многіе не рѣшились бы затѣвать противъ него борьбу съ своимъ слабымъ оружіемъ.

Второе сочиненіе Дарвина появилось въ Англии въ 1868 году и еще въ томъ же году профессоръ д-ръ Викторъ Карусъ издалъ

въ Германіи свой превосходный переводъ этой книги подъ заглавіемъ: „Измѣненія животныхъ и растений въ прирученномъ и одѣланномъ состояніи. Съ поправками и прибавленіями автора къ второму англійскому изданію и съ подробнымъ указателемъ“. О истощимомъ богатствѣ фактовъ можно судить по приводимому здѣсь содержанію. Первый томъ на 530 страницахъ и въ 11 главахъ заключаетъ слѣдующее: 1) Домашнія собаки и кошки; 2) лошади и ослы; 3) свинья, рогатый скотъ, овца, коза; 4) ручные кролики; 5) и 6) прирученные голуби (2 главы); 7) куры; 8) утки, гуси, павлины, индѣйскіе пѣтухи, золотыя рыбки, канарейки, пчелы, шелковичные черви; 9 и 10) воздѣлываемыя растения, злаки и огородныя овощи, фрукты, украшающія деревья, цвѣты (въ 2-хъ главахъ); 11) объ измѣненіи почекъ и о нѣкоторыхъ неправильныхъ способахъ воспроизведенія и измѣненія. Второй томъ предлагаетъ на 564 страницахъ и въ 17 дальнѣйшихъ главахъ слѣдующія изысканія: 12, 13 и 14) о наследственной передачѣ, возвращеніи и упроченіи характеровъ; преобладаніе наследственной воспримчивости, половое ограниченіе, согласованіе возрастовъ; 15) о перемѣшиваніи породъ; 16) причины, препятствующія свободному смѣшенію разновидностей, вліяніе прирученія на плодородіе; 17) о благопріятныхъ дѣйствіяхъ смѣшенія породъ и о неблагопріятныхъ вліяніяхъ непосредственныхъ поврежденій; 18) о выгодахъ и невыгодахъ измѣненныхъ жизненныхъ условій, бесплодіе по различнымъ причинамъ; 19) общее сопоставленіе четырехъ послѣднихъ главъ съ замѣчаніями о гибридахъ (объ ублюдахъ); 20 и 21) распадъ, производимый челоуѣкомъ; 22) причины измѣняемости; 23) прочное и опредѣленное дѣйствіе вѣншихъ жизненныхъ условій; 24, 25 и 26) законы измѣняемости, употребленіе и неупотребленіе органовъ, соотносительная измѣняемость, общія заключенія; 27) предварительная гипотеза о повсемѣстномъ зарожденіи (pangenesis); 28) заключительныя замѣчанія. Уже изъ этого одного перечня содержанія видно, что оба эти тома, въ ихъ значительной части, т. е. въ 26-ти главахъ содержатъ только дознанные положительнымъ наблюденіемъ факты и

непосредственно, неизбѣжно вытекающіе изъ нихъ результаты; уже двѣ послѣднія главы съ свойственною англичанамъ робостью и осторожностью рѣшаются вступить въ область объясняющихъ гипотезъ. Само собою разумѣется, нѣтъ никакой возможности выписывать мѣста изъ такого сочиненія, которое, какъ книга Дарвина, исключительно состоитъ изъ сообщаемыхъ фактовъ. Но такъ какъ страсть судить и рядить о совершенно неизвѣстномъ дѣлѣ всегда свидѣтельствуетъ объ умственной неотесанности судьи, то мы посоветуемъ въ особенности тѣмъ, кому захочется толковать о дарвиновскихъ взглядахъ, прежде основательно изучить названное сочиненіе, если только они не хотятъ выставить себя передъ свѣтомъ съ самой комической стороны. Дарвинъ былъ уже жертвою такихъ уморительныхъ тѣвканій. Немедленно вслѣдъ за опубликованіемъ его перваго сочиненія многіе со всѣхъ сторонъ яростно огрызались на Дарвина за то, что онъ, будто бы, производитъ человѣка отъ обезьяны. Эти господа, должно быть, наслышались о Дарвинѣ только въ пивныхъ, да изъ еженедѣльныхъ листковъ, потому что названная книга ни малѣйшимъ намекомъ не касается отношеній между человѣкомъ и обезьяной, и послѣднее животное даже ни разу не названо во всей книгѣ.

Это былъ первый трудъ, изданный Дарвиномъ о его теоріи живыхъ формъ еще въ 1859 году. Трудъ этотъ возбудилъ сильнѣйшее вниманіе и подалъ поводъ ко многимъ нападкамъ, которыя, по большей части, продолжаются еще и до сихъ поръ. Книга эта ссылается на второе, также уже указанное нами сочиненіе, которое по своему содержанію, хотя и было окончательно готово (вѣдь это были результаты тридцатилѣтнихъ научныхъ наблюденій), но еще не получило окончательной обработки для печати. Чтобы нѣсколько пояснить—но нисколько не доказать—богатый аккордъ мыслей въ первомъ своемъ трудѣ, Дарвинъ заимствовалъ изъ второго, еще неапечатаннаго сочиненія нѣсколько частныхъ примѣровъ, и честный противникъ подождать бы съ своими нападками на автора до появленія въ печати второй его книги, если только желалъ произнести передъ свѣтомъ

хотя и суровый, но основательный и серьезный приговоръ. Какъ бы не такъ! Тутъ-то пошлая близорукость, предвзятое мнѣніе и цеховой педантизмъ и изрекли яростную анафему противъ нововводителя и въ глазахъ нелицепріятнаго, искренняго друга истины представили по истинѣ траги-комическое зрѣлище. Выше въ предварительной исторіи дарвинизма, мы привели уже цѣликомъ заглавіе этого сочиненія, затѣмъ мы развили изложенныя въ немъ мнѣнія, и теперь намъ остается только сообщить краткій перечень его содержанія. Книга распадается на 14 главъ. 1) Измѣненія въ прирученномъ состояніи съ краткимъ изложеніемъ содержащихся во второмъ сочиненіи результатовъ; 2) измѣненія въ природномъ состояніи вмѣстѣ съ примѣненіемъ результатовъ, получаемыхъ въ области прирученія; 3) борьба за существованіе; 4) естественный подборъ; 5) законъ измѣненія; 6) трудности теоріи, причемъ Дарвинъ предугадываетъ и опровергаетъ возраженія, сдѣланныя ему впоследствии; 7) инстинктъ; 8) образованіе бастардовъ; 9) Недостаточность геологическихъ данныхъ (здѣсь разоблачается и казнится главнѣйшій упрекъ, заимствованный изъ палеонтологіи); 10) геологическая послѣдовательность органическихъ тѣлъ; 11) и 12) географическое; 13) взаимное родство органическихъ тѣлъ, морфологія, эмбриологія, основные органы; 14) общее повтореніе и выводъ. Сочиненіе это также содержитъ такое обиліе фактовъ, что кромѣ представленнаго нами очерка дарвиновскихъ мнѣній, нѣтъ никакой возможности иначе заимствовать выдержки, и потому мы и здѣсь должны рекомендовать основательное знакомство съ книгой всякому читателю, который, желая оставаться честнымъ въ отношеніи къ самому себѣ и къ истинѣ, захотѣлъ бы глубже проникнуть въ смыслъ дарвиновской доктрины.

Если мы сопоставимъ обѣ эти книги, т. е. обнимемъ въ нашемъ сознаніи весь научный трудъ Дарвина, то съ какииъ бы впечатлѣніемъ мы ни приступали къ этому изученію, впечатлѣніе наше неизбѣжно высказывается, въ концѣ концовъ, съ горячимъ сочувствіемъ къ Дарвину, — съ такимъ сочувствіемъ, какого мы не можемъ до сихъ поръ подарить ни одному изъ его противниковъ

Дарвинъ — англичанинъ; по всему своему умственному складу онъ — истое дитя философскаго (или если хотите нефилософскаго) духа своей націи. Для него наибольшую важность имѣеть прежде всего фактъ, и то, что непосредственно и неизбѣжно изъ него вытекаетъ. О фабрикаціи теорій у него не можетъ быть и рѣчи. Тщательно собирая и повѣряя, онъ группируетъ только результаты опыта, ищетъ ихъ связь осторожными соображеніями и затѣмъ излагаетъ все съ возможной ясностью. Съ особенной осторожностью онъ прилагиваетъ къ добытому соотвѣтствующія выраженія, какъ „естественный подборъ“, „борьба за существованіе“ и т. д. — выраженія, которыя поверхностный слушатель можетъ принять за теоріи, тогда какъ мыслящій дѣятель науки увидитъ въ нихъ только собирательныя формулы для практически даннаго. Во всемъ, что выходитъ за эти предѣлы, что, дѣйствительно, можетъ быть названо или, если хотите, охарактеризовано теоріей, гипотезой, общимъ принципомъ — онъ до нельзя робокъ и воздерженъ. Изъ этого воздержанія для него возникаютъ два неудобства, которыя дѣйствительно ставились ему въ укоръ, хотя совершенно ошибочнымъ образомъ. Его порицали за то, что слѣдовало бы похвалить, по крайней мѣрѣ, согласно съ понятіями изрекавшихъ хулу. Упрекъ заключается въ томъ, что труды Дарвина не имѣютъ ни начала ни конца. Онъ показываетъ среди общаго развитія формъ, какъ одна форма можетъ, даже должна образоваться изъ другой. Но откуда взялась первая форма жизни своимъ превращеніемъ породившая вторую, — этого Дарвинъ совсѣмъ не касается. Почти также онъ слабо проводитъ свое ученіе до конца — до человѣка, какъ формы высшаго развитія. Но именно благодаря своей натурѣ, почти трусливо цѣпляющейся за дознанные опытомъ факты, онъ и не хотѣлъ зайти къ первому началу жизненныхъ формъ, забытыхъ въ такое время и такія условія, о которыхъ до сихъ поръ мы имѣемъ слишкомъ мало положительныхъ свѣденій, чтобы судить о такой старинѣ съ должной научной строгостью. Все, что можно связать объ этомъ предметѣ, согласно съ современнымъ положеніемъ науки, было собрано въ моей книгѣ „О морѣ.“

пространенія дарвиновой теоріи до крайняго предѣла—до тѣлеснаго происхожденія человѣка, то, разумѣется, теоретически нельзя вернуться отъ этой послѣдовательности, для научнаго воспроизведенія которой у насъ нѣтъ, однако, до сихъ поръ достаточныхъ фактовъ, чтобы съ точпостью подвигаться впередъ. Нѣкоторые приверженцы Дарвина, выведя заключеніе, что человѣкъ происходитъ отъ обезьяны, слишкомъ поторопились такимъ выводомъ, который въ самомъ ученіи Дарвина нигдѣ не находитъ основанія. Никогда не удобно забывать, что между потомками какой нибудь формы могутъ возникнуть многоразличныя измѣненія, что каждое изъ нихъ можетъ подлежать дальнѣйшему развитію, и что отъ одного предка могутъ произойти два ряда формъ, которыя хотя и родственны между собой по общему предку, но будутъ болѣе и болѣе удаляться другъ отъ друга по мѣрѣ дальнѣйшаго развитія. Оба эти упрека вооружаются, однако, не противъ ошибки, а только противъ неполноты дарвиновой работы. Къ нимъ примыкаетъ цѣлый рядъ нападокъ, которыя всѣ выбрали такой общій лозунгъ: „ну, вотъ и это, и то, и другое у Дарвина неясно.“ Но здѣсь-то ужъ логика крѣпко слаба. Вѣдь астрономія возвышается какъ совершенно прочное зданіе, несмотря на то, что на небѣ совершаются еще многія явленія, которыхъ она объяснить не можетъ. Здѣсь казнится только тотъ же стародавній предразсудокъ о готовой, завершенной наукѣ, но вѣдь у насъ нѣтъ еще ни одной совершенно готовой науки— всѣ находятся въ состояніи постепеннаго прогресса. Въмѣсто того, чтобы тыкать пальцемъ въ неизбѣжно оставшіеся въ дарвиновомъ трудѣ пробѣлы, господа хулители лучше сдѣлали бы, если бы сами принялись усердно работать, чтобы ихъ пополнить, помня, что въ рабочей артели жизни всѣмъ остается еще довольно дѣла — была бы только охота да руки!

Мы должны были бы еще, согласно съ требованіями нашей задачи, отозваться какъ о противникахъ, такъ и продолжателяхъ дарвинова ученія, но въ настоящее время это представляется намъ положительно невозможнымъ. Правда, воззрѣнія Дарвина возбудили уже многія тавканья, но дѣйствительнаго противника,

въ научномъ смыслѣ, Дарвинъ еще не находилъ себѣ до сихъ поръ. Это объясняется относительно недавнимъ появленіемъ въ свѣтъ его второго сочиненія, которое содержитъ главнѣйшія фактическія основанія его взглядовъ, а вѣдь мы выше замѣтили уже, что до опубликованія этого труда никакой научно-добросовѣстный человекъ не подумалъ бы полемизировать съ Дарвиномъ. Все, что было противъ него заявлено его противниками, мы уже представили въ связи съ изложеніемъ дарвинизма, не называя именъ, такъ какъ здѣсь все рѣшается вѣсомъ доводовъ, а не именъ. Что касается тѣхъ противниковъ, которые переносятъ борьбу на другое поле, совершенно чуждое естествознанію, то мы, еще въ первой нашей статьѣ, заявили, что рѣшительно не намѣрены трактовать о нихъ. Въ заключеніе не можемъ не напомнить слѣдующихъ словъ Гексли объ оппонентахъ нашего автора: „все, что до сихъ поръ было напечатано противъ Дарвина, по большей части не стоитъ бумаги, вытерпѣвшей всю эту паклотню.“ Но если до сихъ поръ не можетъ быть рѣчи о дѣйствительномъ строго научномъ противникѣ Дарвина, то по той же причинѣ теперь еще пока нельзя ожидать дальнѣйшаго развитія его ученія въ серьезномъ смыслѣ. Возрѣнія его были одобрены съ многихъ сторонъ, быть можетъ, съ большей готовностью зоологами, чѣмъ ботаниками, потому что между послѣдними болѣе живутъ духъ яростной погони за видами. Многие уже работали въ дарвиновскомъ направленіи, напр. Фрицъ Мюллеръ удачно примѣнилъ дарвинизмъ къ описанію ракообразныхъ, Кернеръ — къ изученію альпійскихъ растеній. Остроумный и, къ сожалѣнію, рано скончавшійся лингвистъ Шлейхеръ ввелъ даже дарвинизмъ въ образъ языкознанія. Въ смыслѣ развитія дарвиновыхъ взглядовъ Морицъ Вагнеръ издалъ небольшую книжку подъ заглавіемъ: „Теорія Дарвина и законъ о переходахъ организмовъ“. Но здѣсь только проводится далѣе мысль Дарвина, примѣняемая къ одному частному случаю. Естественный подборъ, само собою разумѣется, предполагаетъ, что для поддержанія полученныхъ различій не слѣдуетъ подвергать ихъ помѣсямъ съ родственными формами или другимъ какимъ-нибудь измѣненіямъ, которыя могутъ сгладить эти

различія. Это можетъ быть достигнуто многими путями — напр. совокупленіемъ сходственныхъ, которыя, не перекочевывая въ собственномъ смыслѣ, тѣмъ не менѣе отдѣляются отъ племенныхъ формъ пространствомъ, какъ это объясняется приведеннымъ выше приѣромъ длинноногой породы волковъ. Различія удерживаются также и въ томъ случаѣ, когда они изолируются геологическими измѣненіями — образованіемъ рѣкъ, острововъ, поднятіемъ горъ и т. д. Само собою разумѣется, перекочевыванья животныхъ также играютъ здѣсь очень важную роль, и предметъ этотъ развитъ Вагнеромъ очень удовлетворительно. Самыя значительныя попытки къ дальнѣйшему развитію дарвинизма были употреблены гениальнымъ зоологомъ, Эрнстомъ Гекелемъ, который въ самомъ началѣ съ жаромъ объявилъ себя въ пользу новаго ученія въ своей „Монографіи лучистыхъ“ и предпринялъ развитіе дарвиновыхъ воззрѣній въ двухъ большихъ своихъ трудахъ. Это была его „Всеобщая морфологія“ (1866), изданная въ двухъ большихъ томахъ, и „Естественная исторія мірозданія“ (1868). Какъ ни замѣчательны труды эти по содержащимся въ нихъ тонкимъ мыслямъ и по обилію положительнаго знанія, тѣмъ не менѣе намъ кажется, что энтузіазмъ завелъ автора слишкомъ далеко и заставляеть его несомнѣнно вѣрить въ такія вещи, для научной обработки которыхъ нуженъ несравненно большій запасъ фактовъ, чѣмъ мы располагаемъ въ настоящее время.

Вліяніе Дарвина быстро распространилось на всѣ отрасли знанія, близко или отдаленно соприкасавшіяся съ естественными науками, а особенно его ученіе о происхожденіи организмовъ возбудило живѣйшій интересъ по отношенію къ человѣку и вызвало усиленную дѣятельность въ значительныхъ областяхъ знанія. Благодаря Дарвину и его ученію, вопросы „откуда происходитъ человѣкъ? и какъ долго онъ живетъ на землѣ?“ — получили необыкновенно быстрое развитіе. Отвѣтъ на второй изъ этихъ вопросовъ составляетъ теперь содержаніе особой науки „археологіи человѣческаго рода“, поднятой до высоты самостоятельнаго знанія, благодаря сочиненію геолога Лайэлла: „The Antiquity of man“

(Древность человека, 1863), гдѣ собрано все, что до сихъ поръ было добыто по этому предмету. Отвѣтъ на первый вопросъ все еще ограничивается собираніемъ фактовъ и построеніемъ догадокъ для положительнаго рѣшенія вопроса въ будущемъ. Общій обзоръ всего, что было до сихъ поръ сдѣлано въ обоихъ этихъ отправленіяхъ мы оставляемъ до слѣдующей и послѣдней статьи о дарвинизмѣ.

НА НАШЕЙ УЛИЦѢ ПРАЗДНИКЪ.

Провинціальный очеркъ.

Никогда нашъ приходскій дьякъ, Егоръ Мартыновичъ, не былъ такъ полно счастливъ и не праздновалъ такого великаго праздника, какъ въ приснопамятный день 28 іюля 186* года. А нельзя сказать, чтобы у Мартыныча ужъ вовсе не было радостей, — были онѣ и у него... Такъ много было, напримѣръ, радости Мартынычу хотъ бы въ то время, когда радѣльный къ Ёвѣрѣ и церкви Божіей купецъ Захрапакинъ, въ сообществѣ съ не менѣе радѣльной генеральшей Пистолетовой, принесли въ даръ храму, въ коемъ церковнослужителемъ состоялъ Мартынычъ, большой колоколъ, вѣсомъ въ 380 пудовъ, отлитый на лучшемъ нашемъ желтогорскомъ заводѣ и доселѣ справедливо славящійся, по выраженію отца соборнаго протодіакона, „какъ отлѣнною густотою звука, такъ равно и сладостною пріятностью онаго“. Не мало также радовалось сердце Мартыныча и тогда, когда нашъ протопопъ, отецъ Алексѣй, получилъ орденъ св. Анны и, ознаменовавъ такое торжество богатымъ пиршествомъ, откровенно сказалъ во время трапезы, при самомъ отцѣ ректорѣ семинаріи, что Мартынычъ его правая рука, и что по рвенію къ дѣлу церковнослуженія онъ „неукоснительно безупреченъ.“ Наконецъ, ужъ какая, кажется, была Мартынычу радость, когда единственный его, Мартыныча, сынъ, Иванъ, лѣтъ пять-шесть тому назадъ, будучи уже ученикомъ семинаріи богословскаго класса, произнесъ въ нашей приходской церкви за ранней обѣдней, въ придѣлѣ мучениковъ Кирика и Улиты, первую пробную проповѣдь на текстъ „азъ уснухъ и спяхъ и возстахъ, яко Господь заступихъ мя,“ когда даже самъ скупой на

похвалы протопопъ Алексѣй сказалъ Мартынычу, что Ванька его „башканъ“, и что попъ изъ него выйдетъ современемъ хоть куда, и когда обрадованный Мартынычъ, позволивъ себѣ въ тотъ день гдѣ-то въ гостяхъ лишнее, вернулся домой уже поздно вечеромъ, безъ шапки, и самымъ наилучшимъ образомъ оттрепалъ проповѣдника за густую овчину...

Но всѣ эти, повидимому, немалыя радости, повторяемъ, были ничто въ сравненіи съ тѣмъ непритворнымъ восторгомъ, какой ощутилъ нашъ Егоръ Мартынычъ въ приснопамятный день 28 іюля 186* года. Короче: въ этотъ приснопамятный день единственное дѣтище Мартыныча, его Иванъ, стяжавшій такую славу упомянутою выше пробною проповѣдью и потомъ къ великому горю и всеобщему изумленію уклонившійся изъ духовнаго званія и уѣхавшій въ Москву, въ университетъ, — этотъ Иванъ опять съ нимъ, облеченный во всеоружіе званія и награжденный за свои успѣхи такими степенями и чинами, о которыхъ Мартынычъ нашъ даже и думать бѣдился, считая всѣ сіи думы либо порожденіемъ духа праздности, либо искушеніемъ дьявола.

Маленькій домикъ стараго дьяка Мартыныча стоялъ на одномъ изъ спусковъ къ Волгѣ на землѣ отца протопопа Алексѣя, которому Мартынычъ выплачивалъ по девяти рублей ассигнаціями ежегодно. Мартынычъ, которому теперь подѣ шестьдесятъ лѣтъ, съ незапамятныхъ временъ жилъ въ своемъ домикѣ съ женой, такою же ветхой старухой, Матреной Лукиничной, женщиной хозяйственной и кроткой, а главное, весьма искусной въ повивальномъ дѣлѣ и славившейся не только въ нашемъ приходѣ, но и далеко за его предѣлами: „у губернаторскаго кучера принимала; самъ генераль, поди, извѣстенъ объ ней,“ часто съ гордостью выхвалялъ Мартынычъ свою супругу, сидя въ сумерки съ кѣмъ-нибудь изъ прихожанъ у воротъ своего стараго домика; — и при этомъ рассказчикъ посылалъ въ носъ такую здоровенную поношку, отъ которой вдругъ прокатывался по пустынной улицѣ какъ бы вѣвкій трубный гласъ. Но если Лукинична была образцовая супруга и женщина и чрезъ то подавала своему мужу поводъ къ подобнымъ

восхваленіямъ, то и Мартынычъ не могъ не удостоиваться того же отъ своей сожительницы: такъ Матрена Лукинична еще до сихъ поръ съ особеннымъ чувствомъ вспоминаетъ о томъ счастли- вомъ времени, когда Мартынычъ былъ еще крѣпокъ глазами и выплачивалъ отцу Алексѣю всю арендную плату за землю под- метками и заплатками, которыя онъ ставилъ и клалъ, какъ са- мому батюшкѣ, такъ равно и многочисленному его семейству. „Что- бы онъ когда-нибудь грошь мѣдный заплатилъ отцу Алексѣю за землю—ни-ни: на сапожномъ мастерствѣ всѣ поземельныя такъ- таки и очистить,“ съ умиленіемъ рассказывала Лукинична не разъ въ пріятельской бесѣдѣ, за чашкой крѣпкаго кофе. Бромѣ сапож- наго мастерства Мартынычъ занимался также рыболовствомъ и, если говорить правду, то Матрена Лукинична положительно ни- когда не знала, что такое значить покупать рыбу: было бы лишь сказано съ вечера и тогда, только-что встанетъ она на другой день да, Господь благослови, проводить корову въ стадо—глядь, ужъ Мартынычъ и вернулся съ рѣки, ужъ и несетъ цѣлое ведро са- мыхъ живыхъ подлещиковъ, окуней, ершей и проч., — страпай, что хочешь, на доброе здоровье! Буря ли разыграется на Вол- гѣ и тряхнетъ нѣсколькими барками съ дровами, или разже- четъ по бревнышку нѣсколько плотовъ (гонокъ), — старый Мар- тынычъ сейчасъ въ лодку (у него была своя лодка) и, гля- дишь, наловить столько дровъ, что цѣлые мѣсяцы отаплива- етъ ими свой маленькій домикъ; а то, коли дровъ дома много, такъ примется гоняться за бревнами отъ разбитыхъ плотовъ, да, наловивъ десятка три-четыре, и беретъ съ плотовщяковъ выкупъ копѣекъ по двадцати-тридцати за штуку, такъ что буря-то еще кому какъ, а ему ужъ положительно въ прокъ идетъ. А то въ той же лодкѣ ѣздитъ среди лѣта за ягодами, да за грибами на ту сторону рѣки, либо на острова, которыми усѣяна Волга и выше и ниже Желтогорска. Осенью, опять при помощи той же лодки, хворостъ да валежникъ запасаеъ на зиму, случится, такъ самъ проконопатить домишко, самъ, если нужно, вырасить крышу, сколотить половицы, вставить зимнія рамы, — словомъ, за такимъ домовитымъ хозяиномъ, какъ Мартынычъ, Лу- кинична жила счастливо, припѣваючи... Если когда и быва л

размолвки между нашими стариками, то развѣ тогда лишь, когда Мартынычъ иное время захмѣлѣетъ, да среди ночи и затынетъ во все горло „со святыми упокой“; но и тутъ Лукиничнѣ стоило только накинуть на голову платокъ и объявить, что она сейчасъ идетъ къ отцу Алексѣю жаловаться, какъ не въ пору пѣвчій смолкалъ мгновенно, объявляя, что хотя онъ и божественное провозглашалъ, но чтобы жаловаться — этого онъ никогда не допуститъ. Разъ только наши старики поссорились крѣпко, до того крѣпко, что даже не разговаривали между собою пѣлую недѣлю: это было дѣтъ пять назадъ, именно по поводу выхода сына изъ духовнаго званія и отъѣзда его въ Москву, въ университетъ. Мартынычъ тогда былъ противъ этого отъѣзда, считая священническое мѣсто, на которое его Иванъ имѣлъ все права, какой-то обѣтованной землей; Лукинична, видѣвшая и людей и свѣтъ больше своего мужа и много наслышавшаяся на сторонѣ о различныхъ удачахъ и фортунахъ, выпадавшихъ на долю то тому, то другому — Лукинична одобряла сына въ его намѣреніи и давала свое самое искреннее, самое сердечное материнское благословеніе. Это несходство взглядовъ на одинъ и тотъ же предметъ, да еще на такой близкій, породило между стариками продолжительную и великую, вражду окончившуюся съ отъѣздомъ сына крупной перебранкой, во время которой Лукинична не разъ натягивала на голову платокъ, чтобы пристращать своего благовѣрнаго протопонимъ, а, наконецъ, не вытерпѣла даже и пошла-таки жаловаться; но тогда Мартынычъ такъ разгорячился, что отнюдь и не подумалъ останавливать свою супругу, а, напротивъ, еще выругалъ ее въ догонку сухой и дѣтоубійцей, и затѣмъ, подхвативши подъ мышку весло, надолго скрылся на Волгу размыкивать свое горе. Однако не Волгѣ-матушкѣ суждено было размыкать его лютую кручину: съ той же Лукиничной выплакать ее на другой день нашъ бѣдный старикъ!

Такъ-то, годъ за годомъ, тихо, незамѣтно, тянулась жизнь Мартыныча и Лукиничны, то освѣщаемая маленькими радостями, въ родѣ приведенныхъ нами, то затемняемая такими же маленькими печальми, — какъ вдругъ въ эту-то тихую, небогатую ни особенными радостями, ни особенными печальми, жизнь словно бы насильно ворвалось что-то со стороны, что-то необычайное, неждан-

ное, что-то такое, что волнуетъ до самозабвенія и чуть не насильно вырываетъ радостныя слезы, что холодитъ до ребячести, грѣветъ въ стужу и прохлаждаетъ въ самый палящій жаръ...

Такое-то именно, необъяснимое, странное и безотчетно-приятное впечатлѣніе произвелъ на нашихъ стариковъ прїѣздъ сына.

Въ продолговатой, небольшой, опрятно-прибранной комнатѣ, съ оклеенными газетной бумагой стѣнами, съ двумя маленькими окнами, съ божницей въ переднемъ углу и приземистой русской печью съ неизмѣнными тараканами у самаго входа, — сидѣлъ на почетномъ мѣстѣ, подъ образами, прїѣзжій, загорѣлый, черноволосый молодой человекъ, лѣтъ двадцати-пяти-шести, въ военномъ лекаромъ скруткѣ. Мартынычъ, сіяющій, гладко-причесанный и въ новомъ шерстяномъ полукафтанѣ, сидѣлъ рядомъ съ сыномъ, осыпая его самыми разнообразными вопросами; Лукинична хлопотала по хозяйству, то выбѣгая въ стѣни раздуть самоваръ, то хлопая печной заслонкой и ловко дѣйствуя ухватомъ, то громыхая чайной посудой, которую на этотъ разъ она, сама не зная почему, какъ-то особенно неловко вынимала изъ шкафа.

Уже давно пали сумерки. Съ Волги тянуло запахомъ дегтя; въ растворенныя окна вривалась вечерняя свѣжесть; съ улицы доносились звонкіе голоса прохожихъ и тихій гамонъ разныхъ любопытныхъ, толпившихся у воротъ и оконъ дьячкова дома.

— А я-то сажу, да, увидѣвши тебя изъ окна, и не разобрать путемъ-то, да и думаю: что, моль, за офицеръ такой въ гору къ намъ подымается? А онъ, вонъ онъ какой офицеръ-отъ вышелъ! вонъ какой дорогой! весело бормоталъ Мартынычъ, засматривая сыну въ лицо.

— Да ты бы растегнулъ скрутчечекъ-отъ, Вайюша: жарко, поди, совѣтовала Лукинична. — Голубчикъ мой! вдругъ всхлипывала она, хватая сына за голову и прижимая къ своей груди.

— Полно, старуха, уговаривалъ Мартынычъ, правда, и сѣмь-сгоравшій желаніемъ обнять сына; — ты видишь, что человекъ съ дороги, усталъ... гдѣ бы накормить его да поскорѣе спать уложить, а ты тутъ со слезами своими...

— Ахъ, Мартынычъ! Да вѣдь пять годовъ... пять годовъ не видала: какъ тутъ не плакать? Легко ли пять-то годовъ материнскому сердцу, самъ ты посуди?

— Да ужь оно что вѣрно, те вѣрно, соглашался старикъ;— только все-таки маленько бы удерживаться надо, какъ-то робко процѣживалъ онъ сквозь зубы, все-таки опасаясь, чтобы въ самомъ дѣлѣ не надокучить сыну излишней любовью, излишней нѣжностью.

Лукинична, хоть и не съ охотою, но слушалась и уходила къ своимъ хозяйственнымъ занятіямъ.

— Баба, Ванюша, такъ-ли? спрашивалъ Мартынычъ, пристально смотря сыну въ глаза, какъ бы желая прочесть въ нихъ снисхожденіе къ матери.

— Мать... материнское сердце... любовь, едва пробормоталъ Ванюша, который и самъ, пожалуй, не прочь былъ разрыдаться отъ какого-то необъяснимаго, сладостнаго чувства, такъ и рванушагося наружу.

— Мать, мать! восторженно подхватилъ Мартынычъ.— Истинно, истинно, Ванничка, такъ! нѣсколько разъ повторилъ онъ, видя, что сынъ понимаетъ эти слезы и придаетъ наилучшее значеніе этимъ, можетъ быть, и дѣйствительно переливающимися черезъ край, материнскимъ ласкамъ.— Ахъ ты, неожиданная радость! Ахъ ты, золотой ты мой! засуетился старикъ, трепля Ванюшу по плечу.— Въ Питерѣ одежку-то справилъ? вдругъ повернулъ Мартынычъ.

— Какъ же, въ Петербургѣ.

— Какъ влита одежка-то, Ванничка.

— Да, ужь насчетъ платья тамъ мастера, замѣтилъ сынъ.

— Мастера, мастера, Ванничка, ей-богу, мастера! Хоть бы складочка гдѣ, ей-богу, хоть бы складочка! похваливалъ Мартынычъ, осматривая молодого лекаря со всѣхъ сторонъ.

Нѣсколько минутъ прошло въ молчаніи.

— Ну, а вы же какъ, батюшка, безъ меня тутъ поживали? спросилъ сынъ.

— Да какъ поживали? Все по прежнему, Ванюша, все по прежнему: какая же можетъ быть перемяна? Извѣстно, только тѣмъ и жили, объ томъ только и думали, что, молъ, привелъ бы Гос-

подъ увидѣть своего Ванюшу настоящимъ человѣкомъ, — а тогда хоть и въ могилу!

— Зачѣмъ же въ могилу? Еще мы съ вами, батюшка, проживемъ, да и не дурно-таки проживемъ! хлопнулъ сынъ отца по мозолистой ладони:

— Ужь гдѣ намъ, сыноекъ, тянуться за тобой... простымъ людямъ: не пара мы тебѣ... Ты вонъ... началъ было робко и спотыкаясь на каждомъ словѣ старикъ; но сынъ не далъ договорить ему и, крѣпко сжавъ въ своей рукѣ руку отца, притянулъ его ближе къ себѣ и мягко, ласково заговорилъ:

— Объ томъ, батюшка, кто изъ насъ выше и кто ниже, ни теперь, ни послѣ не должно быть и рѣчи! Вы — мой отецъ, она — моя мать, а я — вашъ сынъ; вы оба меня горячо любите — это я знаю, а я, въ свою очередь, не менѣе горячо люблю васъ — это вы должны знать; объ званіяхъ же, повторяю, между нами не можетъ быть и разговора! Прежде всего и на первомъ планѣ наши родственныя отношенія, котѣрыя насъ связываютъ неразрывно; званія же могутъ связывать или разлучать другихъ, постороннихъ между собою людей, но только не насъ: намъ нѣтъ до нихъ дѣла. Вы можете быть дьячекъ, пономарь, дьяконъ, — словомъ, что угодно, я — пожалуй, хоть генералъ; но никогда никакія званія не заставятъ меня любить васъ иначе, какъ моего отца, который своей заботой, своей любовью и своимъ добрымъ примѣромъ научилъ меня, поставилъ на ноги и первый вывелъ въ люди, то есть помогъ сдѣлаться чѣмъ нибудь. Чваниться титулами и званіями могутъ тѣ, у которыхъ кромя этихъ игрушекъ ничего больше нѣтъ; мои же чины и званія даны мнѣ за мои познанія, за мои труды, а трудиться я знать дали мнѣ силу вы, — слѣдовательно, безъ васъ съ матушкой я бы не былъ тѣмъ, чѣмъ я сдѣдался теперь. Поняли, батюшка?

— Понялъ, понялъ, торопливо забормоталъ Мартынычъ, думая про себя: „Господи! сколько ума и доброты въ этомъ человѣкѣ!“

— Слѣдовательно, объ званіяхъ больше ни слова? а?

— Да ужь будь по твоему; извѣстно, твоя воля...

— Нѣтъ, не моя воля, а и ваша... ва-а-ша...

— Ну, да ужь и моя, и моя, охотно согласился Мартынычъ и, ра-

достно потренивъ сына по плечу, побѣждалъ подѣлиться своими впечатлѣніями съ Лукиничной, возившейся въ сѣняхъ съ самоваромъ.

Иванъ Егорычъ, оставшись одинъ, принялся осматривать давно знакомую ему комнату.

Все ту же старую мебель увидѣлъ онъ: тотъ же столъ, колченогія стулья, шкафъ съ посудой и кожаный диванъ съ высокой деревянной спинкой, на которомъ спалъ онъ, бывши ученикомъ семинаріи. По стѣнамъ висѣли все тѣ же старыя знакомки картины: тотъ же фельдмаршалъ графъ Паскевичъ Эриванскій на конѣ, взлетѣвшемъ на воздухъ и какъ бы попирающемъ громады войскъ; тотъ же портретъ московскаго митрополита Платона, грубо и черно отпечатанный въ какой-то незатѣливой литографіи и потомъ окончательно отдѣланный даровыми нашими мастерами — мухами; то же сраженіе, съ подписью: „Наша взяла!“ изображающее двухъ русскихъ солдатъ, лежащихъ на брюхѣ и покуривающихъ трубки, спокойно глядя на несущіяся на нихъ турецкія полчища. Въ углу, направо, около двери, стояла неизмѣнная печь, около которой когда-то такъ любилъ тереться Иванъ Егорычъ, хватая съ едва вытасченной изъ печки сковороды горячіе блины и получая за то порядочныя-таки затрещины отъ матери. Въ божицѣ висѣло между образами нѣсколько давно-знакомыхъ пасхальныхъ яицъ, стояло четыре-пять высохшихъ въ камень кievскихъ, воронежскихъ и другихъ просфоръ и тутъ же лежала пачка какихъ-то, уже покрывшихся порядочнымъ слоемъ пыли, бумагъ: Иванъ Егорычъ ворохнулъ ихъ и увидѣлъ, что это были бережно сложенные его письма.

— Храню, храню... Всѣ тутъ до одинаго... Пуще собственнаго ока берегу, заформоталъ вошедшій Мартынычъ, увидя письма въ рукахъ сына, и широко растворилъ дверь: Матрена Лукинична внесла самоваръ.

Усѣлись за столъ. Хозяйка, какъ ожерельемъ, окружила самоваръ тарелками, блюдами и блюдцами съ разными вареньями, соленьями и печеньями; Мартынычъ вытаскивалъ откуда-то графинъ съ какою-то малиновой жидкостью.

— Ну-ка, Ванюша, съ прѣздомъ-то! подмигнулъ отецъ сыну, поднося дрожащею рукою рюмку.

Сынъ отстранилъ рюмку.

— Да ужь надо по порядку, сказалъ онъ; — хозяйкамъ начинать.

— Охъ, политикакъ! опять подмигнуть Мартынычъ. — Ну, дай Богъ и завсегда въ такой радости быть! перекрестился старикъ и аппетитно опорожниль рюмку. — Выпьешь, что-ли, старуха?

— Еще бы въ такой радостный день да не выпить. (Она взяла рюмку.) Съ прїѣздомъ, Ванюша, съ успѣхомъ въ дѣлахъ: тебѣ жить — не печалиться, а намъ, на тебя гляючи, радоваться. — А тебя, старый, съ сыномъ молодцомъ.

Выпилъ и Иванъ Егорычъ.

— Грибковъ, Ваничка: отгѣнные! угощала мать.

Ваничка попробовалъ и одобрилъ.

— Экое дѣло, экое дѣло важное сварилось, бормоталъ Мартынычъ; — у дьяка да такой сынъ, — вотъ и говори послѣ этого, что не по носу табакъ! Такъ-ли Ваня? а?

Ваня кивнулъ головой.

— А ужь и давно же, Ванюша, охъ, какъ давно не видѣлись мы съ тобой!

— Давненько-таки, батюшка.

— Да вотъ оно какъ давно, неустанно лепеталъ старикъ. — Вотъ цѣлитель-то Пантелеймонъ когда у насъ?.. вчера былъ, двадцать седьмого числа, — такъ вчѣра вотъ исполнилось ровно пять годовъ: день въ день пять годовъ, — на-ко-съ!

— Да полно тебѣ, старый, соловья-то баснями кормить, вдругъ прерывала соображенія Мартыныча Лукинична. — Ты бы, Ваничка, вотъ вареньица въ чай-то положилъ: сама варила.

Сынъ положилъ варенья.

— Вотъ рыбки-то маринованной поотвѣдай, Ваничка. — Что, хороша? любопытствовала Лукинична.

— Очень хороша! Отличная рыба! Просто — объяденье!

— Такъ про самого именитаго гостя и блюла. Это мнѣ одинъ купецъ подарилъ, я у него дочку принимала, — добрѣйшій человекъ! „Вотъ, говоритъ, тебѣ, старуха, за твои старанія: кушай, говоритъ, съ старикомъ со своимъ!“ А дочка-то, признаться, не больно-то удачлива вышла — уродецъ: и горбатая да и шестипалая, Богъ съ ней: такъ-то мнѣ, старухѣ, совѣстно было!.. А те

вотъ онамедни призвади меня тутъ чиновнику горшки накинуть, надорвался въ дракѣ, что-ли...

— Полно, полно, Лукинична, перебилъ словоохотливую старуху Мартыничъ. — Ну, песь ихъ возьми чиновниковъ — не трожь себѣ дерутся! — Мы вотъ лучше выпьемъ.

Круговая обошла еще разъ; всѣ повеселѣли.

— Ужь я, признаться, хотѣла добре тебя пожурить, шутя погрозила Ванѣ мать, подавая чай. — Охъ, ты!

— За что? Чѣмъ провинился?

— А за то, что мало писалъ... Ну, да ужь такъ и быть... жалко стало.

— Теперь нечего старое припомянуть, когда самъ тутъ, на лицо, замѣтилъ Иванъ Егорычъ, улыбаясь и глядя на отца.

— Глазъ тому вошь, кто старое-то помянетъ, говорить наша мужицкая пословица, ввернула Мартыничъ и громко засмѣялся. — А хорошо, братъ, Ванюша, ты письма-то писалъ, — ровно книга: читаешь, даже сладость какая-то. Мнѣ отецъ Алексѣй, — я каждый разъ носилъ ему твои письма, — этта какъ-то сказалъ, что, говорить, „супротивъ ивановыхъ писемъ никому не написать,“ — ей-богу, Ванюша!

— А ты пойдешь къ отцу Алексѣю на поклонъ? спросила Лукинична сына.

— Охъ, опять не дѣло завела ты, старуха! Зачѣмъ же ему идти кланяться отцу Алексѣю? тономъ человѣка, понимающаго всѣ общественные свѣчай и обычай, спросилъ Мартыничъ.

Старуха смолкла; Иванъ Егорычъ поспѣшилъ ей на помощь, увидя замѣшательство матери.

— Нѣтъ, я пойду къ отцу Алексѣю, потому что онъ всегда былъ добръ и внимателенъ ко мнѣ; я уважаю этого старика; я схожу поблагодарить его за прежнія ласки, проговорилъ онъ.

— Ну, вотъ это такъ, вотъ это такъ, одобрилъ Мартыничъ, который, признаться, и самъ колебался надъ разрѣшеніемъ мудренаго вопроса о томъ, идти или не идти къ протопопу, и какъ объ этомъ сказать сыну?

— А не легко, поди, Ванюша, тебѣ эта наука твоя далась? спросила мать. — Принялъ, чай, не мало ты изъ-за нее мученьевъ?

— Да, пришлось-таки побиться, пришлось... Ну, да что же легко-то дается, матушка? Мнѣ же и потому еще особенно труднѣе было, что приходилось въ одно и тоже время и учиться и добывать себѣ хлѣбъ: вотъ что особенно тяжело.

— А хоть бы слово объ этомъ, злодѣй, къ намъ пропипись. Развѣ такъ съ родителями-то поступаютъ? погрозилъ Мартынычъ.

— Зачѣмъ же я васъ буду разстроивать, когда я знаю, что все это рано или поздно перемелется, что я добыюсъ-таки свое.

— Такъ, такъ, Ваничка, такъ, сто разъ такъ! хлопнулъ кулакомъ по столу Мартынычъ. — Ужъ того горя не разныкаешь, тѣ бѣды не избудешь, съ которою въ люди пойдешь подѣлиться. Правду истинную сказалъ, сынокъ, правду! еще разъ хлопнулъ старикъ.

Затѣмъ разговорились о бѣдненькомъ хозяйствѣ стариковъ, о собѣдяхъ, знакомыхъ, о родившихся и умершихъ, и проч. и проч. Старики на перебой сообщали сыну разныя маленькія новости, лутаясь, поправляясь, сбиваясь и оспаривая одинъ другого: такъ Мартынычъ перепутаетъ число и мѣсяцъ какого нибудь происшествія и, пойманный женою, на нѣкоторое время уступаетъ ей продолженіе разсказа, чтобы, въ свою очередь, оправившись, подстерожить и поймать ее и такимъ образомъ перехватить разсказъ въ свои руки; тутъ Лукинична ни съ того начнетъ или не ту подробность разскажетъ прежде или послѣ — Мартынычъ ловить, а потомъ, смотришь, опять спутается самъ — Лукинична ловить его, и т. д. и т. д. Иванъ Егорычъ съ одинаковымъ удовольствіемъ слушаетъ и того и другого; ему дѣлается — онъ это чувствуетъ — все легче, все пріятнѣе; какъ-то мягче, добрѣе, сердечнѣе становится онъ среди этихъ незлобивыхъ душъ, слушая ихъ подчасъ далеко невеселые разсказы. Съ ними онъ забываетъ тѣ чудовищныя трещки, которыя, властной рукою, задавала ему жизнь еще такъ недавно, въ послѣднія пять лѣтъ, и, воодушевившись, сначала самъ припоминаетъ разныя свои дѣтскія дурачества и слѣдовавшія за ними маленькія домашнія потасовки, припоминаетъ знакомства, встрѣчи, смѣшныя семинарскія продѣлки, а потомъ мало-по-малу выдерживаетъ даже эпизоды и изъ своей недалекой студенческой жизни. Этихъ двухъ-трехъ эпизодовъ, какъ оказалось, только и ждали старики.

— Э-э! Постой, постой, злодѣй! разбойникъ ты этакой! возопилъ Мартынычъ. — Такъ ты вотъ какъ! Ты все это скрывалъ отъ насъ! Ты вотъ какой хитрый!

— Да ужъ проговорился, такъ нечего. дѣлать, засмѣялся сынъ.

— Нѣтъ, ужъ теперь проговаривайся до конца. Нѣтъ, ужъ — шабашъ! чтò есть въ нечи, все на столъ мечи!

— Все, все, Ванюшка, все вытрясай! присоединилась къ старику Лукьянична.

— Нѣтъ, этакъ братъ не дѣлають, — весело забормоталъ Мартынычъ; — изъ насъ, стариковъ, все нутро вытянулъ, а самъ булькнулъ слово-другое да и въ кусты; — нѣтъ, погоди, не уйдешь.

Иванъ Егорычъ, разумѣется, не упорствовалъ, потому что онъ самъ чувствовалъ потребность подѣлиться съ стариками впечатлѣніями послѣднихъ пяти лѣтъ своей жизни, чтобы окончательно связать себя, этого новаго сына — лекаря — съ прежнимъ Ваней, Ванюшкой, ученикомъ желтогорской семинаріи, такъ хорошо извѣстнымъ имъ.

— Ну, рассказывать вамъ о томъ, какъ я поѣхалъ и доѣхалъ до Москвы, — началъ Иванъ Егорычъ свои признанія, — полагаю, нечего; — все это вы знаете изъ первыхъ моихъ писемъ; не стоитъ даже рассказывать и о томъ, какъ я выдержалъ пріемный экзамень — объ этомъ тоже я писалъ вамъ; слѣдовательно прямо начну съ того, какъ я сталъ поживать, уже поступивши въ студенты.

— Сейчасъ, сейчасъ, Ванюша, перебилъ Мартынычъ и, очистивъ носъ, пустилъ въ него громоподобную понюшку. — Ну, теперь готовъ: отваливай!

— Ну-ка, Господи благословя, Ванюша! во всѣ глаза уставилась на сына мать.

— Сначала, покуда я ничего не зналъ, нанялъ я себѣ комнату на Прѣснѣ — такая часть города — за четыре рубля въ мѣсяцъ: дорогонько, думаю, ну, да какънибудь мѣсяцъ протерплю, покуда не найду кого нибудь, съ кѣмъ можно бы жить вмѣстѣ. Сталъ я оттуда ходить въ университетъ; отъ платы за слушаніе лекцій меня освободили. Дѣло ужъ это, надо вамъ сказать, было

въ началѣ сентября; денегъ, какія я скопилъ здѣсь да повезъ съ собою, оставалось всего-на-всего рублей тридцать, ни впереди, ни назади покуда ничего не видно. Однако я не сробѣлъ: хожу на лекціи, учусь дома, прислушиваюсь, не навернется ли откуда уро-чичко какой. Тутъ скоро я познакомился съ двумя студентами, оказались тоже кутейники, такіе же голыши, какъ и я, но на-родъ хорошій, умный, работающій; порѣшили мы сбиться въ кучу— вмѣстѣ жить. Наняли мы комнату уже въ другой части города, на Козихѣ, за девять рублей серебромъ: диванъ, столъ—въ ма-натѣ-то — двѣ кровати, четыре стула; одежонку, какая лишняя была, да обѣльишко въ чемоданахъ держали; обѣдать ходили къ бабѣ тамъ одной: щи, каша, говядины кусокъ, хлѣба сколько хо-чешь, только съ собой не брать, по праздникамъ пирогъ,— по три съ полтиной платили за обѣдъ.

— Эка, безстыжая, какъ драла-то она съ васъ, ввернула Лу-кинична, всплеснувъ руками.

— Какое драла, матушка. Это по Москвѣ самый дешевый обѣдъ: тамъ другіе-то вонъ по десяти рублей деруть.

— Это въ мѣсяцъ?!

— Въ мѣсяцъ.

— Погоди, старуха, не перебивай. Ну что ты можешь объ столи-цѣ понимать? остановилъ Лукиничну Мартынычъ. — Такъ какъ же, сынокъ, дальше-то?

— Ну, вотъ и живемъ мы втроемъ мѣсяцъ, другой; наконецъ, влохо стало намъ приходится: деньжонки у всѣхъ на исходѣ, а получки не видятся. Надумали мы перемѣнить квартиру—дорога. Наняли тутъ мы маленькую такую комнатку, тамъ же на Кози-хѣ, за четыре рубля въ мѣсяцъ: въ этой ужъ и мебели-то всей было столъ да три стула, больше и поставить некуда. Обѣдъ пе-рестали брать—не по карману: такъ въ сухомятку поѣшь чего, а то такъ чаю съ хлѣбомъ напѣешься — вотъ и сытъ! А между тѣмъ все нѣтъ никакой работы — хоть околѣвай! Такъ прошелъ еще мѣсяцъ, и пришлось намъ до того туго, хоть въ петлю: хо-зайка за квартиру требуетъ; а взять негдѣ. Дѣлать нечего, со-брали мы кое-какіе свои пожитки, снесли въ залогъ, расплатились. Какъ расплатились, такъ хозяйка-то на радостяхъ и напони, —

прежде-то она насъ все холодомъ душила, — и угорѣли мы тутъ такъ, что чуть не перемерли. По стѣнамъ, глядимъ, послѣ топкито сырость пошла, съ окошка ручьи побѣжали, — просто жить нельзя. Пережвнить бы комнату, — а съ чѣмъ выѣдешь? Дѣлать нечего, остались тутъ, валяемся на сыромъ полу, подвинувши подъ себя послѣднюю одежку. И сдружила насъ въ ту пору нужда такъ, что лучше братьевъ родныхъ мы жили промежъ себя. Вплоть до самаго зимняго Никола этакъ-то мы бѣдствовали: все, что было мало-мальски лишняго изъ платьишка, заложили, либо продали, сапожонками обносились, бѣлье стирать отдавать не на что, ужъ не только обѣдать, а иной день и хлѣба-то крошки въ ротъ не попадетъ, обовшивѣли всѣ отъ нечистоты да отъ голода, чуть не плачемъ сидимъ, глядя одинъ на другого...

Разсказчикъ, что-то припоминая, на секунду остановился; Лукинична молча проглотила слезы, Мартыничъ украдкой потянулъ въ носъ табакъ.

— Только на самый Николинъ день прослышали мы, что нужны одному тамъ господину писаря хорошіе, что работы-де у него хоть двѣсти, хоть триста, хоть четыреста листовъ, были бы только работники хорошіе, — прослышали мы это, да къ нему... Посмотрѣлъ, почеркъ у насъ у всѣхъ отличный, порядилъ онъ насъ по тридцати копѣекъ съ листа, — и пошли мы махать! Какъ зашѣли въ три-то руки, такъ такъ закипѣла работа, что держись только! Да еще плохо было то, что, какъ нарочно, тутъ репетиціи подошли, готовиться нужно было, да непремѣнно въ университетъ ходить, а то бы еще не этакъ дѣло-то у насъ пошло. Впрочемъ, мы тогда какъ-то ухитрились такъ, что не спали по ночамъ: иной разъ рубля два, а то еще съ залишкомъ въ ночь-то наработаешь... Ну, тутъ ужъ мы поправились! Такъ поправились, что платье, какое было заложено, выкупили, обѣдать опять стали, понакупили себѣ сапожонковъ, вымылись, вычистились и стали молодцы хоть куда! А праздникъ-то рождества мы тутъ встрѣтили ужъ просто на славу: такого поросенка съ кашей намъ хозяйка зажарила, что до сихъ поръ слюнки текутъ, какъ вспомню!

— Ахъ вы головушки побѣдныя! не утерпѣла-таки Лукинична.

— Постой, постой, старуха. — Ну, ну, Ванюша.

— Ну, скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается... Работалъ я этому господину мѣсяца два, а потомъ отсталъ: урокъ мнѣ подыскался, у одного купца сынишку учить; по десяти рублей въ мѣсяцъ, каждый день ходить. Оно бы, пожалуй, и ничего — десять-то рублей на улицѣ не найдешь — да ужь очень далеко было ходить, съ Козихи-то да въ Рогожскую часть, гдѣ жилъ купецъ: верстъ семь-восемь будетъ, а въ два-то конца верстъ пятнадцать. Однако дѣлать было нечего, и то слава Богу! Впрочемъ, купецъ-то попался добрый: то табачку мнѣ подарить, то чаю, не въ счетъ жалованья, четверку дать, сахару фунта три, — ничего былъ мужикъ... Этакимъ-то манеромъ подкатило дѣло къ экзаменамъ; сдалъ я ихъ отлично, товарищи мои тоже. Пришли каникулы; имъ ѣхать некуда, да и не-на-что, мнѣ также, кромѣ того — у нихъ переписка кончилась, и остался на всѣхъ на троихъ одинъ мой урокъ. Перебрались мы въ Рогожскую часть, чтобы мнѣ поближе ходить было; наняли тутъ комнату за три съ четвертакомъ, трепещая кое-какъ, впроголодь на десять рублей да на купцовы подачки. Только, надо вамъ сказать, былъ у одного изъ этихъ моихъ товарищей отличнѣйшій теноръ; такъ какъ во время каникулъ дѣлать нечего, сталъ онъ ходить въ церковь пѣть на клиросѣ. И полюбился онъ тутъ протопопу; зазвалъ тотъ его къ себѣ, обласкалъ, разговорился, то да се, другое да третье — поправился нашъ малый протопопу: на требы тотъ началъ его съ собою брать, деньжонокъ гдѣ два, гдѣ три рублишка дать, то подарить, другое за работу, — ничего-таки стало намъ жить съ этимъ подспорьемъ. Этакъ-то вотъ, потихоньку да помаленьку, дожили мы до самаго конца августа; а тутъ опять пришло дѣло къ лекціямъ, къ ученью — перебрались на Козиху. Первые мѣсяца два прожили кое-какъ, съ грѣхомъ пополамъ, но дальше ужь очень жутко пришлось, потому что пришли холода, а одежда у насъ развалилась, обувь тоже, не только что новой справить, починить даже не на что, — совсѣмъ скверно стало жить, особенно впроголодь-то. Такъ бились мы, какъ и въ прошедшемъ году, опять до декабря мѣсяца: тутъ подали прошенія о допущеніи насъ къ экзамену на стипендіи.

— Какъ ты сказалъ, Ванюша, я не дослышалъ? перебилъ Мартынычъ, настороживъ уши.

— Стипендія.

— Это что же такое?

— А это жалованье такое, которое даютъ ежемѣсячно до окончанія курса лучшимъ студентамъ съ тѣмъ, чтобы они потомъ отслужили казнѣ извѣстные годы за это жалованье.

— Такъ, такъ, понялъ.—Ну?

— Ну пришло время—подали. Только и тутъ мнѣ не повезло. Занимался ли ужь я очень много, или жизнь что-ли скверная сильно меня разпатала, не могу объяснить; знаю только, что приготовился я отлично, но когда вышелъ и взялъ билетъ, то словно бы меня кто обухомъ по головѣ ударилъ: не могу сообразить съ чего начать, да и баста! А профессоръ попалъ человекъ нетерпѣливый, сталъ торопить меня, упрекать тѣмъ, что я подаю прошеніе, а самъ не умѣю даже слова путемъ сказать,—ну и зарѣзалъ совѣмъ! Я такъ оторопѣлъ и растерялся, что у меня даже закружилась голова, и, чтобы не упасть, я придерживался рукою за стулъ, который стоялъ тутъ же, около. Это совѣмъ взорвало экзаменатора. „Вы бы прежде, сказали онъ мнѣ, выучились держать себя, а потомъ ужь и просили стипендію“,—да и поставилъ скверную отмѣтку. Такъ все и допнуло, какъ мыльный пузырь! Товарищи мои, тѣ оба выдержали, оба получили стипендію. Эта неудача такъ поразила меня, что я захворалъ и цѣлѣхъ два мѣсяца пролежалъ въ больницѣ.

— Ахъ ты, мученикъ! горемычная ты головушка! не выдержала, наконецъ, и разразилась рыданіями мать, схвативши сына за голову и осыпая поцѣлѣями.

— Да, послалъ Господь испытаній, послалъ, проговорилъ Мартынычъ.

— Теперь, матушка, горевать нечего, съ улыбкой замѣтилъ Иванъ Егорычъ;—слава Богу, что прошло все благополучно.

— Ну, ну, старуха, полно: поплакала, отвела душу, ну и полно, уговаривалъ Лукиничу мужъ.

— Да отчего ты намъ обо всемъ этомъ прежде не прописалъ? плача, пеньяла сыну мать. — Развѣ можно родителямъ о своемъ дѣтищѣ неизвѣстнымъ быть, когда оно этакъ мучается. Да развѣ

бы, кабы знать-то, развѣ можно было отпустить тебя на такую жизнь, причитывала старуха.

— Э, полно, полно врать-то. старая. — Вотъ за это, Ванюша. и не люблю я бабъ, обратился Мартынычъ къ сыну; — же точно она настоящее-то горе или радость оплачетъ, старину-то всю подыметъ, да и ту тѣмъ же манеромъ обнюннать!

— Ничего, ничего, теперь дальше веселѣе пойдетъ, матушка, утѣшалъ Иванъ Егорычъ Лукиничу.

— А ну, веселенькаго, Ванюша! подмигнулъ старикъ.

— Веселье тутъ, по выходѣ изъ больницы, сейчасъ же мнѣ пришло. Во-первыхъ, какъ увидѣлъ я, что товарищи мои получили стипендіи и живутъ порядочно, то есть одѣты, обуты, сыты, здоровы, довольны, — вотъ и веселье; а, во-вторыхъ, когда я пришелъ къ купцу, у котораго сына-то училъ, онъ мнѣ сначала поненялъ за то, что я не извѣстилъ его о своей болѣзни, а потомъ объявилъ, что отрекомендовалъ меня на такой урокъ, на которомъ мнѣ дадутъ тридцать рублей въ мѣсяцъ, готовую квартиру, обѣдъ, чай и проч.; но съ тѣмъ только, говорить, чтобы я продолжалъ учить его сына. Разумѣется, я поблагодарилъ этого добраго человѣка, какъ только умѣлъ, и съ этихъ поръ зажилъ припѣваючи. Тутъ, сытый, одѣтый, въ чистой, свѣтлой и теплой комнатѣ, взамѣнъ прежней свиной закуты, я черезъ нѣсколько же дней почувствовалъ, какъ я ожилъ, окрѣпъ, даже положительно поумнѣлъ. Накупилъ я себѣ книгъ, сталъ заниматься настоящимъ образомъ, а не урывками, какъ прежде, и скоро такъ полюбилъ свое дѣло, что, не хвастаясь, могу сказать — былъ въ третьемъ и четвертомъ курсахъ лучшимъ студентомъ.

— Ага! радостно воскликнулъ Мартынычъ.

— Я это все безъ похвалы говорю, еще разъ замѣтилъ Иванъ Егорычъ и затѣмъ продолжалъ свой рассказъ. — Лѣтомъ, когда я уже выдержалъ экзамень изъ четвертаго курса въ пятый, вдругъ тотъ господинъ, у котораго я жилъ теперь и училъ дѣтей, сообщаетъ мнѣ, что онъ долженъ переѣхать на житье въ Петербургъ; но такъ какъ, говорить, ему не хотѣлось бы разстаться со мной, то не пожелаю ли и я перейти въ тамошнюю медицинскую академію, отчего, дескать, едва ли я потеряю чтонибудь. Я по-

думалъ, подумалъ, да и рѣшился. Но тутъ, разумѣется, я сдѣлалъ порядочный-таки промахъ, потому что въ московскомъ-то университетѣ я бы кончилъ курсъ блестящимъ образомъ, а здѣсь мнѣ было это уже трудно, потому—другая совсѣмъ манера ученья-то. Ну, да это ничего; я не тужу: еще будетъ время, поправлю и это.

— Ну, а дальше-то какъ, Ванюшка? любопытствовалъ Мартынычъ.

— Дальше ужъ и все... кончилъ курсъ, получилъ дипломъ, получилъ мѣсто батальоннаго врача, а затѣмъ и пріѣхалъ къ вамъ.

— Въ нашемъ городѣ мѣсто-то? спросила мать.

— Нѣтъ, не здѣсь.

— Какже такъ? чуть не вскрикнула Лукинична.

— Не бойтесь, матушка, не разстанемся. Мы еще объ этомъ поговоримъ, еще обсудимъ все.

— Извѣстно, чего тутъ торопиться, подтвердилъ Мартынычъ.

— Да ты бы, Ванюша, вотъ хлѣбца-то съ масломъ покушалъ: проголодался, поди, подсовывала мать тарелки.— Или вотъ грибовъ—давеча говорилъ: нравятся.

— Покорно благодарю, матушка, сытъ по горло.—Эге-ге! посмотрѣвъ на часы, удивился Иванъ Егорычъ;—двѣнадцатый часъ!

— Ой, батюшки! Да тебѣ спать пора! засуетился Мартынычъ.

— Мнѣ-то ничего; вотъ вы-то, я думаю, давно ужъ хотите.

— Какъ тебѣ ничего... какъ ничего, продолжалъ суетиться Мартынычъ, убирая со стола.—Человѣкъ съ дороги.... человѣкъ усталъ.... а тутъ двѣнадцатый часъ, — бѣгалъ старикъ то отъ шкафа, то къ шкафу; Лукинична помогала ему: — Шуточное-ли дѣло.... этакъ.... двѣнадцатый часъ.... человѣкъ съ дороги.... человѣку покой нуженъ.... для родного сына.... вотъ одурѣли на старости,—уже безсвязно бормоталъ онъ.

Въ минуту со стола все было убрано и такъ же скоро на давно знакомомъ Ивану Егорычу диванъ была постлана постель для него. Старики расцѣловались съ сыномъ и на цыпочкахъ вышли изъ зала въ свою комнату. Иванъ Егорычъ раздѣлся, потушилъ свѣчку и легъ. Черезъ нѣсколько времени онъ услышалъ шепотъ въ комнатѣ стариковъ: они совѣщались о чемъ-то: „Да спроси!“ шепталъ Мартынычъ; старуха только кашляла въ отвѣтъ. „Спроси,

говорять!“ наставлялъ старикъ. „Боюсь потревожить“, шептала Лукнична. „Дура!“ выругался Мартынычъ. Наконецъ, дверь пріотворилась и въ нее высунулась голова старухи, рѣшившейся потревожить сына.

— Ванюша! окликнула она.

— Что, матушка?

— Спишь?

— Нѣтъ еще.

— Не будешь ли ты завтра парное молоко пить?

— Да вѣдь это рано очень, матушка?

— Въ пятомъ часу, какъ коровушку въ стадо погоню.

— Нѣтъ, покорно благодарю, матушка: слишкомъ рано.

— Ну, какъ знаешь. Я думала: не привыченъ ли, такъ сиротить, моль, можетъ пожелаетъ.

— Нѣтъ, покорно благодарю.

— Ну, спи себѣ съ Богомъ.

Старушка тихонько затворила дверь и скрылась. Минуть черезъ пять нашъ пріѣзжій уже спалъ богатырскимъ сномъ.

Долго счастливые старики не могли заснуть въ эту ночь. Лукнична даже нѣсколько разъ принималась плакать отъ радости, и только боязнь разбудить сына удерживала ее отъ громкихъ рыданій; наконецъ, она заснула-таки. Увидѣвши супругу спящею, Мартынычъ не вытерпѣлъ, чтобы не посмотрѣть еще разъ на сына. Тихо спустился онъ съ кровати, какъ тать безъ малѣйшаго скрипа и стука отворилъ дверь, на цыпочкахъ подкрался къ дивану и долго, долго стоялъ, какъ окаменѣлый, затаивъ даже дыханье: по щекамъ его ручьемъ бѣжали радостныя слезы.... Затѣмъ онъ такъ же чуть слышно приблизился къ божницѣ и, придерживаясь за столъ, тихо опустился на колѣни:—онъ былъ безмѣрно счастливъ!

Михаилъ Вороновъ.

ИСТОРИЯ ОДНОГО ТОВАРИЩЕСТВА.

РОМАНЪ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

I.

Дня черезъ три, подъ вечеръ, Матросовъ опять явился къ Филиппу. На этотъ разъ Петръ Васильичъ смотрѣлъ такимъ серьезнымъ и озабоченнымъ, лицо у него казалось такимъ вытянутымъ, а брови такъ высоко и круто изогнулись надъ глазами, что Филиппъ невольно подумалъ: должно быть дѣло плохо.

— Вотъ, братъ, озабоченно сказалъ Матросовъ, сунувъ на столъ черный, туго набитый бумажникъ; возьми пожалуйста.

— Это что же такое? озадаченно спросилъ Филиппъ.

— Деньги, братъ, задумчиво отвѣчалъ Матросовъ, отирая потъ съ лица. Полторы тысячи; и еще бумажникъ дали; говорятъ, счастливый.

— Да неужели въ самомъ дѣлѣ? недовѣрчиво и почти съ упрекомъ спросилъ Филиппъ, начиная подозрѣвать, что Матросовъ издѣвается надъ нимъ.

Онъ рассчитывалъ, что если бы и нашлись такіе храбрые люди, которые рискнули бы дать деньги товариществу голяковъ, ничѣмъ не обезпеченныхъ, никому неизвѣстныхъ, то въ самомъ лучшемъ случаѣ дѣло не обошлось бы безъ долгихъ переговоровъ,

справокъ насчетъ положенія поручителей и, вѣроятно, требова- ній болѣе надежныхъ обезпеченій; а тутъ вонъ что: въ три дня все кончено! Но Матросовъ казался еще болѣе поражен- нымъ. Онъ высоко вздернулъ плечи и поднялъ глаза къ небу.

— Получилъ! отвѣчалъ онъ разводя руками и такимъ то- номъ, какъ будто бы окончательно недоумѣвалъ, какъ могло все это случиться. Ты ужь пожалуйста возьми ихъ, озабоченно обратился онъ къ Филиппу. Давно ли онѣ у меня въ рукахъ? Полчаса, часъ, не больше, а онѣ, что называется, вытянули изъ меня всю душу. Думаю: въ боковой карманъ положить — такъ выпадутъ, если забудусь и нагнусь зачѣмъ нибудь; въ этотъ положить, такъ вытаскать пожалуй или вмѣстѣ съ платкомъ самъ вытащу, да уроню... Наконецъ положилъ сюда, въ панталоны, и всю дорогу рукой ихъ придерживалъ, всю дорогу объ нихъ проклятыхъ думалъ... Нѣтъ, Богъ съ ними. Всегда я былъ въ нѣкоторомъ родѣ «Вальтеръ Голякъ», такъ не привыкъ съ такими капиталами обращаться. Возьми, голубчикъ, а я пожалуй еще потеряю, да на всѣхъ насъ петлю затыну, собственные свои сѣдины стыдомъ и отчаяніемъ покрою... Я и такъ уже въ ужасъ пришелъ и даже поблѣднѣлъ, когда мнѣ дали эти деньги, и даже хотѣлъ бѣжать. Что, думаю, какъ прогоримъ мы, обан- крутимся, не возвратимъ эти деньги? Справимся ли мы, голуб- чикъ Филъ?.. Выплатимъ ли этотъ долгъ? А? озабоченно спра- шивалъ онъ, принявъ самый серьезный и дѣловой видъ.

— Отчего же? Развѣ придетъ холера и умремъ всѣ... Да и то магазинъ останется...

— А какъ магазинъ сгорить?..

— Можно застраховать...

Матросовъ вздохнулъ.

— Такъ ты думаешь выплатимъ? А?

— Если не померемъ всѣ, такъ выплатимъ, я думаю. Съ сегодняшняго же дня всѣ усилія къ этому направимъ; всѣ излишки, какіе у насъ будутъ оставаться, будемъ употреблять на уплату долга. А тамъ, въ скоромъ времени, когда ты откроешь, наконецъ, свой магазинъ, дѣло пойдетъ и еще быстрее.

— Да, поскорѣе, поскорѣе бы надобно, заторопидся Матро- совъ, поспѣшно засовывая свой платокъ обратно въ карманъ.

Вотъ теперь нужно бы насчетъ разрѣшенія и прочаго... А открыть его я полагалъ бы, не на мое, не на твое имя, нѣтъ, а на имя... Анна Романовна дома находится? спросилъ онъ, вдругъ спохватившись. Дома? Здѣсь?

— Ну, слава Богу, продолжалъ онъ, когда Филиппъ увѣрилъ его, что Анны Романовны нѣтъ дома; одно воспоминаше о ней ложится надо мной, какъ черная туча надъ кораблемъ, которому она угрожаетъ бурей и гибелью. Чортъ знаетъ, что это за страшная старушка! прибавилъ онъ и понизилъ голосъ. Филиппъ горько усмѣхнулся.

— Повимаю, понимаю твое положеніе, Филь. Нынче къ тебѣ никому ходить не слѣдуетъ и говорить тебѣ не слѣдуетъ иначе, какъ шопотомъ, на ушко. Грустно, грустно, голубчикъ, но все-таки имѣй терпѣніе: что станешь дѣлать?..

— Ну, такъ на чье же имя? прервалъ его Филиппъ.

— Да; такъ вотъ этихъ-то и подобныхъ старушекъ обоего пола я и имѣю въ виду, когда говорю, что не слѣдуетъ открывать магазинъ на твое или мое имя. Самъ ты говоришь, что кто-то пронюхалъ уже или подслушалъ, что между нами устроено какое-то товарищество, общество, даже тайное общество, понимаешь-ли? Вѣдь объ этомъ таинственномъ товариществѣ или обществѣ въ скоромъ времени узнаетъ весь городъ. Вѣдь изъ этого товарищества всѣ наши почтенныя старушки создадутъ, непременно создадутъ какое нибудь пугало, какой нибудь страшный призракъ, однимъ словомъ, нѣчто ужасное и богопротивное. Нѣтъ, чортъ ихъ возьми, голубчикъ; — дудки имъ! Я вовсе не хочу, чтобы изъ за ихъ невинной болтовни вашъ магазинъ сдѣлался сомнительнымъ, наши деньги пропали, наши дѣла разстроились и мы, наконецъ, покрыли бы свои головы стыдомъ и отчаяніемъ. Во все я не этого хочу; пускай лучше магазинъ будетъ подъ фирмой Ивана Федоровича Тихонова, который самъ въ своемъ родѣ почтенная старушка. Пускай его тронуть, пускай! Это тотъ самый Иванъ Федорычъ, что въ «Пристанн» съ тобой познакомился, спрашивалъ тебя, можетъ ли онъ кого нибудь убить и хотѣлъ отдать шарманщикъ свой сюртукъ. Онъ, ты видѣлъ, человекъ почтенный и мнѣ пріятель. Ну, разумѣется, мы съ нимъ и условіе заключимъ на

всякій случай, тѣмъ болѣе, что онъ апоплексіи подверженъ. Ты какъ объ этомъ разсуждаешь?

— Чтожь, это ничему не помѣшаетъ, согласился Филиппъ.

— Именно. А пользу, между тѣмъ, можетъ при случаѣ принести большую, весьма большую, я полагаю. Чортъ вѣдь ихъ знаетъ, что теперь говорятъ о нашемъ товариществѣ, если ужь въ самомъ дѣлѣ до того дошло, что явились таинственные незнакомцы, которые шляются подъ окнами и подсматриваютъ...

— И что всего досаднѣе для меня, съ волненіемъ прервалъ его Филиппъ, отвернувшись и вставъ съ своего мѣста, такъ это то, что всѣ непріятности, всѣ сплетни, какія могутъ быть по поводу нашего товарищества, исходятъ отсюда, не изъ какого другого источника, какъ изъ этого дома. Вѣдь до нѣкоторой степени я виноватъ, что не остерегся и не предостерегъ другихъ, чтобы приходя ко мнѣ, говорили потише...

— Эхъ, ну! ты ужь и огорчился! успокоивалъ его Матросовъ. Ты ужь и опять волноваться началъ! А, можетъ быть, никакихъ такихъ сплетень и не выходило отсюда. Можетъ быть, все это пустяки; и таинственный незнакомецъ не имѣлъ, можетъ быть, никакихъ преступныхъ намѣреній, кромѣ развѣ невиннаго желанія при случаѣ стянуть какую нибудь серебряную ложку.

— Во всякомъ случаѣ мнѣ теперь нельзя принимать у себя своихъ знакомыхъ, а если и можно принимать, такъ говорить съ ними нельзя, не безопасно...

— Эхъ! Все это страхи твоей фантазіи, мой другъ. Имѣй въ виду то, что если ты поступишь, какъ блудный сынъ, и покинешь этотъ священный для тебя домъ, тогда еще хуже будетъ, тогда на тебя со всѣхъ сторонъ падутъ громы и молніи, тогда начнется уже открытая, беспощадная война. Вотъ вѣдь что!..

Онъ опять отеръ платкомъ свой лобъ и покосился на бумажникъ, лежавшій на столѣ.

— Но неужели же, Филь, я въ самомъ дѣлѣ буду хозяиномъ этого магазина? А? Я вѣдь, прежде, чѣмъ къ тебѣ пойти, зашелъ къ Мочалову, хотѣлъ ему всучить эту обузу, — пускай бы и онъ въ свою очередь узналъ, что значить имѣть такую кучу денегъ въ своемъ карманѣ. Чтожь ты думаешь? Онъ вѣдь

прогналъ меня... И вообще, я тебѣ скажу, съ тѣмъ поръ, какъ мнѣ всучили въ руки этотъ проклятый черный бумажникъ, отъ меня всѣ мои знакомые отрекаются. Чѣмъ ты это можешь объяснить? Право отрекаются! Зашелъ я по дорогѣ къ той богатой купчихѣ, на которой все намѣреваюсь жениться, рассказавъ ей, что деньги получилъ, что съ этихъ поръ въ судьбѣ моей долженъ произойти переворотъ къ лучшему и такъ далѣе... Чтожъ, ты думаешь, она? Очень, говоритъ, рада; желаетъ мнѣ всякаго успѣха и благополучія. Потому что-то такое заговорила о себѣ... что-то такое мало понятное: что она капризная, неблагодарная, не умѣетъ цѣнить своихъ друзей... Затѣмъ, наконецъ, все въ томъ же неудобопонятномъ родѣ, договорилась до того, что характеры наши слишкомъ разные, что слѣдовательно и дороги наши должны быть различны. Ты, значитъ, направо, а я налево, заключилъ онъ, ткнувъ рукой направо и налево.

Чѣмъ дальше онъ рассказывалъ о своемъ свиданіи съ богатой купчихой, на которой намѣревался жениться, тѣмъ пасмурнѣе становилось его лицо. Когда же онъ окончилъ свой рассказъ, тогда облокотился на колѣни, опустилъ голову на руки и погрузился въ печальное раздумье. Глядя на его разстроенное лицо, Филиппъ пожалъ плечами.

— Скажи мнѣ наконецъ, какъ мнѣ тебя понимать? спросилъ онъ. Есть сколько нибудь правды въ твоихъ воздыханіяхъ объ этой таинственной купчихѣ или же ты все врешь, отъ первого слова до послѣдняго?

— Чего тутъ тебѣ понимать, когда я самъ ничего не знаю и не понимаю, проворчалъ Матросовъ, отмахнувшись отъ него одной рукой и забросивъ назадъ свѣсившіеся внизъ волосы— другой. Вотъ тоже и Мочаловъ, какъ видно, усмотрѣлъ какіе-то различныя для насъ пути. Сначала еще ничего, хотя все-таки замѣтно было, что онъ вовсе не радъ моему посѣщенію; а потомъ, когда я попробовалъ сунуть ему деньги, онъ взялъ меня за плечи, повернулъ и выпроводилъ. Злой какой-то, блѣдный, и шипитъ и хрипитъ въ разговорѣ, яду всякаго подпускаетъ. А впрочемъ, говорить, не хочешь ли, я эти деньги пушу сегодня въ выгодный, хотя и рискованный оборотъ... Не хочешь ли,

говорить, я ихъ сегодня же поставлю на карту? Конечно, говорить, можетъ быть и обанкрутятся; а можетъ быть и богачами сдѣлаемся. Тогда, говорить, я разомъ поправлюсь, на ноги стану, вылечусь и прочее... Не хочешь ли, не хочешь ли? присталь. А не хочешь, говорить, такъ и убирайся. Ну, я и ушелъ... Чортъ знаетъ что такое... И ты не намѣреваешься ли прогнать меня, что все на часы посматриваешь?

Филиппъ признался, что онъ дѣйствительно собирается оставить его и съѣздить къ Зоѣ

— Ну, и отлично, равнодушно сказала Матросовъ. Вѣстѣ поѣдомъ. Барканцевъ уже разъ десять приглашалъ меня на свой заводъ. Отправимся. А деньги-то, деньги-то куда бы намъ прятать? Чуетъ мое сердце, что я изъ-за нихъ пушу себя пулю въ лобъ, чуетъ оно. Отправимся, голубчикъ, поймаемъ какогонибудь возницу и покатымъ себя среди полей, среди «безрезонекъ съ кудрявыми косами»...

— Вотъ здѣсь есть славная квартира, замѣтилъ Филиппъ, когда они проѣзжали мимо одного хорошенькаго небольшого домика съ мезониномъ, изъ-за котораго зеленѣли вершины деревьевъ. Внизу двѣ комнатки, хорошо меблированныя, ходъ съ улицы, а на дворѣ подъ окнами садикъ. Хорошенькая, соблазнительная для меня квартирка.

Матросовъ упорно смотрѣлъ въ противоположную сторону и, казалось, не намѣренъ былъ ни вступать въ разговоръ объ этомъ предметѣ, ни даже обращать на него вниманія.

— По правдѣ сказать, заговорилъ онъ, когда они уже выѣхали за городъ, мнѣ вовсе не особенно желательно повидать господина Барканцева или супругу его, — нѣтъ, мнѣ только бы къ комунибудь приткнуться, поболтать съ кѣмънибудь, посидѣть около когонибудь, хоть бы около тебя, на примѣръ. Знаешь, какъ иногда въ виду какойнибудь бѣды, собака трется поближе къ человѣку, становится нѣкоторымъ образомъ подъ его защиту? Ну, такъ и для меня бываютъ иногда минуты и дни, когда мнѣ непремѣнно нужно, чтобы около меня былъ ктонибудь, нѣкоторымъ образомъ мѣшалъ бы мнѣ оставаться наединѣ съ самимъ собой. А не случится такого человѣка, — ну и скучно, пусто, хандрить... Иногда бываетъ и такъ, что одного при-

существова какого нибудь такого человека, одной болтовни—мало бываетъ, недостаточно,—нужно, чтобы дѣло какое нибудь было, мечта, цѣль... Вотъ оно, въ этомъ случаѣ, товарищество-то наше, и служитъ мнѣ службу великую, великую...

Филиппъ внимательно слушалъ и пристально смотрѣлъ въ его лицо.

— Да что съ тобой? спрашивалъ онъ наконецъ.

— Со мной что? Слабость духа, обыкновенная человѣческая слабость и ничего больше. Знаешь вѣдь ты, я думаю, что иногда самая ничтожнѣйшая ничтожность, самая пустѣйшая неудача можетъ привести человека въ уныніе и горестъ. Да и что я говорю — привести въ уныніе? Сокрушить можетъ, совсѣмъ сокрушить! Сколько мы знаемъ примѣровъ, что жили-были на свѣтѣ умные, великіе люди, дѣлали они дѣла большія и благодѣтельныя, а изъ за чего они, эти великіе люди погибли иногда? Изъ за пустяка, изъ за мелочи, изъ за огонька блудящаго!

— Изъ за любви, напримѣръ? А?..

Матросовъ развелъ руками.

— Ну, вотъ! произнесъ онъ съ сокрушеніемъ. Говорилъ, говорилъ именно съ тою цѣлью, чтобы рассказать тебѣ мою бѣдственную исторію, попросить тебя взглянуть на нее спокойнымъ окомъ посторонняго къ дѣлу наблюдателя, разрѣшить нѣкоторые мои вопросы; а какъ дошелъ до самаго дѣла, такъ и вижу, что напрасно заговорилъ, — не могу... Нѣтъ, подожди, Филь... Когда самъ что нибудь пойму и узнаю, тогда и расскажу... Не теперь. Теперь не могу, нечего...

Филиппъ пожалъ плечами.

— Только я и могу тебѣ сказать, что въ эти бѣдственные для меня времена, когда меня обуревали и неудачи и сердечныя страданія, я многимъ, многимъ одолженъ нашему товариществу. Оно не только поощрительная дубинка, но вѣстѣ съ тѣмъ и нѣкая нравственная ограда, изгородь. Не будь вотъ около этого поля сей изгороди, пришли бы на поле коровы и козляца и сваньи хрюкающія и опустошили бы его. Не будь около Матросова вышеупомянутаго товарищества, и въ его сердце вторглось бы уныніе, отчаяніе безнадежное и

опустошили бы его, взрыли, обезобразили... По истинѣ, Филь, мнѣ за послѣднее время разъ десять приходила на память нѣкоторая Рахиль или Іезавель, живущая недалеко отъ меня. Дай, думаю, свесу къ ней мою волчью шубу, такъ какъ до зимы еще не близко. Получу отъ Іезавели золота и повеселюсь на него нѣкоторое время, горе свое размыкаю: все веселѣе будетъ. Не будь нѣкоторой надежды на товарищество, такъ бы я и сдѣлалъ. Шуба моя пропала бы или въ долги бы влѣзъ; съ холода или изъ сокрушенія о своихъ долгахъ и грѣхахъ началъ бы все больше и больше прибѣгать къ успокоительнымъ средствамъ; такъ оно и пошло бы, какъ колесо подъ гору. Все это мнѣ хорошо извѣстно изъ моихъ многочисленныхъ наблюденій, а отчасти и изъ опыта, хотя, по правдѣ сказать, никогда еще я не былъ въ такомъ неутѣшительномъ положеніи, какъ въ этомъ году. Ты какъ думаешь о нашемъ товариществѣ?

— Я вотъ думаю теперь, куда оно послѣ нашего магазина направится?..

— Куда?.. Надо бы ему вотъ сюда на пустынные холмы и поля выйти, отвѣчалъ Матросовъ. Вонъ какая бѣдная пустыня. Земля здѣсь—песокъ и глина, тощая, неблагоприятная корилица.

Вонъ въ той крѣпечной деревушкѣ ложки ковыряютъ, въ той, что изъ за холма выглянула, лопаты и полозья дѣлаютъ; въ третьей какіе-то несчастные горшки лѣвятъ, а вообще изъ всѣхъ деревень больше разбродятся по всей Россіи на разные промыслы, преимущественно бурлячить. Сядутъ послѣ дневныхъ трудовъ поужинать, такъ всего ужина у нихъ: хлѣбъ, весьма неприличный съ виду, лукъ и квасъ. Только и есть. А между тѣмъ подъ погами у нихъ, если мы съ Потапомъ Потапычемъ не ошибаемся, есть желѣзная руда, можно подозрѣвать и каменный уголь. Вотъ вѣдь что. Придутъ промышленники, заберутъ все это въ свои руки, построятъ заводы, а наши Иваны, Минян и Пантелен будутъ въ дыму и копоти, и въ потѣ лица своего загребать золото. въ чужой карманъ. Отлично бы было вонъ тамъ около лѣска, на холмикѣ, поставить огнедѣйствующій заводикъ, пустить его въ ходъ и потомъ передать въ руки самихъ рабочихъ? А? Филь? Хорошо бы было?

оградивши разумѣется эту передачу тѣмъ условіемъ, чтобы заводъ принадлежалъ дѣйствительно только тѣмъ, кто на немъ работаетъ, а не кому другому. А? хорошо бы было?..

— Хорошо, очень хорошо, самъ и отвѣчалъ онъ, не дожидаясь отвѣта. Не говоря уже о торжествѣ угнетенной добродѣтели, сколько на нашу долю досталось бы чести и славы. Спроси тогда любого Пантелея или Миная: знаешь ли, молъ, такого-то Петра Матросова? Какъ, скажетъ, не знать Петра Васильича! Какъ не знать! И вѣрили бы эти Пантелеи Петру Васильичу, вѣрили бы... Одно досадно, что старъ уже становлюсь, нѣсколько облѣнился я слабъ, духомъ слабъ, далеко не уйду.

Онъ вздохнулъ, закурилъ сигару и призамолокъ.

— Когда это ты успѣлъ постарѣть? спросилъ Филиппъ

— Когда? Не знаю я—когда? Должно быть сидя въ канцеляріяхъ, сидя въ «Пристанн», сидя въ нашемъ городѣ и вообще отъ этой сидячей жизни. Только вѣдь и было этой жизни, что сидѣлъ, пилъ пиво и смотрѣлъ на барышень. Какихъ силъ можно набраться въ такой жизни? Конечно, нѣтъ ея; нѣтъ этого юношескаго жара, нѣтъ юношеской вѣры, что для человека нѣтъ ничего невозможнаго Да, старъ сталъ, облѣнился..

Онъ опять вздохнулъ.

— Мачаловъ вонъ умретъ скоро, сказалъ онъ подумавъ. Умретъ вѣдь?

Филиппъ долго ничего не отвѣчалъ и смотрѣлъ въ противоположную сторону.

— Я думаю, скоро, отвѣтилъ онъ наконецъ. Конечно могъ бы и живъ быть... да умереть. До весны, можетъ быть, протянетъ.

— Могъ бы, проворчалъ Матросовъ. Вотъ вѣдь что обидно. И ничего не подѣлаешь... Вотъ вѣдь что обидно и горько, и до нѣкоторой степени совѣстно. Мы жить будемъ, даже дѣшпики свои устроимъ, а онъ помретъ. Что ты тутъ подѣлаешь? Что ты тутъ подѣлаешь? спрашивалъ онъ снявъ фуражку и немилосердно ероша волосы. Ну, продолжалъ онъ, отмахнувшись рукою и какъ будто отгоняя отъ себя эти вопросы, Потапъ Потапычъ, какъ нѣкій младенецъ, ходитъ шажками маленькими, крошечными, придерживаясь за няньку, и тоже не уйдетъ да

леко. Теперь ты. Ты, голубчикъ, Филь... не знаю я, далеко ли ты пойдешь, не знаю, не вѣдаю. Есть за тобой этакой грѣшокъ, большой въ этомъ отношеніи грѣшокъ; именно, что ты на мелочи разбрасываешься, въ мелочахъ путаешься. Отъ излишней ли это чувствительности или Господь тебя знаетъ отъ чего, только ты въ мелочахъ путаешься и на бездѣлицы тра-тишься.

— А вѣдь это правда, флегматично сказала Филиппъ. Ты думаешь я вотъ все это время о товариществѣ думалъ? Нѣтъ; о семейныхъ дразгахъ думалъ, да еще объ одной особѣ, кото-рая находится теперь въ нуждѣ и безъ работы. Вотъ что меня занимало.

— Чтожь ты станешь дѣлать, отвѣчалъ Матросовъ, разведи руками. Всѣ эти семейные и несемейные дразги... знаю я, какіе они, на своихъ плечахъ я выношилъ ихъ, знаю. Нѣтъ—нѣтъ, да и стянутъ они человѣка съ облаковъ на какуюнибудь коровью улицу. Плюнуть бы на нихъ нужно, Филь...

— Чтожь, и отлично;—давай плюнемъ на нихъ,—я на свои дразги, ты на свои неудачи, какія тамъ тебя сокрушаютъ. Плюнемъ и дѣльному дѣлу предадимся...

Матросовъ ничего не отвѣчалъ на это и молча курилъ.

Начали подниматься на гору, за которой спрятался заводъ Барканцевыхъ; Матросовъ проворчалъ, что «блаженъ ниже и скоты млаетъ» и слѣзъ на землю; Филиппъ послѣдовалъ его примѣру и пошелъ рядомъ съ нимъ.

— Такъ не вѣруешь, чтобы мы далеко пошли? А? спросилъ онъ.

— Не знаю, что будетъ гуртомъ, стадомъ, товариществомъ, отвѣчалъ Матросовъ; а въ одиночку мы не герои, не герои, Филь...

Что же, братъ, дѣлать? Заняться перевоспитаніемъ самихъ себя, что ли? Насадить какуюнибудь школу для воспитанія героевъ? А?..

— Что станешь дѣлать; ничего видно не подѣлаешь... Я въ тому все это говорю, что мечтанія и планы являются у насъ эвонъ какіе великіе, — взглядомъ не охватишь; а люди-то мы простые. рядовые смертные, не безъ грѣховъ и слабостей.

Куда, думаешь, намъ! Это-то и обидно, и прискорбно, и какъ холодная вода дѣйствуетъ. .

— А ты утѣшай себя тѣмъ, что мы не въ одиночку бредемъ, а арміей въ нѣкоторомъ родѣ, смѣясь утѣшалъ его Филиппъ,—арміей, которая будетъ все увеличиваться и увеличиваться. Это ужь сила, брать?

— Развѣ что такъ, развѣ что такъ,—если только армія наша не разстроится. На нее только и уповаю...

Онъ поднялся на вершину горы, перевелъ духъ и отеръ потъ съ своего лба.

— А то вонъ вѣдь что, совсѣмъ я старикъ, продолжалъ онъ, обмахиваясь платкомъ. Даже одышка появилась; на гору, на лѣстницу утомительно теперь подняться. А прежде то, прежде, бывало; бродишь цѣлые дни съ ружьемъ и удочками и ничего. Каждая тропинка была мнѣ здѣсь знакома, каждое деревцо зналъ. О, юность, юность! О, молодость, молодость! Гдѣ ты? Просналъ ее, проспалъ...

— Вонъ они, мирные граждане; на крылечкѣ сидятъ, продолжалъ онъ, въ дружелюбной бесѣдѣ проводить вечеръ воскреснаго дня. Вонъ самъ властелинъ сихъ предестныхъ мѣстъ—Барканцевъ; вонъ почтенные толстенькіе старички «дядюшки,» не знаю только чьи, его или его супруги. Всѣхъ-то я знаю, со всякимъ-то гражданиномъ здѣшняго города хоть одинъ разъ да ужь видѣлся гдѣнибудь и бесѣдовалъ о какойнибудь гаупости.

— Властелину сихъ прекрасныхъ луговъ, лѣсовъ и замковъ мое нижайшее! привѣтствовалъ онъ Барканцева.

— Какой онъ властелинъ; у него жена командуетъ надо всѣмъ, замѣтилъ толстый дядя, а онъ такъ-себѣ, за штатомъ.

— Мужъ и жена едино суть. Не все ли равно, я полагаю, возразилъ Филиппъ.

— Это вѣрно. Вы насъ, Филиппъ Петровичъ, должно быть не помните, потому еще вы маленькій тогда были,—а мы съ вашими батюшкой были хорошо знакомы. Онъ у насъ былъ постояннымъ покупателемъ: у меня чай и сахаръ бралъ, у брата—сигары, рекомендовался Филиппу старички-дяди.

— Да, такъ вотъ какъ добрые люди живутъ, рассуждалъ

Матросовъ, оглядываясь вокругъ себя. Дано имъ благотвореніе воздуховъ, тишина полей, цвѣточки подъ ихъ ногами благоухаютъ и самое солнце смотритъ на нихъ не такъ, какъ на насъ, городскихъ обывателей: не поджариваетъ ихъ, какъ грѣшниковъ въ аду, а любовно такъ смотритъ, словно примазывается къ нимъ. По правую руку у нихъ плодится въ прудѣ рыба для ихъ ужина, по лѣвую—растутъ даровыя дрова для печекъ, подъ ногами произростаетъ даровое сѣно для домашней скотины, а въ довершеніе всего этого имѣется крошечный заводикъ, на которомъ выдѣлывается и чай, и сахаръ, и сукно, и платъя для супруги хозяина.

— И лошадей дѣлаетъ, добродушно замѣтилъ толстый дядя, и коровокъ фабрикуетъ этотъ заводикъ, дай ему Богъ здоровья.

— Не завидуй, Петръ Васильчъ, съ самымъ серьезнымъ и даже зловѣщимъ видомъ сказалъ Филиппъ. Живи лучше тамъ, гдѣ живешь, и не жалуйся. Вонъ холера идетъ; горячки вездѣ бродятъ...

— Ну, такъ чтожь?.. Чтожь? тревожно спросилъ Барканцовъ.

— Да не желалъ бы я жить около такихъ дикарей, какъ ваши рабочіе, зловѣщимъ тономъ отвѣчалъ Филиппъ. Неловко около нихъ. Спятъ они, кажется, на землѣ, ходятъ чуть не въ костюмѣ Адама, а что такое пьютъ и чѣмъ питаются, объ этомъ я и не говорю. Этакіе дикари такъ къ себѣ и притягиваютъ какую нибудь холеру или горячку. Я бы или убѣждалъ отъ нихъ подальше, или ужъ какъ нибудь пріумылъ ихъ, пріодѣлъ, не давалъ бы имъ всякую дрянъ употреблять въ пищу. Опасный, весьма опасный въ этомъ случаѣ народъ

И онъ, не желая ослаблять дальнѣйшимъ разговоромъ эффектъ, произведенный его словами, пошелъ къ сестрѣ. Черезъ минуту явился въ ихъ комнату и Матросовъ, весь красный отъ внутренняго напряженія, сѣлъ въ кресло и, закрывъ лицо обѣими руками, качаясь и зажимая себѣ ротъ, залился неудержимымъ беззвучнымъ хохотомъ. По временамъ только, когда его ладони расходились, мелькалъ красный, широко-раскрытый ротъ и бѣлые какъ молоко зубы.

— Кашу, говоритъ, надо бы варить, шептала онъ задыхаясь

и трясась,—кашу. Я говорю, манную, манную... Не знаю, говорить, хорошо ли, хорошо-ли...

И опять откидывалъ онъ голову на спинку кресла и, задыхаясь, глоталъ воздухъ.

II.

Сообщили Зоѣ о совершенно неожиданномъ успѣхѣ задуманнаго ими займа для книжнаго магазина, говорили объ устроенной Потапомъ Потапычемъ столярной мастерской и, ободренные удачами настоящаго, мечтали о будущемъ.

— Кончено и рѣшено! восклицалъ Матросовъ, совершенно забывшій о всѣхъ сокрушавшихъ его дрязгахъ, сердечныхъ страданіяхъ и сомнѣніяхъ, Эти дѣла, луга и замки будутъ въ рукахъ нашего товарищества. Посвящаю свою жизнь изученію производства стекла, бутылокъ и стакановъ, изучаю теорію и практику сего производства и затѣмъ приобретаю у Барканцева этотъ заводикъ.

У Зои глаза сіяли отъ радости за настоящее и надежды на лучшее будущее. Увлекся и замечтался даже Филиппъ и изъявилъ надежду, что дѣла товарищества пойдутъ такъ хорошо, что по уплатѣ долга лежащаго на магазинѣ, можно будетъ безъ особеннаго труда найти тысячъ пять. На это Матросовъ замѣтилъ, что не мало ли пяти тысячъ, не лучше ли просить и всѣ пятьдесятъ. Затѣмъ долго говорили и спорили,—кому предоставить завѣдываніе имѣющимъ открыться магазиномъ,—Мачалову или Матросову,—и все-таки не могли рѣшить этого вопроса. Матросовъ истощилъ все свое краснорѣчіе, доказывая, что не можетъ онъ принять этого мѣста, что совѣсть его не позволяетъ ему этого сдѣлать, что совѣсть загрызаетъ его, если онъ сдѣлается хозяиномъ магазина и позволитъ, чтобы Мачаловъ на его глазахъ умеръ медленною смертію, не имѣя возможности выбраться изъ того ненавистнаго ему положенія, въ какомъ находится. Наконецъ онъ выбился изъ силъ, махнулъ рукой и отвернулся къ окну.

— Не могу я; вотъ и все, заключилъ онъ съ досадой. Вонъ еще какая-то большая бородавка прѣхала на ворономъ конѣ и въ вороной телѣжкѣ, прибавилъ онъ. Бѣлокурый, блѣдный и ничего себѣ, очень даже красивый, джентльменъ; только бородавка у него нѣсколько сплосовала. Точь въ точь выросла у него на подбородкѣ большая бородавка, да и цоросла длинными волосами; въ этомъ и вся его борода.

— Это Парфеновъ, сказала Зоя, и вдругъ какъ то преобразилась, притихла и спряталась въ свою работу, лежавшую у нея на колѣняхъ.

Филиппъ сдѣлалъ невольное движеніе удивленія. Матросовъ торопливо выглянулъ въ окно.

— Такъ вотъ онъ, вотъ онъ этотъ знаменитый Парфеновъ, бормоталъ Матросовъ, принимаясь расхаживать по комнатѣ. Вотъ бы кому приставить нѣсколько исправленную голову, вложить въ него новое, другое сердце, да и приобщить такого человѣка къ нашему товариществу. Вотъ чье могущество и чью волю дать бы намъ.

— Кулакъ, замѣтилъ Филиппъ.

— Кулакъ, кремень, желѣзо, деспотъ, бормоталъ Матросовъ.

— Да, деспотъ, подтвердилъ Филиппъ, кивнувъ головой.

— Вотъ она враждебная сила, темная сила, продолжалъ ворчать Матросовъ, обуреваемый какими-то мрачными мыслями и съ любопытствомъ пріотворилъ дверь въ сосѣднюю комнату, гдѣ впрочемъ ничего не увидѣлъ. Какими путями наживалось это громадное состояніе! Сколько грязи и крови въ тѣхъ темныхъ исторіяхъ, которыя бродятъ въ народѣ насчетъ этого богатства? Интересно, интересно...

Наступило довольно продолжительное молчаніе. Былъ уже часъ восьмой вечера; солнце закатывалось, въ комнатахъ темнѣло и вездѣ распространялась вечерняя тишина.

— Неужели, вдругъ спросила Зоя, неужели никогда не бываетъ такихъ случаевъ, чтобы цѣль оправдывала средства? Неужели никогда не простится, еслибы я или кто нибудь изъ насъ сдѣлалъ для общей пользы что нибудь нехорошее, недостойное? Неужели это никогда не простится?

Филиппъ вопросительно смотрѣлъ на нее. Матросовъ оста-

новился посреди комнаты и, заложивъ руки за спину, немного склонивъ голову: по направленію къ Зоѣ, тоже внимательно всматривался въ нее. Обоимъ ихъ поразило, что она вѣскольکو поблѣднѣла, смутилась, волновалась, какъ будто бы вопросъ былъ о ея личномъ дѣлѣ, о ея личномъ поступкѣ. Къ тому же и предложила она этотъ вопросъ какъ-то совершенно неожиданно, безъ всякихъ предисловіи и объясненій, безъ всякихъ поводовъ въ предшествовавшемъ разговорѣ.

— Да, да, встрепенулся Матросовъ, быстро заходявъ изъ угла въ уголъ, — былъ у меня пріятель, укралъ у одного казнокрада деньги, да выстроилъ на нихъ торговья бани... Да, да, я понимаю: воръ у вора дубинку укралъ.

— Но если бы онъ сдѣлалъ изъ нихъ другое, лучшее, во сто разъ лучшее употребленіе? кротко спросила Зоя, какъ будто прося его отнестись къ ея вопросу спокойнѣе.

— Чтожъ?... И лучшее дѣлають, отвѣтилъ Филиппъ. Строятъ на краденя деньги и богадѣльни, и пріюты, и школы. Заведенія все общепользныя; а воры все-таки въ безпристрастную исторію заносятся съ именами воровъ, и въ памяти народной слывуть подъ именами грабителей... Незавидная слава...

— Я не понимаю, возразила Зоя съ пылающими щеками и съ лихорадочнымъ блескомъ въ глазахъ: въ чемъ же тогда заключается добродѣтель? Въ томъ ли, чтобы вести себя скромно, не пьянствовать, не буянить и щепетильно отстраняться отъ всякаго внимательства въ чужія дѣла или въ томъ, чтобы выше всего на свѣтѣ, выше самаго себя, своей жизни и чести ставить общее благо? Въ чемъ она? И кто для васъ выше, лучше: добродѣтельный ли Семень Иванычъ, несдѣлавшій никому зла, но тоже и добра ни для кого несдѣлавшій или вотъ хоть тотъ человѣкъ, который цѣною преступленія основалъ пріютъ для дѣтей, далъ имъ возможность жить, учиться... Вы любите трезвыхъ музыкантовъ, которые хоть и деруть уши, но за то не употребляютъ хмѣльнаго.

— Чортъ знаетъ, чортъ знаетъ что такое, сердито шепталъ Матросовъ, усѣвшись около Филиппа.

— А сколько эти геніальные, но нетрезвые музыканты на-

творятъ зла, прежде чѣмъ примутся за дѣла благодѣтельныя? замѣтилъ Филиппъ.

— Ахъ, я не о томъ говорю! Украсть, убить—кто на это пойдетъ, кто можетъ? Я говорю о тѣхъ случаяхъ, когда человекъ никого не грабитъ, никого не убиваетъ, а на одного себя принимаетъ всю тяжесть и всѣ муки своего преступленія... Да вотъ... вотъ... У меня одно письмо есть... Отъ моей знакомой... У нея—мать, отецъ, маленькія братья и сестры. Отецъ безъ мѣста; имъ ѣсть нечего, съ квартиры ихъ гонять, вещи у нихъ всѣ заложены, дѣтей не только не на что воспитать, но и кормить нечѣмъ. Между тѣмъ за этой юной особой, которая пишетъ мнѣ письмо, ухаживаетъ одинъ богатый господинъ. Что же ей дѣлать,—вы щепетильные, строгіе люди? Что дѣлать, я васъ спрашиваю? Сохранить ли ей свою свободу, независимость, добродѣтель и твердо смотрѣть, какъ ея семья терзается и голодаетъ или пожертвовать собою, своимъ счастьемъ, добродѣтелью? Что лучше? Что выше?..

Отвѣтомъ ей было глубокое молчаніе.

— Вотъ, вы молчите, не отвѣчаете, съ усиѣшкой продолжала она. Да я и такъ, безъ вашего отвѣта знаю, что вы пожалѣли бы эту женщину, назвали бы ее несчастной. Вы не отнеслись бы къ ней съ презрѣніемъ и негодованіемъ, поступокъ ея вы не назвали бы гадкимъ, вы назвали бы его жертвой, самопожертвованіемъ. .

Они молчали.

— Жертвой назвали бы вы этотъ поступокъ. Но взгляните же теперь попристальнѣе, раскройте хорошенько ваши глаза. Нѣтъ ли и около васъ голодныхъ, нищихъ братьевъ и сестеръ, братьевъ, можетъ быть, не родныхъ, не по крови, но все-таки братьевъ. Что если вы тоже можете имъ помочь съ пожертвованіемъ своего счастья, спокойствія, честнаго имени? Тутъ уже преступленіе будетъ?..

Опять наступила пауза. Матросовъ тяжело, грузно вздохнулъ и отеръ потъ, проступившій у него на лбу. Нѣсколько нагнувшись впередъ и внимательно слушавшій сестру, Филиппъ отодвинулся къ спинкѣ кресла и вдругъ, среди глубокой тишины,

раздался его смѣхъ. Филиппъ рѣдко смѣялся и тѣмъ сильнѣе подѣйствовалъ теперь его нѣсколько злой и холодный смѣхъ.

— О ты, сладкогласная сирена! отвѣчалъ онъ. Ты Ундіянка, самоотверженная Ундіянка, бросающаяся подъ колеса священной колесницы, дабы умилостивить разгнѣванное божество! Вотъ это филантропія, это филонтропія, желающая своими слезами утолить жажду всѣхъ жаждущихъ міра сего; своей собственной особой намѣревающаяся заткнуть всѣ прорѣхи общественной жизни. Успокойся, Зоя, и побереги свое великодушіе, не бросайся подъ колеса. Напрасно будетъ... Я не говорю уже о томъ, что путь твоей и всякой другой филантропін кривой и безнадежный путь, я уже и не говорю объ этомъ... Но что дашь однимъ изъ своихъ братій, то другіе отнимуть. На сколько ты дашь однимъ изъ своихъ братій, на столько же отнимешь у другихъ... И даже больше, несравненно больше ты отнимешь, чѣмъ дашь, — больше сдѣлаешь вреда, чѣмъ пользы...

— Вреда? спросила она гордо и съ изумленіемъ.

— Ну, да, вреда. Раздавай какую угодно милостыню, строй какія угодно школы, постввай какія угодно идеи — все будетъ безплодно и напрасно, какъ скоро ты «пожертвовала своимъ честнымъ именемъ». Ты дашь другому кусокъ хлѣба, милостыню, выразишь ему какуюнибудь хорошую, честную мысль, но сама же и убьешь эту честную мысль, убьешь ее своею жизнью и своимъ примѣромъ. Примѣръ—великое дѣло. Одна свѣтлая и высокая личность поднимаетъ изъ грязи и возвышаетъ сотни другихъ. Одна грязная, почемунибудь выдѣлившаяся изъ толпы личность, развращаетъ тысячи другихъ. Воображаю я какогонибудь добродушнаго, честнаго юношу или таковую же юную дѣвицу, которые, послушавъ твоихъ рѣчей объ общемъ благѣ, приблизились бы къ тебѣ. Что случилось бы съ ними? Или, ты думаешь, на нихъ не подѣйствовало бы зрѣлище того, какъ мало ты дорожишь своимъ честнымъ именемъ и какъ ты не пренебрегаешь никакими средствами? Не поколебалась ли бы ихъ вѣра въ твои идеи? Не пропала ли бы ихъ энергія? Не разрѣшили бы они и себѣ пользованіе всякими средствами для своихъ собственныхъ цѣлей? Нѣтъ, все въ нихъ погибло бы потому, что ты развратила бы ихъ. Чѣмъ шире

были бы твои дѣла, тѣмъ больше встрѣчалось бы такихъ юношей и не юношей. А они въ свою очередь развращали бы другихъ.

Матросовъ широкими, тяжелыми шагами расхаживалъ по комнатѣ и, почти при каждой фразѣ Филиппа, одобрително кивалъ головой. Зоя задумчиво сидѣла въ своемъ креслѣ, опустивъ голову на руку, поникнувъ лицомъ, и ни однимъ словомъ не возражала больше. Филиппъ зажегъ свѣчу, закурилъ сигару и, дожидаясь еще немного, — не будетъ ли отвѣта на возраженія, — взглянулъ на часы.

— Оставимъ это, пронзесъ онъ устало и какъ-то брызгливо. Вотъ есть здѣсь одна барыня, очень хорошая особа...

— Хорошее и честное существо, также брызгливо прибавилъ Матросовъ. Знаю я... Чего ей?..

— Хлѣба и работы, — только...

— Немногаго захотѣла!.. Какой работы?..

— Шить, вышивать, дѣтей учить, затѣмъ, по словамъ Щепоткиной, — она хорошая музыкантша ..

— Чтожь? Постараться развѣ для нея? прокричать, протрубить о ней на всѣхъ перекресткахъ, что вотъ, молъ, кака превосходная музыкантша, ученица самаго Гензельта или какіи тамъ есть знаменитости...

— Это въ нашемъ-то городѣ училась она у Гензельта?..

— Чтожь? Нарочно, молъ, для нея пріѣзжалъ сюда и притомъ инкогнито, подъ именемъ какого нибудь Іоганна Шустера или Сидора Клавикордова. Да не въ томъ дѣло; въ этомъ родѣ, однимъ словомъ...

— Хорошо, если не умереть съ голода, покуда ты ее успѣешь прославить...

— Экъ ее! Подождать не можетъ... Ну, въ товарищество что ли принять ее, если она дѣйствительно существо честное и хорошее и ничего нечуждое. Есть же вѣдь какіи нибудь остатки и крохи въ нашей кассѣ?..

— Я тоже думалъ предложить вамъ. Вы посмотрите на нее, позвакомьтесь: хорошая, надежная женщина. Главное, что ее приободрило бы товарищество, нравственно бы ее поддержало.

А это можетъ быть самое главное и есть для человѣка, у котораго впереди ничего не видится, кромѣ голода и горя...

— «Ничего въ волнахъ не видно!» знаю, знаю я это положеніе; скверная болѣзнь, опасная и дѣйствительно товарищество въ ней помогаетъ. Прини ее, голубчикъ Филь... Примемъ, Зоя Пегровна? А? Повѣримъ на слово этому молодцу, что она дѣйствительно «существо хорошее»?. Онъ вѣдь, я полагаю, влюбленъ въ это существо,—все съ нимъ нянчиться въ ущербъ интересамъ товарищества; такъ пускай поскорѣе успокоится.

— Что-жь? Я очень рада буду, отвѣчала Зоя, выйдя наконецъ изъ своей неподвижности и поднявъ голову. Кромѣ того я переговорю о ней съ Барканцевыми, съ ихъ дядями, Парфенову скажу...

Филиппъ нахмурился при послѣднемъ имени и принялся усердно кусать ногти.

— Пожалуй, скажи... Это они могутъ, нехотя отвѣчалъ онъ. Нужно только тебя предупредить, что всѣ эти почтенныя старушки пожалуй косо посмотрятъ на эту особу, потому что она находится здѣсь на положеніи бѣглянки отъ своего мужа. Самую себя и дѣтей своихъ она спасала отъ него своимъ бѣгствомъ; а эти старушки скажутъ: развратница... Судь вѣдь у нихъ короткій, скорый и приговоры готовые... Ты предупреди ихъ, затушуй это какънибудь...

— Чего какънибудь? виѣшался Матросовъ. Имъ только подсказать стоитъ, стоитъ только напередъ ихъ забѣжать: вотъ молъ какая несчастная, любящая, прекрасная мать: своимъ собственнымъ спокойствіемъ пожертвовала, свое доброе имя подвергла осужденію, чтобы только вырвать чадъ своихъ изъ подъ растлѣвающего вліянія своего родителя. Для вѣщней убѣдительности его можно изобразить въ видѣ лубочнаго дьявола: страшенъ, молъ, и дерется, водку пьетъ и въ карты играетъ...

— Невужно и придумывать; онъ и на самомъ дѣлѣ таковъ...

— Молодецъ. Ну, и отлично...

— Хорошо; я скажу, тихо и устало проговорила Зоя.

Матросовъ покосился на нее, потеръ лобъ, поморщился и опять присѣлъ около Филиппа:

— Да что такое? Что съ ней? шепталъ онъ, поглаживая усы и заслонив ротъ ладонью.

Филиппъ пожалъ плечами.

— Ъдемъ что ли? спросилъ онъ.

— Какъ хочешь. Мнѣ гдѣ ни торчать — все одно; вся все-ленная—прекрасна... Ъдемъ...

III.

Проводивъ этихъ гостей, Зоя опять возвратилась въ свою комнату. Она притворила за собою дверь какъ-то машинально, не глядя, поставила на комодъ свѣчу и, скрестивъ руки на груди, поникнувъ головою, стала ходить взадъ и впередъ по комнатѣ. Домъ стоялъ пустой и молчаливый; ни одного голоса, никакого движенія и признака жизни не слышно было въ комнатахъ, только на окнахъ трепетали цвѣты и шуршали занавѣски, колеблемыя ночнымъ вѣтромъ, да шумѣли въ полисадникѣ листья деревьевъ, да шелестило по полу платье Зои. Вѣтеръ поднимался сильнѣе и сильнѣе. Свѣча отекла; пламя ея то вздрагивало, то колебалось и бродило по всеѣмъ направленіямъ, то стремительно бросалось въ одну сторону и съ легкимъ свистомъ вытягивалось въ длинную, синеватую и тоненькую струйку, точно будто слясъ оторваться отъ своей свѣтильни и улетѣть. Тѣни бродили на бѣлыхъ обояхъ блѣдыя и дрожащія, тоже какъ будто куда-то стремившіяся уйти; шумъ деревьевъ въ рошѣ становился все слышнѣе и слышнѣе.

Одинъ разъ Зоя остановилась передъ готовой погаснуть отъ порыва вѣтра свѣчи и заслонила ее отъ окна. Худоцавыя щеки ея были блѣдны, около губъ и между бровями лежали морщинки, придававшія лицу ея тоскливое выраженіе, — какъ будто подернутые туманомъ глаза ея смотрѣли мечтательно и выстъ съ тѣмъ грустно. Она перенесла свѣчу на столъ и опять продолжала ходить по комнатѣ, машинально и медленно пригладивая рукою развѣваемые вѣтромъ волосы. Вдругъ она остано-

вилась, приподняла голову и прислушалась: слышались шаги. Она торопливо пошла къ двери, потомъ вернулась, схватила свѣчу и опять бросилась къ двери.

— Можно войти? спросилъ за дверью Парфеновъ и стукнулъ дверною ручкой.

Она стояла по эту сторону двери и не знала, что ей дѣлать.

— Сейчасъ, отвѣчала она наконецъ не то раздражительно, не то съ досадой, отошла отъ двери, медленно накинула на плечи большой платокъ и отворила дверь.

— Извините, я ухожу, сухо сказала она.

Онъ молча посторонился, пропустилъ ее впередъ и также молча пошелъ за нею. Въ залѣ она остановилась, поставила свѣчу на столъ и взглянула на Парфенова.

— Вы хотите мнѣ сказать что нибудь? также сухо спросила она.

— Я не задерживаю васъ, отвѣчалъ онъ, вынувъ изъ рта сигару.—Идите, куда хотѣли; они тамъ, въ полѣ. Я за вами послѣдую, если позволите; могу говорить и на ходу...

Она пожала плечами.

— Вы не сердитесь на меня? спросилъ Парфеновъ послѣ небольшого молчанія.

— За что?..

— Я тоже думаю,—не за что, тихо согласился онъ.—Во всякомъ случаѣ—не сердитесь за тѣ слова, что сорвались у меня въ прошлый разъ: что я прїѣзжаю сюда для васъ, единственно для васъ. Вы тогда ушли, не сказавши мнѣ ни слова; въ тотъ вечеръ я больше и не видалъ васъ. А теперь вы вонъ какія: сухи, холодны, горды... Вы сердитесь?..

— Лучше, еслибъ вы не говорили тѣхъ словъ; мнѣ спокойнѣе было бы ..

Она стояла передъ круглымъ, переддваннымъ столомъ, положивъ на него одну руку; Парфеновъ по другую его сторону тоже стоялъ, прислонившись плечомъ къ косяку двери и куря сигару. Говорили они очень тихо.

— Какого еще спокойствія хотите вы? сказалъ онъ не безъ горечи.—Вы и такъ полны самаго презрительнаго спокойствія.

Я вамъ сказала нѣсколько неугодныхъ вамъ словъ, а вы встали, повернулись ко мнѣ спиной и спокойно ушли, — точно какую нибудь пылинку стряхнули съ своего платья. Я вотъ теперь осмѣлился приблизиться къ вамъ, а вы отвернулись и ушли прочь... и вонъ какое ледяное равнодушіе поконится на нашемъ лицѣ...

Она бѣгло взглянула на него и опять пожала плечами.

— Я не въ такомъ аристократическомъ смыслѣ говорила... Не о своемъ душевномъ спокойствіи я говорю. Нѣтъ, я о своемъ мѣщанскомъ комфортѣ забочусь. Когда вотъ вы постучались сейчасъ въ мою комнату, я, можетъ быть, вовсе не хотѣла изъ нея выходить, а ушла, принуждена была уйти..

— Бѣжать принуждены были? спросилъ онъ, переступивъ съ ноги на ногу.

— Да, бѣжать... А мнѣ дорогъ мой мѣщанскій комфортъ. Когда я переѣхала сюда изъ города, я мечтала, что здѣсь меня никто не будетъ преслѣдовать, что здѣсь мнѣ спокойно будетъ и никто никакими исторіями не будетъ меня мучить. Кажется, я горько ошиблась. Не говорю уже о томъ, что меня беспокоятъ ваши преслѣдованія; мнѣ и въ будущемъ, и отъ другихъ слѣдуетъ ожидать много непріятнаго. Замѣтятъ ваше поведеніе относительно меня, начнутъ перешептываться, подозрительно и съ любопытствомъ вглядываться въ меня... Чтожь?.. Придется мнѣ бѣжать и отсюда? Этого ли вы хотите? спрашивала она, поднявъ на него какой-то нерѣшительный, грустный взглядъ.

— Что же мнѣ дѣлать? спросилъ онъ.

— Оставьте меня...

— Оставьте... Не смотрѣть на васъ? Не говорить съ вами? Однимъ словомъ не ѣздить сюда?..

— Да, не ѣздить; вѣдь вы говорили, что для одной меня ѣздите сюда. Если такъ, — не ѣздите...

Онъ тихо и рѣшительно покачалъ головой.

— Нѣтъ, этого я не могу, произнесъ онъ и опять покачалъ головой.

Она отвернулась отъ него и пошла въ прихожую.

— Что же мнѣ дѣлать? спросила она, опять обратившись къ

нему и тихо возвращаясь на прежнее мѣсто.— Скажите мнѣ... Бѣжать отсюда? Или прежде предупредить Софью Михайловну и рассказать ей мое положеніе? Пожаловаться ей вѣкоторымъ образомъ? Просить у нея защиты?..

— Да, по всей вѣроятности она тогда вѣжливо выгонитъ меня изъ своего дома, согласился онъ.— Она вѣдь не очень ко мнѣ расположена. Нѣтъ, вы не дѣлайте этого, не жалуйтесь. Вы лучше позвольте мнѣ иногда видѣть васъ, хоть издали; позвольте иногда говорить съ вами. Я буду скромнѣе по возможности, во всемъ скромнѣе: во взглядахъ и въ разговорахъ. Позвольте это. Я буду видѣть васъ и слышать вашъ голосъ, а вы будете погружены въ ваше ледяное и презрительное спокойствіе. Что вамъ? Зачѣмъ вамъ меня гнать? И куда, далеко ли можете вы прогнать меня? Только и можете, что воспрепятствъ мнѣ входъ въ эти комнаты. А тамъ... тамъ я вездѣ свободенъ... Я могу пробираться, какъ ворышка, къ вашему окну и смотрѣть на васъ, слушать, что вы говорите, слушать, какъ вы играете на фортепяно. Въ видѣ охотника или въ какомъ нибудь другомъ образѣ я могу бродить около этого пруда, по этой рощѣ, по этимъ болотамъ и поджидать васъ. Все это я могу и буду такъ поступать, если вы меня изгоните. Уѣдите вы? Хорошо. Куда вы уѣдите? Домой? Я все-таки буду васъ встрѣчать и видѣть... Въ другой городъ уѣдите? Въ столицу? На край свѣта? Я послѣдую за вами всюду... Я ничѣмъ не связанъ... Не могу я такъ жить, чтобы не видѣть васъ, нельзя этого, до такой же степени нельзя, какъ и безъ воздуха жить...

Онъ взялъ свѣчу и закурилъ потухшую во время этого монолога сигару. Голосъ его былъ печаленъ, лицо блѣдно, но рѣшительно и спокойно.

— А самое лучшее, прибавилъ онъ, поставивъ свѣчу и опять прислонившись къ косяку двери,— самое лучшее: позвольте мнѣ видѣть васъ и изрѣдка говорить съ вами о какихъ нибудь пустякахъ. Не гоните меня...

Лицо Зои было тоже блѣдно, глаза смотрѣли гнѣвно, а губы начинали немного дрожать гнѣвнымъ и презрительнымъ трепетомъ.

— Такъ вы думаете, я ничего, ничего не могу? Я беззащитна противъ васъ, вы думаете?..

— Въ томъ смыслѣ, что вы не въ состояніи запретить мнѣ смотрѣть на васъ? Да, конечно...

— И никто не защититъ меня отъ вашихъ преслѣдованій? Никто? Некому вы думаете? Нѣтъ, вы ошибаетесь... У меня есть братъ, есть друзья... Вы ошибаетесь, съ гнѣвомъ и угрозой вскричала она.

Онъ вдохнулъ и пожалъ плечами.

— Какое мнѣ до нихъ дѣло? И что они могутъ сдѣлать мнѣ? Посадить меня въ тюрьму, на цѣпь, заковать? Нѣтъ, не могутъ... Убить меня? Это развѣ? Ну, это разумѣется могутъ, не спорю, это они могутъ... А больше ничего...

— Это нагло, прошептала она.

— Наглость, встрепенулся онъ. — Нѣтъ, нѣтъ, умоляю васъ! выразительно и съ мольбой въ голосѣ говорилъ онъ, ступивъ шагъ впередъ и нагнувшись къ ней черезъ столъ. Никто не можетъ уважать васъ такъ, какъ я... Никто... вѣрте мнѣ... Я не могу быть съ вами дерзокъ... Нѣтъ... Это не наглость, это нѣчто другое, что выше, сильнѣе меня, надъ чѣмъ не властенъ ни я, ни вы и никто другой. Я не могу иначе поступать. Это чувство, я вамъ говорю, сильнѣе меня... Я не могу, не могу вамъ покориться въ этомъ случаѣ.

— Какое чувство? гнѣвно и раздражительно спросила она. — Нѣтъ, это не то чувство, на которое вы намекаете. То чувство не выражается въ какомъ-то дикомъ и оскорбительномъ преслѣдованіи; то чувство не позволило бы вамъ гнать меня изъ этого дома.

Онъ съ какимъ-то отчаяніемъ вдохнулъ, отвернулъ отъ нея лицо и опять, какъ статуя, прислонился къ двери. Зоя въ волненіи ходила по комнатѣ.

— Что это они тамъ кричатъ? спросила она, остановившись и прислушиваясь.

Парфеновъ тоже прислушался. Дѣйствительно въ сторонѣ за вода слышался шумъ и раздавались крики, но вѣтеръ относилъ ихъ, такъ что нельзя было разобрать ни одного слова.

— Ссорятся вѣроятно, равнодушно отвѣчалъ онъ.

Она опять стала ходить по комнатѣ.

— И чего вы наконецъ хотите отъ меня? продолжала она, какъ будто не въ силахъ была уйти, отвернуться отъ него, какъ ушла отъ Новоторова.—Чего ждете и надѣетесь вы отъ меня? Изъ за чего всѣ эти преслѣдованья? Изъ за того только, чтобы говорить со мной, видѣть меня? Что можетъ быть между нами общаго, я не понимаю? Не говорила ли я вамъ, что между мною и вами бездна, непроходимая бездна... Развѣ вы не видите, не понимаете этого?..

— Не вижу и не понимаю, отвѣчалъ онъ.—Вы говорили—въ мнѣніяхъ, во взглядахъ, въ убѣжденіяхъ эта бездна. А я говорю теперь, что нѣтъ этой бездны и быть ея не можетъ. Скажите мнѣ, какія у васъ мысли; я приму ихъ, своими буду считать. Мнѣ все равно: у меня никакихъ нѣтъ. Скажите, какія у васъ есть мечты, надежды, стремленія,—я проникнусь ими и попробую осуществить ихъ для васъ...

— Да, для меня, со вздохомъ прошептала она.—Не ради ихъ самихъ, а ради меня...

— Скажите, что вы любите,—то и я буду любить; назовите мнѣ, кого вы ненавидите; тѣхъ людей и я буду ненавидѣть, они сдѣлаются злѣйшими моими врагами. Скажите, назовите: кого?..

— Васъ я ненавижу, грустно сказала она, взглянувъ на него впрочемъ далеко не взглядомъ ненависти, а скорѣе досады и сожалѣнія.

Онъ окаменѣлъ. Блѣдное лицо его сдѣлалось еще блѣднѣе.

— Не можетъ быть, прошепталъ онъ и провелъ рукой по своему лбу, покрывшемуся холоднымъ потомъ.

— Очень, очень можетъ быть, что скоро возненавижу, если вы не съумѣете оставить меня въ покоѣ, прибавила она.

На лицѣ ея,—между бровей и около губъ,—опять набѣжали морщинки и набросили на него нервѣшительное и тоскливое выраженіе; глаза ея опять подернулись какимъ-то туманомъ, сквозь который просвѣчивала и мечтательность, и тоска, и какая-то борьба съ самой собою. Поникнувъ головой, скрестивъ на груди руки, она ходила и ходила взадъ и впередъ по комнатѣ, казалось, совершенно забывъ о томъ блѣдномъ человѣкѣ, что сто-

яль у двери и пристально слѣдилъ за нею, изрѣдка стряхивая пепель съ своей сигары.

Но вотъ подъ окномъ торопливо пробѣжалъ кто-то, за нимъ друтой...

— Что тамъ такое. съ безпокойствомъ спросила Зоя, какъ будто встрепенувшись отъ сна, и неподвижно остановилась на мѣстѣ.

Парфеновъ вышелъ. Она подождала немного, выглянула въ окно, потомъ поспѣшно бросилась на крыльцо. Какъ будто бы гдѣ-то звонилъ колоколъ, относимый и заглушаемый вѣтромъ, какъ будто бы кричали и говорили объ огнѣ, о пожарѣ... Ночь была вѣтряная, темная; небо все задернуто разорванными сѣроватыми облаками и тучами, которыя неслись, какъ клубы дыма, гонимаго и развѣваемаго вѣтромъ. Въ сторонѣ завода, точно пламя костра, отражавшагося въ текучей водѣ, дрожало красное, зловѣщее зарево: а подъ нимъ, съ одной стороны заслоненная лѣсомъ, съ другой вся открытая, ярко горѣла небольшая деревня, всего верстахъ въ трехъ отсюда. Потокъ пламени становился все шире и шире, пучки горящаго сѣна летали надъ деревней все многочисленнѣе и гуще, какъ стаи огненныхъ птицъ, поднятыхъ изъ своихъ гнѣздъ и кружащихся въ вышинѣ надъ ними, пока не уйдетъ тотъ, кто поднялъ ихъ. Окрестность проснулась и наполнилась глухимъ шумомъ; тамъ, на мѣстѣ пожара, точно шумѣла мельница, здѣсь, по дорогѣ, бѣжали люди и стучали колеса. Барканцевъ поѣхалъ съ своей пожарной трубой; толстый дядя посадилъ въ телѣгу человѣкъ десять рабочихъ съ завода и во всю конскую прыть мчалъ эту живую силу къ мѣсту несчастія.

Парфеновъ подѣхалъ въ своемъ кабріолетѣ къ Зоѣ и Софѣ Михайловнѣ. Онъ ни мало не суетился, не безпокоился и докуривалъ свою сигару.

— Не хотите ли прокатиться туда? спросилъ онъ, ни къ кому собственно не обращаясь.—Нѣтъ? Не желаете?

Онъ еще подождалъ немного, потомъ взглянулъ на горящую деревню и, бросивъ въ траву окурокъ сигары, тронулъ лошадь. Сначала онъ ѣхалъ тихо, шагомъ, какъ будто все еще ожидая—не остановятъ ли его, не поѣдутъ ли съ нимъ, и толь-

ко когда отъѣхалъ уже довольно далеко отъ завода, тогда погналъ лошадь. Зоя слѣдила за нимъ, пока онъ не скрылся изъ вида, а потомъ ушла въ домъ.

Пожаръ былъ и внутри ея самой. Щеки ея горѣли, сердце билось тревожно и замирало, точно она стояла надъ какой-нибудь пропастью и всматривалась въ ея страшную глубину; а мысли въ ней бродили неясныя, темныя, спутанныя, какъ тѣ сѣроватыя облака, что неслись въ это время по небу, гонимыя вѣтромъ.

— Точно онъ отъ слезъ захлебывается! думала она, стоя съ пылающими щеками у окна и прислушиваясь къ торопливому, трепетному, часто относимому вѣтромъ и дѣйствительно точно захлебывающемуся набату. И какъ не плакать? Одна искра — и поггло все, что копилось, собиралось десятками лѣтъ. Одна глупая искра — и цѣлая сотня людей пошла по міру. Да, вот скоро они потянутся съ нищенскими котомками за плечами, побдуть здѣсь подъ окнами... Имъ бросать грошъ и черствый кусокъ хлѣба...

— И буду ли я когданибудь сильнѣе? Неужели всегда на всякую чужую бѣду я стану откликаться одними только вздохами? Неужели наше товарищество только въ нашихъ мечтахъ будетъ сильно и могущественно? Дождусь ли я этого времени? Увидятъ ли мои очи обѣтованную землю? Или это только одна мечта? Чтожъ, можетъ быть, и мечта... Мы не умѣемъ ходить свободно: мы трусимъ и при каждомъ шагѣ оцупываемъ ногою землю — не грязно ли? Мы мечтаемъ о великой, далекой цѣли, стремимся къ ней, но только боимся выпачкать по дорогѣ ботиночки...

Она судорожно закусила губу и закрыла рукой глаза.

— Зачѣмъ они меня удерживаютъ? Зачѣмъ? чуть не плакала она отъ тоски и сомнѣній. — Зачѣмъ они сблизил, заговорили меня? Вѣдь они сами выразились о немъ, что, если бы ему вложить другое сердце, онъ могъ бы сослужить великую службу для ихъ цѣлей? Что же они могли бы возразить мнѣ? Я вложу въ него это другое сердце, я приведу его въ ихъ лагерь... Что имъ за дѣло до того, какъ приведу... Можетъ быть, я люблю его...

Она глубоко вздохнула, отошла отъ окна и опять въ борьбѣ съ самой собою, въ тоскѣ и волненіи стала ходить по комнатамъ.

Прошло около получаса. Стукъ экипажа, подѣхавшаго къ крыльцу, вывелъ ее изъ задумчивости. Вошелъ Парфеновъ, снялъ свою бѣлую фуражку и дѣлливо опустился въ кресло.

— Ну что? спросила она остановившись.

— Пустяки... Деревня всего дворовъ въ двадцать...

— Вся сгорѣла?..

— Догораеть. Скоро вся сгоритъ...

— Конечно пустяки, съ горечью сказала она, отвернувшись, и отошла прочь. — Ваши обороты вѣдь не пострадаютъ отъ того, что лишняя сотня человѣкъ пойдетъ по міру?

— Ничуть, равнодушно согласился онъ, взглянувъ на часы и потомъ поднося ихъ къ уху.

— Я впрочемъ не къ тому говорю, что пустяки, прибавилъ онъ вставая и опять взявшись за фуражку. — Къ тому говорилъ, что эту бѣду ничего не стоитъ поправить. Бѣхавши съ пожара, я думалъ было устроить подписку въ пользу этихъ погорѣльцевъ... Да не стоитъ... Я и одинъ могу сдѣлать это дѣло. Дѣло только въ томъ, что я завтра уѣзжаю изъ города недѣли на двѣ. Не возьметесь ли вы помочь мнѣ? Или Софью Михайловну придется мнѣ потревожить.

IV.

Возвратившись въ городъ и высадивъ Матросова около его любезной «Пристані», Филиппъ посиѣшилъ къ Евлаію Александровнѣ, чтобы передать ей благія вѣсти о нѣкоемъ товариществѣ, о его надеждахъ, его небольшихъ средствахъ, готовыхъ къ ея услугамъ и о той помощи, которую оно дружески предлагаетъ ей. Всю дорогу отъ завода Барканцевыхъ до города онъ былъ невеселъ, тревоженъ и на воркотню, тоже не совсѣмъ спокойнаго

Матросова, отвѣчалъ больше однимъ молчаніемъ, раздумывая о той, необъщающей ничего добраго, переменѣ, какую они замѣтили въ Зоѣ и о тѣхъ таинственныхъ и подозрительныхъ замыслахъ, которые созрѣвали въ ней. Но когда они наконецъ разстались и Филиппъ въѣхалъ въ улицу, гдѣ стоялъ тотъ низенькій, почернѣлый отъ времени и непогодъ домикъ, въ которомъ онъ провелъ не одну бессонную ночь, сидя у постели больной, всѣми покинутой женщины, — тогда лицо его прояснилось.

Евлаія Александровна выздоровѣла на столько, чтобы быть въ состояніи выходить изъ дома и работать, но все еще была очень и очень больна. Въ первые дни, когда къ ней только-что возвратилось сознаніе, она была съ Филиппомъ кротка, привѣтательна ему и послушна, какъ ребенокъ; но чѣмъ больше восстанавливались ея силы, тѣмъ страннѣе и непостояннѣе становилась она. То она принимала относительно его какой-то сухой и холодный тонъ, какъ будто бы она была важная и богатая особа, а онъ — плебей-лекаръ, получавшій отъ нея по столько-то рублей за визитъ и ничѣмъ кромѣ этой платы съ нею несвязанный; то вдругъ забывала эту холодную роль, заливалась слезами и, протягивая къ нему руки, въ безсвязныхъ, болѣзненныхъ рѣчахъ говорила, что она его рабыня, что она погибала и погибла бы безъ него, но что онъ спасъ, воскресилъ ее и что она пойдетъ за нимъ всюду, жизнь свою отдастъ за него, что она, какъ милостыни, ждетъ, чтобы онъ приказалъ ей что-нибудь; велѣлъ что-либо... А черезъ нѣсколько минутъ послѣ этого она вспыхивала, раздражалась отъ какого-нибудь самаго невиннаго слова и, задыхаясь отъ волненія, съ смертельно-поблѣднѣвшимъ лицомъ и сверкающими глазами, осыпала его оскорбленіями. Еще минута, — она вдругъ приходила въ себя, смолкала, опять заливалась болѣзненными слезами и чуть не на колѣняхъ просила: «забыть все, простить ее, не покидать.»

А Филиппъ... Филиппъ и безъ ея просьбъ и извиненій не покинулъ бы ее, не отвернулся бы отъ нея. Часто, — когда она или принимала относительно его сухой, презрительный тонъ, или жестоко окорбляла его въ своей болѣзненной раздражительности, — онъ вдругъ блѣднѣлъ, устремлялъ на нее сверкаю-

щіе гнѣвомъ глаза... казалось, — вотъ-вотъ все теперь между ними кончено и они разойдутся ожесточенными врагами; но Филиппъ неожиданно опомнится, отвернется и потомъ заговоритъ хотя холодно, насмѣшливо, даже съ оттѣнкомъ нѣкоторой грубости, но грубости все-таки дружеской, сквозь которую просвѣчиваетъ любовь и участіе. И въ подобныхъ случаяхъ онъ не пересиливалъ себя, не принуждалъ къ снисхожденію, вовсе нѣтъ: онъ рѣшительно не могъ оставить ее, не могъ. Если бы даже когда-нибудь и случилось такъ, что выведенный изъ себя ея болѣзненными капризными выходками, онъ надѣлъ бы шляпу и ушелъ съ твердымъ намѣреніемъ не возвращаться больше къ своей пациенткѣ, то не прошло бы дня, можетъ быть двухъ-трехъ часовъ, какъ онъ все-таки возвратился бы. И не потому онъ возвратился бы къ ней, не потому не могъ оставить, чтобы ему жаль было ее, совѣстно было бросить на произволъ судьбы въ такомъ безвыходномъ положеніи, безъ друзей, безъ поддержки, — нѣтъ, а потому, что онъ успѣлъ привязаться къ этой женщинѣ, что она сдѣлалась ему дорога, можетъ быть, дороже его собственной жизни.

— Странное дѣло, вырвалось у него одинъ разъ, когда рѣчь зашла о ея мужѣ, о томъ, гдѣ онъ теперь, не собирается ли пріѣхать сюда или потребовать къ себѣ ее и дѣтей; — странное дѣло: я человѣкъ мирный, флегматикъ, а, кажется, убилъ бы его, еслибы онъ пріѣхалъ сюда... Что онъ сталъ поперекъ чужой дороги? Что портить чужую жизнь? Вонъ онъ: точно живой стоитъ передо мной...

Лицо у него сдѣлалось при этихъ словахъ какое-то непріятное и синевато-блѣдное, дыханіе почти прекратилось, не слышно его было, а глаза остановились неподвижные, почти сумасшедшіе, точно онъ въ самомъ дѣлѣ видѣлъ того человѣка, о которомъ говорилъ и собирался зарѣзать его. И слова эти вышли у него прямо изъ сердца, просто, безъэффектно вышли, даже какъ будто противъ его воли. Въ это время онъ способенъ бы былъ выполнить ихъ, — ушелъ бы изъ за этой женщины на каторгу, всю свою жизнь погубилъ бы также легко и незамѣтно, какъ выпилъ бы глотокъ воды.

Чѣмъ дальше, тѣмъ больше ея раздражительность сообщалась

и ему. Обыкновенно спокойный, сдержанный къ капризнымъ выходкамъ этой больной женщины, онъ въ послѣднее время все ближе и ближе принималъ къ сердцу эти капризы: иногда впадалъ въ какую-то хандру, въ задумчивость, такъ что ей трудно было добиться отъ него хоть одного слова; иногда самъ дѣлался сухъ и холоденъ съ нею, иногда не показывался день, даже два. Такъ было и теперь: онъ не былъ у нея уже три дня. Евлаія Александровна измучилась, ждавши его; то плакала отъ досады, какъ больной и капризный ребенокъ, то вдругъ воображала, что съ нимъ должно быть случилось какое-нибудь несчастіе или онъ боленъ и хотѣла сама идти къ нему, то оставалась на томъ убѣжденіи, что она ненавидитъ его, что онъ ухаживалъ за ней во время болѣзни единственно изъ обиднаго состраданія, какъ за нищей, и что съ нимъ непременно, ни мало не медля слѣдуетъ разсчитаться наличными деньгами за всё его хлопоты.

Она сидѣла у окна и ждала Филиппа, когда онъ подошелъ къ калиткѣ. Она была все еще очень худа и блѣдна. Одѣвалась она въ послѣднее время особенно тщательно и изысканно; даже причесывалась теперь иначе, чѣмъ прежде и именно такъ, какъ бывало убирала свою голову въ то время, когда еще не потеряла любви къ своему мужу.

— Ахъ это вы, сухо сказала она, когда Филиппъ вошелъ въ ея комнату.

Все спокойствіе пропало съ его лица, когда онъ услышалъ это холодное восклицаніе. За что она меня мучить? подумалъ онъ. Чѣмъ я ее обидѣлъ? И чего мнѣ нужно? Зачѣмъ я хожу сюда, зачѣмъ шляюсь?..

— Какъ видно вы совершенно напрасно прожили на божьемъ свѣтѣ эти три дня, раздражительно заговорилъ онъ, усѣвшись противъ нея по другую сторону стола и мелькомъ взглянувъ на ея лицо. — Даромъ пользовались воздухомъ, безъ пользы солнце васъ грѣло: ни крошечки вы не оправались...

— Ошибаетесь; я теперь совершенно здорова.

— Совершенно? Ну, я думаю, что вы въ этомъ дѣлѣ ничего не смыслите... Вы полагаете, что если ноги кое-какъ носятъ, руки въ состояніи вышивать какую-нибудь дрянъ, которая дастъ

вамъ двѣ копѣйки въ день на кусокъ чернаго хлѣба,—такъ вы и здоровы? Если нѣтъ жару или озноба, нигдѣ не ноетъ, ломитъ и не стрѣляетъ,—то вы и здоровы?..

— Я вамъ говорю, что я чувствую себя совершенно здоровою, раздражительно повторила она.

— Если вамъ угодно, пусть такъ и будетъ. Миѣ все равно. Я буду думать, что вы очень пополнили, что цвѣтъ лица вашъ отличный, а глаза такъ и сияютъ веселостью и здоровьемъ... Отлично. Все къ лучшему. Услуги и совѣты доктора вамъ больше не нужны...

— Я тоже думаю, сказала она, кусая губы и съ нѣсколькими раздувающимися ноздрями, какъ будто собираясь заплакать.— Я вамъ очень благодарна за всѣ ваши заботы обо мнѣ, очень благодарна,—тоскливо и горючливо прибавила она. *Мое горе, мое несчастіе, что я не могу теперь же расплатиться съ вами...* Вы знаете мое положеніе; я рѣшительно не могу... Но я постараюсь, всѣ усилія употреблю, чтобы поскорѣе, какъ только возможно поскорѣе...

Филиппъ слегка поблѣднѣлъ, пристально посмотрѣлъ на нее, взявъ шляпу и тихо прошелся по комнатѣ.

— Потомъ, заговорила она.

Онъ остановился и приготовился слушать ее съ такимъ же выраженіемъ въ лицѣ, какъ будто бы всматривался въ чловѣка, внезапно сошедшаго съ ума.

— Потомъ, продолжала она,—я только сегодня узнала, что, когда я лежала въ горячкѣ, вы бросили мнѣ новую милостыню. Вы взяли на себя содержаніе моихъ дѣтей. Благодарю. Можетъ быть, я ни за что въ мірѣ не согласилась бы принять эту милостыню... Но все равно... По крайней мѣрѣ, хоть теперь я могу сказать вамъ, что я не прошу и не беру милостыни... Я отдамъ вамъ, все отдамъ... скоро... Я продамъ послѣднія тряпки, какія у меня есть еще, и выплачу этотъ ненавистный долгъ... Онъ мнѣ дышать не даетъ...

Филиппъ еще подождалъ нѣсколько секундъ, потомъ опять прошелся по комнатѣ.

— Удивительно, пробормоталъ онъ.— Должно быть въ воздухѣ носится что нибудь особенное, располагающее людей къ су-

масшествию. Тамъ проповѣдуются какія-то фантастическія теоріи; здѣсь ни за что, ни про что третируютъ порядочнаго человѣка, какъ порядочнаго негодяя. За что? За что, смѣю васъ спросить? За то только, что вы больны? За то, что у васъ нервы разстроены, воображеніе воспламенено остатками горячки? За то, наконецъ, что васъ мучитъ это тягостное положеніе безъ работы и безъ здоровья? Къ вамъ приходитъ человѣкъ, котораго вы еще вчера называли своимъ другомъ, — вы нѣкоторымъ образомъ выгоняете его вонъ? И вы можете увѣрять меня, что вы не больны? Вы не больны, когда вамъ вездѣ и во всемъ представляется, что вамъ подають милостыню, бывають у васъ изъ состраданія, ищутъ вамъ работу изъ желанія васъ облагодѣтельствовать?... Нѣтъ, я конечно уйду. Мои посѣщенія, какъ видно, только разстраивають ваше воображеніе. Я уйду; но вы больны, очень еще больны... Вотъ что скверно... До свиданья...

— Вы уходите? встрепенулась она, поднявъ на него блѣдное, измученное лицо.

— Ухожу...

— Совсѣмъ? Навсегда уходите?...

Онъ отвернулся и опять началъ ходить по комнатѣ.

— Нѣтъ, идите, оставьте, бросьте меня, заговорила она, махнувъ рукой.—Состраданія мнѣ не нужны, это состраданіе сводитъ меня съ ума; а дружбы вашей я не стою, не заслуживаю ее. Я неблагодарна, медовѣрчива, подозрительна.. Я могу только тяготить и мучить тѣхъ, кто приближается ко мнѣ съ искреннимъ участіемъ. Я не могу... Я неблагодарна, зла, горда; оставьте меня... Когда придетъ время и случай, тогда приходите ко мнѣ, если я буду жива; скажите мнѣ, прикажите: сдѣлай то или поди туда,—я все сдѣлаю, я всюду пойду для васъ... Но теперь оставьте, забудьте меня. Не стою я... Здѣсь вы можете услышать только жалобы, вздохи, увидѣть слезы и капризы... Я вамъ говорю, что я могу только мучить тѣхъ, кто ко мнѣ приближается. А состраданія я не хочу... Прощайте...

Онъ все ходилъ по комнатѣ и долго молчалъ.

— Странные случаи бывають на свѣтѣ, произнесъ онъ наконецъ.—Вы говорите, что все для меня сдѣлаете и всюду пой-

дете; ну и я, съ своей стороны, могу отплатить вамъ тѣмъ же... Чѣмъ, кажется, не друзья? А между тѣмъ вы гоните меня...

— Для васъ, ради вашего спокойствія, не ради себя...

Онъ грустно покачалъ головой.

— Не знаю, ничего не знаю и не понимаю. Вижу только, что вы больны, нехорошо вамъ и плохо вы меня знаете, мало мнѣ вѣрите; больше ничего не знаю...

Онъ постоялъ у окна, повернувшись къ ней спиной, задумчиво побарабанилъ по стеклу, потомъ медленно обернулся.

— Есть здѣсь одно товарищество, Евлалія Александровна, заговорилъ онъ какимъ-то совсѣмъ упавшимъ голосомъ и съ поблѣднѣвшимъ лицомъ.— Средства у него крошечныя, сподвижниковъ мало, но надежды у насъ все-таки великія. Не захотите-ли вы войти въ нашъ кружокъ?

Онъ подробно разсказалъ ей всю исторію товарищества, его цѣли, средства, и условія.

— Что же я буду дѣлать въ этомъ товариществѣ? Помощь отъ него получать? Опять милостыню? горько спросила она.— Нѣтъ, мнѣ нечего дѣлать въ этомъ товариществѣ...

— Нѣтъ? Нечего? безнадежно повторилъ онъ.— Опять милостыню усматриваете вы въ моемъ предложеніи?

— Да, не хочу я... Вотъ если найду какое нибудь занятіе, тогда...

— Тогда, повторилъ онъ тѣмъ же тономъ.— Чтожь? Тогда, такъ тогда... Очень можетъ быть, что это занятіе и скоро найдется. Можно надѣяться...

Онъ всталъ, постоялъ нѣсколько секундъ въ раздумьѣ; не попробовать ли ему уговорить ее теперь же вступить въ товарищество? Потомъ молча протянулъ ей руку. Она тоже молча, но не вдругъ, нерѣшительно подала ему свою. Когда онъ выходилъ изъ комнаты, Евлалія Александровна привстала, хотѣла, казалось, позвать, воротить его,—но дверь уже затворилась за нимъ.

V.

Часа въ два ночи Филиппъ, только-что заснувшій, былъ разбуженъ звонкомъ. Онъ наскоро одѣлся, прибавилъ свѣту въ едва мерцавшей лампѣ и вышелъ въ свою приемную комнату. На стулѣ горѣлъ крошечный огарокъ свѣчки въ деревянномъ подсвѣчникѣ, поставленный тутъ дѣвицей Катериной; сама она, растрепанная, заспанная и изумленная, выглядывала изъ-за притворенной двери, а по комнатѣ ходилъ широкими, медленными шагами Мочаловъ. Онъ былъ блѣденъ, какъ полотно, глаза свѣтились лихорадочнымъ блескомъ, да и весь онъ былъ въ лихорадкѣ,—всѣмъ тѣломъ вздрагивалъ.

— Ты спалъ? спросилъ онъ Филиппа, не подавая ему руки.

— Спалъ...

Мочаловъ что-то пошевелилъ губами и сѣлъ къ письменному столу. Филиппъ заперъ дверь, спровадилъ дѣвицу Катерину спать, принесъ изъ своей спальни папирсы и сѣлъ противъ Мочалова.

— Ты уже спалъ? опять спросилъ Мочаловъ, очевидно забывъ, что онъ спрашивалъ объ этомъ и получилъ отвѣтъ достаточно удовлетворительный.

— Да, я спалъ, повторилъ Филиппъ, смотря на него съ тяжелымъ ожиданіемъ чего-то недобраго.

Мочаловъ налилъ стаканъ воды, выпилъ его съ лихорадочною жаждою, походилъ по комнатѣ, опять сѣлъ и вдругъ устремилъ на Филиппа пристальный, вызывающій и полный какой-то болѣзненной насмѣшки взглядъ.

— А я проигралъ... тѣ деньги, сказалъ онъ.

Филиппъ посмотрѣлъ на него широко-раскрытыми глазами, потомъ измѣривъ быстрымъ взглядомъ съ головы до ногъ.

— Какія? холодно спросилъ онъ.

— Тѣ... казенныя...

Наступило мертвое молчаніе; Филиппъ неподвижно смотрѣлъ въ сторону, немного отвернувшись отъ своего ночного гостя; Мочаловъ искоса посмотрѣлъ на него, — какое выраженіе его лица, — потомъ весь нагнулся и головой поникъ, какъ будто разсматривая половицы или свои сапоги. Усмѣшка исчезла съ

его губъ и изъ глазъ, не удалась, не выдержалась; на его лицѣ осталось выраженіе одного только глубокаго и безысходнаго страданія.

— Много? спросилъ Филиппъ, изъ состраданія не глядя на него.

Мочаловъ махнулъ рукой, всталъ и опять началъ ходить по комнатѣ. Иногда онъ подходилъ къ двери, дотрогивался до ея ручки, какъ будто хотѣлъ уйти, потомъ оставлялъ это намѣреніе и тихо, неровными шагами бродилъ по комнатѣ, застегивая до верху свое пальто и пряча руки въ карманы. Глаза его сдѣлались на выкатѣ, свѣтащіяся мутнымъ, стекляннымъ блескомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ неподвижные, безцѣльно останавливающіяся то на одномъ, то на другомъ предметѣ.

— Однако? спросилъ Филиппъ.—Много-ли?

— Около пятисотъ, отвѣчалъ Мочаловъ такимъ невнятнымъ и глухимъ голосомъ, что Филиппъ довольно рѣзко переспросилъ: пяти? шестисотъ?

Мочалова поразила этотъ рѣзкій и досадливый тонъ. Онъ остановился и взглянулъ на Филиппа.

— Нѣтъ, тихо и горько сказалъ онъ,—ничего, ничего мнѣ не нужно... Надоѣло мнѣ все это... Прощай...

Филиппъ предупредилъ его и заслонилъ дверь, ставши къ ней спиною.

— Что тебѣ тамъ надоѣло? Жизнь, что-ли? шепталъ онъ, блѣдный и съ стѣсненнымъ дыханіемъ, крѣпко схвативъ Мочалова за руку.—Мало ли что надоѣло... Мало ли что... Не пущу я тебя!..

— Пусти... Я пойду... домой пойду, глухо шепталъ Мочаловъ.

— Не пущу я тебя, рѣшительно сказалъ Филиппъ, заперевъ дверь и положивъ ключъ въ карманъ.

— Такъ порядочные люди не дѣлаютъ, шепталъ онъ, задыхаясь отъ волненія.—Мало ли что тебѣ надоѣло... Ты прежде устрой свои дѣла... Прежде поправь свой грѣхъ, а потомъ уже и дѣлай что хочешь... Тогда ты воленъ, не держу... А то съ патномъ на лбу, съ позорнымъ патномъ...

Онъ спохватился, бѣгло взглянулъ на Мочалова и замолчалъ.

Мочаловъ сѣлъ или лучше сказать упалъ на диванъ, съ трудомъ переводя дыханіе послѣ усилій, употребленныхъ имъ, чтобы оттолкнуть Филиппа отъ двери, — потомъ легъ и тяжело дыша, съ широко-раскрытыми глазами, смотрѣлъ въ потолокъ.

Умреть! Умреть! Не перенести ему этой ночи! уже съ тоской думалъ Филиппъ, ходя по комнатамъ и взглядывая въ лицо своего ночного гостя, на щекахъ котораго вдругъ выступилъ румянецъ, яркій, какъ листья пунцовой розы. Быть всю жизнь честнымъ человѣкомъ и вдругъ сдѣлать гадость, подлость, воровство! И главное, — сдѣлать это какъ будто бы по своей собственной волѣ, по свободному выбору... Вотъ что гнусно... Да, какъ не своя воля, какъ не свободный выборъ! У человѣка земля обрушилась подъ ногами, онъ и упалъ въ бездну. Пойдетъ, пойдетъ туда онъ по собственной волѣ? Въ бездну пойдетъ? Какже? Такой онъ человѣкъ, чтобы пойти на гадость! Нѣтъ, здѣсь земля обрушилась, земля обрушилась!

Онъ взглянулъ на часы, поднесъ ихъ къ уху, — не стоятъ ли, потомъ отдернулъ занавѣску и заглянулъ въ окно: небо уже поблѣгло, скоро взойдетъ солнце.

— Скорѣ бы, скорѣ бы день, какъ бы про себя сказалъ онъ. — За Матросовымъ нужно послать.

Потомъ опять походилъ по комнатамъ.

— Я говорю, скорѣ бы день, сказалъ онъ громче, остановившись надъ Мочаловымъ. — Надо послать за Матросовымъ... Безъ него нельзя... Деньги у насъ есть, ты самъ видѣлъ; но безъ Матросова ничего не могу. Онъ придетъ, скажемъ ему, тогда и устроимъ все...

— Это тѣ деньги? На магазинъ который? глухо спросилъ Мочаловъ.

— Тѣ...

Мочаловъ отвернулся лицомъ къ стѣнѣ и опять надолго замолчалъ. Изрѣдка онъ шевелился, поджималъ ноги, тянулъ свое пальто выше, какъ будто хотѣлъ закутаться въ него весь, съ головой и ногами.

Вотъ и еще новая змѣя ужалила его, думалъ Филиппъ. Раздумываетъ онъ теперъ, что не только самъ на себя пятно на-

ложилъ, но еще и товарищество наше поразило. Горько ему это, обидно. Гордъ онъ.

Вдругъ Мочаловъ повернулся, спустилъ ноги на полъ и твердыми шагами направился къ столу. Онъ налилъ себѣ воды, причемъ руки его тряслись такъ, что стаканъ колотился о горлышко графина.

— Все это пустяки, сказалъ онъ твердо и холодно. — Вы мнѣ дадите денегъ пополнить недочетъ, — слѣдовательно время будетъ выиграно. А это все. Кромѣ времени мнѣ ничего и не нужно. Тамъ я распродамъ все, что у насъ есть... все сдѣру съ себя и съ матери... Тѣмъ только и окончится дѣло, что одной бѣдной ограбленной старухой будетъ больше... Чтожъ дѣлать?..

Но видно это было не настоящее спокойствіе, а только отчаянное усиліе воротить это спокойствіе. Онъ схватился обѣими руками за голову.

— Какъ это подло! Какъ это гадко! воскликнулъ онъ. — Ограбить старуху, мать... Ничего ей не оставить, все отнять!.. Ограбить!..

За этимъ крикомъ и взрывомъ опять наступила полоса самаго безотчетнаго отчаянія.

— Глупо, продолжалъ онъ задумчиво. — Зачѣмъ я шелъ къ тебѣ? Зачѣмъ? Глупо. Не все ли равно: мѣсяцемъ раньше, мѣсяцемъ позже... Все равно умру... Зачѣмъ шелъ человекъ? Дуракъ! Они обыграли, они и заплатили бы какой тамъ послѣ меня оказался бы недочетъ... Они эти деньги пропьютъ, бросятъ; а теперь старуха ограблена...

— Ну, а клеймо, которое осталось бы на твоемъ имени?..

— Клеймо... Что клеймо! Вѣдь все равно подлець; самъ знаешь. Ты вѣдь и самъ теперь смотришь на меня, да и думаешь про себя: подлець — подлець! А? Вѣдь такъ? — говорилъ онъ, смотря прямо въ глаза Филиппу и сопровождая слово подлець укоризненнымъ покачиваніемъ головы.

— Ничего я не думаю, грустно сказалъ Филиппъ. — Какой ты подлець? Вѣдь я знаю тебя. Не похожъ ты на него.

— Не похожъ? Будто?..

Онъ отвернулся и опять прилегъ на диванъ.

— Сонъ! Кошмаръ! тихо произнесъ онъ, затѣмъ повернулъ

ся лицомъ къ стѣнѣ и, дрожа всѣмъ тѣломъ, закутался въ пальто.

Филиппъ вздохнулъ. Нисколько я не думаю, что ты подлець, думалъ онъ. Какой ты подлець. Несчастный ты человекъ, а не подлець. Но подлость двинула тебя поставить на карту чужія деньги, нѣтъ, не подлость, а увлеченіе, болѣзнь, съумасшествіе. Ты навѣрно самъ не зналъ, что дѣлалъ, навѣрное былъ въ то время въ такой же лихорадкѣ, какъ и теперь, въ съумасшествіи находясь. . Старуху ограбилъ! Старуху-мать, которую, можетъ быть, одну только въ цѣломъ свѣтѣ и любилъ! Любилъ и ограбилъ! Богъ съ тобой, какой ты подлець! Да, дѣйствительно, ограбилъ. Придется весь домашній скарбъ продать, все твое наслѣдство продать. Твое наслѣдство, — потому что ты умрешь, не вынесешь... Скоро намъ, твоимъ товарищамъ, придется нести тебя туда, гдѣ люди находятъ невозмутимый покой. А старушонка-мать пойдетъ въ черномъ платьѣ за твоимъ гробомъ. Плакать будетъ... Конечно, она такъ, въ черномъ платьѣ и останется до конца своей жизни. Можетъ быть, все въ томъ же, въ которомъ пойдетъ за твоимъ гробомъ, и будетъ носить его, пока смерть не придетъ и за нею. Не долго ей жить, да и слишкомъ бѣдна она останется, чтобы новыя платья дѣлать. Нищая будетъ... Пенсіонъ должно быть есть; да великъ ли? Можетъ быть, въ богадѣльнѣ присгронится. Да, горько, горько.. Дѣйствительно нечего тебѣ дѣлать. Пулю себѣ пустить въ лобъ, —воромъ тебя назовутъ; расплатиться, —мать свою ограбить... Что лучше? Или что хуже?

Онъ тихо прошелъ въ спальню, чтобы принести подушку и одѣяло своему несчастному гостю. Переступивъ порогъ, онъ чуть не выронилъ изъ рукъ свѣчу. На его кровати, въ ногахъ ея, сгорбившись сидѣла Анна Романовна. На плечахъ у нея былъ кое-какъ накинутъ большой платокъ, сѣдые волосы заплетены въ жиденькую, коротенькую косичку, а босыя ноги она поджала подъ кровать. Филиппъ почти съ отчаяніемъ смотрѣлъ на нее. Потомъ поставилъ свѣчу на комодъ, облокотился на него и мрачно смотрѣлъ на мать. Что дѣлать? Просить ее молчать, — тогда она еще съ большимъ рвеніемъ примется рассказывать всѣмъ по-секрету то, что слышала, и то, чего не

слышала. Урезонить, — ничѣмъ не урезонишь. Не можетъ она хранить про себя такую важную тайну. Что дѣлать? А она покачала головой изъ стороны въ сторону, потомъ, скрестивши руки на груди, покачала сверху внизъ и затѣмъ съ глубокимъ вздохомъ подняла глаза къ потолку.

— Пьянъ, сказалъ Филиппъ.

— И пьянъ? съ ужасомъ прошептала она.

— А больше ничего. Только и есть, что пьянъ, а больше ничего. Вамъ что еще показалось?..

— Ничего мнѣ, батюшка, не показалось, обидчиво отвѣчала она и, покачивая головой, пошла въ свою комнату. «Дѣла у нихъ, дѣла!» долетѣло до Филиппа ея восклицаніе, исполненное изумленія.

Онъ затворилъ за нею дверь, заставилъ ее комодомъ и возвратился къ Мочалову. Онъ блѣдный, съ выраженіемъ болѣзненного испуга въ глазахъ, съ включенными волосами, стоялъ у дивана и смотрѣлъ на дверь, изъ которой выходилъ Филиппъ.

— Кто тамъ? Съ кѣмъ ты говорилъ? со страхомъ шепталъ онъ.

— Мать приходила...

— Мать?.. слышала она? А? Слышала? Слышно оттуда? .

— Нѣтъ, кажется, она только-что пришла...

— Кажется?.. Можетъ быть, и слышала? . Впрочемъ все равно, все равно: пускай знаютъ, слышать, пускай... Все равно ..

Однако онъ въ видимомъ волненіи началъ ходить по комнатѣ. Но должно быть ему тяжело было, что посторонній человѣкъ слѣдитъ за каждымъ его движеніемъ: скоро онъ опять легъ на диванъ, повернувшись лицомъ къ стѣнѣ

Н. Важинъ.

(Продолженіе будетъ.)

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ТАЛАНТЛИВАЯ БЕЗТАЛАННОСТЬ.

(«Обрывъ». Романъ И. А. Гончарова. 1869 г.)

I.

Читатель вѣроятно помнитъ, что когда явилась «Обыкновенная исторія» Гончарова—русская публика пришла въ восторгъ неописанный и романъ молодого автора читался наперерывъ. Но вотъ чего, конечно, не помнитъ читатель. Онъ не помнитъ отзыва о Гончаровѣ Бѣлинскаго. Часто ошибался Бѣлинскій въ живыхъ авторахъ, но въ настоящемъ случаѣ не ошибся. Разбирая «Обыкновенную исторію», Бѣлинскій сказалъ о Гончаровѣ: «Онъ поэтъ, художникъ и больше ничего. У него нѣтъ ни любви, ни вражды къ создаваемымъ имъ лицамъ, они его не веселятъ, не сердятъ, онъ не даетъ никакихъ правильныхъ уроковъ ни имъ, ни читателю; онъ какъ будто думаетъ: кто въ бѣдѣ, тотъ я въ отвѣтѣ, а мое дѣло сторона. Изъ всѣхъ нынѣшнихъ писателей онъ одинъ, только онъ одинъ приближается къ идеалу чистаго искусства, тогда какъ всѣ другіе отошли отъ него на неизмѣримое пространство — и тѣмъ самымъ успѣваютъ. Всѣ нынѣшніе писатели имѣютъ еще нѣчто кромѣ таланта и это-то нѣчто важнѣе самаго таланта и составляетъ его силу; у г. Гончарова нѣтъ ничего кромѣ таланта; онъ больше, чѣмъ кто нибудь теперь поэтъ-художникъ: Талантъ его не первостепенный, но сильный, замѣчательный. Къ особенностямъ его таланта принадлежитъ необыкновенное мастерство рисовать

женскіе характеры. Онъ никогда не повторяетъ себя, ни одна его женщина не напоминаетъ собою другой, и всё, какъ портреты, превосходны...» Говоря объ эпилогѣ, Бѣлинскій замѣчаетъ, что его хоть бы не читать. «Какъ такой сильный талантъ могъ впасть въ такую странную ошибку, пишетъ Бѣлинскій. Или онъ не совладалъ съ своимъ предметомъ? Ничуть не бывало! Авторъ увлекся желаніемъ попробовать свои силы на чуждой ему почвѣ—на почвѣ сознательной мысли — и пересталъ быть поэтомъ. Здѣсь всего яснѣе открывается различіе его таланта съ талантомъ Искандера: тотъ, и въ сферѣ чуждой для его таланта дѣйствительности, умѣлъ выпутаться изъ своего положенія силою мысли; авторъ «Обыкновенной исторіи» впалъ въ важную ошибку именно оттого, что оставилъ на минуту руководство непосредственнаго таланта. У Искандера мысль всегда впереди, онъ впередъ знаетъ, что и для чего пишетъ; онъ изображаетъ съ поразительною вѣрностію сцену дѣйствительности для того только, чтобы сказать о ней свое слово, произнести судъ. Г. Гончаровъ рисуетъ свои фигуры, характеры, сцены прежде всего для того, чтобы удовлетворить своей потребности и насладиться своею способностію рисовать; говорить и судить и извлекать изъ нихъ нравственныя слѣдствія ему надо • предоставить своимъ читателямъ... Главная сила таланта г. Гончарова—всегда въ изящности и тонкости кисти, вѣрности рисунка; онъ неожиданно впадаетъ въ поэзію, даже въ изображеніи мелочныхъ и постороннихъ обстоятельствъ, какъ напримѣръ въ поэтическомъ описаніи процесса горѣнія въ каминѣ сочиненій молодого Адуева... въ талантѣ г. Гончарова поэзія — агентъ, первый, главный и единственный...»

Эта характеристика такъ вѣрна въ своихъ общихъ основаніяхъ, что прибавлять къ ней нечего. Но для болѣе точной и полной оцѣнки г. Гончарова ее нужно разяснить въ подробностяхъ.

Со времени «Обыкновенной исторіи» въ мыслительныхъ способностяхъ г. Гончарова никакихъ существенныхъ перемѣнъ не произошло. Оно и понятно—способности эти въ гостинномъ дворѣ не продаются. Г. Гончаровъ остался по-прежнему поэтомъ, талантомъ, живописцемъ, съ тою только разницею противъ 1847 г., когда появилась «Обыкновенная исторія», что въ двадцать слишкомъ лѣтъ онъ еще больше окрѣпъ въ живописи и сталъ слабѣе, чѣмъ былъ, на почвѣ сознательной мысли.

Но уже и во времена Бѣлинскаго чувствовалось, что писателю, кромѣ таланта нужно имѣть еще *нѣчто* и что это нѣчто важнѣе

самого таланта и составляет его силу. Уже во времена Бѣлинскаго у всѣхъ писателей явилось это *нѣчто* и только одинъ г. Гончаровъ стремился къ идеалу чистаго искусства и пѣлъ, какъ птица божія, потому, что хотѣлось пѣть.

Что это такое за *нѣчто*, и почему только въ немъ сила писателя, только въ немъ сила его таланта? Это *нѣчто* есть пониманіе жизни, пониманіе общественныхъ потребностей и социальныхъ стремленій. Это *нѣчто* есть смыслъ руководящій; это *нѣчто* есть умъ. Если у автора нѣтъ свѣтлаго, прогрессивнаго ума — его не спасетъ никакой талантъ.

Что такое писатель какъ не общественный дѣятель, что такое писатель какъ не интеллектуальная сила, какъ не путеводная звѣзда, за которой идутъ тѣ, кто понимать и рассуждать безошибочно не въ состояніи?

Чему же служить въ этомъ случаѣ талантъ, и для чего онъ нуженъ?

Въ сценѣ отъѣзда Адуева изъ деревни (Обыкн. истор.) мы читаемъ: «Коренная безпрестанно поднимала и трясла голову. Колокольчикъ издавалъ всякій разъ при этомъ рѣзкій звукъ, напоминавшій о разлукѣ, а пристяжныя стояли, задумчиво опустивъ головы, какъ будто понимая всю прелесть предстоящаго имъ путешествія и изрѣдка обмахивались хвостами или протягивали нижнюю губу къ коренной лошади... Антонъ Ивановичъ потрепалъ одну лошадь по шеѣ, потомъ взялъ ее за ноздри и потрясъ въ обѣ стороны, чѣмъ та, казалось, вовсе была недовольна, потому-что оскалила зубы и тотчасъ же фыркнула». Не дурно. Въ вашемъ воображеніи рисуются знакомыя сцены, у васъ какъ бы передъ глазами ямская тройка, вы видите, что авторъ нарисовалъ сцену мастерски и говорите—талантъ.

Въ «Обрывѣ» талантъ наблюдательности и изображенія мелочей является еще сильнѣе. Описаніе тетокъ Бѣловодовой, напри- мѣръ, превосходно: «Это были двѣ высокія, сѣдые, чѣнные старушки, ходившія дома въ тяжелыхъ, шелковыхъ, темныхъ платьяхъ, большихъ чепцахъ, на рукахъ со многими перстнями. Надежда Васильевна страдала тикомъ и носила подъ чепцомъ бархатную шапочку, на плечахъ бархатную подбитую горностаемъ кацавейку, а Анна Васильевна сырцовыя буikli и большую паль. У обѣихъ было по ридикюлю, а у Надежды Васильевны высокая, золотая табатерка, около нея нѣсколько носовыхъ платковъ и мосьяка, старая, всегда заспанная, хрипящая и отъ старости не-

узнающая никого из домашних, кроме своей хозяйки. Домъ у тетокъ былъ старый, длинный, въ два этажа, съ гербомъ на фронто́нѣ, съ толстыми, массивными стѣнами, съ глубокими окошками и длинными, темными простѣвками... Швейцаръ походилъ на Нептуна; лакеи пожилые и молчаливые, женщины въ темныхъ платьяхъ и чепцахъ. Экипажъ высочій, козлы съ шелковой бахромой, лошади старня, породистыя, съ длинными шеями и спинами, съ побѣлѣвшими отъ старости губами, при ѣздѣ крупно кивающія головой... > Когда Райскій и Аляновъ вошли, «моська на нихъ захрипѣла, но не смогла полаять и, повертѣвшись около себя, опять улеглась... Надежда Васильевна ласково поглядѣла на вошедшихъ, съ удовольствіемъ высморкалась и сейчасъ же понюхала табакъ, зная, что у нея будетъ партія... > Когда бабушка повезла Райскаго въ городъ, «ихъ везла пара милыхъ лошадей, ѣхавшихъ медленной рысью: въ груди у нихъ что-то отдавалось, точно якота. Кучеръ держалъ кнутъ въ кулакѣ, возжи лежали у него на колѣняхъ и онъ изрѣдка подергивалъ ими, съ лѣнивымъ любопытствомъ и зѣвотой поглядывая на знакомые предметы по сторонамъ... Доѣхали они до деревянныхъ рядовъ. Купецъ встрѣтилъ ихъ съ поклонами и съ улыбкой, держа шляпу на отлетѣ и голову наклонивъ немного въ сторону... Въ одной изъ лавокъ, у которой остановилась бабушка, были сукна и матеріи, въ другой комнатѣ — сыръ и леденцы и пряности и даже бронза. Бабушка пересмотрѣла всѣ матеріи; прицѣпилась и къ сыру, и къ карандашамъ, поговорила о цѣнѣ за хлѣбъ и перешла въ другую, потомъ въ третью лавку, наконецъ проѣхала черезъ базаръ и купила только веревку, чтобъ не вѣшали бабы бѣлье на дерево, и отдала Прохору. Онъ долго ее разсматривалъ, все потягивая въ рукахъ каждый вершокъ, потомъ посмотрѣлъ оба конца и спряталъ въ шапку...» Когда Райскій пріѣхалъ къ бабушкѣ изъ Петербурга, его глазамъ представилась неожиданно слѣдующая картина: «На крыльцѣ, въ родѣ веранды, уставленной большими кадками съ лимонными, померанцовыми деревьями, кактусами, алоэ и розовыми цвѣтами, отгороженной отъ двора большей рѣшеткой и обращенной къ цвѣтнику и саду, стояла дѣвушка лѣтъ двадцати и съ двухъ тарелокъ, которыя держала передъ ней дѣвочка лѣтъ двѣнадцати босая, въ выбойчатомъ платьѣ, брала горстями пшено и бросала птицамъ. У ногъ ея толпились куры, индѣйки, утки, голуби, наконецъ воробьи и галки. «Цыпъ, цыпъ, ти, ти, ти! гуль, гуль, гуль!» ласковымъ голосомъ приглашала дѣвушка птицъ къ завтраку. Ку-

ры, пѣтухи, голуби, торопливо хватали, отступали, какъ будто опасаясь ежеминутнаго предательства и опять совались. А когда тутъ же вертѣлась галка и, подскакивая бокомъ, навила воровски клюнуть пшено, дѣвушка топала ногой, «прочь, прочь: ты зачѣмъ?» кричала она замахиваясь и вся чернотая толпа въ легъ разбрасывалась по сторонамъ, а черезъ минуту опять головы кучей совались жадно и торопливо клевать, какъ будто воруя зерна. «Ахъ ты жадный!» говорила дѣвушка, замахиваясь на большого пѣтуха—никому не даешь—кому ни брошу, вездѣ схватить...» Райскій не дожидаясь, пока ямщикъ завернетъ въ ворота, бросился впередъ, пробѣжалъ остатки рѣшетки и вдругъ очутился передъ дѣвушкой. «Сестрица!» воскликнулъ онъ, протягивая руки. Въ одну минуту, какъ будто по волшебству, все исчезло. Онъ не успѣлъ уловить, какъ и куда пропали дѣвушка и дѣвчонка: воробьи, мимо его носа, проворно махнули на кровлю. Голуби, похлопывая крыльями точно ладонями, въ разсыпную кружились надъ его головой, какъ слѣпые. Куры съ отчаяннымъ кудахтаньемъ бросились по угламъ и даже пробовали съ испуга бросаться на стѣну. Индѣйскій пѣтухъ, поднявъ лапу и озираясь вокругъ, неистово выругался по-своему, точно сердитый командиръ оборвалъ всю команду на ученьи за беспорядокъ. Всѣ люди на дворѣ, опѣшивъ за работой, съ разинутыми ртами, глядѣли на Райскаго! Онъ самъ почти испугался и смотрѣлъ на пустое мѣсто: передъ нимъ по землѣ были только одни разсыпанные зерна...» Но наибольшую силу своего рисовальнаго таланта обнаружилъ г. Гончаровъ въ описаніи стѣнного города; такъ, кажется, и видишь Симбирскъ. «Было за полдень давно; надъ городомъ лежало опѣпенѣніе покоя, штиль на сушѣ, какой бываетъ на морѣ, штиль широкой, стѣнной, сельской и городской русской жизни. Это не городъ, а кладбище, какъ всѣ эти города. Онъ не то умеръ, не то уснулъ или задумался. Растворенныя окна зѣяли, какъ разверстыя, но не говорящія уста, нѣтъ дыханія, не бьется пульсъ. Куда же убѣжала жизнь? Гдѣ глаза и языкъ у этого лежащаго тѣла? Все пестро, зелено и все молчитъ. Райскій вошелъ въ переулки и улицы: даже вътеръ не ходитъ. Пылъ, уже третій день нетронутая, однимъ узоромъ отъ пробѣжавшихъ колесъ лежитъ по улицамъ; въ тѣни забора отдыхаетъ козелъ, да куры, вырывъ ямки, усѣлись въ нихъ, а неутомимый пѣтухъ ищетъ поживы, проворно раскапывая, то одной, то другой ногой кучу пыли. Собаки, свернувшись по три, по четыре, лежатъ разношерстной кучей на любомъ дворѣ, броса-

ясь, по временамъ, отъ праздности, съ лаемъ на рѣдкаго прохожаго, до котораго имъ никакого дѣла нѣтъ. Просторъ и пустота— какъ въ пустынѣ. Кое-гдѣ высунется изъ окна голова съ сѣдой бородой, въ красной рубашкѣ, поглядитъ, зѣвая, на обѣ стороны, и плюнетъ и спрячется. Въ другое окно, съ улицы, увидишь хранищаго на кожаномъ диванѣ челоуѣка въ халатъ: подлѣ него на столикѣ лежатъ «вѣдомости», очки и стоитъ графинъ късу. Другой сидитъ по цѣлымъ часамъ у воротъ въ картузѣ и въ мирномъ бездѣйствіи смотритъ на канаву съ крапивой и на заборъ на противоположной сторонѣ. Давно ужъ мнетъ носовой платокъ въ рукахъ — и все не рѣшается высморкаться: лѣнь. Тамъ кто-то бездѣйствуетъ у окна съ пенковой трубкой, и когда бы кто ни прошелъ мимо, всегда сидитъ онъ—съ довольнымъ, ничего не желающимъ и не скупающимъ взглядомъ...»

Талантъ, большой талантъ! Съ замѣчательной наблюдательностью г. Гончаровъ изучалъ виѣшнюю природу, привычки и поведение животныхъ и челоуѣка. Онъ подмѣтилъ, что лошадь никогда не фыркаетъ, не оскаливъ зубовъ, и не обойдетъ молчаніемъ этого обстоятельства. Онъ знаетъ, что у породистыхъ лошадей спяны и шен длинныя и на ѣздѣ онѣ крупно киваютъ головами и вотъ читателю указываетъ и на это. Онъ знаетъ, что собака, прежде чѣмъ ляжетъ, поворотится около себя нѣсколько разъ. Онъ подмѣтилъ, что галка прыгаетъ бокомъ и отличается воровскими привычками, что голуби хлопаютъ крыльями, точно ладонями, что куры въ испугѣ скачутъ на стѣну, а простонародье выражаетъ свое изумленіе разинутыми ртами. Нѣтъ такой мелочи, на которую бы г. Гончаровъ не обратилъ вниманія. Онъ вамъ объясняетъ, что у дяди Адуева (Обыкн. истор.) ногти были длинныя и прозрачныя; что Надежда Васильевна (Обрывъ) сморкалась иногда отъ удовольствія и затѣмъ нюхала табакъ, что кунецъ, почтительно кланявшійся бабушкѣ Райскаго, держалъ шляпу на отлетѣ, а голову наклонивъ немного въ сторону, что какой-то прохожій, когда Райскій спросилъ его гдѣ живетъ Козловъ, сначала подумалъ немного, потомъ оглядѣлъ Райскаго съ ногъ до головы, затѣмъ отвернулся въ сторону, высморкался въ пальцы и только тогда отвѣчалъ.

Но эта мелочная поддѣлка подробностей васъ не подкупаетъ. Вы видите за нею пружины, извѣстный заученный механизмъ, рѣзко бросающееся въ глаза подражаніе Гоголю. Тутъ пожалуй даже нѣтъ таланта въ смыслѣ старой творческой силы, а просто извѣст-

ный, терпѣливо-выработанный приѣмъ, сдѣлавшійся признакомъ гоголевской школы. Что такое заключеніе вѣрно, читатель убѣдится изъ слѣдующаго разсужденія.

Бѣлинскій относился къ автору «Обыкновенной исторіи» слишкомъ мягко, точно онъ хотѣлъ пощадить молодого писателя и, не слишкомъ задѣвая, навести его на истинный путь. Ужь и тогда г. Гончаровъ пускался въ подробное, неподходящее къ дѣлу описаніе несущественнаго, невмѣющее ровно никакого отношенія къ основному вопросу. Бѣлинскій указывалъ ему на это, Бѣлинскій говорить, что ему недостаетъ *мысли*, что онъ отсталъ неизмѣримо отъ современныхъ ему писателей. Но г. Гончаровъ не понялъ этого предостереженія. вмѣсто того, чтобы поработать надъ собою, онъ усилилъ въ себѣ свои старыя недостатки, не прибавивъ ни одного изъ тѣхъ существенныхъ достоинствъ, безъ которыхъ невозможно быть писателемъ съ плодотворнымъ, прогрессивнымъ значеніемъ.

Какъ будто бы талантъ только въ томъ, чтобы изображать съ поразительной вѣрностью кудахтанье куръ, рысь старыхъ породистыхъ лошадей, приѣмъ кучера, державшаго возжи въ кулакахъ или тѣ клубничныя сцены, которыя дѣлаютъ «Обрывъ» романомъ, назначеннымъ по преимуществу для старыхъ холостяковъ? Неужели, чтобы прослыть талантливымъ, достаточно одной способности копировать до мелочныхъ подробностей все, что подвернется подъ руку, несправляясь, выжестся ли это съ главной идеей или нѣтъ? Бѣлинскій былъ неправъ въ своей деликатности, если только онъ ясно сознавалъ самъ, что онъ говоритъ. Бѣлинскій какъ будто отдѣляетъ талантъ отъ идеи, строг оразграничивая поэтическое творчество отъ сознательной мысли. Но существуетъ ли такая черта? Можно ли быть талантомъ безъ мысли? Не будетъ ли это безсвязнымъ, хоть и красивымъ бредомъ сьумасшедшаго?

Никто не живетъ въ пространствѣ. У всякаго человѣка есть свое мѣсто на землѣ, свои мысли, свой опытъ, свое міровоззрѣніе, свой кругъ дѣятельности. У каждаго человѣка есть что онъ любить и есть что онъ ненавидитъ, и эта ненависть и любовь скажутся въ каждомъ его дѣйствіи, въ каждомъ его произведеніи, если онъ талантъ. Подборами сценъ, характеровъ, обстоятельствъ талантъ выразитъ непремѣнно себя, выкажетъ свою душу, постарается передать вамъ свои симпатіи и антипатіи, поставитъ васъ на свою точку зрѣнія и это-то будетъ идеей его труда, его произведенія. Поэтому чисто-объективное, поэтическое творчество, въ которомъ бы высказался писатель какъ человѣкъ, какъ членъ об-

щества, совершенно немислимо; ибо каждый писатель, какъ бы онъ ни былъ силенъ какъ поэтъ и художникъ, прежде всего человѣкъ, существо привязанное къ землѣ, къ людямъ, стремящееся къ личному счастью. Дуракъ, какъ бы онъ ни былъ талантливъ, обнаружитъ немедленно свою дураковатость социальной бесполезности своего произведенія, и эта бесполезность будетъ опять его идеей. Безъ идеи, безъ мысли никакое произведеніе невозможно. И эта социальная мысль или *нѣчто*, какъ выражается Бѣлинскій, есть единственное мѣрило таланта, есть основная его сила. Не силой поэтического творчества опредѣляется размѣръ таланта, а силой, воодушевляющей его мысли, силой ея социальной, прогрессивной полезности.

Неужели талантъ и искусство нужны только для того, чтобы рисовать необычайно живописно всякія житейскія бесполезности? Поэтъ рисуетъ вамъ необычайно вѣрно завываніе вѣтра въ пустынѣ или ночной вой шакаловъ. Если при описаніи этихъ сценъ у васъ умъ не возникаетъ никакой полезной параллели, къ чему служить такое описаніе? Станете ли вы читать книгу, невозбуждающую въ васъ никакого интереса? А что такое интересъ, какъ не ближайшая практика къ вашей жизни. Во всемъ вы ищете себя, во всемъ вы ищете отвѣтовъ на свои вопросы.

Описаніе природы имѣетъ смыслъ настолько, насколько рисуетъ умъ или глупость коллективной жизни человѣка, силу и власть человѣка надъ этой природой. Почему весьма хитро измышленная статья г. Страхова «О жителяхъ луны» осталась незамѣченной, несмотря на всю ловкость ея логическаго построения? А только потому, что вамъ нѣтъ никакого дѣла до жителей луны, пока къ нимъ не будетъ проведена желѣзная дорога. Описаніе природы вамъ важно лишь въ прогрессивно-историческомъ смыслѣ, т. е. насколько человѣкъ въ борьбѣ съ природой торжествуетъ или падаетъ въ безсиліи. Природа важна для насъ настолько, насколько, человѣкъ зависитъ отъ нея. Безотносительной природы нѣтъ, и какъ бы ни были велики ураганы у жителей луны г. Страхова, вамъ нѣтъ до нихъ никакого дѣла, пока лунный ураганъ не задѣнетъ васъ. пока онъ не заставитъ васъ справиться о цѣлости крыши вашего дома или не заставитъ васъ подумать о болѣе тепломъ одѣялѣ.

Степной городъ г. Гончарова важенъ для васъ не потому, что въ вашемъ воображеніи возникаетъ картина знойной пустыни съ собаками, лежащими лѣнивыми кучами, и съ людьми, истомленными жаромъ до того, что имъ трудно высморкаться; важенъ онъ вамъ

потому, что возбуждаетъ узкую ассоціацію идей соціального характера, рисуесть вамъ спячку мозга, покой могилы, отсутствіе активности, дичь, невѣжество, отсталость. Вамъ хочется понять, почему эти люди такъ жалки, такъ глупы и бѣдны, почему для нихъ счастье въ томъ, въ чемъ каждый, умственно развитый человѣкъ, увидѣлъ бы свое несчастье. Но вотъ тутъ-то и возникаетъ истинная задача таланта. Пусть онъ стоитъ за занавѣсомъ и вы не замѣчаете его приемовъ. Но талантъ долженъ представить вамъ именно всѣ тѣ данныя, которыя должны возбудить въ васъ правильное, прогрессивно соціальное мышленіе. Талантъ долженъ подобрать всѣ факты, всѣ обстоятельства, всѣ особенности, чтобы сконцентрировать ваши мысли въ извѣстномъ, точно-опредѣленномъ направленіи и привести васъ къ правильному логическому выводу. Все постороннее, мѣшающее быстротѣ и силѣ вашего мышленія въ данномъ направленіи, будетъ уже не задачей таланта, а признакомъ безталанности. Для чего вамъ нужно знать, что собака, прежде чѣмъ легла, повернулась нѣсколько разъ вокругъ себя или, что куры прыгали въ испугѣ на стѣну, если эти факты не помогаютъ вашему мышленію въ извѣстномъ данномъ направленіи и не усиливаютъ вашего соціального вывода? Пропустите ихъ—проиграете или выиграете вы въ новомъ знаніи? Если умственное безразличіе несомнѣнно, то къ чему приводятъ факты, только мѣшающіе вашему мышленію, только затемняющіе его своею посторонней примѣсью.

Талантъ есть только та сила, которая умѣетъ концентрировать данныя для извѣстнаго положительнаго вывода и непремѣнно вывода высокой общественной полезности, вывода, очищающаго понятія, и имѣющаго руководящее значеніе. Талантъ есть сила образнаго изображенія въ широко-захватывающихъ картинахъ, сильнѣе дѣйствующихъ на воображеніе, борьбы и умственнаго торжества человѣка надъ мракомъ и невѣжествомъ. Борьба можетъ быть съ природой, борьба можетъ быть соціальная, но все ради этой борьбы, все ради торжества свѣта надъ тьмою. Въ иной формѣ, въ иномъ значеніи талантъ немислимъ, ибо онъ иначе талантливая безталанность, красивое пустословіе, поэтическая бездѣлка. Если обыкновенному человѣку рассказать обыкновеннымъ, простымъ языкомъ о пыткѣ и ея гнусности, рассказъ можетъ пропасть холостымъ зарядомъ; но вотъ талантъ, поэтъ, живописецъ изобразить вамъ пытку съ такими подробностями, фізіологически вѣрными и сконцентрированными, что у васъ захватываетъ духъ, точно васъ

самого жарять на огнѣ или распинають на крестѣ, и вы проникаетесь негодованіемъ противъ изувѣрства, вы внезапно переходите въ лагерь страдающихъ, вы уже никогда не поддержите своимъ голосомъ палача, потому что вы теперь знаете, что значить страдать—вотъ въ чемъ талантъ, вотъ въ чемъ его задача. Если талантъ не имѣетъ подобной прогрессивной, просвѣщающей тенденціи — онъ не талантъ, а неудавшаяся сила. Бывали даже неудавшіеся гении, почему же г. Гончарову не быть неудавшимся талантомъ? А неудавшимся талантомъ будетъ всякій писатель, который не въ силахъ имѣть воспитательнаго значенія, который не въ состояніи пробуждать хорошихъ, благородныхъ чувствъ и гуманныхъ мыслей.

Самъ г. Гончаровъ сдѣлалъ себѣ приговоръ, конечно не подозрѣвая того, что можно вывести изъ его словъ. Онъ говоритъ: «глухая красота— не красота. Вглядиись въ тупую красавицу, всмотриись глубоко въ каждую черту лица, въ улыбку ея, взгляди— красота ея, мало-по-малу, превратится въ поразительное безобразіе: воображеніе можетъ на минуту увлечься, но умъ и чувство не удовлетворятся такой красотой: ея мѣсто въ гаремѣ. Красота, исполненная ума—необычайная сила, она движетъ міромъ, она дѣлаетъ исторію, строитъ судьбы; она явно или тайно присутствуетъ въ каждомъ событіи. Красота и грація — это своего рода воплощеніе ума. Отъ этого дура никогда не можетъ быть красавицей, а дурная собой, но умная женщина, часто блещетъ красотой. Красота, про которую я говорю, прежде всего будитъ въ человѣкѣ человѣка, шевелитъ мысль, поднимаетъ духъ, оплодотворяетъ творческую силу гениа, не тратитъ лучи свои на мелочь, не грязнитъ чистоту...»

О какой красотѣ говорите вы г. Гончаровъ? Ужь конечно не о красотѣ смазливаго женскаго личика. Вы признаете, что красота есть какая-то таинственная сила, двигающая человѣка на все хорошее, честное и благородное, дѣлающая его гуманнымъ, доброжелательнымъ и потому великимъ. Что же это такое какъ не умъ, выводящій человѣка изъ лабиринта житейской запутанности, созданной человѣческой глупостію, на свѣтлый и прямой путь въ благополучію? Вы не признаете красоты безъ ума, повѣрьте, что нѣтъ безъ ума и таланта.

Г. Гончаровъ предпослалъ своему роману весьма наивное объясненіе. Онъ говоритъ, что программа этого романа была набросана имъ еще въ 1856 и 1857 г., т. е., 12 лѣтъ назадъ. Всѣ характеры

были имъ обдуманы, кромѣ Марка Волохова, которому подѣ конецъ романа онъ придавъ болѣе *современный оттѣнокъ*; что задача, которой онъ задался, казалась ему не по силамъ. Но лестное участіе къ его прежнимъ трудамъ возлагало на него обязанность или сознаться въ своей несостоятельности и уничтожить рукопись или напечатать то, что написано, и такимъ образомъ представить публикѣ *запоздалый трудъ*.»

По истинѣ, печальная судьба является постоянно предъ публикой съ запоздалыми трудами! Когда появилось первое произведеніе г. Гончарова, его преслѣдовалъ тотъ же рокъ. «Говорятъ, писалъ Бѣлинскій, типъ молодого Адуева—устарѣлый, говорятъ, что такіе характеры уже не существуетъ...» И хотя Бѣлинскій пытается увѣрить читателя, что подобные типы на Руси еще не вывелись, но Бѣлинскій въ этомъ случаѣ былъ подкупленъ красотою изложенія, т. е., тѣмъ самымъ, что заставляетъ и теперь еще всю Россію читать «Обрывъ», неподозрѣвая всей талантливой безталанности этого произведенія.

Уже въ сороковыхъ годахъ г. Гончаровъ стоялъ особнякомъ и невзмѣримо позади литературныхъ дѣятелей того времени. Это было почти тридцать лѣтъ назадъ. И вотъ этотъ, уже въ молодости отстававшій писатель, снова привлекаетъ вниманіе русской читающей публики. Снова носятъ съ его «Обрывомъ,» какъ нѣкогда съ его «Обыкновенной исторіей.» Такъ ли мы зрѣлы, какъ были тогда, такъ ли насъ легко подкупить теперь одной красивой формой и безсодержательной вышностію; даромъ ли пропали для насъ послѣдніе 15 лѣтъ, нужны ли нашему обществу подобные писатели или время требуетъ другихъ талантовъ, незаставляющихъ насъ думать бесполезно? Посмотримъ.

II.

Есть разные способы мышленія. Можно думать образами и картинками, какъ думаютъ романисты, художники, поэты; можно думать афоризмами, какъ думаетъ большинство женщинъ; можно думать послѣдовательнымъ логическимъ мышленіемъ. Сила всѣхъ этихъ родовъ мышленія бываетъ различная, прямо выходящая изъ качества человѣческаго мозга. Отъ этого бываютъ слабѣе и силь-

ные романсты, поэты, художники; слабые или сильные мыслители. Логичность мышления, въ какой бы формѣ она ни выражалась, есть сила неотразимая, всеокрушающая, влекущая; противъ нея устоять невозможно. Гдѣ же нѣтъ этой неотразимой силы—тамъ нѣтъ логики, тамъ нѣтъ прогрессивнаго мышления.

Вся соль романа г. Гончарова заключается въ его героѣ Маркѣ. Вычеркните Марка и романа нѣтъ, нѣтъ жизни, нѣтъ страстей, нѣтъ интереса, «Обрывъ» невозможенъ. Маркъ это сосудъ, вмѣщающій въ себѣ всю сумму русскихъ заблужденій. Это черное пятно на свѣтломъ горизонтѣ русской патриархальной добродѣтели; это темная сила, идущая по ложному пути и губящая все къ чему она ни прикасается. Г. Гончаровъ, рисуя Марка, хотѣлъ сказать будущей Россіи—вотъ чѣмъ ты можешь быть—спасайся!

Прототипомъ Марка служитъ Базаровъ. Но Базаровъ лучезарнѣе, чище, свѣтлѣе. Для изображенія же Марка г. Гончаровъ опустилъ кисть въ сажу и съ плеча, вершковыми полосами, нарисовалъ всклокоченную фигуру, въ родѣ бѣжавшаго изъ рудниковъ каторжнаго.

Люди, считающіе себя представителями новыхъ понятій, при появленіи въ литературѣ типовъ, подобныхъ Марку, обнаруживали постоянно непростительную запальчивость. Базаровъ чуть не произвелъ междоусобной войны. Каррикатуру и глумленіе каждый принималъ за портретъ. Одинъ лагерь влямывался въ амбицію; другой тыкала въ каррикатуру пальцемъ, съ злобной укоризной поглядывал на всякаго молодого человѣка.

По отношенію къ г. Гончарову обидчивость менѣе всего простибельна. Г. Гончаровъ еще молодымъ не умѣлъ стоять въ передовомъ полку Бѣлинскаго, неужели мы будемъ настолько неразсудительны, чтобы требовать отъ него передоваго человѣка черезъ тридцать лѣтъ? Предположите, что современная критика воспыкала бы негодованіемъ противъ направленія Карамзина, Загоскина, Лажечникова. Развѣ къ дѣтелямъ карамзинскаго и пушкинскаго періода можетъ быть другое отношеніе, кромѣ разсудочнаго, спокойнаго, историческаго. Изъ-за чего негодованіе къ этимъ призракамъ? Вы скажете, что есть изъ нихъ и не призраки, а живые люди, которые сердятся, ишутъ, бранятся. Ну и пусть себѣ. Оттого они и бранятся, что чувствуютъ свое безсиліе; оттого они и сердятся, что не понимаютъ. Задача современной критики вовсе не въ запальной личной борьбѣ съ отжившими писателями. По отношенію къ нимъ ей слѣдуетъ лишь произнести надгробное слово и отпу-

ститъ ихъ съ миромъ. Истинная задача критики въ томъ, чтобы спасти читателя отъ губительнаго обаянiя формы, показать, что у позолоченнаго орѣха гнилая середина, что за красивыми словами скрывается полиѣйшiй обскурантизмъ и маломыслие, этотъ самый ужаснѣйшiй ядъ, отъ котораго нужно спасать современное русское общество. «Обрывъ» читаютъ всѣ, но многіе ли въ состоянiи отличить въ немъ форму отъ сущности, указать разницу между Маркомъ и Райскимъ, увидѣть скверность подъ позолотой?

Какъ только г. Гончарову впервые пришлось сказать къ слову о Маркѣ, читатель узнаетъ, что Маркъ Волоховъ нѣчто болѣе ужасное, чѣмъ Атила, Чингисъ-ханъ и Омаръ взятые вмѣстѣ; что для него нѣтъ ничего святаго, что изъ самыхъ драгоценныхъ книгъ, онъ по прочтенiи выдираетъ листы и закуриваетъ ими сигары или, скатавъ трубочку, чиститъ ею ногти или уши. Этотъ Волоховъ—чудо степнаго города. Его никто не любитъ и всѣ боятся. Онъ сосланъ подъ надзоръ полиціи и съ тѣхъ поръ городъ—нельзя сказать, чтобъ былъ въ безопасности. Такъ писалъ о Маркѣ Леонтій Козловъ Райскому.

Рекомендація, сдѣланная Татьяной Марковной, была нѣсколько опредѣлительнѣе, но за то и хуже. Райскій узналъ, что Волоховъ—Маркушка, да еще и бездомный; что гдѣ бы его ни увидѣть, слѣдуетъ бѣжать отъ него, какъ отъ сатаны, потому что онъ собьетъ съ пути; что онъ грубъ и невѣжа; что онъ чуть не застрѣлилъ Нила Андреевича; что на Крицкую напустилъ собакъ, которыя оборвали ей шлейфъ и что вообще онъ человѣкъ пропащій.

Но портретъ, рисуемый самимъ авторомъ романа, еще грандіознѣе. «Маркъ былъ лѣтъ двадцати семи, средняго роста, сложенный крѣпко, точно изъ металла и пропорціонально. Онъ былъ не блондинъ, а блѣдный лицомъ, волосы, блѣдно-русые, закинутые густой гривой на уши и на затылокъ, открывали большой выпуклый лобъ. Усы и борода жидкіе. Открытое, какъ будто дерзкое лицо, далеко выходило впередъ. Черты лица не совсѣмъ правильныя, довольно крупныя. Руки у него длинныя, кости рукъ большія, правильныя и цѣпкія. Взглядъ сѣрыхъ глазъ былъ или смѣлый, вызывающій, или по большей части холодный и ко всему небрежный. Сжавшись въ комокъ, онъ сидѣлъ неподвиженъ: ноги, руки не шевелились, точно замерли, глаза смотрѣли на все спокойно или холодно. Но подъ этой неподвижностію таилась зоркость, чуткость и тревожность, какая замѣтна иногда въ лежащей, по видимому, покойно и беззаботно, собакѣ...» За тѣмъ идетъ под-

робное описаніе собаки, лежащей повидимому спокойно, а между тѣмъ готовой каждую минуту вскочить и залаять. Маркушка—бездомный, какъ называла Волохова Татьяна Марковна, оказывается прозвищемъ весьма деликатнаго свойства, предъ букетомъ приподнесеннымъ герою романа самимъ авторомъ. И вотъ что значитъ сила таланта: вполне отъ автора зависѣло обозвать Марка львомъ, тигромъ, крокодиломъ, змѣей, свиньей, кошкой, смотря по тому, какое представленіе требовалось возбудить въ умѣ читателя. Авторъ нашель, что лучше и пристойнѣе всего сравнить Марка съ собакой, несмотря на то, что грива, большой лобъ и смѣлые сѣрые глаза давали ему нѣкоторое, и, какъ кажется, не малое право на сходство со львомъ. Если бы авторъ задался мыслью похвалить Марка и выставить его образцомъ житейскихъ добродѣтелей, то конечно онъ сравнилъ бы его со львомъ; но какъ имѣлось въ виду выругать, то и большая соотвѣтственность была найдена въ сравненія съ собакой. Отдѣляется ли талантъ отъ идей? Сознательно или бессознательно подбираются сравненія?

Изъ дальнѣйшаго жизнеописанія Марка мы узнаемъ, что онъ ничего не дѣлаетъ полудки. Подступить ли къ нему голодъ ночью, онъ нисколько не соображая, что весь городъ спитъ и нигдѣ ничего достать невозможно, предполагаетъ поднять тревогу, крикнуть «пожаръ» и ворваться въ трактиръ. Когда на такое смѣлое предложеніе ему отвѣчаютъ, что его могутъ изъ трактира выгнать, Маркъ отвѣчаетъ: «нѣтъ ужъ это напрасно: не впустить меня еще можно, а когда я войду, такъ ужъ не выгоняй!» Для Марка не существуетъ ни дверей, ни воротъ—онъ лазитъ въ окна и черезъ заборы; ѣсть онъ за четверыхъ, пьетъ, какъ медвѣдь; живетъ на концѣ города въ клѣтушкѣ у огородника, спитъ въ телѣгѣ, подъ рогожей, хотъ и владѣетъ тоненькимъ старымъ тюфякомъ, тощимъ ваточнымъ одѣяломъ и маленькой подушкой, средствъ для существованія у него нѣтъ никакихъ и чѣмъ онъ живетъ—неизвѣстно; увидѣвъ въ первый разъ человѣка, у котораго онъ знаетъ, что есть деньги, Маркъ немедленно проситъ въ долгъ рублей триста, не менѣе, и объявляетъ, что онъ долги платить не будетъ; такъ прямо и говоритъ: «я вамъ... никогда не отдамъ, развѣ только будете въ моемъ положеніи, а я въ вашемъ...» Износится ли его платье—а у васъ онъ видитъ платье хорошее—онъ поступаетъ съ такою же нецеремонностію и чуть не силой отнимаетъ ваше платье и даетъ вамъ свое. Собственность, сколько видно, онъ не особенно уважаетъ. Когда Вѣра поймала его на кражѣ яблокомъ и упрек-

нула въ томъ, что онъ беретъ тихонько чужія яблоки, Маркъ отвѣтилъ ей:—Они мои, а не чужія—*вы* воруете ихъ у меня!—Образованное населеніе степного города называло его отщепенцомъ, отверженцомъ, Карломъ Моромъ, «Варравой». Хозяйка дома—огородница, говорила, что онъ благой, какой-то чудной и что безъ мужа ей жутко съ нимъ одной.

Остановимся пока на этихъ внѣшнихъ чертахъ, изображаемыхъ г. Гончаровымъ съ такой талантливостію, что вами овладѣваетъ рѣшительное недоумѣніе, о комъ тутъ рѣчь—о Горкинѣ или Корневѣ въ юности, о бухѣвской ордѣ или о государствѣ, сложившемъ извѣстный, внѣшній порядокъ?

Идите впередъ послѣдовательно безъ лукавства, въ которое маскируется г. Гончаровъ, и скажите, возможны ли у насъ подобныя типы? Предположимъ, что возможны отдѣльные люди, но вѣдь г. Гончаровъ ставитъ «вопросъ»; онъ обобщаетъ, онъ создаетъ типъ, онъ пророчествуетъ. Намъ прежде всего объясняютъ, что Маркъ живетъ подъ надзоромъ полиціи. Вы знаете, что это значить; положимъ вы, какъ читатель, можете этого и не знать, но г. Гончаровъ, какъ писатель, знать это долженъ. Лѣтъ двадцать назадъ въ Новоузенскѣ жилъ молодой докторъ, который, подобно Марку, лазилъ вѣчно въ окна, а когда отправлялся купаться, то, раздѣвшись дома, шелъ нагишомъ черезъ весь городъ до рѣки; и въ такомъ же костюмѣ возвращался домой. Предположите, что подобную особенность какойнибудь авторъ вздумалъ бы изобразить какъ типическій признакъ всего молодого поколѣнія того времени. Что бы вы подумали о наблюдательной способности и о сообразительности автора? И въ чемъ пикантность этой особенности, въ чемъ ея внутренняя суть? Бѣлинскій говоритъ, что г. Гончаровъ, какъ замѣчательный талантъ, только рисуетъ то, что онъ видитъ; а добираться до сути, дѣлать выводъ, обязанъ уже самъ читатель. Мы задаемъ вопросомъ: повсюду и ко всѣмъ Маркъ путешествуетъ этимъ примымъ, кратчайшимъ путемъ или нѣтъ? И какъ онъ пощипаетъ своихъ знакомыхъ, живущихъ во второмъ или третьемъ этажѣ, и какъ онъ минуетъ ворота, если дворъ окруженъ высокимъ заборомъ? Г. Гончаровъ молчитъ. Сокращеніе труда руководитъ Маркомъ или другія соображенія? г. Гончаровъ опять молчитъ; онъ талантъ, дѣлайте выводъ сами. Или имѣлось въ виду нарисовать картину грандіознаго отрицанія, непризнающаго даже архитектуры и пирающаго рѣшительно все? Но вѣдь прежде всего всякое отрицаніе есть логическое построеніе; оно есть стремленіе къ замѣнѣ

худшаго лучшимъ. Конечно отрицатель можетъ ошибаться и такую ошибку г. Гончаровъ вѣроятно и хотѣлъ изобразить. Но можно ли ошибаться до того, чтобы отрицать ворота и двери? При той бѣдности, въ которой обрѣтался Маркъ, это было уже совсѣмъ неразсудительно; ибо онъ рисковалъ оставить на заборѣ свои послѣдніе штаны. А г. Гончаровъ увѣряетъ, что Маркъ смотрѣлъ умно и говорилъ логически!

Г. Гончаровъ говоритъ, что Маркъ стрѣлялъ въ Нила Андреевича, что онъ напустилъ собакъ на Крицкую, что онъ вривалъ силой въ трактиры. Во-первыхъ, нужно ли это? Нилъ Андреевичъ былъ предсѣдатель какой то палаты, генераль, лицо почетное и всѣми уважаемое; Крицкая принадлежала тоже къ губернской аристократіи. И вы думаете, что человѣкъ, находящійся подъ надзоромъ полиціи, могъ бы оставаться прежнимъ «Варравой» послѣ такихъ пассажей и посмѣлъ бы думать о штурмованіи трактировъ? Не русскимъ читателямъ рассказывайте, г. Гончаровъ, подобныя небывальщины. Кисейная барышня, увидѣвъ Марка въ вашей картинѣ на заборѣ, съ чужими яблоками, скажетъ: «фи, какой противный.» Но мы знаемъ, что г. Гончаровъ талантъ и что онъ измыслилъ эту сцену для эффекта, что въ дѣйствительности она никогда не бывала, да и невозможна. Типъ же долженъ уважать и чьихъ заборовъ и ни чьихъ яблоковъ. И вы думаете, что мѣстные мѣщане не переломали бы Марку всѣ ребра? Дѣло другое если Маркъ взлѣзъ на заборъ Татьяны Марковны, чтобы порисоваться передъ Вѣрой и завести съ ней знакомство. Но развѣ это типическая черта, развѣ обобщеніе возможно? А отрицаніе собственности! Маркъ прямо объявляетъ, что долги не отдаетъ и находятся все-таки люди, которые даютъ ему деньги. Г. Гончаровъ, подумайте о себѣ. Предположите, что какой нибудь господинъ приходитъ къ вамъ и проситъ у васъ 300 р., на условіи никогда не отдавать долга. Дадите вы ему или нѣтъ? За кого же вы принимаете своихъ читателей?

Наконецъ, помимо всего этого, обратимся къ личной наблюдательности читателя. Скажите, случилось ли вамъ встрѣчать молодыхъ людей, отрицающихъ двери и ворота, штурмующихъ трактиры, напускающихъ собакъ на элегантныхъ барынь, стрѣляющихъ въ почетныхъ лицъ, ворующихъ яблоки и овощи, занимающихъ деньги безъ отдачи и присвоивающихъ себѣ чужье платье, если оно лучше собственнаго? И когда Маркъ колобродитъ у г. Гончарова? Когда объ освобожденіи крестьянъ въ русскомъ обществѣ

толковали еще шепотомъ, это значить около 1859 года. Видѣли ли вы въ этомъ году не только законченный типъ, но даже и отдѣльныхъ людей Маркова пошиба?

Бѣлинскій былъ правъ, когда предостерегалъ г. Гончарова не забираться въ неподлежащую ему область сознательной мысли. Какъ хорошъ, неподражаемо хорошъ г. Гончаровъ, когда рисуетъ старыхъ мосекъ, старыхъ лошадей, кивающихъ крупно головами, собакъ, лежащихъ отъ жара лѣнливыми кучами, куръ, прыгающихъ на стѣны, и голубей, хлопающихъ въ ладоши. Въ животномъ мѣрѣ намъ все загадки. Намъ плѣняетъ вѣрно-схваченная внѣшность и мы съ упоеніемъ говоримъ — о, какой талантъ г. Гончаровъ! Но съ человѣкомъ иное. Намъ мало знать фасонъ и качество его платья, безцеремонность обращенія и вольное поведеніе вообще; мы хотимъ забраться непременно въ душу человѣка и расплатать ее такъ, чтобы причина каждаго его побужденія, каждаго его поступка лежала передъ нами, какъ на тарелкѣ. Что же сдѣлалъ г. Гончаровъ съ добродушнымъ и довѣрчивымъ русскимъ читателемъ? Онъ просто надъ нимъ надсмѣхался. Г. Гончарову кто-то наговорилъ, что завелся въ Россіи злодѣи и попросилъ его принять противъ нихъ литературныя мѣры. И вотъ г. Гончаровъ угодился молодому неразумному пѣтуху, прыгающему со страха на стѣну. Страхъ большой, но дѣйствительной опасности не имѣется. Данныхъ нѣтъ, факта нѣтъ, типа не существуетъ. Г. Гончаровъ отправился въ неподлежащую ему область и тамъ началъ измышлять. Но вѣдь сила не во внѣшности; сила во внутреннемъ содержаніи. Какъ человѣкъ исключительно формы г. Гончаровъ придумалъ внѣшнія несообразности; но вложить въ нихъ души былъ не въ состояніи, потому что ее не выдумаешь. Для такого поверхностнаго таланта, какъ г. Гончаровъ, нужно, чтобы передъ его глазами стояла готовая картина и онъ ее опишетъ дѣйствительно мастерски и во всѣхъ малѣйшихъ подробностяхъ. Но чтобы прозрѣть въ будущее, чтобы заглянуть въ самую глубь того, что шевелится на днѣ человѣческой души, что происходить въ его умѣ, что управляетъ его желаніями и стремленіями—у г. Гончарова никогда не бывало силы. Посмотрите, какъ хорошъ Гончаровъ, когда онъ рисуетъ знатныхъ тетюшекъ и ихъ мосекъ, старыхъ безпутныхъ волокитъ, камелій и простыхъ распутныхъ женщинъ. Въ этомъ мѣрѣ онъ, какъ рыба въ водѣ. Ему извѣстно все, все до послѣдней мелочи. Предъ вами стоятъ живые люди. Но чуть человѣкъ выходитъ изъ предѣловъ существующей дѣйстви-

тельности и вы видите ложь, выдумку, явнцуацію. Если вышними фактами отрицаніи собственности г. Гончаровъ хотѣлъ изобличить несостоятельность извѣстнаго экономическаго ученія, или пока доктрины, то онъ трудился даже менѣе напрасно, чѣмъ молодой пѣтухъ, прыгающій со страху на стѣну. Во-первыхъ, русское общество знаетъ на этотъ счетъ гораздо больше того, что сообщилъ ему г. Гончаровъ; а во вторыхъ, выводить на сцену приемы наглої беззастѣнчивости, вовсе не значить опровергать логическія построенія. Неловкость г. Гончарова въ неподлежащей ему области обнаружилось въ настоящемъ случаѣ гораздо рѣзче, чѣмъ когда еще Бѣлинскій предостерегалъ его не садиться не въ свои сани.

Впрочемъ г. Гончаровъ, изображая вышніе подвиги Марка, не относится къ нимъ повидимому съ особенной настойчивостію. Конечно это можно объяснить пожалуй и тѣмъ, что г. Гончаровъ вовсе не мыслитель и недостаточно знакомъ съ теоретическою сущностію того, о чемъ онъ взялся трактовать.

Но иначе относится авторъ къ вопросу, когда выводитъ на сцену Вѣру. До сихъ поръ кидались какія-то крупныя, и хотя очень черныя, но тѣмъ не менѣе все-таки неясныя черты. Но съ появленіемъ Вѣры, и съ изложеніемъ исторіи ея любви и паденія, начинается собственно романъ, криминальное обвиненіе Марка, вотъ гдѣ вся его чудовищность. До сихъ поръ о Маркѣ говорилось какъ бы вскользь. Читатель подготовлялся къ тому, что на сцену должно выступить нѣчто очень ужасное, невозможное, поразительное, въ родѣ мастодонта или ихтиозавра. Теперь же этотъ ихтиозавръ рисуется во всей своей страшной красѣ.

Почему Юлія (Обыкн. истор.) выпала такой же нѣжной, чувствительной особой, помѣшанной на вѣчной любви, авторъ далъ намъ нѣкоторую возможность догадываться. Ее воспитывалъ французъ на романахъ, надѣлавшихъ въ то время большого шума: *Le manuscrit vert*, *Les sept péchés capitaux*, *L'âne mort* и т. д. Венера похождения которой были очень хорошо извѣстны Юліи отъ того же француза, оказывалась агнецомъ невинности сравнительно съ героинями этихъ романовъ. Юлія жадно читала новую школу. Съ эмбриологіей Вѣры насъ почти не знакомятъ: заставляютъ догадываться, какъ бы намѣренно накидываютъ на нее вуаль таинственности.

Съ заученой талантливостію, прежде чѣмъ показать Вѣру, намъ показываютъ ея комнату. Но въ комнатѣ рѣшительно нѣтъ ничего,

чтобы указывало на вкус и склонности хозяйки. Загадка осталась загадкой. Интересъ возбуждается.

Потомъ намъ показываютъ очень красивую дѣвушку, въ чертахъ которой не видно ни чистосердечія, ни дѣтскаго, херувимскаго дыханія свѣжести, но на которой лежитъ какая-то тайна, мелькаетъ неписывающаяся сразу прелесть, въ лучѣ взгляда, въ внезапномъ поворотѣ головы, въ сдержанной граціи движеній, что-то неудержимо прокрадывающееся въ душу во всей фигурѣ.

Прочитавъ такое художественное, но въ тоже время совершенно непонятное описаніе наружности героини, проникательный читатель сейчасъ же догадывается, что онъ имѣетъ дѣло съ талантомъ очень опытнымъ, но очень, очень старой школы; когда каждая дѣва была неземной, таинственной, непостижимой тайной природою, когда для уразумѣнія женскаго сердца писались цѣлые томы и все-таки ничего не уразумѣвалось. Читатель немедленно замѣчаетъ, что ему предстоитъ очень трудная задача постигнуть непостижимое и понять непонятное даже для самого автора. И читатель правъ.

Вѣра съ перваго же разу осадилъ Райскаго, показавъ ему всю неумѣстность его экзаменовъ. Въ тоже время Райскій замѣтилъ, что Вѣра держитъ себя съ строгой недоступностію и ее какъ бы побаивается даже и сама Татьяна Марковна. Бабушка щедро надѣляла Марфиньку замѣчаніями и предостереженіями на каждомъ шагу, но Вѣру обходила съ осторожностію. «Бывали случаи, что Вѣра вдругъ охватывалась какой-то лихорадочной дѣятельностію и тогда она кидѣла изумительною быстротою и обнаруживала тему мелкихъ способностей, какихъ въ ней нельзя было подозрѣвать. Такъ она однажды изъ куска кисей часа въ подтора сдѣлала два чепца, одинъ бабушкѣ, другой—Кричкой съ тончайшимъ вкусомъ, работая надъ ними со страстію, съ адскимъ (?) проворствомъ и одушевленіемъ, потомъ черезъ пять минутъ забыла объ этомъ и сидѣла опять праздно. Иногда она какъ будто прочтетъ упрекъ въ глазахъ бабушки и тогда особенно одолѣетъ ее дикая, порывистая дѣятельность: она примется помогать Марфинькѣ по хозяйству и въ пять, десять минутъ, все порывами, передѣлаетъ бездну, возьметъ чтонибудь въ руки, быстро сдѣлаетъ, оставитъ, забудетъ, примется за другое, опять сдѣлаетъ и выйдетъ изъ этого также внезапно, какъ войдетъ». Кромѣ этой порывистости и неровности, въ Вѣрѣ замѣчалась сдержанность, сосредоточенность, стремленіе къ независимости и полнѣйшая таинственность въ по-

педеніи. Татьяна Марковна говорила про Вѣру, что для нея свой умъ и своя воля выше всего. «И бабушка не смѣи спросить ни о чемъ: «нѣтъ, да нѣтъ ничего, не знаю, да не вѣдаю». На рукахъ у меня родилась, вѣкъ со мной, а я не знаю, что у ней на умѣ, что она любитъ, что нѣтъ. Если и больна, такъ не узнаешь ее: ни пожалуется, ни лекарства не спроситъ, а только пуще молчитъ. Не лѣнива, а ничего не дѣлаетъ: ни спать, по канвѣ, ни музыки не любитъ, ни въ гости не ѣздитъ—такъ, уродилась така! Я не видала, чтобы она засмѣялась отъ души, или заплакала бы». И самъ авторъ, которому бы слѣдовало знать Вѣру лучше, чѣмъ бабушкѣ, не выводитъ читателя изъ недоразумѣнія, а напротивъ сбиваетъ его еще больше. «Да, говоритъ онъ, это не простодушный ребенокъ, какъ Марфинька и не «барышня». Ей тѣсно и неловко въ этой устарѣвшей, искусственной формѣ, въ которую такъ долго отливался складъ ума, нравы, образованіе и все воспитаніе дѣвушки до замужества. Она чувствовала условную ложь этой формы и отдѣлалась отъ нея, добываясь правды. Въ ней много *спирта*, задатковъ самобытности, своеобразія ума, характера—всѣхъ тѣхъ силъ, изъ которыхъ должна сложиться самостоятельная, настоящая женщина и дать направленіе своей и чужой жизни, многогмъ жизни: освѣтить и согрѣть цѣлый кругъ, куда поставить ее судьба. Она пока младенецъ, но съ титанической силой...»

Если вѣрить всему тому, что говорится о Вѣрѣ въ текстѣ романа, а не судить о ней по ея собственнымъ поступкамъ, то она дѣйствительно сила. Но какая же это сила, въ чемъ ея задатки, къ чему она должна прійти по существу своихъ душевныхъ элементовъ, по своему органическому составу, по основнымъ свойствамъ своего мозга. Г. Гончаровъ, какъ видно, принадлежитъ къ числу тѣхъ мыслителей, которые полагаютъ, что воспитаніемъ достигается все. Изображая Вѣру не только цѣльной натурой, но и титанической силой, онъ въ тоже время говоритъ, «что надо только, чтобы сила эта правильно развилась и разумно направлялась». Вотъ гдѣ завязка всѣхъ противорѣчій въ характерѣ Вѣры. Съ одной стороны, это титаническая сила, съ другой—все зависитъ отъ воспитанія. И согласно этой непоследовательности въ самомъ замыслѣ автора, Вѣра распадается на двѣ Вѣры. Одна Вѣра, какою ее видитъ читатель въ портретѣ, рисуемомъ авторомъ и въ туманныхъ очеркахъ пустомели Райскаго, та Вѣра, которую никто не понимаетъ, ни даже бабушка, живущая съ нею 22 года,— Вѣра порыва, сосредоточенности, быстрыхъ способностей, Вѣра сильнаго

самостоятельнаго характера, свободолюбивая и независимая. Другая Вѣра—робкая, нерѣшительная, ищущая внѣшней поддержки и покровительства, спасающаяся въ религіозномъ чувствѣ, боящаяся общественнаго мнѣнія, условныхъ формъ и установившагося обычая. Откуда же является эта раздвоенность? Если намъ говорить, что въ человѣкѣ сидитъ титаническая сила, мы знаемъ, что онъ двонется и качаться не станетъ; если же онъ двонется и качается, то очевидно, что въ немъ титанической силы нѣтъ. Гдѣ же ключъ къ уразумѣнію Вѣры и для проверки непоследовательностейъ автора? Ключъ отъ загадки опять въ томъ же свойствѣ таланта г. Гончарова, по которому ему слѣдуетъ уклоняться всѣми силами отъ чуждой ему области и не браться за разрѣшеніе современныхъ вопросовъ.

Г. Гончаровъ соткалъ Вѣру изъ газа, облаковъ, ароматовъ цвѣтовъ, красокъ радуги, облекъ ее въ невысказывающуюся прелесть, нашелъ въ ея глазахъ лучи и нѣчто неудержимо-прокрадывающееся въ мужскую душу и рядомъ съ такимъ вербнымъ херувимомъ поставилъ чудище—ихтіозавра Марка! Вѣра—это голубиная чистота всѣхъ душевныхъ прелестей, начало добра и счастья. Маркъ—исчадіе всеотрицающаго сомнѣнія, исковерканный человѣкъ. Одно—добро, другое—зло. Въ борьбѣ добра со зломъ сущность романа. Зло одолеваетъ; но добро не гибнетъ, а напротивъ, подобно золоту, выходитъ изъ огня еще чище; восторжествовавшее повидимому зло, въ сущности искунило свой грѣхъ покаяніемъ и такимъ образомъ—тоже очистилось. Вотъ ходули старой морали, на которыхъ взобрался г. Гончаровъ ради спасенія Россіи.

Но неблагодарная Россія, въ лицѣ болѣе разсудительныхъ людей, не вмешаетъ пророчеству автора «Обрыва». Она очень хорошо видитъ, что «Обрывъ» не больше какъ театръ маріонетокъ. Все въ немъ пружины и красиво размалеванныя куклы; но русскихъ людей и русскихъ типовъ въ немъ нѣтъ ни одного, ни одной живой души, ни одного новаго, своеобразнаго характера. Развѣ благоухающая Вѣра новый типъ; развѣ Марка мы не видѣли, но только въ болѣе точномъ и опредѣлительно: въ изображеніи; развѣ борьбу стараго и новаго не излагали уже съ далеко большею ясностію?

У г. Гончарова же, прочитавъ всю исторію любви, вплоть до катастрофы, никакъ не поймешь, въ чемъ заключалась сущность препирательства, какія начала отстаиваются съ одной стороны и какія проводятся съ другой. Авторъ увѣряетъ, будто бы происходитъ борьба разрушительныхъ принциповъ, навѣянныхъ кѣмъ-то и

откуда-то, съ прирожденной человѣку правдой. Но ни однимъ словомъ онъ не обмолвился—какіе это разрушительные принципы и какая правда, и у читателя, одолѣвшаго романъ до конца, удерживается въ памяти лишь споръ о вѣчной и невѣчной любви.

Маркъ Волоховъ, въ своихъ отношеніяхъ къ Вѣрѣ, конечно, если не очень глупъ, то, во всякомъ случаѣ, очень непослѣдователенъ. Будто онъ не замѣтилъ съ самаго начала, что Вѣра вовсе не умна, что въ ней преобладаетъ въ сильнѣйшей степени сердечный элементъ, сентиментализмъ и вѣялись до мозга костей законы и правила степного, провинціального міра, въ которомъ Вѣра родилась и прожила двадцать два года. На множествѣ страницъ, Вѣра и Маркъ занимаютъ пустыми препарательствами, точно они и въ самомъ дѣлѣ рѣшаютъ вопросы и могутъ убѣдить другъ друга. Даже на послѣднемъ свиданіи, когда сила и разсудительность доводовъ должны были получить наибольшую взаимную неотразимость, мы встрѣчаемъ ту же болтовню, ту же игру въ красивыя слова. «Мы разойдемся навсегда, говоритъ Маркъ, если.... бабушкины убѣжденія разведутъ насъ.... Или ужь сойдемся и не разойдемся больше....»—Никогда? спросила Вѣра.—«Никогда! повторилъ Маркъ съ досадою—какая ложь въ этихъ словахъ: «никогда», «всегда»... Конечно «никогда»: годъ, можетъ быть, два... три... Развѣ это не—«никогда»? Вы хотите безсрочнаго чувства? Да развѣ оно есть?..»—Довольно, Маркъ: я тоже утомлена этой исторіей о любви на срокъ!...—Я думала, что мы наконецъ выскажемся, объявимъ другъ другу свои мысли, но надежды... и.. потомъ я пойду къ бабушкѣ и скажу ей, вотъ кого я выбрала... на всю жизнь!...—И эта канитель съ вопросительными и восклицательными знаками разводится на десяткахъ страницъ и занимаетъ большіе половинныя всего романа. Маркъ, Вѣра поглощены всѣмъ существомъ своимъ надъ взаимнымъ убѣжденіемъ:—Маркъ говоритъ:—я любить вѣчно не могу, общать это было бы ложью. Вѣра, напротивъ, настаиваетъ на счастья вѣчномъ: я хочу, чтобы ты любилъ меня всегда! Райскій юлитъ и хлопочетъ на ту же тему, мечтаетъ тоже о вѣчномъ счастьи подъ розовымъ кустомъ, мѣшетъ передъ Вѣрой и очень обижается, что ни Вѣра, ни Маркъ не хотятъ избрать его суперарбитромъ. Бабушка, кажется, лучше всѣхъ поняла, почему можно изнывать въ теченіи цѣлаго романа надъ такимъ пустымъ словопреніемъ:—«Я съ докторомъ говорила, сообщала она Райскому, тотъ опять о нервахъ поетъ. Дѣвичьи припадки, что ли?..» Ну, конечно.... Вѣра должно быть начиталась «Обыкновенной ис-

торіи», хотя г. Гончаровъ объ этомъ нигдѣ не упоминаетъ. Есть тамъ двѣ сахарныя куколки—Юлія и Александръ Адуевъ. «Послѣ пяти лѣтъ замужества безъ любви, поэтизируетъ г. Гончаровъ, вдругъ явилась для Юліи свобода и любовь. Она улыбнулась и простерла къ нимъ горячія объятія и предалась своей страсти, какъ человѣкъ предается быстрому бѣгу на конѣ. Онъ несется съ могучимъ животнымъ, забывая пространство. Духъ зампраетъ, предметы бѣгутъ назадъ; въ лицо вѣетъ свѣжесть, грудь едва выносить ощущеніе нѣги... или, какъ человѣкъ, предающійся безопасно въ челнокѣ теченію волнъ: солнце грѣетъ его, зеленые берега мелькаютъ въ глазахъ, игривая волна ласкаетъ корму и такъ сладко шепчетъ, забѣгаетъ впередъ и манитъ все дальше, дальше, показывая путь безконечной струей... И онъ влечется. Нѣкогда смотрѣть и думать тогда, чѣмъ кончится путь: мчитъ ли, какъ въ пропасть, влечетъ ли волна на скалу?... Мысли уносить вѣтеръ, глаза закрываются, обаяніе непреодолимо... такъ и она не продолговала его, а все влеклась, влеклась... Для нея, наконецъ, настали поэтическія мгновенія жизни: она полюбила эту, то сладостную, то мучительную тревожность души, искала сама волнений, выдумывала себѣ и муку и счастье. Она пристрастилась къ своей любви, какъ пристращаются къ опиуму, и жадно пила сердечную отраву...» А молодой Адуевъ, этотъ второй экземпляръ Вѣры, только въ мужскихъ панталонахъ, тѣ же самыя сладострастные побужденія выражалъ еще пожалуй въ болѣе смутной формѣ, болѣе безумной рѣчью: «Любовь, говорилъ онъ, это чистое, святое чувство, поэзія; не любить—прозябать, прозябать безъ вдохновенія, безъ слезъ, безъ жизни, Любовь—святыя волненія!»—Знаю я эту святую любовь, отвѣчалъ дядя; въ твои лѣта только увидать локонъ, башмакъ, подвязку, дотронутся до руки — такъ по всему тѣлу и побѣжить святая, возвышенная любовь, а дай-ка волю, такъ и того...»—Въ письмѣ, которое дядя доставилъ молодому Адуеву, высказывались слѣдующія разсудительныя мысли: «Дядя не вѣритъ въ неизмѣнную и вѣчную любовь, какъ не вѣритъ въ домовыхъ—и намъ не совѣтуетъ вѣрить. Жизнь не въ одномъ только этомъ состоитъ, для этого, какъ для всего прочаго, бываетъ свое время, а цѣлый вѣкъ мечтать объ одной любви—глупо. Тѣ, которые ищутъ ея и не могутъ ни минуты обойтись безъ нея — живутъ сердцемъ, и еще чѣмъ-то хуже, на счетъ головы. Дядя любитъ заниматься дѣломъ, что совѣтуетъ и мнѣ. Мы

принадлежимъ обществу, которое нуждается въ насъ; занимаясь, онъ не забываетъ и себя».

Двадцать два года назадъ, т. е., когда Вѣра только-что родилась, г. Гончаровъ изображагь въ лицѣ дяди Адуева реалиста, осмѣивающаго всякую романтическую дичь и непригодный для жизни идеализмъ. Г. Гончаровъ стоялъ тогда на реальной почвѣ и усиливался показать тогдашнему молодому поколѣнію всю бесплодность и практическую нелѣпость мышленія въ сладострастномъ направленіи, убивающемъ всякія силы и способности для полезной практической дѣятельности.

Стоило ли жить двадцать лѣтъ, чтобы повернуть на отсталый путь, чтобы отставать въ 1869 году то, что осмѣивалось и признавалось старымъ въ 1847 году? А именно такой задній ходъ и обнаружился въ мышленіи г. Гончарова. Дядя Адуева, непризнающій вѣчной любви и сладострастнаго, платоническаго изныванія, выставялся русскому обществу какъ образецъ прогрессивнаго мышленія; теперь же отсталымъ образцомъ сердечной непогрѣшимости выставляютъ намъ туманную, облачную Вѣру. Еслибы сердечныя изліянія Вѣры услышалъ дядя Адуева, то онъ конечно повторилъ бы ей тоже, что сказалъ нѣкогда своему бѣснующемуся племяннику: «Ему говорятъ, что начало въ разсудительности, соображая поэтому конецъ, а онъ закрываетъ глаза, мотаётъ головой, какъ при видѣ пугала какого нибудь и живетъ подѣтски. По твоему живи день за днемъ, какъ живется сидя у порога своей хижины, измѣрай жизнь обѣдами, танцами, любовью, да неизмѣнной дружбой. Все хотить золотого вѣка! Ужь я сказалъ тебѣ, что съ твоими идеями хорошо сидѣть въ деревнѣ, съ бабой, да съ полдюжиной ребятъ, а здѣсь надо дѣло дѣлать... Да что съ тобою толковать, заключилъ дядя:—ты теперь въ бреду...» «Съ твоими дѣтскими понятіями, сказалъ бы еще дядя Адуева, жизнь хороша тамъ въ провинціи, гдѣ ея не вѣдають;—тамъ и не люди живутъ, а ангелы, а какъ посмотришь, такъ все дуры и дураки...»

Эта параллель должна убѣдить читателя, что сила мысли идетъ въ г. Гончаровѣ обратно пропорціонально силѣ его таланта; что нѣсколько прогрессивное мышленіе превратилось въ отстутельное,—умъ получилъ задній ходъ и что, наконецъ, Вѣра измышлена г. Гончаровымъ на свою собственную авторскую пагубу.

Намъ говорятъ въ текстѣ, что Вѣра сила и въ тоже время рисуютъ зрѣлую дѣвушку, изнывающую въ любовномъ мистифицизмѣ. Намъ говорятъ, что ее мучать вопросы, что она вретъя пересоздать

свою жизнь, и въ то же время не показывают ни одного вопроса, кромѣ вопроса вѣчной любви и просятъ вѣрить на-слово. Намъ говорить, что она титаническая сила, натура дѣльная, своеобразная, самобытная, независимая и въ то же время мы видимъ, что послѣ всякаго свиданія съ Маркомъ Вѣра укрывается въ часовнѣ или ищетъ ласкъ бабушки, жметя къ ней и чуть не ложится съ нею подъ одно одеяло. Внутреннее противорѣчіе автора не можетъ выразиться въ болѣе рѣзкой, обличительной формѣ. Вліяніе напускныхъ идей и трудъ подъ гнетомъ чужихъ мыслей такъ очевиденъ во всемъ романѣ г. Гончарова, что автору было бы гораздо разсчетливѣе его не печатать. У всякаго человѣка есть настолько самолюбія, чтобы не напрашиваться на фіаско. Но похвалы друзей, какъ видно, сбили г. Гончарова, и онъ забылъ, что аттестатъ писателю выдастъ прогрессивная публика, а не пять, шесть отсталыхъ друзей.

Рѣзкій переломъ, наступившій въ Вѣрѣ послѣ катастрофы, лучше всего оправдываетъ физиологическую дальнзоркость Татьяны Марковны. Вѣра, какъ бы выразились психіатры, находилась въ аффективномомъ моментѣ непреодолимаго намѣренія, вызваннаго физиологическими требованіями организма. Возбужденіе кончилось немедленно, какъ немедленно наступаетъ свѣтлый моментъ за аффектомъ, вызвавшимъ преступленіе. Нервы упали, временно-возбужденную силу смѣнило безсиліе, отвагу и смѣлость — боязнь общественнаго мнѣнія. Вѣрѣ, какъ всѣмъ слабымъ людямъ, стало легче, когда она узнала, что она не одна *такая*, даже и съ бабушкой случился грѣхъ въ молодости. На людяхъ и смерть красна — поговорка людей безсильныхъ. Вѣра увидѣла, что нѣтъ ничего новаго, чтобы могло быть лучше мирнаго стараго, въ которомъ она родилась и выросла, и снова стало тепло въ ея груди, легче на сердцѣ. «Она внутренне встала на ноги, чувствуя, что въ ней льется волнами опять жизнь, что тихо, какъ другъ, стучится миръ въ душу, что душу эту, какъ темный, запущенный храмъ, освѣтили огнями и наполнили молитвами и надеждами...» Маркъ конечно былъ глупъ, не сумѣвъ придвидѣть подобнаго конца.

III.

По плану романиста, Маркъ долженъ былъ производить на читателя омерзительное впечатлѣніе, подобное волку, похищающему «Дѣло», № 8.

ягненка. Всѣ слова подобраны авторомъ такъ искусно, что задуманное впечатлѣніе дѣйствительно пробуждается. Но возбуждающіе слова только форма, виѣшняя оболочка; надобно, чтобы виѣшность вполне гормонировала съ внутреннимъ смысломъ, скрывающимся за словами и только тогда возможенъ полный эффектъ, только тогда литературное произведеніе будетъ дѣйствительно талантливимъ.

Мы уже говорили, что у г. Гончарова нѣтъ способности послѣдовательности и что форма стоитъ у него на первомъ планѣ, не служа отраженіемъ содержанія. Г. Гончаровъ держитъ передъ читателемъ зеркало, въ зеркалѣ показываетъ ему какую-то размалеванное чучело и въ то же время рассказываетъ: посмотрите, что это за небесное существо, сколько нѣги и аромата въ этой душѣ, сколько глубокой страсти, титаническихъ силъ и ума въ этихъ глазахъ и т. д. Добродушный читатель смотритъ и вѣритъ... Нигдѣ этотъ недостатокъ автора не обнаруживается такъ рѣзко, какъ въ изображеніи Райскаго.

Семь смертныхъ грѣховъ Марка заключались въ томъ, что

1) Онъ не признаеть дверей и калитокъ.

Райскій, когда шелъ съ первымъ визитомъ къ Марку, то вошелъ къ нему не въ калитку, а перелѣзъ черезъ плетень. Къ Козлову онъ забрался въ окно. Дѣло происходило такъ. Маркъ, не желая, какъ онъ говорилъ, будить собакъ, постучался къ Леонтію въ окно. Тотъ отворилъ и Маркъ влѣзъ въ комнату.—Это кто еще за тобой лѣзетъ? Кого ты привелъ? съ испугомъ говорилъ Козловъ, замѣтивъ, что лѣзетъ еще кто-то».—Никого я не привелъ — что тебѣ чудится... Ахъ, въ самомъ дѣлѣ, лѣзетъ кто-то...» Райскій въ это время вскочилъ въ комнату. Когда Райскій пригласилъ Марка къ себѣ ужинать, они тоже перелѣзли черезъ заборъ, хотя калитка была рядомъ.

2) Маркъ прицѣлился въ Нила Андревича. Райскій на именинномъ завтракѣ, при гостяхъ, выругалъ его воромъ, взяточникомъ и если бы его не удержала Татьяна Марковна, то конечно его бы и поволоктилъ.

3) Маркъ напустилъ собакъ на Крицкую, а Райскій такъ круто повернулъ ее за плечи на краю обрыва, что подобной штуки не позволилъ бы себѣ ни одинъ пьяный, деревенскій мужикъ.

4) Маркъ отличался непочтеніемъ къ старшимъ и даже откармливалъ двухъ бульдоговъ, чтобы напустить ихъ на полиціймейстера. Райскій бульдоговъ не откармливалъ, это правда; но онъ проявлялъ большую непочтительность къ болѣе высокимъ мѣстнымъ

властямъ, чѣмъ полиціймейстеръ, а надъ устарѣлыми понятіями своей бабушки подсмѣивался съ полнымъ отсутствіемъ того пониманія, которая дѣлаетъ подтруниваніе совершенно ненужнымъ.

5) Маркъ ѣлъ чужія яблоки. Райскій не дѣлалъ этого конечно потому, что для хода романа это не было нужно.

6) Маркъ рвалъ чужія книги, чтобы ковырять у себя въ зубахъ. Въ Райскомъ этой поразительной черты мы не находимъ.

7) Но величайшій смертный грѣхъ Марка—Обрывъ. Какъ волкъ тащитъ въ лѣсъ ягненокъ, чтобы сожрать его, такъ утащилъ Маркъ Вѣру въ бесѣдку. За тѣмъ послѣдовали раздражительныя сцены раскаянія, муки, отчаянія, съ одной стороны, и утѣшенія, великодушія, самоотверженія съ другой. Г. Гончаровъ положилъ всего себя на отдѣлку пятой части. А Райскій, этотъ великодушный другъ и утѣшитель! Только здѣсь обнаружилась вся нравственная мизерность этого человѣка. Не онъ ли, неподозрѣвая ничего о любви Вѣры и считая ее свободной, усиливался всѣми средствами влюбить ее въ себя! Съ какой беззастѣнливой настойчивостью онъ преслѣдовалъ ее въ то время, какъ она прямо отталкивала его отъ себя. И когда его тактика не удалась, когда его пошлая болтовня о вѣчномъ счастіи, о страсти, о клубничномъ наслажденіи препала холостымъ зарядомъ, онъ начинаетъ говорить противъ себя; онъ говоритъ «угасшимъ голосомъ»—*tragedia!* и, раскиснувъ окончательно, ѣдетъ ни съ того, ни съ сего въ Римъ лѣпить изъ глины. Этотъ Райскій, какъ и молодой Адуевъ, не могъ видѣть равнодушно ни одного смазливаго женскаго личика. Сначала онъ *развивалъ* Бѣловодову и тоже на множествѣ страницъ толковалъ съ ней до пригорности о блаженствѣ и счастіи страсти и вѣчной любви. Въ то же время онъ успѣлъ *развить* Наташу и забылъ ее бѣдную, умирающую въ чахоткѣ. Приѣхавъ къ бабушкѣ, онъ немедленно принялся за развитіе Марфиньки и разъ подсѣлъ къ ней такъ близко, что у него слѣдалось головокруженіе, причины котораго наивная Марфинька конечно не поняла. Бросивъ Марфиньку онъ сталъ разжигать Вѣру, при чемъ потерпѣвъ неудачу превратился въ друга. А Ульяна? Если бы Райскій былъ порядочный человѣкъ въ смыслѣ проповѣдей г. Гончарова, онъ могъ бы сейчасъ положить предѣлъ ея натиску. Но въ томъ-то и дѣло, что Райскій всѣмъ женщинамъ, начиная съ Бѣловодовой, проповѣдывалъ свободную любовь. Въ этомъ же смыслѣ онъ поучалъ и Марфиньку, та сдуру разболтала Вѣрочкѣ и Вѣрочка поймала его на непослѣдовательности, когда ему очень хотѣлось, чтобы Вѣра сказала

что любить его. Ну занимайся всёми этимъ Маркъ, то-то гоненіе подиялъ бы противъ него г. Гончаровъ! Повѣствуя же о Райскомъ, г. Гончаровъ выражается такъ пріятно, что выходитъ даже и хо-рошо.

Райскій вообще любимецъ г. Гончарова, и изъ него онъ, какъ кажется, хотѣлъ создать новый типъ; но какъ г. Гончаровъ пи-шетъ свои романы десятки лѣтъ, то рамки первоначально задуманнаго плана пришлось раздвинуть и втиснуть въ серединку Марка. Иначе, безъ сомнѣнія, героемъ романа, хотя и менѣе пикантнымъ, ока-зался бы Райскій, а героиней по нынѣшнему — Вѣра. Конечно ро-манъ тогда бы выигралъ, если не по новизнѣ своей основной мыс-ли—ибо г. Тургеневъ давно уже воздѣлалъ эту почву—то въ по-слѣдствительности и г. Гончарову не пришлось бы выслушивать уп-рековъ въ умственной отсталости и въ непониманьи своего вре-мени. Тотъ романъ былъ бы просто искусствомъ для искусства, безъ претензій на тенденціозность, и лучше!

Райскій изображаетъ собою подготовительную переходную форму къ Марку. Райскій герой благоприличный, онъ знаетъ языкъ, ис-кусство, говорить довольно красиво, одѣвается по модѣ и можетъ быть принятъ въ любомъ столичномъ салонѣ, не то, что бездом-ный Маркушка. Новая теорія Райскій развиваетъ если и несовсѣмъ ясно и удовлетворительно, то по крайней мѣрѣ съ такою красотой, какой рѣшительно не усматривается въ дерзкомъ лаконизмѣ Во-лохова. Видно по всему, что Райскихъ г. Гончаровъ видѣлъ, изу-чалъ, знаетъ; тогда какъ съ Маркомъ онъ на чуждой почвѣ и долженъ чертить всё данное лишь въ собственномъ творчествѣ, выдумывать, сочинять. Отъ этого портретъ Марка есть только грубо, крупными чертами накинутый, общій очеркъ, а въ Райскомъ вы видите такую тщательную отдѣлку мелочей, что у васъ рябитъ въ глазахъ и общая идея совершенно расплывается подъ невооб-разимымъ множествомъ частныхъ, собранныхъ въ одну кучу. Но Райскій превращается въ переходную форму къ Марку и становится подставнымъ героемъ только съ 3-й части. До появленія на сценѣ Марка, Райскій новый человекъ, и лишь при Маркѣ является эле-ментомъ качающагося благоразумія.

Такъ, съ перваго знакомства съ Райскимъ вы слышите изъ устъ его социальную проповѣдь. «У меня все есть, и ничего мнѣ не надо! говорите вы,—поучалъ Райскій Бѣловолову.—А спросили ли вы себя хоть разъ о томъ, сколько есть на свѣтѣ людей, у кото-рыхъ ничего нѣтъ и которымъ все надо? Осмотритесь около себя:

около васъ шелкъ, бархатъ, бронза, фарфоръ. Вы не знаете, какъ и откуда является готовый обѣдъ, у крыльца ждетъ экипажъ и везетъ васъ на балъ и въ оперу. Десять слугъ не дадутъ вамъ времени пожелать и исполняютъ почти ваши мысли... Не дѣлайте знаковъ нетерпѣнія... А думаете ли вы иногда, откуда это все берется и къ вамъ доставляется вамъ?.. А если бы вы знали, что тамъ въ тамбовскихъ или орловскихъ вашихъ поляхъ, въ зной, жнетъ беременная баба...»—Cousin! съ ужасомъ произнесла Бѣловодова— «Да, продолжалъ онъ, а ребятишекъ бросила дома—они ползаютъ съ курами, поросятами, жизнь ихъ каждую минуту виситъ на волоскѣ: отъ злой собаки, отъ проѣзжей телѣги, отъ дождевой лужи... Я не проповѣдую комунизма, будьте покойны... Научить «что дѣлать»—я тоже не могу, не умѣю. Другіе научать. Мнѣ хотѣлось бы разбудить васъ; вы спите, а не живете... Со временемъ вы постараетесь узнать, нѣтъ ли и за вами какогонибудь дѣла, кромѣ визитовъ. Представьте, напримѣръ, себѣ, еслибъ вамъ пришлось идти пѣшкомъ въ зимній вечеръ, одной взбираться на пятый этажъ, давать уроки? Если бы вы не знали, будетъ ли у васъ топленая комната и выработаете ли вы себѣ на башмаки и на салонъ,—да еще не себѣ, а дѣтямъ? И потомъ убиваться неотступною мыслию, что вы сдѣлаете съ ними, когда упадутъ силы?.. И жить подъ этой мыслью, какъ подъ тучей, десять, двадцать лѣтъ.»—C'est assez, cousin! нетерпѣливо отвѣтила Бѣловодова. Возьмите деньги и дайте туда... и она указала на улицу. — Такъ вотъ тѣ principes... А что дальше? спросила она. «Дальше... любить... и быть любимой...» — И чтоже потомъ? — «Потомъ... отвѣтилъ Райскій, «плодиться, множиться и населять землю...» «Воскресните, кузина отъ сна,—проповѣдывалъ тотъ же Райскій той же Бѣловодовой, въ другой разъ,—бросьте вашихъ Катринъ, ваши выѣзды—и узнайте другую жизнь. Когда запроситъ сердце свободы, не справляйтесь, что скажетъ кузина, смѣло бросьтесь въ жизнь страстей, въ незнакомую вамъ сторону... Страсть—гроза жизни, а зачѣмъ гроза въ природѣ?.. Не къ раскаянію поведетъ васъ страсть, она очиститъ воздухъ, прогонитъ миазмы, предрасудки и дастъ вамъ дохнуть настоящей жизнию. Страсть подниметъ васъ высоко, вы черпаете познанія добра и зла, убьетесь счастьемъ и потомъ задумаетесь на всю жизнь, — не этой красивой, сонной задумчивостію... И когда я васъ встрѣчу потомъ, можетъ быть, измученную горемъ,—но богатую и счастьемъ и опытомъ, вы скажете, что вы не даромъ жили и не будете отговариваться невѣдѣніемъ

жизни. Вотъ тогда выгянете и туда, на улицу, захотите узнать, что дѣлають ваши мужики, захотите кормить, учить, лечить ихъ... Поживъ въ тишинѣ, наединѣ—гдѣ нибудь въ чухонской деревнѣ, вы ужаснетесь вашего свѣта. Парижъ и Вѣна поблѣднѣють передъ той деревней. Прочь prince Pierre, comte Serge, тетушки, эти портъеры, драпри, съ глазъ долой фамильные портреты... Вы возненавидите и Пашу съ Дашей и швейцара и всѣ выѣзды — все вамъ опротивитъ тогда...» Маркъ, конечно не говорилъ бы такъ много-рѣчиво и съ такимъ пафосомъ, но по части отрицанія и радикальнаго реализма онъ едва ли былъ бы въ состояннн идти дальше.

Не говори уже про Марфиньку и Вѣру, Райскій не оставилъ въ покоѣ даже бабушки, которую наставлять на путь истины было уже совершенно безплодно. Райскій вздумалъ преподавать Татьянѣ Марковнѣ теорію утилитаризма, доказывая ей, что она грубо ошибается, если въ желаннн дѣлать другимъ пріятное виднть что нибудь другое, кромѣ личнаго удовольствія, личной пользы. Бабушка копечно пришла въ ужасъ, но Райскій остался непреклоненъ и даже прибавилъ, что онъ ходитъ по трактирамъ, играетъ на бильярдѣ и куритъ. Совсѣмъ радикаль.

Вообще повсюду и вездѣ, гдѣ только ни является Райскій, онъ вноситъ новый, развѣдающій элементъ и тяготѣеть ко всякой перемѣнѣ, ко всему новому. Оттого же онъ потянулся немедленно къ Марку и, несмотря на предостереженіе бабушки, свелъ тотчасъ же знакомство съ этимъ бездомнымъ искусителемъ. Но искуситель прозрѣлъ немедленно, что предъ нимъ второстепенный герой и что роль перваго героя отмежевалъ г. Гончаровъ ему, Марку. Презрительно отнесся Маркъ къ Райскому и, какъ говорится, раскусилъ его съ перваго разу. Маркъ видѣлъ, что это человекъ сердечный, добрый, способный на короткое увлеченіе, но рѣшительно неспособный ни къ какой выдержкѣ, ни къ какому прочному дѣлу. Когда Райскій вздумалъ говорить ему о своихъ *nambrering*. «Знаю, отвѣтилъ Маркъ, ими, говорятъ, вымощенъ адъ. Нѣтъ, вы ничего не сдѣлаете и не выйдеть изъ васъ ничего, кромѣ того, что вышло, т. е. очень мало. Много этакыхъ у насъ было и есть: всѣ пропали, или спились съ кругу. Я еще удивляюсь, что вы не пьете: наши художники обыкновенно кончаютъ этимъ. Это все неудачники!..

Для насъ важно не то—удачникъ или неудачникъ Райскій, намъ важно то, что русскій литературный интеллектъ стоптъ на такомъ низкомъ уровнѣ, и Райскаго въ такомъ смутномъ, противорѣчи-

вомъ видѣ можно предлагать публикѣ. По первоначальному замыслу, т. е. судя по первой части романа, Райскій долженъ былъ явиться загадочной, титанической натурой. Но вы видите преждевременное развитіе, слабость работающихъ нервовъ, половую раздражительность, разбродъ мыслей, упадокъ, дегенерацію расы. Ходить въ этомъ человѣкѣ что-то смутное, колобродитъ какая-то сила; чувствительность, живость, переменчивость впечатлѣній, не даетъ человѣку сосредоточить своихъ силъ на одномъ предметѣ. Посмотрите на бездомнаго Марка, онъ изображенъ правда чудовищемъ, но вы видите, что этотъ желѣзносложенный организмъ, владѣетъ желудкомъ переваривающимъ камень, что онъ не заплачетъ, когда Васюкъ начнетъ драть винту, потому что у него проволочные нервы, что онъ можетъ спать на гвоздяхъ, покрываться вмѣсто шелкового одѣяла рогожей и въ васъ возбуждается уваженіе къ силѣ, возбуждается увѣренность, что спя эта перетащить васъ и черезъ пропасть и черезъ бесплодную степь, что она выручитъ васъ изъ всякой бѣды. Что же это такое? Торжество реализма надъ идеализмомъ? Но развѣ такъ думаетъ Гончаровъ?..

Конечно мы не имѣемъ права простирать своихъ претензій до того, чтобы обвинять лично Райскаго. Намъ важенъ не Райскій, а самъ г. Гончаровъ. Намъ обидно, за грамотную Россію; обидно за то, что можно такъ свысока относиться къ коллективному русскому уму и печатать такія вещи какъ «Обрывъ». Что такое Маркъ, Райскій, бабушка, Вѣра, Мироновна и т. д? Все это степной хламъ, все это тѣни, покойники, призраки. Намъ въ 1869 году рисуютъ людей жившихъ въ 1857 г. Къ чему эти китайскія тѣни? Дѣтямъ они не нужны; взрослымъ еще менѣе. Никакой связи съ современной дѣйствительностію; ни одного живого человѣка. Мы понимаемъ, что въ наше время можетъ явиться даже двадцатое изданіе «Мертвыхъ душъ,» какъ сочиненіе, имѣющее историческое значеніе; но если бы Гоголь продержалъ свой романъ у себя въ столѣ тридцать лѣтъ и вздумалъ бы напечатать его, когда ни одной корочки не осталось на свѣтѣ и сталъ бы выдавать свой трудъ за картину современности, мы же, не отрицая таланта въ авторѣ, ни одной минуты не усумнились бы, что онъ съумасшедшій, и что онъ страдаетъ той формой, которую психіатры зовутъ помѣшательствомъ величія.

Бѣлинскій несомнѣнно ошибался, когда отдѣлялъ идею отъ таланта; но даже и тогда, когда г. Гончаровъ стоялъ еще на реаль-

ной почвѣ, онъ замѣтилъ, что этотъ авторъ неспособенъ къ глубокому анализу, неспособенъ къ пониманію жизни и пружинокъ ея управляющихъ, неспособенъ къ послѣдовательному мышленію и владѣеть исключительно талантомъ вѣшняго рисованья. Въ каждомъ словѣ г. Гончарова вы видите измышленіе, вы видите, что этотъ человѣкъ грызетъ перо, чиркаетъ и вычеркиваетъ, подбирая красивыя слова, какъ бусы на нитку, что весь его расчетъ въ томъ, какъ его писанье выходитъ красиво со стороны. Что же касается до идеи, мысли, логики, — выражаются ли они рисункомъ, постепеннымъ подборомъ картинъ или строгимъ логическимъ изложеніемъ — ихъ нѣтъ. «Обрывъ» это шивки разноцвѣтныхъ лоскутковъ, нарисованныхъ въ разное время, въ періодъ 12 лѣтъ, человѣкомъ, думавшимъ въ каждый послѣдующій годъ иначе, чѣмъ онъ думалъ въ предыдущій. Отъ этого въ первой части вы видите одинъ замыселъ: — Старая чопорная Россія, разѣзжающая въ коляскахъ съ высокими козлами — вы, читатель, тогда еще не родились — воспитываетъ молодое поколѣніе въ строгихъ мертвящихъ приличьяхъ. Аристократія, французскій языкъ, легкомысленное папильонство старыхъ шалуновъ, воображающихъ себя маркизами. Скажите, кому это нужно и когда? А между тѣмъ г. Гончаровъ измышляетъ цѣлую часть въ 137 страницъ и эту часть печатаетъ не московское археологическое общество, а петербургскій журналъ, «исторія, политика, литературы», конечно современной. Во второй части васъ внезапно переносятъ на столѣтія впередъ. Почему понадобился такой внезапный скачекъ? Какая связь между тетушками Бѣловодовой и Татьяной Марковной, между Софьей и Мионовной и Вѣрой? Никакой. Что же это? исторія цивилизаціи Россіи, изображеніе картины послѣдовательнаго происхожденія и развитія новыхъ людей временъ Елисаветы Петровны и Екатерины II или что другое? Понять невозможно, да едва ли и самъ г. Гончаровъ понимаетъ, почему къ «Обрыву» приклеилась Бѣловодова съ ея бабушками и екатерининскимъ проказникомъ Пахотиннымъ.

Во второй части вы видите новый замыселъ и этотъ замыселъ продолжается до конца. Новая мѣстность, новые люди, новая жизнь. Стень съ ея удушливой жарой и спячкой мозга, деревенская жизнь съ ѣдой отъ утра до вечера, крѣпостной бытъ съ Савельями и Мишками и съ помѣщицней придурью. Но кому же все это нужно, спустя восемь лѣтъ послѣ освобожденія крестьянъ? Какую новую мысль хочетъ высказать и высказываетъ авторъ? Опять никакой. Чи-

таешь и ждешь, чего надѣлаетъ Райскій, этотъ герой, съ которымъ авторъ давно уже познакомилъ публику и на литературныхъ вечерахъ и «эпизодами изъ жизни Райскаго.» Но герой ступевывается; его смѣняетъ герой новый; а Райскій, превратившись изъ силы въ несостоятельность, и опозорившись, сходитъ со сцены.

Но вы боитесь довѣрить собственному сужденію: не можетъ быть, чтобы такой извѣстный талантъ, какъ Гончаровъ, не имѣлъ тонкаго замысла и не изобразилъ бы его еще тоньше? Однако напрасны ваши усилія понять тонкій замыселъ, ибо способность писать красиво далеко еще не способность анализа и послѣдовательнаго мышленія.

Весь недостатокъ «Обрыва» именно въ томъ и заключается, что авторъ не выяснилъ себѣ, что онъ хочетъ сказать, и работалъ случайно, подъ влияніемъ поверхностныхъ впечатлѣній. Отъ этого ни одинъ его герой не выдержалъ до конца, и какъ г. Гончаровъ не успѣлъ сберечь молодого Адуева отъ рѣзкаго перелома, такъ не сохранилъ онъ въ послѣдовательной чистотѣ ни Райскаго, ни Вѣры, ни Марка. Всѣ они сломились, всѣ они раскаялись, всѣ они измѣнили себѣ. Эта непослѣдовательность героевъ заключается въ самомъ существѣ логической непослѣдовательности автора, въ шаткости его понятій, въ мимолетности его убѣжденій.

Обратимся опять къ «Обыкновенной исторіи.» Сила этого романа въ рѣзкомъ протестѣ противъ идеализма и сантиментализма. Романъ читался потому, что вздохи и мечтанія о дѣвѣ, луиѣ и другомъ романтическомъ вздорѣ всѣмъ уже надоели и общество почувствовало, что на него повѣяло новымъ воздухомъ. Сила романа заключается именно въ его реализмѣ: масса публики услышала новое слово и благоговѣнно взглянула на новаго пророка. Вотъ корень извѣстности г. Гончарова.

Но г. Гончаровъ не понималъ причины своего успѣха, не понималъ, что его выдвинулъ не талантъ, т. е. способность рисовать картинки, а мысль, идея, тенденція.

И вотъ двадцать два года спустя, онъ выступаетъ съ новымъ романомъ. Чего въ правѣ ожидать публика, пережившая въ это время освобожденіе крестьянъ, гласный судъ, земство, вступившая на совершенно новую экономическую почву, перечитавшая Стюарта Милля, Дарвина, Ляйбеля, Бокля, — Конта, отъ автора, который такъ ловко и кстати еще двадцать лѣтъ назадъ кинулъ новое слово, обобщилъ прогрессивную мысль? Ей описываютъ какихъ-то тетушекъ 18 вѣка, какихъ-то провинціальныхъ дуръ, даютъ ей сла-

бую копию. Лаврепкого, изуродованнаго Базарова и зрѣлыхъ дѣвъ мечтающихъ о лунѣ и о вѣчной любви. Въмѣсто реализма, знаи котораго г. Гончаровъ поднимать въ 1847 году, онъ въ 1869 г. проповѣдуетъ снова сантиментализмъ и идеализмъ; онъ отрѣкается отъ самого себя, онъ отказывается отъ послѣдовательности. Какъ же было не надломиться его героямъ?

Неправда, что г. Гончаровъ относится безучастно къ своимъ героямъ, что онъ держитъ себя объективно. Это невозможно и психологически. Литературное и всякое другое произведеніе творчества есть результатъ субъективности. Нельзя отдѣлить своего отъ своего произведенія. Авторъ можетъ не умѣть думать послѣдовательнымъ мышленіемъ, но тѣмъ не менѣе его думы, его симпатіи и антипатіи олицетворяются въ его герояхъ. Однимъ словомъ авторъ весь въ своемъ произведеніи. Сила проявится силой, безсиліе — безспіемъ. Романъ, невозбуждающій въ читателѣ прогрессивнаго мышленія и прогрессивнаго вывода, можетъ быть написанъ только отсталымъ и слабо мыслящимъ авторомъ. Не было *прибѣра*, чтобы умный человѣкъ, работавшій десять лѣтъ, написалъ глупость.

Въ «Обрывѣ» г. Гончаровъ похоронилъ себя: миръ его прагматическаго реализма, не былъ въ состояніи понять, что сила современнаго писателя въ реализмѣ, а не въ идеализмѣ — нашь не научить его. Еще одна свѣжая могила надъ писателемъ, умершимъ для прогресса! Но, по крайней мѣрѣ, мы теперь знаемъ что если г. Гончаровъ черезъ 15 лѣтъ напечатаетъ еще романъ, романъ этотъ будутъ читать наши бабушки, да и то по воспоминанію и по той любовной пикатности, которая такъ пріятна для старухъ и стариковъ.

Въ русской литературѣ еще не было такого могучаго таланта для изображенія картинъ сладострастія. Что за мерзость сцена Рибскаго съ Марфинькой, а еще хуже съ Ульяной. Предъ вами жила жена Пентефрія. Чтобы писать такія сцены, надо слишкомъ глупо боко направить свой умъ на ихъ изученіе и думать очень наивно въ сладострастномъ направленіи. Тѣ, кто обративъ все свое вниманіе на тенденціозныя намеки, обойдутъ эту сторону таланта г. Гончарова, сдѣлають большую ошибку, особенно если они глупыя людныя отцы семейства. Юлія распалила свое воображеніе только чтеніемъ французскихъ романовъ, съ подобными безстыдными, взяточно описанными сценами. И снова насъ наводятъ на этотъ вредный путь; рисуютъ намъ, подъ благоухающимъ покровомъ, разли-

бляющія нервы картины. И что выигрываетъ или проигрываетъ главная мысль романа, если бы у Райскаго отъ излишне-близкаго сидѣнья къ Марфинькѣ не закружилась голова и если бы не только любовной сцены съ Ульяной, но и самой Ульяны не было вовсе? За чѣмъ же они? Такой вопросъ былъ бы конечно разсудителенъ по отношенію ко всякому другому автору, но не автору «Обрыва.» Что такое этотъ романъ, сначала до конца, какъ не любовная пѣснь, какъ не скандальная хроника какого-то медвѣжьяго угла. Бабушка въ молодости согрѣшила и до глубокой старости млѣбеть рядкомъ съ Ватутинымъ; Крицкая только и думаетъ о любви, ограничиваясь впрочемъ поддразниваніемъ своего воображенія; Ульяна — реалистъ и практикъ, подобно женѣ Савелья, платонизмомъ не удовлетворяется, а любитъ всякаго мужчину какъ слѣдуетъ; Райскій не даетъ прохода ни своимъ сестрамъ, ни племянницамъ и съ первой до послѣдней части романа усиливается сбивать съ толку всѣхъ смазливыхъ женщинъ и дѣвушекъ; Маркъ, главное лицо романа, совершаетъ грѣхъ при самой чудовищной обстановкѣ. А второстепенныя лица? — Пахотинъ, Тушинъ? Любовь, любовь, любовь! Г. Гончаровъ, кажется, серьезно убѣжденъ, что любовь архимедовъ рычагъ. И силенъ же онъ съ этимъ рычагомъ! Романъ г. Гончарова мы считаемъ произведеніемъ недомысленнымъ, вреднымъ, безнравственнымъ и ужъ конечно не дали бы его въ руки дѣвушекъ и мальчковъ, которымъ еще нужно учиться.

IV.

Переносить разборъ «Обрыва» на научную почву, значитъ подвергать себя обидному неудобству, ибо приходится превращаться въ донъ-Кихота, а г. Гончарова превращать въ вѣтриную мельницу. Можно ли вступать въ серьезное научное состязательство съ человѣкомъ, совершенно незнакомымъ съ послѣдними успѣхами точныхъ знаній и ихъ методовъ? Можно ли серьезно опровергать челоѣка, который даже науку хочетъ превратить въ простой подборъ красивыхъ словъ и въ трескучую риторику возбуждающую чувство? Г. Гончаровъ въ интеллектуальномъ отношеніи всегда вѣредеть себѣ: есть у него микроскопическая крупница знаній и соб-

ственной умственной силы и разводитъ онъ эту крупицу въ бочкахъ розовой воды, прибрѣтенной по наслѣдству отъ романтиковъ и идеалистовъ. А что же читающая публика? О, русская публика всегда была снисходительна въ своей недальнозоркости, она всегда любила розовую воду, она серьезно признаетъ г. Гончарова за великаго мыслителя и поучается у него...

Если бы г. Гончаровъ повѣствовалъ безъ всякой тенденціозности о томъ, что гдѣ-то на берегу Волги жила мечтательная кисейная барышня, что этой барышнѣ подвернулся на глаза дикій, векультированный человекъ и, сбивъ ее съ толку, сдѣлалъ съ нею то, чего ему дѣлать не слѣдовало, мы бы такъ и знали, что дикій человекъ поступилъ по дикому, пожалѣли бы бѣдную дѣвочку, а г. Паульсонъ занесъ бы этотъ правоучительный фактъ въ свою книжку для чтенія. Но г. Гончаровъ думаетъ не такъ. Онъ во что бы то ни стало желаетъ уподобиться московскому купцу, о которомъ рассказываетъ гдѣ-то покойный Марлинскій. Купецъ, усиливаясь доказать вредъ новаго образованія, привелъ слѣдующій фактъ: «Быль у насъ молодой купчикъ, рассказывалъ купецъ, захотѣлось ему непременно учиться, выучился, и что же? Отправился на службу на Кавказъ, а тамъ—въ первомъ сраженіи его и убили». Пусть г. Гончаровъ и всѣ его друзья докажутъ, что его логика отличается хотя чѣмъ нибудь отъ логики этого московскаго купца.

Мѣстами вы дѣйствительно видите, что Маркъ лично ошибающаяся натура, недоразвившійся человекъ; но когда г. Гончаровъ, гошающійся только за красивыми словами, забывъ о томъ, что онъ говорилъ въ четвертой части, въ пятой, сосредоточивъ всѣ свои умственные силы, обрушивается на новое знаніе, вы видите, что перчатка бросается не одному заблуждающемуся человеку, а всему цивилизованному человечеству, всему коллективному передовому уму всѣхъ пяти частей свѣта. Можетъ быть и найдутся такіе патріоты, которыя умилятся, что въ Россіи нашелся подобный смѣлый умъ. Мы не изъ ихъ числа. Намъ стыдно за возможность подобнаго туранизма и намъ больно за г. Гончарова, что онъ не въ состояніи понять своего нравственнаго паденія. Мы постараемся перевести философію г. Гончарова на простой, понятливый языкъ и пусть читатель судить на чьей сторонѣ правда.

Г. Гончаровъ говоритъ, что въ европейское общество внесся новый взглядъ на все, взглядъ полный отрицанія.

Это правильно. Но позвольте васъ спросить; худо или хорошо, что люди, усумнившись въ дѣйствительности услуги трехъ китовъ,

нашли законъ тяготѣнія? Худо или хорошо, что, усумнившись въ четырехъ элементахъ и флогистонной теоріи, нашли большее число началъ и научились разлагать воздухъ и газы? Чему мы обязаны желѣзными дорогами, пароходами, всѣми техническими усовершенствованіями въ фабричномъ и заводскомъ производствахъ, какъ не сомнѣнію и послѣдовавшему за нимъ научному отрицанію? Научный методъ изслѣдованія говоритъ, что истина дается только проверкою. Что бы было, если бы отрицаніе предыдущихъ знаній не принимало того дерзкаго характера, который нарушаетъ умственный покой г. Гончарова. Ужъ конечно г. Гончаровъ очень бы изобидился, если бы ему приподнесли за «Обрывъ» полный костюмъ китайскаго мандарина, бритву для сооруженія соотвѣтственной шевелюры и двѣ готовыя косы.

Г. Гончаровъ говоритъ, что дерзость новаго европейскаго изслѣдованія простирается до того, что отрицаютъ авторитеты, старую жизнь, старую науку, старыя добродѣтели и пороки. Это правильно, но только намъ нужно объясниться. Дѣйствительно, наука признаетъ только то, что подчиняется и подлежитъ опыту. Вѣдь вы, г. Гончаровъ, въ домовыхъ не вѣрите? А вѣдь ужъ какъ хороша была повѣсть Иваницкаго «Неразбѣнный червонецъ!» А по чему? Да только потому, что г. Иваницкій пишетъ, хотя и хорошо, а домового вамъ все-таки не показать. Вѣдь вы не вѣрите Аристотелю, Платону, экономической теоріи Сюлли, фортификаціонной теоріи Вобана, стратегическимъ основамъ Валленштейна, Монтекукули и даже Суворова, политической мудрости Людовика XIV, драматической теоріи о трехъ единствахъ, забытымъ изслѣдованіямъ натуралистовъ прошлаго столѣтія и даже философіи Гегеля. Значитъ вы и сами поступаете такъ, какъ человѣкъ живущій въ XIX вѣкѣ. За что же вы обвиняете другихъ? Вы говорите о добродѣтеляхъ и порокахъ. И эта почва не дурна. По ученію Сильверста добродѣтелю считалось сокрушить ребра своимъ чадамъ и домочадцамъ. Упражняетесь вы въ этой добродѣтели г. Гончаровъ? По ученію нашихъ дѣдовъ, живущему и до сихъ поръ въ деревняхъ, ремень считался лучшимъ педагогическимъ средствомъ, станете вы колотить дѣтей? Станете вы стѣснять свою дочь въ борьбѣ мужа, станете вы видѣряться съ своимъ авторитетомъ въ чужой внутренней міръ, станете вы требовать уваженія и любви силой? Станете наконецъ вы увѣрять, что старыя добродѣтели и до сихъ поръ добродѣтели, а старыя пороки и до сихъ поръ пороки? Если все старое такъ неизлѣмно-хорошо, отчего каждая петербургская

кухарка стала говорить пзвощику *вы*; отчего прежній Петръ и Васька превратились въ Петровъ Ивановичей и Васильевъ Петровичей? Отчего, можетъ быть и безсознательно для васъ, мысли Стюарта Милля произвели кое-какую перемѣну въ вашихъ понятіяхъ и вы почувствовали бы себя великимъ несчастливцемъ, если бы васъ перенесли въ степную деревню, да женили на деревенской бабѣ?

Г. Гончаровъ говоритъ, что въ новой наукѣ есть односторонность, гробѣны, мѣстами будто умышенная ложь пропаганды. *Все* это правда. Но когда было больше пробѣловъ въ знаніяхъ—нынче или во времена Эразма роттердамскаго; когда было больше односторонности въ русской мысли во времена Ломоносова или теперь? Умышенная ложь кажется г. Гончарову очень неотразимымъ аргументомъ. Дѣйствительно лгать вообще не хорошо. Но вѣдь ложь въ смыслѣ научной пропаганды, есть не болѣе, какъ сила, концентрирующая умъ на извѣстной точкѣ, дающая ему направленіе въ одну наиболѣе выгодную сторону. Отчего явилась паровая машина, желѣзныя дороги, пароходы, телеграфы, швейная машина, орудія-машины, даже велосипедъ? Именно потому, что пропаганда направляла человѣческое мышленіе въ извѣстномъ, одномъ направленіи. Теперь мысли людей направлены на изслѣдованіе причинъ, отъ которыхъ зависитъ личное счастье. Худо это? И паровая машина далась рядомъ опытовъ и Стефенсонъ не вдругъ поѣхалъ по желѣзной дорогѣ!

Г. Гончаровъ говоритъ, что новая наука не открыла Америка. А развѣ старая открыла? Развѣ человѣчество со времени Адама было хоть одну минуту убѣждено, что оно владѣетъ истиной, и что ему некуда идти? Г. Гончаровъ спрашиваетъ, что такое истина? Да истина то, что признаетъ человѣкъ истиной въ данный моментъ. Вотъ авторъ «Обрыва» въ 1847 г. говорилъ одно, и былъ убѣжденъ, что проповѣдуетъ истину; а въ 1869 г. онъ говоритъ другое и тоже убѣжденъ, что проповѣдетъ истину. Безусловная истина, заключающаяся въ общемъ примиреніи,—отдаленный идеаль. Она еще далеко впередъ и вся сущность прогресса человѣчества заключается въ постоянномъ поступательномъ движеніи къ этому идеалу. А г. Гончаровъ огорчается, что еще не открыта Америка и хочетъ удержать всѣхъ въ Азиі. Ну конечно, если бы г. Гончаровъ былъ Изабеллой испанской, то Колумбъ умеръ бы въ сумасшедшемъ домѣ.

Г. Гончаровъ говоритъ, что современный реализмъ видитъ въ

чувствахъ рядъ кратковременныхъ встрѣчъ и грубыхъ наслажденій, обнажая ихъ-отъ всякихъ иллюзій, составляющихъ роскошь человека, въ которой отказано животному. Во-первыхъ, сравнительная психологія показываетъ, что и у животныхъ есть иллюзіи. Такъ, собака принимаетъ иногда чужого за своего хозяина, такъ еще Линней въ числѣ специальныхъ, характеристическихъ признаковъ собаки помѣстилъ, что она лаетъ на луну. А во-вторыхъ, г. Гончаровъ поступаетъ очень неосторожно, разоблачая самого себя. Реализмъ требуетъ прежде всего здоровой, правильной неразслабляющей жизни. Ни одинъ дѣйствительный реальный писатель не станетъ описывать тѣхъ сценъ сладострастія, которыми г. Гончаровъ только и существуетъ въ своемъ «Обрывѣ». Возьмите любого европейскаго романиста—не говоря уже про Шильягана, Шатриана, Гюго—возьмите романистовъ Англіи, Америки, даже Франціи, гдѣ, у какаго романиста, кромѣ Луве-де-Кувре, вы встрѣтите сцену подобную сценѣ Ульины съ Райскимъ и Райскаго съ Марфинькой? Какъ ни сочувствуетъ г. Гончаровъ Райскому и какъ ни чюдoviщень Маркъ, но скажите, можно ли ихъ сравнить въ этомъ отношеніи? У самого Г. Гончарова не поднялась рука нарисовать невозможную картину съ Маркомъ; онъ понималъ, что его могутъ уличить даже и друзья.

Г. Гончаровъ не признаетъ закона причинности и вѣрить въ монсеевскій принципъ награды и воздаянія. Это вовсе непохристіански—мы должны поступать хорошо, вовсе не потому, что получимъ въ будущемъ награду и конечно, если бы г. Гончаровъ писалъ свой романъ не для степныхъ кисейныхъ барышень, а для мыслящихъ людей, онъ бы понялъ всю логическую невозможность высказыванія подобныхъ мыслей. Г. Тургеневъ разсуждалъ на эту тему гораздо сильнѣе, и мы не можемъ не уважить въ немъ искренняго, честнаго человека. Г-нъ же Гончаровъ подогрѣваетъ себя и становится на ходули и рѣшительно не возбуждаетъ убѣжденія въ своей искренности. Несмотря на теплыя, повидному фразы, отъ романа г. Гончарова вѣетъ холодомъ, измышленіемъ, безучастіемъ къ людямъ, мелочнымъ эгоизмомъ. Г. Гончаровъ изумляется, что новая наука и новая нравственная философія явилась изъ старой. Да развѣ это могло быть иначе? Бокль весьма наглядно объяснилъ сущность исправленія ошибочныхъ ученій. Оно заключается не въ измышленіи новаго, а только въ уничтоженіи, вычеркиваніи изъ жизни старыхъ заблужденій, а данныхъ для возможности ошибокъ.

Вотъ и вся сущность отрицательнаго отношенія г. Гончарова къ прогрессивному движенію современной науки. И такая крупница отсталыхъ мыслей послужила матеріаломъ для сооруженія огромнаго, пятитомнаго романа. По истинѣ изумительный талантъ плодовитости!

Г. Тургеневъ въ своихъ воспоминаніяхъ о Бѣлинскомъ справедливо замѣчаетъ, что между писателемъ и его читателями не должно быть бездны, а иначе его не поймутъ. Не этимъ ли слѣдуетъ объяснить появленіе «Обрыва» и большой на него запросъ? Мы положительно знаемъ, что лучшіе русскіе люди бросали «Обрывъ» съ четвертой части; но также положительно знаемъ, что значительное большинство читало «Обрывъ», продолжаетъ его читать и скромно отмалчивается, если спрашиваютъ его мнѣніе о романѣ. Это похвально, потому что не усиливаетъ торжество ретроградной пропаганды.

И жалъ, что г. Гончаровъ не могъ понять въ свое время, что здравый смыслъ подкупать нельзя. Даже самый непроницательный читатель пойметъ, что «Обрывъ» сочиненіе; что обобщеніе г. Гончарова ложь, что не было еще примѣра, чтобы молодая сила, въ составѣ цѣлаго поколѣнія или его представителей, становилась на тотъ логически-невозможный путь, который придумалъ г. Гончаровъ. Шлейхеръ даже «Дымъ» г. Тургенева называлъ пасквилемъ и говорилъ, что беллетристъ долженъ изображать болѣе идеализированную, нежели дѣйствительную жизнь, со всѣми ея дрязгави. А г. Гончаровъ даетъ хуже чѣмъ пасквиль: онъ идеализируетъ крѣпостныя времена, исчезнувшія для насъ безвозвратно и серьезно проповѣдуетъ, что счастье только въ быломъ русскомъ обскуратизмѣ. На такой выводъ навела его кисейная Вѣра. «Вглядѣвшись и вслушавшись во все, что проповѣдь юнаго апостола выдавала за новыя правды, новое благо, новыя откровенія, она съ удивленіемъ увидѣла, что все то, что было въ его проповѣди добраго и вѣрнаго — неново, что оно взято изъ того же источника, откуда черпали и неновые люди, что сѣмена всѣхъ этихъ новыхъ идей, новой «цивилизаци», которую онъ проповѣдывалъ такъ хвастливо и таинственно, заключены въ старомъ ученіи...» Такъ говорить въ защиту міровоззрѣнія Татьяны Марковны г. Гончаровъ на 35 страницъ пятой части, а на 567 стр. II ч. онъ заставляеть Райскаго послѣ бесплодной попытки обращенія къ новой «цивилизаци» той же Татьяны Марковны высказать слѣдующее умозаключеніе: «Какъ жизнь-то эластична!.. во что хочешь,

вѣруй: въ религію, въ математику или философію, жизнь поддается всему...»

И нужно согласиться, что почти всѣ беллетристы русской земли на счетъ литературнаго творчества держатся теоріи Эсхила. Грекамъ того времени дѣйствительно приходилось работать лишь изъ непосредственнаго созерцанія жизни и природы; но чтобы быть беллетристомъ нашего времени, одного таланта далеко недостаточно. Прежде всего требуется знаніе. Беллетристъ долженъ знать столько же, сколько знаетъ всякій публицистъ. Резюмируйте весь романъ г. Гончарова въ видѣ публицистской статьи и получатся лишь слѣдующіе шесть афоризмовъ:

«Европейское общество внесло въ жизнь новый взглядъ на все, взглядъ полный отрицанія. Дерзость новаго европейскаго изслѣдованія простирается до того, что отрицаютъ авторитеты, старую жизнь, старую науку, старыя добродѣтели и пороки. Въ новой наукѣ есть односторонность, пробѣлы, мѣстами будто умышенная ложь пропаганды. Современный реализмъ видитъ въ чувствахъ рядъ кратковременныхъ встрѣчъ и грубыхъ наслажденій, обнажая ихъ отъ всякихъ иллюзій (!), составляющихъ роскошь человѣка, въ которой отказано животному. Закона причинности нѣтъ».

Попробуйте съ подобной статьей явиться въ любую редакцію, хоть бы того же «Вѣстн. Европы», который напечаталъ «Обрывъ» и вамъ скажутъ, что статья слишкомъ мала, недостаточно развита, не заключаетъ въ себѣ не только ничего новаго, а напротивъ идетъ прямо въ разрѣзъ съ состояніемъ современныхъ знаній и потому неудобна для печати. Но не только эту чушь, даже двѣ строчки изъ нея, изложите въ формѣ удобочитаемой повѣсти или романа, подпишите «И. Гончаровъ» и любая редакція не только напечатаетъ романъ, но на шумитъ своими рекламами отъ Архангельска до Одессы и приобрететъ по меньшей мѣрѣ 2,000 новыхъ подписчиковъ. Кого слѣдуетъ винить редакцію или публику? Редакцію, скажемъ мы. Нельзя журналу, мало-мальски понимающему свою общественную обязанность, стоять своими серьезными статьями на высшемъ уровнѣ европейскихъ знаній, а беллетристивой опускаться въ гуцу и поддонки обскурантизма. Что это терпится русской публикой, что это иногда выгодно въ денежномъ отношеніи — не оправданіе, ибо мы спросимъ: гдѣ же предѣлъ литературной продажности?

Намъ теперь именно нужно оправданіе молодого, подрастающаго, а частію служащаго уже обществу поколѣнія отъ комьевъ грязи,

упрековъ и клеветъ, которыя безъ мѣры бросались въ него литературой. Какой честный человѣкъ не знаетъ, что нивкакихъ Волоховыхъ нѣтъ ни на Волгѣ, ни на всякой другой рѣкѣ и во всякой другой мѣстности? Г. Гончаровъ нашелъ Волохова въ идеальной «Малиновкѣ» — или какъ она тамъ зовется, — лежащей въ идеальной степи; можетъ быть въ идеальномъ брянскомъ лѣсу онъ найдетъ что нибудь и похуже; а въ идеальномъ перчатковомъ рудникѣ и еще того хуже; но только что же изъ этого? Неужели разсудительно тратитъ свой талантъ на идеализацію вымышленныхъ, несуществующихъ явленій, усиливающихъ разнь поколѣній, возбуждающихъ въ обществѣ тревожное состояніе, разжигающихъ недобвѣрчивости по всему молодому, честно-борящемуся со всѣми трудностями и препятствіями жизни? Г. Гончаровъ, пребывая въ Петербургѣ, направилъ телескопъ на какую-то отдаленную Малиновку, тогда какъ у него подъ глазами совершаются цѣныя сцены, просятъ подъ перо нынѣ явленія глубоко назидательнаго смисла. У него предъ глазами учащаяся молодежь, силы пропадающія въ борьбѣ съ нуждой, желѣзная энергія разгибающаяся о несокрушимыя единолично препятствія. У него передъ глазами дѣвушки, не кисейныя идеалистки, а честныя труженицы, тоже губящія молодость и силы въ борьбѣ съ невыгодно-сложившейся жизнью. У него передъ глазами крупныя соціальныя явленія, ожидающія талантливаго пера и обобщенія, а онъ тратитъ свои силы на десятигѣтнее измышленіе клубничныхъ сценъ и поетъ намъ, голоднымъ людямъ, про обманутую любовь, поучаетъ насъ въ теоріи срочной и безсрочной любви, точно это для насъ вопросъ первой важности.

Н. Шелгуновъ.

НОВЫЯ КНИГИ.

Политико-Экономическіе этюды. Евгенія де-Роберти. Спб. 1869 г.

„Картины прошедшаго“ А. Сухово-Кобылина. „Свадьба Кречинскаго,“ комедія въ 3-хъ дѣйств. „Дѣло“, драма въ 5-ти дѣйств. „Смерть Тарелкина“, комедія-шутка въ 3-хъ дѣйств. Москва. 1869.

Учебная русская хрестоматія съ толкованіями. Составилъ П. Полевой. Спб. 1869.

Тэяъ. Критическіе опыты. Перев. подъ редакцію В. Чуйко. Спб. 1869 г.

Очерки Японіи. М. Венюкова. Спб. 1869 г.

Когда намъ попадаетея книга съ прогрессивнымъ образомъ мыслей, но такъ странно изложенная, какъ очерки г. де-Роберти, мы прежде всего задаемъ вопросомъ: для кого она издана?

Въ настоящемъ случаѣ нашему вопросу помогаетъ самъ авторъ. Въ предисловіи онъ говоритъ, что этюдъ «*Politique economie et science sociale*» былъ написанъ имъ для «*La Philosophie positive*» и помѣщенъ въ № 4 этого обозрѣнія за 1868 г.

Что же это значитъ? Отчего теперь такъ обыкновенно, что русскій человѣкъ пишеть на иностранномъ языкѣ? Примѣровъ уже много.

Если бы пришлось изобразить средній интеллектъ каждаго народа сравнительнымъ чертежомъ, какъ изображаютъ земныя возвышенности, то гора русскаго ума не оказалась бы особенно высо-

кой. Въ этомъ несомнѣнномъ фактѣ лежитъ объясненіе большинства общественныхъ явленій русской жизни.

Всякій народъ устрояетъ свою жизнь тѣмъ лучше, чѣмъ онъ умнѣе, чѣмъ онъ больше знаетъ и на оборотъ, жизнь народа слагается тѣмъ неудовлетворительнѣе, чѣмъ онъ ближе по уму и познаніямъ къ первобытному состоянію.

Громадное общественное значеніе позитивной философіи, явившейся во второй четверти нынѣшняго столѣтія, заключается именно въ томъ, что она констатировала и разъяснила зависимость общественнаго счастья отъ умственнаго элемента и указала наиболѣе совершенный методъ изслѣдованія соціальной жизни.

Въ этомъ же позитивномъ характерѣ лежитъ причина успѣха «Исторіи» Бокля, и то дѣйствительно громадное просвѣтительное вліяніе, какое она обнаружила на мыслящую часть русскаго общества.

Мы философовъ не знали и не привыкли читать. О. Контъ намъ неизвѣстенъ до сихъ поръ. Но Бокль вполне ясенъ и понятенъ. Вотъ причина успѣха. Простымъ, доступнымъ изложеніемъ Бокль измѣнилъ и исправилъ наше сужденіе, и то, что Контъ говоритъ о періодахъ умственнаго развитія человѣчества въ теоретической формѣ, Бокль рассказалъ въ образно-исторической.

Намъ теперь совершенно ясно, что теологическое и метафизическое мышленіе не заключаютъ въ себѣ элементовъ, на которыхъ можно бы построить прочное человѣческое счастье и которыми можно было бы направить человѣчскій, коллективный умъ на размышленіе въ направленіи дѣйствительнаго общественнаго блага. Бокль, такимъ образомъ, вышелъ для насъ популяризаторомъ позитивной философіи, а успѣхомъ его доказывается практически-полезная несомнѣнность этого новаго ученія.

Но и популяризація Бокля стоитъ далеко выше средняго уровня русскаго ума. Какая нибудь сотня людей повяла его, тысяча прочтала не понявши, а все остальное и не читало.

При такомъ низкомъ состояніи русскаго интеллекта неизбежны два явленія: съ одной стороны наиболѣе упрощенная популяризація, съ другой, попытки работать въ умственной лабораторіи западно-европейской мысли.

Чтобы понять глубокую соціальную важность популяризаціи, нужно видѣть провинцію, тяготящуюся къ московскому центру. Вы тамъ столѣтіемъ назадъ противъ Петербурга.

Петербургскіе люди, и особенно литераторы, живутъ кружковой

жизнiю. Петербургъ для нихъ обсерваторiя, или очень высокая гора, отъ подножiя которой и до горизонта разстиается дѣйствительная Россiя. Какъ она живетъ и что ей нужно, они знаютъ только около. Поэтому они не себя переносятъ на Россiю, а Россiю на себя. Они дѣйствуютъ, какъ разъ обратно тому методу, которымъ велитъ руководствоваться позитивное мировоззрѣнiе. Они возводятъ свой личный индивидуализмъ въ нравственное обязательство и считаютъ дѣйствительно-необходимымъ и полезнымъ для всей Россiя то, что оказывается необходимымъ, полезнымъ и понятнымъ ихъ кружку. Этимъ путемъ придуть только къ полному разъединенiю. Петербургъ и провинцiя начнутъ наконецъ аукаться врозь, не понимая другъ друга.

Современная петербургская журналистика представляетъ блестящiй фактъ непониманья того, что она дѣлаетъ. Журналистика совсѣмъ потеряла почву и перестала быть прогрессивной. Вставъ еще недавно на почву позитивизма, она сошла теперь съ нея и снова укрылась въ метафизическихъ дебряхъ.

Есть, напримѣръ, у насъ журналъ, называющiйся «Вѣстникомъ Европы», журналъ очень распространенный и уважаемый престарѣлыми людьми. Но какой Европы онъ вѣстникъ? Нынѣшней?— Нѣтъ, Европы какой-то несуществующей, архивной, чуждой современнаго историческаго момента и ничего недѣлающей для умственнаго прогресса. Въ другихъ журналахъ мы находимъ ту же безсознательную смѣсь стараго, совершенное отсутствiе вполне выясненной программы и направленiя.

А наши ежедневныя газеты? Отдѣлъ ежедневныхъ извѣстiй — вотъ вся ихъ сущность. И если бы они задались исключительно такой программой — говорить противъ нихъ было бы нечего. Но они хотятъ встать выше, они забираются въ область теоретическихъ соображенiй — и тутъ-то онѣ являются орудiями не прогресса, а регресса.

Мнѣ бы очень не хотѣлось задѣвать ничьего авторскаго самолюбiя и переносить вопросъ на личную или полемическую почву. Но для уясненiя своей мысли, я долженъ вдаться въ нѣкоторыя подробности.

Позитивная философiя вполне возвела въ сознанiе и доказала тотъ фактъ, что благо людей соразмѣрно ихъ собственной умственной силѣ! Что такое литература, какъ не лабораторiя челоуѣческой мысли, какъ не источникъ, поэтому, людскаго счастья?

На всякаго литератора нелитераторы смотрятъ обыкновенно съ

какимъ-то благоговѣніемъ къ его авторитету и даже съ затаеннымъ страхомъ, предполагая въ литераторѣ несуществующую умственную, наставительную, уясняющую и впередъ ведущую силу. И представители народной интеллигенціи, стоящіе на литературной аренѣ, очень хорошо понимаютъ свое почетное положеніе; они гордятся имъ и въ то же время не сознаютъ его.

Беллетристы, напримѣръ, хотять черпать все изъ своего собственнаго непосредственнаго творчества. Бѣлинскій, не успѣвшій сказать своего послѣдняго слова, утвердилъ на долгое время эту ошибочную мысль своимъ пристрастнымъ тяготѣніемъ къ тому, что онъ звалъ художественностію.

Русскіе беллетристы воображаютъ поэтому, что достаточно имѣть способность наблюдательности и способность образнаго изложенія, чтобы считать себя дѣятелемъ на умственно-прогрессивной аренѣ. Но это ошибка. Мы видимъ замѣчательныхъ глупцовъ, но пишущихъ образно, пользующихся поэтому большою извѣстностію въ кругу неразвитыхъ читателей, и служащихъ лишь орудіемъ темнаго, влекущаго назадъ умственнаго растлѣнія.

Совершенно такую же темную силу, недостойную своего собственнаго самоувѣрія, изображаетъ большинство нашихъ русскихъ фельетонистовъ и авторовъ передовыхъ газетныхъ статей. Въ нихъ дѣйствуетъ лишь способность болѣе или менѣе заманчиваго и образнаго изложенія, но недостаетъ основнаго элемента, въ которомъ лежитъ источникъ литературной силы и интеллектуальнаго вліянія знанія, того знанія, которымъ вся предшествующая жизнь человѣчества подвела итогъ своей умственной дѣятельности.

Отъ этого вся наша современная журналистика является какой, то ребяческой потѣхой, красивой, болѣе или менѣе занимательной, формой безъ ядра и содержанія.

Не этому дѣлу должны мы служить, если мы понимаемъ, чему мы служимъ. Чтобы быть литературнымъ дѣятелемъ, нужно стоять на высотѣ современной мысли и проводить эту мысль въ болѣе или менѣе теоретической популярной формѣ въ массу читателей или объяснять, съ высоты той же мысли, свершающіеся предъ нашими глазами факты и явленія, безъ подобнаго объясненія непонятныя. Вотъ въ чемъ сущность программы каждаго литературнаго органа и дѣятельность писателя, претендующаго на интеллектуальное представительство.

Но гдѣ же подобное знаніе? Какой фельетонистъ и беллетристъ удовлетворяютъ подобному требованію? А между тѣмъ всѣ пишутъ

и всё ихъ читають. Никто не идетъ въ критики и публицисты безъ знанія, а въ беллетристику идетъ всякій, думающій, что для такого пустого дѣла ненужно ничего, кромѣ вдохновенія. И вотъ вдохновенный пророкъ, владѣющій скуднымъ запасомъ нѣкоторыхъ общихъ отжившихъ выводовъ, громоздитъ въ своихъ фельетонахъ, передовыхъ статьяхъ и романахъ дедукціи, насилуя представляемые ему жизнію факты.

Не такую роль возлагаетъ на литератора его общественное служеніе. Онъ наставникъ и руководитель народа, для котораго онъ пишетъ. Онъ проводникъ новыхъ знаній, онъ свѣтъ, обобщающій факты. Онъ популяризаторъ въ обширномъ и общепольномъ смыслѣ этого слова. Гдѣ же наша популяризація, гдѣ же наше прогрессивно-интеллектуальное служеніе обществу?

Отчего Сеньковский, несмотря на всё свои способности, изображаетъ такое ничтожество въ глазахъ русскаго прогресса? Только потому, что онъ былъ литературнымъ скomorохомъ, но никогда не возвышался до степени дѣйствительно-полезнаго интеллектуальнаго дѣятеля.

Въ исторіи человѣческихъ знаній наступилъ уже моментъ, когда масса собранныхъ фактовъ потребовала ихъ обобщенія и создала сознание необходимости новой, невѣдомой до того времени человѣчеству, науки—соціологіи.

Всѣ услія отдѣльныхъ мыслящихъ людей должны быть направлены на этотъ новый путь изслѣдованія, вся интеллектуальная работа должна идти въ этомъ направленіи. А между тѣмъ что представляетъ наша журналистика? Она изображаетъ собою какъ разъ развѣдающій, а не концентрирующій русскую мысль элементъ. Она пугаетъ общество несуществующими призраками и въ элементъ благоразумія возводитъ не успокоивающее научное мировоззрѣніе, не прогрессивный фатализмъ, а напротивъ взглядъ назадъ, теорію регресса, возвращеніе къ тому, что самою жизнію оказалось непригоднымъ, и что вполне противодѣйствуетъ исходной точкѣ современныхъ русскихъ реформъ.

Послѣднее русское умственное движеніе было вызвано сознаниемъ нашей экономической несостоятельности, поэтому понятно, что прогрессивный русскій ужъ сталъ думать въ экономическомъ направленіи. Какіе вопросы занимали нашихъ мыслящихъ людей, о чемъ толковалось въ обществѣ и въ литературѣ? Можно сказать: исключительно объ экономическихъ вопросахъ. Литература популяризировала экономическіе вопросы; общество думало и поучалось.

Въ лабораторіи русской мысли кипѣла тогда сильная и снѣжная работа, моментъ былъ важный, торжественный. Все, что добылъ Западъ путемъ опыта и размышленія, было сообщено русскому обществу.

Не отъ литературы зависѣло заставить принять ту или другую истину, ту или другую очевидность. Литература дѣлала только выставку истинъ и теорій, а выборъ зависѣлъ отъ общества.

Общество и литература, вполне поглощенные экономическимъ мышленіемъ, кажется, и не подозрѣвали, что кромѣ экономическихъ существуютъ на свѣтѣ и другіе вопросы. Образованной Россіей овладѣла экономическая горячка и всякій вопросъ получалъ важность лишь настолько, насколько входила въ него экономическая сущность. Спасеніе видѣлось только въ экономизмѣ и въ экономическихъ теоріяхъ. Начались даже попытки самостоятельныхъ приложений нѣкоторыхъ теорій къ практикѣ жизни.

Но отдавшись экономическому мышленію и думая только въ немъ одномъ найти свое спасеніе, русское общество, а съ нимъ и вся литература, становились на путь неизбежнаго разочарованія. Керн говоритъ, «что предметъ политической экономіи составляетъ не дѣйствительный человѣкъ, а воображаемое существо, дѣйствующее подъ вліяніемъ самой снѣжной страсти и посвящающее всю свою энергію на достиженіе предмета, столь неопредѣленнаго по самому существу своему, что во всѣхъ извѣстныхъ книгахъ не найдется такого опредѣленія его, которое могло бы удовлетворить самое невыскаательное жюри изъ экономистовъ.» И дѣйствительно, *богатство* экономистовъ и достиженіе его сдѣлалось новымъ русскимъ богомъ—человѣкъ исчезъ.

А что такое богатство, отчего оно зависитъ, какъ оно дается? И тутъ выручаетъ насъ снова позитивное міровоззрѣніе. Богатство есть знаніе; матеріальное благосостояніе есть только результатъ накопленія умственныхъ силъ, оно не больше, какъ прикладное послѣдствіе.

Экономическое развитіе народовъ шло всегда параллельно запасу ихъ знаній и умственной силѣ. Отъ этого мы видимъ, что раньше всего на экономической аренѣ человѣчества является торговля. У самыхъ двѣихъ народовъ, незнающихъ ни ремесленности, ни фабрикаціи, торговля процвѣтаетъ, ибо для производства ей не требуются вовсе сильныя соображенія, а самыя ограниченныя знанія. У насъ повторяется тоже явленіе. Россія уже при московскихъ князьяхъ была страной торговой и своимъ торговыми сно-

собностями изумляла иностранцевъ. Но чѣмъ она торговала? Только тѣмъ, что водилось готоваго въ рѣкахъ и лѣсахъ и тѣмъ, что дѣлали другіе, болѣе знающіе народы.

Въ этотъ первый періодъ умственного развитія человѣчество еще не владѣетъ тѣми знаніями свойствъ матеріи и законовъ природы, которыми создается экономическая производительная дѣятельность, требующая приложенія механическихъ и химическихъ законовъ. Отъ этого экономическій трудъ ограничивается самыми грубыми производствами, торговлей и соприкасающимися къ ней учрежденіями, не требующими специальныхъ научныхъ званій, какъ, на примѣръ, кредитныя мѣропріятія.

Если бы Россія изображала собою страну вполне изолированную, какъ, на примѣръ, Китай, то въ настоящій моментъ мы видѣли бы ее на этой первой стадіи экономическаго развитія. У насъ не было бы ничего, кромѣ торговли и организаціи кредитныхъ отношеній.

Но обстоятельства историческія сложились иначе и, попавъ въ семью европейскихъ народовъ, мы подчинились закону нравственнаго эндосмоса. Къ намъ пришл механическія и химическія знанія и положилось начало научной обработкѣ русскаго сырья. Вотъ происхожденіе нашей фабричной и заводской дѣятельности.

Эта экономическая стадія составляетъ для насъ не больше, какъ результатъ внѣшняго вліянія, а не внутренней умственной зрѣлости. Вотъ почему такъ слаба наша производительность во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда требуется знаніе сложныхъ физическихъ и химическихъ законовъ, а не простыя умственныя комбинаціи исключительно-мѣноваго характера.

Желать увеличить свое собственное матеріальное благосостояніе вовсе не значить умѣть его увеличить. И мы переживаемъ теперь моментъ желанія, для удовлетворенія которому у насъ нѣтъ умѣнья. Какъ ни вини, все клинъ. Каждый изъ насъ изболѣлъ надъ думаньемъ и передумываньемъ средствъ поставить себя въ лучшее положеніе, и ничего не выдумалъ. Мы созрѣли лишь стремленіями къ лучшему, но не средствами его достиженія. Въ этомъ заключается мучительная сторона нашего современнаго индивидуальнаго состоянія и причина того охлажденія, которое мы почувствовали къ экономическимъ теоріямъ. Мы думали сторяча, что довольно узвать какую-нибудь хорошую экономическую теорію, чтобы найти свой комодъ полнымъ самаго тонкаго бѣлья, въ гардеробѣ усмотрѣть неисчерпаемый запасъ одѣянія фабрики Шармера, а въ кошельѣ — сотни червонцевъ, и не встрѣтивъ осуществленія сво-

ихъ мечтаній махнули рукой, сказали, что все дичь и заплѣли старую русскую заунывную пѣсню.

И нельзя не согласиться, что кромѣ нашей собственной односторонности другихъ виноватыхъ нѣтъ.

Матеріальное благосостояніе не составляетъ состоянія изолированного, которое можно создать совершенно независимо одними экономическими теоретическими соображеніями. Суммою знаній, а ничѣмъ инымъ, опредѣляется прогрессъ человѣчества. Физическими и химическими знаніями нельзя произвести того, для чего требуется знаніе законовъ біологическихъ. Вотъ почему, дойдя до твердаго научнаго знанія одного порядка силъ природы и ихъ законовъ, человѣчество немедленно прилагаетъ ихъ къ своей экономической дѣятельности, и въ тоже время, то, для чего требуются знанія, которыми оно еще не владѣетъ, остается нетронутымъ, неразвитымъ. Біологическіе законы труднѣе въ своемъ изученіи, чѣмъ законы химическіе и механическіе. Первыми наука еще не владѣетъ, она лишь усиливается ихъ опредѣлить. Въ этомъ и причина, почему фабричная и заводская промышленность дошли до такого замѣчательнаго развитія въ западной Европѣ; а земледѣліе, въ основѣ котораго лежатъ законы біологическіе, находится еще на очень низкой степени культуры.

Еще труднѣе, чѣмъ біологическіе законы, опредѣленіе законовъ соціальныхъ, которыми обуславливаются взаимныя отношенія людей. А безъ опредѣленія этихъ законовъ развѣ возможна вполне рациональная организація общества и взаимный обмѣнъ услугъ?

Что же удивительнаго, что порывъ русскаго общества, думавшаго однимъ поверхностнымъ знакомствомъ съ экономической наукой достигнуть благополучія, получилъ такой отпоръ въ собственномъ незнаніи увлекавшихся къ идеалу людей?

И мы извинили бы это охлажденіе и разочарованіе людямъ, не считающимъ себя пророками мысли и цивилизациа, а пророкамъ, какими считаетъ себя русская литературная интеллигенція, извинить этого нельзя. Между тѣмъ не столько публики, сколько самп пророки упали духомъ. Пророки настроили свои лиры по иному камертону, и, разочаровавшись въ своихъ восторженныхъ стремленіяхъ, рѣшили въ своемъ умѣ, что все дичь, кромѣ архивныхъ документовъ и неосмысленныхъ фактовъ. Пророки утвердились въ срединахъ; для нихъ будущаго знанія нѣтъ, обманувшая ихъ экономическая наука не стоитъ разговоровъ, а о соціологіи они и не слы-

хали. Вотъ теперешній моментъ умственного состоянія нѣкогда прогрессивной русской интеллигенціи.

Но и тогда, когда экономизмъ былъ у насъ въ полномъ разгарѣ, явились люди, желавшіе идти дальше. Эти люди придавали особенное значеніе естествознанію и указывали на него, какъ на спасительное знаніе по его фактической сущности, а еще болѣе спасительное по его методу изслѣдованія. Другими словами, это значило: господа, изучайте природу и ея законы, ибо безъ этого изученія вы не встрѣтите удовлетворенія въ томъ немногомъ, что вы знаете изъ экономизма, и никогда не научитесь наблюдать и понимать правильно свою собственную жизнь. Высказывать подобныя мысли, значило пробывать новое направленіе. Но не такъ это легко, если нѣтъ для него подготовленной почвы. И вотъ мы видимъ, что во всѣхъ литературныхъ лагеряхъ забили тревогу и началось избіеніе камнями неповинныхъ, точно они явились проповѣдниками антихриста и послѣдней минуты жизни. Попытки популяризаціи въ этомъ новомъ направленіи кончились ничѣмъ и наступилъ наконецъ моментъ общаго умственного затишья и полной литературной безхарактерности. Интеллектуальная Россія утратила свою физиономію.

Но такъ ли это съ Россіей неинтеллектуальной? Нужно или нѣтъ ей знать законы механики и химіи, чтобы встать во второй моментъ экономическаго развитія и усвоить себѣ знанія для разработки русскаго сырья? Нужно или нѣтъ ей знать біологическія измѣненія матерій, чтобы создать рациональное земледѣліе, котораго у насъ не существуетъ? Нужно ли ей научиться размышленіямъ о томъ, отъ какихъ условій и знаній зависятъ наиболѣе удовлетворительная общественная нравственная организація и взаимныя общественныя отношенія? Не русскій геній разрѣшаетъ всѣ эти вопросы и не онъ творитъ науку. Намъ предлагаютъ готовое, наша задача въ томъ, чтобы проводить, популяризировать знаніе и готовить русскую мысль къ его усвоенію; мы же не хотимъ дѣлать даже и этого. А между тѣмъ, какое изумительное число періодическихъ изданій, какая страшная работа типографіямъ и бумажнымъ фабрикамъ! чистое толченіе воды, безслѣдное и безжизненное для общественнаго развитія.

А послушайте нашихъ умниковъ: они станутъ вамъ доказывать, что популяризація хороша для дѣтей, и что русское общество давно уже пережило гимназическій возрастъ. Во-первыхъ, гимназистомъ быть вовсе не оскорбленіе, а если это и такъ—все-таки луч-

ше быть гимназистомъ, чѣмъ пнемъ. А во-вторыхъ, ни одно общество въ мірѣ, какъ бы оно ни было цивилизовано, не можетъ перерости момента популяризаціи.

Наша бѣда въ томъ, что въ журналистикѣ у насъ дѣйствуютъ и заправляютъ всѣмъ люди, которые обожглись на экономизмъ. Остановившись, они хотятъ остановить и всѣхъ. Свой умственный опытъ, свое личное мѣрило они желаютъ сдѣлать общимъ русскимъ масштабомъ.

Но знаніе не знаетъ этого масштаба, какъ не знаетъ личнаго масштаба коллективная жизнь. Отдѣльный человѣкъ останавливается въ своемъ развитіи, и наконецъ умираетъ.—общество никогда. Общество не только нуждается постоянно въ знаніяхъ, но и въ знаніяхъ вѣчно новыхъ. Школа ихъ не дастъ: она только владетъ основанія и подготавливаетъ молодой умъ къ ихъ воспріятію. Взрослымъ же людямъ ихъ дастъ наука и ея популяризаціи.

Россія до сихъ поръ еще никогда не творила науки, знанія. Этимъ дѣломъ занимался другой болѣе цивилизованный міръ. Вся дѣятельность русскихъ интеллектуальныхъ представителей, какъ бы они ни были умны, заключалась исключительно въ популяризаціи и въ болѣе или менѣе правильныхъ и соотвѣтственныхъ нашимъ потребителямъ приложеніяхъ. Съ чего же вдругъ могла явиться въ нашей журналистикѣ идея, что намъ ненужна популяризаціи, что мы выросли изъ нея? Что же вы станете давать и что вы скажете собственнаго? Намъ одного Конта на популяризаціи, приложеніе и изслѣдованія въ указанномъ имъ направленіи достанетъ на сто лѣтъ.

Обратимъ вниманіе на дѣятельность западно-европейской мысли сравнительно съ дѣятельностію мысли русской. Каждая почта заваливаетъ насъ цѣлой кучей новыхъ книгъ на всѣхъ языкахъ и по всѣмъ отраслямъ знаній. Что же равносильнаго выставляетъ Россія? Повсюду въ западной Европѣ вы видите бьющую ключомъ, неудержимую умственную жизнь, мириады книгъ служатъ которой лишь виѣшнимъ проявленіемъ. А у насъ укажите этотъ бьющій ключъ. Течетъ себѣ скромно-журчащій ручеекъ, а мы не менѣе скромно думаемъ, что производимъ Ніагару!

Недостатокъ самостоятельной книжной литературы вовсе не случайность, которую можно измѣнить облегченіемъ издаванія книгъ и затрудненіемъ журналистики. Это фактъ болѣе глубокаго смысла, нацъ которымъ бессильно простое приказаніе.

Намъ нужны журналы не по привычкѣ, а потому, что только

журналы—посильно ечтеніе для нашего общества. Не капризомъ изда- телей создалась у насъ журнальная литература, а умственными силами и потребностями читающей и поучающейся публики. Книги, само- стоятельные трактаты, философскія сочиненія съ серьезнымъ по- слѣдовательнымъ изложеніемъ—умственная пища для людей вто- рого періода развитія, способныхъ думать самостоятельно. Для читателей, менѣе подготовленныхъ, долженъ быть журналъ и жур- нальная форма изложенія мыслей и знаній. Мы еще не скоро пе- реживемъ этотъ моментъ и потому для насъ еще долго потребуется журнальная популяризація и журнальное подготовленіе русской мысли къ болѣе самостоятельной, независимой работѣ.

Въ смыслѣ всего того, что мы говорили, мы придаемъ книжкѣ г. де-Роберти съ одной стороны большое значеніе, съ другой, почти жалѣемъ о ея появленіи.

Значеніе «Политико-экономическихъ этюдовъ» въ томъ, что въ нихъ впервые высказываются многія мысли русской обыкновенной публикѣ, вовсе неизвѣстныя.

Книжка эта переноситъ насъ въ иную область идей, указанную Контомъ и перетряхиваетъ нѣкоторыя изъ старыхъ мыслей экономиче- ской школы, пользующейся у насъ до сихъ поръ репутаціей непогрѣшимости.

Но съ другой стороны, мы жалѣемъ, что она написана такимъ приѣмомъ, какъ будто бы авторъ назначалъ ее не для русской пуб- лики, а для русскихъ мыслителей.

Авторъ говорить о трудахъ Конта, Кэри, Маркса, Шеффле такъ, какъ будто намъ извѣстны досконально ихъ произведенія, тогда какъ мы едва знакомы съ именами авторовъ. Для чего намъ отрывочная критика отдѣльныхъ положеній, когда у насъ не суще- ствуетъ цѣлаго представленія о трактуемомъ предметѣ?

Г. де-Роберти могъ бы оказать несомнѣнную услугу русскому читающему міру, если бы изложилъ въ цѣлой связи—или журналь- ныхъ статей, что гораздо удобнѣе для популяризаціи или пожалуй въ доступно написанной цѣлой книгѣ—всѣ экономическіе вопросы съ позитивной точки зрѣнія. Ничего освѣщеннаго и пересмотрѣн- наго вновь съ соціологической точки зрѣнія мы еще не имѣемъ, и у насъ преобладаютъ два порядка экономическихъ понятій: одинъ ужъ очень старый, который не находятъ удовлетворительнымъ даже сами экономисты, другой, считаемый многими безвозвратно утопическимъ. Ихъ нужно провѣрить.

Жизнь идетъ впередъ. Людей шестидесятихъ годовъ уже гото-

вятся смѣнить другіе люди, за молодымъ поколѣніемъ тянется кверху уже поколѣніе подростающее, но наша журнальная литература ихъ игнорируетъ. Составленная изъ людей шестидесятыхъ годовъ, она знаетъ только своихъ однолѣтковъ, а тѣхъ, кто моложе, своими читателями не считаетъ. Что же дѣлаютъ эти молодые? Они читаютъ старые журналы уже несуществующіе и разсуждаютъ о старыхъ вопросахъ, отъ которыхъ отлетѣлъ духъ современности. Такъ, по крайней мѣрѣ, поступаетъ провинція. Вотъ для кого необходима популяризація идей позитивной школы.

Не можемъ мы оправдать и сотрудничество русскихъ въ иностранныхъ журналахъ. Этому сотрудничеству могутъ быть два побужденія: или самолюбивое желаніе порисоваться предъ иностранцами или искреннее желаніе содѣйствовать прогрессу знанія. О самолюбивомъ побужденіи мы говорить не станемъ: въ защиту его сказать ничего нельзя, слѣдовательно оно безусловно нехорошо.

Но не можемъ мы оправдать и искренняго желанія содѣйствовать успѣху европейскаго знанія, печатаніемъ въ иностранныхъ журналахъ статей публицистскаго характера.

Конечно у науки нѣтъ отечества; но отечество есть у человѣка; и польза человѣчества и слѣдовательно самъ же научный прогрессъ требуетъ, чтобы силы направлялись туда, гдѣ онѣ болѣе нужны. Европейская наука не остановится, если она лишится русскихъ дѣятелей; но Россія, у которой запасъ интеллектуальныхъ силъ еще такъ слабъ, теряетъ несомнѣнно.

У г. де-Роберти есть нѣкоторыя непоследовательности и даже противорѣчія, но мы имъ не придаемъ значенія. Мы радуемся, что къ наличному, скудному запасу прогрессивно-мыслящихъ русскихъ писателей можетъ быть причисленъ еще одинъ. А что г. де-Роберти можетъ писать живымъ человѣческимъ языкомъ и съ французской ясностію изложенія, — которую, къ сожалѣнію, начала вытѣснять въ русской журналистикѣ дубовая, тяжеловѣсная фраза, — это онъ доказалъ II главой II этюда.

Но если популяризація не удовлетворяетъ писателя, если по его внутреннимъ силамъ ему непремѣнно нужно творить свое, а не оттягиваться внизъ, не снисходить до дѣтей; если равни ему не русскіе люди, а европейскіе передовики? И въ этомъ случаѣ лишите все-таки по-русски и для русскихъ — умное и новое слово не пропадетъ. Вѣдь переводятъ же на всѣ языки русскихъ белетристовъ. Предположите, что О. Контъ писалъ не только по-русски,

но даже гдѣ нибудь въ Чебоксарахъ или въ Яренскѣ, и вы думаете, что его не перевели бы на всѣ языки?

Печальная участь постигаетъ тѣхъ писателей, которые ради шутки желаютъ побаловаться литературою и являются въ ней, какъ диллетанты, съ своимъ первымъ скороспѣлымъ произведеніемъ, которое на первый разъ имѣетъ нѣкоторый успѣхъ въ публикѣ. Этотъ случайный успѣхъ «писателя ради шутки» очень часто ставитъ его въ ложное положеніе; безъ таланта и призванія онъ принимается писать уже не «для шутки,» а для «славы.» Не одаренный творческою силою, онъ начинаетъ подражать самому себѣ, т. е. своему первому произведенію, и изъ законченной повѣсти или комедіи выжимаетъ новый сокъ, продолжаетъ ихъ безъ всякой причины и въ концѣ концовъ доказываетъ свою полнѣйшую несостоятельность: шутка оканчивается безобразіемъ или невозможною нелѣпостью.

Къ разряду такихъ случайныхъ, непризванныхъ авторовъ принадлежитъ, по нашему мнѣнію, авторъ книги «Картины прошедшаго.» Въ 1855 году появилось его первое произведение «Свадьба Кречинскаго,» написанное, по замѣчанію самаго г. Сухова-Кобылина, «ради шутки.» Комедія эта, не имѣя художественнаго значенія, имѣла однако успѣхъ на нашей сценѣ. Ея анекдотическій характеръ до нѣкоторой степени скрадывался живостью и бойкостью нѣкоторыхъ сценъ пьесы и типичностью физиономій Кречинскаго и въ особенности Расплюева. Говорить много о «Свадьбѣ Кречинскаго» мы не станемъ, потому что большинству, вѣроятно, хорошо извѣстны содержаніе и условныя достоинства этой комедіи. Московскій анекдотъ, разыгранный въ Москвѣ, понравился Москвѣ, а потомъ и Петербургу, который съ тѣмъ же одобреніемъ смотрѣлъ нѣшіи и конныя драматическія представленія гг. Дяченки, Манна и автора «Новгородцевъ въ Ревелѣ.»

Г. Сухова-Кобылинъ оказалъ бы самому себѣ большую услугу, если бы свою авторскую дѣятельность ограничилъ одною «Свадьбой Кречинскаго,» но, увы! авторская стезя слишкомъ заманчива, хотя для этой стези одна добрая намѣренія — плохое подспорье.

Доказательствомъ тому служить новая книга г. Сухова-Кобылина: «Картины прошедшаго,» состоящая изъ трехъ пьесъ и множества посвященій, предисловія, послѣсловія, и курьезныхъ примѣчаній.

Мы видимъ теперь, что г. Сухово Кобылинъ задумалъ изъ своего перваго произведенія соорудить нѣчто въ родѣ вавилонскаго столпотворенія. Надъ «Свадьбой Кречинскаго» онъ возвелъ цѣлую пятнадцатую драму «Дѣло,» которая служитъ продолженіемъ первой пьесы, а надъ «Дѣломъ» построилъ еще трехъ-ярусныя антресоли подъ названіемъ комедіи-шутки «Смерть Тарелкина.» Въ свою очередь эта шутка-комедія есть продолженіе «Дѣла,» такъ какъ изъ послѣдняго произведенія видно, что Тарелкинъ не умеръ, то есть надежда, что вавилонская постройка г. Сухова-Кобылина можетъ подняться и еще на нѣсколько этажей выше.

Всѣ эти пьесы связаны между собой очень немудреной интригой и самыми ветхими драматическими веревочками. Несмотря на то, что «Свадьба Кречинскаго» закончена очень цѣльно и анекдотъ о неудавшейся спекуляціи Кречинскаго доведенъ до конца, „Дѣло“ является самымъ неудачнымъ продолженіемъ первой комедіи. Въ «Дѣлѣ» нѣтъ никакой драмы, нѣтъ живыхъ положеній и сценъ, нѣтъ дѣйствія и *дѣйствующихъ* лицъ, въ сценическомъ значеніи этого слова. Передъ нами пятиактное слѣдствіе о бриллантовой булавкѣ, взятой Кречинскимъ у дочери Муромскаго. Самъ Кречинскій въ сторонѣ; преслѣдуется только Лидочка, какъ участница его путешествія и будто бы находящаяся съ нимъ въ любовной связи. Взятки и грабежъ чиновниковъ раззорили отца Лидочки и, измученный пятилѣтнимъ слѣдствіемъ, ограбленный, старикъ Муромскій наконецъ умираетъ. Интрига, какъ видите, неловкая и мало правдоподобная. Всѣ пять актовъ заняты слѣдствіемъ и объясненіями Муромскаго съ большими и малыми властями. Муромскій, отлавъ двумъ вицмундиристамъ Варравину и Тарелкину послѣднія собранія имъ 25 тысячъ для того, чтобъ его дочь не приглашали „для освидѣтельствованія во врачебную управу“ (?), оканчиваетъ свое существованіе за сценой, а Нелькинъ оканчиваетъ на сценѣ драму такимъ шекспиро-гостинодворскимъ монологомъ:

«Боже мой! (*ударивъ себя въ грудь*) Сердце пустое—зачѣмъ ты бьешься?! Что отъ тебя толку — праздный маятникъ? качаешься ты безъ пользы и безъ цѣли? Простой мужикъ полезень и высокъ, а я?! Месты! Великую мечь всякой обидѣ, всякому беззаконію затаю я въ сердцѣ!.. Нѣтъ, не затаю, а высажу ее всему право-

славному міру! *На ея угольяхъ (?) накламо я клеймо и вклею ея прямо въ лобъ всякому беззаконію.*»

Таково содержаніе «Дѣла.» Что же касается до другой еще надстройки, до «Смерти Тарелкина,» то нѣтъ никакой возможности передать ея содержаніе: такъ безсвязно-ерундлива эта пьеса. Въ ней появляются два лица изъ «Дѣла» — Варравинъ и Тарелкинъ, которые Богъ вѣсть для чего преслѣдуютъ другъ друга, переряжаются и являются съ другими именами и фізіономіями. Тарелкинъ выдаетъ себя за умершаго и попадаетъ. Опять начинается длинное, несвязное слѣдствіе, гдѣ въ качествѣ слѣдователя и исправляющаго должность квартальнаго надзирателя является нашъ старый знакомецъ Расплюевъ. Но онъ нашъ знакомецъ только по имени, потому что вовсе не сохраняетъ въ себѣ типическихъ и характерныхъ чертъ прежняго Расплюева, знакомаго намъ по «Свадьбѣ Кречинскаго.» Вообще нужно замѣтить, что между этой пьесой и другими двумя, къ ней придѣланными, существуетъ поразительное несходство: почти невозможно вѣрить, что онѣ писаны однимъ и тѣмъ же авторомъ.

Всего менѣе узнаваемъ авторъ «Свадьбы Кречинскаго» по различнымъ предисловіямъ и послѣсловіямъ, которыми наполнена его книга.

Въ этихъ послѣсловіяхъ г. Сухово-Кобылинъ отрицаетъ всякую критику, — и онъ совершенно правъ. Только одни «литературныя произведенія» принадлежатъ оцѣнкѣ критики. Насколько «литературенъ» вышеозначенный авторъ, читатель увидитъ сейчасъ изъ двухъ приведенныхъ отрывковъ изъ его предисловія съ полнѣйшимъ сохраненіемъ правописанія г. Сухово-Кобылина. Полюбуйтесь же, читатели:

„Предлагаемая здѣсь публикѣ пьеса *Дѣло* не есть, какъ нѣкогда говорилось, *Плодь Досуга*, ниже, какъ нынѣ дѣлается *Подтѣлка* (?) *литературнаго ремесла* (?!), а есть въ полной дѣйствительности сущее и изъ самой реальнѣйшей жизни съ кровью вырванное *дѣло*. Если бы кто-либо — я не говорю о классѣ литераторовъ, который мнѣ чуждъ (еще бы!) также, какъ и остальные четырнадцать, (?) но если бы кто-либо изъ уважаемыхъ мною личностей усомнился въ дѣйствительности, а тѣмъ паче, въ возможности описываемыхъ мною событій, то я объявляю, что я имѣю подъ рукой факты довольно яркихъ колеровъ, чтобы увѣрить всякое невѣріе, что я ничего не выдумалъ и несбыточнаго не соплелъ. *Остальное для меня равнодушно* (!) (Литературное Дѣло, № 8.

ратурно сказано, нечего сказать!). Объ литературной, такъ называемой, расцѣпкѣ этой Драмы я, разумѣется, и не думаю; а если какойнибудь Добросовѣстный изъ цеха критиковъ и приступилъ бы къ ней съ своимъ казеннымъ аршиномъ и клейменными вѣсами, то едва ли такой оффиціаль Вѣдомства Литературы и журнальных Дѣлъ можетъ составить себѣ понятіе о томъ равнодушіи, съ которымъ я посмотрю на его судъ *Пора и этому суду съ атъ публичнымъ (?)* (Авторъ такъ зарепортовывается, что забываетъ, что судъ критики — судъ публичный, а не келейный). Пора, пора публики самой въ тайнѣ своихъ собственныхъ ощущеній и *въ движенияхъ своего собственнаго нутра* искать судъ тому, что на сценѣ хорошо и что дурно... Затѣмъ почтенный ненавистникъ критики заявляетъ, что Кречинскій уже семь лѣтъ «править службу на русской сценѣ» и благодаритъ публику за лестный для него приговоръ, доказывающій «ея зачинающуюся самостоятельность». Затѣмъ подпись: 1868 г. Кобылянка.

О, суровый обитатель Кобылянки! Критика безмолвствуетъ, читая ваше удивительное предисловіе. Пусть его оцѣнить публика *«движеніями собственнаго нутра»* и рѣшить, насколько оно литературно и... грамотно. Критика безмолвствуетъ и складываетъ свой казенный аршинъ передъ вашими послѣдними произведеніями, написанными какимъ-то рымочнымъ стилемъ грамотѣевъ Сѣнной площади.

Что же касается до одного мѣста въ другомъ послѣсловіи г. Сухово-Кобылянка, то оно до такой степени кабаллистически-туманно, что его не разгадаетъ ни критика, ни публика, въ самостоятельное миѣніе и провинциальности которой вѣрить самъ авторъ. Омъ кабаллистически восклицаетъ:

«Дѣятельность моя перешла въ другія, высшія сферы, гдѣ, какъ и въ высшихъ слояхъ атмосферы, больше благодѣтельной для духа Тишины и свободы.

«Однако издавая въ свѣтъ мои драматическіе опыты, мнѣ хотѣлось, (слушайте!) даже въ смыслѣ аффирмаціи, (?) *удержать* эими столько *«Дѣйствительности и Диалектики»* любезное число Три» (!?).

Поняли вы чтонибудь? Понять можно только одно, что г. Сухово-Кобылянкѣ туманные трущобы литературы бросилъ для высшихъ сферъ мистицизма и кабалстики, а двѣ новыя его пьесы написаны имъ лишь съ цѣлью удержатъ за собою кабаллистическое и «любезное» число три... Гдѣ ты, Мартынь Задека!..

Счастливаго пути желаемъ г. Сухово-Кобылянку въ высшихъ обла-

стях «безпечальнаго созерцанія!» Разумѣется, если дѣло дошло до кабалистическихъ цифръ, то и критика и публика должна снисходительно читать и «Дѣло» и «Смерть Тарелкина», которыя написаны также мастерски, какъ и вышеприведенные отрывки изъ «послѣсловій» *Картины прошедшаго*. Мистикъ можетъ имѣть большія требованія, но къ нему самому мы не должны быть строги. Какъ мистикъ, мы должны многое извинить г. Сухово-Кобылину, хотя бы иногда онъ требовалъ даже невозможнаго не только отъ читателей, но даже отъ тѣхъ актеровъ, которымъ придется являться въ его пьесахъ. Онъ не только протестуетъ противъ артистовъ, которые не знаютъ ролей, но даже требуетъ отъ актера въ двойственной роли Тарелкина—Капылова, чтобъ онъ перемѣнялъ не только выраженіе лица и очертанія его, но даже, подобно знаменитому Левассору, и «*по произволу перемѣнялъ форму своего носа...*» Такимъ образомъ, напр. великорусскій носъ г. Васильева 2-го долженъ обратиться въ греческій или римскій носъ, а въ роли Тарелкина онъ долженъ явиться безъ зубовъ и уже на сценѣ вставными зубами украсить свою челюсть.

До такого совершенства игры можетъ довести развѣ одно только кабалистическое искусство и тайны глубокой магіи. Другое дѣло литература. Для созданія литературнаго произведенія недостаточно однихъ мистическихъ стремленій и галлюцинацій о роковомъ числѣ *три*, недостаточно однихъ «движеній собственнаго нутра», въ которыя вѣрять авторъ «Дѣла», что очень хорошо доказываетъ его книга, со всѣми ея предисловіями, «послѣсловіями» и «данностями».

Кабалистическое число «*три*» явилось дѣйствительно роковымъ для г. Сухово-Кобылина. Еслибы онъ остановился на *одной* пьесѣ, которая ему удалась, и изъ старой, оконченной пьесы не вымучивалъ мотивовъ для другихъ двухъ произведеній, не подражалъ бы самому себѣ, то его мистическія «послѣловія» и «данности» не явились бы на свѣтъ Божій изъ Кобылинки, а это было бы, ей-богу, очень полезно для автора «Свадьбы Кречинскаго».

Ужъ, кажется, теперь бы не жить русскому человѣку: столько у него въ послѣднее время появилось разныхъ наставниковъ, за-

ступняковъ и печальниковъ, что, съ позволенія сказать, даже и плюнуть ему некуда; а между тѣмъ все-то онъ недоволенъ, этотъ странный русскій человѣкъ, все-то онъ отчего-то кричитъ да ежится да отбивается-неотобьется отъ этихъ, со всѣхъ сторонъ наскაკивающихъ на него, непрошенныхъ друзей. Да и трудно, правда, отбиться-то; трудно даже тогда, когда попадется хоть такой неизмѣнный другъ, какъ наиримѣрь, почтенный М. П. Погодинъ, который то и дѣло взываетъ къ россиянамъ: то объ сооруженіи чего нибудь въ родѣ златого лаптя, то о новой подушной подати на устройство всесвѣтнаго столованья въ воспоминаніе какого нибудь низверженія Перуна, то призываетъ всѣхъ православныхъ христіанъ опять къ сооруженію — башни до небесъ, имѣющей обозначить, что тутъ молъ ѣли такіе-то народы, тогда-то, такія то явства, и проч. и проч. Такъ, говоримъ, если отъ подобныхъ М. П. Погодину друзей уже не въ моготу приходится русскому человѣку, то каково же ему должно приходится отъ всѣхъ тѣхъ доброхотовъ, кои поставляютъ непремѣнной своею обязанностию сразу махнуть такъ, чтобы изъ русскаго человѣка чуть не выскочилъ самый потрохъ, а ужъ во всякомъ случаѣ во мгновеніе ока повсюду водворилась бы тишь да гладь да божья благодать? Вотъ и выходитъ въ концѣ концовъ, что, дѣйствительно, русскому-то человѣку при такой непрошеной опецѣ просто шагу ступить свободно не приходится: только и знай, что озирайся, бѣдный русскій человѣкъ, на всѣ стороны, чтобы не попасть въ какую нибудь ловкую дружескую западню или не расквасить себя носъ, съ маху грянувшись черезъ какое нибудь замаскированное бревно, подкинутое на дорогу тѣмъ или другимъ досужимъ доброхотомъ.

Мы, наиримѣрь, еще живо помнимъ одно такое педагогическое бревно—знаменитую хрестоматію гг. Филонова и Радонежскаго, въ которой сими ископаемыми педагогами, право, чуть не доказывалось, что земля стоитъ на трехъ китахъ, и что пупъ земной находится близъ рѣки Іордана, а ужъ во всякомъ случаѣ положительно утверждалось, что громъ происходитъ-де «отъ тренія между собою сѣрныхъ, селитряныхъ и масляныхъ царовъ»; мы отлично хорошо также помнимъ, какъ эту невѣжественно-грубую спекуляцію не одобрили даже такіе органы отечественной печати, которые сами какъ бы призваны проповѣдывать именно то же самое, только въ болѣе заманчивой формѣ. что гг. Филоновъ и Радонежскій, въ припадкѣ рвенія не по разуму, выложили безъ всякихъ обиняковъ.

Намъ нѣтъ охоты да и надобности входить здѣсь въ пространное объясненіе причинъ, способствующихъ появленію разныхъ такихъ педагогическихъ бревенъ, и мы замѣтимъ лишь коротко, что появленіе это отнюдь не простая случайность; напротивъ, оно вызвано и поддерживается именно тою своеобразною воспитательною системою, которая зародилась, созрѣла и теперь слитая проникнуть всюду изъ бѣлокаменной Москвы. Подъ эту-то хитроумную систему, понимаемую, разумѣется, въ самомъ широкомъ смыслѣ, т. е. какъ пришибаніе мозговъ всѣми имѣющимися подъ руками средствами, — подъ нее-то, повторяемъ, и подлаживались педагоги, въ родѣ гг. Филонова и Радонежскаго, ею-то, этой латынью, руководствовались и руководствуются до нашихъ дней разные мастера всевозможныхъ книгъ, подъ заманчивыми именами руководствъ, учебниковъ, хрестоматій и проч., предназначенныхъ единственно лишь для невозможнаго осаживанія российскихъ якобы дерзкихъ разумовъ дѣтей.

Хрестоматія г. П. Полевого, вызвавшая эти, можетъ быть, длинныя скучныя прелиминарныя разсужденія, принадлежитъ, по нашему мнѣнію, именно къ числу подобныхъ книгъ, и если мало-искусившемуся уму она, быть можетъ, покажется на первый взглядъ приличною, то это просто потому, что неусиѣхъ книгъ, въ родѣ забубенной книги гг. Филонова и Радонежскаго, уже достаточно научилъ разныхъ «пришибателей», въ какія благоприличныя формы каждый изъ нихъ долженъ втискивать свое «пришибаніе», дабы оно получило надлежащій ходъ.

Прежде всего, какъ и подобаетъ, хрестоматія г. П. Полеваго снабжена предисловіемъ, важно толкующемъ о томъ, что у насъ нѣтъ хорошихъ хрестоматій для среднихъ и для младшихъ классовъ гимназій, что хотя-де наша учебная литература и обогатилась за и слѣднее время множествомъ болѣе или менѣе удовлетворительныхъ хрестоматій, но что нѣтъ въ ней хрестоматіи *топаль* удовлетворительной, такой — «которая бы заключала въ себѣ существенно-необходимый матеріалъ хрестоматіи, матеріалъ строго-подобранный и въ отношеніи къ эстетическому значенію отрывковъ, и въ отношеніи къ нравственнымъ потребностямъ (?) того возраста, которому соответствуетъ составъ младшихъ и среднихъ классовъ нашихъ гимназій». То есть согласно дальнѣйшему объясненію г. Полеваго: «Имѣя въ виду, что хрестоматія предназначается не для чтенія воспитанникамъ, а для изученія языка при помощи различныхъ упражненій надъ собранными въ ней отрывками, мы преимуще-

ственно обращали вниманіе на то, чтобы языкъ избранныхъ нами отрывковъ былъ образцовый; при выборѣ ихъ мы заботились не о занимательности (!), а о доступности этихъ отрывковъ дѣтскому пониманію.»

Эти: «не для чтенія» и «не о занимательности» по истинѣ замѣчательны! Они лучше всего могутъ дать понятіе о той доброкачественности, каковою преисполнена хрестоматія г. Полевого, въ принадлежѣ откровенности искренно признающагося, что книга его специально предназначается для какого-то изученія языка, т. е. для какого-то хитроумнаго приученія дѣтей къ попугаизму, для выдѣлки ученыхъ попугаевъ. «Не для чтенія» и «не о занимательности»... Да, помилосердитесь г. Полевой! Сколько намъ извѣстно, такъ современная педагогика о томъ-то преимущественно и заботится, о томъ и хлопочетъ, чтобы все, чему мы хотимъ научить ребенка, было непременно и прежде всего именно *занимательно*, пріятно для ребенка! То, что современные педагоги понимаютъ подъ *объяснительнымъ чтеніемъ*, повѣрьте, вовсе не та долбня и не тотъ попугаизмъ, которые разумѣете вы подъ своимъ изученіемъ языка, а умѣнье, знакомя ученика съ *занимательнымъ и пріятнымъ* для него содержаніемъ, познакомить въ то же время, какъ бы мимоходомъ, и съ формой, потому что изученіе одной формы—мертвечина, долбня, оно противно ребенку и можетъ быть скрашено единственно лишь занимательностью содержанія!

Теперь посмотримъ, какъ нашъ педагогъ справляется съ своимъ дѣломъ, т. е. какъ онъ изготовляетъ свою хрестоматію «не для чтенія» и лишнюю «занимательности».

Въ стряпнѣ этой вы найдете куски отовсюду: изъ Фета и Некрасова, изъ Кольцова и Тютчева, изъ С. Аксакова, И. Аксакова, Крылова, Пушкина, Лермонтова, Жуковского, Языкова, Майкова, Л. Толстого, А. Толстого, Тургенева, и проч. Гоголя, разумѣется, нѣтъ и въ поминѣ, потому что у Гоголя языкъ, по понятіямъ нашихъ филологовъ, не образцовый, а главное—Гоголь, какъ извѣстно, страдаетъ именно излишнею «занимательностью», слѣдовательно для заправскаго-то филолога, ищущаго въ рѣчи лишь барабанныхъ свойствъ, онъ непригоденъ. Но такъ какъ и изъ писателей, произведенія которыхъ находятся въ хрестоматіи, не всѣ же вѣдь Феты или Майковы, т. е. не всѣ же могутъ испускать изъ себя одни лишь звуки безъ всякаго смысла, то г. П. Полевой и умудрился, сдѣлать вотъ что: онъ взялъ да и вырѣзалъ у každаго именно то, что придавало его пьесѣ смыслъ, такъ что теперь, дѣйствительно,

всѣхъ уравниль и преобразиль въ Фетовъ и Майковыхъ,—особенно хорошо это вышло съ баснями, у которыхъ онъ отрѣзалъ нравоученія и всѣ тѣ мѣста, изъ коихъ можно было усмотрѣть, въ чемъ тутъ дѣло и при чемъ тутъ разные львы, волки, обезьяны, муравьи и проч., такъ что всѣ эти казніи произошли въ какомъ нибудь брянскомъ лѣсу, или, по крайней мѣрѣ, въ звѣринцѣ г-жи Гебгардтъ.

Теперь, что же сказать о тѣхъ «толкованіяхъ», которыми снабжена сія чудодѣйственная хрестоматія? Разумѣется—ничего; потому что какія же толкованія могутъ быть хоть бы на слѣдующую стишину изъ г. Фета:

Ласточки пропали,
А вчера зарей
Все грачи летали,
Да какъ съѣть мелькали
Вонъ за той горой, и проч.

Какія, говоримъ, могутъ быть тутъ толкованія, кромѣ какъ: *ласточка*—птица, *заря*—заря, *грачи*—птица, *съѣть*—сѣть, *гора*—гора, и тому подобная гиль? А если вся-то книга набита Фетами, то скажите ради Бога, какія же должны быть остальные толкованія?..

Г. П. Полевой говорить, что его книга предназначается для трехъ низшихъ классовъ гимназій, для среднихъ же онъ намѣренъ соорудить еще хрестоматію... Мы бы, признаться, ему этого не совѣтовали, потому что если онъ человѣкъ молодой и если передъ нимъ жизнь только еще развертывается, то нужно же подумать и о томъ, чтобы не очень ужъ заваливать дальнѣйшій свой жизненный путь подобными педагогическими бревнами, если же г. П. Полевой уже великовозрастенъ или убѣленный сѣдинами старецъ, то тутъ призадуматься слѣдуетъ и по давню, ибо ни старше, ни мудрѣе М. П. Погодина или гг. Каткова съ Леонтьевымъ никогда не будешь—слѣдовательно, изъ-за чего же и тянутъ?!..

Впрочемъ, можетъ быть г. П. Полевой держитъ что нибудь свое на умѣ, можетъ быть, онъ сгараетъ нетерпѣніемъ сдѣлаться и старше и мудрѣе приведенныхъ выше мудрецовъ,—ну, тогда ему дорога скатертью!

Я думаю, что никто не ошибается насчетъ современнаго состоянія французской литературы. Семнадцатилѣтній гнетъ второй имперіи до такой степени придавилъ французскую мысль, такъ понизилъ общій уровень ея, что сами французы, по крайней мѣрѣ, лучшіе ихъ писатели, находятъ современную литературу Франціи самой бѣдной и пустой, какой она не была уже болѣе столѣтія. Мы не видимъ ни въ одной отрасли умственной дѣятельности такихъ талантливыхъ людей, съ такими независимыми убѣжденіями, какіе были во Франціи даже во время реставрацій. За исключеніемъ двухъ-трехъ личностей, напоминающихъ намъ лучшія времена этой литературы, нѣкогда, дѣйствительно, дававшей тонъ и направленіе европейской мысли, намъ трудно было бы указать на что нибудь, выходящее изъ ряду самой жалкой посредственности. И это совершенно понятно; реакціонное движеніе, пущенное въ ходъ Наполеономъ III, было направлено прямо противъ литературы и науки, какъ главныхъ органовъ общественнаго мнѣнія и оппозиціи. Молодое поколѣніе, которое схоронило республику 1848 г и встрѣтило имперію декабрьской ночи, теперь должно было бы дѣйствовать на литературномъ поприщѣ, но гроза переворота застала его въ располхъ и на долго уничтожила его нравственныя силы. Изгнаніе, тюрьма и паническій ужасъ, наведенный на Францію, далеко отодвинули назадъ умственные интересы и дѣятельность и заставили замолчать почти всѣхъ изъ прежнихъ дѣятелей. Такимъ образомъ была разчищена почва для настоящаго муравейника посредственныхъ писакъ, наводнившихъ собою всѣ отрасли французской литературы.

Но упадокъ умственныхъ силъ народа всегда и вездѣ главнѣе всего отражался на критикѣ. Критика—это пульсъ, по біенію котораго можно измѣрять степень жизни и здоровья умственнаго организма націи. Если критическое отношеніе къ окружающимъ явленіямъ жизни падаетъ, то вмѣстѣ съ нимъ, или лучше, пропорціонально ему падаетъ вся литература. Это такой неизмѣнный законъ въ умственной культурѣ народовъ, который съ математическою точностію повторялся во всѣ реакціонныя эпохи. И дѣйствительно, французская литература послѣдняго времени не представила намъ ни одного мало-мальски замѣтнаго критика. «Вмѣсто строгаго литературнаго анализа, говоритъ Кине, у насъ осталась уличная реклама, вмѣсто анализа вещей тупое подчиненіе уносящему насъ потоку фразъ и простой силѣ обстоятельствъ.

Тамъ, гдѣ нѣтъ сознанія, что дѣлать и куда идти, не можетъ быть ни критики, ни убѣжденій.» Такъ мы и думали, пока г. Чуйко не открылъ намъ великаго критика въ Тэнѣ. Это, по мнѣнію г. Чуйко, тотъ колоссальный центръ, въ которомъ соединяются всѣ лучи современнаго французскаго генія, «который, если можно такъ сказать, олицетворяетъ критическое направленіе (Франціи) и управляетъ имъ, и это главнымъ образомъ потому, что онъ, по натурѣ своего таланта, по складу ума, по развитію и воспитанію—развилъ въ себѣ до крайнихъ предѣловъ эту способность чистаго, строгаго анализа явленій, безъ всякой задней мысли и *безъ всякаго общественнаго и нравственнаго идеала*. Вотъ почему такъ велико значеніе Тэна въ критикѣ.» (Стр. VIII.) Если только это не подборъ пустыхъ фразъ со стороны г. Чуйко, если только это не издательская реклама, зазывающая покупателя въ книжную лавку, то, признаемся, болѣе тяжкаго оскорбленія нельзя нанести Тэну, какъ писателю, нельзя хуже обругать его подъ видомъ похвалы. Подумайте, г. Чуйко, въ какомъ арлекнискомъ бостомѣ вы выводите передъ нами вашего любимца: человѣкъ безъ всякаго общественнаго и нравственнаго идеала выдается вами за великаго критика. Но можно ли быть не только великимъ критикомъ, но даже такимъ скабреснымъ фелетонистомъ, какъ нѣкій Z въ «Петербур. Вѣдомостяхъ,» не имѣя рѣшительно никакого общественнаго и нравственнаго идеала. Хоть пятникопѣчный идеаль, осуществляемый построчной платой, но все же онъ долженъ быть у писателя, если только принимаютъ его въ журналистикѣ не на правѣ кліента всѣмъ доступной богадѣльни. А вѣдь вы говорите о великомъ критикѣ, о центрѣ всего французскаго ума и шутка ли! — о *человѣкѣ, измѣняющемъ путь человеческой мысли*. Много ли мы можемъ указать такихъ гениальныхъ дѣятелей, которые бы измѣнили путь человеческой мысли? Конечно, не много. И кто же изъ нихъ не имѣлъ того или другого общественнаго и нравственнаго идеала? Есть ли возможность даже вообразить такого дѣятеля безъ цѣли, безъ ясно-обозначенныхъ стремленій, безъ убѣжденій и сознанія своей дѣятельности. или какъ вы выражаетесь, безъ всякаго общественнаго и нравственнаго идеала? Въ силу чего же великій критикъ можетъ измѣнить путь человеческой мысли? Вы конечно знаете, по крайней мѣрѣ, вы могли узнать изъ того же Тэна, что люди такого калибра называются переметными сумами, прихвостьями чужихъ идей и стремленій. У великаго писателя, тѣмъ

болѣе у великаго критика прежде всего есть идеаль, къ которому онъ стремится всѣми силами своего руководящаго и далеко-зоркаго ума. Этотъ идеаль можетъ быть ошибочный, полный увлеченій и слишкомъ преждевременныхъ надеждъ, но онъ есть. онъ долженъ быть непремѣнно. Безъ этого идеала немислимо не только умственное величье, но всякая литературная порядочность. У насъ были свои, положимъ, не великіе, но честные и умные критики, и кого же вы назовете изъ нихъ человѣкомъ безъ всякаго общественнаго и нравственнаго идеала? У Бѣлинскаго, напримѣръ, были свои задачи, свои стремленія, которымъ онъ посвятилъ всю свою жизнь и силы. И могъ ли онъ быть Бѣлинскимъ, еслибъ у него за душой не было ни опредѣленныхъ цѣлей, ни лучшихъ идеаловъ будущаго? Нѣтъ! я вы согласитесь съ этимъ. Поэтому и великій критикъ Тэнъ, если только вы ни натянули на него величія совершенно не кстати, не можетъ оставаться въ пространствѣ и времени относительно идеала той эпохи, въ которую онъ живетъ. Что нибудь одно — или Тэнъ, дѣйствительно, пустой краснорѣчивый, неимѣющій никакихъ общественныхъ и нравственныхъ идеаловъ, или онъ великій критикъ и, слѣдовательно, человѣкъ ясно-опредѣленной умственной физіономіи, человѣкъ великаго идеала нашего времени.

Въ чемъ же вы обмолвились? И чѣмъ мы должны считать Тэна — современной французской ничтожностію или, въ самомъ дѣлѣ, великимъ писателемъ? Дилемму эту г. Чуйко разрѣшаетъ самъ изданіемъ на русскомъ языкѣ критическихъ статей Тэна. Сборникъ этихъ статей, говоритъ г. Чуйко, «составленъ мною такъ, чтобы читателю легко было уловить направленіе Тэна и его громадный талантъ.» Подъ вліяніемъ этой рекомендаціи я и началъ читать Тэна, перечиталъ пять его статей, подвелъ общій итогъ всего прочитаннаго и, признаюсь, не только не уловилъ какого нибудь направленія, но даже чего нибудь похожаго на него. И я думаю, что я правъ, правъ и г. Чуйко, говоря, что Тэнъ не имѣетъ никакого общественнаго и нравственнаго идеала. Только послѣ этого уже никакъ не слѣдовало называть его великимъ критикомъ, измѣнившимъ путь человѣческой мысли; но крайней мѣрѣ, я не назову не только великимъ, но и микроскопическимъ критикомъ, потому что безъ направленія нѣтъ критическаго ума. Но если паче чаянія оно окажется, то ми попросили бы г. Чуйко потрудиться перевести другой сборникъ крити-

ческих статей Тэна, въ которомъ бы это искомое направленіе хоть нѣсколько выяснилось.

Чтобы не быть бездоказательнымъ и не отсылать читателя для провѣрки моего мнѣнія къ самой книжкѣ Тэна, я укажу здѣсь на его статью о Бальзакѣ. Если гдѣ великому критику можно было показать свое величіе, то это на разборѣ и характеристикѣ Бальзака. Во-первыхъ, это писатель французскій, котораго Тэнь, будучи самъ французомъ, могъ лучше понять и оцѣнить, чѣмъ, напримѣръ, Свифта и Байрона. Во-вторыхъ, Бальзакъ принадлежитъ къ числу тѣхъ капризныхъ, неуловимыхъ для анализа литературныхъ талантовъ, на которыхъ дѣйствительная критика всегда можетъ съ честію испробовать свои силы. Наконецъ за Бальзакомъ стоитъ такъ много всевозможныхъ судей и критиковъ, что, если собрать все, что о немъ писалось на одномъ французскомъ языкѣ, то это составитъ не менѣе семнадцати громадныхъ томовъ, написанныхъ самимъ авторомъ «Contes drolatiques». Слѣдовательно у Тэна былъ въ рукахъ богатый матеріалъ, которымъ слѣдовало только умно распорядиться. Но что же мы видимъ въ этой напудренной и разрумяненной статьѣ, растянутой почти на сто страницъ? Ничего, такъ-таки рѣшительно ничего. Перечитавъ эту статью, вы чувствуете, что какъ будто съѣли что нибудь очень сладкое и легкое въ родѣ ложки вкуснаго крема, но, проглотивъ его, вы не утолили ни чувства голода, ни даже вкуса. Во рту пусто, въ желудкѣ пусто, и въ головѣ пустѣ самой пустоты. Такое точно ощущеніе остается послѣ всѣхъ статей великаго критика Тэна. Вотъ, напримѣръ, что онъ говоритъ о Бальзакѣ, какъ о представителѣ реального направленія въ французской беллетристикѣ: «Идеала нѣтъ у натуралиста, тѣмъ болѣе его нѣтъ у натуралиста Бальзака (а г. Чуйко говоритъ, что идеала нѣтъ у великаго критика Тэна). Вы уже видѣли, что онъ совсѣмъ лишень этого живого и яснаго воображенія (Замѣтьте, — черезъ нѣсколько страницъ говорится, что Бальзакъ обладалъ такимъ страннымъ увлеченіемъ своими образами, что онъ представлялъ ихъ дѣйствительными существами и говорилъ о нихъ, какъ о живыхъ людяхъ)—посредствомъ котораго Шекспиръ, едва касаясь, управлялъ тонкими нитями, связывающими существа; онъ тяжелъ, съ трудомъ и упорствомъ погруженъ въ свою груду науки, занятъ счетомъ всѣхъ фибръ, разсѣваемыхъ имъ посредствомъ такого множества орудій и отталкивающихъ препаратовъ, что когда онъ выходитъ изъ своего погреба и возвращается

къ свѣту, то сохраняетъ запахъ лабораторіи, въ которой работалъ. Ему недостаетъ истиннаго благородства; его руки, упражняющіяся въ анатомическихъ препаратахъ, грязнятъ деликатныя и чистыя вещи; безобразіе оуъ еще больше обезображиваетъ. Но онъ торжествуетъ, когда ему приходится изображать низости; онъ чувствуетъ себя хорошо въ подлости; онъ въ ней копошится безъ всякаго отвращенія; онъ съ удовольствіемъ слѣдитъ за дрязгами въ хозяйствѣ и за ссорами изъ-за денегъ. Съ такимъ же удовольствіемъ онъ развиваетъ подвиги силы. Онъ вооруженъ животностью и расчетомъ» и т. д. на нѣсколько страницъ. Въ концѣ концовъ этотъ дикій кабанъ, валяющійся въ грязи разныхъ низостей, этотъ животный Бальзакъ, противный Тэню вмѣстѣ со всѣми старыми институтскими дѣвами, оказывается рѣшительнымъ негодемъ. «Ничего, что натуралистъ разочаровываетъ насъ—мы подчиняемся этому; но когда художникъ уничтожаетъ въ насъ возвышенность, то мы возмущаемся (вотъ это-то и есть великая критика г. Чуйко) и говоримъ ему, что если оуъ ее отрицаетъ въ другихъ, то *вѣроятно* потому, что не находитъ ее въ себѣ» (стр. 106, 107 и 118). Пробѣжавъ около ста страницъ, унизанныхъ подобными тирадами, вы невольно спрашиваете: да повольте же узнать, великій критикъ г. Чуйко, что вы хотите наконецъ сказать о Бальзакѣ и долго ли вы будете морочить насъ своими красивыми, но пустыми фразами? На это Тэнъ отвѣчаетъ слѣдующимъ заключительнымъ выводомъ «по моему мнѣнію, Бальзакъ, вмѣстѣ съ Шекспиромъ и герцогомъ Сэнъ-Симономъ—величайшее хранилище документовъ, относящихся къ человѣческой натурѣ». Такъ. Но только вотъ что удивительно, что изъ этого величайшаго хранилища, вы, какъ величайшій критикъ, не сумѣли извлечь ни одной путной идеи, ни одного дѣльнаго факта; ничему вы не научили насъ, ничего не сказали, и мы, какъ до прочтенія, такъ и послѣ прочтенія вашей статьи, ровно ничего о Бальзакѣ не узнали, потому что игра въ бубенчики—не идея, в салонныя антитезы—не выводы критика. Поэтому мы думаемъ, что Тэнъ также далекъ отъ великаго критика, какъ г. Чуйко отъ великаго публициста.

Но что же такое Тэнъ? спросить читатель.—Это довольно фривольный диллетантъ современной французской литературы, изъ числа тѣхъ изящно-накрахмаленныхъ писателей, которыми нѣкогда украшались литературные салоны *м-те* Дюдефанъ или Жанлисъ, это художникъ и реалистъ, немножко либераль и немножко консерва-

торь, ученый и поэтъ, однимъ словомъ это парижскій Скабичевскій, разведенный на г. Анненковѣ, т. е. самое счастливое соединеніе невиннаго овна съ кроткой ослицей. И я рѣшительно не понимаю, зачѣмъ г. Чуйко дарить русскую публику переводомъ книжки такого великаго критика. Не будучи нисколько зараженъ патріотизмомъ, я однакожъ глубоко убѣжденъ, что такими кропечными величіями мы сами не бѣдны.

Но если Тэнъ, по мнѣнію г. Чуйко,—*великій* критикъ, то г. Венюковъ имѣеть такое же право назвать себя *величайшимъ* путешественникомъ. Плодомъ его «долговременныхъ странствованій» на Востокъ и Западъ была разбираемая нами книжка «Очерки Японіи»,—книжка, составленная кропотливо, на основаніи будто бы его личнаго наблюденія и тщательнаго изученія тѣхъ матеріаловъ, какіе только европейская литература можетъ представить о Японіи. Повидимому, г. Венюковъ не пренебрегъ ничѣмъ, что могло заинтересовать русскаго туриста въ странѣ отдаленнаго и мало известнаго Востока. Мы одобряемъ и самый выборъ г. Венюкова, обратившаго наше вниманіе на Японію. Въ ней дѣйствительно совершается любопытное явленіе для наблюдателя—борьба социальныхъ элементовъ съ политическимъ абсолютизмомъ и далѣе — политическаго абсолютизма съ духовнымъ, мистическимъ авторитетомъ. Кромѣ того, Востокъ вообще для насъ русскихъ имѣеть громадное значеніе. Мы ближайшіе его сосѣди, примыкающіе къ его границамъ всей сѣверо-восточной окраины; мы ведемъ съ нимъ кое-какія торговыя сношенія и могли бы, еслибъ были поумнѣе, развить ихъ до самыхъ широкихъ размѣровъ; мы постепенно вторгаемся въ его владѣнія, и при болѣе высокому уровню своей цивилизаціи, — могли бы оказать благотворное вліяніе на его полудикія племена. Наконецъ, рано или поздно, но намъ предстоитъ серьезное столкновеніе съ Востокомъ, если только онъ проснется отъ своей спячки, и его степи покроются сплошнымъ населеніемъ,

при другихъ, болѣе благопріятныхъ условіяхъ жизни. Однимъ словомъ, Востокъ долженъ быть предметомъ нашего серьезнаго изученія. А между тѣмъ мы не знаемъ его вовсе; у насъ нѣтъ ни путешествій, ни хорошихъ картъ, ни статистическихъ данныхъ, и мы убѣждены вполне, что многіе изъ насъ незнакомы даже съ главными пунктами Востока. Англичане, нѣмцы и французы давно уже изслѣдовали флору, фауну и обитателей громаднаго азіятскаго континента, они разбросали вездѣ свои купеческія конторы, миссіи, установили прочныя сношенія съ болѣе населенными владѣніями, и внесли свою цивилизацію въ нѣкоторыя сферы восточной жизни. Мы ничего этого не сдѣлали, несмотря на самыя близкія географическія и международныя отношенія къ Востоку. Вотъ почему мы съ удовольствіемъ приняли за чтеніе книги г. Венюкова.

Но увн! личныя наблюденія г. Венюкова, которыя могли бы имѣть для насъ особенное значеніе, такъ бѣдны, что въ общемъ итогѣ онъ не прибавилъ ни одной крупицы новыхъ свѣденій къ тому, что было уже извѣстно намъ о Японіи до него.

И, говоря откровенно, мы не видимъ особенной надобности предпринимать такое далекое путешествіе ради того, чтобы издать подобную книжку. Не выѣзжая изъ Петербурга и не выходя изъ своей квартиры, можно было составить точно такіе же «Очерки Японіи». Для этого только нужно было имѣть подъ руками два или три иностранныя сочиненія о Японіи и выписать изъ нихъ все, что казалось г. Венюкову болѣе любопытнымъ. Во-первыхъ, это стоило бы гораздо дешевле; во-вторыхъ, было бы удобнѣе, чѣмъ странствовать за нѣсколько тысячъ верстъ отъ родимой печки и кислыхъ щей.

Впрочемъ, недостатокъ личныхъ наблюденій и неумѣнье справиться съ ними мы не ставимъ въ особенный упрекъ г. Венюкову. Это общая черта всѣхъ русскихъ туристовъ. Чтобы быть хорошимъ наблюдателемъ, надо быть очень развитымъ человѣкомъ и глубокимъ аналитикомъ, а этого то именно и недостаетъ намъ. Съ кой-какими познаніями и съ самыми не космолитическими привычками мы отираемся путешествовать и, схватывая одну внѣшнюю сторону предметовъ, думаемъ, что проникли въ самую глубь ихъ.

Кромѣ того г. Венюковъ страдаетъ тѣмъ, что называется у туристовъ мѣстною болѣзнію. Онъ не только изучаетъ, но и влюбляется въ ту страну, которую ему пришлось посѣтить. На многихъ страницахъ своей книжки онъ даетъ намъ чувствовать, что социаль-

ная жизнь Японіи должна быть чуть не предметом зависти для европейца, и какъ только онъ это замѣтитъ, то тутъ же рядомъ сообщаетъ какой нибудь уродливый фактъ, разрушающій всю нашу иллюзію. Такъ, напримѣръ, говоря о положеніи японки въ брачной жизни, онъ утверждаетъ, что она пользуется полной независимостью, хотя мужъ можетъ во всякое время выгнать ее изъ дома за невѣрность. А чтобы доказать мужу свою супружескую вѣрность, молодая жена, послѣ первой ночи, обязана вырвать или даже выщипать себѣ брови и вычернить зубы, показывая тѣмъ, что она не желаетъ болѣе нравиться постороннимъ. Кажется, тутъ завидовать нечему и превозносить независимость японки, по меньшей мѣрѣ, опрометчиво. Далѣе г. Венюковъ сообщаетъ намъ объ общихъ японскихъ баняхъ, гдѣ мужчины и женщины моются вмѣстѣ и даже на виду проходящихъ. Это, конечно, шокируетъ чувство приличія европейца, но г. Венюковъ находитъ, что только одно лицедѣріе и развратъ западнаго человѣка могутъ возмущаться такимъ похвальнымъ уваженіемъ японцевъ къ своей опрятности. Мы не споримъ противъ лицедѣрія тѣхъ, кто носитъ панталоны, вмѣсто того чтобы ходить безъ нихъ, но думаемъ, что съ гигиенической точки зрѣнія панталоны гораздо лучше голыхъ ляшекъ. Точно также мы не станемъ обвинять общія бани японцевъ въ безнравственности и охотно вѣримъ г. Венюкову, что въ нихъ не происходитъ никакихъ грязныхъ сценъ, но все-таки назовемъ очень глупымъ и дикимъ обычай японца и русскаго купца, отправляющагося въ баню съ своей супругой. Тутъ дѣло не въ оскорбленіи морали, а въ пониманіи взаимныхъ отношеній мужчины къ женщинѣ. Самая крайняя фамиліярность перваго относительно второй — есть признакъ животнаго взгляда на женщину, неразлучнаго съ ея униженіемъ. Такимъ образомъ желаніе г. Венюкова превознести патриархальную Японію надъ развращеннымъ Западомъ намъ кажется крайне близорукимъ. Мы думаемъ, что г. Венюковъ поступилъ бы гораздо благоразумнѣе, еслибъ вмѣсто этихъ нравоописательныхъ параллелей собралъ побольше фактовъ относительно социальнаго и политическаго положенія японцевъ, чего у г. Венюкова почти вовсе нѣтъ, а потому и лицевая сторона Японіи скрывается отъ насъ въ какихъ то полунамекахъ и мимоходомъ брошенныхъ фразахъ автора. Что намъ за дѣло знать, сколько городовъ въ Яисинъ, подъ какой широтой лежитъ каждый изъ нихъ, когда мы не знаемъ ни объ отношеніи японца къ своему правительству, ни о матеріаль

ныхъ средствахъ его жизни. Только случайно мы узнаемъ отъ г. Венюкова, что въ столицѣ Японіи Еддо на 1,700000 жителей насчитывается нищихъ и другихъ паріевъ до 50,000, а монаховъ и жрецовъ до 200,000, чиновниковъ, солдатъ и лакеевъ, приставленныхъ къ одному дворцу тайкуна, до 180,000. Подробное разъясненіе всѣхъ этихъ цифръ было бы для насъ гораздо интереснѣе и назидательнѣе, чѣмъ упреки западнымъ моралистамъ за то, что они не моются въ баняхъ вмѣстѣ съ своими женами. Такъ ли, г. Венюковъ?

ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ХРОНИКА.

Смерть маршала Ніаля.—Эйзенахскій конгрессъ. — Приглашеніе китайцевъ-рабочихъ въ Соединенные штаты. — Необычайная слабость и отсталость бразильской имперіи.—Періодическій голодъ ея населенія.—Его причины. — Рабство,—основное учрежденіе страны.—Бразильская олигархія, — Лѣность, какъ догматъ національной религіи въ Бразиліи.—Отвратительное положеніе женщины въ Бразиліи.—Историческій очеркъ Бразиліи.—Борьба двухъ партій: унитаріевъ и федералистовъ.—Временная побѣда федералистовъ.—Расы, населяющія Бразилію.—Преобладаніе расы мулатовъ.—Колонизація изъ Европы.—Причины ея неуспѣшности.—Садъ аклиматизаціи европейцевъ.—Гибельная для Бразиліи парагвайская война.—Возмутительное лицемеріе рабовладѣльцевъ.—Смерть Бразиліи, какъ монархіи древняго міра, неизбежна въ близкомъ будущемъ. — Побѣда въ Англіи прогрессъ.

Мы такъ близко знакомы съ нашими европейскими дѣлами, что можемъ передавать ихъ, какъ хорошо вытвержденный урокъ. Гг. Бисмаркъ и Бейсъ, Бонапартъ и Руз, Примъ, Жюль Фавръ и Серрано, Гладстонъ и Дизраели—всѣ они хорошіе наши знакомые, и мы такъ привыкли къ появленію ихъ на политической аренѣ, какъ посѣтители парижскихъ бульварныхъ балагановъ привыкли встрѣчать на сценическихъ подмосткахъ вѣчно однѣ и тѣже лица: жандарма и полицейскаго комиссара, чорта и его бабушку, Арлекина и Коломбюну, Мими Бамбошъ и Нини Ригольбошъ. Болѣе или менѣе, но мы знакомы съ тайнами секретныхъ канцелярій, или—что все равно—мы убѣждены, что знакомы съ ними. Худо ли, хорошо ли, но мы изучили искусство читать между строкъ.

Когда правительство предлагает на наше благоусмотрѣніе Синюю, Желтую или Красную книгу, оно, безъ сомнѣнія, открываетъ только то, что ему открытъ заблагоразсудится, мы же, въ простотѣ душевной, убѣждены, что оно показываетъ намъ все, что мы желаемъ рассмотреть. Когда его превосходительство министръ иностранныхъ дѣлъ пожелаетъ снизойти до сообщенія намъ какого нибудь важнаго документа, хотя мы не можемъ навѣрное знать, дѣйствительно ли этотъ документъ подлинный, но мы вѣримъ его подлинности. Когда случается какое нибудь чрезвычайное событіе—будетъ ли это сентябрьская революція и низверженіе королевы Изабеллы, будетъ ли это пораженіе Габсбурговъ подъ Садовой, будетъ ли это разрушеніе мекхиканской имперіи и ослабленіе второй наполеоновской, — мы всегда достаточно подготовлены къ нему всевозможными распространителями новостей, газетчиками и журналистами обоихъ полушарій, — подготовлены настолько, что можемъ повторить съ дамой, у которой время отъ времени мы выпиваемъ чашку чая: „Что, развѣ не говорилъ я, что это должно случиться?“ Намъ ничто теперь не удивить, мы особенно интересуемся именно тѣмъ, что знаемъ очень хорошо; текущая политика — нашъ насущный хлѣбъ. Но приходитъ время, когда вѣчное повтореніе одного и того же насъ утомляетъ и надоѣдаетъ намъ до того, что мы кричимъ: „давайте намъ чего нибудь новенькаго, неужели въ цѣломъ мірѣ вы не найдете ничего новаго?“

Какъ не быть новаго, оно всегда найдется. Для насъ будетъ новымъ все, о чемъ мы не имѣемъ никакого понятія. Въ своемъ тщеславіи мы, пожалуй, убѣждены, что все, что случается внѣ нашего муравейника, не стоитъ нашего вниманія, но чтобы стало съ нашими умами, погруженными въ рутину специальности, если бы мы не освѣжали ихъ время отъ времени воспринятіемъ идей изъ внѣшняго для насъ міра, если бы мы не касались жизни, стоящей внѣ нашей специальности?

Такимъ образомъ, пока Европа успокоилась, если не въ дѣйствительности, то, по крайней мѣрѣ, по виду; пока готовятся въ тишинѣ важныя событія, воспользуемся этой глубокой тишиной,

служащей обыкновенно предвѣстницей урагановъ и землетрясеній,— воспользуемся ею, перенесемся за Атлантическій океанъ и развлечемъ себя изученіемъ неизвѣстныхъ намъ фактовъ, анализомъ событий, совершающихся въ странахъ намъ совершенно незнакомыхъ. Пойдемъ въ Бразилію, тамъ мы отыщемъ много для себя новаго. Встанемъ лицомъ къ лицу съ этой мрачной имперіею. Познакоимся съ ужасной борьбой, которую этотъ колоссъ южной Америки ведетъ съ пигмеемъ Парагваемъ.

I.

Едва ли въ исторіи можно встрѣтить примѣръ подобнаго государства, какъ бразильская имперія, столь могущественная по виду и столь слабая, безжизненная въ дѣйствительности. На пространствахъ, равномъ двумъ третямъ Китая, имѣющаго 400 милліоновъ жителей, Бразилія населена всего 7 или 8 милліонами людей. Въ амазонской долинѣ есть безконечныя пространства баснословно-плодородной земли, которыя можно измѣрить нѣсколькими днями желѣзно-дорожнаго пути,—населенныя всего какими нибудь тремя человекъ на тысячу квадратныхъ верстъ. Такую жалкую пропорцію населенности можно встрѣтить развѣ въ великихъ пустыняхъ Гоби или Сахары. Микроскопическая бельгійская монархія, съ своими пятью милліонами дѣятельнаго и промышленнаго населенія, несравненно могущественнѣе громадной бразильской имперіи. Лондонское Сити въ сто, въ двѣсти разъ богаче Бразилія, съ ея золотыми рудами и алмазными копаниями, включая сюда и чудовищный брилліантъ, блестящій въ діадемѣ дона Педро, который, по оцѣнкѣ пернамбукскихъ и ріожанейрскихъ ювелировъ, стоитъ не менѣе 35 милліоновъ рублей. Въ маленькомъ германскомъ университетѣ—гейдельбергскомъ или тюбингенскомъ—найдется гораздо больше и лучше образованныхъ людей, чѣмъ въ цѣлой Бразиліи. А между тѣмъ эта страна могла бы обладать баснословнымъ бо-

гатствомъ, имѣя въ своемъ распоряженіи величайшую рѣку въ мірѣ — Амазонскую — и дюжину ея притоковъ, величиною равныхъ Рейну, Дунаю и Волгѣ; эти рѣки орошаютъ безконечныя равнины, которыя могутъ прокормить треть обитателей земного шара. Здѣсь, подъ палящимъ тропическимъ солнцемъ, на почвѣ, напитанной влажностью, растительность принимаетъ необычайные размѣры; правда, климатическія условія здѣсь еще вредно дѣйствуютъ на чело-вѣка, но трудъ и знаніе, приложенные разумно, произвели бы результаты, которые могутъ показаться баснословными въ настоящее время. Между множествомъ различныхъ породъ строевого лѣса и фруктовыхъ деревьевъ попадаются цѣлыя рощи растений, обладающихъ драгоцѣнными цѣлебными свойствами, каковы: ипеакауана, кинкина, сассапарель, сассафра, гайякъ, алапша и др. Для промышленности Бразилія предоставляетъ богатые запасы каучука; хлопчатникъ произрастаетъ здѣсь въ дикомъ состояніи.

И однакожъ, несмотря на эти богатства, которыя съ такой щедростью расточаетъ ей природа, Бразилія бѣдна, очень бѣдна, вѣрнѣе сказать, доведена до нищенскаго состоянія; она страдаетъ отъ нищеты, ея населеніе умалается отъ голода; вмѣсто того, чтобы увеличиваться, оно съ каждымъ годомъ уменьшается въ числѣ: одни умираютъ, другіе уходятъ далеко, отыскивая болѣе благоприятный климатъ, и въ то время, какъ несчастные, завербованные безсовѣстными вербовщиками въ деревьяхъ Швейцаріи и Германіи, высаживаются въ бразильскихъ портахъ только затѣмъ, чтобы тотчасъ же погибнуть въ болотахъ внутри страны, туземцы господствующей расы садятся на суда съ цѣлю эмигрировать въ здоровую лаплатскую долину. Они эмигрируютъ, изгоняемые влажной жарой, дающей ихъ отечеству втеченіи шести мѣсяцевъ температуру паровой бани; изгоняемые избыткомъ электричества, разлагающаго кровь въ ихъ жилахъ; изгоняемые рабствомъ, которое обезображиваетъ всѣ гражданскія учрежденія ихъ страны; изгоняемые скукой, царящей въ ихъ соціальной жизни, не только въ гаціендахъ, но и въ городахъ, жизни самой тягостной и монотонной, которая можетъ только существовать подъ горячимъ не-

бомъ, съ атмосферой, наполненной тучами москитовъ, на почвѣ, гдѣ кишатъ ядовитыя змѣи и всякіе другіе гады: изгоняемые, — прибавимъ еще, — недостаткомъ жизненныхъ продуктовъ, что покажется невѣроятнымъ съ перваго взгляда. Но недостатокъ существуетъ, и существуетъ потому, что четыре пятыхъ вѣсѣхъ земель принадлежатъ крупнымъ рабовладѣльцамъ, обрабатывающимъ исключительно предметы роскоши. какъ-то: чай, хлопчатую бумагу, кофе и сахаръ; необходимѣйшихъ съѣстныхъ продуктовъ страна не производитъ и они доставляются извнѣ: маисъ для негровъ получается изъ Соединенныхъ штатовъ, другіе хлѣба изъ Европы, а мясо изъ лаплатской долины. Потому-то южныя провинціи Бразиліи, самыя населенныя и лучше другихъ обработанныя, страдаютъ отъ голода, повторяющагося почти періодически; въ такія времена шайбы рабовъ, подѣ начальствомъ своихъ господъ, вооруженной рукой врываются въ Урагвай, эту Калифорнію говядины, какъ они ее называютъ, угоняютъ стада, а часто уводятъ и людей въ свою рабскую страну. Отъ города Пары при устьѣ Амазонской рѣки до Ріо-Жанейро и отъ Ріо-Жанейро до южной оконечности провинціи Ріо-Гранде, во всей этой странѣ жить такъ тяжело, что ея населеніе постоянно стремится удалиться въ страны съ болѣе умѣренными климатомъ, чтобы освѣжить свои утомленные организмы. Вотъ почему населенность Бразиліи стоитъ на одной точкѣ, если еще не уменьшается постоянно, какъ мы замѣтили выше. Эмиграція въ Бразиліи европейскыхъ расъ до сихъ поръ приносила мало пользы; эти эмигранты не могли акклиматизоваться въ странѣ, а тѣмъ менѣе могли привить къ ея учрежденіямъ и обычаямъ принципы, выработанныя соціальной наукой и выводы практической гігіены; сами эмигранты плохо сживались съ негостепріимной страной, такъ что эмиграція изъ Европы въ Бразилію годъ отъ году уменьшается и теперь направляется туда въ самыхъ ничтожныхъ размѣрахъ. Что же касается негровъ, которыхъ въ Бразилію перевозили массами изъ внутренней Африки, они размножаются здѣсь хорошо и составляютъ теперь болѣе 20% всего населенія — пропорція страшная, предвѣщающая въ будущемъ ужасную невольничью вой-

ну, если опасность не будет удалена на неопредѣленное время свотскимъ состояніемъ невольниковъ, составляющимъ результатъ продолжительнаго рабства.

Къ этой непривлекательной картинѣ, начертанной нами, слѣдуетъ добавить массу болѣзней, постоянно свирѣпствующихъ въ странѣ, которыя сильно опустошаютъ населеніе; эти болѣзни: холера, желтая лихорадка, вомино-негро, болотная лихорадка и др.

Ближайшее изученіе Бразиліи приводитъ къ убѣжденію, что это страна недолговѣчная; сорокалѣтнее самостоятельное существованіе ея доказываетъ, правда, что больной, хилый организмъ можетъ прозябать, — но и только. Бразилія за это время не выработала, да и не могла выработать, основательной системы самозащиты. Ее можно сравнить съ громаднымъ грибомъ, выросшимъ почти мгновенно и покрывшимъ собою добрую половину южной Америки. Это безобразное соединеніе рабовъ и рабовладѣльцевъ похоже на чудовищную асса-фетиду, которая заразила своимъ вонючимъ запахомъ все окрестное болото. Это произведеніе жаркаго пояса имѣетъ чудовищные размѣры, но потому-то самому оно нездорово и эфемерно. Плиніи считалъ одну часть Африки страной чудовищъ. Это выраженіе, съ несравненно большей степенью вѣроятія, примѣнимо къ Бразиліи, которая есть политическое чудовище въ странѣ животныхъ и растительныхъ чудесъ. Изъ ея громаднаго пространства въ 7 1/2 милліоновъ квадратныхъ верстъ, извѣстна сравнительно ничтожная часть нездоровой береговой страны; все остальное пространство занято мрачнымъ, дѣвственнымъ, непроходимымъ лѣсомъ, расчистить и изслѣдовать который вѣроятно суждено будущей расѣ и будущей цивилизаціи. Изъ всѣхъ видовъ собственности, обладаніе морскимъ побережьемъ самое невѣрное, такъ какъ берега, по извѣстной поговоркѣ, принадлежать всему міру.

Бразилія начала такъ, какъ кончила римская имперія; она начала свое самостоятельное существованіе обширными *латифундіями* (колоніями рабовъ); они обрабатываются рабами, принадлежащими тупому, поврежденному, циничному и скептическому дворянству, которому извѣстны всѣ роды пороковъ и преступленій; — дво-

рянству, имѣющему всѣ качества грубаго феодализма. Этотъ феодализмъ принялъ поистинѣ странную форму конституціонной имперіи, единственной въ своемъ родѣ; по вѣщности она представляетъ собою парламентаризмъ, въ дѣйствительности же есть чистѣйшая олигархія. Крупные поземельные собственники избрали своимъ управляющимъ добряка донъ-Педро II, вѣнца по матери, австрійской эрцгерцогини, вѣмкѣ, какъ по чертамъ лица, такъ и по своей натурѣ. Этотъ управляющій—человѣкъ образованный, хорошо воспитанный; онъ знакомъ съ латынью, составляетъ коллекціи бабочекъ, очень честенъ, довольствуется чрезвычайно умѣреннымъ жалованьемъ и не обогащается, какъ это дѣлаютъ вокругъ него разные *фейторы* и *фазендейро*. Рабовладѣльцы облекли его титуломъ императора, въ публикѣ оказываютъ ему всевозможныя почести, но въ кабинетѣ его дворца Санъ-Кристоваль они даютъ ему знать, что дѣйствительные владыки они, которые представляютъ собою консервативный принципъ, заключающійся въ удержаніи всѣми жѣрами благородной институціи рабства, составляющей краеугольный камень зданія бразильской имперіи. Императоръ, такимъ образомъ, принимая титулъ, какъ бы клянется быть навсегда первымъ изъ рабовладѣльцевъ. Онъ долженъ быть или папой рабства или ничѣмъ, и тогда не можетъ быть увѣренъ даже въ своей жизни.

Колоніи не составляютъ единственнаго учрежденія, дающаго сходство теперешней Бразиліи съ Римомъ время упадка. Не безъ причины бразильская имперія тщеславится сходствомъ своимъ съ имперіей цезарей и титулуется себя Римомъ новаго свѣта. Патронатство процвѣтаетъ здѣсь въ полной силѣ; все, что не носитъ имени господина или раба, есть непремѣнно кліентъ, особый видъ раба. Всякій знатный господинъ обладаетъ нѣсколькими сотнями, а иногда и тысячами рабовъ, въ важныхъ случаяхъ его сопровождаетъ свита изъ отпущениковъ и ленниковъ; онъ въ родствѣ съ цѣлой толпой бѣдняковъ, которые набираютъ ему партію среди черни, а онъ за это защищаетъ ихъ отъ кредиторовъ и спасаетъ отъ нападеній правосудія. Когда воръ или даже убійца назоветъ

себя родственникомъ маркиза Убы, Олинды или какого нибудь герцога изъ стариннаго португальскаго дворянства, судьи побоятся, не посовѣтовавшись съ названными лицами, посадить виновнаго въ тюрьму или присудить къ тяжелому наказанію. Изъ этого видно, что гражданскіе обычаи Бразиліи пребываютъ еще въ первобытной простотѣ, и общество ея состоитъ изъ небольшого числа господъ и громаднаго количества рабовъ и кліентовъ.

Къ слову рабъ какъ-то невольно прилагается эпитетъ лѣнивый. Человѣкъ созданъ для работы, но вмѣстѣ съ тѣмъ и для свободы; всякая подневольная работа возбуждаетъ въ немъ отвращеніе; рабская работа составляетъ основное учрежденіе Бразиліи, значитъ ненависть къ работѣ наполняетъ сердца всего бразильскаго населенія, и *fanatismo* составляетъ главный догматъ національной религіи. Этотъ порокъ приписываютъ климату, но это ошибка, причина его лежитъ гораздо глубже. Самые лѣнивые изъ всѣхъ бразильцевъ — негры или потомки негровъ, вывезенныхъ изъ Африки, которымъ бразильскій климатъ вовсе не вреденъ, они совершенно здоровы, обладаютъ огромной мускульной силой и потому самому имѣютъ надобность ее расходовать, но, негръ, все же чувствуя въ себѣ человѣческое достоинство, какъ рабъ, нежеланіемъ работать протестуетъ противъ подневольной работы, и такимъ своеобразнымъ способомъ какъ бы требуетъ возвращенія себѣ свободы. Путешественники передаютъ намъ самые странные примѣры лѣности бразильскихъ негровъ; вотъ, на примѣръ, больные рабы, получившіе позволеніе не работать; ихъ томить жажда, но они ни за что не пойдутъ наняться къ колодцу или къ источнику, протекающему подлѣ самой ихъ хижины, потому что это будетъ работа. Въ плантаціяхъ, гдѣ каждый слуга имѣетъ свою опредѣленную работу, если приказываютъ негру выгнать изъ комнаты забѣжавшую туда собаку, онъ не исполнитъ самъ это приказаніе, а непременно отыщетъ негрятенка, на котораго и возложитъ исполненіе полученнаго приказанія. На улицахъ Багіа или Пернамбуко перфѣе можно встрѣтить высокихъ здоровыхъ негрятянокъ, шести футовъ роста, несущихъ на головѣ вѣеръ или бананный листъ; ненависть къ ра-

Ботъ такъ въѣлась въ плоть этихъ рабынь, что онѣ не хотятъ имѣть въ рукахъ ни малѣйшей, ничтожнѣйшей вещицы; трудъ онѣ считаютъ для себя безчестіемъ, а лѣность и чувственность почитаютъ признаками изящества; какъ и ихъ господа, идеаль жизни онѣ видятъ въ вѣчной лѣности и развратѣ.

Въ этой печальной въ моральномъ отношеніи и богатой природными дарами странѣ работаютъ только несчастные невольники подъ ударами палки управляющаго и европейскіе эмигранты первой генерациі — французы коммерсанты и нѣмцы земледѣльцы — которые не успѣли еще вмѣстѣ съ туземной лихорадкой привить къ себѣ гнилую лѣность...

Сукна и полотна приходятъ въ Бразилію изъ Ливерпуля, обувь изъ Нью-Йорка, помада и романы изъ Парижа. Но что особенно удивительно, Бразилія, имѣющая лучшіе сорта деревь въ неисчерпаемомъ изобиліи, получаетъ изъ Норвегіи сосновыя и дубовыя доски, потому что въ городахъ онѣ стоятъ дешевле туземныхъ; причина такого безобразія заключается въ ужасныхъ путяхъ сообщенія; въ этой дикой странѣ почти совсѣмъ нѣтъ дорогъ, существуютъ тропинки, служащія сообщеніемъ плантанцій между собой; всѣ тяжести перевозятся на спинахъ муловъ, отчего страна должна тратить необозримое количество продуктовъ для пропитанія безсчетнаго числа этихъ необходимыхъ для края животныхъ. Поэтому нечего удивляться, когда на сахарной плантанціи почти на годъ приостанавливается работа въ томъ случаѣ, если испортится машина и ее приходится для починки отправить въ Англію.

Въ странѣ, гдѣ мужчина находится въ рабствѣ и составляетъ предметъ торга, на женщину смотрятъ, какъ на простое низшее животное; въ такой странѣ любви нѣтъ, а существуетъ поголовный развратъ; жена же плантатора не болѣе, какъ первая изъ его рабынь, которая ему стоитъ дороже другихъ своихъ товаровъ, а потому ее запираютъ крѣпче и строже за ней наблюдаютъ. Здѣсь нѣтъ ни гинекеевъ, ни гаремовъ, сторожимыхъ черными евнухами, а между тѣмъ можно цѣлыя недѣли ѣздить изъ плантаціи въ плантацію, вездѣ встрѣчать широкое гостепріимство и нигдѣ не

встрѣтить хозяйки дома, по очень простой причинѣ: ея совѣтъ нѣтъ. Фазендасъ, дома рабовладѣльцевъ на плантаціяхъ, строятся грубо, некрасиво, массивно, подобно средневѣковымъ укрѣпленнымъ замкамъ. Внутри этихъ мрачныхъ построекъ устраивается скрытый покойчикъ, родъ кельи, въ которой заключена женщина, вѣчно-лежащая въ своемъ гамакѣ, она жирна и глуха, какъ индійское божество. Идемъ также рѣдко посѣщаютъ эти зачухшіе мозги, какъ сѣверное сіяніе рѣдко освѣщаетъ подъ тропиками мракъ ночи. Эти жены съ трудомъ умѣютъ считать, и тѣ изъ нихъ, которыя при каждой истраченной ими монетѣ кладутъ въ стаканъ абрикось, число которыхъ должно показывать мужу сумму произведеннаго расхода,—такія жены, нечувствующія за собой способности правильно сосчитать, вовсе не служатъ какимъ нибудь чудовищнымъ исключеніемъ, а составляютъ совершенно обычное явленіе. Часто случается, что присоединивъ къ своимъ познаніямъ, знанія ихъ служавокъ-рабынь, онѣ все-таки не въ состояніи дойти до вѣрнаго исчисленія количества дѣтей, какое онѣ принесли своимъ мужьямъ. Одна изъ подобеыхъ барынь, получивъ вопросъ отъ одного иностранца о числѣ ея дѣтей, долго думала и наконецъ отвѣтила съ чувствомъ полнаго удовольствія: „подфранка“. Удивленный путешественникъ впрочемъ скоро понялъ, что какъ подфранка равняется десяти су, то значить у этой барыни было 10 дѣтей.

Когда женщина доведена до этого минимума развитія, когда на нее смотрятъ только съ точки зрѣнія хорошаго тѣла, она и сама, привыкаетъ считать себя годной на одно лишь удовлетвореніе похоти; чуждая всякому чувству свободы, она лишена всякаго моральнаго пониманія, и вотъ какимъ образомъ она оправдываетъ узкій надзоръ за ней и угрюмую ревность ея мужа и господина. Рабство производитъ безирравственность, а безирравственность, въ свою очередь, производитъ рабство и его оправдываетъ. Женѣ-одалискѣ, т. е. рабѣ, соотвѣтствуетъ распутный мужъ. Распушенность бразильскихъ нравовъ тоже думали сваливать на климатъ, но вѣлѣпость такого объясненія очевидна; разгадку слѣдуетъ искать въ рабствѣ, которое даетъ возможность инымъ плантаторамъ заводить

гарежи, состоящіе изъ двухсотъ, трехсотъ негрятянокъ, и которое узаконило торговлю чelовѣчьимъ мясомъ и установило таксы на женскую красоту: столько-то за бѣлые зубы, столько-то за густые черные волосы, за большіе нѣжные глаза, за хорошую талию и т. д.; бывають случаи, когда цѣна женщины, соображаясь съ такою, доходитъ до тысячи рублей и выше.

II.

Чтобы лучше понять настоящее положеніе Бразиліи, необходимо нѣсколько ознакомиться съ ея исторіей. Эта конституціонная имперія, единственная въ своемъ родѣ, учредилась оовершенно необычнымъ образомъ: конституція дана сверху, а не вытребована снизу, какъ это бывало всегда при установленіи солидныхъ политическихъ конституцій. Вслѣдъ за первой французской революціей были нѣкоторыя попытки къ независимости, подобныя возстанію въ провинціи Минасъ Жераесъ, произведенному патріотомъ Маріаной, болѣе извѣстнымъ подъ именемъ *Tigre-donts* (вырывателя зубовъ). Но онѣ кончились неудачно; были пролиты цѣлые потоки крови и лучшіе люди,—виновные въ томъ, что они раньше времени почувствовали необходимость независимости своего отечества,—попали на висѣлицу, а метрополія наложила еще болѣе тяжелую руку на свою колонію. Затѣмъ опять водворилось совершенное согласіе и единство во всѣхъ колесахъ административной и политической машины: насколько фазендеросы эксплуатировали своихъ негровъ, настолько же лиссабонскій дворъ эксплуатировалъ фазендеросовъ. Для метрополіи на берегахъ Таго цѣлая Бразилія представлялась одной обширной плантанціей, съ которой ея господинъ и повелитель долженъ былъ получить столько-то берковцевъ кофе и столько-то бочекъ сахару; участь людей, населяющихъ колонію, ее нисколько не интересовала. Въ исторіи новѣйшихъ народовъ трудно найти примѣръ такого узкаго пониманія своихъ собственныхъ интересовъ, какое

проявили португальцы при завоеваніи ими странъ новаго свѣта; они быстро распространялись по всей странѣ и искали въ ней только золота и ничего другого. Если хотите, это были героическіе пираты, но лукавые, жадные, жестокіе и безжалостные. Введеніе въ употребленіе пороха послѣдовало почти одновременно съ открытіемъ Америки и пути въ Индію. Съ мушкетами въ рукахъ португальцы бросались среди изумленныхъ и уstraшенныхъ населеній. Когда человекъ появится въ первый разъ на отдаленномъ, пустынномъ островѣ, тотчасъ же всѣ птицы и животныя, здѣсь живущія, сбѣгаются и слетаются со всѣхъ сторонъ, съ любопытствомъ окружаютъ его, разсматриваютъ его до тѣхъ поръ, пока тиранъ не выстрѣлитъ въ нихъ и не вырветъ нѣсколькихъ жертвъ. Точно также поступали пиринейскіе завоеватели и позже эмигранты англо-саксонскаго племени. Наивные и довѣрчивые дикари падали передъ ними ницъ, какъ передъ высшими божествами, а божества въ благодарность разстрѣливали ихъ и рубили имъ головы. Въ-стѣ съ христіанскою цивилизаціей вносились въ мирныя страны порохъ и водка, вводились въ дѣйственные лѣса католическаго инквизиціи и скоро оспа, сифилисъ и іезуиты стали самыми искусными агентами завоеванія. Новыя, введенныя завоевателями, болѣзни истребляли цѣлыя племена. Къ истребленію ихъ принимались и другія, тоже дѣйствительныя, мѣры. Когда Альварецъ Кабралъ высадился въ Бразиліи, онъ на берегу водрузилъ крестъ, а подлѣ него поставилъ висѣлицу. Такимъ образомъ, отъ имени христіанской религіи и португальской короны, онъ вступилъ во владѣніе обширной территоріей. Но всему приходитъ свой чередъ, даже іезуитской тиранніи, даже безсовѣтной эксплуатаціи колоніи матерью метрополіей. Наполеонъ внесъ войну на иберійскій полуостровъ; послѣ трафальгарской битвы испанскій флотъ былъ совершенно уничтоженъ и испанскія и португальскія колоніи преданы собственнымъ силамъ. Не получая въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ никакихъ новостей изъ метрополіи, онѣ наплись вынужденными устроиться по своему произволу, какъ независимыя націи. Первый примѣръ провозглашенія независимости подалъ Парагвай

и страны составляющія теперь аргентинскую конфедерацію, и через нѣсколько лѣтъ испанскія арміи, занимавшія эти страны, вынуждены были покинуть Америку. Въ Бразиліи же дѣла пошли нѣсколько иначе. Въ 1807 году, во время тильзитскихъ конференцій, Наполеонъ отказался принять представителей донна-Іоанна, регента Португаліи, управлявшаго именемъ своей матери, королевы Маріи, подверженной сумасшествію. Донъ-Іоаннъ понялъ, что этотъ отказъ предвѣщалъ предстоящее вторженіе; онъ съ успѣшностію снарядилъ корабль, нагрузилъ его сокровищами браганцскаго дома, и въ то время, какъ бонапартистская армія подъ начальствомъ грабителя Жюно переходила португальскую границу, донъ Іоанна на всѣхъ парусахъ летѣлъ къ отдаленнымъ берегамъ Бразиліи.

Прибывъ туда, регентъ нашелся вынужденнымъ сдѣлаться бразильскимъ гражданиномъ. Португалія официально болѣе не существовала; онъ принесъ ее съ собою, и Рио-Жанейро сталъ на время столицей португальскаго королевства. Бразильскіе порты въ первый разъ открылись для иностранныхъ кораблей; были основаны бразильскій банкъ, финансовый совѣтъ, коммерческій трибуналъ, судебная палата, однимъ словомъ все, чего добивались патриоты въ родѣ Маріаны, во имя независимости Бразиліи.

Въ то время, какъ происходила эта мирная революція, тиранія Наполеона получила смертельный ударъ подъ Москвой, и окончательно была уничтожена при Ватерлоо. Въ это же самое время умерла бѣдная безумная королева Марія и португальцы, по примѣру Испаніи, ввели у себя конституцію по образцу кадишской, которая, въ свою очередь, была снимкомъ съ республиканской французской. Когда было окончено созданіе этой конституціи, португальцы провозгласили конституціонную монархію и призвали донна-Іоанна на тронъ его предковъ.

Донъ-Іоаннъ съ большимъ прискорбіемъ оставлялъ Бразилію, гдѣ онъ былъ полновластнымъ господиномъ; здѣшнее блистательное положеніе ему приходилось мѣнять на скуку, утверждать своей подписью декреты, уже подписанные конституціонными министрами. Онъ было серьезно принялся за созиданіе Бразиліи и еще въ 1815

году пригласилъ изъ Парижа живописцевъ, архитекторовъ, геометровъ, химиковъ, которые сдѣлали ему планъ Рио-Жанейро, выстроили огромный театръ, академію художествъ и биржу, обратившюся потомъ во дворець первыхъ кортесовъ. Донъ-Иоаннь учредилъ библиотеки, которыя впрочемъ не имѣли читателей; его университетъ страдалъ отсутствіемъ студентовъ, за то профессора аккуратно получали свое жалованье. И дону-Иоанну приходилось оставить всѣ свои произведенія, бросить неоконченное зданіе и лѣтъ въ объятія лиссабонскихъ либераловъ. Очень грустно было ему разставаться съ Рио-Жанейро, но дѣлать нечего, слѣдовало повиноваться приглашенію, и онъ отплылъ изъ Бразиліи въ 1821 году, оставивъ здѣсь регентомъ своего старшаго сына дона-Педро.

Новый регентъ имѣлъ въ своихъ жилахъ кровь древнихъ завоевателей, ему не нравились всѣ совершившіяся нововведенія и онъ началъ съ того, что приказалъ умертвить всѣхъ депутатовъ, избранныхъ націю въ кортесы; чтобы быть точными, замѣтимъ, что этотъ фактъ, существованіе котораго несомнѣнно, иными бытописателями опровергается, какъ недоказанный юридически. Въ то время, какъ эта бойня происходила въ колоніи, настолько же либеральная, насколько и реакціонная метрополія съ еще большимъ рвеніемъ возвращалась къ старому порядку. Ее оскорбляла призрачная независимость Бразиліи, она боялась, что жертва можетъ ускользнуть изъ ея рукъ и потому рѣшилась эксплуатировать колонію, какъ эксплуатировала ее въ прежнія времена. Представленія стараго дон-Иоанна не послужили ни къ чему, лиссабонскіе кортесы захотѣли поставить на своемъ и, не взирая на жалобы Бразиліи, не пугаясь ея угрозъ отдѣлиться отъ метрополіи, если послѣдняя будетъ продолжать свои штуки,—не взирая на все это, кортесы продолжали свое дѣло. Они въ своихъ притѣсненіяхъ перепли наконецъ границу и приказали принцу донъ-Педро возвратиться въ Лиссабонъ. Это было слишкомъ даже для донъ-Педро, и онъ, принимая депутатовъ изъ Лиссабона, привезшихъ приказаніе кортесовъ, вытащилъ изъ ноженъ свою шпагу и закричалъ: „независимость, или смерть!“ И вотъ какимъ образомъ Бразилія во вто-

рой разъ устроилась по инициативѣ сверху, лучше сказать, вслѣдствіе согласія регента съ большими собственниками, руководителями всей страны.

Когда послѣднія войска Португаліи, запертыя въ Багіа, принуждены были сдаться, когда морская дивизія, везшая изъ Португаліи солдатъ подъ командою генерала Мадейры была разбита и преслѣдуема инсургентами до самаго устья Таго, — тогда донъ Педро, носившій до сихъ поръ скромный титулъ вѣчнаго защитника Бразиліи, — былъ провозглашенъ 12 октября конституціоннымъ императоромъ. Миръ между метрополіей и ея взбунтовавшейся дочерью и признаніе Португаліей независимости Бразиліи совершились чрезъ три года — 29 августа 1825 года при посредствѣ лорда Каннинга и старика дона-Іоанна.

Провозглашенный императоромъ, донъ-Педро I началъ съ того, что распустилъ національный конгрессъ, вручившій ему власть, затѣмъ издалъ отъ своего собственнаго имени конституцію, которая не лучше и не хуже всѣхъ существующихъ конституцій. Но тутъ онъ возбудилъ противъ себя партію крупныхъ собственниковъ, разошедшихся съ нимъ въ главномъ убѣжденіи: императоръ, понятно, стоялъ за единство управленія и централизацію; оппозирующая ему партія за федерацію и децентрализацію. Съ этой поры въ Бразиліи, какъ и въ Австріи, началась вѣчная борьба между системами унитарной и федералистской. Всѣ олигархи, всѣ крупные земельные собственники всегда фатально привязываются къ идеалу средневѣковаго феодализма. Зависть сельскихъ собственниковъ къ придворнымъ сенъорамъ побудила ихъ вступить въ союзъ съ горожанами городовъ Багіа и Пернамбуко, въ свою очередь, завидовавшимъ жителямъ столицы. Люди самые либеральныя и крайніе реакціонеры дѣйствовали въ полномъ согласіи, составляя оппозицію Ріо-Жанейро. Эта оппозиція вполне естественна, если принять во вниманіе то обстоятельство, что сношенія между этими крайними пунктами имперіи такъ же затруднительны, какъ въ прежнія времена были затруднительны сношенія между Ріо и Лиссабономъ. Поэтому неудивительно, что провинціальныя собранія этихъ отдален-

ныхъ провинцій всегда лелѣяли мысль составить изъ себя отдѣльные государства. Бразилія стремится и всегда стремилась къ тому, чтобы устроить у себя федерацію штатовъ съ центральнымъ правительствомъ для всего союза. Сколько можно судить по нескончаемымъ преніямъ по этому предмету, и привнимая во вниманіе географическое положеніе страны можно безошибочно сказать, что если состоится федерація, то союзъ распадется на двѣ главныя группы: въ одну отойдутъ провинціи, занимающія бассейны Амазонской рѣки, а въ другую области, расположенныя въ атлантскомъ бассейнѣ. Но такое устройство возможно только при республиканскомъ образѣ правленія. До сихъ же поръ всѣ попытки къ децентрализаціи постоянно сурово отвергались центральной властью. Крупные рабовладѣльцы, теоретически убѣжденные въ необходимости для Бразиліи сильной центральной власти, которая бы могла поддержать институцію рабства, тѣмъ не менѣе понимали, что ихъ собственные доходы могли увеличиться только при федеративномъ устройствѣ, при развитіи мѣстнаго самоуправленія. Такимъ образомъ, находясь между теоріей и практикой, они дѣйствовали полумѣрами: федералистскимъ попыткамъ оказывали поддержку только вполонину, но и центральной власти они помогали неискренно, стараясь, гдѣ можно ставить ей преграды. Они боялись, что устроившись на японскій манеръ, упрочивъ власть полунезависимыхъ даймюсовъ, они не въ состояніи будутъ сильной рукой подавить возмущеніе рабовъ, которое необходимо должно обнаружиться рано или поздно. Къ тому же устройство нѣсколькихъ желѣзныхъ дорогъ, пароходовъ и телеграфныхъ линій уже уменьшило огромныя разстоянія и облегчило сношенія, такимъ образомъ отчасти устранилась одна изъ причинъ, побуждавшая ихъ искать спасенія въ федераціи. На время опять усилилась центральная власть, но что будетъ далѣе, мы не беремъ на себя труда предгадывать. Мы желали только заявить о разложеніи, которому подвержена бразильская монархія, и о вѣроятности паденія ея въ ближайшемъ будущемъ.

Императоръ Педро, самъ авторъ объявленной имъ конституціи.

безпрерывно нарушалъ ее. Педро, какъ мы уже замѣтили, никогда не симпатизировалъ учрежденію кортесовъ; онъ находилъ, что народъ слишкомъ развивается, а рабовладѣльцы слишкомъ либеральны. Революціонная горячка 1830 года перешла за Атлантическій океанъ, и вслѣдъ за прокламаціей императора, которую сравнивали съ прокламаціей Карла X, обнаружилось возстаніе. Къ императору была послана депутація съ требованіемъ увольненія министровъ. 7 апрѣля 1831 года Педро отвѣчалъ отреченіемъ отъ престола и, сѣвъ на англійскій корабль, возвратился въ Португалію, гдѣ, въ союзѣ съ либералами противъ претендента дома Мигуэля, возложилъ португальскую корону на голову любимой дочери своей донны-Маріи да Глоріа. Вслѣдствіе отреченія Педро, на престолъ былъ возведенъ мальчуганъ, недостигшій еще шести лѣтъ, — онъ родился 2 декабря 1826 года — Педро II. На время его малолѣтства кортесы назначили регента, избраннаго на четыре года. Выборъ палъ на достопочтеннаго отца Фейо; избранный регентъ возбудилъ противъ себя оппозицію и на трибунѣ, и въ печати, и ранѣе окончанія второго четырехлѣтія, въ 1837 году, вынужденъ былъ выйти въ отставку. Смѣнившій его, знаменитый маркизъ де-Олинда былъ счастливъ не болѣе своего предшественника; въ Пара и Рио-Гранде произошло возмущеніе противъ центральной власти, и побѣдоносные федералисты успѣли освободить императора отъ опеки, хотя по закону ему слѣдовало еще три года считаться несовершеннолѣтнимъ. Пятнадцатилѣтній юноша былъ коронованъ въ іюль 1841 года, и либеральные федералисты признали своимъ предводителемъ естественнаго своего противника, императора по необходимости унитарія, и защитника сильной центральной власти. Два года спустя, молодой Педро II женился на дочери неаполитанскаго бурбона, короля Франциска I, и имѣетъ отъ нея дочь, родившуюся въ 1840 году и вышедшую замужъ въ 1864 году за младшаго изъ французскихъ орлеановъ, графа д'Э, внука Людовика-Филиппа.

III.

Всѣ политическіе вопросы въ Бразиліи имѣютъ своей точкой отправленія великій социальный вопросъ объ уничтоженіи или удержаніи рабства, какъ основного учрежденія имперіи. Этотъ же послѣдній, въ свою очередь, неразрывно связанъ съ вопросомъ о ясахъ.

Когда Кабраль высадился на берега Бразиліи, онъ нашелъ ее населенною двумя индѣйскими націями: тупи и тапуяа. Первая, повидимому, болѣе развѣтая произошла изъ обширной расы гуарани, населявшей равнины воднаго бассейна Ла-Платы. Единственныхъ представителей этой расы можно встрѣтить теперь только въ двухъ мѣстностяхъ Бразиліи: въ Бугресъ-де-Сао-Паоло и въ Санта-Катарина. Тапуяа, по всей вѣроятности, были коренными жителями амазонской долины; ихъ представители сохранились теперь въ провинціи Минось Жераесъ и извѣстны подъ именемъ Ботоколдесовъ; типъ ихъ монгольской; названіе же свое они получили отъ деревяннаго гвоздя, который втыкаютъ себѣ въ губу. Эти народы, раздѣленные болѣе чѣмъ на сто племенъ въ то время, какъ явились къ нимъ первые португальцы съ крестомъ, мечомъ и вишьлицей, — считаютъ теперь въ своемъ составѣ лишь нѣсколько тысячъ слабыхъ хилыхъ индивидуумовъ, удаляющихся все глубже и глубже во внутрь дѣвственныхъ лѣсовъ и, въ свою очередь, отгоняющихъ передъ собой ягуаровъ, которые бѣгутъ отъ ружья охотника и топора дровосѣка.

Индѣйцы раздѣляются на два рѣзко-отличающихся одинъ отъ другого класса: на браво и на манзо, иначе сказать на злыхъ и на добрыхъ. Первые живутъ охотой, какъ пантеры, и рыбной ловлей, какъ кайманы. Это — совершенно дикія животныя, первобытные люди, которые скорѣе умрутъ, чѣмъ покорятся обычаямъ и требованіямъ современной жизни, для нихъ совершенно непонятной. Они рѣшились лучше погибнуть, чѣмъ заставить себя понять цѣну

нашихъ денегъ, нашей науки, нашей промышленности и нашей религіи.

Добрыя индѣйцы еще слабѣе злыхъ въ физическомъ отношеніи, но болѣе развиты въ умственномъ. Они живутъ на опушкѣ лѣсовъ и вступаютъ въ сношенія съ бѣлыми. Они также день за день погибаютъ. Они принимаютъ крещеніе, но ихъ христіанство — это смѣсь самыхъ странныхъ предразсудковъ; изъ нашей цивилизаціи они взяли только водку, нѣкоторые пороки и присоединили къ своимъ туземнымъ нѣсколько новыхъ, уже чисто нашихъ болѣзней. Главнѣйшій ихъ порокъ — безпечность и безпробудная лѣность. Всѣ ли индѣйцы, какъ добрыя, такъ и злыя, погибнуть, или нѣкоторые изъ нихъ спасутся и раса ихъ будетъ существовать еще долго, — несомнѣнно только то, что какаѣ бы судьба ни предстояла Бразиліи въ будущемъ, она никогда не можетъ рассчитывать на какой бы то ни было трудъ туземцевъ, и что задачи о продовольствіи населенія и вопросъ о матеріальномъ существованіи будутъ разрѣшены безъ всякаго содѣйствія индѣйцевъ.

Кромѣ людей красной расы, въ Бразиліи живутъ еще черныя и бѣлыя. Самая большая пропорція населенія приходится на помѣси между различными расами и надобно быть истымъ бразильцемъ, чтобы умѣть отличить сразу принадлежность индивидуума къ одной изъ трехъ главнѣйшихъ разновидностей помѣси: *кабоколо*, *мамеллоуко* и *мулаты*. Кабоколо происходятъ отъ помѣси красной съ черной расой; отецъ кабоколо обыкновенно черный, такъ какъ индѣецъ слишкомъ тщеславится своей мѣдноцвѣтной фізіономіей, чтобы могъ унизить себя связью съ чернокожей. На оборотъ индѣецъ охотно вступаетъ въ сношенія съ неграми, которые извѣстны какъ отличныя самцы. Вообще кабоколо, по большей части, принимаютъ обычаи матери и ведутъ жизнь очень близко подходящую къ манзо. Въ городахъ ихъ всегда можно встрѣтить въ сосѣдствѣ кабака; если они и берутся за какую нибудь работу, то непременно за самую легкую и никто не посмѣетъ упрекнуть ихъ, что они въ самыхъ критическихъ обстоятельствахъ принуждаютъ себя взяться за трудъ утомительный и продолжительный.

Кажется, что отъ отца и матери они получили двойное наследство: индѣйскую безпечность, дополненную лѣнностью негра. Каболо рѣшается взяться за работу только тогда, какъ его внутренности переворачиваются отъ голода. Сент-Илеръ рассказываетъ, что, проѣзжая черезъ городъ Сент-Поль, онъ встрѣтилъ крайнюю необходимость въ сундукѣ. Всѣ рабочіе до одного отказались взять работу; путешественникъ увидѣлъ себя въ весьма незавидномъ положеніи, но губернаторъ, узнавъ объ этомъ, послалъ къ одному столяру солдата и приказалъ ему до тѣхъ поръ не вкладывать шагу въ ножны, пока столяръ не окончитъ сундука. Это средство оказалось дѣйствительнымъ. Хорошо, что вступился губернаторъ, а то обыкновенно горожанинъ, имѣющій надобность, напримѣръ, въ обуви, заказываетъ ее всѣмъ городскимъ башмачникамъ разомъ, въ надеждѣ, что которому нибудь изъ нихъ авось придется безвыходная нужда работать и онъ исполнитъ заказъ. Выходитъ, что и каболо неспособны вывести въ Бразиліи трудъ на торковую дорогу.

Мамелоуко чрезвычайно странныя существа; они происходятъ отъ первыхъ европейскихъ завоевателей, которые, уничтоживъ воиновъ пустыни, взяли себѣ ихъ женъ и дочерей. Мамелоуко занимаютъ обширную территорію въ лаплатской долинѣ, отъ устья Ла-Платы до границы внутреннихъ дремучихъ лѣсовъ. Полудикіе, истинные пентавры, извѣстные подъ именемъ гаучо, они проводятъ всю свою жизнь верхомъ на конѣ, гоняясь за дикими животными, которыхъ ловятъ своимъ ужаснымъ ласо. Они обладаютъ страшною мускульной силой; кто изъ нихъ не можетъ уже заниматься охотой, тотъ дѣлается пастухомъ громадныхъ стадъ быковъ, которыхъ въ опредѣленные времена они гоняютъ на скотобойни въ города, расположенные по Ла-Платѣ или по морскому берегу. Мамелоуко населяютъ по преимуществу страны, лежація южнѣе Бразиліи, а въ самой Бразиліи ихъ немного.

Происхожденіе мулатовъ слишкомъ извѣстно, чтобы стоило упоминать о немъ. Бѣлые не чувствуютъ такого отвращенія къ негрятянкѣ, какое выказываютъ индѣйцы, и въ Бразиліи едва ли суще-

ствуешь хоть одинъ бѣлый мужчина, который не имѣлъ бы супружескихъ сношеній съ негритянкой или мулаткой. Отъ этого-то скрещиванія бѣлой и черной расы между собою и зависитъ будущность страны. Бразильскій климатъ вполне благопріятенъ для мулатовъ: они высокорослы, пользуются отличнымъ здоровьемъ, сильны и смыслены. Такъ какъ негры въселяли всюду, и на морскомъ берегу, и внутри страны, то и мулаты распространились какъ въ городахъ, такъ и въ селахъ. Но несмотря на ихъ сильное и здоровое сложеніе, мулаты чувствуютъ отвращеніе къ работѣ. Они глубоко ненавидятъ всякій матеріальный трудъ, и эта ненависть перешла къ нимъ отъ ихъ матери-рабыни. Освобожденный мулатъ скорѣе возьметъ на себя должность смотрителя надъ рабами и станетъ надѣлать кнутомъ своихъ братьевъ, кузеновъ, сестеръ, дядей, тетокъ, чѣмъ примется за какую нибудь полезную работу. Если онъ дѣлается иногда ремесленникомъ, то только вслѣдствіе крайней необходимости, безысходной нужды; тогда онъ беретъ на себя обязанности повара, музыканта, ходатая по дѣламъ, лакея, состоящаго въ особомъ довѣрїи у барина, конюха, но съ особеннымъ наслажденіемъ онъ беретъ за ремесло лошадиного барышника. Мулатъ, — самое тщеславное существо въ мірѣ; его величайшее счастье — играть роль джентльмена, кавалера, паладина, большого барина. Какъ и его кузень, мамелоуко, онъ чувствуетъ влеченіе, родъ недуга, во всему, что носитъ названіе лошади, мула, лошака.

Раса мулатовъ, рано или поздно, непременно сдѣлается преобладающей въ Бразилїи. Мы видѣли, что можеть ожидать отъ нихъ страна. Слѣды великаго преступленія, рабства, стираются до безконечности медленно: они глубоко засѣдаютъ въ умственномъ и нравственномъ организмѣ народовъ, родившихся подъ вліяніемъ этой соціальной язвы; должно пройти много поколѣній, пока нація будетъ въ силѣ сбросить ихъ. Раса мулатовъ, несмотря на многія хорошія качества, которыми она богато одарена, долго будетъ не въ состояніи пользоваться полной и сознательной свободой; долго она не сроднится съ закономъ труда. — закономъ новаго времени и труда свободнаго и прїятнаго.

Если сосчитать громадные массы негровъ, ввезенныхъ въ Бразилію втеченіе только одного столѣтія, можно подумать, что эта страна населена исключительно черной расой. Когда процвѣтала торговля невольниками, поставщики человѣчьяго мяса выгружали въ портахъ имперіи ежегодно по сту тысячъ этихъ несчастныхъ. Но они быстро исчезали, погибая отъ печали, отъ холеры, отъ кнута, отъ усталости и даже отъ дурной пищи. Женщинъ привозили въ несравненно меньшемъ количествѣ, чѣмъ мужчинъ, и потому дѣтей рождалось мало; плантатору было гораздо выгоднѣе похищать въ Африкѣ взрослыхъ здоровыхъ мужчинъ, поступавшихъ прямо на работу, чѣмъ выкармливать негрятенковъ.

Плантаторы пришли въ отчаяніе, когда узнали, что Англія серьезно желаетъ уничтожить торговлю невольниками. Между лондонскимъ и ріо-жанейрскимъ правительствами начался обмѣнъ ѣдкихъ нотъ и возгорѣлась распря, окончившаяся трактатомъ, заключеннымъ при посредничествѣ Леопольда I бельгійскаго. Бразилія живетъ рабствомъ, а рабство живетъ только невольничьей торговлей — понятно ея упорство и горесть, когда пришлось присоединиться къ трактату, уничтожающему торговлю. Людоѣда разбираетъ голодь, онъ чувствуетъ запахъ свѣжаго мяса, но подлѣ стоитъ великанъ — Великобританія, грозящій переломать всѣ кости дерзкому людоѣду, если онъ осмѣлится коснуться этой черной дичи высокой цѣны, призывающей къ себѣ запахомъ *катинна* *). слышнымъ изъ-за атлантическаго океана.

Когда началась франко-итальянская война противъ Австріи, — война, на которую, какъ извѣстно, посматривалъ косо лордъ Пальмерстонъ, — Бразилія почувствовала приливъ необычнаго восторга; всѣ крупныя рабовладѣльцы забили въ ладоши, имъ чудились уже битвы между флотами Англии и Франціи, свободное отъ надзора море и по немъ на просторѣ гуляютъ корабли, принадлежа-

*) Когда путешественникъ высаживается въ Багіа или Пернамбуко, его обонятельные органы поражаются особеннымъ, довольно непріятнымъ запахомъ, въ которомъ онъ не можетъ отдать себѣ отчета, пока туземцы не объяснятъ ему, что этотъ запахъ исходитъ отъ негра.

щіе негроторговцамъ Ричмонда, Нью-Йорка, Кубы, Балтиморы и Барселоны, и корабли эти нагружены челоувѣчьимъ мясомъ; надежды такъ разыгрались, что цѣна невольниковъ даже временно понизилась на значительную цифру. Италіянскіе патріоты и европейскіе революціонеры менѣе были оглушены виллафранкскимъ миромъ, чѣмъ бѣдныя фазендеросы. Понятно также ихъ отчаяніе, когда до нихъ дошло извѣстіе о паденіи рабовладѣльческихъ штатовъ, о совершенномъ пораженіи Джеферсона Девиса. Но ихъ ожидало еще новое горе: неожиданный и нежеланный ими исходъ мексиканской экспедиціи, затѣянной Морья и Наполеономъ III. Послѣ этого удара имъ трудно на что нибудь надѣяться. Но ихъ нужны рабы, надо отыскать средство доставлять ихъ какимъ бы то ни было образомъ — въ этомъ и заключается вся ихъ забота, этияжъ постоянно заняты ихъ смущенные умы.

Невозможность пріобрѣтать новыхъ невольниковъ изъ Африки побудила Бразилію подумать, нельзя ли замѣнить ихъ бѣлыми работниками, т. е. развить колонизацію изъ Европы. Въ эту сторону направлялись всѣ усилія рабовладѣльческаго правительства при каждомъ новомъ ударѣ, поражающемъ основное учрежденіе страны. Но колонизація не даетъ тѣхъ блистательныхъ результатовъ, какіе ожидалась бразильскимъ правительствомъ; вмѣсто ста тысячъ скованныхъ невольниковъ въ страну прибываетъ ежегодно менѣе 25 тысячъ свободныхъ эмигрантовъ. И эти эмигранты, по большей части, селятся лишь на нѣсколько лѣтъ и одни изъ нихъ умираютъ отъ туземныхъ болѣзней, другіе уѣзжаютъ обратно на родину; уѣзжаютъ въ особенности тѣ, кому удалось обогатиться; преимущественно торговля даетъ здѣсь непохѣрные барыши; за европейскіе товары можно взять всегда 5, 10, иногда даже въ 20 разъ болѣе, если ловкій торговецъ станетъ перевозить ихъ изъ одной плантаціи въ другую. Бывали примѣры, что разнозчики товаровъ въ нѣсколько лѣтъ торговли наживали сотни тысячъ рублей.

Въ одно время съ учеными и артистами изъ Парижа, донъ-Іоаннъ пригласилъ въ Бразилію швейцарцевъ. Втеченіе восьми

дѣтъ съ 1816—1824 годъ на приглашеніе отозвались сто шестьдесятъ семействъ; они основали не вдалекѣ отъ столицы колонію Ново-Фрибурго. Это была первая колонія, недавшая, впрочемъ, никакихъ хорошихъ результатовъ. Затѣмъ донъ-Педро I въ провинціи Ріо-Гранде положилъ основаніе другой швейцарской колоніи Санъ-Леопольдо, нынче процвѣтающей лучше всѣхъ другихъ колоній; она лежитъ въ болѣе умѣренной по климату и здоровой мѣстности; жителей въ ней 1,500.

Въ 1843 году нынѣ-царствующій императоръ захотѣлъ тоже имѣть свою колонію; среди гранитныхъ горъ, окружающихъ Ріо-Жанейро, онъ основалъ колонію Петрополисъ, но получилъ такой же отрицательный результатъ, какой дала колонія Ново-Фрибурго. Все шло хорошо, пока эмигранты содержались на счетъ правительства, получая опредѣленную плату за работы по проведенію дорогъ. Но когда дороги были отырыты и пришлось возвратиться по домамъ, чтобы заняться хлѣбопашествомъ, колонисты одиѣ за другимъ, въ качествѣ землекоповъ, разсѣялись по всей странѣ и колонія опустѣла, оставшись почти совсѣмъ безъ жителей.

Кромѣ Санъ-Леопольдо, нѣкоторая степень процвѣтанія выпала на долю колоніи Дона-Франциска, основанной на земляхъ, полученныхъ въ приданое жуанвильскою принцессою; эта колонія устроена подъ руководствомъ французовъ и населена нѣмцами. Всѣ же другія попытки основанія колоній дали жалкіе результаты. Безсовѣстные спекуляторы, по мѣстной терминологіи мукурн, блестящими обѣщаніями заманивали несчастныхъ людей и предавали ихъ на жертву голода и желтой лихорадки. Извѣстно, какъ бѣдныхъ нѣмцевъ хитростью заводили внутрь страны, какъ они тамъ голодали, а потомъ ихъ просто, подъ видомъ найма, продавали какъ рабовъ.

Великая ошибка системы колонизаціи, которой слѣдовали до сихъ поръ въ Бразиліи, заключалась въ томъ, что колонистовъ принимали не какъ фермеровъ, а какъ прѣстныхъ рабочихъ. Крупные собственники, стоящіе во главѣ колонизаціонныхъ компаній, приглашали бѣлыхъ рабочихъ съ единственною цѣлю замѣнить

ими постоянно-возрастающій недостатокъ въ рабахъ-неграхъ, и потому считали возможнымъ обращаться съ этими свободными людьми такъ же возмутительно, какъ они обращались съ невольниками. Естественнымъ результатомъ такого порядка являлось отвращеніе, которое европейскіе рабочіе вскорѣ начинали чувствовать къ работѣ въ парсеріяхъ. Они совершенно правильно рассуждали, что не стоило разставаться съ семействомъ, съ отечествомъ, съ національными учрежденіями только для того, чтобы, проѣхавъ нѣсколько тысячъ миль, отдать себя на эксплуатацію какого-то крупнаго собственника, говорящаго на иностранномъ языкѣ. Когда человекъ расходуетъ большой запасъ силъ и энергіи, рѣшаясь переселиться въ чужую землю, онъ имѣетъ право ожидать, что его трудъ будетъ вознаграждаться, что онъ будетъ пользоваться свободой, независимостію, нѣкоторымъ довольствомъ и, по крайней мѣрѣ, будетъ владѣть землей, которую онъ обрабатываетъ.

О пограничныхъ военныхъ колоніяхъ, о колоніяхъ религиозныхъ, основанныхъ іезуитами съ цѣлью просвѣщенія индѣйцевъ — говорить не стоитъ, они не могутъ дать никакого хорошаго результата. Но плачевнѣе всего вышло дѣло съ колоніями китайцевъ; несчастные азіатцы, испробовавъ работу въ рудахъ или на плантаціяхъ, въ большинствѣ случаевъ кончали самоубійствомъ: они вѣшали одинъ за другимъ и актомъ своей смерти думали досадить своимъ новымъ господамъ.

Послѣдній фактъ, кладущій рѣшительное обвиненіе на систему нынѣшней колонизаціи въ Бразиліи — это результаты, какіе она дала. Бразильская официальная статистика говоритъ намъ, что въ Бразилію ежегодно прибываетъ отъ 20 до 25 тысячъ эмигрантовъ изъ Европы, но она же сообщаетъ намъ, что всѣхъ европейцевъ въ имперіи живетъ только 75 тысячъ. Выходитъ, что эмигранты приходятъ въ Бразилію только за тѣмъ, чтобы опять поскорѣе выбраться изъ нея, проживъ въ ней никакъ не болѣе трехъ лѣтъ, ибо мы не можемъ брать въ расчетъ тѣхъ, которые избрали мѣстомъ своего постоянного жительства кладбище въ Рио-Жанейро, которое

по всей справедливости можетъ быть названо *садомъ акклиматизации* бѣдныхъ европейцевъ.

IV.

Пока Бразилія не населится расой, способной переносить климатъ страны; пока мулаты не завоюютъ первенства, имъ принадлежащаго по праву, и не учредятъ правительственную форму согласно своимъ вкусамъ и нуждамъ—форму, какъ можно предполагать республикано-федеративную. — до тѣхъ поръ Бразилія будетъ географическимъ выраженіемъ социальнаго и бессмысленно-политическаго преступленія. Не забудемъ, что истинное имя Бразиліи—рабство. Отъ рабства она требуетъ продуктовъ для своего существованія, но количество пищи, которое она получаетъ, уменьшается съ каждымъ днемъ, а запросъ на нее остается тотъ же. Свободный же трудъ не хочетъ и не можетъ акклиматизироваться въ Бразиліи. Страна, гдѣ трудъ обезпеченъ институціей рабства, гдѣ онъ поставленъ на самую низкую степень презрѣннѣйшей фазендейро,—такая страна не можетъ быть мѣстомъ дѣйствія для свободного рабочаго, и онъ или возвращается въ Европу, или переселится въ сосѣднія молодыя гостепріимныя республики, лежащія по р. Ла-Платъ, или же въ Соединенные штаты.

Но если рабство должно принести гибель Бразиліи, почему не избавиться отъ него, какъ можно скорѣе? Такой вопросъ задаютъ филантропы, въ родѣ добродѣтельнаго Лабулэ и либеральнаго католика г. Коклена, подававшаго петиціи его бразильскому величеству и представлявшаго адресъ папѣ, въ которомъ умолялъ его святѣйшество воспретить архіепископамъ, епископамъ и монахамъ всѣхъ орденовъ покупку и продажу невольниковъ. Эти филантропы, опираясь на цифры, доказывали, что Бразилія сдѣлаетъ величайшую глупость, если не претворится въ аболіціониста и въ послѣдователя принципа свободного обмѣна. Они, безъ сомнѣнія, воображаютъ, что послѣ извѣстнаго числа статистическихъ запи-

сокъ, представленныхъ въ торгвыя палаты, послѣ известнаго числа почтительныхъ петицій, поданныхъ кортесамъ, — чудовище-рабство прекратить свое существованіе.

Нѣтъ сомнѣнія, что правильно-понятый интересъ слишкомъ достаточенъ, чтобы побудить разумныхъ бразильцевъ на немедленное уничтоженіе омерзительнаго учрежденія рабства. Но разумные во всѣхъ странахъ міра находятся въ слабomъ меньшинствѣ. Большинство же всегда слѣпо и даже жестоко по своей натурѣ; менѣе всего оно способно понимать тогда, когда потребуются отъ него нѣкоторыя пожертвованія.

Однакожь жертвы эти не будутъ слишкомъ громадны. Въ Бразиліи всѣхъ невольниковъ считаютъ 1.700,000; самая большая торговая цѣна ихъ не превышаетъ 1,000 руб. за голову; такимъ образомъ составитъ сумма въ 1,700 милліоновъ рублей, которую придется заплатить собственникамъ, если захотятъ разомъ развязаться съ безчестнымъ учрежденіемъ; эту сумму, записанную на счетъ бразильскаго долга, дадутъ займы другія націи въ два-три года, если бразильцы обратятся съ воззваніемъ ко всѣмъ народамъ, своимъ братьямъ, умоляя ихъ оказать помощь въ такомъ гуманномъ дѣлѣ. Но такому блестящему выходу изъ затруднительнаго положенія, правительство дона-Педро предпочло случайности отдаленной экспедиціи, которая стоитъ ему непоимѣрныхъ суммъ. По мартъ 1866 года на эту войну было истрачено около 80 милліоновъ рублей, съ тѣхъ поръ ежемѣсячный расходъ на военныя потребности опредѣляется въ 10 милліоновъ рублей; если даже принять, что эти цифры вполнѣ вѣрны, а не уменьшены, какъ есть нѣкоторое основаніе предполагать, то до сихъ поръ на эту несчастную парагвайскую войну уже израсходовано до 500 милліоновъ рублей, не считая потери болѣе ста тысячъ людей. Эта война не дала еще никакого положительнаго результата, а число людей, убѣжденныхъ, что она станетъ гибелью для Бразиліи, увеличивается съ каждымъ днемъ. Если смотрѣть съ финансовой точки зрѣнія, филантропы правы; Бразилія произвела бы гораздо выгоднѣйшую операцію, еслибъ избавилась отъ рабства, даже цѣною 1,700 милліоновъ рублей, и

тогда не имѣла бы никакой побудительной причины вмѣшиваться въ парагайскую войну.

Подобное же сочетаніе идей породило проэктъ, бывшій предметомъ продолжительныхъ преній въ кортесахъ; по этому проэкту требовалось назначить годъ, положимъ 1871, начиная съ котораго всѣ родившіеся отъ рабовъ, считаются свободными, состоящіе же до этого времени въ рабствѣ будутъ доживать свой вѣкъ рабами. Но послѣ страстныхъ и горячихъ преній государственный совѣтъ отказалъ въ своей санціи этому проэкту, по которому совершенное уничтоженіе рабства совершилось бы только въ началѣ двадцатаго столѣтія. Причины, которыми члены совѣта формулировали свой отказъ, доказываютъ высочайшую степень ихъ ханжества и лицемерія и достойны быть сохраненными исторіею. „Мы не можемъ, говорили эти чувствительные государственные люди, — мы не можемъ объявить свободными дѣтей, ибо, освободивъ ихъ, не освобождая родителей, мы устанавливаемъ различіе касты между отцами и сыновьями, между матерями и дочерьми; мы совершаемъ актъ, противный законамъ семьи, природы и нравственности“. Не показываетъ ли этотъ фактъ, что руководители Бразиліи страдаютъ маніей удержанія рабства, во что бы то ни стало. Нѣсколько лѣтъ къ ряду они кричали на всѣ голоса, что готовы употребить всѣ усилія, чтобы избавить страну отъ позора, гнетащаго ее, а какъ пришло время дѣйствовать, эти законодатели и крупные собственники заголосили: „если вы уничтожите рабство, вмѣстѣ съ тѣмъ вы уничтожите имперію, уничтожите Бразилію!“

Да, вы правы, народится новая Бразилія, а теперешняя исчезнетъ. Рабство—этотъ солитеръ, поселившійся въ ея чревѣ — для нея болѣзнь смертельная. Посмотрите, чѣмъ занимается она, эта старая Бразилія, что составляетъ главнѣйшій предметъ ея дипломатіи. Рабство, непремѣнное удержаніе рабства, какъ основнаго учрежденія, — одно оно, и только оно.

Съ цѣлью поддержать это драгоценное учрежденіе, имперія рѣшилась вмѣшаться въ войну. Свободный трудъ лаплатскихъ республикъ слишкомъ опасный конкурентъ для рабскаго труда бразиль-

ской имперіи, передъ которымъ она должна признать себя побѣжденной. Республики отняли у нея мало-по-малу европейскихъ эмигрантовъ, торговлю, капиталы, промышленность. Между республиками и имперіей эта война — вопросъ о жизни и смерти. Если свобода лаплатскихъ республикъ не убьетъ на смерть рабство бразильской имперіи, тогда бразильское рабство нанесетъ смертельный ударъ свободѣ республикъ. Вотъ почему Бразилія рѣшилась на войну съ свободными государствами южной Америки; по этой же самой причинѣ Джеферсонъ Девисъ увидѣлъ себя въ необходимости рѣшиться на борьбу съ свободными штатами Сѣверо-американской республики.

Вовсе не ради политическаго каприза, не ради воинственной фантазіи, Бразилія бросилась въ войну съ Парагваемъ и утопила въ болотахъ Параны и Парагвая свои сокровища и свои арміи, втеченіе четырехъ лѣтъ непрерывно посылая новыя войска на гибель. Употребивъ вначалѣ въ дѣло однихъ солдатъ, она нашлась вынужденной въ подкрѣпленіе послать національную гвардію, но и этого оказалось мало; она произвела насильный рекрутскій наборъ и отправила на поле битвы своихъ жандармовъ, которые дѣлаютъ ночныя нападенія на плантаціи и деревни, уводятъ людей и отправляютъ ихъ за тысячи миль отъ родины, заставляя нести военную службу въ лѣсахъ чужой страны. Страна отягчена страшными налогами, государство можетъ существовать, только выпуская бумажныя деньги, а война все продолжается. Со стороны Бразиліи она ведется съ непостижимымъ упорствомъ, въ особенности если принять во вниманіе, что дѣло идетъ вовсе не о военной славѣ, не о желаніи присоединить къ своимъ сотнямъ тысячъ нѣсколько десятковъ квадратныхъ миль пространства. Она ведется такъ по фатальной необходимости; борясь за свое существованіе, Бразилія должна во что бы то ни стало остаться побѣдительницей. Она вынуждена бѣжать сама отъ себя, демонъ рабства бросаетъ ее за ея предѣлы.

Рабская имперія оправдываетъ себя необходимостію, — признаемъ правильнымъ ея оправданіе, а потому, что она вынуждена совер-

шать преступленія, мы ее осудимъ, но съ спокойствіемъ, безъ гнѣва и злобы. Она говоритъ намъ: „я голодна, у меня солитеръ, онъ тоже проситъ ѣсть; мнѣ нужно жить; но чтобы я могла жить, я должна съѣдать другихъ; сначала я съѣмъ Парагвай, за нимъ Уругвай, а въ заключеніе посмакую Буэносъ-Айресъ и всю Аргентинскую конфедерацію. Только тогда я буду вполне сыта и довольна“.

— „Мнѣ нужно жить“, — говоришь ты мрачная имперія. Я не вижу въ этомъ необходимости. Если для того чтобы жить, нужно ѣсть другихъ, тогда лучше умереть. Новѣйшія націи не поѣдаютъ одна другую; имъ нѣтъ нужды быть антропофагами, какъ это было въ старину; имъ нѣтъ нужды питаться человѣчьимъ мясомъ, они насыщаются тѣми продуктами, которые сами обработали. Они живутъ плодами своего труда, своихъ знаній и своей промышленности; они живутъ свободой. Что же касается Бразиліи съ ея старой политикой прошедшихъ времянь, съ ея рабствомъ, — на картѣ земного шара она представляется намъ обширнымъ деспотическимъ конгломератомъ на манеръ древнихъ монархій: мидійской, ассирійской или персидской. Она похожа на огромную ящерицу ископаемыхъ времянь, ея тѣло возвышается надъ болотами необозримой амазонской долины. Ея громадный круглый глазъ похожъ на блестящее отполированное бронзовое колесо. Она жадно пожираетъ несчастныя жертвы, ее окружающія, но оно страдаетъ, бѣдное чудовище: оно пыхтитъ, бока его вздымаются, алчнымъ брюхомъ своимъ оно вырыло колею въ грязи, въ которой лежитъ; оно голодно, отвратительное несчастное пресмыкающееся, оно задыхается. Этотъ остатокъ прошедшей фауны бьется въ атмосферѣ слишкомъ чистой для него; ему нуженъ воздухъ времянь давно-минувшихъ, когда онъ былъ бѣднымъ кислородомъ и богаче углекислотой. Умирай же, бѣдное чудовище, посмотри въ послѣдній разъ на наше слишкомъ голубое для тебя небо, на слишкомъ блестящее солнце, на наши слишкомъ слабыя тѣла и члены, погрузись въ послѣдній разъ въ твою родную грязь, погрузись, и не появляйся болѣе на свѣтѣ!“

PS. Мы не будемъ терять изъ вида надежду либераловъ обоихъ полушарій, блестящаго буржуазнаго героя, его высочества графа д'Э, внука Луи-Филиппа, короля Французовъ, который въ настоящее время состоитъ генералиссимусомъ соединенныхъ бразильскихъ армій въ войнѣ противъ парагвайской республики.

V.

Въ парламентарной исторіи Англіи ни одна сессія англійскаго парламента не возбуждаетъ такого сочувствія, какъ послѣдняя, чрезвычайно важная по своимъ результатамъ. Палата, избранная подъ вліяніемъ новой избирательной реформы, рѣзко отличается отъ тѣхъ палатъ, къ которымъ пріучилъ насъ старшій Пальмерстонъ, — палатъ равнодушныхъ, циническихъ, архиреакціонныхъ подъ маской либерализма. Въ то время онѣ занимались пустяжными мѣстными вопросами, наводящими скуку, разнообразія ихъ набѣгами въ дѣла чужихъ странъ: Германіи, Франціи, Японіи, Китая, Либеріи, Томбуку. Но на этотъ разъ представители въ палатѣ общинъ занимались спеціально собственными англійскими дѣлами, и не какими нибудь пустячками, а дѣлами существенными, вопросами первой важности. Слѣдуя англійской поговоркѣ: „мы хотимъ привести наше хозяйство въ порядокъ“, англійское правительство, побуждаемое Гладстономъ, при посредничествѣ Лоу, производить реформы, которыя можно назвать радикальными; въ Англіи очень довольны ими; правда, армія и флотъ ворчатъ за произведенные въ этихъ вѣдомствахъ экономіи, но это-та воркотня и показываетъ, что дѣятельность министерства и по этой части весьма благотворна. Министерство Гладстона обѣщало на послѣднихъ выборахъ вести дѣла шибко; оно сдержало свое обѣщаніе, и сдѣлало если не все, что было бы для насъ желательно, то, по крайней мѣрѣ, столько, сколько могло, сдѣлало все, что было въ состояніи сдѣлать. Оно рѣшилось на чрезвычайно важный шагъ: оно вонзило топоръ въ

англиканское дерево; изъ трехъ корней этого дерева оно срублено не три, какъ бы мы хотѣли, но одно, и за это мы ему признательны. Вовсе не въ нашѣмъ обычаѣ расточать деньги министрамъ, но правда выше всего, — мы довольны Брайтоу и Гладстоуномъ. Последняя реформа причинила не мало неприятностей ея авторамъ. Давъ большинство, по истинѣ изумительное, биллю, которымъ оказывалась должная справедливость Ирландіи, палата общинъ, истинная представительница мнѣнія страны, была оскорблена яростной оппозиціей лордовъ, которые большинствомъ 173 голосовъ противъ 95, рѣшились отказать въ своемъ согласіи на билль, прекращающій существованіе господствующей церкви въ Ирландіи. Извѣстіе объ этомъ произвело сильное волненіе въ умахъ; на губѣ старыхъ аристократовъ общественное мнѣніе отвѣчало еще болѣе страшнымъ гнѣвомъ. Ясно, чѣмъ когда нибудь, былъ поставленъ вопросъ: для какой надобности существуютъ *лорды*? И не одни только радикалы кричали: „слѣдуетъ покончить съ ними.“ Пресса припомнила изрѣченіе Франклина: „лучше имѣть наслѣдственныхъ математиковъ, чѣмъ наслѣдственныхъ представителей въ парламентъ, — они сдѣлаютъ меньше вреда!“ Герцоги и пэры, свѣтскіе и духовные, устрашили поднятой ими бури, которую они не въ силахъ были усмирить, и поспѣшно послали къ Гладстоу одному изъ своихъ знаменитыхъ бойцовъ, одного изъ своихъ вожаковъ, соглашающагося на реформу, и поручили ему какъ нибудь уладить дѣло. Они соглашались на принятіе закона, но, провозглашая осужденіе принципа, на основаніи котораго составленъ законъ, они ставили затрудненіе въ принятіи подробностей; рѣшались на отнятіе собственности, они торговались о вознагражденіи. Наконецъ все было улажено. Министерство согласилось прибавить бѣднымъ епископамъ 12 процентовъ противъ прежней смѣты. Необходимо сознаться, что ни министерство, ни палата лордовъ не хотѣли доводить дѣла до крайности; не хотѣла того и сама Англія, если вѣрить крикамъ радости, раздававшимся со всѣхъ сторонъ, въ обоихъ лагеряхъ и въ цѣлой странѣ, когда было объявлено, что

споръ между палатами окончился и билъ, послѣ нѣкоторыхъ уступокъ со стороны палаты общинъ, принять палатой лордовъ.

Сопротивленіе палаты лордовъ въ такомъ важномъ дѣлѣ прошло для нея безъ всякихъ худыхъ послѣдствій. Но лорды чувствуютъ, что ихъ время кончилось: за ирландскими духовными лордами очередь дойдетъ до шотландскихъ и англійскихъ, а тамъ и до свѣтскихъ...

На свое пораженіе палата лордовъ вскорѣ отвѣтила небольшой местию. Она объявила, что только-что принятый законъ, долженствующій успокоить Ирландію, повидимому, никого не успокоилъ, ибо тамъ постоянно увеличиваются аграрныя преступленія. Въ 1865 г. ихъ совершено 87, въ 1867—123, а въ 1868—160; въ четыре года они почти удвоились. Это совершенно справедливо. Но развѣ слѣды, оставленные вѣками несправедливости, можно стереть въ какой-нибудь годъ или два; они долго остаются въ памяти народовъ. Англія немного еще сдѣлала для уничтоженія слѣдовъ своего давленія, рѣшившись издать одинъ актъ справедливости. Вы были правы, г. маркизъ Кленрикардъ, сказавъ, что министерство Гладстона очень немного сдѣлало для Ирландіи, проведя законъ объ уничтоженіи тамъ господствующей церкви; дѣйствительно, остается рѣшить еще болѣе важный вопросъ—вопросъ о поземельной собственности въ Ирландіи, отнятой насильно у настоящихъ владѣльцевъ приплецами изъ чужой страны.

Что касается Франціи, то мы пока ничего не станемъ говорить о такъ называемомъ новомъ либеральномъ шествіи руз-наполеоновской политики по внутреннимъ дѣламъ; подождемъ еще нѣсколько времени. Теперь же достаточно сказать, что императоръ нездоровъ, слѣдовательно и его политика находится также въ болѣзненномъ состояніи. Когда я писалъ эти строки, греѣли пушки, возвѣщавшія, что тѣло маршала Ніаля предается землѣ, того самаго Ніаля, который вѣкогда, отъ имени принца Наполеона, передалъ его свя-

тѣйшеству папѣ Пію IX ключи отъ города Рима, взятаго штурмомъ. Маршалъ Ніаль былъ правой рукой императора по военнымъ дѣламъ, какъ Руэ былъ его лѣвой рукой по внутреннимъ. Ніаль, самый близкій совѣтникъ императора, былъ вполне военный человѣкъ; онъ долго и прилежно занимался составленіемъ плана компаніи въ Пруссію и любилъ хвастаться, что скоро со славой помѣрится съ Мольтке и Биттерфельдомъ и подобьетъ крышки побѣдителямъ при Садовой. Въ высшихъ сферахъ говорятъ *гриво*, что смерть Ніаля нисколько не уменьшаетъ шансовъ предстоящей компаніи, совершенно напротивъ, они увеличиваются. Однакожъ, друзья мира во Франціи, къ которымъ можно причислить почти всю Францію, убѣждены, что смерть военного министра рѣшительно увеличиваетъ шансы на поворотъ къ мирной политикѣ. По этому случаю припоминается легенда, весьма популярная въ Россіи, о томъ, какъ мыши kota хоронятъ; похороны kota самые торжественныя, со всѣми воинскими почестями: толпы мышей идутъ за гробомъ и радостно восклицаютъ: „О, какъ хорошо ты сдѣлалъ, что уско-коился отъ всѣхъ тревогъ; такъ будетъ лучше и для тебя и для насъ.“ Въ самомъ дѣлѣ, если смерть этого честолюбиваго человѣка остановитъ войну, если она спасетъ жизнь полутораста тысячамъ бѣдныхъ французовъ и полутораста тысячамъ бѣдныхъ нѣмцевъ, нѣтъ причины тогда особенно печалиться о смерти этого мясника.

Въ Германіи можно отмѣтить два интересныя факта, случившіяся въ послѣдніе мѣсяцы: въ одномъ изъ женскихъ монастырей Кракова была заживо погребена монахиня; въ Эйзенахъ состоялся конгрессъ рабочихъ.

Краковское происшествіе возбудило серьезное волненіе во всей Австріи; всюду слышались крики: „долой іезуитовъ!“ „Прочь конкордаты!“ Народное волненіе, которое епископы намѣревались направить противъ императора и противъ Вейста, обрушилось на

нихъ самихъ, и еслибъ Францъ-Иосифъ имѣлъ энергію и убѣжденія своего предка Иосифа II и закрылъ все женскіе монастыри, а монахинь перевезъ въ Римъ, онъ заслужилъ бы необычайное сочувствіе во всехъ своихъ подданныхъ и приобрѣлъ бы громадную популярность.

На эйзенахскомъ конгрессѣ рабочіе показали, что они составляютъ сильную корпорацію; ихъ представители были посланы отъ 250,000 рабочихъ. При такой многочисленности, какъ и слѣдовало, они раздѣлились на два большихъ лагера: лассальцевъ и гатцфельдцевъ съ одной стороны, и лассальцевъ и анти-гатцфельдцевъ съ другой. Тѣмъ не менѣе программа обѣихъ партій одна и таже и можетъ быть выражена въ такой формѣ:

- 1) Всеобщая подача голосовъ;
- 2) Участіе рабочихъ въ представительствѣ;
- 3) Уничтоженіе всехъ привилегій положенія, богатства, рожденія и религіи;
- 4) Замята постоянныхъ войскъ народной милиціей;
- 5) Отдѣленіе церкви отъ государства и школы отъ церкви;
- 6) Первоначальное обученіе обязательное и даровое;
- 7) Независимость суда, учрежденіе суда присяжныхъ и публикаваніе судебныхъ преній;
- 8) Полная и совершенная свобода прессы, также права сходокъ, собраній и ассоціацій;
- 9) Уничтоженіе всехъ косвенныхъ налоговъ и установленіе одного прямого прогрессивнаго налога.

Изъ всехъ текущихъ событій неоспоримо самое важное сообщено намъ американскими газетами; оно касается существеннѣйшаго изъ соціальныхъ вопросовъ.

Въ Мемфисѣ, въ штатѣ Тенесси, состоялось собраніе по такъ называемому вопросу о китайскихъ рабочихъ; въ этомъ собраніи

участвовали плантаторы юга и запада, старые владѣльцы негровъ. До сей поры между населеніями европейской расы не было и рѣчи о витайскихъ рабочихъ, которые были допущены къ работѣ только въ Калифорніи. Теперь же поставленъ былъ вопросъ о томъ, чтобы открыть имъ доступъ въ обширную территорію, простирающуюся во всю длину мексиканскаго залива, во всѣ штаты юга и юго-запада. Ихъ вызываютъ цѣлыми тысячами. Одинъ Тенесси предлагаетъ работу 20,000 человекъ, Мемфисъ 25,000. Что выйдетъ изъ этого опыта?

Китайцы получили большую цѣну въ глазахъ американскихъ предпринимателей со времени открытія дороги къ Тихому океану, которую они построили быстро, хорошо и за свою работу брали въ три раза дешевле, чѣмъ взяли бы европейскіе рабочіе или рабочіе Соединенныхъ штатовъ. Китаецъ воздерженъ выше всякаго описанія, точенъ, пунктуаленъ, послушенъ, прлеженъ, терпѣливъ, требуетъ вполонину менѣе за двойную работу и работа его нисколько не хуже работы европейца. Такимъ образомъ, онъ является очень опаснымъ конкурентомъ бѣлому работнику.

Надобно сказать, что стачки, довольно частыя въ Англии, въ Бельгіи, во Франціи и Германіи, нерѣдки и въ Калифорніи. Въ то время, какъ рабочіе оставляютъ мастерскія по причинѣ недостаточной платы, а хозяева, съ своей стороны, запираютъ ихъ, потому что, по ихъ словамъ, они не въ силахъ выносить чрезмѣрныхъ расходовъ, въ такое-то критическое время являются китайцы и говорятъ: „мы будемъ работать за половинную цѣну.“ Шлюзъ, запиравшій такъ долго срединную имперію, спущенъ, волны народа потекли оттуда. чтобы распространиться по всему міру; первая страна, которую они встрѣтили на своемъ пути, были Соединенные штаты; за ними будетъ очередь Японіи. Сколько изъ этого простого факта произойдетъ перемѣнъ въ мірѣ коммерческомъ и промышленномъ, въ мірѣ политическомъ и гражданскомъ, — и даже въ мірѣ нравственномъ!

Жакъ Лефрель.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Безчисленность провинцій.—Путешествіе мое отъ сѣвера Россіи къ сердцу ея.—Пути сообщенія между Вологдой и Ярославлемъ въ доисторическомъ состояніи.—Сплошной рядъ кулаковъ, сопровождающихъ путешественника.—Чѣмъ людиѣ, тѣмъ бѣдиѣ.—Впечатлѣнія, производимыя Москвой.—Сила тяготѣнія назадъ.—Подмосковныя села и мелкая эксплуатація ихъ.—Характеристика ихъ на пригородной калужской слободѣ. Подзавальѣ.—Сапожники Подзавалья.—Рознь и бѣдность.—Причины ихъ экономическаго застоя.—

I.

Когда человѣкъ проживаетъ въ извѣстной мѣстности по необходимости, то этого совершенно достаточно, чтобы извѣстная мѣстность ему скоро надѣла.

Физиологическія причины, лежація въ основѣ этого факта, не обращаютъ на себя должнаго вниманія провинціаловъ и вы можете возбудить противъ себя серьезное неудовольствіе очень многихъ почтенныхъ людей, которые припишутъ вашей гордости то, что въ сущности лежитъ въ законѣ человѣческой природы.

Петербургъ въ этомъ отношеніи гораздо умнѣе. Но это происходитъ вовсе не отъ особенныхъ свойствъ петербургскаго мозга, а просто потому, что въ Петербургѣ говядина и хлѣбъ гораздо дороже, чѣмъ въ провинціи, и слѣдовательно человѣку не позволяется быть празднымъ.

Вообще Петербургъ къ провинціи очень несправедливъ, и если петербургскому писателю требуется изобразить человѣческую глупость, то мѣсто дѣйствія онъ перенесетъ непремѣнно въ провинцію. „Обрывъ“ въ Петербургѣ былъ бы невозможенъ.

Провинціаловъ обвиняютъ, зачѣмъ они живутъ не по иному образцу, и въ поученіе рассказываетя, что англичанинъ, поселившійся даже одинъ-одинехонекъ у сѣвернаго полюса, брѣтается каждое утро и къ обѣду надѣваетъ фракъ. Но у англичанина есть свой идеалъ. Англичанинъ даже среди эскимосовъ не желаетъ быть ничѣмъ инымъ, кромѣ англичанина, т. е. самымъ передовымъ человѣкомъ въ мірѣ. Ну а какого идеала держаться русскому провинціальному обитателю? Укажите точно-опредѣлившуюся форму, которая могла бы служить типомъ русскаго человѣка, образцомъ и руководителемъ его поведенія. Такого типа, такой формы нѣтъ.

Правда „Дѣятельность“ доказываетъ, что *идѣ-то* русской гений служитъ преобладающею составною частію атмосферы. Но гдѣ та точка земной коры, надъ которой обитаетъ такой превосходный воздухъ, „Дѣятельность“ умалчиваетъ. Ужъ не около ли сердца Россіи — Москвы, думалъ я, когда мнѣ пришлось оставить извѣстную мѣстность, чтобы приблизиться къ сердцу Россіи? И какъ же я рвался къ этому невѣдомому для меня идеалу, къ новой русской жизни, къ новой русской цивилизаціи!

Дикъ еще нашъ сѣверъ и сѣверо-востокъ. Нѣтъ тамъ ни желѣзныхъ дорогъ, ни земства, ни новаго суда. Люди живутъ, какъ медвѣди, не зная никакихъ выгодъ цивилизаціи и новой гражданственности. Неподвижность и спичка мозга, какъ въ какомъ нибудь Ташкентѣ. А бѣдность? О какая повсюдная, страшная бѣдность! Еще бы не радоваться, оставляя такой жалкій край, чтобы поселиться въ сердцѣ Россіи!

И вотъ я оставляю Вологду и очень, очень мнѣ весело. Ъду я патриархальной страной, гдѣ на станціяхъ за крынку молока берутъ съ меня 4 коп., гдѣ для исправленія дорогъ выѣзжаютъ крестьяне съ боровами, точно между пашней и дорогой не должно быть никакой разницы, гдѣ у ящиковъ лопаются безпрестанно то постромки, то гужи и приходится стоять въ открытомъ полѣ цѣлые часы. Подсмѣиваюсь я про себя надъ невѣжествомъ дикихъ вологжанъ и умилненнымъ окомъ заглядываю въ даль, въ благословенную ярославскую губернію.

И точно ярославская губернія смотритъ иначе. Въ крестьянѣ

скихъ постройкахъ замѣчаются нѣкоторыя новизны; у домовъ кое-гдѣ палисадники, тогда какъ суровый вологжанинъ любви къ природѣ не проявляетъ и не видитъ разницы между крапивою и шиповникомъ; на домахъ вы видите красныя доски съ золотою надписью имени хозяина; на окнахъ сторы и занавѣски, иногда фальшивыя, изъ вырѣзанной бумаги, иногда настоящія; въ крестьянской архитектурѣ замѣчается городское вліяніе и простота смѣняетъ деревенскую вычурность.

Но дорога, дорога! Одну станцію въ 27 верстъ мы ѣхали 5 часовъ. По желѣзной дорогѣ можно бы проѣхать въ это время почти 200 верстъ. Спрашиваю я содержателя станціи, отчего дорога такъ дурна? — Да земство! отвѣтилъ онъ мнѣ презрительно, очевидно думая сказать: развѣ отъ земства можно ждать какого нибудь толка! Имщикъ же, запрягавшій лошадей, и какъ видно тоже недовольный земствомъ, прибавилъ: берутъ 22 к. съ десятины и ничего не дѣлають.

И надо отдать справедливость ярославской губерніи — хуже дороги не выдумаешь за деньги: 180 верстъ я ѣхалъ три дня. И чего-чего не навалено на дорогѣ для ея улучшенія! — бревна, камня, щепы, песокъ, навозъ и все это перемѣшалось и образовало поразительную смѣсь, совершенно непригодную для почтовой дороги и лишь свидѣтельствующую объ остроуміи мѣстныхъ обитателей и невысокомъ уровнѣ ихъ инженерныхъ способностей. А между тѣмъ для предполагаемаго нѣкогда шоссе между Вологдой и Ярославлемъ имѣется у вологжанъ чуть ли не 270,000 р., следовательно сослаться на недостатокъ денегъ невозможно. Куда же пойдутъ эти деньги? Какъ — куда? На желѣзную дорогу къ Ярославлю. Всѣ русскія деньги идутъ теперь на желѣзныя дороги. Такая ужъ вышла линія, что кромѣ желѣзныхъ дорогъ мы не въ состояніи ни о чемъ больше думать. Оно и понятно. Что можетъ быть проще желѣзной дороги, что можетъ быть вѣрнѣе помещенія капитала, даже самаго незначительнаго, въ желѣзнодорожное дѣло? Есть у васъ положимъ 300 руб. Куда ихъ дѣть? берите акціи желѣзной дороги, покупайте билеты внутренняго займа, потому что общій уровень русскаго экономическаго интеллекта не открываетъ

нашимъ 300 рублямъ другого помѣщенія. Разумѣется, наше земледѣліе печально, сельскаго хозяйства у насъ нѣтъ, земледѣльческаго кредита не существуетъ. Но русскимъ капиталамъ какое дѣло до всякихъ русскихъ печалей? Наши капиталы проложили себѣ желѣзнодорожный путь, какъ наиболѣе легкій, и текутъ всѣ по этому направленію. Въ былые годы подобный путь пролагали капиталу винные откупа, тоже нетребовавшіе ни особенныхъ знаній, ни особеннаго ума. Пока мы не переживемъ момента желѣзнодорожной горячки, никакія разсудительныя рѣчи не измѣнятъ направленія нашего теперешняго экономическаго мышленія. Эпоха земледѣлія, сельскаго хозяйства, обработки русскаго сырья и развитія народныхъ промышленностей еще далеко впереди.

Впрочемъ не подобныя безотрадныя соображенія составляютъ мучительную сторону путешествія отъ русскаго востока къ русскому западу. Есть огорченія болѣе непосредственныя, и потому болѣе обидныя.

Подъѣзжая къ Ярославлю, вы видите, что это далеко не Даниловъ. Кадниковъ, далеко и не Вологда. Предъ вами широкая рѣка со множествомъ судовъ, пароходовъ, съ кипучей дѣятельностію. И перевозитъ васъ въ городъ не патріархальный досчаникъ, а пароходъ. На противоположномъ берегу вы видите превосходно отдѣланную набережную, красивыя, европейскіе дома, массу живописныхъ куполовъ. Городъ, какъ городъ. Воображеніе рисуетъ вамъ картины даже западно-европейской жизни: почему же и не помечтать о западѣ, когда ѣдешь съ востока?

Но не спѣшите, поудержитесь. Ящичикъ вамъ объявляетъ, что за провозъ заплатитъ должны вы.—Какъ я?!.. Да вѣдь я отдалъ за всю дорогу. — Мнѣ хозяинъ денегъ не далъ, отвѣчаетъ ящичикъ.—И теперь вы начинаете припоминать весь рядъ мелочныхъ надувательствъ, какія вамъ пришлось испытывать во весь путь. Уже въ Вологдѣ дѣло началось обманомъ. Вы наняли тарантасъ вдвоемъ, но васъ упростили посадить третьяго. Конечно вы могли не согласиться, но сердце не камень: просятъ ужъ очень убѣдительно, да и третьему ѣхать очень нужно. Условленная плата съ двухъ была 21 руб., за третьяго съ васъ скинули 1 р.; но съ

этого третьяго взяли 4 рубли, слѣдовательно вмѣсто 21 руб. хозяинъ тарантаса выгадалъ въ свою пользу 24 руб. Въ Вологдѣ съ васъ взяли 9 р. 49 к., а остальные 14 р. 51 к. оставили у васъ, чтобы вы разсчитывались дорогой съ ямщиками. Заплативъ за 180 верстъ 24 руб., вы вправѣ думать, что отдали за все; а между тѣмъ оказалось, что вы должны давать ямщикамъ на водку, платить за переправы, а если сломится вашъ утлый тарантасъ, то и чинить его на свой счетъ. Спустили васъ со двора, благословили, а тамъ—поѣзжайте какъ знаете. Въ Даниловѣ староста не хотѣлъ даже пазать тарантаса, а ямщикъ не хотѣлъ ѣхать, боясь, что загорится ось. — „Онъ тамъ (вологодскій подрядчикъ) думаетъ только какъ сбыть проѣзжающихъ, а намъ кромѣ прогонювъ ничего, говорилъ староста;—шутка ли что выйдетъ дегтю въ годъ на его тарантасы! — И вотъ вы видите, что попали въ какой-то омутъ несходной эксплуатаціи, кулачества и взаимнаго недовольства. Подрядчикъ жметъ содержателей лошадей, старосты и ямщики жмутъ васъ. Жмутъ васъ и не они одни. Жметъ васъ всякій—и трактирщикъ почтовой станціи и его прислуга, и мальчишки, выпрашивающіе копѣчку, и всякія старухи, просящія на бѣдность. Васъ принимаютъ рѣшительно за бездонный благодѣтельный мѣшокъ, въ которомъ лежитъ неразмѣнный червонецъ. Когда вы жалуетесь въ Ярославль конторѣ дилижансовъ, вамъ отвѣчаютъ, что на проѣзжающихъ не угодишь. „Да помилуйте, какое же тутъ угожденіе! — просить, чтобы не было грубостей, да обидь“. Отъ васъ отворачиваются, и вы чувствуете, что предъ вами несокрушимая стѣна кулаковъ.

Есть во всемъ этомъ нелогичность или анахронизмъ. Кажется, освобожденіе крестьянъ уже покончило прежнія отношенія. А между тѣмъ понятіе о *баринѣ* существуетъ въ старой силѣ. Что же такое этотъ баринъ? А баринъ въ народномъ міровоззрѣніи есть русскій рантье. Прежде рантье былъ лишь помѣщикъ. И теперь всякій не мужикъ, не кунецъ, не мастеровой—есть рантье, баринъ. Вы можете быть государственнымъ крестьяниномъ по правамъ и происхожденію, но если вы учились, ну хотя въ гимназіи, и отто-

го носите приличное нѣмецкое платье — вы баринъ, и къ вамъ протягивается рука за помощію и всякій васъ эксплуатируетъ.

Понятіе о личномъ трудѣ у насъ вовсе не уяснено народомъ настолько, чтобы человѣкъ въ сермягѣ съумѣлъ бы распознать своего собрата въ приличномъ пальто. Пальто, живущія личнымъ трудомъ, но трудомъ болѣе выгоднымъ только потому, что трудъ интеллектуальный, а не чисто-мускульный, пальто это превращается медленно въ барина и служитъ предметомъ эксплуатаціи *нерѣдко самой* грубой и безсовѣстной. А у этого *барина*, ходящаго въ пальто, нѣтъ ни въ настоящемъ, ни въ будущемъ ничего; онъ бьется, какъ рыба объ ледъ, переколачивается изо дня въ день хуже всякаго мастерового.

Совѣтъ не то купецъ. Тутъ прежде всего нѣтъ родовитости, правъ происхожденія и неовкой замкнутости. Простолудинъ знаетъ, что имѣй онъ деньги — вотъ и купецъ. Но простолудинъ знаетъ еще, что съ купцомъ лишняго говорить вельзя и за копѣчный трудъ съ него двухъ копѣекъ не получишь. Баринъ, — кормилецъ случайный, а оттого великодушный; купецъ — кормилецъ постоянный, надежный, и оттого тугой. И прежде, и теперь Россія служила не барамъ, а купцамъ. Помѣщикъ, какъ парализующая сила являлась силой грубаго деспотизма: противъ этой силы была спасительнымъ средствомъ тоже сила. Но купецъ не то; его сила нѣжная, сосущая, неуловимая. Купецъ есть возведенный въ личную форму капиталъ. А развѣ противъ капитала значить чтонибудь матеріальная сила? Тутъ исторія человѣчества; тутъ борьба XIX вѣка со всѣми предыдущими вѣками: тутъ вопросъ о зрѣлости коллективной мысли.

Когда мы пріѣхали на троицкую станцію желѣзной дороги, купеческое семейство изъ трехъ лицъ, ѣхавши въ одномъ со мною отдѣленіи почтовой кареты, дало кондуктору 30 копѣекъ. А человѣкъ отворялъ и затворялъ для нихъ двери кареты, по крайней мѣрѣ, 30 разъ. Дай столько баринъ — обѣда; дай купецъ — нѣшто и не подумаетъ быть недовольнымъ. Образованный пролетарій нашего времени, несправедливо пользующійся титуломъ барина, разчитывается теперь за щедрое, праздное великодушіе своего дѣда и

отца, эксплуатировавшего трудъ простолюдина и въ то же время приучившаго эксплуатировать и самого себя. Юридическое и экономическое основаніе для подобныхъ отношеній давно уже исчезло; но народъ думаетъ туго и въ быломъ баринѣ онъ еще не въ состояніи понять пролетарія; тогда какъ въ купцѣ онъ видитъ своего человѣка и свой собственный экономическій принципъ — купить дешево, продать дорого.

И чѣмъ вы ближе къ центру Россіи, тѣмъ сильнѣе и живучѣе этотъ принципъ. Оно и понятно: сѣверъ и сѣверо-востокъ не былъ помѣщичьимъ краемъ. Въ вологодской губерніи только въ трехъ уѣздахъ были крѣпостные; въ архангельской ихъ совѣтъ не было; тогда какъ среднія, центральныя губерніи — ядро русской помѣщичьей власти. Народъ, воспитавшійся десятками поколѣній въ извѣстныхъ понятіяхъ, не можетъ сбросить ихъ сразу, какъ сапогъ. Теперешнему поколѣнію простолюдиновъ совершенно еще не видны результаты отмены крѣпостного права. Ихъ увидитъ слѣдующее поколѣніе; оно и научится смотрѣть иначе.

По мѣрѣ же приближенія къ московскому центру вы видите болѣе и болѣе рѣзко-бросающійся въ глаза индивидуализмъ и экономическую безпомощность. Я не хочу сказать этимъ, чтобы на сѣверо-востокѣ существовалъ иной принципъ. Но тамъ онъ ступенчато вываляется общей экономической неразвитостію и непроизводительностію. Тамъ живетъ еще та примитивная простота, среди которой, какъ въ какой нибудь американской индѣйской пустынѣ, не обозначились еще ясно социальное-экономическія отношенія.

И въ вологодской губерніи есть нищія; но эти нищія не атакуютъ васъ цѣлыми сомкнутыми массами, какъ старухи-салопницы въ Ростовѣ; и въ вологодской губерніи есть грубость нравовъ и сильное покушеніе эксплуатировать васъ; но тамъ люди, вслѣдствіе рѣдкаго населенія, становятся немедленно, или, по крайней мѣрѣ, очень скоро въ личныя отношенія и элементъ чувства даетъ экономическимъ отношеніямъ иной характеръ. Здѣсь же, въ центрѣ русскаго многолюдства, а особенно на большой дорогѣ — чувству мѣста нѣтъ; экономическая выгода не знаетъ умягчающаго вліянія чувства; вы чужой; ваше значеніе только въ вашемъ

кошелькѣ; вы источникъ чужого существованія. Видѣли мы васъ, да никогда больше и не увидимъ; а завтра прїѣдутъ другіе; послѣ-завтра—третьи и т. д. Эта безпощадная холодность простого цифирнаго разсчета дѣйствуетъ особенно ожесточающимъ образомъ и возбуждаетъ скверное злое чувство. Точно на войнѣ; нѣтъ хуже—ибо на войнѣ вы можете все-таки разсчитывать на пощаду; здѣсь никогда.

Москва нисколько не смягчаетъ впечатлѣнія, производимаго большой дорогой, и на свѣжаго человѣка, ѣдетъ ли онъ съ запада или съ востока, дѣйствуетъ не особенно отраднo.

Мы вѣдь только приглядѣлись къ своему, сжались съ нѣмъ, т. е. частію пріучили свои нервы къ извѣстнымъ впечатлѣніямъ, какъ Митридатъ свой желудокъ къ мышьяку, а частію убѣдились практикой и размышленіемъ, что есть на свѣтѣ много золъ, которыя терпѣть слѣдуетъ, ибо ничего противъ нихъ не подѣлаетъ. Такъ и съ Москвой.

Недаромъ между Москвой и Петербургомъ существуетъ издавна антагонизмъ. Это антагонизмъ не новой внѣшности, это антагонизмъ между старой и новой Россіей, между восточнымъ и западно-европейскимъ строемъ жизни.

Петербургскаго жителя поражаетъ въ Москвѣ повсюдная грязь и нечистота, полное отсутствіе внѣшней порядочности и грубости нравовъ. Лоскъ европейской цивилизаціи, обнаружившій свое вліяніе даже на петербургскихъ извозчиковъ, не говоря уже про гвардейскихъ солдатъ и женскую петербургскую прислугу, — Москвѣ неизвѣстенъ. Перемѣной формы, измѣненіемъ внѣшняго приѣма отношеній начинается цивилизація; но до этого момента Москва еще не дожила. Петербургъ же уже переживаетъ этотъ моментъ.

Попробуйте приглядѣться къ московской жизни ближе, насколько это возможно при одномъ уличномъ наблюденіи, и васъ поражаетъ печать лежащаго на Москвѣ фатализма. Такъ и виднѣхъ до-петровскую Русь, въ исторической жизни которой страсть и случайность основные двигающіе факторы, а головной элементъ, по-видимому, вовсе отсутствуетъ. Въ петербургской жизни вы, даже не живя въ Петербургѣ, можете усмотрѣть точно-опредѣлившіяся

стремленія, разглядѣть ближайшія цѣли, къ которымъ стремятся люди коллективно. Но скажите, какое точное представленіе формируется въ вашемъ умѣ при словѣ „Москва?“ Никакого. Трактиръ Гурина съ его необъятными порціями; булочная Филиппова съ сайками и калачами, охотный рядъ, мелочное надувательство торговцевъ, безконечный оглушающій звонъ сорока сороковъ, царь-колоколъ и царь-пушка. Въ какую сторону направляетъ все это ваши умственные очи—впередъ или назадъ? Что же направляетъ ихъ впередъ? Есть мнѣніе, что если ужъ Москва выдѣлится изъ себя передовитость, то это сила такая, какой Петербургу никогда не создать. Дай Богъ, чтобы такой силы явилось побольше; чтобы она разбудила Москву отъ ея сна; чтобы она сняла съ сердца Россіи опутывающія его цѣпи монгольскаго періода, мѣщающія Москвѣ идти рядомъ съ Петербургомъ. Если Москва способнѣе Петербурга создать истинно-русскую прогрессивную силу, тѣмъ лучше для Россіи. Но это еще будущее и осуществится оно конечно не теперешнимъ поколѣніемъ. Теперь же въ московскомъ вліяніи на Россію прогрессивныхъ началъ никакихъ мы не видимъ.

Правильность этой мысли вы можете провѣрить на всѣхъ мѣстностяхъ, тяготящихся къ московскому центру. Возьмите рядъ ближайшихъ къ Москвѣ губернскихъ городовъ: Владиміръ, Тулу, Калугу; что это такое, какъ не московскія предмѣстія, живущія лавочною жизнію? Москва снабжаетъ ихъ своею вывѣсочною орфографіею и своимъ залежалымъ товаромъ; Москва ихъ учитъ обычаямъ и модамъ; Москва хранитъ въ нихъ святость монгольскаго обычая и семейныхъ преданій, утвержденныхъ „Домостроемъ“, и въ тоже время высылаетъ кринолины и шиньоны. Устраните изъ этихъ городовъ интеллектуальный элементъ, изображаемый административнымъ составомъ, и вы получите лавочную аристократію, эксплуатирующую мѣщанство и окружное сельское населеніе. Москва, создающая будто бы удивительныхъ передовиковъ, выставила ли реагирующую силу противъ разсѣваемаго ею самого зла? Этого мы еще не видѣли.

Во всѣхъ прогрессивныхъ вопросахъ во главѣ Россіи стоялъ всегда Петербургъ. Ему принадлежитъ теорія, ему принадлежитъ

и практика. Россія помнитъ время, когда моментъ экономическія размышленій, вызванныхъ подготовлявшимися освобожденіемъ крестьянъ, вызвалъ теоретическій протестъ противъ всякихъ видовъ эксплуатаціи личнаго труда. Тогда же впервые заговорили о русской артели и о западно-европейской ассоціаціи. Москва не только не участвовала въ этомъ движеніи, но тормозила его въ лицѣ своихъ присяжныхъ поборниковъ застоя. И Москва неуклонна въ своей неподвижности. Она не высылаетъ покуда пионеровъ цивилизаціи, ибо ихъ мало въ ней даже для того, чтобы повернуть ее на прогрессивный путь. Высылаются только избытки. Н. В. Верещагина, составившій себѣ извѣстность артельнымъ сыровареніемъ, — избытокъ, которому въ Петербургѣ дѣлать было бы нечего.

А между тѣмъ московскій районъ важнѣе района петербургскаго, ибо въ немъ кишитъ главнѣйше народная промышленность. Въ подмосковныхъ губерніяхъ есть цѣлый рядъ промышленныхъ селъ, которыя нуждаются болѣе въ артельномъ производствѣ, чѣмъ тверскіе крестьяне въ артельномъ сыровареніи.

Не отнимая отъ Н. В. Верещагина всей важности его практической услуги, мы не находимъ однако въ его основной мысли достаточной національно-экономической шири и послѣдовательности.

По общему ходу мірового экономическаго прогресса промышленное развитіе идетъ впереди сельско-хозяйственнаго. Такой порядокъ замѣчается даже у народовъ, у которыхъ существуетъ земледѣльческій пролетаріатъ. Мы подобнаго пролетаріата не знаемъ, но промышленный пролетаріатъ, хоть и не въ такой формѣ, какъ на западѣ, у насъ есть. А между тѣмъ русская интеллигенція не выдѣлила ни одного практическаго дѣятеля для вразумленія промышленныхъ пролетаріевъ, а выставила Н. В. Верещагина на помощь болѣе обезпеченнымъ сельскимъ жителямъ!

Второе дѣло стало такимъ образомъ раньше перваго.

Если такую непослѣдовательность мы объяснимъ тѣмъ, что Петербургъ имѣетъ предъ своими глазами только петербургскій районъ, то тѣмъ неизвинительнѣе для Москвы, незнающей, что ей нужно.

А между тѣмъ именно Москвѣ и слѣдовало бы показать при-

нѣрѣ въ этомъ дѣлѣ артельной организаціей такого труда, который бы оправдалъ самомяѣніе славянофиловъ и „Дѣятельности“ о высокихъ качествахъ, присущихъ русскому гению.

Въ подмосковныхъ губерніяхъ раскинуто много селъ и деревень, погибающихъ подъ гнетомъ лавочной эксплуатаціи и знаменитаго русскаго кулачества, въ которыхъ иностранцы еще съ очень отдаленныхъ временъ видѣли своеобразную русскую коммерческую находчивость. Въ этой находчивости нѣтъ однако дѣйствительной экономической силы. Экономическая сила народа заключается въ экономической производительности народа, а не въ томъ, что десять человѣкъ продаютъ и перепродаютъ пару сапоговъ, сшитыхъ однимъ сапожникомъ. Будетъ ужь слишкомъ много купцовъ на одного производителя, а сапоговъ сошьется мало и большинство будетъ шлепать по грязи голыми пятками.

Послѣ Адама Смита смѣшно повторять съ гордостію отсталыя замѣчанія Герберштейна, Олеарія, Канторини и другихъ, хотя и очень почтенныхъ авторитетовъ, но мысли которыхъ не могутъ принести намъ теперь никакой практической пользы. Наше зло именно въ томъ, что у насъ слишкомъ много посредниковъ между производителями и потребителями, что каждый русскій, у котораго заведется въ карманѣ 3 рубля, немедленно открываетъ лавочку, чтобы поживиться на счетъ ближняго. Наша прославленная коммерческая находчивость не больше, какъ эксплуатація чужого труда, оттягивающая къ низу весь уровень народной экономической жизни. Вотъ противъ чего должны идти наши практическіе дѣятели, въ родѣ г. Верецагина, и, слава Богу, почва для ихъ дѣятельности весьма обширна.

Психологамъ давно извѣстенъ законъ, по которому истинная, всецѣлая нравственная сила создается согласной дѣятельностію чувства и мысли. Москва слаба потому, что она воображаетъ себя исключительно сердцемъ; Петербургъ же слабъ потому, что онъ слишкомъ изолировалъ отъ сердца и воображаетъ себя чистымъ интеллектомъ. Только изъ этого начала происходитъ недовольство Петербурга Москвой и недовольство провинціи Петербургомъ. Петербургъ всегда укоряли въ незнаніи Россіи, и упрекъ этотъ испол-

нѣ справедливѣ. Въ дѣятельности Москвы нѣтъ мысли; въ дѣятельности Петербурга нѣтъ чувства. Надо бы имѣ соединиться. Переведите петербургскую интеллигенцію въ Москву и чрезъ десять лѣтъ вы не узнаете Россіи. Теперь же вмѣсто дружной, согласной дѣятельности вы видите только мѣшающій антагонизмъ и безконечное препирательство, точно Москва съ Петербургомъ составляютъ два отдѣльныхъ государства, обязанныхъ во что бы то ни стало воевать другъ съ другомъ.

Практической инициативѣ г. Верещагина мы придаемъ большое общественное значеніе, но мы ею не обольщаемся, ибо таже дѣятельность могла бы быть много плодотворнѣе. Чтобы не быть бездоказательными, мы попросимъ читателя припомнить извѣстныя ему подмосковныя промышленныя села. О такихъ, какъ Иваново и Воскресенскій посадъ, мы говорить не станемъ: тамъ и сотни Верещагинныхъ не достигли бы никакого результата; но есть деревни поменьше, гдѣ столковать съ людьми легче, и гдѣ борьба съ кулачествомъ обѣщаетъ болѣе скорую и вѣрную побѣду.

II.

Есть подъ Калугой слобода Подзавалье. Хотя она въ административномъ отношеніи подчинена 5-му кварталу 1-й городской части, но слобода эта все-таки не часть города, а деревня, тяготящая къ городу экономически и исключительно имѣ живущая.

Въ Подзавальи болѣе 100 дворовъ и 70 изъ нихъ живутъ исключительно сапожными ремесломъ. Всѣхъ сапожниковъ, — взрослыхъ и подроставшихъ, считается въ Подзавальи болѣе 250 человекъ.

Сапожная статистика Подзавальи даетъ слѣдующія цифры:

Каждый сапожникъ можетъ спать въ недѣлю три пары сапоговъ, а въ годъ не больше 140, слѣдовательно все Подзавалье сошьетъ 35,000 паръ.

Каждая пара дает чистой прибыли отъ 50 к. до 1 р., следовательно вся чистая прибыль составляетъ отъ 17,500 руб. до 35,000; а на каждого отдѣльнаго сапожника приходится въ годъ отъ 70 до 140 руб.

Уже изъ этихъ общихъ цифръ видно, что экономическая стона подзавальскаго производства не особенно блистательна. Но слава его обратится еще больше, если мы взглянемъ на дѣло нѣсколько подробнѣе.

Прежде всего читатель обратитъ вниманіе конечно на то, что заработокъ колеблется между слишкомъ большими крайностями. Причина этого обстоятельства въ отсутствіи оборотнаго капитала. Большинство сапожниковъ переколачиваются изо дня въ день: что сегодня выручили, то и проѣлъ. Это заставляетъ ихъ продавать сапоги въ лавки или же прямо работать по заказу лавочниковъ, получая отъ нихъ товаръ. Лавочная плата 70 к. съ пары, но на каждую пару сапожникъ дѣлаетъ расходовъ копѣекъ 20—гвозди, дратва и т. д.—и очищается ему 50 коп.

Кто нуждается въ деньгахъ менѣе и можетъ выждать, тотъ продастъ свои сапоги на торгахъ самъ; въ этомъ случаѣ барышъ купца остается въ карманѣ производителя и возрастаетъ до 1 р. и даже болѣе. Размѣръ барыша зависитъ не только отъ рыночной цѣны, но и отъ умѣнья купить болѣе или менѣе выгодно товаръ.

Далѣе, выгода производителя зависитъ отъ числа работниковъ семьи. Есть семейства, въ которыхъ на одного взрослого мастера приходится трое-четверо ребятишекъ,* которыхъ нужно кормить и отъ которыхъ нѣтъ еще никакого толка. Положеніе такихъ семействъ самое печальное, ибо чѣмъ чловѣкъ бѣднѣе, тѣмъ все достается ему дороже. Обремененному семействомъ одиночекъ только одинъ выходъ—работать на лавочника, следовательно стоять вѣчно на минимумѣ барыша. Семейства съ большимъ числомъ работниковъ находятся въ положеніи много лучшемъ. Въ ихъ многочисленствѣ—ихъ сила, и за то, что они сильнѣе, имъ легче избавиться отъ посредничества лавочниковъ и брать барыши въ рубль и болѣе. Такихъ семействъ впрочемъ очень мало—не больше десяти. Высшею степенью сапожнаго благополучія пользуются тѣ, кто при

большой семьѣ можетъ прихватить рабочихъ со стороны. Въ этихъ случаяхъ является уже сапожный патронташъ-хозяинъ съ рабочими и начинается эксплуатація сапожника сапожникомъ: Подзавалье ѣсть само-себя. Такихъ богатырей, держащихъ рабочихъ, всего три. Самый богатый получить въ мѣсяць чистой прибыли рублей пятьдесятъ.

Какъ ни наглядна зависимость прибыли отъ числа рабочихъ, но Подзавалье молится принципу индивидуализма и идея *русской* артельности проявляется у сапожниковъ лишь тогда, когда подвипивъ они задумаютъ пѣть пѣсни. Есть дома, гдѣ живутъ два женатыхъ брата и каждая семья ѣсть и работаетъ отдѣльно. Еще хуже и почти невѣроятно, что мужъ, принятый въ домъ жены, ѣсть отъ жены отдѣльно. Конечно это возможно только на короткій срокъ, пока тянется раздоръ.

Вообще мѣстное населеніе не отличается своимъ умственнымъ развитіемъ, какъ и все русское мѣщанство. Наше сельское населеніе стоитъ далеко выше мѣщанъ въ умственномъ отношеніи, по крайней мѣрѣ, въ смыслѣ болѣе разумнаго пониманія артельного начала. Деревня приучена къ нему раздѣломъ полей и круговой порукой, тогда какъ безземельное мѣщанство образуетъ вполне изолированные особняки, живущіе въ своихъ домахъ, какъ въ вѣрѣ-постяхъ.

Это особнячество воспитываетъ людей систематически, съ дѣтскаго возраста. Дѣти растутъ въ родовомъ началѣ и ребятишки одного дома воюютъ съ ребятишками другого, какъ какіе нибудь предводители дѣвскихъ индѣйскихъ племенъ. По истинѣ нѣтъ ничего гаже и подлѣе такихъ ребятъ. Болѣе сильные постоянно обижаютъ слабыхъ, бьютъ ихъ, ругаютъ самыми скверными словами, отрицаютъ то, что понравится. Матери должны бы быть умнѣе. Но въ глазахъ каждой матери ея ребенокъ всегда правъ. Разсердившаяся мать принимается ругать обидчика, тотъ отвѣчаетъ ей тѣмъ же; высказываетъ его мать, дѣло усложняется и дѣтская вражда принимаетъ грандіозные размѣры и превращается въ серьезную баталію. Отъ своихъ матерей дѣти получаютъ первые уроки

сквернословія, семейной изолированности, неуступчивости и самаго узкаго домашняго своекорыстія.

Относительно взрослога населенія я приведу отзывъ одного извозчика: „пьяницы на-голо; а ужь какіе ругатели—такихъ и не найдешь!“ Впрочемъ этотъ отзывъ нѣсколько преувеличенъ и того безобразнаго пьянства, какое вы видите среди московскаго ремесленнаго населенія, въ Подзавальи нѣтъ, хотя отдѣльно попадаются изумительные артисты. Такъ здѣсь есть одинъ семейный сапожникъ, мужикъ добрый, неглухой и очень искусный и спорый мастеръ. Когда онъ запыетъ, то перебьетъ всю посуду въ домѣ, переломаетъ всю мебель, выпуститъ перья изъ подушекъ и перинъ, и случалось два раза, что онъ поджигалъ свой собственный домъ. Это уже высшій предѣлъ, до котораго можетъ доходить способность разрушенія у человѣка европейскаго происхожденія. Хуже всего то, что Павелъ, учинившій подобное безобразіе и побывавшій за то у мирового судьи, смотритъ на міръ божій, какъ праведникъ, нисколько не подозрѣвая всей глубины своей собственной глупости.

Въ этомъ мірѣ непосредственнаго сырого чувства всѣ бѣдствія жизни происходятъ отъ слишкомъ слабой дѣятельности умственнаго элемента. Девять десятыхъ переколачивающихся бѣдняковъ отдають себя въ полную зависимость городскимъ кулакамъ и живутъ такъ скверно, что—какъ выразился одинъ изъ подзавальцевъ — у нихъ всякій день среда, да пятница. Одиночкѣ съ семьей, зарабатывающему въ недѣлю 1 р. 50 к., невозможно ѣсть говядину, когда фунгъ ея стоитъ 10 к. Какъ же выходъ? Ждать, когда перевоспигаетъ понятія время? А что значитъ время? Вотъ гдѣ наиболѣе нужны люди подобные Верещагину.

Въ Россіи ассоціація, артель получила уже полныя права гражданства и доказывать теперь теоретически ея пользу будетъ публицистскою наивностию. Не теоретическія разсужденія нужны намъ, а практика. Намъ нужны люди, способные взять на себя практическое воспитаніе простолюдина, способные не только поставить его на вѣрную точку зрѣнія, но и на точку твердаго, наиболѣе выгоднаго заработка.

По многимъ элементамъ, существующимъ въ нашемъ обществѣ, вопросъ этотъ у насъ представляетъ значительно менѣе практическихъ трудностей, чѣмъ за границей.

Возьмемъ хотя Подзавалье. У него нѣтъ вѣчнаго врага, котораго у англичанъ или у французовъ изображаетъ хозяинъ. За исключеніемъ трехъ патроновъ, остальные подзавальцы независимые, самостоятельные хозяева. Ихъ врагъ неосязаемый; врагъ, на котораго нельзя указать пальцемъ; врагъ, на котораго нельзя принести жалобы въ судъ; врагъ, на котораго нельзя направить матеріальную силу. Отъ этого у насъ невозможны тѣ явленія грубаго насилія, которыми западно-европейскіе рабочіе, уничтожавшіе машины и убивавшіе своихъ личныхъ враговъ, навели паническій страхъ на общество. Врагъ подзавальскаго сапожника — конкуренція, устанавливающая базарную цѣну на его издѣлія, и врагъ его — бѣдность, заставляющая его отдаваться въ кабалу лавочнику. Но и лавочникъ является не личнымъ врагомъ, во-первыхъ, потому что лавочниковъ не одинъ, а во-вторыхъ, лавочникъ изображаетъ собою кредитное учрежденіе или готовый рынокъ, обеспечивающій за извѣстную скидку непремѣнный и немедленный сбытъ издѣлія.

Очевидно, что русская промышленная артель должна поэтому изображать нѣчто совершенно особенное, непохожее ни на французскія ассоціаціи, ни на англійскія *trades-unions*, которыми рабочіе застраховываются отъ притѣсненій хозяевъ, отъ прогуловъ по болѣзни, отъ голода во время стачекъ, наконецъ, обеспечиваютъ себѣ старость и даровые похороны. Русская артель, какъ подзавальская, должна быть артелью производительною, а не страховой ассоціаціей, какъ англійскія *trades-unions*; она должна служить собственно для устраненія посредства кулаковъ и посредниковъ, спекулирующихъ бѣдностію производителей.

Другое ея коренное различіе должно заключаться въ иномъ основномъ принципѣ для составленія фонда. Въ Англии и въ Германіи все основано на самопомощи, но у насъ такое основаніе въ настоящій моментъ немислимо. Напримѣръ, въ Англии, общество плотниковъ имѣетъ болѣе 30,000 членовъ, владѣетъ запаснымъ капиталомъ въ 140,000 ф. стер. (почти 1 мил. руб.) и каждый

членъ вносить въ годъ 2 фунта или почти 14 руб.. Развѣ что нибудь подобное возможно въ Подзавальѣ, гдѣ всего 250 сапожниковъ? Развѣ подзавальскій сапожникъ въ состояніи внести въ годъ 14 руб? А если и въ состояніи, какую существенную пользу окажетъ капиталъ въ 3,500 руб., дающій въ годъ всего 175 р? Невозможно убѣдить Подзавальца внести 14 руб., если онъ не убѣжденъ до очевидности въ несомнѣнной выгодѣ подобнаго взноса. Англійскій рабочій путемъ личнаго опыта и размышленія дошелъ до мысли промышленныхъ страховыхъ союзовъ; нашего же ремесленника придется не только наводить на подобную мысль, но и побѣдить въ немъ недовѣрчивость какъ къ самому успѣху предпріятія, такъ и къ лицу, которое возьметъ на себя роль г. Верещагина.

Въ этихъ двухъ обстоятельствахъ самая главная трудность возникновенія въ Россіи промышленныхъ артелей. Прежде всего долженъ явиться человекъ способный, какъ г. Верещагинъ, подѣйствовать на убѣжденіе рабочаго и твердо, не опуская рукъ, идти къ предположенной цѣли, а во-вторыхъ, онъ долженъ сумѣть найти на сторонѣ необходимыя для веденія дѣла средства. Правда, у насъ есть „Общество для содѣйствія русской промышленности и торговли.“ Предположимъ, что оно, какъ Импер. Вольн. Эконом. Об., давшее г. Верещагину 1,000 руб. на сыровареніе, дастъ подобную же сумму на организацію подзавальской сапожной артели (Если я говорю о Подзавальѣ, то читатель конечно понимаетъ, что я говорю только для примѣра, мало ли въ Россіи подобныхъ промышленныхъ деревень — въ ярославской, владимірской и нижегородской губерніяхъ ихъ не перечесть). Но другой вопросъ, и можетъ быть болѣе важный, найдется ли у насъ еще одинъ Верещагинъ, способный заслужить довѣріе администраціи и рабочихъ?

А путь впереди свѣтлый и обольстительный. Идеальное Подзавалье и теперешняя грязная, вонючая деревня, гдѣ взрослые и дѣти сквернословятъ съ утра до вечера, гдѣ бѣдность и неопрятность живутъ въ каждомъ домѣ—Подзавалье—промышленное село, ведущее самостоятельныя торговые обороты. Оно уже не шьетъ только крестьянскіе, базарные сапоги, кое-какъ и для сбыта на калуж-

скихъ торговыхъ площадяхъ; Подзавалье производить сапожную работу всякихъ сортовъ — тонкіе ботинки, изящные сапоги, чепданы, дорожныя сумки, мѣшки и т. д. Вѣдь Королевъ отправляетъ же свой товаръ въ Америку; почему же Подзавалье не имѣть извѣстности, почему же ему не имѣть своего магазина въ Москвѣ, Петербургѣ, а пожалуй въ Лондонѣ и Нью-Йоркѣ; почему ему вмѣсто теперешняго жалкаго ручного производства не ввести машиннаго, спораго и выгоднаго; почему ему не имѣть у себя школы, чтобы ребятишки вмѣсто ругани и уличнаго безпутства учились тому, что нужно знать человѣку, чтобы быть порядочнымъ; гдѣ бы они учились и совершеннымъ приемамъ сапожнаго производства и подготовлялись быть хорошими и честными мастерами и хорошими трезвыми людьми; почему Подзавалье не имѣть у себя собственной лавки, какими обзаводятся наши общества бережливости; почему ему не быть подобіемъ тѣхъ деревень, какія мы встрѣчаемъ въ нашихъ южныхъ нѣмецкихъ колоніяхъ и у молокановъ на рѣкѣ Молочной? Докажите, что все это невозможно, что все это мечты и утопіи. Этого вы не докажете. А слѣдовательно мысли, изложенныя въ настоящей статьѣ, воплѣть практическія и осуществимыя. Мы не закрываемъ глазъ на трудности. Но вѣдь устроилъ же г. Верещагинъ артельное сыровареніе, а теперь замышляетъ артельное паточное производство, почему же возможное для сыроваровъ невозможно для сапожниковъ? Не клиномъ сошла земля русская, не можетъ быть, чтобы въ ней былъ всего одинъ Верещагинъ.

Н. Р.

СЪ НЕВСКАГО БЕРЕГА.

(Общественный и литературный листокъ.)

Бесѣда съ провинціалами о многихъ сторонахъ петербургской жизни. — Лицо и изнанка невской столицы. — Новые типы цивилизованнаго подъячаго и ростовщика. — Образчикъ «ходатая по дѣламъ» въ лицѣ Дуракова. — Лѣто и дачная жизнь. — Дачный дневникъ. — Нѣсколько словъ о Москвѣ и о мудрости «Современныхъ извѣстій». — Оригинальное постановленіе комитета литературнаго фонда. — Нѣчто о хлестаковщанѣ, Кельсіевѣ и «Всемірномъ трудѣ» съ его сподвижниками. — О горестномъ положеніи редактора «Голоса» и о замѣчательномъ примѣрѣ литературнаго долголѣтія. — Два представителя современной поэзіи.

Вы этого требуете, сударыня? Прекрасно, я съ вами согласенъ и исполню ваше требованіе тѣмъ охотнѣе, что оно до нѣкоторой степени справедливо, хотя и односторонне.

Я получилъ изъ провинціи нѣсколько писемъ, въ томъ числѣ и ваше.

Иныя корреспонденціи вызываютъ на отвѣтъ и я отвѣчаю.

Нѣкоторые провинціальные читатели сѣтуютъ на меня за то, что я совершенно умалчиваю въ своемъ листкѣ объ общественной петербургской жизни. Петербургъ даже съ его уличнымъ житьемъ-бытьемъ для далекихъ провинціаловъ не потерялъ еще своего очарованія и вѣрю, сударыня, что вы интересуетесь лѣтнимъ солнцемъ, лѣтними развлеченіями и увеселеніями Петербурга болѣе всего другого, и не любите часто заглядывать въ темныя захолустья невской жизни или невской прессы.

На всѣхъ не угодишь, да и прилично ли угождать *всѣмъ*?

Всеобщее угожденіе тѣмъ трудѣе, что каждый гражданскій нос вооруженъ своими особыми очками, свозъ призму которыхъ и смотритъ на божій міръ.

Въ этомъ мірѣ каждый видитъ только то, что самъ жаляетъ въ немъ видѣть. Таковы и многіе органы нашей печати. Одни видятъ кругомъ только крамолы, другіе миръ и благодушіе. У одного „Голоса“ множество очковъ и онъ ихъ мѣняетъ вѣстѣ съ корректурными листами.

Можетъ быть, я не совсѣмъ правъ, что постоянно обхожусь молчаніемъ общественную жизнь любезнаго провинціаламъ Петербурга, но несправедливы и тѣ читатели, которые ищутъ только веселыхъ картинъ и пейзажиковъ и замуриваютъ глаза при видѣ различныхъ безобразій. Они забываютъ, напр., что лѣтняя вошь, „Всемирный трудъ“, „Заря“ и К° есть тоже продукты петербургской жизни и нашей болотистой почвы.

Уступая требованіямъ читателей, читающихъ платоническую любовь къ „блестящей столицѣ Невы“, я хочу немного поговорить вообще о Петербургѣ и его характерѣ въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцовъ. Прежде чѣмъ я перейду къ отрывкамъ изъ своего дачнаго дневника, веденнаго мною не для собственнаго удовольствія, но для своихъ читателей, я прежде всего скажу имъ, чтобъ они не очень увлекались „блестящей“ стороной этого милаго города.

Читатель, въ особенности—провинціальный читатель, знай, что эта „блестящая“ столица блеститъ только издали, ты не видишь ея литературныхъ лохмотьевъ, ея нарядной нищеты, ея блистательнаго надувательства и шарлатанства.

На парадныхъ улицахъ ты видишь роскошь изящныхъ магазиновъ, существующихъ въ кредитъ, блистающихъ передъ смертью. Въмѣсто Дамоклова меча надъ ними виситъ роковой молотъ аукціона. Какъ мыльные пузыри лопаются ихъ репутаціи, а корифеи этихъ репутацій оканчиваютъ часто свое житейское поприще въ долговомъ отдѣленіи. Кстати, давно уже говорятъ объ уничтоженіи этого разсадника бесполезныхъ людей и себѣ и другимъ, этого тормазса общественнаго кредита, ловушки, поставленной навъзвуху должнику и никогда не опасной для изворотливаго плута. Говора

откровенно, долговое отдѣленіе приноситъ пользу не кредиту, не обществу, а нѣсколькимъ чиновникамъ, приставленнымъ оберегать цѣломудріе промотавшихся кутиль. Но пока соберутся у насъ его уничтожить (вѣдь мы нелегки на подъемъ), оно пріютитъ еще въ своихъ сѣрыхъ стѣнахъ многихъ и многихъ.

Оно пріютитъ и владѣтеля огромныхъ зданій, увязнаго въ долгахъ съ головою, который живетъ только воспоминаніями своего прежняго величія и проѣдаетъ послѣдніе гроши въ ресторанахъ и модныхъ харчевняхъ. — Балетную фигурантку, получающую жалованья не болѣе *пятнадцати* руб. сер. въ мѣсяць, которая учится сегодня въ богатомъ экипажѣ, вся въ блондахъ и золотѣ, — а завтра... завтра, быть можетъ, она позавидуетъ бюджету своего повара или тучнаго кучера.

Повсюду задрапированная бѣдность...

Весь Петербургъ живетъ въ долгъ, въ кредитъ. Онъ потому

И жить торопится и чувствовать спѣшить,

что и жизнь и чувства у него словно взяты на прокатъ, на поддержаніе, что завтрашній день у него не обезпечень...

Петербургецъ часто живетъ въ бель-этажѣ, а потомъ неожиданно переселяется въ замокъ, но этотъ замокъ, не забудьте, называется — *Литовскимъ*!!

Только и богатѣютъ одни адвокаты на счетъ обнищавшаго общества, перебивающагося со дня на день то процессами, то займами у ростовщиковъ. Адвокатамъ — лафа; гдѣ больное мѣсто, тамъ и жирныя мухи. „Ходатай по дѣламъ“ сдѣлался своимъ человекомъ, наставникомъ и хранителемъ всякаго почтеннаго гражданина съ туго-набитымъ портфелемъ разными кляузами. Кляузы остались старья, какими были и до нашествія прогресса на нашу землю, но прежніе подъячіе измѣнились. На нихъ уже не засаленныя жабо и потертыя виць-мундирны, а бѣлые галстуки и модные фраки. Прежде они молчали, теперь ораторствуютъ à la г. Лохвицкій; прежде они строчили свои ябеды на площадяхъ и въ темныхъ корридорахъ присутственныхъ мѣсть, теперь у нихъ свои канцеляріи, своя полиція, слѣдящая за должниками, свои конторы, заваленныя разнымъ хламомъ, но конторы чистыя и убранныя ясе-

невой и орѣховой мебелью. Старые подъячіе ходили сгорбившись и притаившись, новые „ходатаи по дѣламъ“ держатъ себя прямо и высоко поднимаютъ голову. И мы скоро пожалѣемъ о тѣхъ временахъ, когда *давались* взятка прямо и безъ всякой церемоніи, — теперь ее *предлагаютъ* въ прилично-запечатанномъ пакетѣ. Превжній подъячій жилъ милостями своихъ кліентовъ и бралъ всѣмъ, что Богъ пошлетъ; теперь „ходатаи по дѣламъ“ берутъ чистые проценты и, кромѣ процентовъ, никакими овощами не стажуютъ. Однимъ словомъ, цивилизація рафинировала стараго подъячаго, и его типъ, въ его первичномъ состояніи, угрожаетъ исчезнуть съ лица русской земли. Но бояться этого нечего; новый типъ „ходатаи по дѣламъ“ сохранить всѣ существенныя черты стараго, потому что почва та же и тотъ же характеръ дѣятельности. Мы знаемъ одинъ образчикъ этого переходнаго типа, и когда нибудь удѣлимъ ему нѣсколько самыхъ искреннихъ строкъ на страницахъ „Дѣла“. Этотъ „ходатаи по дѣламъ“ или, говоря высокими словами, стрянчій дорокъ для нашей характеристики потому, что онъ соединяетъ въ себѣ простоту подъячаго временъ царя Алексѣя Михайловича съ рафинаціей временъ гг. Серебрянаго и Лохвицкаго. Для благозвучія мы назовемъ его здѣсь Дураковымъ; но тотчасъ же и оговоримся, что это названіе нисколько не выражаетъ качества головы нашего героя. Онъ кончилъ курсъ въ одномъ коммерческомъ училищѣ и четыре правила арифметики изучилъ основательно. Затѣмъ онъ долго потѣлъ надъ сводомъ гражданскихъ законовъ и не даромъ! Всѣ 1700 параграфовъ этого свода онъ знаетъ, какъ свои пять пальцевъ, и потому можетъ возбуждать и выигрывать процессы *за* и *противъ*. Карьеру свою онъ началъ очень скромно, — хожалымъ по дѣламъ другого стрянчаго, при чемъ нужны были только крѣпкія ноги и прочныя подметки. Съ этими дарами природы онъ поспѣвалъ ~~ездѣ~~ — и въ кварталъ за справкой, и въ губернское правленіе за номеромъ, и въ переднюю своего патрона подать кстати шубу и палку. Эта расторопность и крѣпкоლობость тамъ, гдѣ нужно было не краснѣть и кланяться, вывела Дуракова въ люди. Изъ хожалаго онъ скоро превратился самъ въ „ходатаи по дѣламъ“. Почва, на которой ему суждено было под-

визаться, была самая плодоносная. Купческія вляузы и ихъ сомнительные счеты сдѣлались спеціальнымъ предметомъ его изученія. Эта долговременная практика такъ изощрила его способности, что онъ скоро обзавелся благопріобрѣтеннымъ домишкомъ и нѣкоторой долей движимаго капиталца. Но не въ этомъ, не въ стяжаніи появилась главная способность этого нѣкогда общипаннаго и приниженнаго хожалаго. Въ чемъ онъ неподражаемо великъ—это въ томъ хладнокровіи, съ которымъ анатомируетъ попавшагося ему должника. Какъ хищная птица, онъ нападаетъ на свою добычу, продаетъ у нея все, даже дѣтскія пеленки, и ни слезы матери, ни просьбы отца не смягчаютъ этого бумажно-чернильнаго сердца. Мы невольно разъ были свидѣтелями, какъ онъ чуть не силой вырвался въ чужіе ящики, выгребаль изъ нихъ все, что можно было захватить пятерней, и, обобравъ бѣдняка, пряталъ его въ долговую яму. Это называется у Дуракова вести дѣла энергически. И въ лѣтописяхъ управы благочинія—это дѣйствительно герой. У него не дрогнетъ рука, не моргнетъ глазъ, если какая нибудь бѣдная семья, послѣ его операціи, останется голодной и на холодномъ полу. Онъ столько видѣлъ горя и разора, онъ обладаетъ такой бегомотной шкурой на своей совѣсти, что его не тронетъ ни одна глухая и глубокая драма житейскаго несчастія. Вотъ въ этомъ-то бездушномъ strapчемъ, говорящемъ на современномъ либеральномъ языкѣ, мы и усматриваемъ соединеніе доблестей стараго подъячаго и новаго „ходатая по дѣламъ“. Это типъ переходный, но новый.

Современный ростовщикъ — это тоже новый типъ, но типъ отвратительный. Это не Плюшкинъ, скарденный, грязный на видъ и дрожащій надъ каждымъ огаркомъ. Современный ростовщикъ — джентльменъ по виду, передовой человекъ по мнѣніямъ, даже либераль. Онъ слѣдитъ за политикой и громко восхваляетъ отвѣтъ Рошфора, сдѣланный имъ по поводу наполеоновской амнистіи. Теперешній ростовщикъ живетъ по-барски; у него кресло въ оперѣ,

экипажъ свой. Мяситые старцы и кровные франты не стыдятся посѣщать его обѣды и жать ему руку при встрѣчѣ. Этотъ либераль-ростовщикъ, берущій по 100 % съ каждаго бѣдняка, чувствуетъ нынче свою силу и чуть-чуть не гордится своею почтенною общественною дѣятельностью. За бутылкой вина въ гостинницѣ, онъ громко толкуетъ о людской подлости, о развратѣ, о плутовствѣ, — слышите, — *ростовщикъ* объ этомъ толкуетъ!..

Да, наша „блестящая“ столица дожидается, давно уже дожидается своего новаго физиологическаго изслѣдованія.

Провинціальный читатель привыкъ судить о блескѣ, шумѣ и вѣчномъ карнавалѣ Петербурга по стереотипнымъ газетнымъ фельетонамъ, изъ которыхъ только явствуетъ, что фельетонистъ возвелъ свою праздность въ какую-то специальность, и всю свою жизнь фланерствуетъ очень серьезно по различнымъ гуляньямъ, театрамъ и маскарадамъ. Послушаешь такого праздношатающагося наблюдателя и въ самомъ дѣлѣ подумаешь, что въ „невскомъ городкѣ“ стоитъ вѣчная масляница, идетъ пиръ-горой и люди только и дѣлаютъ, что веселятся. Но кромѣ этого веселья и неумолкающаго шума есть еще и другая сторона бытовой жизни Петербурга, сторона не веселая, подчасъ трагическая и всегда заставляющая задуматься.

Чтобъ поднять только одинъ уголъ того занавѣса, за которымъ скрывается мрачная и малоизвѣстная картина общественной панорамы невской столицы, стоитъ только заглянуть въ сжатый и лаконическій отчетъ „Полицейскихъ“ городскихъ вѣдомостей, который носитъ скромное названіе *дневника приключеній*. Дневникъ этотъ печатается ежедневно. Въ его лаконическомъ; канцелярскомъ стилѣ скрывается мрачная, ужасающая поэзія.

Этотъ ежедневный „дневникъ приключеній“ — *скорбные листы* Петербурга. Каждый его параграфъ — ударъ погребальнаго колокола, извѣщающій о чьей нибудь печальной, скоропостижной или неестественной смерти. Читайте этотъ отдѣлъ постоянно и вы увидите, какъ весело живется въ „блестящей“ столицѣ бѣдному, немущему люду.

Это веселье можно назвать — танцемъ смерти. Въ „скорбныхъ ли-

стахъ“ полицейскаго стилиста вы находите постоянно одни и тѣ же мотивы: тотъ повѣсился на шнурѣ отъ собственнаго креста, этотъ бросился въ воду, другой былъ убитъ своею женою, третій задумалъ жену и самъ перерѣзалъ себѣ горло и т. д. Вотъ каковы веселые мотивы этихъ „городскихъ приключеній“, ежедневно напоминающіе, что въ сторонѣ отъ праздно-шумящей толпы увеселительнаго Петербурга, есть еще особый темный міръ людей, которыхъ ощущенія гораздо сильнѣе и драматичнѣе, у которыхъ хандра и барскій сплинъ выражается бѣлой горячкой, а самоубійство является неизбѣжнымъ выходомъ изъ безъисходнаго положенія.

Да-съ, милостивые государи, „Полицейскія вѣдомости“ очень любопытная газета и ея литературное достоинство въ томъ и заключается, что она вовсе не литературна, хотя газета эта и редактируется въ настоящее время *литераторомъ* С. Максимовымъ.

Теперь отъ „скорбныхъ листовъ“ этой газеты я перейду къ лѣтней жизни Петербурга и представлю читателямъ выдержки изъ своего дачнаго дневника. На мрачныхъ мотивахъ нельзя долго останавливаться.

Говорить о Петербургѣ въ лѣтніе мѣсяцы значитъ говорить о его дачной жизни. На лѣто городъ пустѣеть... Нынѣшнимъ лѣтомъ въ душномъ и пыльномъ Петербургѣ жизнь въ особенности была невыносима; cadaго тянуло за городъ, въ лѣсъ, въ зелень и на вольный воздухъ. Съ невскимъ климатомъ случилось что-то такое особенное. Оттого-ли что надъ нимъ слишкомъ много смѣялись и бранили его, или отчего другого, только онъ совершенно переимѣнился. Петербургъ, такъ любящій все выписывать изъ-за границы, словно и лѣтнее солнце выписалъ если не изъ Италіи, то, по крайней мѣрѣ, изъ южной Франціи. Почти все лѣто городъ походилъ на громадную турецкую баню съ раскалившимися стѣнами и поломъ, гдѣ дышать было невозможно, а потому все почти

населеніе бѣжало въ его окрестности, съ ихъ великолѣпными парками, садами и дачными палисадниками. Нужно сказать правду: искусство произвело чудеса на тощей болотистой петербургской почвѣ. Окраины Петрограда изобилуютъ самою богатой растительностью, какой не встрѣтишь ни въ одномъ приволжскомъ городѣ. Петербуржець вполне умѣетъ цѣнить свою искусственную финскую природу съ ея густыми рощами и садами, и едва-ли раздѣляетъ мысль того мизантропа, который сказалъ, что деревья растутъ только для того, чтобъ люди на нихъ вѣшались.

Финская природа прогрессируется вмѣстѣ съ ея обитателями. Южный жаръ и чисто южныя, частыя грозы, разразившіяся впродолженіи нынѣшняго лѣта надъ невскою столицей, приводятъ въ смущеніе самыхъ древнихъ ея сторожиловъ.

Подите же, говорите теперь, „что наше сѣверное лѣто — карриатура южныхъ зимъ!..“

Ежедневно къ вечеру по царскосельской желѣзной дорогѣ длинныя поѣзды мчатся съ громаднымъ числомъ публики въ Павловскъ, гдѣ, при блестящемъ освѣщеніи воксала, по прежнему —

Страусъ „прыгаетъ какъ львица“, все тотъ же Іоганъ Страусъ, любимецъ Петербурга, о которомъ послѣ его отъѣзда Петербургъ долго вздыхалъ, слушая оркестръ Фюрстно. И вотъ теперь мы снова увидѣли любимаго капельмейстера на прежней эстрадѣ. Портретъ Страуса даже появился недавно въ „Иллюстраціи.“

Дѣятельность И. И. Излера тоже въ полномъ ходу. Излеръ въ исторіи загородныхъ развлеченій то же, что Краевскій въ литературѣ. Оба они равно знамениты; оба они умѣютъ угадывать и потакать слабостямъ публики. Краевскій только долженъ завидовать Излеру въ томъ, что канканеры послѣдняго лучше и талантливѣе доморощенныхъ канканеровъ „Голоса..“ Не даромъ же, — это мы читали въ С. Петер. Вѣдомостяхъ, — самъ Краевскій не такъ

давно сравнивалъ фельетоны своего собственнаго „Голоса“ съ домомъ терпимости.

Минеральныя воды Излера, по примѣру Павловска, освѣтились газомъ. Въ концертномъ залѣ развлекаетъ публику французская труппа пѣвцовъ и танцоровъ, которыхъ танцы и забавныя куплеты такъ возмущаютъ нѣкоторыхъ дряхлыхъ весталокъ нашей прессы. Предаваясь сами литературной проституціи, они почему-то приходятъ въ ужасъ отъ оперетокъ Оффенбаха и шалостей французскихъ пѣвицъ. Но И. И. Излеръ не слушаетъ журнальныхъ кликушъ и даже приступаетъ къ постройкѣ новаго большого театра для своей труппы.

Но Богъ съ ними, съ этими шумными гуляньями! Я дышу воздухомъ Лѣснаго института, гдѣ царитъ самая благодатная тишина. Лѣсной институтъ—это особый уголокъ около Петербурга, это особый городъ съ своими нравами и обычаями: въ немъ обитаетъ болѣе 20 тысячъ жителей. Въ Лѣсномъ бываютъ, какъ и вездѣ, музыкальные вечера, балы, даже постоянные спектакли, но все они имѣютъ характеръ чисто семейный, домашній, словно вы находитесь въ гостяхъ у какого нибудь разбогатѣвшаго богатаго буржуа, который угощаетъ васъ баломъ или доморощеннымъ спектаклемъ.

О, Петербуржцы! вы не правы
 Когда и лѣтомъ пужны вамъ
 Зимы веселья и забавы...
 Чѣмъ я вишкаю больше въ нравы
 Лѣсныхъ гражданъ, дѣтей и дамъ,
 Тѣмъ прилипаю больше сердцемъ
 Къ ихъ мирной жизни въ полу-снѣ,
 Къ балконамъ ихъ, садовымъ дверцамъ
 И къ соннымъ личьямъ въ оконѣ.
 Нѣтъ темы здѣсь водевилистамъ,

Нѣтъ петербургской суеты...
 Заглянешь въ прудъ и видишь ты,
 Что червяки лишь выются тамъ.
 Чтобъ быть прибѣжищемъ въ жары,
 Здѣсь ванны выстроены въ лужахъ,
 Здѣсь сплетни разныхъ дамъ досужихъ
 Язвятъ людей, какъ комары.
 Все любо мнѣ въ тѣнистомъ паркѣ,
 Гдѣ душны дни, гдѣ ночи жарки,
 Гдѣ наши дачники со сна
 Бредутъ подъ солнцемъ еле-еле,
 И гдѣ къ стволу сонливой ели
 Въ дремотѣ клонятся со сна,
 Гдѣ, прислонясь къ тельжкамъ дѣтскимъ,
 Подъ крики плачущихъ ребятъ,
 Сномъ непробуднымъ, сномъ мертвецкимъ
 На мягкомъ дернѣ няньки спятъ...
 Здѣсь что не дѣва, то невѣста,
 Что не невѣста, то не Веста.
 Благословенный уголокъ!
 Здѣсь человѣкъ—скорбей не знаетъ;
 Здѣсь Бороздинскій мснологъ,
 Когда въ театрѣ онъ играетъ,
 Рукоплесканья вызываетъ.
 Какъ взглядъ артистовъ здѣшнихъ новъ,
 По каждой видимъ мы піесѣ:
 Здѣсь Маннъ, освистанный въ Одессѣ,
 Даетъ своихъ «Говоруновъ»,
 Здѣсь дамы нѣтъ храбрѣй ихъ въ мірѣ—
 На лодкахъ плавая въ прудѣ,
 Гдѣ глубины вершка четыре,
 Боятся бури на водѣ.
 Здѣсь люди дружбу такъ познали,
 Что даже, сильно раскутись,
 Откусятъ носъ другъ другу въ залѣ
 И помирятся черезъ часъ,
 Забывъ о носѣ и скандалѣ.
 При видѣ книги хмурить лобъ
 Нашъ дачникъ,—книгъ здѣсь не читаетъ,

И четырехъ-колесный гробъ
Здѣсь «дилижансомъ» называютъ...

Однимъ словомъ, это новая Аркадія, находящаяся въ восьми верстахъ отъ развращеннаго Петербурга. Вкусъ аркадскихъ дачниковъ очень не взыскателенъ. Это всего замѣтнѣе по отношенію ихъ къ мѣстнымъ любительскимъ спектаклямъ.

Въ Лѣсномъ паркѣ, въ тихоновскомъ воксалѣ, существуетъ буфетъ; у этого буфета есть пристройка, нѣчто въ родѣ темнаго сарайчика и вотъ этотъ-то сарайчикъ и исполняетъ должность лѣтняго театра. Въ театрѣ духота невыносимая; кромѣ того въ немъ такъ темно, что едва можно различить, къ какому полу принадлежать участвующіе въ пьесѣ. Крошечная сцена изображаетъ изъ себя нѣчто очень комическое. Представьте себѣ, что на раскрытомъ ломберномъ столѣ разыгрывается пьеса въ пяти дѣйствіяхъ, состоящая изъ 15-ти дѣйствующихъ лицъ; вообразите, что играютъ до невозможности плохо и притомъ такія пьесы, какъ „Говоруны“ и „Всѣ мы жаждемъ любви!“ — и вы себѣ составите самое полное понятіе о нашихъ аркадскихъ спектакляхъ... И при всемъ томъ, этотъ театръ постоянно полонъ. Обливаясь потомъ и задыхаясь отъ духоты, публика высиживаетъ до полуночи въ этомъ драматическомъ сарайчикѣ, и умиляется, и хлопаешь, хлопаешь и умиляется...

Петербургская Аркадія, отличаясь цѣломудріемъ нравовъ, кромѣ того поражаетъ цѣлымъ рядомъ счастливыхъ семействъ, блистательно доказывающихъ, что семейныя начала вовсе не распатаны „на хладныхъ невскихъ берегахъ.“ Передъ вами — 20 тысячъ мужей и женъ всѣхъ возрастовъ, — отъ ранняго до двухсотлѣтняго, — влюбленныхъ другъ въ друга. Супружеское счастье выражается на лицахъ каждой гуляющей четы супруговъ... Съ балконовъ постоянно раздается ихъ нѣжное голубиное воркованіе... Жены со всей семьей, цѣлыми стадами сходятся въ обѣденный часъ къ конторѣ дилижансовъ встрѣчать голодныхъ супруговъ, возвращающихся изъ города. .

Если въ аллеяхъ парка вы встрѣтите мало интересныхъ дѣ-

виць, за то въ немъ попадаются почти на каждомъ шагу дамы „въ интересномъ положеніи.“ Съ каждой дачи несется немолчный крикъ ребятишекъ. У каждаго аркадскаго чиновника почти всегда столько же дѣтей, сколько пуговиць на его виць-мундирѣ... Не добрый ли это признакъ?..

Даже браки, состоящіе изъ *трехъ* лицъ, въ Лѣсной Аркадіи отличаются полнѣйшею гармоніею семейнаго мира и общаго довольства другъ-другомъ, и ихъ тройственность ничѣмъ не нарушается...

Только въ новой Аркадіи я понялъ и вполне оцѣнилъ, что вслѣдъ очагъ вообще, и семейный въ частности, держится крѣпко только на трехъ ножкахъ, на трехъ опорахъ...

Когда нибудь на эту тему
Я напишу особую поэму.

Затѣмъ—отправимся въ дальнѣйшій путь.

Попробуемъ изъ лѣтняго Петербурга перенестись въ лѣтнюю Москву.

Если читатель не захочетъ послѣдовать за нами по нашему способу передвиженія, то есть совершить эту повѣзду единымъ махомъ, то онъ можетъ мысленно потолкаться на дебаркадерѣ московской желѣзной дороги, мысленно взять для себя билетъ въ какомъ ему угодно классѣ, и затѣмъ, тоже мысленно испытать всѣ маленькія путевыя впечатлѣнія, безъ которыхъ не обходится ни одно путешествіе по какимъ бы то ни было отечественнымъ дорогамъ: желѣзнымъ, каменнымъ, и, наконецъ, такимъ, которымъ и имени даже нѣтъ, и попавши на которыя горемычному проѣзжающему только и остается, что ухватить себя за животъ и бока да и кричать подъ звонъ „дара Валдая“ во всю пасть: „караулъ!“ или, еще проще—выскочить изъ повозки и идти пѣшкомъ!

Такъ, въ этой мысленной поѣздѣ по московской желѣзной дорогѣ читатель, пожалуй, можетъ представить себѣ, какъ поѣздъ, съ которымъ онъ несется подобно вихрю—разумѣется, не очень быстрому—вдругъ сходитъ съ рельсовъ, какъ по этому случаю стоятъ ровно десять часовъ въ восхитительно-безлюдномъ полѣ, какъ потомъ трогаются, благодаря примѣрной распорядительности желѣзнодорожнаго начальства, прѣхавшаго по тому случаю за четыреста верстъ изъ Москвы, какъ при семъ получившіе легкіе ушибы и незначительные вывихи старательно сосчитываются, а, по приведеніи числа ихъ въ извѣстность, съ ближайшей станціи посылается заявленіе о семъ случаѣ въ газету „Голось“ для высшихъ сообщеній, и проч. проч. Тотъ же читатель и такъ же свободно можетъ представить себѣ, какъ онъ обѣдаетъ и ужинаетъ въ разныхъ воксалахъ желѣзной дороги, какъ онъ угощается тутъ такими жареными перепелками, которыя летятъ не въ ротъ, а изъ рта, какъ затѣмъ пьетъ чай и кофе, курить, спать, наконецъ заводитъ знакомство съ двумя непрерывно-икающими московскими купцами, съ тремя тамошними же знахарями, одной гадалкой на бобахъ и, пожалуй, даже съ самымъ *спеціальнымъ* „московскимъ адвокатомъ“ Ѳеодоромъ Ливановымъ *), и т. д. и т. д.

Но вотъ мы, положимъ, и въ Москвѣ. Что же мы тутъ будемъ дѣлать?

Прежде всего мы должны сказать, что намъ мало знакома эта древняя столица въ подробностяхъ ея лѣтняго положенія. Правда, мы знаемъ, что и тутъ есть свои Лѣсные, Парголовы, Черныя рѣчки, Заманиловки, Новыя деревни и проч., извѣстные подъ скромными именами Сокольниковъ, Останиныхъ, Давыдовыхъ, Петров-

*) Господинъ Ѳ. Ливановъ, авторъ захватской книги «Раскольники и острожники,» почему-то печатно называетъ себя «московскимъ адвокатомъ.» Мы, признаться, исполнены недоумѣнія, слыша сіе! Сколько намъ извѣстно, въ Москвѣ не существуетъ *своихъ*, московскихъ законовъ, охранять кои были бы призваны какіе-то спеціальные «московскіе адвокаты»; почему мы вольны полагать, что прозваніе сіе столь же легкомысленно, какъ и прозваніе «московская ворона», данное однимъ лакеемъ другому, въ сценѣ Гоголя «Лакейская».

скихъ-Разумовскихъ и проч.; знаемъ мы, что если захотѣтъ разводить какую-нибудь одуряющую скуку, то въ Давыдовѣ ее можно развести много безобразнѣе, чѣмъ даже въ самой Заманиловкѣ; знаемъ, что по сокольницкому парку покатываютъ такіе солидные купцы и на такихъ здоровыхъ мереняхъ, какихъ (т. е. мереньевъ) не отыскать не только на петербургскихъ дачахъ, но даже на всѣхъ биржахъ петербургскихъ ломовыхъ извозчиковъ; знаемъ, пожалуй, кое-что о тѣхъ маленькихъ баликахъ, которые даются въ Богородскомъ, на лужайкѣ подъ открытымъ небомъ и чуть не подъ ревъ пастушескихъ дудокъ; знаемъ, наконецъ... Но да простить намъ небо это маленькое хвастовство нашими маленькими знаніями, какъ, въ милосердіи своемъ, простило же оно когда-то г. Краевскому его изслѣдованіе о Борисѣ Годуновѣ, написанное уже положительно безъ всякихъ знаній.

Итакъ, оставивъ въ сторонѣ мало извѣстную намъ жизнь разныхъ подмосковныхъ Эльдорадо, мы остановимъ наше преимущественное вниманіе на самой Москвѣ, на той Москвѣ, центромъ которой почитается Кремль, а окружностью Большая Садовая улица, съ Камеръ-коллегскимъ и Коровымъ валами, Вшивой горкой и прочими многочисленными продолженіями этой улицы.

Чудныя явленія представляетъ эта коренная московская жизнь! еще недалеко, напримѣръ, то время—да и теперь, признаться, не миновало оно окончательно — когда мудрѣйшіе изъ московскихъ гражданъ, такъ сказать—столбы, чуть не лѣзли на кремлевскую стѣну, шарахаясь и пугаясь чудовищныхъ призраковъ разныхъ сепаратизмовъ, реализмовъ и нигилизмовъ; недалеко и то время, когда тѣ же мудрѣйшіе низко стлались по землѣ, отхватывая чудодѣйственнаго трепака, и горячо обнимались и лобызались съ нашими заатлантическими друзьями; наконецъ даже и теперь сжимается еще радостно сердце каждаго москвича при сладостномъ воспоминаніи о тѣхъ незабвенныхъ дняхъ, когда чуть не все именитое московское гражданство, уподобившись закоряженнымъ индюшкамъ, едва волочило ноги и въ какомъ-то сладостномъ полуснѣ и забвеніи чувствъ неустанно клехтало „слава“ и живіо.“ А мало ли подобныхъ событій пережила Москва! Мало ли у нея бы-

до и потрясающихъ радостей и не менѣе потрясающихъ печалей, подѣ влияніемъ которыхъ выработался настоящій московскій человекъ, этотъ заправскій всероссійскій философъ, „мужъ совѣта и разумнѣя“, нашъ доморощенный Киѳа Мокіевичъ.

Мы не будемъ указывать здѣсь на всѣ разновидности сказаннаго Киѳы, проявляющіяся въ различныхъ сферахъ московской жизни, и укажемъ лишь на литературнаго Киѳу, отъ времени до времени, высовывающаго свою мудрую голову, то въ томъ, то въ другомъ тамошнемъ органѣ. Теперь голова эта показалась въ „Современныхъ извѣстіяхъ:“ — послушаемъ, чѣмъ порадуется она насъ.

„Давно пора, — говоритъ мудрецъ, — обратить вниманіе на глубокое недоразумѣніе, которое отерывается между судомъ и врачами-экспертами каждый разъ, какъ заходитъ рѣчь объ умозступленіи. Сущность недоразумѣнія здѣсь въ томъ, что врача, при такихъ случаяхъ, спрашиваютъ въ качествѣ свѣдущаго человека о томъ, чего онъ знаетъ, на основаніи науки своей, не въ состояніи“.

Ну, вотъ и спасибо мудрецу; а то мы, признаться, думали, что сапожникъ въ сапогахъ, портной въ шитьѣ платья, а врачъ въ болѣзняхъ вполне компетентны, и что во избѣжаніе ошибокъ именно къ свѣдущимъ-то людямъ и слѣдуетъ обращаться за разрѣшеніемъ разныхъ недоумѣній. Теперь все это оказывается вздоромъ, какъ удумалъ московскій конфуцій.

Впрочемъ, послушаемъ дальше о тѣхъ соображеніяхъ, по которымъ врачъ оказывается некомпетентнымъ въ своемъ дѣлѣ.

„Психіатрія, — мудрствуетъ литературный Киѳа, — незаконная дочь терапіи. За то нигдѣ нѣтъ такой и путаницы, какъ въ этой „наукѣ объ умственномъ здоровьѣ.“ Теоретическое ея бытіе не можетъ быть оправдано, и если она явилась и выросла въ науку, то совсѣмъ не по требованіямъ системы, а въ угоду внѣшнимъ, не только *прикладнымъ*, но *накладнымъ*, а именно (слушайте, слушайте, ради Бога!) политическимъ требованіямъ.“

Господи! какъ же жестоко заблуждалась до сихъ поръ! Въ простотѣ ума и сердца, мы до послѣдняго времени думали, что сумасшедшаго сажаютъ въ домъ умалишенныхъ для того, чтобы пользоваться, лечить его тамъ на основаніи и по правиламъ науки

объ умственномъ здоровьи—психіатріи; теперь же все это оказывается вздоромъ, оказывается, что если и существуетъ подобная наука, то существуетъ она лишь какъ „незаконная дочь терапіи“, выросшая въ угоду внѣшнимъ, „и именно политическимъ требованіямъ“. Удивляемся, какіе всѣ мы были великіе простаки, когда думали, что разныя тамъ обливанья холодной водой и прочіе опыты леченья производятся надъ умалишенными съ единственной цѣлью—помочь больному;—по соображеніямъ московскаго философа все это вздоръ, ибо все это дѣлается въ силу извѣстныхъ политическихъ требованій; такъ что намъ теперь совершенно понятны жалобы гоголевскаго титулярнаго совѣтника Поприщина, указывавшаго на какія-то странныя притѣсненія въ сумасшедшемъ домѣ и писавшаго въ своихъ „Запискахъ“ о какихъ-то ужасныхъ истязаніяхъ, и даже палочныхъ ударахъ, претерпѣваемыхъ имъ отъ великаго инквизитора: это—какъ мы теперь понимаемъ, благодаря разъясненію „Современныхъ Извѣстій“—дѣлалось, должно быть, именно по внушенію той незаконной дочери, которая явилась и выросла, на пагубу человѣчеству, по какимъ-то политическимъ требованіямъ.

Хорошо также разъясненіе, почему врачъ не имѣетъ права называть сумасшедшаго сумасшедшимъ. Вотъ оно:

„Одинъ признакъ болѣзни — страданіе; если пациентъ самъ не въ состояніи высказать, объ этомъ можетъ заключить діагностика по аналогіи. Другой признакъ болѣзни—появленіе припадка или поврежденія, которыми несомнѣнно сокращается жизнь. Когда нѣтъ ни того, ни другого, онъ веселъ, онъ счастливъ, пищевареніе и органы всѣ въ исправности... И вы называете его *больнымъ*! Правда, *умственно* больнымъ, но все равно, вы не имѣете права.“

Не дурно бы было послушаться московскаго философа и выпустить изъ сумасшедшаго дома всѣхъ пациентовъ съ исправными органами и пищевареніемъ, веселыхъ и счастливыхъ:—посмотрѣли бы мы, какого деруна задасть онъ отъ нихъ и какъ бы во время этого побѣга онъ думалъ о томъ, что не имѣетъ права называть ихъ умственно больными!

Послѣ такихъ, исполненныхъ высочайшей мудрости, измышле-

ній, почтенный московскій философъ задаетъ себѣ вопросъ о томъ, какіе же вопросы могутъ быть предлагаемы доктору на судѣ?

„Но отвѣтъ на этотъ вопросъ, — отвѣчаетъ Кифа, — встрѣчается съ недоразумѣніемъ, еще болѣе глубокимъ, которое требуетъ новаго разъясненія“.

Съ особеннымъ нетерпѣніемъ ждемъ этого „новаго разъясненія“, которое, по случаю „глубокаго недоразумѣнія“, обѣщаетъ быть чѣмъ-то невѣроятнымъ!

Благотворительнымъ обществомъ для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ теперь почти никто не интересуется. Печальная дѣятельность этого филантропическаго бюро слишкомъ хорошо всѣмъ извѣстна, и нѣтъ надобности вновь говорить о томъ, о чемъ было говорено уже нѣсколько разъ прежде. Но въ отчеты этого общества все-таки не мѣшаетъ иногда заглядывать, хоть ради потѣхи. Если бы я издавалъ юмористическій журналъ, то всегда бы перепечатывалъ цѣликомъ эти курьезные отчеты съ приличными, разумѣется, комментаріями и поясненіями изъ канцелярскихъ тайнъ.

Господа писатели! Хотя вамъ очень хорошо извѣстны канцелярскіе порядки, проволочки и „справки“ этого благотворительнаго заведенія, но вы все-таки сейчасъ удивитесь, узнавъ о новой штуцѣ, выкинутой обществомъ литературнаго фонда. Такой удивительной штуки не придетъ никому въ голову, хотя бы эта голова украшала самое бюрократическое туловище. Въ отчетѣ одного изъ послѣднихъ лѣтнихъ засѣданій этого общества рассказывается такой случай.

Комитету общества было доложено прошеніе мужа одной писательницы, въ которомъ онъ объясняетъ, что жена его скончалась и проситъ о выдачѣ пособія на погребеніе ея тѣла.

Тогда навели въ комитетѣ справку. По справкѣ оказалось, что женѣ просителя не задолго до смерти было выдано *въ пособіе* сто рублей.

Затѣмъ опредѣлено (въ этомъ-то опредѣленіи и вся суть): „при-

нять мѣры къ полученію обратно высланныхъ денегъ, (?!) и ту сумму, которая будетъ возвращена, выдать просителю для покрытія издержекъ, которыя онъ понесъ на погребеніе своей супруги...“

Если бы я собственными глазами не читалъ этого печатнаго опредѣленія, то едва-ли бы повѣрилъ ему...

Что это такое? Шутка, мистификація или что нибудь другое? Внимайте въ это мудрое рѣшеніе литературныхъ благотворителей.

Писательница заболѣваетъ, ей выдаютъ пособіе. Она не умѣетъ оцѣнить этого благодѣянія, деньги растрчиваетъ и умираетъ. Писательницу не на что похоронить. Мужъ проситъ пособія на ея похороны. Что же отвѣчаетъ филантропическій ареопагъ? Онъ требуетъ назадъ деньги, выданныя покойницѣ при жизни, деретъ съ мертваго рубашку.

— Принесите, молю, обратно высланные нами деньги, а мы оставшуюся сумму выдадимъ вамъ на похороны вашей супруги.

Выходитъ, что изъ одного пособія они ухитряются дѣлать два; выходитъ, что они отнимаютъ то, что уже однажды дали, и отнятыя деньги вновь дарятъ просителю на саванъ.

Все это какое-то необъяснимое сплетеніе канцелярскихъ безсмыслицъ. Даютъ, отнимаютъ, потомъ вновь даютъ. Не лучше ли прямо отказать, чѣмъ такъ паясничать? Вѣдь, по всей вѣроятности, отъ пособія не осталось ни копѣйки, или, можетъ быть, остался одинъ четвертакъ. И вотъ „принимаютъ мѣры къ полученію обратно“ этого несчастнаго четвертака, а потомъ снова вручаютъ его просителю на похороны русской писательницы.

Не жестокіе-ли юмористы наши литературные благодѣтели, которые такъ непристойно забавляются даже въ виду печальнаго поѣзда, отправляющагося на кладбище...

Благотворители и—канцелярскіе шутники!!..

Какъ извѣстно, Иванъ Александровичъ Хлестаковъ былъ поэтомъ самого необузданнаго завиранья, но сильно ошибаются тѣ,

которые общимъ именемъ Хлестаковыхъ называютъ творцовъ холодной, сознательной лжи, лгуновъ по расчету, по ремеслу. Кто такъ думаетъ, тотъ не понимаетъ Хлестакова. Иванъ Александровичъ художникъ своего вранья; онъ имъ увлекается, самъ начинаетъ вѣрить въ то, чего никогда не было.

Самъ не знаю я, что буду
Итъ, но только иѣсня зрѣтъ—

можетъ воскликнуть онъ съ г. Фетомъ. Лганье у Хлестакова—его вдохновеніе, а не удочка, не ловушка.

Одного изъ нашихъ соотечественниковъ, а именно г. Кельсіева гдѣ-то въ печати совершенно несправедливо обвиняли въ хлестаковщинѣ — по поводу его книги „Пережитое и передуманное“. Хлестаковскаго вдохновенія итъ въ его книженкѣ, написанной чисто съ спекулятивною цѣлью. Эта книга—реклама о самомъ себѣ, реклама холодная, *сочиненная* и сочиненная при этомъ далеко не искусно.

Когда явилась книга „*Пережитое и передуманное*“, то ея содержаніе прежде всего доказало, что г. Кельсіевъ въ своей жизни передумалъ очень мало. Въ настоящее время оказывается, что г. Кельсіевъ не только ничего не передумалъ, но даже „не переживалъ“ многого изъ того, о чемъ заявляетъ въ своихъ воспоминаніяхъ. Воспоминанія эти онъ сочинилъ, какъ сочиняется всякій романъ или повѣсть.

Прозвонилъ, напр., г. Кельсіевъ о томъ, что онъ въ Тульчѣ былъ атаманомъ (казакъ-баши) некрасовцевъ, ну, и прекрасно, всѣ на слово повѣрили ему въ томъ, что онъ дѣйствительно былъ казаконъ-баши. Чтожъ тутъ мудренаго! Можно не вѣрить въ литературныя и гражданскія доблести писателя, но если онъ печатаетъ свою автобіографію, то какъ-то неловко заподозривать его въ неправдѣ, хотя бы такой писатель даже назывался Кельсіевымъ. Однако, за такую довѣрчивость насъ наказываетъ писатель, называющій себя Кельсіевымъ. Разумѣется, отечество ничего не теряетъ и не выигрываетъ отъ того, былъ ли такой русскій авантюристъ атаманомъ некрасовцевъ или не былъ, и всѣмъ намъ до этого очень

мало дѣла. Забавенъ и жалокъ дѣлается только тотъ, кто печатно приписываетъ себѣ званія и роли, никогда ему не принадлежащія.

Кельсіева недавно изобличили и изобличили дѣ „Голосъ“, гдѣ онъ былъ постояннымъ сотрудникомъ, гдѣ появлялись его полу-фантастическія воспоминанія. Мы узнаемъ отъ константинопольскаго корреспондента „Голоса“, что атаманство г. Кельсіева настолько же справедливо, какъ справедливо то, что А. А. Краевскій былъ китайскимъ мандариномъ. Корреспондентъ „Голоса“ спрашивалъ одного честнаго стараго некрасовца С. О. Гончара о Кельсіевѣ, и говорилъ о его книгѣ. Вотъ что отвѣчалъ некрасовецъ:

— „ Читалъ я, батюшка, эту книгу, читалъ, и удивляюсь какъ это можно пустяки говорить, когда издалека приходятъ. *Никогда онъ не былъ у насъ казакъ-башы, никогда!* пріѣзжалъ въ Тульчу дѣтей у насъ учить по-русски, *да не выучилъ.* Какія-то красныя рубашки намъ нашивалъ, да не въ прокъ пошли...“

Вотъ вамъ и атаманъ некрасовцевъ!

По одному этому образчику можно судить о томъ, какъ добросовѣстно написана вся книга „*Пережитое и передуманное*“. Автору ея остается только сдѣлаться красивѣе тѣхъ красныхъ рубашекъ, которыми онъ ознаменовалъ свою дѣятельность въ Тульчѣ.

Нѣтъ, ужъ это не хлестаковщина, господа, это что-то другое... Только во «Всемирномъ Трудѣ» и возможны дѣятели, подобные г. Кельсіеву, ибо для „Всемирнаго Труда“—все возможно.

Будущій историкъ литературы съ изумленіемъ остановится на этомъ толкучемъ рынкѣ макалатурныхъ листовъ, выходящихъ изъ типографіи доктора Хана. Что подумаетъ этотъ историкъ о нашемъ прогрессивномъ времени, когда общество выносило существованіе такихъ журналовъ, на изданіе которыхъ неспособны даже спекуляторы въ родѣ г.г. Генкеля и Стелловскаго.

„Всемирный трудъ“ не только не журналъ, но даже не сборникъ, потому что даже у всякаго сборника есть своя цѣль, направленіе, свой общій планъ, при которомъ онъ составлялся... Одна смѣсь именъ авторовъ въ Вс. Трудѣ чего стоитъ! Петръ Боборыкинъ и Петръ Мартяновъ, Петръ Баратыгинъ и... Мордовцевъ, Вик.

Гюго и... Загуляевъ... Этотъ послѣдній сочиняетъ въ Вс. Трудѣ ретроградно-затхлыя хроники и пишетъ статьи о Анахарсисѣ Клотцѣ и эксцентрикахъ революціонной идеи. Загуляевъ пишетъ о А. Клотцѣ!... Собразите вы только это, если имѣете понятіе о томъ и о другомъ!..

Посмотрите далѣе: редакція В. Т. помѣщаетъ у себя въ переводѣ послѣдній романъ В. Гюго, и въ той же книжкѣ, рядомъ съ нимъ какой-то П. Каратыгинъ пишетъ отвратительную и бездарную пародію на Сибюшагося человѣка.

Докторъ Ханъ въ примѣчаніи къ переведенному роману называетъ его „художественнымъ и чрезвычайно замѣчательнымъ произведеніемъ великаго автора“, а П. Каратыгинъ пишетъ: *L'Homme qui rit*, по моему мнѣнію, *великолѣпнѣйшая дичь, иллимація, чепуха...*“

Такъ на Руси издаются журналы!.. Члены одной и той же редакціи въ одно и тоже время восторгаются и площадно ругаютъ одинъ и тотъ же романъ.

Мы понимаемъ, что можно все и всѣхъ пародировать, и В. Гюго въ томъ числѣ. Но пародія во 1-хъ не ругательство, во 2-хъ, чтобъ пародировать извѣстное произведеніе, нужно имѣть для этого дарованіе, а не одну способность бумажнаго пачкуна, нужно для этого не быть прежде всего П. Каратыгинымъ... Къ сожалѣнію, какъ всѣ крошечныя бездарности, сей П. Каратыгинъ о себѣ очень высокаго мнѣнія. Упорствуя въ своемъ взглядѣ на *иллимацію* *L'homme qui rit*, онъ сравниваетъ себя съ Галилеемъ и восклицаетъ, какъ онъ: *Errur'si muove!*.. Это восклицаніе подходитъ къ г. Каратыгину только въ томъ смыслѣ, что онъ дѣйствительно долженъ чувствовать круженіе земли подъ своими ногами, долженъ сознавать, что она выскальзываетъ изъ подъ него...

„Голосу“ не понравилось напечатанное письмо Бѣлинскаго къ друзьямъ. Еще бы!.. „Голосъ“ пишетъ по этому поводу цѣлую

статью, гдѣ говорить, что „мы (кто это мы?) никогда не благоговѣли передъ Бѣлинскимъ, какъ передъ человѣкомъ“, и толкуеть даже о „*помраченіи разсудка*“ Бѣлинскаго. Въ заключеніе „Голосъ“ сомнѣвается въ подлинности письма Бѣлинскаго и предполагаетъ, что сами петербургскіе друзья уснастили его своими собственными вставками.

Въ настоящее время, увы! „Голосу“ нельзя даже опираться и на такія предположенія, потому что г. В. Боткинъ печатно заявилъ подлинность письма Бѣлинскаго, которое, по его словамъ, дѣйствительно было писано къ нему, Боткину. Что скажетъ теперь А. А. Краевскій? Въ подлинности письма Бѣлинскаго нельзя уже болѣе сомнѣваться теперь; приходится его объяснять однимъ только „*помраченіемъ разсудка*“ Бѣлинскаго. Есть, впрочемъ, еще одинъ выходъ.

А. А. Краевскій можетъ прибѣгнуть къ такому кунштуку: заявить въ „Голосѣ“, что Бѣлинскаго никогда вовсе и на свѣтѣ не было, и что всѣ статьи подъ этой фамиліей выходили изъ подъ пера самого Краевскаго... Это не совсѣмъ правдоподобно, но мы знаемъ, что въ нашей журналистикѣ и особенно въ ея полемикахъ, правда—дѣло второстепенное, даже и у степенныхъ журналистовъ.

Но, постойте, господа! А. А. Краевскій и безъ такого заявленія достоинъ всеобщаго вниманія и удивленія, а почему — я это сейчасъ объясню.

Мы очень хорошо знаемъ, что всѣ статьи, которыя появляются въ газетѣ безъ подписи, принадлежать самой редакціи. Такимъ образомъ, читая въ „Голосѣ“ безъимянную статью о Бѣлинскомъ, никто не сомнѣвался, что она писана самимъ ея редакторомъ т. е. А. Краевскимъ. Въ скоромъ времени послѣ этой статьи въ „Голосѣ“ появилась другая статья подъ названіемъ: „*Воспоминаніе о В. К. Тредьяковскомъ*“. Статья эта тоже безъ подписи. Самая заголовка статьи (*воспоминаніе*) ясно доказываетъ, что она писана лицомъ, знавшимъ знаменитаго поэта; въ противномъ случаѣ, статья была бы названа не „воспоминаніемъ“, а біографическимъ очеркомъ или какъ нибудь иначе. Такимъ образомъ, какъ воспоминанія о Бѣлинскомъ, такъ и воспоминанія о Тредьяков-

своѣмъ мы прямо приписываемъ А. А. Краевскому. Посмотрите же, однако, какое любопытное явленіе: 6-го августа текущаго года миновало ровно *сто лѣтъ* со смерти перваго русскаго профессора злоквенціи. Сколько же лѣтъ автору воспоминаній о немъ, если авторъ зналъ поэта въ самый разгаръ его дѣятельности? По нашему расчету выходитъ болѣе 150 лѣтъ... Если редакторъ „Голоса“ дожилъ до такой почтенной старости, то мы всѣ должны смотрѣть на него съ благоговѣніемъ, какъ на рѣдкій примѣръ литературнаго безсмертія.

Не найти нигдѣ таковаго
Долголѣтъя исполинскаго!
Былъ онъ другомъ Тредьяковскаго
И пріятелемъ—Бѣлинскаго.

У меня есть два любопытныхъ поэта и я не знаю, которому изъ нихъ отдать преимущество—П. Мартьянову-ли или Н. Пушкареву? Каждый хорошъ въ своемъ родѣ. Первый—очень миролюбивъ и въ контору „Всемирнаго Труда“ съзываетъ всѣхъ славянъ для соединенія; второй—враченъ и все сердится такимъ образомъ:

Я грозою на злыхъ налечу
И сатирой, *забрызганной кровью*,
Въ нихъ отважно *швырнуть* захочу...

П. Мартьяновъ не любитъ *швырять* въ публику сатиры своихъ, а потому у него стихи благозвучнѣе, а потому у него не попадается такихъ строчекъ, какъ у г. Пушкарева:

Какъ бы ни были души въ васъ грязны,
Какъ ни въплся-бы въ васъ порчи недугъ—

или еще:—

Ваши фразы о свободѣ
Позывъ къ злости (!) производятъ...

Относительно взгляда на женщинъ оба стихотворца тоже расходятся. Н. Пушкаревъ швыряетъ въ нихъ сатирами, „обрызганны-

ми кровью“, за то, что женщины любят танцевать, а г. Мартыновъ, напротивъ, сердится на женщинъ за то, что его въ губы прямо не цѣлуютъ, а допускаютъ только къ ручкѣ, и обычай этотъ такъ галантерейно объясняютъ:

Отъ мозолей, понятная вещь, берегутъ
Губки дивныя эти созданья—

и печатно признается въ своихъ Амалать-Бекскихъ страстяхъ и наклонностяхъ:

Что здоровье мнѣ, тѣло! мнѣ жизнь не почему!
Пусть съ огнемъ только женушка любить...

Но при всей видимой разницѣ между этими современными стихотворцами, подчасъ они удивительно родственны между собой, такъ что не различишь, гдѣ начинается Мартыновъ и гдѣ кончается Пушкиревъ. Пишутъ они, напримѣръ, стихи на совершенно разные мотивы, а кажется, что вы читаете стихотворные рапорты одного и того же царнасскаго стиходѣйца...

Мартыновъ рапортуетъ:

Есть у каждаго дѣло текущаго дня,
Спеціальное, личное, частное,
Дѣло цѣлямъ извѣстнымъ причастное,
А мое ретивое несчастное
„Замолчи!“ убѣждаетъ меня.

А г. Пушкиревъ продолжаетъ:

Я-бъ и радъ замолчать, *да душа не брешю* (!?)
Какъ молчать, видя грязь вопіющую?
Какъ молчать, если сердце полно
Местью правою, къ дѣлу зовущую...

Согласитесь, что оба куплета точно однимъ перомъ написаны...

Анонимъ.

XIII. СЪ НЕВСКАГО ВЕРЕГА. (Общественный и литературный листокъ.) . . . . . АНОНИМА.

Беседа съ провинціалами о многихъ сторонахъ петербургской жизни.—Лицо и изванка невской столицы.—Новые типы цивилизованнаго подъячяго и ростовщика.—Образчикъ «ходатая по дѣламъ въ лицѣ г. Дуракова.—Лѣто в дачная жизнь.—Дачный дневникъ.—Нѣсколько словъ о Москвѣ и о мудрости «Современныхъ издѣстій».—Оригинальное постановленіе комитета литературнаго фонда.—Нѣтъ о хлестковщинахъ, Кельсievъ и «Всемирномъ трудѣ» съ его сподвижниками.—О горестномъ положеніи редактора «Голоса» и о замѣчательномъ приѣмѣ литературнаго долгодѣтія.—Два представителя современной поэзіи.

ПРИ ГЛАВНОЙ КОНТОРѢ ЖУРНАЛА

«ДѢЛО»

продаются слѣдующія изданія:

Популярная гигиена. Настольная книга для сохраненія здоровья и рабочей силы въ средѣ народа. Соч. Карла Реклама. Съ рисунками. Ц. 2 руб., съ пересылкой 2 р. 30 к.

Одинъ въ полѣ—не воинъ. Романъ Фр. Шпильгагена. Два тома около 70-ти печатн. листовъ. Цѣна безъ перес. 2 р. съ перес. 2 р. 30 к.

Уроки элементарной физиологіи. Т. Гексли. Изд. второе. Перев. съ англійскаго съ предисловіемъ Д. И. Писарева. Около 100 рисунковъ. Ц. безъ перес. 1 р. съ перес. 1 р. 20 к.

Исторія крестьянской войны въ Германіи. В. Циммермана, составл. по лѣтописямъ и разсказамъ очевидцевъ. Переводъ съ нѣмецкаго. Три выпуска, составл. болѣе 70-ти печ. листовъ. Ц. тремъ выпускамъ безъ перес. 3 р. съ перес. 3 р. 50 к.

Отъ земли до луны. Ж. Верна. Перев. съ французскаго. Ц. безъ перес. 1 р. съ перес. 1 20 к.

Подписчикамъ на журналъ «Дѣло» уступается 20% съ вышеозначенныхъ цѣнъ.

ПОДПИСКА НА ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЬ

„Д Ъ Л О“

ВЪ 1869 ГОДУ

принимается въ С.-Петербургѣ, въ Главной
конторѣ редакціи, въ Троицкомъ переул.,
домъ Гассе № 13, и у книгопродавцевъ:

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ:

Въ книжномъ магазинѣ М. О. Воль-
ел, въ Гостинномъ дворѣ, № 18, 19 и
20.

ВЪ МОСКВѢ:

Въ книжномъ магазинѣ А. Г. Со-
ловьева бывш. Базунова на Стра-
стномъ бульварѣ, въ д. Алексѣева.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

На годъ.

Безъ пересылки и доставки	13 р. 50 к.
Съ пересылкою	16 „
Съ доставкою въ Петербургѣ	15 „

На полгода:

Безъ пересылки и доставки	7 р.
Съ пересылкою	8 р. 50 к.
Съ доставкою въ Петербургѣ	8 р.

*Для служащихъ дѣлается разсрочка, но не иначе какъ за
поручительствомъ и. казначеевъ.*

Редакторъ Н. Шульгинъ.

